

Уильям Манчестер Убийство Президента Кеннеди

OCR Леонид: klimlib@mail.ru <http://www.aldebaran.ru/>
«Убийство Президента Кеннеди»: Прогресс; Москва; 1969
Оригинал: William Manchester, "The Death of a President"
Перевод: Т. Ю. Мамедова, М. И. Панкрашова

Аннотация

В книге читатель найдет обширный и ярко изложенный документальный материал, раскрывающий события кануна 22 ноября 1963 года, историю убийства Джона Ф. Кеннеди, а также описание похорон Кеннеди и событий, происходивших в те дни за кулисами официальной политической жизни.

Уильям Манчестер Убийство Президента Кеннеди

О КНИГЕ УИЛЬЯМА МАНЧЕСТЕРА (От издательства)

22 ноября 1963 года выстрелом из винтовки с оптическим прицелом с чердака склада школьных учебников в городе Далласе был убит 35-й президент Соединенных Штатов Америки Джон Фитцджеральд Кеннеди. Пуля, посланная убийцей, не только смертельно ранила президента, но и нанесла чувствительный удар по многим элементам созданной буржуазными идеологами лживой легенды о несравненных достоинствах «американской демократии». В веренице событий, непосредственно предшествовавших убийству в Далласе и последовавших за ним, перед миром отчетливо раскрылись некоторые из неизлечимых язв, присущих общественной жизни самого крупного империалистического государства. Обнажилось много такого, что непосвященные в тайны буржуазной политики рядовые граждане, в том числе и в самих США, считали до той поры вообще невероятным. Что-то надо было сказать всем, в том числе и потрясенным американцам.

Когда прошел первый шок, в прессе, вслед за сбивчивыми и путаными телеграммами и комментариями, появились статьи. В них были сделана попытка проанализировать происшедшее. Общим для большинства авторов этих статей было стремление доказать, что

президента убил одиночка-маньяк. Потом были опубликованы более глубокие статьи. В них вполголоса зазвучали другие ноты — о больном американском обществе. Затем вышли и свет и книги. Одной из первых, была книга Уильяма Манчестера. Она явилась по воле не только автора, но и семьи покойного президента. В начале 1964 года вдова Джона Ф. Кеннеди, Жаклин, от имени семейства Кеннеди предложила Манчестеру написать эту книгу. Брат президента, Роберт Кеннеди, занимавший пост министра юстиции, подписал с Уильямом Манчестером соглашение. Автор взял на себя обязательство к 1968 году написать книгу. Был улажен и финансовый вопрос. Стороны решили, что весь гонорар от книги — он составил впоследствии 5 миллионов долларов — поступит в фонд библиотеки имени Кеннеди, а за публикацию отрывков в журналах «Лайф» и «Лук» деньги получил автор. Гонорар Манчестера составил 665 тысяч долларов.

Свои обязательства Уильям Манчестер выполнил несколько раньше предусмотренного срока в 1967 году. Книга уже переведена на многие языки и вышла во многих странах. Теперь ее получает и советский читатель.

В книге Манчестера читатель найдет обширный и ярко изложенный документальный материал, раскрывающий события кануна *22 ноября 1963 года*, историю убийства Джона Ф. Кеннеди, а также описания похорон Кеннеди и событий, происходивших в те дни за кулисами официальной политической жизни Америки. Автор пытается стараться быть точным и подкрепляет свои выводы, заключения, сообщения множеством свидетельств. Со скрупулезностью следователя Манчестер собирал эти материалы длительное время, проявил необычайную изворотливость и ловкость настоящего американского журналиста. Однако не только в этот сокращенный вариант книги, но и в ее полный текст вошла лишь небольшая часть добытых Манчестером материалов. Всего они составляют 18 томов, содержащих записи интервью, и 27 досье с документами. Манчестер оговорил, что «эти материалы будут открыты для ученых после смерти всех прямых потомков Джона Фитцджеральда Кеннеди, которые жили во время его убийства».

Конечно, автор остается верен своему классу, которому преданно служит. И это особенно заметно в его стремлении всячески идеализировать покойного президента Соединенных Штатов Америки и его политику. Разумеется, Джон Фитцджеральд Кеннеди был государственным деятелем, который проявил известное понимание того сложного времени, в которое мы живем, определенный реализм в подходе к некоторым важным проблемам внутренней и внешней политики США. С этим связано и определенное понимание роли и значения Советского Союза в международной жизни и некоторые шаги, предпринятые Кеннеди и направленные на улучшение отношений с СССР.

Джон Ф. Кеннеди попытался осуществить некоторые преобразования внутри своей страны, которые должны были ослабить антагонизм между белыми и негритянским населением, а также провести некоторые другие реформы. Поэтому он оказался неуютным махровой американской реакции и был убит. Но Кеннеди всегда был сыном и слугой крупной буржуазии США, к которой он принадлежал и сам. Нельзя ни в коем случае забывать, что именно при Джоне Кеннеди преступная американская агрессия во Вьетнаме приняла широкий размах. При Кеннеди была осуществлена попытка вооруженной интервенции на Кубе. Кеннеди заигрывал о реваншистской Западной Германией, и в годы его президентства Западная Германия превращалась во все более тесного союзника Соединенных Штатов Америки, стала играть еще большую роль в агрессивном Атлантическом блоке.

Таковы факты, которые нельзя забывать, и на их фоне идеализация Кеннеди и его политики, которой отдает большую дань автор книги, выглядит особенно неоправданной.

Читатели, несомненно, обратят внимание, что Уильям Манчестер, как и другие американские авторы, всячески пытается подчеркнуть, что президента убил одиночка-маньяк. Однако, как правильно заметил в свое время Мартин Лютер Кинг, «важнее выяснить, не кто убил, а что убило Джона Ф. Кеннеди». Суровая правда фактов, которыми владеет автор, берет верх, и Уильям Манчестер то и дело вынужден отказываться от версии об убийце-одиночке и, в сущности, признавать и даже убедительно показывать, что убийство Кеннеди явилось прямым порождением той атмосферы звериной ненависти ко всему сколько-нибудь здоровому и прогрессивному, которая создана в общественной жизни современной Америки. И отнюдь не

случайно, а вполне закономерно местом гибели Джона Кеннеди явился именно Даллас — центр «деловой жизни» Техаса, где разгул империалистической реакции стал особенно безудержным в результате преступного стопора оголтелых расистов, за спиной которых действовали и действуют крупнейшие миллиардеры, тесно связанные с военной машиной США.

Убийство Джона Кеннеди и связанные с ним события, а затем расправа с лидером движения за свободу американских негров Мартином Лютером Кингом и убийство сенатора Роберта Кеннеди бросили яркий свет на гибельные процессы, происходящие в недрах американского общества: гангстеризм, коррупцию, расизм, преступный авантюризм в политике. Мы, разумеется, знаем, что есть и другая, трудовая Америка, борющаяся против всех этих пороков, против расизма, против преступной войны во Вьетнаме. Ей принадлежит будущее. Но, к сожалению, не прогрессивная Америка определяет сегодня внешнюю и внутреннюю политику США.

Убийство 35-го президента Соединенных Штатов Америки показало всему миру, что нынешнее американское общество, по определению самих же американцев, является больным обществом. Убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди с еще большей силой подтвердили эту истину. Они как бы дописывают книгу Уильяма Манчестера, создают еще одну ее главу.

Значения книги Уильяма Манчестера и том и состоит, что объективно она служит делу разоблачения больного американского общества.

Пролог НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА В ТЕХАС

Джона Кеннеди и Линдона Джонсона при всем различии их характеров и образов жизни объединяла одна всепоглощающая страсть — страсть к политической борьбе. Именно внутривластная борьба заставила президента и вице-президента отправиться поздней осенью 1963 года: за тысячу миль от Вашингтона — в самую глубь штата Техас. Они были вынуждены ехать туда, потому что междоусобная борьба раздирала там демократическую партию. Губернатор Техаса Джон Коннэли и сенатор от этого штата Ральф Ярборо были на ножах. В 1960 году на президентских выборах Кеннеди и Джонсон получили в Техасе ничтожное большинство — 46 233 голоса. Было ясно, что, если губернатор и сенатор этого штата не придут в ближайшем будущем к соглашению, демократическая партия не будет иметь здесь никаких шансов на успех на президентских выборах осенью 1964 года. Ни одна партия не может позволить себе потерять 25 голосов выборщиков, поэтому Кеннеди и Джонсон отправились в Техас, чтобы выправить положение. Они должны были привлечь к своей поездке внимание широкой публики. Коннэли и Ярборо, как будто примирившиеся, должны были сопровождать Кеннеди и Джонсона во время посещения ими нити крупнейших городов Техаса. Кульминационным пунктом поездки должен был стать визит президента на ранчо Джонсона, где тот предложил бы гостю отведать блюда своей семейной кухни.

Значительно позже Джонсон очень осторожно выскажется и том смысле, что он «обсуждал вопрос о политическом положении в Техасе» с президентом. Речь шла, однако, не только об атом. Хотя Кеннеди и любил принимать участие и предвыборной борьбе, время для нее было неподходящим. К тому же вначале он и не видел необходимости для своего вмешательства: в конце концов Техас — штат с одно-звездным флагом — был сферой влияния вице-президента. В 1960 году он блестяще провел там избирательную кампанию. Как профессиональный политик, Кеннеди, однако, реально оценил создавшееся критическое положение и решил все-таки ехать. Но решение это ни принял неохотно, полагал, что Джонсон сам должен был бы уладить эту мелкую ссору. Кеннеди считал, что эту поездку ему навязывают.

Разве скажешь президенту, облеченному всей полнотой власти, что его вице-президент фактически утратил всякое влияние в своем штате? Вряд ли. Он по-прежнему был и только усмотрел бы тут желание уйти от ответственности. Джонсон с молодых лет привык преодолевать трудности. Но сейчас он столкнулся с действительно сложной проблемой,

частично связанной с его положением политического деятеля. Джонсон, подобно Кеннеди в Ноной Англии, появился на политической арене весьма своеобразно. Охотник за голосами, как и другие, он тем не менее не скрывал, что не сочувствует людям, которые догматически подходят к решению сложных проблем. В этой умеренности и заключался секрет его успеха у избирателей, которого он добился, однако, ценой потери влияния среди партийного аппарата демократической партии. Придерживаясь середины, он не смог завоевать глубоких симпатий ни у либерального, ни у консервативного крыла партии, считавших его поэтому чужаком. Но, ирония судьбы, дилемма, стоявшая перед Джонсоном и ату неделю, возникла прежде всего как следствие победы демократом во время президентских выборов в 1960 году над республиканскими кандидатами Ричардом Никсоном и Генри Кэботом Лоджем. Кеннеди, недавно избранный сенатор от штата Массачусетс, шагнул вверх, став президентом. Джонсон, прежде влиятельнейший лидер сенатского большинства, тоже сделал шаг, став вице-президентом. Но это не был шаг вверх. Пост, который ему достался, был малопонятным. В течение ста семидесяти четырех лет, прошедших со времени вступления в должность первого президента США, американский народ проявлял полнейшее безразличия к тем, кто служил опорой главы исполнительной власти. Лишь один человек из миллиона знал, например, что в 1845 — 1849 годах вице-президентом США был человек по имени Даллас. Все единодушно сходились на том, что лица, занимавшие следующий после президента выборный пост, пользовались лишь внешним почетом, но только сами вице-президенты знали, как мало этот пост означал в действительности. Один остряк писал: «Быть вице-президентом — не преступление, но своего рода порок, вроде сочинения анонимных писем».

Слово «анонимный», к сожалению, довольно близко к истине. Джонсон обнаружил, что он дублер без роли. Политически он был равен почти нулю, не имея основы, на которую можно опереться. Некоторые конгрессмены имели большее влияние. У лиц, опирающихся лишь на избирательные округа, всегда найдется кое-что для своих сторонников. Но единственные блага, которые может дать другим вице-президент, — это то, которые дает ему президент. Право раздавать должности в награду за лояльность это источник силы всякого лица, занимающего высокий государственный пост в США. Джонсон, который был ранее полон сил, теперь стал анемичным. Чтобы добыть место федерального судьи одному из своих самых верных сторонников в Техасе Саре Т. Хьюз, он должен был преодолеть серьезное сопротивление как в самом правительстве, так и вне его. Дело в том, что возраст ее оказался выше предельного, установленного для назначения на судебские должности. По этой причине Американская судебная коллегия отклонила ее кандидатуру. Вице-президент выступил с претензией на право раздачи половины мест, полагавшихся Ральфу Ярборо как сенатору. Он мотивировал это тем, что его бывшие избиратели в Техасе продолжают считать его старшим сенатором от своего штата. Кеннеди проявил понимание: Джонсону было сказано, что он может располагать половиной должностей штата и назначать в Техасе судей, таможенных чиновников и служащих пограничной охраны, если Ярборо не будет иметь возражений против кандидатур. На Коннэли, бывшего протеже Джонсона, это не произвело впечатления, а Ярборо, конечно, был взбешен.

Таким образом, проблемы, стоявшие перед вице-президентом, не были созданы им самим. Как сказал бы ему любой из тридцати шести его предшественников, они были связаны с постом, который он занимал, и возникли имеет с историей штата Техас. Кеннеди безосновательно рассчитывал на то, что Джонсон сохранит свое сильное влияние на сенат. Речь шла о чем-то большем, нежели простое поддержание контактов. Специальный помощник президента по связи с конгрессом Лэрри О'Брайен обеспечивал эти контакты в таком масштабе, что их хватило бы на весь афро-азиатский блок. По сути дела, глава правительства хотел иметь вице-президента, который действовал бы так, как если он все еще был лидером большинства в сенате. Но этого не могло быть. Первое время после прихода Кеннеди к власти в журналистских кругах Вашингтона считали, что этот замысел удастся осуществить. Но он провалился, хотя никто и не был виноват в этом, как позднее убедился сам президент.

Корреспонденты газет также проглотили миф об увеличении значения поста вице-президента — миф, унаследованный от предыдущего правительства, при котором он также был фикцией.

Расстояние между элегантным Овальным кабинетом президента в западном крыле Белого

дома и кабинетом вице-президента в комнате № 274 в здании канцелярии президента, что находится напротив, через Уэст Икзекутив-авеню, можно пройти за несколько минут. И все же в известном смысле между ними — непроходимая пропасть. Журналисты следят за каждым движением семьи президента, а на семью вице-президента почти не обращают внимания. В предместье Далласа молодая русская иммигрантка Марина Освальд никогда не слышала имени Линдона Джонсона, а в Вашингтоне интерес к нему, как к знаменитости, был так мал, что его домашний телефон (а он имел право только на один аппарат телефонной сети Белого дома) был указан в обычном справочнике для абонентов.

Жена вице-президента никогда не была внутри «боинг-707» с хвостовым номером 26000 — знаменитого самолета президента, который значился у секретной службы под кодовым названием «Ангел», а обычно именовался «ВВС-1». Самолет, бывший в распоряжении Джонсона во время его официальных поездок, журналисты окрестили «ВВС-2», а секретная служба называла «Ангел № 2». В действительности же такого самолета не существовало в природе, ибо вице-президент не имел в своем распоряжении постоянного правительственного самолета. «Боинг № 26000» был флагманом эскадрильи, принадлежавшей еще три самолета «боинг-707» с хвостовыми номерами 86970, 86971 и 86972 для важных поездок.

Если Джонсону требовался один из них для официальных целей, он должен был обратиться к адъютанту президента по вопросам авиации бригадному генералу Годфри Макхью. Иногда он получал отказ.

Короче говоря, Линдон Джонсон был пленником своего поста. Джон Кеннеди, никогда не бывавший на этом незавидном месте, не имел представления о его убожестве. Незнакомый с деталями, Кеннеди тем не менее понимал, что пост вице-президента — «жалкая должность», как он выразился однажды в частной беседе, и всячески старался оказывать знаки уважения Джонсону, придумывая для него поручения. Кеннеди даже пересмотрел ради него протокол Белого дома. Так, например, в случаях, когда на официальных церемониях присутствовали президент и вице-президент, принято было, чтобы президент один медленно спускался по большой лестнице резиденции, а вице-президент незаметно проскальзывал вниз на лифте. Кеннеди дал указание, чтобы Джонсон сопровождал его, фотографировался с ним и встречал вместе с ним гостей. Вице-президент должен был, иными словами, действовать так, как если бы он жил в этом доме, чего не было на самом деле, ибо факт оставался фактом: в действительности вице-президент жил в доме № 4040 на Пятьдесят второй улице. Пропасть оставалась непреодолимой.

Джонсон, несомненно, не испытывал горечи по этому поводу. Он говорил, что примирился с тем, что ему приходится играть вторую скрипку. Он восхищался президентом. Решив оправдать оказанное ему доверие, Джонсон никогда не предпринимал ни одного шага, не произносил ни одной речи, не согласовав предварительно с помощником Кеннеди. На заседаниях Национального совета безопасности он воздерживался от высказываний по политическим вопросам, если глава правительства специально не просил его об этом. Самым трудным для Джонсона было то, что у него было так мало дел. Помимо того что он председательствовал в сенате, он официально занимался текущими делами. Казалось, что три года сравнительно малоактивной деятельности истощили его жизненную энергию. Его основная обязанность перед поездкой в Техас заключалась в ее подготовке. Понятно, что необходимость улаживать конфликт у себя дома не вызывала у него особого энтузиазма. Он ничего не выигрывал от этой поездки, но мог многое потерять, окажись она неудачной. Если президент играл роль техасского туриста без особого вдохновения, то и его вице-президент немногим от него отличался.

В начале ноября Джонсон выступал в Уэлше (Западная Виргиния) на открытии Калифорнийского авиационного завода. Потом он прилетел на самолете в свое ранчо, где занимался главным образом распространением по телефону билетов на политические обеды. Во вторник 19 ноября он слетал в Даллас и выступил перед собранием американских фабрикантов газированной воды, восхваляя пользу безалкогольных напитков и критикуя «людей, которые ворчат на все, что делает Америка».

О незначительном влиянии вице-президента можно судить по тому, что маршрут, по которому должен был следовать кортеж автомашин с Кеннеди и Джонсоном в пятницу 22

ноября в Далласе, был окончательно утвержден в понедельник 18 ноября на собрании членов одного частного клуба в этом городе. Участники собрания — агенты секретной службы и местные дельцы — не сочли нужным посоветоваться по этому вопросу с вице-президентом, и выходящая в Далласе газета «Таймс геральд» с описанием маршрута появилась в то время, когда Джонсон выступал со своей речью перед собранием фабрикантов газированной воды.

Через два часа после того, как Джонсон приземлился на аэродроме Лав Филд в Далласе, он уже летел на другом самолете домой. Там по крайней мере предстояло дело. Президент должен был пробыть на ранчо с вечера пятницы до утра субботы. Джонсон всегда был гостеприимным хозяином. К тому же с недавних пор друзья его начали проявлять беспокойство в связи с упорными слухами о том, что его кандидатуру могут не выставить на президентских выборах в будущем году.

«О господи, море твое так велико, а челн мой так мал» — гласила надпись на пластинке, лежавшей на письменном столе президента. А теперь он вынужден будет потерять три бесценных дня на лавирование среди подводных камней тexasской внутренней политики. Для Кеннеди поездка имела лишь одну светлую сторону: его должна была сопровождать Жаклин. Решение это было неожиданным, так как она не была из числа жен, участвующих в предвыборных кампаниях.

Я, право, как-то не представляю себя в роли жены президента, — сказала она однажды, — но думаю о Джеке, как о президента.

Охота за голосами избирателей была его сферой деятельности, а дом и дети — ее уделом.

Ближайшие советники президента обычно соглашались с этим, хотя и по совсем другим причинам. Янки ирландского происхождения, они склонны были рассматривать всю страну лишь как сферу, в которой действуют те люди, с которыми они связали свою судьбу. Жаклин Кеннеди говорила с изысканным акцентом, ее окружала атмосфера, которую они называли великосветской. Все это вряд ли пилилось заслугой в глазах чопорных бостонских избирателей. Джон Коннэли первым указал на то, что вступление Кеннеди на пост президента в корне все изменило. Элегантность может быть минусом для жены второстепенного политического деятеля, но для первой леди страны — это огромный плюс. Избиратели, особенно женщины, были в восторге от того, что в резиденции главы правительства воцарились красота и стиль. Одна из обязанностей президента — представительство, и то, что рядом с ним была женщина с обликом королевы, возбуждало всеобщий интерес. Еще более интересным и к тому же полезным с политической точки зрения было бы, если б тexasцы увидели ее рядом с президентом.

Еще 4 октября 1963 года, когда Коннэли обратился с просьбой привлечь Жаклин к участию в предвыборной кампании, подобная возможность казалась очень далекой. В августе 1963 года супругам Кеннеди был нанесен страшный удар: они потеряли сына через сорок часов после его рождения, и лишь лица, близкие к семье президента, знали, как тяжело они переживали эту утрату. Жаклин хотела остаться с мужем и детьми. Казалось, обычный образ жизни, рутина могут скорее заставить ее забыть и выйти из подавленного состояния. Кеннеди выдвинул другой план: Жаклин должна рассеяться в чужих краях. Она считала, что это неразумно в политическом отношении: через год выборы, а морская поездка на яхте греческого миллионера — не лучшее средство привлечь к себе избирателей. Но Джон принял решение, и Жаклин поехала. Их разлука оказалась странной передышкой между двумя трагедиями и была более продолжительной, чем они предполагали. Несмотря на совершенные средства связи и самые большие привилегии на свете, они были почти столь же далеки друг от друга, как супружеская пара времен королевы Виктории. И она писала ему письма на десяти страницах, ставя, как всегда, тире вместо всех знаков препинания. Она писала о том, как ей не хватает его, как она жалеет о том, что он не может в этот миг ощутить вместе с ней беззаботную атмосферу Средиземноморья.

К ее удивлению, он оказался прав: действительно, вышло так, как он предполагал. Поездка стала для первой леди развлечением — именно этого и хотел президент. Греция и Марокко были столь нереальными, столь полной сменой обстановки, что она вернулась 17 октября в куда лучшем настроении, чем могла ожидать. Она решила подумать о предстоящем

годе.

— Мы будем вместе проводить избирательную кампанию, — сказала она мужу. — Я поеду с тобой туда, куда ты захочешь.

Когда он спросил, относится ли это и к поездке с Линдоном, она открыла свою записную книжку в красном кожаном переплете, в которую она заносила время своих приемов, и написала на числах 21, 22 и 23 ноября слово «Техас».

На следующий день он сообщил об этом своим главным политическим советникам Кену О’Доннелу и Лэрри О’Брайену. Конгрессмен Альберт Томас от Хьюстона, присутствовавший при разговоре, вспоминал позднее, что они все «чуть не упали от неожиданности». Жаклин никогда не была в Техасе или на юго-западе. Даже после президентских выборов она не ездила западнее загородного дома в Атоке близ Мидлбурга (штат Виргиния). Когда помощник президента по связи с прессой Пьер Сэлинджер сообщил 7 ноября журналистам о ее предстоящей поездке с мужем, это вызвало сенсацию. Леди Бэрд писала ей с ранчо в Техасе: «О президенте пишут на пятой странице, о Линдоне — на последней, но о вас на первой странице». Чарли Бартлет, журналист и друг дома в семье Кеннеди, передал Джону по телефону, что один поставщик новостей из Сент-Луиса сказал ему, что «у этой девочки есть голова».

— В отличие, видимо, от всех нас, — ответил на это сухо президент. Но ей он сказал:

— Здорово получается, правда? Ты не часто появляешься со мной, поэтому тебя особенно ценят. — Он был явно в восторге.

Столь же явным было и то (и это показалось ей странным), что он нервничал. Он боялся, что она пожалеет в дальнейшем о том, что поехала. Он хотел, чтобы поездка эта доставила ей удовольствие и чтобы она участвовала в других таких поездках. Из-за отчаянного духа соревнования, свойственного ему еще с детских лет, он был исполнен решимости, чтобы жена его выглядела в Техасе возможно лучше. Решимость Кеннеди могла быть могучей силой. В данном случае она увлекла его в экзотическую область, обычно не доступную для мужей. Впервые за время их совместной жизни он спросил у жены, как она собирается одеться. Особенно его интересовало, в чем она появится в Далласе.

— На этом завтраке будут все эти жены богатых республиканцев в норковых накидках с бриллиантовыми браслетами, — сказал он. — И ты должна так же блестяще выглядеть, как любая из них. Будь простой и покажи этим техасцам, что значит действительно хороший вкус.

Заметив, что он этим озабочен, она спросила его:

— Если так важно, чтобы я хорошо выглядела в Далласе, почему я должна тогда ехать сначала на ветру в открытой машине?

Он знал почему. Заигрывание с публикой — это, подобно раздаче должностей, один из источников политического влияния в США. Ради этого приходится двигаться сквозь толпы и двигаться медленно. Кортёж в Далласе должен был ехать по городу в течение сорока пяти минут.

Разговор этот происходил в среду 20 ноября 1963 года в последний день пребывания Кеннеди в Вашингтоне. Понедельник был занят официальными речами и неофициальными предвыборными делами по Флориде (речь шла еще о десяти голосах выборщиков, которыми никак нельзя было пренебрегать). Во вторник рано утром он уже был в своем кабинете. В книге записей его телефонных разговоров на следующие сорок восемь часов значился бесконечный перечень официальных звонков членам кабинета, их заместителям, своим помощникам, членам Верховного суда и конгресса. Состоялось семь телефонных разговоров с Робертом Кеннеди, вспоминавшим позднее, что тон, каким разговаривал его брат в это время, был, как, впрочем, и вообще в течение последних десяти дней, довольно мрачным. В этот вторник утром он был действительно мрачно настроен. Дети были в Атоке, на даче вместе с Жаклин. Это означало, что он остался после завтрака без урока французского. То, что он учил французский язык, хранилось в строжайшей тайне. С Шарлем де Голлем становилось все труднее иметь дело, и президент решил, что, для того чтобы наиболее эффективным образом реагировать на деголлевское самолюбие, необходимо изучить его язык — изучить по-настоящему, а затем уже вести на этом языке переговоры. Это было типично для Кеннеди. Решение, принятое с энтузиазмом, тут же начало претворяться в жизнь. Учительницей Кеннеди была Жаклин Хирш,

которая преподавала французский его дочери Кэролайн. С сентября по утрам она давала ему уроки в Белом доме.

— Как вы думаете, сколько времени потребуется мне, чтобы изучить язык? — спросил он мадам Хирш.

— Год, — ответила та. Кеннеди не мог не принять брошенного ему вызова.

— Бьюсь о заклад, — сказал он, — что я справлюсь с этим за шесть месяцев.

Он делал бесспорно блестящие успехи. Он не мог устоять перед соблазном и попробовал употребить несколько фраз в беседе с посетителями из бывшей французской колонии. И хотя никто не догадывался о его намерениях, но до проницательного Николь Альфан, жены французского посла в Вашингтоне, дошли какие-то неопределенные слухи, которые она сообщила мужу.

В кабинет президента вторглась делегация Национального союза птицеводства в сопровождении сенатора Дирксена от штата Иллинойс. Делегация притащила с собой индейку. Президенту ежегодно преподносили индейку ко Дню благодарения¹. Затем последовали прием посла США в Гане, прием делегации работников просвещения в составе 90 человек, государственного секретаря Дина Раска, посла США в Индонезии и (речь шла еще об одном секретном деле) Пьера Сэлинджера, помощника президента по связи с прессой.

В полночь Сэлинджер должен был вылететь вместе с Дином Раском и специальным помощником президента Макджорджем Банди в Гонолулу для участия в военном совещании по Вьетнаму². Он, Раск и пять других членов кабинета должны были также лететь далее — в Японию³. Было трудно скрывать все передвижения Пьера, и пресен знала, что он будет в Токио. Представителям печати было окапано (и они этому поверили), что речь идет о развлечении. Но речь шла о другом. Кеннеди не забыл фиаско, которое потерпел его предшественник в Японии, когда демонстрации левых вынудили Эйзенхауэра отменить свой визит в эту страну. Он хотел восстановить там престиж Америки, отправившись в Токио с официальным визитом в феврале будущего года. Пьер должен был подготовить для этого почву.

Президент сидел за своим столом и подписывал документы. На кончике его носа были очки. В течение последних трех месяцев его дальновзоркость стала более заметной (неизбежный признак начинающегося старения), и, оставаясь один, он постоянно носил очки.

— Я лечу сегодня, — сказал Сэлинджер, — и хотел бы проститься.

Кеннеди поднял на него глаза и улыбнулся. Пьер сказал ему, что Мак Килдаф будет его помощником по связи с прессой в Техасе. Обычно вторым помощником в отделе прессы был Энди Хэтчер. Но Хэтчер негр, и он остался в Вашингтоне.

— Кто будет заниматься визитом канцлера Эрхарда? — спросил Кеннеди. Западногерманский канцлер должен был прибыть в понедельник, а Сэлинджер возвращался только в следующую среду.

— Здесь будет Энди.

— Хорошо, хорошо. — Президент прервал работу и снял очки. Затем он сказал: — Мне не

¹ День благодарения — официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса (последний четверг ноября).

² В этом совещании, помимо упомянутые лиц, приняли участие министр обороны (США Макнамара, американский посол в Сайгоне Лодж, командующий американскими поисками в Южном Вьетнаме Харкипс и командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал Фелтон. На совещании обсуждались вопросы, связанные с расширением агрессии в Южном Вьетнаме и подавлением патриотических сил в этой стране.

³ Визит шести министров — членов американского кабинета в Токио, намечавшийся на канун выборов в нижнюю палату японского парламента, имел целью усилить позиции правительства Икэда, проводившего политику укрепления военно-политического союза с США. В частности, официальные круги Японии, невзирая на решительные протесты со стороны японской общественности, добивались от парламента страны разрешения на базирование ядерных подводных лодок США в японских портах и на размещение в стране американских самолетов — носителей ядерного оружия.

хотелось бы ехать в Техас.

— Не беспокойтесь по этому поводу, — ответил Сэлинджер. — Это будет блестящая поездка. Вы соберете там большие толпы людей, чем когда-либо раньше.

Кеннеди вновь улыбнулся:

— Возвращайтесь скорей.

На Розовый сад около Белого дома спустились сумерки, наступил вечер, но прием посетителей продолжался. Побывал достопочтенный Роджер Хилсмен, достопочтенный Джеймс Белл, г-н Ричард Хелмс, г-н Хершел Пик. Фред Холборн, специальный помощник президента, пришел из восточного крыла Белого дома, чтобы поговорить о Германии и о новой президентской «Медали свободы». В это время в торжественную обстановку, в гул голосов, в размеренное обсуждение вопросов вторглись знакомые звуки: вернулись дети. (Жаклин все еще оставалась в Атоке.) Плача вбежал с порезанным носом маленький Джон. Его утешала Кэролайн. Нос быстро перевязали, и дети расположились в кабинете Эвелин Линкольн, секретаря президента. Уолтер Геллер, председатель Совета экономических экспертов при президенте и последний посетитель и этот день, докладывал о безработице и о новой программе Кеннеди по борьбе с бедностью.

— Я все еще целиком за то, чтобы предпринять что-то в отношении бедности, если только у нас будет хорошая программа, — сказал ему президент. — Я считаю важным также показать, что мы делаем что-то и для людей со средними доходами, живущих в пригородах. Оба эти пункта отнюдь не противоречат друг другу. Приступайте к работе.

Затем он отправился в бассейн, взяв с собой детей. Пообедав, он удалился в Овальный кабинет на втором этаже резиденции, чтобы поработать над документами.

Трудно себе представить, сколько он успевал сделать после того, как дети ложились спать! Нужно было посмотреть проекты речей в Техасе, заняться одним личным делом (он хотел сделать первой леди сюрприз на рождество, подарив ей меховой ковер), разобраться в нескольких новых политических вопросах, возникших в связи с нараставшей из месяца в месяц напряженностью перед президентскими выборами 1964 года. У него было определенное предчувствие, что республиканская партия предпримет губительный для себя шаг и выдвинет кандидатом в президенты Барри Голдуотера. Но он не мог твердо рассчитывать на то, что ему так здорово повезет, и поэтому намеревался приложить максимум усилий. Так, уже со Дня труда Клиф Картер, доверенный помощник Джонсона, готовил в Остине штаб-квартиру для предвыборной кампании в Техасе. Зять президента Стив Смит проводил теперь четыре дня в неделю и Вашингтоне, занимаясь делами Национального комитета демократической партии. Пэт Люси уже действовал в Висконсине, а Элен Кейз — в Кливленде. Если Голдуотера сделают агнцем для заклания, тем лучше: он потерпит сокрушительное поражение, получив поддержку лишь горстки штатов.

О том, какое большинство получают демократы, можно было только гадать, но президент был уверен, что будет переизбран огромным большинством голосов. Прежде чем он уйдет со своего поста, считал президент, он станет наиболее влиятельным государственным деятелем Запада и, быть может, всего мира, и он уже подумывал о реорганизации своего правительства на второй срок. Состав кабинета придется изменить. Роберт Кеннеди хочет уйти с поста министра юстиции. Он уже начал говорить о своей деятельности в министерстве юстиции как о пройденном этапе. Наиболее влиятельное лицо после главы правительства, Роберт не может выйти в отставку в возрасте тридцати с лишним лет. Но где он окажется наиболее полезным? Дуглас Диллон хочет уйти из министерства финансов и вернуться в свою банковскую фирму. Как быть с Раском? Понимай, что президент сам намеревается быть своим министром иностранных дел, Раск полагал, что он найдет ему что-либо другое. После переизбрания президента на второй срок кабинет почти наверняка будет возглавлять государственный секретарь Роберт Макнамара. А кто тогда возглавит министерство обороны? Министр обороны Роберт Ф. Кеннеди? Вероятнее всего, нет. Младший Кеннеди, стремившийся как-то поправить положение в Латинской Америке, в предварительном порядке решил, что после ухода Раска будет просить назначить его заместителем государственного секретаря по межамериканским делам. Однако с перестановкой в кабинете можно еще подождать. Правда, остается сложный вопрос о взаимоотношениях с конгрессом.

Но вторникам лидеры конгресса обычно завтракали с главой правительства. В этот вторник завтрак был отложен из-за поездки президента во Флориду. Он состоялся на следующее утро, в среду в 8. 45. Это был первый прием президента в среду. Сенаторам Мэнсфилду, Хэмфри и Смазерсу и конгрессменам Альберту и Боггсу, гостям, приглашенным в резиденцию главы правительства, президент показался в это утро жизнерадостным, что не мешало ему нападать на них. Вот уже ноябрь, скоро День благодарения, почти конец года, а они все еще не утвердили обычных финансовых законопроектов. Чем же они там занимаются? Они призывали его проявить терпение. Кеннеди снял очки, беспокойно потирая переносицу своей сжатой в кулак и находящейся в вечном движении рукой, которая, казалось, жила своей собственной жизнью, и пробормотал про себя:

— Когда ты не в Вашингтоне, все всегда кажется куда лучше.

Сенатор Хьюберт Хэмфри от штата Миннесота и заместитель лидера демократического большинства палаты представителей луизианец Хейл Боггс, слышавшие эти слова, прошли затем вместе с Кеннеди в западное крыло Белого дома. Некоторые члены конгресса, заявили они, обеспокоены сообщениями о том, что в Далласе могут быть неприятности. Кеннеди пожал плечами. Он уже дважды говорил с Боггсом на эту тему в 1962 году, когда ему угрожали демонстрацией в Новом Орлеане. И на сей раз он дал тот же ответ: само предположение, что президент Америки не может посетить тот или иной американский город, просто невысказано.

Конгрессмен Боггс упомянул затем о раздорах среди техасских демократов.

— Господин президент, — сказал он полушутя, — вы отправляетесь в настоящее осиное гнездо.

Кеннеди рассеянно ответил:

— Ну, а в результате всегда собираются толпы людей, с которыми интересно встречаться.

В своем кабинете, залитом солнечным светом, предвещающим ясный осенний день, он снова принялся за текущие административные дела. В 9. 15 заместитель министра финансов Генри Фаулер доложил о том, что нового с налоговым законопроектом. Фаулер, виргинец с изысканными манерами, был любимцем — президента. Кеннеди оживленно поговорил с ним несколько минут и показал ему новую модель корабля. В 9. 38 к президенту смущенно прошли на цыпочках три студента из Западного Берлина, и он поздоровался с ними. В 9. 42 делегация офицеров-танкистов вручила президенту приветственный адрес 8-й бронетанковой дивизии. В 9. 45 по телефону от министра финансов Диллона поступило сообщение. Диллон был в сенате, где давал показания по вопросу о продаже Советскому Союзу пшеницы. Обстановка в сенате была как в настоящем осином гнезде, и в 9. 48 сенатор Смазерс вернулся со специальным помощником президента Лэрри О'Брайеном, чтобы получить указание, какой тактики придерживаться в этом вопросе в сенате. После них, согласно очередности, важно вошел шеф протокола государственного департамента Энджи Дьюк, сопровождавший посла США в Сьерра-Леоне; специальный советник президента по вопросам науки и техники Джерри Визнер представил делегацию американских ученых, которые только что вернулись с конференции по межпланетным связям, проходившей в Женеве; член Национального комитета демократической партии Джон Бейли просиял, когда президент пожал руки Лине Хорн и пяти другим артистам; явился, прежде чем отправиться в Японию вместе с другими членами кабинета, министр сельского хозяйства Орвил Фримэн. Он и его заместитель Чарли Мэрфи обрисовали положение в американском сельском хозяйстве; затем вошел генеральный секретарь Международного секретариата Корпуса мира⁴ Дин Гудвин, сопровождавший семерых представителей латиноамериканской интеллигенции. Кеннеди задержал его на минутку.

В пятницу предстояло назначение Гудвина специальным помощником президента по вопросам культуры. Сейчас, однако, президента интересовали его сообщения по поводу американского персонала в странах Латинской Америки.

Затем из госдепартамента прибыли заместитель государственного секретаря У. Алексис Джонсон и два его хмурых помощника. С камбоджийцами опять не было складу. Принц

⁴ Корпус мира был создан в 1961 г. по инициативе президента Дж. Кеннеди с целью усилить идеологическое и политическое проникновение США в развивающиеся страны Азии, Африки в Латинской Америки.

Нородом Сианук только что потребовал, чтобы США прекратили всякую экономическую помощь его стране⁵.

Вопрос: Должен ли наш посол урезонивать его?

Ответ: Нет, не должен.

Кеннеди был резок. Оказание помощи должно быть прекращено немедленно, сегодня же, по второй половине дня. Поскольку было уже 17.50, три дипломата сразу удалились. Зазвонил телефон у Эвелин Линкольн.

— У телефона миссис Кеннеди, — сказала она президенту. — Судьи ждут наверху.

Прием, которому предстояло быть последним публичным появлением Кеннеди в столице, состоял из двух частей. Участие в официальных церемониях — любимое занятие в Вашингтоне, и никто не предается ему с большим удовольствием, чем судьи. С другой стороны, никто не проявлял большей готовности отказаться от официальных церемоний, чем семейство Кеннеди. Необходимость устроить прием для членов Верховного суда была очевидной, но их было всего одиннадцать, включая ушедших в отставку.

В верхнем этаже резиденции главы правительства разыгрывалась первая часть представления, в которой участвовали члены Верховного суда и министр юстиции. Внизу ожидали участники второй части — 565 представителей правосудия и оруженосцев Белого дома и в их числе наиболее преданные сторонники политики «новых рубежей». Это они три года назад прибыли в конце января в Вашингтон, чтобы приветствовать президента⁶ на заснеженной Пенсильвания-авеню, ярко раздуть зажженную им искру и самим зажечься порывом, ставшим позднее известным как «стиль Кеннеди».

Стиль этот обладал почти магическим свойством. Кеннеди окружала атмосфера драматизма. Как заявил в частной беседе Эйзенхауэр, Кеннеди стал любимцем публики. С ним всегда что-то происходило, ему всегда предстояло что-то совершить. Помимо государственной деятельности у него был широкий круг интересов. Все интересовало этого человека. Даже самые скучные детали могли вызвать его живейшее любопытство. Например, обновление обстановки его кабинета, которое должно было происходить за счет средств, вырученных от продажи путеводителя по Белому дому, составленному Жаклин, стоимостью один доллар. Несколько модель назад декораторы уже все подготовили, и им нужно было только полтора дня на завершение работ, в течение которых пустовало бы помещение. Во вторую половину дня во вторник в зале заседаний кабинета были повешены новые занавеси. В пятницу предстояло покрыть ярко-красным ковром пол в кабинете президента. Большинству руководителей декораторы мешают, но глава правительства был увлечен их работой и о интересом следил за ее результатами.

В ожидании президента гости наверху болтали друг о другом, потягивали коктейли. Дверь открылась. Вошел президент. Он плавно двигался по толстому ковру, блестя лаковыми ботинками, слегка наклонив широкие плечи, приветливо улыбаясь. Он начал торжественный обход зала, остановившись перед председателем Верховного суда Эрлом Уорреном. Судья Уильям Дуглас представил свою молодую невесту.

— Познакомьтесь с моим «начальством», — сказал он.

Кеннеди ждал этого момента. Он слышал о том, что она молода, и предсказывал, что жены других членов Верховного суда, которые были старше, ревниво к ней отнесутся.

— Я рад приветствовать «начальство», — ответил президент, широко улыбаясь.

— Я понимаю, сколь велика ответственность, которую вы несете, находясь на своем

⁵ Решительный отказ Камбоджи от американской экономической помощи был вызван подрывной деятельностью Центрального разведывательного управления США А против камбоджийского правительства. В частности, радиопередатчики так называемой радиостанции «Кхмер серей» («Свободная Камбоджа»), установленные ЦРУ на территории Таиланда, и Южного Вьетнама, приливали к свержению правительства Народом Сианука, проводившего политику нейтралитета.

⁶ Имеется в виду церемония официального вступления Кеннеди на пост президента США, проходившая 20 января у Белого дома 1960 г.

посту.

Подошел Роберт Кеннеди, чтобы поговорить с невестой Дугласа, а президент присел на диван и заговорил о трем судьями. На следующей неделе, сказал президент члену Верховного суда Голдбергу, ему хотелось бы поговорить с ним по личному делу. Голдберг высказал предположение, что речь, вероятно, идет о найме рабочих для обслуживания президентской дачи. Раньше Голдберг уже выполнял для него подобные поручения, так как он специализировался в прошлом в качестве юриста по вопросам труда. Президент кивнул головой и, отказавшись от предложенного ему коктейля, перебрался в мягкое кресло-качалку под золочеными каминными часами. Слева от него расположился судья Байрон Уайт, классический тип американца с мощным телосложением, друг Кеннеди в течение почти четверти века и его товарищ по оружию во время войны.

Вошли дамы. Этель Кеннеди следила с другого конца зала за президентом. С 1950 года она была женой его брата и лучше всех из присутствовавших здесь женщин, кроме первой леди, знала президента. Его светские разговоры не обманывали ее. Они не давали представления о том, о чем он действительно думает. И вдруг она поняла, что он озабочен чем-то очень серьезным. Он откинулся назад и качалке и, подпоров рукой подбородок, смотрел вперед полузакрытыми серыми глазами. Председатель Верховного суда крикнул ему шутя через зал, что в Техасе ему придется нелегко. Ответа не последовало. Кеннеди глубоко ушел в свои мысли. «Почему Джек так озабочен?» — подумала Этель. За минуту перед тем как публика должна была двинуться к лестницам, она прошла через зал и поздоровалась с ним. Раньше президент всегда отвечал ей, как бы он ни был занят. Теперь он молчал. Впервые за тринадцать лет он смотрел на нее невидящими глазами.

Да, в Техасе ему должно было прийти нелегко. Председатель Верховного суда Уоррен в молодости был крупным политиком, крупнейшим в Калифорнии. Но ему не приходилось сталкиваться с такими интригами, как в демократической партии Техаса — штата с однозвездным флагом. Здесь, как и в других местах, национальное руководство демократической партии делало все, что могло, для сохранения мира. Политика — искусство возможного. По Техас презирал мир. Каждый избирательный округ был автономным княжеством, раздираемым внутрипартийной борьбой. Партийные боссы жили, как князья, — в состоянии постоянной междоусобицы, нападая друг на друга, преследуя ни в чем не повинных вассалов. Они были политическими каннибалами, и простодушный пришелец, который рискнул бы появиться среди них, мог быть съеден живьем.

Джон Кеннеди не был простодушен. Нельзя сказать, что внутривнутриполитическая борьба в Массачусетсе велась по всем правилам игры. Он знал Техас не хуже Огайо. На съезде демократической партии в Лос-Анджелесе в 1960 году, когда Джонсон пытался обойти его при выдвижении кандидатуры на пост президента, ему пришлось выдержать атаку сторонников Джонсона, распространявших слухи о том, что Кеннеди болен и не доживет до конца своего первого срока. (После Лос-Анджелеса они невинно объяснили, что имели в виду болезнь Аддисона.) С тех пор он несколько раз бывал в этом штате, последний раз в июне 1963 года. В отеле «Кортес» в Эль-Пасо Коннэли дал согласие на предстоящую поездку, и в течение последних двух недель представители Национального комитета демократической партии, посланные на разведку, прощупывали почву, чтобы обнаружить наиболее опасные места. Президент, однако, не читал их донесений. Его делом было управлять страной. Перспективным планированием занимались другие, в первую очередь специальный помощник президента О'Доннел, у которого были свои обязанности. Таким образом, Белый дом имел лишь слабое представление о перипетиях ожесточенной вражды, разгоревшейся между двумя влиятельными техасцами — Ярборо и Коннэли.

Это был старый конфликт. Ему было больше лет, чем самим его участникам. Возник он как следствие идейных разногласий. Впервые он назрел в неустойчивые тридцатые годы. Правое большинство, так называемые «джефферсоновские демократы»⁷ и «истинные

⁷ Джефферсоновские демократы — политики, выступающие против чрезмерного увеличения пророни им федерального правительства США

техасцы»⁸, отказали в поддержке Рузвельту. Еще в 1944 году правые послали на съезд партии свою собственную делегацию. Позднее правые штата покинули Эдлая Стивенсона. А в 1952 году губернатор-демократ и член Национального комитета демократической партии от Техаса выступили в предвыборной кампании за кандидатов от республиканской партии. Четырьмя годами позже в Техасе взбунтовались умеренные. Заручившись поддержкой спикера палаты представителей Сэма Рейберна, тexasский адвокат из умеренных Байрон Скелтон согласился стать членом Национального комитета демократической партии от Техаса. В результате неразбериха только возросла. Наследники популистов⁹ организовали переворот и образовали либеральную фракцию, именуемую «техасскими демократами».

Их героем стал Ральф Ярборо, трижды предпринимавший безуспешные попытки попасть в сенат, прежде чем был избран туда в 1957 году. Ярборо говорил с тягучим акцентом, глотая слова, был многословен, любил цветистые выражения и вечно вздорил из-за пустяков с другими демократами. Тем не менее он был единственным тexasским либералом в конгрессе. Не имея ни влиятельных друзей, ни денег (его долги, появившиеся в результате предвыборной кампании, составляли огромную сумму), Ярборо тем не менее оставался неизменно верным тому, что далласская газета «Морнинг ньюс» называла «осью левых и либералов». Даже когда фракция «техасских демократов» развалилась, он не изменил своей позиции. На съезде демократической партии в Лос-Анджелесе в 1960 году он поддерживал Джона Кеннеди", когда остальная часть демократической партии штата объединилась вокруг кандидатуры своего фаворита Джонсона. Его наказали, не включив в состав членов тexasской делегации, и ему пришлось занять место на галерее, среди публики. Не вмешайся спикер палаты представителей Рейберн, он был бы наказан сильнее. Но годом позже Рейберн умер, и теперь уже некому было оказывать сдерживающее влияние. Правые могли наброситься на популиста-отщепенца Ярборо.

К тому же правые демократы получили теперь достойного лидера. Джонсон никогда не пользовался у них полным доверием. В лице Джона Б. Коннэли-младшего правые получили от Джонсона бесценный дар. Коннэли был помощником Джонсона по административным делам и морским министром в кабинете Кеннеди. Теперь он губернатор Техаса и сам себе хозяин. Непосвященные все еще видели в нем человека Кеннеди и Джонсона. Но они ошибались. Если у Коннэли и был вожак, так это был Сид Ричардсон — нефтяной магнат из Форт-Уорта, из которого он работал в конце 50-х годов. Коннэли стай одним из самых прочных звеньев в системе нефтяных и газовых монополий Техаса. Выражаясь устарелым языком левых деятелей прежних лет, его можно было бы назвать орудием нефтяных монополий, и внешность у него была соответствующей: высокий, массивный, интересный, с седыми вьющимися волосами и полными, почти женственными губами. В его убеждениях не было ничего лицемерного. Он ни под кого не подделывался. Его консерватизм, подобно либерализму Ярборо, был настоящим.

Губернатор Коннэли — классический пример бедняка, который поднялся выше себе подобных и презирает их. (В чем выражается презрение к бедности — это, конечно, другой вопрос. Линдон Джонсон вышел из той же среды, но его политика очень сильно отличалась от политики Коннэли.) О юности губернатора можно было только сказать, что он был хорошо знаком с Техасом. Джон Б. Коннэли-старший был фермером-арендатором, парикмахером, бакалейщиком, водителем автобуса на линии Сан-Антонио — Корпус-Кристи. Семья переехала в Сан-Антонио, чтобы быть ближе к нему. Затем Коннэли вновь осел на земле, занимаясь в виде подспорья убоим скота, дабы избежать разорения.

После такой юности для сына оставался лишь один путь — путь вверх. Жизнь должна была стать лучше, и он должен был ухватиться за последнюю ступеньку золотой лестницы и подняться по ней вверх. И Коннэли-младший достиг этого. В Тexasском университете он стал первым спортсменом. Он женился ни самой привлекательной студентке, приобрел мягкие,

⁸ Истинные тexasцы — сторонники неограниченных прав штатов.

⁹ Популисты — политическая партия конца XIX века, отстаивавшая программу «аграрной демократии».

вкрадчивые манеры и научился хитрить. Он стал другом богатых, а потом и их верным союзником. Знакомство с тяжелой жизнью бедняков Техаса сделало Ральфа Ярборо противником тех, кто, по его убеждению, нес за это ответственность. Коннэли ненавидел нужду, как таковую. По словам Джонсона, сказанным в частной беседе, Коннэли чувствовал себя хорошо лишь в костюме за триста долларов, в ботинках, сделанных на заказ, и в обществе людей, одетых так же, как он. Он стремился самым надежным образом отгородиться от той жизни, которая была у него в детстве. Став губернатором, он упрочил свои связи, давая понять, что ему не по пути с либерализмом Вашингтона. Членам профсоюзов и «либам», как звали либерале, вновь стало трудно найти место на партийных собраниях штата. Коннэли был противником увеличения федерального бюджета, импорта нефти и бесплатного медицинского обслуживания. Он выступал по тexasскому телевидению против законопроекта Кеннеди о гражданских нравах. Подобно Кеннеди, он готовился к предстоящим выборам. Было вполне возможно, что он встретит сопротивление на первичных выборах в Техасе. Настало время укреплять свои позиции. Следующей осенью, если первичные выборы не примут неожиданного оборота, Коннэли и Ярборо предстояло вести предвыборную кампанию вместе с Кеннеди, а также Джонсоном, если президент вновь изберет Линдона своим постоянным заместителем. 3 ноября 1964 года всем предстояли перевыборы. Губернатор чистосердечно признавался, что хочет вырваться вперед. В действительности он хотел большего, а именно провала Ярборо. Имея это в виду, он намеревался нажать политический капитал на предстоящей поездке президента в Техас.

Позиция Коннэли была прочной. Как глава исполнительной власти штата, он должен был принимать у себя главу федерального правительства, и Белый дом с терпимостью относился к его независимости. Лэрри О'Брайен позвонил конгрессмену Альберту Томасу и сказал, что было бы хорошо, если б губернатор играл ведущую роль после прибытия президентского кортежа из Вашингтона в Хьюстон, где должен был состояться обед в честь Томаса. Конгрессмен понял намек. Он позвонил Коннэли в Остин и попросил представить его на обеде. Конгрессменам от штата Техас дали понять, что всеми деталями на местах будут заниматься в Остине.

По просьбе Коннэли поездка, чтобы подчеркнуть ее «объективный характер», была поделена на две части — «партийную» и «надпартийную». Поездка в Сан-Антонио, Форт-Уорт и Даллас должна была носить надпартийный, в Хьюстон и Остин — партийный характер. Дабы не обижать Коннэли, председатель Национального комитета демократической партии Джон Бейли должен был присоединиться к сопровождавшим президента лицам лишь по прибытии в Остин. Ему предстояло лететь туда на самолете авиакомпании «Дельта эйрлайнз» во время следования кортежа президента по Далласу. Комитет брал на себя даже оплату расходов на горючее для самолета президента. Бейли занялся при этом сложными арифметическими подсчетами, взяв за основу данные военно-воздушных сил, согласно которым полет этого самолета стоит 2300 долларов в час.

Как выразились помощники президента О'Доннел и О'Брайен, губернатор Коннэли получил в руки козырные карты, и начало октября он впервые дал понять, какой ход он собирается сделать. Прежде чем лететь на восток для обсуждения деталей поездки, он провел в отеле «Адольфус» совещание с верхушкой Далласа, на котором присутствовали председатель могущественного Совета граждан города Дж. Эрик Джонсон, президент Торговой палаты Роберт Коллум, председатель Национального торгового банка Р. Л. Торптон, сын издателя далласской утренней газеты «Морнинг Стар» Теда Дили — Джо Дили (сам Тед был в это время в Вашингтоне) и корреспондент далласской «Таймс геральд» Альберт Джексон. На этом совещании губернатор фактически принес свои извинения за предстоящий визит президента. Он сказал, что оказалось в трудном положении, сравнив свою роль с ролью капитана, у которого адмирал попросил разрешения посетит его корабль. Он не может запретить главе правительства приехать, но пусть они знают, что он не собирается «быть при Кеннеди мальчиком на побегушках». Более того, если он, Коннэли, использует этот случай, чтобы унижить Ярборо, то вполне возможно, что либерализм в Техасе удастся сокрушить. Представляется великолепный шанс вытеснить «либов» со сцены.

— Я но собираюсь нарушать обязательств в отношении либералом, объяснил он. — Мне

надо иметь группу лиц, стоящих над партиями, которая должна представлять Даллас, и им, джентльмены, учитывая ваши связи, являетесь именно такой группой.

Третьего октября Коннэли созвал в Остине совещание конгрессменов от Техаса (Ярборо приглашен не был) и сообщил им, что президент хочет посетить четыре крупнейших города штата — Сан-Антонио, Хьюстон, Форт-Уорт и Даллас. По мнению Коннэли, поддержку Кеннеди в Техасе оказывали «негры и служивые демократы». К несчастью, они были бедны, а центральное руководство демократической партии хотело, чтобы поездка пополнила партийную кассу.

— Я думаю, что это неправильно, — сказал Коннэли. — вы знаете, что те, кто поддерживает Кеннеди, — это люди, которые не имеют денег. Я говорил с бизнесменами, они не собираются финансировать его предвыборную кампанию.

Это вызвало краткую стычку. Вмешался конгрессмен Генри Гонзалес, либерал из Сан-Антонио.

— С кем из деловых людей вы говорили? — спросил сердито. — Если с теми, кого вы назначали на должности, то не приходится ожидать, чтобы они были за Кеннеди, потому что это кучка республиканцев. Я мог бы принести к вам деловых людей, но они вам могут не понравиться, потому что не будут вас поддерживать.

Губернатор, взволнованно курил одну сигарету за другой, но упорно стоял на своем. Поездка должна иметь внепартийный характер.

, На следующий день Коннэли проводил примерно такую же линию в беседе с Кеннеди, добавив при этом несколько «ласковых слов» по адресу Ярборо. В конце концов был достигнут компромисс: в Сан-Антонио президент выступит на открытии шести новых зданий, принадлежащих военно-воздушной базе (внепартийная акция); в Хьюстоне он будет присутствовать на обеде в честь Альберта Томаса (партийное мероприятие, хотя и не приносящее пользы никому, кроме самого Томаса); в Форт-Уорте и Далласе главу правительства должны будут приветствовать представители властей и общественных организаций (непартийное мероприятие). Единственным местом сбора средств на избирательную кампанию будет Остин — столица штата и местопребывание губернатора. Коннэли выделил каждому конгрессмену для распределения определенное число билетов на обед в Остине. Ярборо получил свою квоту.

— Не втягивайте президента во внутриполитическую борьбу, — просил Коннэли.

Просьба эта была, конечно, абсурдной, ибо перед ним были не дети. И в Капитолии, и в Белом доме прекрасно понимали, что сама должность президента неизбежно связана с внутриполитической борьбой. Трудность для Кеннеди заключалась в том, что он не мог оттолкнуть от себя Коннэли. Если бы официальная поездка в Техас создала видимость единого фронта демократической партии в этом штате, то это Кеннеди вполне устроило бы. Единственным человеком, который мог бы убедить губернатора пойти дальше этого, был его прежний лидер, а теперь вице-президент.

Джонсон, однако, помалкивал. По его словам, с ним не советовались о необходимости поездки. Первое, о чем президент Кеннеди сказал, это, что он собирается предпринять эту поездку. Исходя из этого, последовало довольно подробное обсуждение деталей.

Сначала вице-президент с энтузиазмом выступил за проведение кампании по сбору средств. Незадолго до этого на банкете в Массачусетсе было собрано 680 тысяч долларов в фонд демократической партии. Его чувству гордости за Техас был брошен вызов. К тому же, несмотря на энергичные опровержения Белого дома, упорно ходили слухи, что Кеннеди вычеркнет Джонсона из избирательного списка к президентским выборам 1964 года. До самого Джонсона дошло несколько тревожных сигналов. Преисполненный решимости доказать свою популярность, он предложил организовать в Техасе четыре банкета, на которых лояльные демократической партии лица могли бы продемонстрировать свою преданность Кеннеди и Джонсону, раскошелившись в пользу фонда предвыборной кампании будущего года.

Подобно Джонсону, Ярборо чутко улавливал, куда идет дело. Он догадывался о том, что его ожидают неприятности. До 19 октября он вынужден был соблюдать тактичное молчание. В этот день (что было хорошо известно Коннэли) в Остине предполагался обед в честь Ярборо для покрытия его долгов по проведению предвыборной кампании. Как только обед прошел,

Ярборо начал подавать зловещие сигналы.

Он напомнил Белому дому историю своей неизменной преданности Кеннеди. Неужели он подвергнется унижениям в своем родном штате? Если так, то он предпочитает пребывать в мрачном раздумье в Вашингтоне. Его успокоили. Трижды, при разных обстоятельствах, Лэрри О'Брайен звонил ему и, растягивая своим звучным голосом слова, заверял его, что президент не проявит к нему никакого пренебрежения. Президент действительно очень хочет, чтобы сенатор был в числе лиц, сопровождающих его в поездке, сказал О'Брайен, и Кеннеди на самом деле так считал. Ехать без Ярборо было для него хуже, чем не ехать совсем. Среди либералов Техаса вспыхнуло бы возмущение, и они постарались бы отплатить за это на предстоящих выборах.

Однако ни в Белом доме, ни в Вашингтоне не было никого, если не считать молчавшего вице-президента, кто мог бы выступить в защиту интересов губернатора платата Техас. Покинув столицу, Коннэли плел тонкую и слоющую сеть интриг. На первые шелковистые нити ее наткнулся Джерри Бруно, коренастый человек с седловидным носом, высланный на разведку в Техас Национальным комитетом демократической партии. Поздно вечером 28 октября Бруно приземлился на аэродроме Остина и был тут же встречен соперничающими делегациями. Одна представляла Коннэли, другая — Ярборо. Действуя согласно указаниям О'Доннела, Бруно принес извинения представителям Ярборо. На следующий день он завтракал с Коннэли в клубе «Сорок акров» в Остине и полетел далее, чтобы осмотреть весь маршрут предстоящей поездки. Будучи в течение шести лет организатором различных кампаний для политических деятелей, участником нескольких предварительных выборов кандидатов в президенты и одних президентских выборов, Бруно был человеком закаленным. Но никогда еще он не сталкивался с таким количеством связных. Национальный комитет имел свое представительство в каждом графстве, и этого было вполне достаточно. Но губернатор Коннэли выставил вторую команду, сенатор Ярборо — третью, вице-президент Джонсон — четвертую, а профсоюзы, у которых в Техасе были свои трудности, — пятую. Во время своего пребывания в Далласе 30 октября — 1 ноября Бруно узнал об одной из интриг Коннэли, преследовавшей цель поставить на свое место сенатора Ярборо. Детали ее имеют значение, поскольку связаны с выбором помещения, где должен был выступать президент, а тем самым и с маршрутом, по которому должен был следовать кортеж от аэропорта к месту его выступления.

Сам Бруно отдавал предпочтение большому бальному залу отеля «Шератон» в Далласе. Но его ожидало разочарование: зал забронировала какая-то женская организация, а дирекция не захотела предложить дамам перебраться в другое помещение. Ему прямо заявили, что президент должен искать себе зал в другом месте. Никто не претендовал на Мемориальный зал Далласа. В нем было одиннадцать тысяч мест, и местные хозяйки возражала против него именно по этой причине. Чем больше людей, считали они, тем больше среди них будет ненормальных. Так как это был Даллас, то они не были поклонниками президента, но они беспокоились о репутации своего города. Оставалось три возможных варианта: здание Женской лиги, а напротив него на Индустриальном бульваре — Торговый холл и Торговый центр. В Торговом холле должны были собраться фабриканты безалкогольных напитков. Можно было бы попросить их переменить место, но Бруно не хотел их раздражать. Он предпочел здание Женской лиги — серое и малопривлекательное, но как раз это, указывал Бруно, привлечет туда трудовой люд. Хозяйки города были удручены. Они настаивали на эффектном Торговом центре. Поскольку они были республиканцами, на них можно было не обращать внимания. Однако с губернатором-демократом Коннэли приходилось считаться. Оказалось, что низкие потолки здания Женской лиги мешают осуществлению одного из замыслов Коннэли. Он хотел, чтобы в Далласе и Остине столы для почетных гостей были расположены на разной высоте. Президент, вице-президент и губернатор должны были сидеть за столом, который возвышался бы над другими. Официальные лица не столь высокого ранга, такие, как старейший сенатор штата, должны были занимать места пониже — за менее почетным столом. Тогда Ярборо оказался бы униженным.

Бруно был уполномочен принять окончательное решение на месте. В дальнейшем он мучился от сознания того, что если бы он настоял на здании Женской лиги, то кортеж автомобилей в Далласе не проехал бы мимо склада школьных учебников. Из-за нерешительности, проявленной им 1 ноября, вопрос оставался открытым до приезда недель

позже в Даллас агента секретной службы Уинстона Дж. Лоусона, посланного туда на разведку. Секретная служба считала здание Женской лиги более подходящим с точки зрения безопасности, поскольку в Торговом центре было шестнадцать трудно охраняемых проходов. Оба помещения были, однако, сочтены приемлемыми. Вопрос был спешно поставлен перед Белым домом, где продолжали придерживаться политики умиротворения Коннэли. 14 ноября О'Доннел высказался за Торговый центр. В Остине Коннэли намеревался прибегнуть к другой уловке — устроить прием президента в резиденции губернатора, куда сенатор Ярборо не должен был получить приглашения.

Таким образом, намеренно бестактные действия Коннэли ставили под сомнение успех всей поездки президента еще до того, как он покинул Вашингтон. Коннэли вел крупную игру и, надо отметить, вел ее тонко. Парадоксально, но он брал пример с самого Джона Ф. Кеннеди, в течение трех лет находившегося в центре политической жизни всей страны. Разница между ними заключалась в том, что Кеннеди никогда и никого не пытался выжить с места и что в правящей группе Техаса, которую представлял губернатор, как раз не было людей, поддерживавших Кеннеди в 1960 году. Отголоски недовольства последних начали доходить до президента, и вечером 20 октября, в момент, когда прием судей в резиденции достиг апогея, Белый дом получил телеграмму трех либералов из Сан-Антонио, выражавших разочарование по поводу краткости предполагаемого пребывания президента в Бексарском графстве, где он получил против республиканца Никсона наибольший перевес голосов в Техасе.

Единственным городом, где все шло гладко, был Хьюстон. В остальных городах штата наблюдалось недовольство. В ряде случаев это было неизбежно. Время главы правительства ограничено, а жители Браунсвилл, Сан-Бенито, Корпус-Кристи и Фрипорта никогда бы не поняли, почему он не может уделить им несколько часов. Больше всего, однако, шумели лица, поддерживавшие Кеннеди и уязвленные тактикой Коннэли. Они не знали о трудном положении, в котором оказался Ярборо. Они знали только, что в Техас приезжает президент и что встречать и принимать его будут главным образом республиканцы и демократы-отступники. Однако одно соображение заслоняло собой все остальные: половина населения штата была сосредоточена в шести из его 254 графств.

В течение двух дней напряженной поездки по автомобильным дорогам Техаса Кеннеди сможет приветствовать миллион американцев, прежде чем он вернется и встретится в воскресенье с послом США в Южном Вьетнаме Генри Кэботом Лоджем, в понедельник будет присутствовать на официальном обеде в честь канцлера Эрхарда, а по вторник — на завтраке с членами конгресса, короче говоря, прежде чем он вернется в великолепный плен своих обязанностей.

Настал момент, когда приглашенные судьи должны были спуститься вниз. Президент поднялся с кресла-качалки и сделал знак рукой. Незаметно появившийся капитан морской пехоты спокойно приказал двум рядовым в парадной форме перенести звездно-полосатый государственный флаг США и синий с золотом флаг президента к лестнице. Президент двинулся в этом же направлении. За ним следовали три военных адъютанта, указывая каждому гостю его место в процессии. Сначала шел председатель Верховного суда Уоррен, затем Голдберг, замыкал шествие министр юстиции Роберт Кеннеди. Оркестр играл военный марш. Потом послышалась дробь барабанов, звуки фанфар и, наконец, в быстром темпе мелодия старой шотландской песни «Слава вождю».

Адъютант президента по вопросам авиации бригадный генерал Годфри Макхью, неподвижно стоявший по стойке «смирно», тайком бросил взгляд на Кеннеди и подавил в себе жест нетерпения: Макхью хотел, чтобы вождь не забывал, что нужно стоять неподвижно, пока его чествуют. Из всех президентов, которым он служил, только этот не останавливался и не отдавал честь флагу.

Раздался барабанный бой. Все было кончено. Почувствовав себя свободным, вождь смешался с толпой в Восточном зале. Эта толпа состояла из мелких судейских чиновников. Президент и первая леди осторожно продвигались сквозь возбужденные, бурлящие толпы в Зеленом, Голубом и Красном залах.

Президенту не нужно было здесь ничего особенно добиваться. Тут присутствовали преданные ему люди. Они были, однако, его друзьями, и он хотел, чтобы им было весело в его

доме. К тому же Кеннеди были свойственны привычки политических деятелей. Он знал, что люди любят, когда их замечают, и что им льстит, когда помнят их имена. Проходя через толпу, президент остановился перед только что назначенным министром почты и связи Джоном А. Гронуски, который был впервые на приеме в Белом доме, и перед министром финансов Дугласом Диллоном. Филлис и Дуглас Диллоны сказали ему, что он в великолепной форме. Диллон добавил:

— Здравствуйтесь и прощайтесь. Мы отправляемся в Японию.

— Я знаю, — ответил Кеннеди, кисло улыбнувшись. — Вы едете в Японию, а я должен ехать в Техас — И вздохнув, добавил: — О господи, как бы мне хотелось поменяться с вами местами!

В банкетном зале его ждала закуска в стакан пунша. Он быстро прошел через зал, возвратился в кабинет, надел очки и в течение часа сидел над телеграммами из-за границы. Первая леди задержалась несколько дольше, затем поднялась наверх вместе с Робертом (Бобби) Кеннеди. Жаклин сказала ему, что с интересом едет в Техас и примет участие в предвыборной кампании. После ухода Бобби и Этель Джеку и Джеки удалось пообедать дома одним, и те немногие телефонные разговоры, которые они вели, были с друзьями и родственниками. Дома были письма от родных. Мать Джеки писала, чтобы она весело провела время. Другое письмо, от свекрови, было примерно в том же духе. Она писала, что побывала в Нью-Йорке, говорила там с разными людьми по поводу недавнего визита президента в Нью-Йорк. Президент был там без обычной полицейской охраны, отмечала она, и публика с энтузиазмом к этому отнеслась.

Единственным вмешательством извне в этот вечер 20 ноября 1963 года был телефонный звонок заместителя государственного секретаря Джорджа Болла. Болл только что вернулся из Европы, где участвовал в ряде совещаний¹⁰. Возвратившись в США, Болл автоматически становился исполняющим обязанности государственного секретаря, и в 21.20 он доложил, что прибыл в распоряжение президента. На какое-то время Джек должен был снова стать президентом. Он мельком затронул несколько вопросов, которые могли вызвать осложнения. Болл обещал заняться этими проблемами.

— Хорошо, — сказал президент. — Я вернусь из Техаса в воскресенье. Приезжайте в Кемп Дэвид. Там будет Кэбот Лодж, и мы обсудим эти вопросы. — Затем он положил трубку и отправился на второй этаж.

Гости танцевали. Для этого, собственно, и был предназначен Восточный зал. Его полное название — Восточный бальный мал, и танцевавшие здесь сторонники Кеннеди молодые кавалеры и их элегантные дамы казались на своем месте. Для них не было ничего необычного и этих танцах. Будущее обещало тысячи таких вечеров. Прием судей продолжился без каких-либо помех. Скользя по натертому воском паркету, агенты секретной службы весело танцевали и Тустен, но подозревая, что через три дня на этом самом полу, где они делают сейчас свой пиру, пируэты в деревянном ящике будет покоиться тело президента, которого они дали клятву защищать. Знай это, они отдали бы свою жизнь. Ничто, однако, не предвещало беды. Офицеры кружились в танце, в то время как в комнате над ними спал тот, кто был по конституции их главнокомандующим. Самые могучие в истории военные силы не могли помешать катастрофе.

И все же...

Нити, которые ткала судьба, отбрасывали невидимые тони. Оливер С. Халлет, капитан третьего ранга военно-морских сил США, трудился в эту среду в оперативном отделе Полого дома над расшифровкой последних телеграмм для президента. Поступавшие сообщения не

¹⁰ Заместитель государственного секретаря Джордж Болл в ноябре 1963 г. посетил Бонн и Лондон, где во время встреч с главами правительств Западной Германии и Англии, а также на заседании Совета НАТО, проходившего в Париже 18 и 19 ноября, пытался оказать давление на союзников США, чтобы они пересмотрели свою торговую политику, в отношении социалистических стран. США требовали от союзников отказаться от намерения расширить торговлю с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Однако правительства Англии и Италии не поддержали Вашингтон в этом вопросе и поэтому миссия Болла в Западную Европу закончилась неудачей.

представляли особого интереса. Однако само присутствие помощника адъютанта президента по военно-морским делам и Белом доме можно считать странной иронией судьбы. Так как капитан третьего ранга Халлет получил свое назначение совсем недавно, он и его супруга Джоан не были приглашены на прием. Волею злосчастной судьбы они, однако, были связаны с событиями, которые должны были произойти менее чем через сорок часов. Девять месяцев назад Халлет был назначен на свой пост в Белом доме. Перед этим он нес службу на подводной лодке, а еще ранее он и его жена работали в десятиэтажном жилом здании и Москве, где помещается посольство США в СССР. Он был военно-морским атташе. Джоан работала в приемной посольства. И последний день октября 1959 года в холл посольства пошел, широко шагая, худосочный юноша со странно посаженными глазами и швырнул на стол Джоан Халлет свой зеленый паспорт. Он сообщил ей, говоря с южным акцентом, что пришел отказаться от своего американского гражданства.

Сотрудники, работающие в приемной, не занимаются такого рода вопросами. Не занимаются ими и атташе. Посольство являет собой тесный мирок, и Халлеты неоднократно видели ожесточенного молодого человека, когда он вновь появлялся для бесед с послом Ллуэлином Томпсоном и сотрудниками консульства США. Консулы приводили ему массу аргументов. Их задача заключалась в том, чтобы уговаривать потенциальных перебежчиков отказаться от своего намерения. Халлет и его жена потеряли со временем молодого человека из виду. Их переводили с одного места на другое. Так же как и Ллуэлин Томпсон, который был назначен в 1962 году послом по особым поручениям, они возвратились на родину. Халлет присоединился к официальному окружению президента с местопребыванием по адресу Пенсильвания-авеню, 1600. Дети Халлетов ходили в приходскую школу в Стоун-Ридже вместе с детьми Роберта Ф. Кеннеди и его племянниками — детьми Сарджента Шривера. Халлеты все еще вспоминали о Москве, и иногда капитан, его жена и их шестнадцатилетняя дочь Кэролайн задавались вопросом, что стало с тем тощим недовольным молодым человеком. Они живо представляли его себе: его надменность, странно напряженное выражение его глаз, то, как он хватал со стула нью-йоркскую «Геральд трибюн» и, будучи большим любителем чтения, глотал в ней каждую строчку. Он произвел на них неприятное, но сильное впечатление. Халлеты помнили лицо этого человека и его имя — Ли Харви Освальд, хотя они давно ничего о нем не слышали. За беседой в домашнем кругу они высказывали предположение, что он все еще в Советском Союзе.

И все же...

Освальд уже не было в России. Он сообщил консульству, что одумался, и, одолжив деньги в госдепартаменте, вернулся в июне 1962 года в Техас, прихватив с собой быстроглазую, молодую русскую жену и малолетнюю дочь. Дальнейшие действия Освальда приобрели после его смерти огромный интерес. После того, однако, как были выяснены все несущественные мелочи, осталось всего два существенных факта: он потерпел одну неудачу за другой в конце концов возвратился в Даллас. Многие в последующей неразберихе объясняется его претензиями в области политических убеждений. Освальду нравилось называть себя марксистом. В действительности же идеалов у него было не больше, чем у кошки, и в моменты прозрения он сознавал это. Он был против демократии, против коммунизма, против всего на свете. В автобиографическом наброске, написанном им до его возвращения в Америку, он признавал «неприятной чертой своего характера стремление к независимости, вызванное заброшенностью» (sic!). Во время своего путешествия домой он задавал себе вопрос, что произойдет, если кто-либо (очевидно, он сам) «встанет и заявит, что он совершенно не только против правительства, но и против народа, против всей страны и всех основ ее социальности. Я слышал и читал о возрождении в США американизма, не ультраправого типа, а скорее вежливого, с виду не значащего ничего американизма, такого, как у группы „Америка — прежде всего“¹¹ и у «Фонда свободы»¹², но даже под этими прикрытыми, бесформенными,

¹¹ «Америка — прежде всего» — комитет изоляционистов, существовавший в 1940-1941 гг. и проводивший кампанию против вступления США в войну.

¹² Фонд свободы — ультраправая, антикоммунистическая организация. Далласе со штатом 75 человек.

патриотическими жестами, имеется явно топор, спрятанный в подполье капиталами вдохновителей этого дорогого мероприятия. Где я могу обратиться? К беззастенчивым узколобым оппортунистам, представителям обеих систем, к гегельянским идеалистам, оторванным от действительности, к религиозным группам, к ревизионистам и к абсурдному анархизму. Нет!»

Этот бред свидетельствует о том, что Освальд был всего лишь человеком, одержимым беспричинной ненавистью. Искать в этом бреде политические убеждения — это все равно что искать у полипа кости. Тем не менее он пытался стать перебежчиком, и вследствие своего поведения в России и странного образа действий после возвращения домой стал объектом усиленного наблюдения со стороны Федерального бюро расследований. Поскольку инструкция ФБР предписывала агентам быть начеку в случае наличия информации, «указывающей на возможность покушения на личность или безопасность президента», можно было предположить, что отделение ФБР в сообщит об Освальде местному отделению секретной службы, насчитывавшему пять человек. Ничего подобного не произошло. Досье Освальда находилось в руках тридцатипятилетнего Джеймса П. Хости-младшего, агента ФБР, человека с низким хриловатым голосом, кончившего колледж «Нотр Дам» и явного поклонника Джона Ф. Кеннеди. С 4 ноября 1963 года Хости было известно, что Освальд работал на Техасском складе школьных учебников на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит. Удобное место для засады снайпера, склад этот был смертельно опасной точкой на пути следования кортежа, который, согласно маршруту, должен был сделать крутой зигзагообразный поворот прямо под окнами склада. Стрелок мог взять на мушку машину президента, пока она подъезжала к зданию, выждать, пока она сделает крутой вираж, а затеки: выстрелить, когда она покажется из-за поворота. Хости, однако, не занимался такого рода сопоставлениями. Он не получил официального уведомления о маршруте, и когда местные газеты опубликовали карту маршрута, его интересовало лишь одно — удастся ли ему, Джиму Хости, увидеть хоть на миг Кеннеди.

— Я заметил, что машина пойдет по Мейн-стрит, — говорил он пятью месяцами позже. — Единственно, что меня интересовало, — где я смогу увидеть ее, если мне повезет.

Однако представители секретной службы должны были в любом случае взять это здание под наблюдение.

Но они этого не сделали.

Восемнадцатого ноября высланный вперед агент секретной службы Лоусон проехал по маршруту президентского кортежа с начальником полиции Далласа Джессом Карри и главным агентом секретной службы в Далласе В. Форестом Соррелзом. Из всех троих Соррелз производил наиболее солидное впечатление. Он был уроженцем Ред-Ривера в Техасе и имел соответствующую внешность — худой, сутулый и суровый, с пронизывающим взглядом старого полицейского. Однажды в Тусконе ему пришлось иметь дело с известным бандитом Джоном Диллинджером и считать отобранные у него деньги. В 1935 году он поступил в СС, как агенты помоложе называли теперь секретную службу, и, когда Франклин Д. Рузвельт открывал памятник Роберту Е. Ли¹³ на бульваре Тэртл Крик в Далласе, Соррелз сопровождал его по тем же самым улицам. Ему не нужно было напоминать об опасности со стороны снайперов. Когда Карри, который вел машину, повернул с Седар Спринг-роуд на Харвуд-стрит, Соррелз взглянул на верхние этажи домов Далласа, увидел кабинет своего зубного врача и громко сказал:

— Черт побори, мы будем живыми мишенями!¹⁴

Двое других полицейских согласились с ним. На дорогу, по которой должен был следовать кортеж, выходило больше двадцати тысяч окон. Ясно, что они не могли поставить по человеку в каждом из них. Для этого потребовалась бы целая армия, и кортеж потерял бы весь

¹³ Роберт Е. Ли — генерал, командовавший войсками южан во время Гражданской войны в США.

¹⁴ Еще в 1961 г. генеральный инспектор секретной службы Майкл У. Тортина, сообщил автору, что всюду, где кортеж с президентом должен перед поворотом замедлять ход, весь отрезок пути подвергается предварительной проверке.

свой смысл. Поэтому окна не подвергались проверке, а когда полицейская машина повернула с Мейн-стрит на Хьюстон-стрит и Лоусон спросил, что такое Техасский склад учебников, Карри и Соррелз объяснили, что это обычный склад школьных учебников.

Можно предположить, что представители ФБР и секретной службы сделали все, что только можно было сделать. Возможно, что ведомство Карри действовало правильно, решив прекратить наблюдение за толпой в пятницу на Хьюстон-стрит и Мейн-стрит за квартал до засады Освальда, исходя из того, что движение, начиная от этого пункта, будет становиться менее интенсивным. Быть может, излишне было бы требовать от этих патрульных в Далласе, оказавшихся по соседству со складом, чтобы они, следуя примеру нью-йоркских полицейских, наблюдали за окнами. Тогда они увидели бы в окне целившегося человека. Быть может, каждый из полицейских выполнил свой долг. Быть может, удар нельзя было отвести. Быть может, теперь уже поздно говорить об этом.

И все же, и все же...

Запоздалые рассуждения имеют свой смысл. Со временем все тайное становится явным. Одна из тайн скрывалась в досье ФБР у Хости, о другой — догадывался Соррелз. Поскольку капитан Халлет находился в своем кабинете в восточном крыле Белого дома в эту среду вечером 20 ноября 1963 года, в самой резиденции скрывалась третья тайна. Четвертая незаметно промелькнула в доме министра юстиции по адресу Чейн Бридж-роуд, 4700, штат Виргиния, позднее в тот же вечер.

Как и прием судей, это место не было подходящим для предзнаменований. В старинном доме, перед которым стоял большой почтовый ящик с надписью «Р. Ф. Кеннеди», всюду веселились. Около шестидесяти близких друзей собрались отпраздновать тридцативосьмилетие хозяина дома.

Один из гостей, Кен О'Доннел, ушел из дома Роберта Кеннеди, но две детали, запавшие в память, не давали О'Доннелу покоя. Через несколько дней эта тревога, подобно возродившемуся духу, напомнила о себе. Жена комментатора телевидения Дэвида Бринкли спросила о напряженной обстановке в Техасе. О'Доннел, молчаливый, как обычно, ничего не ответил ей.

Позднее Боб Кеннеди спросил его:

— Вы видели это письмо Байрона Скелтона? О'Доннел кивнул: он видел его, это письмо.

Целый месяц члена Национального комитета демократической партии от Техаса Байрона Скелтона не оставляли мрачные предчувствия. Это было само по себе необычным, потому что никто никогда не мог бы упрекнуть его в излишней чувствительности. Ему было под шестьдесят, он был старшим партнером в адвокатской фирме «Скелтон, Броумер и Кортни», директором Первого национального банка в Темпле, штат Техас, оставив пост президента Торговой палаты Темпля. Его аккуратные черные костюмы, мягкий голос и седые пышные волосы делали его воплощением респектабельного южанина. Три года назад он сыграл ведущую роль в организации исторического столкновения католика Кеннеди со скептически настроенными протестантскими священниками Ассоциации пастырей Большого Хьюстона. Своими действиями в Хьюстоне Скелтон заслужил уважение и благодарность президента. Теперь Кеннеди должен был повторить на высшем уровне свою поездку по городам штата. Член Национального комитета демократической партии штата должен был бы испытывать по этому поводу чувство гордости и торжества.

Но Скелтон их не испытывал. Он был обеспокоен. Программа поездки президента предусматривала остановку в Далласе, а Скелтон наблюдал этот город в последнее время со все возрастающим чувством тревоги. Атмосфера там была настолько накалена всякого рода подстрекательскими заявлениями, что он был по-настоящему озабочен. Неустойчивого, легко поддающегося внушению человека, «типа со странностями», как он говорил своим друзьям, без труда можно было бы побудить к действиям. В результате 4 ноября Скелтон решил принять меры.

«Откровенно говоря, — писал он министру юстиции в это утро, — я испытываю тревогу в связи с предстоящей поездкой президента Кеннеди в Даллас». Ссылаясь на одного весьма известного жителя Далласа, который недавно заявил, что «Кеннеди является нежелательным

для свободного мира», Скелтон писал, что «человек, который может сделать такого рода заявление, способен на нести президенту ущерб», и приходил к заключению, что «чувствовал бы себя лучше, если бы маршрут президента не предусматривал Далласа». Он просил «серьезно рассмотреть» вопрос об отмене остановки в Далласе.

Скелтон не ограничился этим. Через два дня он написал Уолтеру Дженкинсу, который был правой рукой Линдона Джонсона, письмо, в котором высказывал дальнейшие опасения насчет Далласа. Скелтон писал Дженкинсу, что предпочел бы, чтобы президент и вице-президент исключили Даллас и. » своей программы. Но Скелтон и этим не ограничился: через недолго он вылетел в Вашингтон и встретился там с членами Национального комитета демократической партии Джоном Бейли и Джерри Бруно. В долгой беседе с Бруно Скелтон подробно обрисовал политическую обстановку в Далласе и изложил свои опасения в этой связи.

— Там небезопасно, — повторял он. — Независимо от взятых ранее обязательств, Даллас следует миновать.

Результаты всех усилий Скелтона были равны абсолютному нулю. 8 ноября министр юстиции, который знал Скелтона как серьезного человека, все же переслал его письмо О'Доннеллу, который счел, что подозрения Скелтона не имеют оснований. И Дженкинс и Бруно решили, что Скелтон просто обижен, что его и миссис Х. Х — Вайнерт, представительницу Техаса в Национальном; комитете демократической партии, не включили в число сопровождающих президента в его поездке. Действительно, они имели основание чувствовать себя обойденными. То, что ни со Скелтоном, ни с миссис Вайнерт не советовались по поводу поездки Кеннеди (о которой они узнали из газет), было грубым нарушением политического этикета. Объяснялось оно настоятельным требованием губернатора Коннэли, чтобы Белый дом не имел дела ни с кем, кроме него самого. Бруно признался в этом Скелтону, а Дженкинс решил поговорить об этом с губернатором. То, что Скелтона обошли, было сравнительно малозначающим фактом, но безопасность президента являлась или должна была быть вопросом первостепенной важности. Скелтон так считал, и он приложил большие усилия, чтобы внушить это другим.

Даже если бы Кеннеди знал об опасениях Скелтона, он все рано отправился бы в Даллас. О визите было объявлено заранее, город ждал его, и отступать на столь поздней стадии было крайне неудобно. Кеннеди был не из тех, кто прячется. Подобно Черчиллю, он считал, что главное — это мужество, остальное придет само собой. К тому же, как напоминал он об этом конгрессмену Хейлу Боггсу, президент Соединенных Штатов Америки — это президент всех штатов. Он не может допустить, чтобы его запугали в каком-либо из них. Угрозы, как и исполнение в честь президента гимна «Слава вождю», связаны с его должностью. Еще до того как Кеннеди официально вступил на свой пост, страдавший умственным расстройством человек по имени Ричард Пол Павлик привязал к своему телу проволокой семь шашек с динамитом, пытаясь взорвать себя и новоизбранного президента. В течение первого года пребывания Кеннеди на своем посту в Белый дом поступило около тысячи писем с угрозами. Некоторые из них были довольно устрашающими. Но все они казались какими-то нереальными, потому что встречи с восторженными людскими толпами говорили совсем о другом. Так было дома, так было за границей. Всюду, куда Жаклин Кеннеди следовала за своим мужем, она видела массовые проявления теплых чувств. Она даже не могла себе представить, чтобы кто-нибудь бросил в него даже помидор.

Кеннеди понимал, конечно, что быть президентом — значит подвергаться опасности. Всякий глава государства знает, что он подвергается особому риску. Как заметил итальянский король в 1897 году, избежав кинжала убийцы: «Таков риск, связанный с профессией». (Позднее этого короля все-таки застрелили.) Газетная вырезка об этом событии вдохновила человека, который убил президента США Уильяма Маккинли. Франклин Рузвельт сказал однажды жене:

— Если человек не боится, что его схватят, то он может совершить покушение на жизнь президента.

Эйзенхауэр считал, что его мог убить любой человек, не боящийся лишиться собственной жизни. Джон Фитцджеральд Кеннеди шутил по этому поводу. Один из его почитателей бросил в Калифорнии в его машину без всякого предупреждения маленький спасательный жилет. Хлоп

— и он опустился на сиденье между президентом и его помощником Дэйвом Пауэрсом.

— Если бы кто-то хотел тебя убить, — сказал президент Дэйву, — то тебя бы уже не было в живых.

Незадолго до поездки в Техас он заметил своему другу журналисту Бартлетту, когда спешивший автомобилист обогнал в Виргинии их машину:

— Этого нельзя было допускать. Он мог бы застрелить тебя, Чарли.

Пауэре и Бартлетт принужденно засмеялись. Им было вовсе не до смеха.

Казалось, что безопасность находится в сильных, компетентных руках секретной службы.

За шестьдесят два года со времени убийства президента Маккинли секретная служба стала легендой. Никто не подозревал, что она, быть может, существует за счет этой легенды, что некоторые из ее методов стали косными или устарели. А это было так. Во время любой поездки президента за пределы Вашингтона, например, агенты секретной службы зависели в очень большой степени от сотрудничества с местным полицейским персоналом. Франк Вильсон, начальник секретной службы при Франклине Д. Рузвельте, внимательно изучал, насколько эффективен аппарат полиции в каждом крупном городе Соединенных Штатов (и, между прочим, считал полицейскую службу в Далласе одной из самых неэффективных). Потом эту практику прекратили. Секретная служба была постоянно представлена только в одном городском полицейском аппарате — в нью-йоркском. Страх перед снайперами в те дни, когда Вильсон был начальником секретной службы, был такой же жгучей проблемой, как и в 1963 году. Но во время автомобильных поездок Рузвельта агенты секретной службы стояли на подножках, окружая президента живым щитом. В современных автомашинах неподвижные подножки больше не годились, хотя секретная служба еще имела одну такую машину. На современных машинах с их низкой посадкой подножки имели бы нелепый вид. Последней президентской машиной с неподвижными подножками был «линкольн космополитэн» выпуска 1949 года, замененный 1 июля 1953 года другой машиной. На сделанном по заказу «линкольне» Кеннеди, поставленном Белому дому 14 июня 1961 года, были гидравлические боковые ступеньки, которые могли выдвигаться по сигналу с места управления. Предполагалось, что они и будут служить подножками. К сожалению, конструкция их, предложенная секретной службой, оказалась неудачной: мгновенно выдвигаясь вперед, они становились опасными, рана окружающих, поэтому их никогда не использовали. Ввиду этого водитель за рулем оказывался в роли главного агента в машине. Если бы водитель машины президента в Далласе имел специальную подготовку на случай критической ситуации и резко затормозил при первом же сигнале опасности, стрелявший, возможно, не смог бы сделать второго выстрела. Водитель не имел этой подготовки. К тому же в таком городе, как Даллас, водителю президента нужно было внимательно следить за машиной, шедшей впереди машины президента: он не знал дороги и никогда раньше не ездил по ней.

Последней линией обороны, которая должна была стать 22 ноября 1963 года решающей, была быстрота реакции каждого агента — его способность моментально реагировать на критическую ситуацию. Для оценки этой способности существуют стандартные испытания. При вспышке красного светового сигнала испытуемый нажимает тормоз, и результат появляется на шкале с отметками в десятые доли секунды. Подобного рода периодическим испытаниям подвергаются в числе прочих лиц пилоты реактивных самолетов. К сожалению, в число этих прочих лиц не входила охрана президента. Агент Клинт Хилл, к примеру, некогда не слышал об этих испытаниях, которые и сейчас, когда пишется эта книга, все еще продолжают оставаться тайной для Главного управления секретной службы. Даже для экспертов физиологические реакции человека не полностью ясны, однако известно, что его рефлексы замедляются по мере старения организма, а быстрый темп жизни может их еще более замедлить. В системе секретной службы темп этот очень напряжен, а ее традиции требовали, чтобы на постах, наиболее близких к Кеннеди, находились люди постарше. Водителю машины президента в Далласе Биллу Гриру было пятьдесят четыре года, начальнику охраны Кеннеди Рою Келлерману, который должен был занимать место рядом с Гриром, было сорок восемь. Более молодые и подвижные агенты должны были ехать впереди или, в лучшем случае, в машине, следующей за машиной президента.

По закону за любое покушение на жизнь Джона Ф. Кеннеди отвечал Дуглас Диллон.

(После убийства президента США Маккинли конгресс возложил ответственность за жизнь президента на министра финансов.) Секретная служба продолжала входить в состав этого министерства, но с течением времени стала неотделимой от личного персонала президента. Помощник президента О'Доннел использовал агентов секретной службы как посыльных. Во время посадки самолета они распределяли среди зрителей булавки для галстука с изображением торпедного катера «ПТ-109» (на котором служил во время войны Джон Кеннеди).

Предвыборная кампания вызывала у них интерес, и они с удовольствием в ней участвовали, но как агенты охраны они порой чувствовали себя обиженными. Кеннеди, как и Линкольн, отказывался жить в клетке.

— Как можно охранять этого человека! — раздраженно спросил агент у кардинала Кашинга на похоронах Патрика, сына президента.

Молодой президент был активнее Эйзенхауэра и стремился больше быть среди людей, а «участие в политической жизни и обеспечение безопасности несовместимы», как выразился однажды О'Доннел в разговоре с начальником группы агентов секретной службы Джерри Беном. Однако одна из возможностей не охранять президента заключалась в том, чтобы окружить его такой массой ненужных предосторожностей, что он взбунтуется. Супруги Кеннеди считали, что секретная служба проявляла часто излишнее рвение некстати. Сидя как-то в укромном местечке на пляже, Жаклин Кеннеди была расстроена, увидев, как катер береговой обороны с агентами с ревом обрушился на рыбака, сидевшего неподалеку в лодке. Из-за подобных бестактностей президент не был склонен считаться с мнением секретной службы. А это значило, что он мог оставить без внимания хорошие советы так же, как и плохие. Хорошо было, к примеру, что агенты забирались на широкий кузов президентского «линкольна», когда толпы угрожали выйти из-под контроля. Плохо было то, что они находились там всегда. Кеннеди надоело видеть за своей спиной агентов всякий раз, когда он оборачивался назад. 18 ноября, за четыре дня до своей смерти, находясь в Тампе (штат Флорида), он сухо попросил агента Флойда Боринга, чтобы тот убрал с задней части машины «этих шалопаев из „Айви лиг“¹⁵. Но Боринг не обиделся: в тоне президента не было раздражения. Президент хорошо относился к людям из охраны, и они знали это. К сожалению, случалось, что» они порой допускали бестактность, и когда президент Кеннеди находился с визитом в Венесуэле, за охраной лично наблюдал министр юстиции. Безопасность во время этой поездки была обеспечена стопроцентная, но это не оставило потом каких-либо неприятных чувств. В Венесуэле были особые условия. Там действительно позаботились о безопасности президента. Каракас всегда был и продолжал оставаться заведомо беспокойным местом. За неделю до своего отъезда в Техас Джон Кеннеди сказал сенатору Хьюберту Хэмфри, что президента Венесуэлы Бетанкура могут пристрелить в любой момент.

Никому, однако, включая Байрона Скелтона, не приходило в голову, что сам Кеннеди подвергался куда большей опасности, чем Бетанкур, хотя многие и опасались, что ему не миновать в Далласе неприятностей. Скелтон отличался от других не беспокойством, которое он сейчас испытывал, а своим упорством. В то же время, когда Скелтон звонил в штаб-квартиру Национального комитета демократической партии в Вашингтоне, священник евангелической церкви Билли Грэхем пытался довести свои опасения до Кеннеди через их общего друга сенатора Смазерса. Настроения, царившие в Далласе, были известны. На той же неделе помощник президента Фред Холборн дважды звонил корреспонденту лондонской газеты «Санди таймс» Генри Брэндону; советуя ему принять участие в поездке Кеннеди в Техас, Холборн мотивировал свое предложение тем, что там могут произойти неприятности. Таким образом, но рекомендации Целого дома Брэндон оказался 22 ноября единственным иностранным корреспондентом в Далласе.

И самих Соединенных Штатах сообщение о том, что президент посетит Даллас, вызвало широкую реакцию. Самые поверхностные читатели газет, даже те, кто не мог бы указать,

¹⁵ «Айви лиг» — объединение выпускников и студентов привилегированных американских университетов (Гарвардского, Принстонского, Колумбийского и др.).

местонахождение этого города на карте, знали, что с ним связан целый ряд опасных инцидентов. В 1960 году во время избирательной кампании толпа взбесившихся домохозяек Далласа встретила Линдона Джонсона плевками, и теперь, когда Леди Бэрд думала о новой поездке в те края, она нервно сжимала кулаки. Совсем недавно, 24 октября, и День Объединенных Наций, там было совершено нападение на представителя США и ООН Эдлая Стивенсона. Когда на следующий день специальный помощник президента Артур М. Шлезингер-младший позвонил ему из Вашингтона в Лос-Анджелес, поздравляя от имени Кеннеди с проявленной им в трудной обстановке выдержкой, Стивенсон заметил, что его потрясла ненависть, свидетелем которой он оказался в Далласе. Он серьезно сомневался, следует ли президенту отправляться чуждыми, и просил донести его сомнения до сведения Кеннеди. Шлезингер положил трубку, а затем заколебался: он сомневался, нужно ли это делать? Поездка состоится, как запланировано. О'Доннел увидит и его действиях, лишь подтверждение своего мнения о Стивенсоне как о суетливом старом человеке. Отношения между президентом и его представителем в ООН будут испорчены без всякого основания. Шлезингер все еще пребывал в нерешительности, когда вновь раздался звонок и Стивенсон взял назад свои возражения. Шлезингер решил, что, вернувшись из Далласа, Стивенсон вновь увидел все в правильном свете.

Возможно, что дело обстояло как раз наоборот. Эдлай, вероятно, более правильно оценивал положение, находясь на месте. Теперь трудно судить об этом, поскольку на воспоминания всех, кто подавал сигналы, наложили свой отпечаток происшедшие события. Одна черта была, однако, общей для всех них: чем ближе наблюдатель знал Даллас, тем серьезнее он был озабочен. Шофер главы, правительства Билл Грир, ирландец по происхождению, сохранял спокойствие, считая, что поездка на автомашине внутри страны безопасна. Посещение морских портов, где проживает много иностранцев, было, по его мнению, связано с большим риском. У секретной службы Даллас имел в общем репутацию трудного города, а лица из окружения вице-президента допускали, что Джонсон также может стать объектом демонстрации. Старые агенты секретной службы знали, однако, по опыту, что местное население воспринимает визит президента как честь для себя и что это чувство берет верх над партийными убеждениями, отступающими на задний план. Советники Кеннеди, которым репутация Далласа была известна — министр финансов Дуглас Диллон, специальный советник Теодор К. Соренсен, помощник Сэлинджера Малколм Килдаф, — считали, что дело может ограничиться несколькими неодобрительными выкриками. Для конгрессменов-демократов от Техаса — Гонзалеса, Олина Тига, Джима Райта, живущих в Вашингтоне, — перспективы этой поездки представлялись более зловещими. Они ожидали пикетчиков с плакатами или града тухлых яиц. Маленькая группа представителей республиканской партии в Капитолии от штата Техас заметалась, стремясь уйти в кусты. Сенатор Джон Тауэр отказался от приглашения в Даллас на 22 ноября, а конгрессмен Брюс Эджер отменил устраиваемый в тот вечер в его честь банкет в далласском отеле «Марриотт». Техасцы, находившиеся у себя дома в Техасе, нервничали еще больше. Коннэли сказал Кеннеди, что, по его мнению, публика в Далласе «слишком эмоциональна» и что решение об остановке там следовало бы пересмотреть. Один издатель в Остине, рассуждая по поводу предстоящей поездки президента в Даллас, предсказывал, что «во время этой поездки с ним обязательно что-то случится».

Но, пожалуй, наиболее ясное предупреждение самому президенту сделал сенатор-либерал Джеймс Уильям Фулбрайт от штата Арканзас, граничащего с Техасом. Во время перевыборной кампании за год до этого Фулбрайт подвергался яростным нападкам со стороны далласской газеты «Морнинг ньюс». Он питал к Далласу глубокое недоверие из-за характерных для этого города актов политического насилия. Хотя у Фулбрайта там были друзья, он отклонил ряд приглашений приехать к ним. Фулбрайт испытывал страх, физический страх, и открыто в этом признавался. 3 октября, за день до того как Кеннеди окончательно утвердил с Коннэли программу поездки, Фулбрайт просил президента объехать Даллас стороной. Глава правительства и сенатор провели почти весь этот день вместе. Они летали в Литтл Рок на самолете президента, а затем на вертолете в Хебер Спрингс на открытие плотины в Грирсе Ферри. Во время полета туда, на завтраке и после него Фулбрайт со всей настойчивостью, на

какую он только был способен, неоднократно заявлял:

— Даллас — очень опасное место. Я бы туда не поехал, и вам туда не следует ехать.

В самом Далласе царил настоящая тревога. Два брата сенатора Ральфа Ярборо, оба адвокаты из Далласа, послали Кеннеди почти одинаковые сообщения, что среди местного населения широко распространены настроения ненависти к президенту. Одна женщина писала помощнику президента Кеннеди, Сэлинджеру, из Далласа:

«Не разрешайте президенту приезжать сюда. Я тревожусь за него. Я боюсь, что с ним может случиться что-то ужасное».

Федеральный судья Сара Т. Хьюз опасалась инцидентов, прокурор Бэрфут Сандерс, старший по рангу чиновник министерства юстиции в этой части Техаса и представитель вице-президента в Далласе, сказал политическому советнику Джонсона Клифу Картеру, что, учитывая политическую атмосферу в городе, поездка туда представляется «нецелесообразной». Городские власти с самого начала этой поездки испытывали дрожь в коленях. Волна враждебности к федеральному правительству на местах достигла критической точки, и они знали это. Они открыто проявляли беспокойство по поводу того, что толпы могут выйти из-под контроля.

— Мне кажется, что нам следовало бы попытаться убедить президента Кеннеди изменить решение о посещении Далласа, — сказал Стоили Маркус из фирмы «Нейман Маркус» своим директорам. — Откровенно говоря, я не думаю, что этот город достаточно безопасен.

Были приняты меры, чтобы сократить до минимума число людей, которые будут приветствовать президента. Обычно визит президента — достаточное основание, чтобы отпустить детей из школы. Если в ближайшее время не предвиделись выборы и особенно если глава правительства давно не посещал город, можно было почти наверняка рассчитывать, что школьников отпустят с уроков. Даллас решил сделать исключение.

Инспектор школьного образования Уайт заявил, что ученикам разрешат участвовать во встрече президента только в том случае, если за ними придут родители.

Члены комитета по организации приема гостя не хотели, чтобы его видели многие взрослые. Они возражали против проезда кортежа через город. Но это означало бы, что те тысяча двести демократов, которые добивались избрания Кеннеди в 1960 году, даже не увидели бы его, поскольку организаторы приема заполнили весь зал, где должен был выступить президент, консервативными элементами. И членам комитета пришлось уступить в этом вопросе. Им удалось помешать некоторым официальным остановкам (маленькая, но боевая группа либералов Далласа хотела, например, чтобы президент сделал остановку и выступил на открытии какого-либо объекта, любого объекта) и навязать свой выбор помещения для банкета в честь Кеннеди. Представлялось маловероятным, чтобы какой-то незваный гость мог помешать этому банкету. Предполагалось, что банкет будет проведен в зимнем саду Торгового центра — гордости Далласа, что на нем не будет много гостей и это будет благопристойное, хорошо организованное мероприятие.

Президента должны были окружать балконы, внутренний пруд, живые деревья, фонтан, струя которого могла бить до потолка, и летающие на свободе попугаи. В анекдоте, который слыл в эти дни в Далласе верхом остроумия, говорилось, что один организатор встречи сказал другому, что он постарается устроить так, чтобы попугаи уронили кое-что в суп Кеннеди.

Это было, однако, сугубо частное замечание. Широкая общественность выступала за создание в городе в ближайшее же время благожелательной атмосферы. Президент Торговой палаты и председатель Совета граждан города просили жителей воздерживаться от демонстраций. В обеих газетах были опубликованы передовые, призывающие к сдержанности. «Таймс геральд» выражала надежду, что как всему миру, так и Джону Ф. Кеннеди понравится то, что он здесь увидит». И даже далласская «Морнинг ньюс» — рупор правых — допускала, что «еще один инцидент, подобный инциденту со Стивенсоном, может нанести Далласу смертельный удар в глазах нации, особенно с политической точки зрения». 18 ноября было молниеносно принято постановление городских властей, ставившее нападки на приезжих ораторов вне закона. Двумя днями позже начал действовать начальник полиции Далласа Джесс Карри. Предпринять какой-либо шаг было для Карри огромным делом. Начальник полиции города, которому предстояло стать ареной величайшего преступления века, был человеком

мягким и малоэнергичным. Однако более решительные лидеры деловых кругов города внушили ему, что налицо чрезвычайные обстоятельства. В связи с этим Карри публично заявил, что «немедленно примет меры против всякого неподобающего поведения» в пятницу. Он пошел дальше. Если окажется, что полицейские не справятся с охраной гостя, заявил он, то частные лица получают право производить аресты подозрительных граждан. Начальник полиции, напоминая публике о праве ареста граждан, дает тем самым сигнал для паники. Он объявил фактически всех граждан помощниками полиции. Однако те силы, которыми располагал Карри, были отнюдь не малыми. Он мобилизовал все резервы, отменил все отпуска и собрал семьсот полицейских, пожарных, шерифов, полицию штата, техасскую конную полицию, агентов техасского департамента общества иной безопасности и агентов ФБР при губернаторе. Город был наводнен полицейскими. Даллас еще никогда не был свидетелем столь строгих мер безопасности.

Поводом для таких беспрецедентных мер предосторожности был визит президента Соединенных Штатов.

Сначала раздавался хор предупреждающих голосов, затем последовала катастрофа. Между ними лежит пропасть, глубины которой, вероятно, никогда не удастся до конца исследовать. Через десять месяцев после трагедии комиссия Уоррена не обнаружила «никаких доказательств» наличия связи между преступлением Ли Харви Освальда и «общей атмосферой ненависти», царившей в Далласе. Следует отметить, что это суждение было единогласным, хотя отдельные члены комиссии Уоррена и выступали с совершенно определенными оговорками. Решение это было продиктовано соображениями целесообразности. Они надеялись, что их доклад получит самое широкое признание. Большинство из них считали, что предположения, высказанные по поводу Далласа, могли в какой-то степени дискредитировать остальные выводы комиссии, и поэтому уклонились от прямого ответа на вопрос. Члены комиссии признавали, что убийца знал о напряженной политической обстановке в Далласе, но приходили к выводу, что «судить о том, в какой мере на него оказало влияние общее политическое брожение в городе, не представляется возможным, хотя Освальд и знал о нем».

Решающим во всей этой фразе является слово «судить». Совершенно очевидно, что невозможно точно определить взаимосвязь между личностью и ее окружением. Можно с таким же успехом пытаться фотографировать тоску по родине или представить страсть в виде музейного экспоната. Честь, честность, любовь и ненависть нельзя прикрепить кнопками на доску для объявлений. И однако все они существуют. Некоторые причины действий лежат за рамками доказательств. Подобно тени, они неуловимы. Обсуждая их, мы вступаем на путь предположений. Но делать обоснованные предположения — одна из обязанностей историка. Источником их не могут быть только отпечатки пальцев, траектории полета пуль и спектрографические исследования. Признано, что убийца в Далласе не был участником обычного преступного заговора. Возможно, что это и не имеет прямого отношения к существу вопроса. Ли Харви Освальда называли «одиночкой». Почти все хватались за это слово, чтобы описать его, а также чтобы истолковать его действия. Все они заблуждались. Бесспорно, что его мышление было ограниченным. Мышление всякого убийцы идет по узкой колее. Но одиночек не существует. Ни один человек не существует в пустом пространстве. Все его действия определяются временем и обществом, в котором он живет. Джон Уилкс Бут не был агентом конфедератов. Вопреки тому, что считали прежде, он действовал сам по себе. Не президент США Линкольн, его жертва, был убит в критический момент нашей истерии, в городе, кишевшем людьми, симпатизировавшими южанам, и ожесточенными призывами к мятежу. Пытаться установить точную взаимосвязь между действием, историческим периодом, когда оно происходило, и его местом — безнадежная затея. Но будет абсурдом утверждать, что этой связи не существует и что преступление в театре Форда могло быть совершено в спокойном обществе, не подвергающемся потрясениям.

Подобно Буту, Освальд был убит наблюдавшим за ним со стороны человеком, что сделало дальнейшее расследование невозможным. Тем не менее арена действия, которую он избрал, его пережила. О городе, внушавшем беспокойство Байрону Скелтону, сенатору Фулбрайту и ряду других людей, известно довольно многое. 15 ноября министерство юстиции послало

специальному помощнику президента Кену О’Доннелу объемистый секретный доклад о Далласе, в котором говорилось, что большинство из 747 тысяч жителей города являются американцами «англосаксонского и шотландско-ирландского происхождения». Последнее время население быстро росло, причем главным образом за счет притока из сельских районов штатов Техас, Луизиана и Арканзас. В Далласе эти переселившиеся южане оставались «в политическом и социальном отношении консервативными», ибо их новое окружение разделяло их взгляды. «Политический консерватизм Далласа объясняется сугубо религиозным воспитанием и наличием в течение многих лет подходящих для этого условий». Учитывая «солидное и независимое богатство, возникшее на основе добычи нефти и недавней индустриализации», консерватизм этот усилился и приобрел в последнее время «откровенно наступательный» и «воинствующий в политическом отношении» характер.

Деньги Далласа — это новые деньги, и их много. На юге столица Техаса идет впереди всех других городов по производству товаров, оптовой торговле, страхованию и банковскому делу. Каждый октябрь там происходит самая большая по сравнению со всеми штатами ярмарка. Старожилы, богатство которых выросло на хлопке, оказались отодвинутыми на задний план. Власть перешла к новым людям. Во многих случаях они пользовались ею очень ловко. Всюду, где вопрос о расовой интеграции угрожал осложнениями, они спокойно уступали. С сознанием своего высокого общественного положения и с чувством гражданского долга они управляли чистым городом, свободным от коррупции и сравнительно свободным от порока (большие штрафы вынудили профессиональных проституток удалиться из Далласа за тридцать две мили — в соседний город Форт-Уорт). Отцы этого города проявляли ярко выраженный интерес к симфоническому оркестру, опере и музею изящных искусств. Они откровенно стремились, чтобы город имел в глазах общественности приятный облик. Культура и ученость содействовали созданию этого привлекательного фасада.

О’Доннел располагал также в избытке данными о колледже баптистов в Далласе, об епископальном колледже, Южном методистском университете, Юго-западном высшем медицинском училище при Техасском университете и о его многочисленных клиниках, объединенных в единый институт, именуемый Мемориальный Парклендский госпиталь.

Внешний образ можно создать с помощью грима, о городе же нельзя судить по той рекламе, которую он сам себе делает. Есть более достоверные показатели, в том числе результаты местных выборов. В 1963 году Даллас был цитаделью республиканцев, о чем свидетельствовал уже состав его населения. Громадную часть — 53,5 процента — самодеятельного населения Далласа составляют директора различных предприятий и контор, агенты по продаже имущества или служащие. Город с жителями, не занимающимися физическим трудом, на 97 процентов протестантский и разросшийся за счет тысяч обитателей мелких сельских населенных пунктов, отошедших от традиционных связей с демократами, Даллас был объявлен в передовой статье местной газеты «центром возрождающегося республиканизма». В действительности же он был скорее его островком. Окружающие его сельские районы продолжали придерживаться старых убеждений. В тридцати милях к северу от «Большого Д.», как любят называть Даллас его жители, находится четвертый округ конгресса с 220 тысячами избирателей. Округ этот, ранее вотчина спикера палаты представителей Сэма Рейберна, остается по-прежнему прочной опорой демократической партии. В 1960 году, во время президентских выборов, Кеннеди и Никсон шли вровень в семидесяти одном из семидесяти двух графств северо-восточного Техаса. Будучи блестящим исключением, «Большой Д.» забаллотировал Кеннеди огромным большинством (62,5 процента), выбрав одного республиканца в палату представителей и 8 республиканцев в легислатуру штата. Даллас приводил члена Национального комитета демократической партии от Техаса Байрона Скелтона в отчаяние. Он уже давно смирился с тем, что львиная доля голосов Далласа в 1964 году будет отдана противнику Кеннеди.

Его предостережения Вашингтону не диктовались, однако, соображениями партийной борьбы. Стремясь завоевать голоса избирателей, член Национального комитета не будет прятать от них своего кандидата. Если бы Скелтон хотел увеличить шансы Кеннеди, он стремился бы к тому, чтобы жители Далласа воочию увидели президента. Дело было не в этом. В городе господствовало нечто не имевшее ничего общего с обычной внутривнутриполитической

борьбой — какая-то напряженность, душевный надрыв, резкий истерический тон, свидетельствующие о глубоко ненормальном состоянии общества. В Далласе это было особенно пугающим, потому что уже в течение некоторого времени взлелеянный его лидерами образ города был запятнан мрачным насилием. Девицы легкого поведения и взяточники уехали, но убийц становилось все больше.

Техас занимает первое место в Соединенных Штатах до числа убийств, а «Большой Д.» — первое место в Техасе. Каждый месяц в Далласе совершается больше убийств, чем во всей Англии, и ни в одном из них не замешаны бандиты или приезжие. Все это работа граждан Далласа. За последний год число убийств выросло на 10 процентов. Кроме того, около трех из каждых четырех убийств (72 процента) было совершено с помощью огнестрельного оружия. В «Большом Д.» не требуется никакой регистрации при покупке оружия, и вообще над продажей и хранением огнестрельного оружия отсутствует какой бы то ни было контроль. Единственная попытка ввести законодательство такого рода была отвергнута местным судом. На 22 ноября в 1963 году в Далласе было совершено 110 убийств. Насильственной смертью стала частью его обычного образа жизни. О ней говорят как бы между прочим. В день, когда объявили о визите президента, Эйбрахам Запрудер, фабрикант готовой одежды, перебравшийся в Даллас из Нью-Йорка, беседовал с одним не известным ему лицом по вопросу о гражданских правах. Человек этот допускал, что Вашингтон обладает достаточной силой, чтобы выступить в поддержку расового равенства.

— Бог создал больших людей, — сказал он, имея в виду Кеннеди, и, указывая на себя, добавил: — И бог создал маленьких людей.

Затем он сказал, растягивая слова:

— Но Кольт создал свой 45-калиберный, чтобы сравнять шансы.

Запрудер был озадачен. Ему никогда не приходилось слышать ничего подобного в кварталах Манхэттена, где торгуют одеждой.

— Нам не нужны такие люди, как вы, — оборвал он неизвестного.

Тем не менее такие люди существовали. На третьем году пребывания Кеннеди на посту президента в графстве Даллас господствовала какая-то лихорадочная атмосфера. Творились безумные вещи. Надписи на огромных рекламных щитах истерически звали «отдать под суд Эрла Уоррена», а на еврейских магазинах был намалеван знак свастики. Молодые фанатичные домохозяйки отплясывали перед публикой, скандируя слова: «Стивенсон умрет, ему придет конец, конец, конец, и он будет гореть в аду, гореть, гореть!» Пропагандистские материалы ультраправых раздавались в государственных школах. Упоминание имени Кеннеди в классах вызывало неодобрительные выкрики. От младшего административного персонала школ требовали присутствия на собраниях ультраправых. Даллас стал Меккой для шаманских представлений проповедников. Собрания национального возмущения, Христианских крестноносцев, минитменов, Общества Джона Бэрча и Общества Патрика Генри. Он стал также главным штабом техасского нефтяного миллиардера Геральдсона Ла-файета Ханта с его специфической деятельностью. Один отставной генерал-майор в Далласе вывесил перед своим домом государственный флаг США древком вверх. В День труда в 1963 году звездно-полосатый флаг вывесил перед своим домом казначей графства Уоррен Г. Гардинг, названный так своими родителями-демократами по имени президента-республиканца Гардинга во времена, когда все дети Техаса воспитывались в духе уважения к лицам, находящимся на этом посту, независимо от их партийной принадлежности. К казначею подошел сын одного врача и горько заметил:

— Это же флаг демократов! Раз вы уж вывешиваете флаги, почему бы вам не вывесить заодно серп и молот?

Это было не просто проявлением партийных убеждений — это было настроение, существовавшее вне зависимости от партийной принадлежности, инфекция, заразившая членом обеих партий. Бесспорно, многие из ультраправых, шумевших громче всех, были республиканцами, и одним из самых популярных из местных героев в городе был конгрессмен Эдджер, более всего известный тем, что три года назад присутствовал во время оплевывания Леди Бэрд — жены Линдона Джонсона. Но в графстве Даллас демократическая партия немногим отличалась от республиканской. Большинство кандидатов от демократической

партии представляло собой не альтернативу республиканцам, а лишь их более правый вариант. Один конгрессмен из «Большого Д», сын фабриканта кроватей, был формально демократом. Но ото ничего не значило. В Вашингтоне конгрессмена-демократа Джо Пула было трудно отличить от республиканца Эджера. Опираясь на солидную поддержку со стороны крупного капитала Далласа, Джо Пул, выступая против законопроекта о гражданских правах, говорил своим избирателям, что его «тошнит» от правительства Кеннеди. Джо Пул опровергал предъявлявшееся ему обвинение в том, что он никогда не делал ничего конструктивного. Он чрезвычайно гордился своим неизменным присутствием на всех заседаниях комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. В Капитолии на него смотрели, как на диковину. У себя в Далласе он был всего лишь типичным демократом. В конце концов прошел уже тридцать один год с тех пор, как Исполком демократической партии в Далласе поддерживал последний раз на выборах кандидатов от демократической партии. Демократами Далласа считали себя генерал Эдвин Уокер и миллиардер Г. Л. Хант. Мэр города Эрл Кэйбелл прошел по избирательному списку демократов, поэтому его на местном республиканском жаргоне величали «социалистическим мэром Далласа». Однако это был всего лишь политический трюк. Даже сторонники Общества Джона Бэрча знали, что в действительности Эрл Кэйбелл никогда не был преданным и убежденным участником коммунистического заговора. Пять лет назад он поддерживал Эджера. В прошлом Кэйбелл был председателем ультраконсервативной Ассоциации промышленников Техаса и присутствовал на организационном заседании местного отделения Общества Джона Бэрча в одном из номеров отеля в Далласе. После 22 ноября 1963 года, когда в политике внезапно появились иные веяния, воспоминания мэра о его прежних связях стали крайне туманными — он был обращен в другую веру. Теперь Кэйбелл выступал по большинству вопросов как демократ джонсоновского толка. К тому же он не стал фактически в тот вечер членом Общества Джона Бэрча. Он и Элизабет, или Милочка, Кэйбелл (ласкательные имена «ев техасских политиков становятся известными публике) прослушали записанные на магнитофон идеологические призывы бэрчистов и ушли. Но их друзья были членами этого общества, и Кэйбелл так же хорошо знал господствующие политические настроения и проявлял к ним такое же уважение, как и любой германский чиновник начала тридцатых годов. Кэйбелл присутствовал на собрании, поскольку ему сказали, что там речь пойдет об антикоммунизме. Он и Милочка должны были проявить к этому интерес. Проявление правых настроений было таким же гражданским долгом, как и участие в Церковном совете в? в Ковбойском обществе Далласа. И тридцать друзей и приятелей мэра, все деловые люди, собрались в отеле „Стэтлер Хилтон“, чтобы отдать дань уважения Роберту Уэлчу, крупному фабриканту кондитерских изделий.

Группа в составе двух конгрессменов, генерала в отставке и местного миллиардера могла претендовать на влиятельное положение в любом городе. Были и другие выразители бунтарского настроения Далласа: представители делового мира в ковбойских сапогах, прикреплявшие надпись «Нокаут всем Кеннеди!» на хромированные буфера своих машин; пожилые дамы с обесцвеченными перекисью волосами, вдовы богатых и влиятельных людей, развлекающиеся игрой: «Кого из Кеннеди вы больше всего ненавидите?» (Правильный ответ: 1. Бобби. 2. Джека. 3. Тедди. 4. Джекки); процветающие образованные молодые супружеские пары, собиравшиеся за высокими бокалами виски с содовой в предместьях Далласа Хайленд-парк и Университи-парк чтобы обменяться анекдотами об убийствах и непристойными сплетнями о семье президента, которые лучше всего рассказывали шутники, имитирующие его бостонский акцент.

Даллас не обладает монополией на ненависть. Критика президента — старый американский обычай. В конце концов президент — это самый крупный в стране объект для критики, и всякое создание культа президента сопровождается образованием его антикульта.

— Запомни, — предостерегал Вудро Вильсон свою дочь во время своего первого срока пребывания на посту президента, когда все у него шло гладко, — вся эта свора только и ждет, чтобы разорвать тебя на части.

Эндрю Джексона изображали нарушителем супружеской верности, Линкольна — обезьяной, Гарри Трумэна — неудачным торговцем галантереей. Томас Джефферсон был

«сумасшедшим Томом». Досталось даже Вашингтону.

«Меня обвиняют в том, что я являюсь врагом Америки и нахожусь под влиянием иностранной державы, — писал Вашингтон „сумасшедшему Тому“, — и каждый шаг моего правительства искажается в таких преувеличенных и неприличных выражениях, которые вряд ли можно было бы употребить по отношению к Нерону, общеизвестному банкроту, или даже к обыкновенному карманному вору».

Некоторые из правоверных в однозвездном штате Техас ожидали, что на пост президента вступит некто вроде долговязого киноактера Джона Уэйна с двумя торчащими по бокам кольтами. Этой весной к беженцам с Кубы, живущим в Майами, было обращено следующее широковещательное заявление:

«Лишь в одном случае сможете вы, кубинские патриоты, жить когда-нибудь вновь свободными людьми у себя на родине, руководить кубинским народом и заботиться о его благоденствии так, как это и надлежит делать наиболее способным».

Эта благодать должна была снизойти на них.

«Если бы волею своей господь водворил в Белый дом в течение ближайших нескольких недель техасца, известного как друга всех латиноамериканцев, хотя и вынужденного в нынешних условиях склониться перед захватившими с 1905 года власть в Соединенных Штатах сионистами, подставными лицами и пешками которых являются Джек Кеннеди, Нельсон Рокфеллер и другие члены Совета по международным делам и связанных с ним организаций. Хотя Джонсон и вынужден теперь склоняться перед этими хитрыми и ловкими евреями — покровителями коммунистов, но если бы господь внезапно поднял его на самый верх, он снова стал бы тем, кем были его любимые отец и дедушка, и вернулся бы к тому, чем они дорожили и чему были преданы — к их принципам и вере».

Текст этот, украшенный изображениями клейма для коров и контурами Аламо¹⁶, был датирован 18 апреля 1963 года и подписан «техасцем, который негодует по поводу влияния Востока, контролирующего, унижающего, оскверняющего и порабощающего свой собственный народ».

Сильный президент должен быть готов к оскорблениям. Кеннеди создал сильное правительство, в результате чего зашевелились крайние элементы, которые вели себя сравнительно спокойно при его менее напористом предшественнике. В ряде небольших городов они задавали тон в местном обществе, но почти всегда оставались совершенно очевидным меньшинством.

Что ставило Даллас в особое положение, так это его величина и отсутствие какого-либо действенного сопротивления. Там не было никаких разногласий, поскольку отсутствовала борьба мнений. Даллас был единственным крупным американским городом, где подстрекательство к насилию стало уважаемым. Уэлч был вознесен местными властями, а Эдлай Стивенсон подвергся во время своей поездки бойкоту. Сторонники президента — и даже президентской власти, как таковой, ибо дело дошло уже до этого, — были немногочисленны, лишены боевого духа и безмолвны. Знаменателен тот факт, что, когда президент Кеннеди прибыл в Даллас 10 октября 1961 года к смертному одру спикера палаты представителей Сэма Рейберна, его приветствовало только одно официальное лицо — начальник полиции.

Явное единодушие Далласа ставило в тупик посторонних и даже самих техасцев. Конгрессмен Гонзалес, в Бексаргком графстве которого настроения в пользу демократов были столь же сильными, как в Далласе в пользу республиканцев, прибыл как-то в Даллас для получения награды Национальной ассоциации содействия прогрессу местного населения. Уехал он отсюда озадаченный. Церемонии вручения происходила в маленькой баптистской церкви и походила на подпольное собрание. Устроители, казалось, были сильно запуганы. Они нервно оборачивались, что-то наспех пробормотали, сунули ему в руки медаль и быстро разошлись в разные стороны. По возвращении в Вашингтон Гонзалесу все это показалось тяжким сном. Он шутил по этому поводу, говоря, что не стал бы участвовать там в

¹⁶ Аламо — город штата Техас.

предвыборной кампании, не имея охранного свидетельства, и сказал президенту:

— Даллас похож на Конго — он не готов к самоуправлению.

Оливки Гонзалес неправильно ставил вопрос: Далласу как раз не хватало самоуправления. Из-за его отсутствия городом управлял комитет влиятельных торговцев. Как говорилось в докладе министерства юстиции О'Доннелу: «Руководство Далласом осуществляется ныне Советом граждан города, в который входят руководители крупнейших компаний».

С 1937 года основные решения принимались тридцатью членами этой группы и их политическим орудием — Ассоциацией доверенных лиц. При назначении местных должностных лиц они действовали во многих отношениях подобно средневековой ганзейской олигархии, назначавшей бургомистров. Большинство сеньоров не были сами ультраправыми — они просто не доверяли демократическому беспорядку, будучи уверены, что их благожелательный деспотизм представляет собой более эффективную замену его. Из-за проявившегося ими удивительного равнодушия к эксцессам ультраправых они, однако, несли большую ответственность за политическую атмосферу в городе. У истоков идеологии правых не было ничего чуждого, привнесенного извне, и в этом была ее огромная притягательная сила. Корни непримиримой враждебности Далласа к политике «новых рубежей» Кеннеди заключались в глубокой тоске по ценностям (настоящим и воображаемым) «старых рубежей». Мало того, что Кеннеди обладал личным состоянием и говорил с чопорным акцентом Новой Англии. Наиболее оскорбительным был его вызов клановым инстинктам истых даллаовцев. Президент был к тому же мыслящим человеком. Это представляется безобидным и даже достойным уважения качеством. Но во времена «старых рубежей» человек, остановившийся для размышлений, не остался бы в живых. Он должен был полагаться на свой боевой дух и инстинкты и решать свои проблемы с помощью кулака, и но с помощью разума.

Кеннеди отказывался дать миру пинок. Вместо этого он выступал за многообразие, терпимость, нетрадиционный подход к вопросам. Для человека, верного прошлому, это было профанацией. Общество, состоявшее из колонистов, отвоевывавших земли у индейцев, требовало полного подчинения единым для всех правилам. Все должны были держаться вместе, подходить под одну мерку и создавать круговую оборону при помощи повозок, когда возникала опасность. Это диктовалось необходимостью, иначе индейцы стерли бы всех с лица земли.

Отсюда следовало, что незнакомец из восточных штатов представлял собой угрозу. В некоторых случаях «религия» научила сыновей вчерашнего дня, как поступать с такого рода угрозами.

Вечером 20 ноября 1963 года, когда президент Кеннеди принимал членов Верховного суда в своей резиденции, преподобный Дж. Сидлоу Бакстер, человек с белоснежными волосами, назвавшийся «странствующим проповедником», заявил пяти тысячам делегатов съезда баптистов Техаса, что американские избиратели сделали «одну из величайших ошибок в истории, допустив в Белый дом президента-католика». Религиозные убеждения, продолжал Бакстер, должны возобладать над политической лояльностью. Он настаивал на том, чтобы в 1964 году баптисты «голосовали не за демократов или республиканцев, а за протестантов». В знак одобрения его паства поднялась, восклицая: «Аминь!».

Конечно, они не собирались убивать президента. Они даже всерьез не говорили об этом. На тему об убийстве в Далласе шутили ради развлечения. Однако микробы благочестия были весьма реальными. В нападениях фундаменталистов¹⁷ на Кеннеди чувствовались сильные отголоски пророков Исаяи и Иеремии. Громы морального возмущения ясно слышались в передовых далласской «Морнинг ньюс», крестовый поход которой против правительства служит ключом к пониманию абсолютизма «Большого Д.».

Газета «Морнинг ньюс» — старейшее деловое предприятие штата. Она начала издаваться в 1842 году, когда Техас был еще республикой. Эту газету читали почти все. Ли Харви Освальд сосредоточенно изучал ее столбцы, и даже Байрон Скелтон подписывался на нее, чтобы жена была в курсе рекламы фирмы «Нейман Маркус» — поставщика модных дамских туалетов.

¹⁷ Фундаменталисты — сторонники одного из современных американской протестантской религии, отстаивающие нерушимость «Священного писания» и веру в библейские чудеса.

Издателем и председателем правления этой газеты был Е. М. — Тед Дили, тучный человек в очках с зеленоватыми стеклами, со скрипучим голосом, полный несгибаемой преданности тому, что он называл «духом Кита Карсона и Дэниела Буна»¹⁸. Наиболее почтенный орган в Далласе, «Морнинг ньюс» под руководством Дили создала в начале 60-х годов хорошую репутацию ультраправым. Осенью 1961 года Дили был и в составе группы тexasских издателей, приглашенных на завтрак в Белый дом. К изумлению присутствовавших том гостей, он извлек из кармана и громко зачитал составленный им грозный обвинительный акт против хозяина дома. Он хотел, чтобы все знали, что Тед Дили не слабоумный, «которого можно водить за нос» или «привлечь на свою сторону с помощью приманки». Он пришел к заключению, что «мы можем уничтожить Россию и должны дать ясно понять: это советскому правительству». К несчастью для Америки, сказал он далее, обращаясь к Кеннеди, «вы и ваше правительство — кисейные барышни», а нужен «мужчина, который верхом на коне руководил бы народом. А в Техасе и на юго-западе многие считают, что вы катаетесь на трехколесном велосипеде Кэролайн».

Президент покраснел. Он мог игнорировать хамское поведение, но он почувствовал негодование — чего Дили никогда бы ни смог понять — в связи с упоминанием о его трехлетней дочери. Оно не имела ко всему этому никакого отношения, и упоминание ее имени было идиотизмом. Кеннеди холодно ответил:

— Болтать о войнах проще, чем их вести. Я не менее твердый человек, чем вы, и я избран в президенты не за мягкие убеждения.

В отчете «Морнинг ньюс» об этом инциденте («Разговор начистоту») этот ответ был опущен. Вместо этого редакторы приводили отклики читателей («Читатели целиком поддерживают заявление Дили в адрес Дж. Ф. К. »), включая похвалы Брюса Элджера и Г. Л. Ханта.

«Благодарение господу, нашелся человек, у которого хватило смелости сказать то, что сказали вы», — писал один почитатель, а другой спрашивал: «Почему так деликатно „Морнинг ньюс“ сообщала, что получила более двух тысяч телефонных звонков, телеграмм и писем, в которых около 84 процентов читателей высказывали свое одобрение?»

Нет оснований сомневаться в правильности этих данных. Для верных подписчиков и для телезрителей передач местной телевизионной компании, которая принадлежала «А. Х. Белко корпорейшн» (а эта корпорация, в свои очередь, принадлежала Дили), позиция издателя не была предосудительной. Рой С. Трули, директор Техасского склада учебников, весьма неодобрительно относился к внешней политике Кеннеди и считал, что своей внутренней политикой президент содействует «расовому смешению». Рон Фишер, молодой клерк из соседней конторы ревизора графства, считал президента «настоящим левым», который допустил «убийство этих людей» на Кубе. По мнению Говарда Л. Бреннана, сорокачетырёхлетнего водопроводчика, работавшего по соседству, Кеннеди «был (лишком мягок во время кубинского кризиса)». В 1960 году брат Ли Освальда Роберт голосовал за демократов. Теперь, озабоченный «социализмом» правительства, он стал поддерживать Голдуотера.

В течение двух месяцев перед последней поездкой Джона Кеннеди в Техас на страницах «Морнинг ньюс» появилось нечто от Оруэлла¹⁹. Чтобы понять некоторые Фразы, нужно было знать определенный код. Новый курс Франклина Д. Рузвельта именовался там «странным курсом», Верховный суд США — «кремлевским судом». Столица государства оказывалась «странным городом», населенным «подрывными элементами, ренегатами и темными личностями, угрожающими безопасности государства», число которых не известно, а управляет ею опасный проходимец. Порой среди работников редакции «Морнинг ньюс» возникали

¹⁸ Карсон, Кит (1809-1868) и Бун, Дэниель (1735-1820) — офицеры американской армии, так называемые «герой» истребительной войны против коренных жителей Северной Америки — индейцев.

¹⁹ Оруэлл, Джордж — псевдоним английского писателя Блэра Артура (1903-1950), произведения которого проникнуты духом антикоммунизма и антисоветизма. В описаниях событий и применял коды.

разногласия по поводу того, каким именно проходимцем является президент Кеннеди. Иногда с ним расправлялись просто как с идиотом, а когда был подписан договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, его заклеили как «пятидесятикратного болвана». В другой раз он оказывался хитрым вором, «хотя окончательных доказательств» этого «пока не удалось получить». Он как будто бы принял «взятку в сумме 22 тысяч долларов от одного мошенника», чтобы остановить некие мероприятия по высылке иностранцев. Чаще его изображали как Иуду, который следует «коммунистической линии — атеистической и безбожной»; который поддерживает силы беспорядка, «связанные с коммунистическим лагерем»; который защищает незамужних матерей, людей, покушающихся на благосостояние граждан, и «принудительное объединение в профсоюзы»; который стремится набрать подходящий налог налогоплательщика и без его согласия потратить эти деньги за границей под видом «помощи иностранным государствам», в странах, «отрицающих существование всевышнего».

Было бы, однако, бесполезным искать у «Морнинг ньюс» какой-то тонкой характеристики образа президента. Газета начала против него тотальное наступление. 10 октября читатели узнали, что «государственный департамент мистера Кеннеди громогласно возражает против захвата власти антикоммунистическими силами» в Доминиканской Республике и Гондурасе. В передовой, напечатанной ранее, превозносилось издание книги, полной ожесточенных нападок на Кеннеди. Согласно свидетельству одного из самых доверенных лиц Кеннеди, автор этого пасквиля даже никогда да не встречался с президентом. Газета начала печатать в каждом номере отрывки из текста, снабдив их примечанием редактора, заверявшего подписчиков, что, поскольку «все факты подтверждаются документами», автор имеет возможность «представить вам Джона Ф. Кеннеди таким, каков он есть на самом деле».

Часть первая В пути

Глава первая САН-АНТОНИО, ХЬЮСТОН, ФОРТ-УОРТ

Перед завтраком в четверг, 21 ноября, президент Соединенных Штатов надел свой корсет, поддерживающий спину, зашнуровал ботинки (в левый из них был вложен супинатор высотой в четверть дюйма), надел костюм, выбранный камердинером, повязал галстук, выдержанный в строгом вкусе, закрепил его блестящей булавкой с изображением торпедного катера «ПТ-109» и положил в карман черный кожаный бумажник с двадцатью шестью долларами и прикрепленной к нему медалью Св. Христофора, а также свидетельство на право вождения машины за номером 053332, выданное в штате Массачусетс. Как всегда, подпись его на нем была не более разборчива, чем подпись врача на рецепте. Из текста явствовало, что удостоверение выдано Джону Ф. Кеннеди, проживающему по адресу: Бостон, улица Баудуин, 122. Из него следовало также, что, если удостоверение не будет возобновлено, право Кеннеди на вождение машины по стране истечет 29 мая 1965 года и полиция штата Массачусетс сможет подвергнуть его аресту. При этом давалось краткое описание возможного нарушителя: рост — 6 футов, цвет волос — код № 4 (каштановый), цвет глаз — код № 6 (серые), дата рождения — 29 мая 1917 года. Эта маленькая карточка была единственным удостоверением личности, которое он имел при себе.

Прежде чем выйти, президент бросил взгляд на свое отражение в зеркале спальни. Под рамку зеркала, частично заслоняя его, были засунуты цветная почтовая открытка с изображением «дома предков» Кеннеди в Ирландии, открытка из Амальфи в Италии («Италия мне нравится больше, чем Хайяннос²⁰, но Хайяннос мне нравится немного больше потому, что там есть ярмарка. Я очень по тебе, папочка соскучилась. *Кэрлайн*»); нацарапанное от руки

²⁰ Хайяннос-Порт (штат Массачусетс) — место жительства родителей Джона Ф. Кеннеди.

расписание католических месс в Вашингтоне; моментальный снимок Кэролайн в туфлях матери; любительское фото Джекки и старое фото Джека, Джекки, Боба и Этель, Джекки на этой фотографии казалась задумчивой, Этель и Боб сияли, а сам президент выглядел очень молодо. В это утро МОП выглядел не так. Почти трехлетнее пребывание в Белом доме взяло свое. В его волосах (код № 4) появилась седина, на лице, особенно вокруг рта, появились морщины. Эйзенхауэр продолжал называть его «мальчиком», но к сорока шести годам он вполне подросток, и даже больше.

Вчера Кеннеди взвешивался на весах в бассейне. Он весил ровно 172, 5 фунта. Он был в хорошей спортивной форме и в расцвете сил. В зеркале отражался цветущий и, как говорят врачи, хорошо упитанный мужчина европейского типа, Похожий в профиль на Линдберга, он был все еще стройным и интересным, глаза (код № 6) все еще продолжили оставаться ясными, лицо было румяным с Легким красноватым оттенком на висках. Во время краткой поездки по Флориду он слегка загорел. Президент выглядел преуспевающим, уверенным в себе американским отцом семейства, который собирается в трудную деловую поездку, что как раз и соответствовало действительности.

— Кэролайн! — позвал он. — Джон!

Он захлопал в ладоши, и они прибежали к нему — Джон в клетчатых коротких штанишках, Кэролайн в голубых чулочках и синем бархатном платье. Гувернантка Мод Шоу сказала детям, что родители отправляются в Техас. Это ничего по говорило Джону, но его сестра приобрела немалые познания по географии из-за поездок отца. Она любила, чтобы прощания перед такими поездками как-то запоминались. Прошлым вечером Кэролайн с особым старанием выбрала платье и разложила его около своей кровати, но, к неудовольствию Мод Шоу, переменяла утром свое решение. Сейчас она прыгала за дверью, ожидая знакомый низкий голос. Президент знал по опыту, что будет неразумно не замечать ее нарядов: за невнимание, проявленное сегодня, придется платить завтра. Он пробормотал галантный комплимент и пошел к столу, увлекая их за собой.

Мать была занята прической, и теперь за завтраком отец находился в их распоряжении. Они весело щебетали, пока он просматривал газеты и давал по телефону указания заместителю министра обороны Россу Гилпатрику. В 9.15 дочь президента должна была идти в школу. Обняв его, она прошептала:

— Пока, папочка («Пока, Кэролайн»), — сказал он, — и убежала, мелькнув тоненькими ножками в голубых чулках.

Через полчаса президент направился в западное крыло Белого дома, не попрощавшись с Джоном. Кеннеди любил бывать возможно больше с сыном и собирался взять его с собой на аэродром. Мальчуган ждал его, играя игрушечными самолетами, и смотрел через окно на затянутое облаками небо. Моросил мелкий дождь.

Президент провел час в своем кабинете за напряженной работой. Еще двум послам США был дан приказ отправляться в путь (в Верхнюю Вольту и Габон). Затем он подписал подготовленный Годфри Макхью декрет о присвоении очередных рангов персоналу военно-воздушных сил, позвонил Бобу Кеннеди и Артуру Голдбергу, написал посвящение на книге для профессора Клинтона Росситера, надписал фотографию для директора школы в Ворчестере, штат Массачусетс, опять позвонил Бобу и послал личные соболезнования близким пяти американских военнослужащих, погибших за границей.

Потом президент зашел в зал заседаний и стал с интересом рассматривать повешенные вчера драпировки. Теребя пальцами красную кайму одной из них, он спросил своего секретаря Эвелин Линкольн:

— Когда мы получим наши?

— Пока будем в Техасе, — ответила она.

— И ковры? — спросил он.

— И ковры тоже, — подтвердила она.

— Хорошо, — сказал он. — Когда мы вернемся, у нас будут новые кабинеты.

Затем он попросил ее вызвать Теда Соренсена, и Тед вошел с текстами речей, с которыми Кеннеди собирался выступить в Техасе. В течение недели они несколько раз пересылали друг другу их проекты. Это был давно заведенный порядок работы, и хотя авторство документов

было совместным, на них явно лежала печать президента. Тед усвоил литературный стиль, характерный для первой книги Кеннеди, опубликованной тринадцать лет назад, еще до их знакомства. Президент был озабочен своей речью в Торговом центре. Он хотел быть уверенным, что Даллас поймет то, что он собирался сказать. Они уселись за старый корабельный стол, который Жаклин извлекла со склада Белого дома, надели очки и сидели в напряженном молчании, пока президент сосредоточенно изучал оригинал, а Тед вертел в руках копию текста.

— Хорошо, — сказал наконец президент.

Но далласская «Морнинг ньюс» не сочла бы речь хорошей. Президент собирался сказать магнатам Далласа и их женам следующее:

«В этой стране всегда будут раздаваться голоса инакомыслящих, тех, кто, выступая с критикой, не предлагает ничего взамен, кто видит одни минусы, никогда не видя плюсов, кто видит все в мрачном свете и добивается влияния, избегая ответственности. Подобные голоса неизбежны. В стране слышны ныне и иные голоса — голоса тех, кто проповедует взгляды, целиком оторванные от действительности и совершенно не отвечающие требованиям нашего времени. Согласно этим взглядам, достаточно, видимо, ограничиваться одними словами, не прибегая к оружию; брань равнозначна победе, а мир является признаком слабости». Представление правых, будто «нация потерпит поражение, потому что ее обязательства превышают ее возможности, и будто сила заключается в лозунгах, — скажет он, — есть не что иное, как нелепость». «Сила, — намеревался он резко сказать в заключение, — бессмысленна, если она не опирается на справедливость».

Президент потерял себя за ухо. Может быть, следовало оживить текст небольшой шуткой. Как будто есть неплохие анекдоты о Техасе. Тед обещал посмотреть свое досье шутливых изречений, а президент позвонил Эвелин:

— Как насчет сводки погоды? — спросил он, помахав прогнозом, который дал ему генерал Годфри Макхью. — Проверьте его.

В 10.42 она вернулась на цыпочках с плохими вестями. Из Техаса поступил новый прогноз. В ближайшие два дня будет жарко.

— Жарко! — воскликнул Кеннеди огорченно и выругался. — Жарко! Жарко! Все платья Джекки уже упакованы, и не те, что нужно. Проклятие! — Он еще раз выругался и гневно встал из-за стола. — Да, Тед. В чем дело?

Не вовремя появившимся посетителем был Тед Рирдон, старейший член ирландского окружения Кеннеди еще с Гарвардского университета, который следовал теперь за Кеннеди повсюду с момента его избрания в конгресс. Рирдон явился с административным вопросом. Рождество и Новый год приходились в этом году на середину недели. Последний раз это было при президенте Эйзенхауэре, и Аик отпускал всех государственных служащих накануне каждого праздника на полдня раньше. Рирдон считал, что это хороший прецедент.

Все еще взбешенный, президент зло на него посмотрел.

— С какой стати давать им дополнительные праздничные дни?

— Но ведь это же рождество, босс! — возразил Рирдон. Босс угрожающе заворчал. О’Доннел сказал спокойно:

— Предстоят выборы...

— А как насчет военнослужащих? — спросил Рирдон с надеждой. — Можно будет их отпустить?

— Ладно, делайте, что хотите, — бросил президент через плечо. — Отпустите их на полдня раньше. Составьте приказ, и я подпишу.

На втором этаже резиденции он почти столкнулся с горничной жены.

— Где Джон? — спросил он.

Через несколько минут обрадованный мальчуган был уже в своем дождевике и в зюйдвестке. Внизу к ним присоединился агент Боб Фостер с поста секретной службы, «Ф-5», отвечавший за охрану детей. Президент схватил шляпу, и они побежали к посадочной площадке вертолета, где собралось большинство тех, кто отправлялся в Техас, а также группа наиболее преданных доброжелателей, покинувших кабинеты западного крыла для того, чтобы проводить Кеннеди. Стоя с непокрытой головой под дождем, президент сунул в карман

анекдоты Соренсена, выслушал о рассеянным видом своего помощника Энди Хэтчера и пробежал глазами несколько срочных бумаг госдепартамента.

Настроение Кеннеди улучшилось. Его помощник Холборн передал ему остроумную записку Макджорджа Банди с просьбой разрешить ему в конце января двухнедельный отпуск. Кеннеди усмехнулся и нацарапал поперек записки вниз: «Согласен. Кажется, мне и самому пора бы, уйти в отпуск. Дж. Ф. К.» Время было на исходе, и он быстро поднялся в вертолет № 1. Риверсайд 1-3421, Риверсайд 1-3422 и Риверсайд 1-3423, хотя всякий, кто набрал бы один из этих номеров и не назвал бы при этом своего собственного кодового имени, оказался бы при разговоре в затруднительном положении.

Представителем группы «С», посланным вперед в связи с тexasской поездкой, был уоррент-офицер²¹ Арт Бейлс («Старди» — «Крепыш»). Это был худощавый тридцатичетырехлетний ветеран, знавший всех начальников юго-западной телефонной компании «Белл». Он мог присоединиться к любому проводу от ближайшей линии или люка, подключиться к любому разговору или отключить его без предупреждения. Президент должен всегда, иметь прямую связь с Вашингтоном, когда он находится за пределами города. Это означало, что Бейлс мог прервать в случае необходимости любой телефонный разговор даже члена кабинета. (Однажды государственный секретарь обнаружил, что в ответ на его слова раздаются телефонные гудки.) Во время продвижения президентского кортежа Вейле ехал в машине управления группой связи. По традиции это была последняя машина в кортеже. С ним ехал смуглый уоррент-офицер из группы «С» Аира Д. Гирхарт, его сосед по отелю во время остановок.

Из всех лиц, сопровождавших президента, на Гирхарта, или на «Тень», возлагалась самая зловещая задача. Никто не звал его по имени или фамилии или даже по его кодовому имени. Он был для всех «человек с мешком», или просто «мешочник». «Мешок» (известный также как «черный мешок» и «футбольный мяч») был тридцатифунтовым металлическим чемоданом со сложным сейфовым замком. Внутри него находились различные толстые секретные пакеты, на каждом из которых имелись восковые печати и подписи начальников штабов армии, военно-воздушных и военно-морских сил. В одном из них были таинственные цифры, которые позволили бы президенту установить в течение четырех минут связь с премьер-министром Соединенного Королевства или президентом Франции. В другом находились секретные шифры, необходимые для того, чтобы начать ядерную атаку. В остальных содержались густо исписанные страницы, оживлявшиеся яркими рисунками. Они напоминали комиксы, вернее комиксы ужасов, поскольку были тщательно составлены таким образом, чтобы любой из трех военных адъютантов Кеннеди мог быстро сказать ему, сколько миллионов человеческих жизней составят потери в результате «Ответной акции Эйбл», «Ответной акции Бейкер», «Ответной акции Чарли» и т. д. Готовил эти книги «страшного суда» Тэйзвелл (Тэз) Шепард, адъютант президента по военно-морским делам. Никто не любил о них вспоминать и тем более говорить. Во время поездок к человеку с «футбольным мячом» относились как к парии. Ему была нужна компания Арта Бейлса. Вся его работа состояла в том чтобы находиться где-то поблизости, таскать за собой «сумку» и помнить нужную комбинацию сейфового замка на случай, если бы дежурный адъютант ее забыл. И все же и он и его страшный груз были необходимы.

В Далласе обоим уоррент-офицерам предстояло оказаться в трудном положении: Бейлсу — потому, что операционная для экстренных случаев — самое неподходящее место для обеспечения надежной связи; Гирхарту — потому, что «мешочник» был личностью, не известной агентам секретной службы при вице-президенте. В Вашингтоне это были всего лишь два имени, которые надлежало сверять в длинном списке. Окружение президента огромно. Были группы «С», группы «Д», группы «В», объединенный секретариат, политические советники, врачи, военные, люди, ответственные за багаж, — число сопровождающих казалось бесконечным. Каждая группа имела постоянную инструкцию на случай поездок. Для тех, к примеру, кто занимался багажом, подготовка к поездке начиналась с посещения чулана около

²¹ Уоррент-офицер — промежуточная категория между сержантским и офицерским составом.

мастерской плотника в подвальном помещении Белого дома. Армейский мастер-сержант извлекал там вечером перед каждой поездкой две портативные трехдюймовые фанерные доски для кровати и пятидюймовый волосяной матрац и отправлял их на грузовике на пункт военно-воздушной транспортной службы в аэропорту Эндрюс для погрузки. Два человека отвечали за флаг Соединенных Штатов Америки, флаг президента и президентские эмблемы, одна из которых устанавливалась должным образом перед началом каждого выступления Кеннеди. В тех случаях, когда вице-президент сопровождал президента, приходилось брать напрокат трибуну с электрооборудованием, которая должна была находиться точно на расстоянии семидесяти шести дюймов от очков вице-президента.

§лучше другого. Я не пойду туда, и вы не пойдете, и точка. — Слегка улыбаясь, эта элегантно одетая молодая женщина двадцати с чем-то лет сказала: — Если бы я его увидела, я бы просто плюнула ему в лицо.

Через час, в 10.30, на улицах появился первый выпуск вечерней «Таймс геральд». Один из служащих книжного склада купил газету на углу Элм-стрит и Хьюстон-стрит и вбежал в здание, размахивая картой пути следования кортежа. Он создал переполох в грязном складе. Его сотоварищи были явно взволнованы. Сообщение, сделанное во вторник, подтвердилось: машина президента должна была проехать под их окнами, медленно двигаясь к тройному тоннелю.

Самолет 26000 стартовал с аэродрома Эндрюс в 11. 05 по восточному стандартному времени. На один миг под слегка скошенным назад левым крылом самолета было видно круглое здание Капитолия, похожее на сплюснутую шахматную фигуру. Затем самолет поднялся вверх и исчез, летя го скоростью 550 миль в час на юго-запад. Полковник Джим Суиндал из Алабамы, бравый пилот с волевым профилем из тех, о которых пишут в книгах, вел самолет, подобный мечте, — стотонную машину с блестящей аппаратурой, звуконепроницаемыми кабинами, имеющими установки искусственного климата, изысканно оформленную внутри. Для фирмы «Боинг» это был самолет типа «707», для военно-воздушных сил — «VC-137». Но при всех своих различных обозначениях он стал известен миру как личный флагманский самолет президента Соединенных Штатов Америки.

В принципе он мало чем отличался от других самолетов своего типа. Все они имели одинаковые реактивные моторы фирмы «Пратт энд Уитни», и когда они не были в полете, их обслуживал один и тот же персонал. Однако самолет 26000 был самолетом Джона Кеннеди, продолжением его самого. Президент наблюдал за внешним оформлением самолета и дал указание покрыть его голубой краской. (Нижние части самолетов № 86970, 86971 и 86972 были окрашены в красный цвет.) Получив самолет 21 октября 1962 года, он налетал на нем 75 тысяч миль. На стенах главного салона в середине самолета, на обивке кресел, на посуде и в центре телефонных дисков была изображена золотая президентская эмблема. Уже одно это делало его единственным в своем роде. Однако он имел свое собственное лицо и в других отношениях. Туда выписывалось 15 журналов и 5 ежедневных газет. Все другие самолеты — военные и гражданские — уступали ему дорогу. За его полетом следили радарные установки, и внизу, вдоль линии его воздушного маршрута, была установлена система контрольных пунктов секретной службы.

Если бы президентский самолет совершил вынужденную посадку, на месте оказался бы в кратчайший срок агент секретной службы в специальной машине. Достаточно было, чтобы старший агент на борту не доложил, что он проходит контрольный пункт «А» или «Б», чтобы завывли сирены. В течение пятнадцати минут до и после того, как Суиндал делал посадку или стартовал с любого аэродрома, летное поле было закрыто для всех других самолетов. Хотя «ВВС-1» мог лететь и на двух из своих четырех реактивных моторов, экипаж тщательно проверял каждый из них во время остановок. В пути президентский самолет имел право приоритета. Только после того как он уже находился в воздухе, разрешался старт для сопровождающих его самолетов и самолетов с представителями прессы. Они должны были также обгонять самолет президента в воздухе, с тем чтобы их пассажиры могли выйти в месте назначения президента и приготовиться к его встрече, прежде чем он спустится по трапу под звуки гимна «Слава вождю».

Представители прессы — сорок репортеров из Вашингтона и корреспондент лондонской «Санди таймс» Брэндон — летели на зафрахтованном самолете. На борту президентского самолета пресса была представлена репортерами из группы прессы Белого дома — четырьмя ветеранами радио, телевидения, журналов и столичных ежедневных газет. Состав группы должен был меняться на каждой остановке, и в Далласе к ней должен был присоединиться Боб Баскин — корреспондент даласской «Морнинг ньюс». Тринадцать конгрессменов из Техаса, участвовавшие в поездке, также должны были чередоваться в пути. В самолете президента были зарезервированы места лишь для четверых из них.

Когда президентский самолет находился в воздухе, обе его двери нельзя было различить. Сорок пять иллюминаторов под огромной синей на белом фоне надписью — «Соединенные Штаты Америки» — были похожи на иллюминаторы обычных самолетов. Но это впечатление было обманчивым. Самолет был разделен внутри на ряд отдельных секций. Суиндал в своей фуражке блином, лихо надвинутой на лоб, сидел в носовой части с четырьмя офицерами своего экипажа, окруженный покрытыми черной кожей рукоятками управления и светящимися циферблатами. За ними было отделение связи. Там находилось на два миллиона долларов электронной аппаратуры, включая телетайпы, закрытые чехлами шифровальные устройства и телефонный узел, связывающий самолет со службой связи Белого дома и сетью пунктов секретной службы на земле. Затем шли буфет, помещение для экипажа и салон для сопровождающих лиц — тридцать кресел и два стола с электрическими пишущими машинками. Далее — закрытая дверь. За ней был салон президента, служивший ему кабинетом. Там, на высоте пяти миль над землей, Кеннеди мог проводить заседания и вести телефонные разговоры с подчиненными так же просто, как если бы он находился в западном крыле своего «Замка».

За кабинетом начинался коридор, который вел в личные покои президента — ванную и спальню. (Его кровать нельзя было спутать с кроватью первой леди: его матрас был тонким и жестким, как камень.) За ними, в конце хвостовой части самолета, находилась последняя секция — буфет и шесть кресел для военных адъютантов и старших агентов секретной службы. В этот четверг в полдень агенты Рой Келлерман и Клинт Хилл сидели там и листали журналы. В хвостовой части самолета все было спокойно. Президент раскрыл свой потертый черный портфель из крокодиловой кожи и разложил его содержимое на столе салона. Водрузив очки на нос, он изучал дипломатические телеграммы с надписью «Президенту, лично», черную папку с материалами о визите Эрхарда и донесения Центрального разведывательного управления и военной разведки. В другом отсеке Жаклин со своим секретарем Памелой Турнюр работали над речью. Эта речь была единственной, которую ей предстояло произнести в Техасе, и она должна была быть совсем краткой. Поскольку Жаклин должна была выступать перед членами Лиги объединенных латиноамериканских граждан, она решила говорить на испанском языке. Президент не знал испанского языка. Он быстро переворачивал страницы, читая текст со скоростью тысяча двести слов в минуту, не вслушиваясь в знакомый голос и непонятные ему слова.

В салоне для сопровождающих его лиц это оказалось бы трудным делом. В коридоре, перед большой дверью стоял шум и гам. Ральф Ярборо готовился к бою. За последние несколько дней он узнал о деталях ловушки, в которую его хотел заманить губернатор Коннэли, и они были ужасными. Дело выглядело так, что в Остине его ожидало поражение. Хотели унижить его достоинство. Его, старейшего сенатора штата! Его хотели провести по сцене, кратко представив, как представляют постороннего человека, и это все. Ни тостов, ни слова о его многолетних заслугах, ни даже почетного места. Ярборо продал на 11300 долларов билетов на обед, который будет завтра вечером в Остине, а там даже не найдется места для его жены! И в довершение оскорбления семейство Коннэли еще собирается его публично игнорировать. Коннэли должен устроить для Кеннеди официальный прием, на котором будут присутствовать все мелкие судейские сошки, а он, сенатор, не сможет даже выступить в приличествующей ему роли.

Чем больше Ярборо об этом думал, тем больший его обуревал гнев. Его громкий голос гудел все сильнее, и его техасский акцент необычайно усилился. Он считал, что у Коннэли и Джонсона — ибо он считал вице-президента причастным к заговору — столь же черные сердца,

как у республиканцев. Но пусть знают те, кто намеревается всех запугивать, что они выбрали неподходящее время для мобилизации своего политического вермахта. Он уже не мечтательный провинциальный парень, только что покинувший уютный родительский кров в Техасе. Он недаром Пыл судьей в третьем судебском районе этого штата и шесть с половиной лет — сенатором Соединенных Штатов. Он не отступит и будет бороться. В конце концов все уладится.

Говоря иными словами, Ярборо был встревожен. Каждый опрос населения, который проводился этой осенью, показывал, однако, что его популярность среди избирателей штата на пять или десять пунктов выше, чем у Коннэли или у Кеннеди — Джонсона. Он понимал толк в вопросах земледелия и скотоводства, а занятая в сельском хозяйстве часть населения Техаса это ценила. Он мог быть спокоен, что устоит перед угрожавшей ему в Остине расправой. Единственное, что его действительно беспокоило, так это президент, с судьбой которого он связал свою судьбу. Ныне сенатор испытывал сильнейшие сомнения насчет партийной лояльности губернатора. Он подозревал, что во время избирательной кампании Коннэли ограничится оказанием Кеннеди чисто символической поддержки. Ярборо сказал Маку Килдафу и конгрессменам Джо Кил-гору, Джону Янгу, Тайгеру Тигу и Генри Гонзалесу, что даже если они сделают все возможное, результат все равно будет неопределенным. Он обратил их внимание на то, как голосуют мексиканцы. Мексиканцы — народ неустойчивый (Гонзалес выразил кивком свое согласие с этим), а если он там и Коннэли будут проходить по одному и тому же списку, то это будет означать, что им предлагают купить весьма разнородный товар в одном мешке. Одни не будут голосовать вообще, другие будут голосовать либо за одного, либо за другого.

Джим Матиас, репортер из пресс-группы при Белом доме, вернулся к вопросу о приеме в Остине.

— Как вы к этому относитесь? — спросил он.

— Я получил от друзей много писем и звонков по телефону. Они спрашивают, почему мы с миссис Ярборо не приглашены в резиденцию, — сказал сенатор.

Матиас поставил вопрос более резко:

— Каково получать пощечину? Уязвленный Ярборо резко бросил в ответ:

— Ну, для меня это вовсе не сюрприз. Губернатор Коннэли столь мало сведущ в вопросах администрации, что от него вряд ли можно ожидать чего-либо другого.

Репортер записал это. Вендетта была теперь зафиксирована на бумаге Поело приземления президентского самолета заявление это должно было стать достоянием корреспондентов, находящихся в специальном самолете для представителей прессы.

Таким образом, не прошло и часа, как самолет покинул Вашингтон, а уже начался разлад. Гонзалес, хотя и менее откровенный, чем Ярборо, был тем не менее явно расстроен. Он рассказал Тигу о своих заботах. Вот они летят сейчас в Сан-Антонио, его родной город, а Коннэли сманеврировал так, что вся поездка туда не должна будет носить политического характера. Даже имеющиеся возможности, связанные с официальными церемониями, и то не будут должным образом использованы. Кортёж пройдет на расстоянии всего одного квартала от Аламо, но там не предусмотрено никакой церемонии по возложению венка президентом. Встает также вопрос о средней школе имени Джона Ф. Кеннеди. По настоянию Гонзалеса новая школа в районе Эджвуд в Сан-Антонио была названа именем главы правительства. Она находится на расстоянии всего лишь двух кварталов к северу от аэропорта Келли Филд, Торжественное открытие ее заняло бы не более пяти минут. Однако О'Доннел и О'Брайен сказали Гонзалесу, что эти пять минут взять неоткуда — Гонзалес только что изучил программу поездки. Они должны провести два часа в Сан-Антонио и три часа в Далласе — в стане врага. На чьей же все-таки они стороне?

Тиг пробормотал что-то в утешение. В этот момент большая дверь раскрылась и в салон вошел президент, раскуривая длинную тонкую сигару.

— Поздравляю вас с пресс-конференцией, господин президент, — сказал конгрессмен Джо Килгор. — Вы здорово разделались с Голдуотером.

Гонзалес взял последний номер «Ньюсуик» и, открыв его на последней странице, передал президенту.

— Вы это видели? — спросил он.

На президента смотрело сливовидное лицо журналиста Рэймонда Моли. Под заголовком «Можно ли развенчать образ?» Моли призывал жителей штата Аризона проявить твердость и «выдвинуть настоящую альтернативу тому, что предлагает нам в настоящее время правительство Кеннеди».

Президент громко рассмеялся.

— В глазах Моли Барри не может ошибаться, — усмехнулся он.

Действительно, шумиха вокруг Барри Голдуотера создавала весьма занятную ситуацию на внутривластном фронте. Представители правой прессы настаивали на том, чтобы Голдуотер продолжал стрелять из своих пушек XVIII века, чего хотел сам Голдуотер и чего хотел и Кеннеди. Он вновь прочитал статью Моли, свернул журнал в трубку и, похлопав ею по колену, сказал:

— Это здорово!

Наблюдая за сменой его настроения, Гонзалес сказал:

— Господин президент, мне кажется, неправильно предоставлять Брюсу Эджеру столько же времени, сколько и мне. Лицо Кеннеди приняло озадаченный вид, и Лэрри О'Брайен поспешил ему на помощь. Поскольку он отвечал за связь с представителями законодательных органов, он хотел быть в курсе дела, когда высказывался какой-либо конгрессмен.

Гонзалес объяснил, что, согласно маршруту, президент должен был находиться в городе Эджер Далласе на час дольше, чем в Сан-Антонио.

— Господин президент, у нас единственная школа в стране, носящая ваше имя. Даже в Бостоне этого нет. Вам бы следовало туда заехать.

— У нас туго со временем, — сказал Кеннеди, чувствуя себя неловко. — Нам пришлось выбросить кое-что из программы.

— Тогда хотя бы позже, — попросил Генри, — для меня это политический вопрос. — Увидев, что О'Брайен подает ему знак остановиться, он остановился.

Президент похлопал себя по коленке.

— Хорошо, Генри, — сказал он, подумав. — Я вернусь туда позже.

— Вы обещаете? — спросил Гонзалес быстро.

— Обещаю, — сказал Кеннеди, встав и пожав плечами, видя, что Лэрри шепотом проговорил со страдальческим видом: «Когда?». Президент взглянул на часы. Они уже находились в зоне центрального стандартного времени, и он перевел стрелки часов на час назад — на 13. 15.

— Мы будем в твоём округе через пятнадцать минут, Генри, — сказал он.

— Да здравствует сельская местность! — улыбнулся Гонзалес.

— Бексарское графство, — сказал Кеннеди как профессиональный политик. Легкие синие крылья скользили то над редкой травой, то над песчаной бесплодной землей. Впереди под небом цвета алюминия ярко блестел лежащий на равнине город. В Сан-Антонио было жарко.

А там, внизу, в Сан-Антонио, Линдон Джонсон только что вышел из парикмахерской аэродрома и выстраивал ряды встречающих. Дел было много. Поскольку официальным поводом для появления здесь президента Кеннеди был визит в Бруксовский медицинский центр по изучению воздушного пространства, находящийся поблизости министр авиации США Юджин Зуккерт явился сюда и хотел знать, где он должен стоять при встрече. Нужно было также найти места для миссис Коннэли, генерального прокурора Техаса Уогонера Карра и генерал-лейтенанта военно-воздушных сил. В ряды встречающих нужно было также пристроить лиц из непосредственного окружения самого вице-президента: его политического советника Клифа Картера, помощника Лиз Карпентер и молодую секретаршу Мари Фемер. Позади них, потя и вытягивая шею, стояли 26 членов торжественной делегации Торговой палаты, а за ними раздавался шум.

Как оказалось, мэр Сан-Антонио У. У. Макалистер обманул секретную службу: он взял с собой свой фотоаппарат и фотографировал украдкой президентский синий открытый «линкольн» и бронированный «кадиллак» секретной службы, доставленные накануне вечером на самолете из Вашингтона, как вдруг агент потребовал у него предъявить удостоверение

журналиста. У Макалистера не было при себе удостоверения, и он дал понять, что не позволит командовать собой. Он мэр города, и это его город. Линдон был создан для подобных ситуаций. Он настоятельно предложил им обоим договориться по-хорошему, и оба получили места в рядах встречающих. Приземлились самолеты с сопровождающими президента лицами и представителями прессы. Комиссия по приему гостя была в состоянии почти полной готовности — не хватало только одного человека.

К несчастью, этим человеком был сам хозяин.

Теперь в связи с предстоящей посадкой «Ангела», аэродром был закрыт для всех других самолетов.

В последнюю минуту контрольная служба аэродрома приняла отчаянный сигнал с частного самолета, висевшего в небе над восточной частью горизонта. «Прибывает „Важный посетитель“», — предупредили его. «Важный посетитель» — значит президент. Пассажир самолета передал в ответ по радио, что он, губернатор Техаса, сам по себе достаточно важный посетитель. Коннэли был в Хьюстоне, где выступал с речью на завтраке Ассоциации промышленников Техаса в отеле — «Шератон — Линкольн». Стремясь обогнать президента, губернатор одолжил белый реактивный самолет типа «джететар» у одного своего друга — нефтяного магната. Контрольный пункт аэродрома Сан-Антонио немедленно сделал для Коннэли исключение из правила, относящегося к президентскому самолету. Самолет его приземлился, сам он выпрыгнул из самолета, потряс липкие руки двадцати шести бизнесменов, заметил белое платье жены Нелли и пристроился рядом с ней в ряды встречающих.

— Я ждала тебя, затаив дыхание, — прошептала она, теребя свое жемчужное ожерелье.

— Вот он! — закричал кто-то. И он действительно появился. Звездно-полосатые эмблемы на хвосте самолета «ВВС-1» грациозно скользили, опускаясь по невидимой воздушной дорожке.

— Джекки! — закричала какая-то женщина, и толпа, подхватила: — Джекки! Джекки-и-и!

Губернатор вздохнул с облегчением и усмехнулся. Он предсказывал, что Жаклин будет популярна. Надо будет напомнить об этом президенту.

Подкатили трап, открылась задняя дверь самолета — и появилась первая леди, улыбаясь своей застенчивой, неуверенной улыбкой. Толпа заревела. Леди Бэрд приветливо помахала рукой. Патом в проеме двери самолета появилась хорошо знакомая всем стройная фигура человека, теребившего пальцами пуговицу пиджака. Снова раздался рев толпы. Третьим должен был быть Ральф Ярборо, но Ральф, зная, что Генри Гонзалес — любимец города, тихонько подтолкнул Генри вперед. Вокруг стоял гул. Присутствующие разразились аплодисментами, когда президент пожал руку мэру и, отойдя в сторону, потонул в обширном семействе Гонзалеса.

Президент обладал прекрасной памятью на факты, имена и лица. Проходя мимо приветствующих его людей, он находил для каждого второго из них слово приветия. Дети были специальностью Жаклин Кеннеди. В море устремленных к ней лиц она находила маленьких зрителей и приберегала для них свои самые очаровательные улыбки.

Тем временем формировался автомобильный кортеж. План был заранее составлен секретной службой с некоторыми отклонениями от обычного в связи с присутствием вице-президента. Автомашина с багажом и ведущая машина с местными полицейскими шли на четверть мили впереди, проверяя дорогу. Первой в самом кортеже шла полицейская машина, в которой ехали агенты секретной службы из Сан-Антонио и агент из Вашингтона. Затем шла главная машина: четырехтонный «линкольн» с Гриром за рулем, Келлерман — рядом с ним, чета Коннэли на откидных местах, и Кеннеди с женой — на задних сиденьях. Все другие могут менять свои места, но президент всегда занимает правое заднее место, если только он не решит уступить его другому главе государства. Губернатор Техаса таковым не являлся, и Кеннеди должен был оставаться во время поездки на своем месте. Секретная служба это одобряла. Агенты должны были точно знать, где он будет находиться во время следования кортежей в Техасе.

Вслед за «линкольном» шел восьмиместный «кадиллак» выпуска 1955 года, настоящий арсенал на колесах, который корреспонденты при Белом доме прозвали по имени океанского лайнера «Куин Мэри». Вел его Эмори Робертс. На каждой из подножек «Куин Мэри» стояло по

два агента, а помощники президента Пауэрс и О'Доннел занимали откидные места. Следующей была взятая напрокат открытая машина вице-президента. Рядом с водителем сидел агент Руфус Янгблад. Затем шли по порядку машина с охраной вице-президента во главе с агентом Лемом Джонсом, лимузин Гонзалеса, машина Мака Килдафа для представителей прессы при Белом доме, две открытые машины для фотокорреспондентов и кинооператоров и длинный караван машин с экспансивными конгрессменами, возглавляемый Лэрри О'Брайеном. Предпоследним перед машиной связи в каждом кортеже шел автобус с надписью «ВВЛ» — «Весьма важные лица». В действительности едущие в нем лица были не столь уж важными. Это были просто сопровождающие лица. О'Доннел решил, что в Техасе секретарь президента Эвелин Линкольн и его личный врач д-р Беркли также поедут в автобусе. Они не одобряли этого решения. При скоплении больших толп случалось, что автобусы «ВВЛ» оказывались отрезанными от кортежа. В Риме такой автобус затерялся на целых два часа. Эвелин считала, что она как секретарь шефа должна быть вблизи него, а Беркли утверждал, что никогда не исключена возможность, что президент может быть ранен. В этом году во Франкфурте их уже бросали одних. Кто внушало беспокойство. Представлялось, однако, маловероятным, чтобы они могли потребоваться здесь, и им пришлось уступить. Для лиц из окружения президента слово О'Доннела было законом. Он сам утверждал все кандидатуры, включая полковника Суиндала, и он мог сместить любого, кто осмелился бы не подчиниться. Но в отношении сената он был бессилён, что и продемонстрировал Ральф Ярборо. Когда сенатор двинулся на своих коротких крепких ногах в сторону северной части аэропорта, путь ему преградила группа местных либералов, сообщивших, что им стало известно о заговоре в связи с его поездкой в Остин. Они предложили ему покинуть президентский эскорт в Далласе, чтобы по подвергаться унижениям в Остине. Ярборо энергично кивнул. Он пришел к тому же выводу.

— И не садитесь в одну машину с Джонсоном, — сказал друг их идейного вождя Маури Мэверика-младшего, который, хотя и являлся членом Национального комитета демократической партии штата, не был допущен в аэропорт людьми Коннэли. Он продолжал:

— Каждому либералу здесь и в Хьюстоне известно, что именно хотят подстроить вам Коннэли и Джонсон, и люди хотят знать, уступите ли вы им или нет.

Ярборо был озадачен.

— Как вы сказали, — спросил он, — не садиться в машину Джонсона?

Кортеж уже должен был тронуться, а он все еще не знал, в какой машине ему ехать. Для него, с его ущемленным самолюбием, это было важно, и он всячески пытался узнать об этом. Указания, полученные им в Белом доме, были противоречивыми. В июне во время поездки в Эль-Пасо Ярборо ехал вместе с президентом. Когда впервые встал вопрос о поездке в Техас, ему было сказано, что на этот раз так не получится. Затем его заверили в том, что его посадят вместе с президентом и губернатором. Три дня назад все опять изменили. Лэрри О'Брайен вкрадчивым голосом сообщил, что Ярборо будет ехать в каждом городе в одной машине с наиболее популярным там лицом, обычно мэром. Однако, как позднее вспоминал сенатор, машина вице-президента при этом ни разу не упоминалась.

— Они имеют в виду посадить вас туда, — настаивал друг Мэверика, и он оказался прав. Когда Ярборо подошел к растянувшейся колонне автомашин, перед ним оказался агент Янгблад, стройный, напористый, с редующими волосами, уроженец Джорджии.

— Сенатор, ваше место в машине вице-президента, — сказал Янгблад, передавая очередной приказ О'Доннела.

Ярборо посмотрел на Янгблада невидящим взглядом, повернулся на каблуках и подошел к Гонзалесу.

— Генри, — сказал он, — не возьмете ли вы меня в свою машину?

Конгрессмен был в восторге, представители прессы Белого дома тоже. Всем сорока корреспондентам стало к этому времени известно, что именно сенатор сказал в самолете № 1, а местные репортеры сообщили им о том, кто где будет ехать в кортеже в Сан-Антонио. Увидев, что Ярборо избегает вице-президента, они сделали неизбежный вывод и решили назвать это пренебрежительным отношением.

Янгблад проскользнул на переднее место машины вице-президента, повернулся к нему лицом и развел руками.

— Ну, вот, — сказал он, — я ему передал.

Джонсоны оказались в неудобном положении. Все другие машины были плотно набиты людьми. На заднем сиденье их машины легко могли бы уместиться три человека, и как бы они ни старались шире развалиться на своих местах, было очевидно, что там не хватает одного пассажира. Как выразилась позднее Леди Бэрд, «нам сказали, что с нами будет ехать Ральф, но всякий раз, когда мы его искали, его не было на месте...» Линдон смотрел прямо перед собой. Виноват был Коннэли, но он удобно устроился в большом «линкольне». Страдал престиж Джонсона. Судьба, как однажды заметил президент Кеннеди, несправедлива.

Она была несправедлива и в отношении самого Кеннеди, который должен был бы быть героем дня. Когда один репортер спросил Гонзалеса, о чем, по его мнению, должна быть сегодня передовая в газетах, Генри ответил:

— Сан-Антонио бурно приветствует президента. Журналист покачал головой.

— Ярборо отказывается ехать вместе с Линдоном Джонсоном, — сказал тон.

Возмущенный Гонзалес сказал:

— Слушай, парень, ты хочешь подвести его, не так ли?

— Это интересная информация, — оправдывался тот, и, согласно обычным понятиям, это так и было. Корреспонденты должны были взять это на заметку, как они должны были написать о мелькавших в толпе плакатах, восхвалявших Голдуотера, о грязной надписи «Добро пожаловать, президент *Кеннитти*»²², и о том, как Кеннеди поднял брови, увидев за воротами аэропорта плакат Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения: «Г-н президент, вы находитесь в городе, где существует расовая сегрегация», как он наклонился к Коннэли и задал ему в связи с этим вопрос так громко, что его было слышно, несмотря на вой полицейского вертолета, летевшего на расстоянии трехсот футов над его головой.

Несмотря на предвзятое отношение, Гонзалес оказался, однако, в известной степени прав: главное событие дня сегодня не имело никакого отношения к внутривнутриполитическим стычкам. Как ни странно, его отразила вечерняя галета, которая печаталась в то время, когда президент еще находился в воздухе, и которую начали продавать в момент, когда кортеж пробирался между пальмами у ворот аэродрома и, свернув на восток, двинулся к городу. Под заголовком «Мы приветствуем Дж. Ф. К. и Джекки» газета «Лайт», выходящая в Сан-Антонио, писала:

«Президент Джон Ф. Кеннеди, впервые посещающий город Аламо, был встречен по прибытии в Сан-Антонио в четверг с огромным энтузиазмом».

Издатели газеты «Лайт» не прибегали к догадкам. Они знали, что встреча будет полна энтузиазма, ибо им был известен темперамент их подписчиков. Учащиеся были освобождены от занятий, витрины магазинов украшены порождественски на неделю раньше обычного, трудовой люд вышел на встречу в полном составе, демократическая партия выставила всех преданных ей людей. Парад не мог не удалиться, даже если бы способность Кеннеди привлекать к себе людей и оказалась мифом. В действительности же эта способность оказалась большей, чем предполагали. Толпы людей, вышедших встретить президента, были потрясающими: свыше 125 тысяч человек теснилось вдоль дорог, и они изменили облик своего города.

Обочины дорог были заполнены сияющими лицами латиноамериканцев. Они пришли не ради зрелища и даже не для одних только приветствий. Тысячи людей вложили много выдумки в то, чтобы придать этому приему свой, неповторимый характер. Президент был не только объектом для зрителей, но и зрителем. У школы Говарда каждый ученик размахивал американским флагом. Рядом с учениками средней школы Аламо Хейтс стояли их родители. На улице Святой Марии все учащиеся собрались под огромным красно-белым транспарантом с надписью: «Школа Брекинриджа приветствует вас!». Леди Бэрд, пронизательно сбрасывавшая со счета плакаты, изготовленные типографским способом, видела со всех сторон сделанные и от руки надписи: «Добро пожаловать, Дж. Ф. К.!\», «Бьенвенидо, г-н президент», «Джекки, приезжайте в Техас кататься на водных лыжах!»

Головные машины подошли к Бруксовскому медицинскому центру.

Этот центр не был, однако, тихим местом. Персонал военно-воздушных сил расставил 9

²² «Нитти» означает по-английски «вшивый».

тысяч складных стульев для тех, кто хотел бы услышать краткую речь президента, посвященную открытию центра. Однако желающих занять эти места оказалось 20 тысяч. Уполномоченный по связи с общественностью спокойный подполковник был потрясен. Никто не информировал его о проблемах, возникающих при таких сборищах народа, и на какой-то момент он растерялся. Шесть директоров средних школ, представившихся в качестве корреспондентов своих школьных газет, были размещены в секторе прессы. Человек в одежде священника и с черной сумкой был проведен в первые ряды, когда один из жителей в ужасе опознал в нем психически ненормального. Пожилая женщина, только что закончившая работу над картиной, изображающей цветы, хотела преподнести ее президенту. Какой-то пожилой человек хотел подарить президенту два початка техасской кукурузы.

Во всей этой неразберихе никто из офицеров не заметил прибытия людей из Белого дома, ответственных за размещение флагов. Выпроводив последнего чудака, они обнаружили, что флаг и эмблема президента оказались чудесным образом водруженными на свои места на трибуне. Оркестр играл мелодию песни «Человек, которого я люблю», а президент уже выходил из своего «линкольна». В тот момент от толпы отделилась женщина с остановившимися глазами и нетвердым шагом направилась к его жене. Рыдая, она приговаривала: — Госпожа Кеннеди, госпожа Кеннеди, прошу вас, дотроньтесь до моей руки!

Их пальцы коснулись друг друга.

— О господи, — заплакала женщина, — она действительно дотронулась до моей руки!..

Первая леди отшатнулась назад с застывшей на лице улыбкой.

Свежий ветер еще более усилился. Свыше половины присутствовавших не могли слышать речь президента. А речь эта была страстным подтверждением линии «новых рубежей»:

«... Мы... стоим на пороге великой новой эры, которая не только чревата кризисами, но и открывает новые перспективы, на пороге эры, полной как свершений, так и испытаний. Она зовет к действию и требует максимума усилий всех, кто хочет приложить неизведанные дотолле пути во всех сферах человеческой деятельности. Настало время для пионеров и следопытов...»

Жаклин слышала его слова. Она сидела сразу же за ним, вслушиваясь столь же напряженно, как любая другая молодая женщина, впервые слушающая президента.

Сразу же после того, как президент и сопровождавшие его лица покинули международный аэропорт Сан-Антонио, полковник Суиндал перебазировал свой воздушный флот из трех самолетов на близлежащий аэродром Келли Филд. Там в 15.48 чета Кеннеди вновь поднялась на борт «Ангела». С них градом катил пот. Начался неизбежный в условиях такой поездки упадок жизненных сил. На самом аэродроме Келли Филд пять тысяч сотрудников государственных учреждений устроили им бурную овацию. Она подняла их дух, но истощила силы. Выпив две бутылки кока-колы, президент и его жена удалились в спальню.

Им суждено было провести друг с другом еще почти целый день совместной жизни. Но это был их последний спокойный час. После своего двухсотмильного насыщенного событиями прыжка в Хьюстон они неизбежно должны были почувствовать усталость и изнурение. По сути дела, у них не было даже и часа. Полет в этом самолете длился всего лишь сорок пять минут. Этим и ограничивалась их личная жизнь, заключенная в пространстве маленькой синей кабины, летящей на высоте тридцати тысяч футов над покрытой зелеными и коричневыми квадратиками равниной Центрального Техаса.

Самолет приземлился в Хьюстоне. Супруги Кеннеди снова расстались. Президент вызвал Альберта Томаса.

— Как дела? — спросил он.

В аэропорту Келли Филд он попросил Томаса, который появился в самолете вместе со второй партией конгрессменов, вмешаться в конфликт между Ярборо и Коннэли и «помирить их». В течение последнего получаса старший конгрессмен Хьюстона пытался это сделать. Сперва он вызвал сенатора в переднюю часть салона и сказал ему, что дело зашло слишком уж далеко. Ярборо согласился что-то сделать. В интересах достижения согласия он выступит сегодня вечером на обеде в честь конгрессмена Альберта Томаса, но при условии, что жена встретит его в аэропорту Хьюстона, и они поедут в город вместе с Томасами. Это было, конечно, ширмой: Ярборо не хотел ехать в машине Джонсона. Но так как речь шла о сенаторе Ярборо, учтивый Альберт Томас не смог против этого возразить.

— Ладно, — сказал Кеннеди сдержанно, — а губернатор?

— Джон тянет, — сказал конгрессмен.

Проводив сенатора на место, Томас вывел вперед Коннэли.

— Борьба должна прекратиться, — повторил он. — Настало время пожать друг другу руки.

Губернатор занял уклончивую позицию. Когда Томас предложил, чтобы Коннэли представил на обеде президента, а Ярборо — вице-президента, Коннэли возразил, что, насколько ему известно, сенатор должен сидеть в момент, когда происходит представление. Томас неохотно с этим согласился. Он попытался добиться других уступок, но тщетно: ничего не получалось.

— Вы ведете себя как мальчишка, — бросил он губернатору, который холодно ответил, что он хотел бы поговорить с Лэрри О'Брайеном или Кеном О'Доннелом.

— Я уже говорил с ними, — сказал Томас, — и сказал им, чтобы они не уступали.

Что-то заскрежетало: это начали работать тормозные установки и «Ангел» пошел на посадку. Президент задумался. Он спросил:

— Что вы думаете насчет Хьюстона? — Я беспокоюсь, — сказал Томас нервно. Сан-Антонио произвел на него впечатление. Он хотел, чтобы Хьюстон устроил столь же блестящий прием, и он обещал это президенту.

— Мои люди трудились, как муравьи, — сказал он. — Они еще себя покажут.

— Посмотрим, — сказал президент.

Повторилась встреча в аэропорту Сан-Антонио: Линдон Джонсон, стоявший внизу у трапа, мэр, весь излучающий радушие, три дюжины желтых роз и одна белая орхидея для первой леди от Альберта Миллера, владельца цветочного магазина, и восемь тысяч техасцев, столпившихся вокруг грузового подъезда к аэропорту, обливающихся потом под свирепым послеполуденным солнцем, до хрипоты ревуших: «Джекки-и-и!» Томасу не следовало беспокоиться. В течение всей прошлой недели специалист по связи с общественностью Джек Валенти фактически отсутствовал в своей фирме «Уикли и Валенти». Будучи главным председателем на сегодняшнем обеде, он продал три с половиной тысячи билетов и сделал все, чтобы выполнить свои обязательства пород О'Доннелом. Если самолет «ВВС-1» сделает посадку засветло, писал он 1 ноября Кену О'Доннелу, то он гарантирует присутствие «огромной толпы из рабочих районов в количестве от двухсот до трехсот тысяч человек».

В Хьюстоне президенту не было оказано такого горячего приема, как в Сан-Антонио. Число встречающих составляло на самом деле около 175 тысяч человек. Это не был Даллас, но либералы были здесь в меньшинстве. Значительное большинство избирателей графства Хэррис в Хьюстоне голосовало в 1960 году за Никсона. Сегодня представители местных правых выставили несколько злопыхательских плакатов по пути следования президента: «Смотрите, как бы Кеннеди не прикрыл ваш бизнес», «Долой братьев!», а небольшой биплан таскал над летным полем воинственную длинную ленту, на которой было начертано: «Существование означает капитуляцию». И все же, несмотря на некоторое запоздание Кеннеди, господствовал энтузиазм. Томас махал рукой своим избирателям, которые ему аплодировали. Наклонившись к президенту, он гордо спросил:

— Ну как?

— Окей, — засмеялся Кеннеди. — Ваша взяла.

У ворот чета Кеннеди отдалась на волю толпы. Для Джекки такого рода ведение предвыборной кампании было непривычным делом, но она полностью в него включилась, и ее муж был ей за это признателен. Время от времени он оглядывался на нее, поощряя ее улыбкой. На какой-то момент она почти исчезла. Несколько рук схватили ее, как когти, за кисти рук, и, охваченная паникой, она почувствовала, что ее тянут через барьер. Вдруг когти ослабили свою хватку, и Джекки качнулась назад, тряхнув желтыми розами.

— Не оставляйте меня! — сказала она, задыхаясь, Альберту Томасу. — Не отходите слишком далеко.

— Хватит, — сказал Томас, и он и два его друга, оба лет семидесяти, заслоняли ее собой, пока она не вошла в машину.

Синий «линкольн» для завтрашнего кортежа был отправлен на грузовом самолете в

Даллас. Здесь же президент должен был ехать в белой открытой машине поменьше. В остальном караван был неизменным, и Ральф Ярборо продолжал оставаться его наиболее колочей фигурой. Представитель демократической партии Мартин Андервуд, посланный в Хьюстон для организации встречи, подходил по отдельности к Ярборо и Джонсону, указывая каждому из них на то, что им полагается ехать друг с другом. Джонсон соглашался с этим, сенатор нет.

— По плану вы должны ехать в этой машине, — настаивал Андервуд. Ярборо только тряс головой. Агент Янгблад предпринял вторую попытку обуздать его.

— Предполагалось, что вы поедете вместе с вице-президентом в Сан-Антонио и будете ехать с ним и здесь, — сказал он с укором.

— Я еду со своей женой, если вы не возражаете, — сказал Ярборо хрипло.

— По плану вы должны ехать в машине вице-президента до конца поездки, — сказал агент и возвратился к Джонсону. — Я уже достаточно твердил ему об этом, — заявил он раздраженно.

Линдон ничего не сказал и лишь кивнул с каменным выражением лица.

Пройдя около сотни ярдов, машины поползли еле-еле. Иначе нельзя было ехать. Народ высыпал на асфальтовую полосу шоссе Голф-Фриуэй, где людей никогда не бывает. Даже Валенти этого не ожидал, а Джон Коннэли был просто ошеломлен. Леди Бард, глядя на вещи как всегда просто и безыскусственно, отметила про себя сморщенного старика, державшего написанный от руки плакатик «Добро пожаловать, Кеннеди»; дюжину девочек в форме скаутов из «Отряда 1381»; маленького мальчика с выцветшим американским флагом, вытянувшегося по стойке «смирно». Жаклин с волнением обратила внимание на то, что на Трэвис-стрит зрители стояли в десять-двенадцать рядов, а за ними на расстоянии многих миль остановилось все движение. Президент сухо заметил:

— Вот почему я перестал ездить в Нью-Йорке с полицейским эскортом: на каждый голос, который мы получаем здесь, приходится какой-то бедный парень, который не может добраться до своего дома там, — он махнул рукой в направлении находившихся по правую сторону заблокированных мостов, пересекающих Буффало Байу, — и который на два часа опоздает на свой обед. Ему мы Не понравимся. Он будет только взбешен.

Жаклин город Хьюстон показался любопытным, Он походил на два квартала домов, перенесенных из Манхэттена в середину прерий. Хьюстон со своей стороны с интересом присматривался к Джекки. Когда через сорок минут колонна знаменитостей остановилась у отеля «Райс», корреспондент журнала «Тайм» Хью Сайди, бегая вдоль обочины тротуара, спрашивал людей, почему они пришли.

— Чтобы посмотреть на президента и на Джекки, — говорили они, а часто просто: «Ради Джекки».

Кеннеди попросил Дэйва Пауэrsa подсчитать, сколько примерно собралось народа.

— Ради вас? Примерно столько же, сколько было последний раз, когда вы здесь были, — ответил Дэйв, — но еще добрая сотня тысяч пришла, чтобы посмотреть на Джекки.

На Мейн-стрит творился сущий бедлам. Линдон наконец развеселился. Когда-то он преподавал в школе в двух кварталах отсюда. Увидев группу старых друзей, он бросился к ним навстречу, в то время как малорослый Валенти едва за ним поспевал.

Президент прошелся до угла Мейн-стрит и Трэвис-стрит и хотел двинуться дальше. Предусмотрев это, полицейское управление Хьюстона соорудило остроумную баррикаду, чтобы заставить его отказаться от этой затеи: прямо против входа в отель были поставлены плотными рядами сотни мотоциклов рулями вперед. Трепещущие руки мелькали за мотоциклами, но Кеннеди не мог дотянуться до них из-за рулей и отказался от своего намерения. Жена взяла его под руку, и они последовали за директором отеля Максом Пеком через забитый людьми холл в лифт до номера-люкс на пятом этаже, стоившего 150 долларов в сутки.

Президент снял пиджак, промокшую рубашку и сел на качалку, перелистывая пачку газет. Джекки удалась. В конце полета из Сан-Антонио она читала журнал, в то время как муж ее дремал. Теперь она дремала в своей комнате, пока он, оставшись в одних трусах, перерабатывал текст своей вечерней речи. Помощники появлялись и исчезали. Мак Килдаф принес тexasские

анекдоты, которые, передали ему из Белого дома по телефону Соренсен и Билл Мойерс. Президент взглянул на них и отложил в сторону. Пауэрс доложил о встрече с местными политическими деятелями. На этот раз они были довольны. О’Доннел разрешил принести групповую фотографию школьников, чтобы президент подписал ее. Затем супруги Кеннеди пообедали. Они должны были есть перед каждым официальным банкетом: как только они появлялись за почетным столом, им было уже не до еды.

Предстоящий банкет был заурядным делом, и большинство журналистов решили его пропустить. Именно поэтому корреспондент лондонской «Санди таймс» Генри Брэндон пообедал с одним англичанином, жившим в Хьюстоне, Тот нарисовал мрачную картину враждебных Кеннеди настроений, господствовавших среди техасских правых. Брэндону показалось, что у его соотечественника это навязчивая идея.

— Ультраправые дошли до предела мерзости, — повторял собеседник Брэндона. — Я не преувеличиваю.

Пятый этаж отеля «Райс», где находился номер президента, был зарезервирован для лиц из его ближайшего окружения. Прямо над ним, в номере на шестом этаже (100 долларов в сутки), обедали вице-президент и Леди Бэрд.

Затем Линдон Джонсон встретился с Кеннеди.

Существо их беседы во, время этой последней встречи остается неясным. Как вспоминал Джонсон девятнадцать месяцев спустя, «каких-либо разногласий определенно не было. Был активный обмен мнениями», при котором точки зрения обоих «в значительной степени совпадали». Он не рассказал подробнее, о чем шла речь, но, если верить воспоминаниям других, президент и его преемник говорили о внутривластном конфликте в штате. Что именно было сказано, остается неизвестным, ибо одного президента нет в Живых, а другого увлек за собой ураган событий, спутав в его памяти последовательность всего предшествовавшего. Они были одни. Жаклин удалилась в соседнюю комнату, чтобы прорепетировать свою речь. Хотя до нее и доносились их возбужденные голоса, внимание ее было поглощено речью. Входившие и выходившие официант и слуги отеля слышали, как несколько раз упоминалось имя Ярборо. У всех создалось впечатление, что Кеннеди считал, что с сенатором поступают несправедливо, и что он говорил об этом исключительно резко. Джонсон сдерживал свой бурный нрав в присутствии своего шефа, но, по словам одного из агентов, дежуривших за дверью, «он вылетел из номера как пуля». Директору отеля, Максу Пеку, видевшему, как Джонсон выскочил в коридор, быстро переставляя длинные ноги, показалось, что он взбешен.

— Что у вас тут было? — спросила Жаклин, входя в номер после того, как вице-президент его покинул. — Судя по его манере говорить, он взбешен.

Президент усмехнулся и сказал:

— Ты же знаешь Линдона — он попал в затруднительное положение.

Неожиданно для себя Жаклин вдруг призналась, что ей не нравится губернатор Коннэли.

Кеннеди спросил:

— Почему ты это сказала?

— Я не в состоянии быть с ним вместе в течение целого дня. Он один из этих людей... Ну, я не знаю, как это объяснить. Я просто не могу выносить, когда он сидит рядом и произносит все эти высокопарные слова о самом себе! И кажется, что он весь день старается уязвить тебя.

— Ты не должна говорить, что он тебе не нравится, Джекки, — сказал президент. — Если ты будешь говорить так, ты начнешь так думать, и это повлияет на то, как ты будешь вести себя с ним на следующий день. Он заигрывает со многими из этих техасских бизнесменов, которые его прежде не поддерживали. Он собирается обойти меня в Техасе — вот Суть того, что он говорил в машине. Что ж, против этого не приходится возражать. Пусть себе старается. Но ради бога, не настраивай себя против него, потому что я сюда приехал именно для того, чтобы рассеять подобные настроения. Я пытаюсь начать с того, чтобы заставить двух человек сесть в одну машину. Если они начнут ненавидеть друг друга, никто ни с кем не поедет. Жаклин постаралась отбросить эти мысли. К тому же приближалось время ее выступления. Представители Лиги объединенных латиноамериканских граждан ждали внизу в Большом бальном зале, а запоминать текст наизусть оказалось неожиданно трудным делом.

Секретная служба, казалось, предусмотрела все. В течение последних девяти дней, например, агенты опросили всех служащих в здании «Колизеума» в Хьюстоне, где должен был состояться обед в честь Томаса. Был проверен каждый аппарат для кондиционирования воздуха в отеле «Райс», чтобы установить, нет ли в нем ядовитого газа. Вооруженные часовые дежурили на низкой крыше, находившейся как раз перед окнами номера-люкс отеля, где остановился Кеннеди. На появление президента за почетным столом в Большом бальном зале было наложено вето из-за того, что он оказался бы там слишком у всех на виду. Вместо этого в южной части зала была сооружена временная трибуна.

Семьсот громкоголосых членов Лиги объединенных латиноамериканских граждан, пытаясь пожать руку президенту, рвались вперед, толкая друг друга. Свалка стала отчаянной. Президент наклонился над двумя инвалидами из Либерти. Фотограф Белого дома капитан Сесил Стафтон сфотографировал президента, чтобы поддержать кампанию по оказанию помощи больным. Неожиданно Макс Пек с удивлением обнаружил, что все пуговицы на его пиджаке и, рубашке оторваны.

— Нелегко вам приходится, господин президент, — сказал один из людей Пека.

Кеннеди поморщился.

— Да, это нелегкое дело, — сказал он. В бальном зале Кеннеди выступил после вице-президента, кратко сказал о роли Союза ради прогресса²³.

— Чтобы мои слова были вам еще яснее, — заключил он, — я попрошу свою жену сказать вам тоже несколько слов.

Для Жаклин это было сигналом. Она подавила в себе волнение, обычное для всех выступающих перед публикой, и слова ее, произнесенные на испанском языке, необычно прозвучали для людей, которые привыкли к мексиканскому произношению:

— ... ибо это традиция, которая сильна и живуча. Вы трудитесь для Техаса и для Соединенных Штатов. Большое всем вам спасибо и да здравствует Лига!

— Оле! — ревели они. На самом деле Жаклин не сказала им ничего особенного. — Он сказал им больше. Но она говорила с ними на их родном языке. «Джекки говорила на испанском, — писал Дэйв Пауэрс. — Она им очень понравилась, и они аплодировали ей».

Когда они ехали в темноте в колонне машин, это было уже их четвертым туром за день. Но, прежде чем лечь спать, им предстояло еще две поездки. Даже овации могут наскучить. Она устало спросила его:

— Кто же все-таки организовал этот обед в честь Альберта Томаса?

— Сам Альберт Томас, — сказал президент шутливо. Он стал подробно объяснять ей с серьезным видом, как Томас составлял программу, писал речи, восхваляя сам себя, как он носился по всему штату, продавая билеты, готовил обед.

Обед в честь Альберта Томаса был типичным обедом в честь политического деятеля. Гигантская надпись, висевшая над головами, гласила: «Графство Хэррис благодарит Вас, конгрессмен Томас». Один за другим поднимались видные ораторы, откашливались, вспоминали избитые анекдоты и неискренне воздавали хвалу конгрессмену. Ему преподнесли «кадиллак». Проблема, связанная с процедурой представления прибывших, могла бы, возможно, придать всему некоторую остроту, но Томас ловко обошел ее, представив, всех сам, и дал тем самым миротворцам дополнительную передышку. Президент не был особенно красноречивым. Наиболее интересные места в его речи (и единственные, которые Жаклин Кеннеди могла позднее вспомнить) были взяты из Библии:

«Вам, старикам, будут сниться сны, вам, молодым, будут являться видения и: „Там, где нет видений, люди гибнут“.

Большая часть его выступления состояла из статистических данных.

Так, Техас был пятым среди штатов, получивших крупные военные заказы. Содержание

²³ «Союз ради прогресса» — программа экономического и социального развития Латинской Америки на основе так называемой американской «помощи», участниками которой являются США и все латиноамериканские страны (кроме Кубы). Возник по инициативе президента Дж. Ф. Кеннеди.

речи сводилось к довольно бесцеремонному напоминанию того обстоятельства, что своими доходами Хьюстон был в большой степени обязан Пентагону. Кеннеди обладал, однако, способностью подавать самую обычную прозу так, как если бы она была классической латынью. И он оживил свое выступление преднамеренной обмолвкой. В следующем месяце, заявил он, Соединенные Штаты запустят на орбиту самый большой объект программы по освоению межпланетного пространства, «направив в пространство самый дорогой... то есть, виноват, самый большой полезный груз. Мы выдвинемся в этой области на первое место». Он тут же добавил: «Кстати, это будет и самый дорогой груз тоже».

Президент рассмеялся с видимым облегчением, но на самом деле он его не испытывал. На пресс-конференциях Кеннеди чувствовал себя непринужденно, несмотря на большое число телезрителей. Чередование вопросов и ответов было брошенным ему вызовом, испытанием ума. Однако официальные речи ему никогда не нравились, и его непринужденная манера при этом достигалась благодаря усилию воли. Он не был таким общительным человеком, как Линдон Джонсон. Для присутствующих его свободная манера держаться казалась естественной. Очень мало кто знал, чего это ему стоит. Когда он был на трибуне, создавалось почти полное впечатление, что он говорит свободно, без всякой подготовки. Только его руки могли выдать его, но он старался, чтобы их не было видно.

Было уже 21.30, когда почетные гости встали из-за стола, не они могли отдохнуть, лишь добравшись до отеля и близлежащем городе. Перед «Колизеумом» возникла небольшая заминка. Поддавшись минутному настроению, вице-президент Джонсон решил, что ему нужен дополнительный спутник до конца поездки; Выбор пал на Джека Валенти, находившегося поблизости. Тот сунул ключи от машины своей жене, и она осталась с хмурым видом на тротуаре. Мэри Маргарет Валенти была секретаршей сенатора Линдона Джонсона, до того как стала женой Джека, и ее не пугал титул вице-президента. У нее совсем недавно родился ребенок, и она боялась одна оставаться ночью. Генерального прокурора Техаса Карра тоже разлучили с женой, и она со слезами на глазах говорила, что не полетит без него. Конгрессмен Тиг бегал взад и вперед в судорожных поисках свободной машины, когда вдруг услышал насмешливый голос:

— Эй, Тиг, почему бы тебе не поехать вместе с Ярборо? — Это был президент. Он улыбаясь выглянул из «кадиллака».

В машине находились Жаклин, Джон Джонс, издатель хьюстонской газеты «Кроникл», и его жена Фредди. Джонсону опять не повезло. Джонс сказал Кеннеди, что в завтрашнем номере «Кроникл» будет указано, что 57 процентов избирателей Техаса поддерживают Ярборо и лишь 50 процентов Кеннеди — Джонсона. Учитывая это, с сенатором не следовало ссориться. Фредди Джонс не была почитательницей вице-президента. Фредди имела также совершенно определенные взгляды насчет различных городов Техаса. Она любила Форт-Уорт. Он маленький, бедный и гордится тем, что известен как «коровий город, с которого начинается Запад».

— Но Даллас! — Фредди была невысокого мнения о Далласе. — Даллас — это город торгашей, ужасный город, — говорила она. Фредди понравилась Джекки, и та задавала себе вопрос, каким же окажется Даллас.

Уже в самолете президент сказал Ярборо:

— Ральф, я только что узнал о результатах публичного опроса, проведенного газетой «Кроникл». Поздравляю с успехом. — Затем он вместе с Годфри Макхью стал просматривать кое-какие донесения.

В 23.07 три самолета приземлились на военно-воздушной базе Карсуэлл на окраине Форт-Уорта среди громадных серых стальных ангаров и нелепых фанерных щитов, на которых было написано «Мир — наша профессия». Последний кортеж в этот четверг выстраивался под небольшим дождем. Полагая, что в столь поздний час вряд ли кто выйдет встречать президента, Ярборо спросил агента Янгблада, не найдется ли для него места в машине вице-президента. Сенатор ошибся в своих расчетах: вдоль всей магистрали города толпы промокших людей приветствовали чету Кеннеди, и впервые явственно раздавались выкрики! —

— Линдон! Вон Линдон Джонсон!

Джонсоны и Коннэли были в восторге. Леди Бэрд вспомнила, что отель «Техас» в

Форт-Уорте был местом, где разыгрывались, некоторые из наиболее драматических эпизодов в жизни ее мужа. Для Нелли Коннэли, вспомнившей дни, когда ее супруг подвизался здесь у нефтяного магната Сида Ричардсона, приезд в Форт-Уорт был «возвращением домой».

В глазах публики, все выглядело иначе. Надпись на полотнище около отеля гласила! «Добро пожаловать, г-н президент!», но это не был элегантный «Райс». Апартаменты, предназначавшиеся для президента, оказались меньше и дешевле тех, что были предоставлены вице-президенту. Холл отеля был забит толкающимися, гудящими людьми в кремовых широкополых тexasских шляпах. В номере Кеннеди обсудил текущие дела с О'Доннелом. Они кратко коснулись конфликта между Коннэли и Ярборо.

Жаклин смертельно устала, но она понимала, что утро предстоит очень напряженное. Нагнувшись над обоими чемоданами, она начала разбирать свои наряды.

— Ты вела себя замечательно сегодня, — сказал Кеннеди.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Жаклин.

— О господи, я измучился!

Его жизненная энергия была столь же иллюзорной, как и его жизнерадостные манеры. Полусонный, он уже думал о завтрашнем дне.

— Я должен выступать в сквере до завтрака, а ты оставайся в постели. В четверть десятого приходи к завтраку.

Жаклин пожелала ему спокойной ночи. Прежде чем выключить свет, она аккуратно разложила одежду на завтра: темно-синюю кофточку, темно-синюю сумку, туфли на, низком каблуке, розовый костюм и шляпку, похожую на маленький берет.

Супруги Кеннеди спали в номере 850, но большинство людей из их окружения все еще бодрствовало. В просторном номере, пятью этажами выше, Линдон развлекал друзей-тexasцев. Обретя свободу, Джон Коннэли восседал среди своих почитателей в кафетерии отеля; Боб Баскин, корреспондент далласской «Морнинг ньюс», рассказал ему о возбужденном состоянии Ярборо, и Коннэли обратился к присутствующим с громким призывом достичь согласия. Некоторые из агентов секретной Службы несли охрану. Однако девять агентов отправились в город развлекаться, ничего не сказав начальнику охраны президента Келлерману. Вместе с Килдафом они начали с пива и коктейлей в пресс-клубе Форт-Уорта. Семеро из них отправились затем в злачное заведение под названием «Погребок», где заказали «Солти Дике» — безалкогольный напиток. Один из них пробыл там до пяти часов утра. В числе его собутыльников до самого утра были четыре агента, которые Должны были ехать в машине, следующей за машиной Президента в Далласе, и от бдительности которых в большой степени зависела его безопасность. Время от времени к ним присоединялись еще три агента из смены, дежурившей с полуночи до восьми утра. Они находились официально при исполнении служебных обязанностей и должны были охранять дверь спальни президента, но предпочли развеять таким образом скуку караульной службы.

В Далласе, находившемся в тридцати милях восточнее Форт-Уорта, все поступившие ранее сигналы тревоги оказались ложными — по крайней мере, внешне все было спокойно. Ричард М. Никсон, адвокат компании «Пепси-кола», крепко спал после утомительного дня, проведенного на заседании съезда фабрикантов безалкогольных напитков в помещении, находящемся напротив Торгового центра. Окончательные приготовления к большому параду были, закончены во второй половине дня, после того как Соррелз, главный агент секретной службы Далласа, проследил за разгрузкой президентского «линкольна» и бронированной машины, которая должна была идти за ним следом (обе находились теперь в подземном гараже аэропорта Лав Филд), и заказал целую колонну машин типа «линкольн» и «меркюри» у агентства Форда в Далласе, а также автобусы для прессы и «весьма важных; лиц» у компании «Континентал трейлуэй».

В Вашингтоне царил безмятежный покой. В этом не было ничего необычного. Вашингтон — один из наиболее спокойных городов страны. Большинство семей там рано дожитая спать. Исключение в этот вечер составляли гости, собравшиеся на обед на Хайленд-плейс, в числе которых были генеральный секретарь Международного секретариата Корпуса мира Гудвин и сенатор Эдвард М. Кеннеди, Почетными гостями были друзья Гудвина латиноамериканцы.

Других сколько-нибудь значительных официальных приемов в Вашингтоне в тот день не было.

Самолет № 86972 находился в это время на Гавайских островах. Министры Раск и Диллон и их жены остановились в предназначенном для гостей особняке адмирала Гарри Д. Фелта и единственными членами кабинета, оставшимися в Вашингтоне, были Роберт Кеннеди, Макнамара, Целебрецце и только что получивший назначение министр почт и связи Гронуски.

Одним из самых скучных событий в Вашингтоне в этот вечер было заседание Национальной ассоциации психологов в отеле «Шорхэм». Докладчиком был сенатор Хьюберт Хэмфри от штата Миннесота. Темой его доклада было: «здоровая психика и мир во всем мире». Репортеры, естественно, уклонились от присутствия на докладе. Им трудно было себе представить, сколь актуальной окажется его тема. Хэмфри довольно много думал о Далласе и пришел к заключению, что общество людей, так же как и отдельные личности, «может быть подвержено эмоциональной неустойчивости, расстройству и иррациональному поведению». Он ссылаясь на «эмоциональную неустойчивость, поразившую небольшое, но влиятельное среди нас меньшинство, которое одни называют ультраправыми, другие — бэрчистами, третьи — крайними реакционерами».

«Они продолжают делить мир, — говорил он, — только на белое и черное и хотят иметь на все немедленный и окончательный ответ. Они продолжают подменять конструктивное мышление догмой, гневаясь на окружающий их мир, боятся его и глубоко им встревожены».

В этот вечер 21 ноября 1963 года Хэмфри предостерегал ученых, занимающихся исследованием поведения людей, заявив, что «действия эмоционально неустойчивого лица или безответственного гражданина могут погубить выдающегося политического деятеля».

Среди тысяч водителей машин в Форт-Уорте, которые пересекали вечером в четверг маршрут кортежа президента, была больничная сиделка с тяжелой челюстью Маргарита Клеври Освальд. Она только что закончила вечернее дежурство в больнице Харгроув, продолжавшееся с 3 часов дня до 11 вечера. По дороге домой, на другой стороне Тринити-парка, два полицейских преградили ей путь к обычному выезду с магистрали Восток — Запад. С характерной для нее независимостью она не обратила на полицейских внимания. Нажав на акселератор своего серо-синего «бьюика» выпуска 1954 года, она исчезла в темноте за завесой дождя и, как она позже вспоминала, с удовольствием отметила озадаченное выражение лиц полицейских. Торжество ее было, однако, не столь большим, как ей казалось. У нее создалось впечатление, что кортеж уже тронулся. Но если бы президент находился поблизости, то ее бы заставили изменить путь. Она поставила «бьюик» против своей двухкомнатной квартиры в двухквартирном блочном доме 2200 Томас-Плейс в 23. 15 — за пять минут до того, как Кеннеди покинул военно-воздушную базу Карсуэлл.

Маргарита Освальд была склонна считать себя жертвой каких-то неведомых сил и испытывать по разным поводам обиду, остро ее переживая. Ей было пятьдесят шесть лет. Голос у нее был пронзительным и сварливым. Она любила говорить о положении в обществе и деньгах, которых жаждала и которых у нее не было. Хотя она была трижды замужем, но состояния не сколотила: один ее муж умер, два других бросили. Последний обвинил ее при этом в нанесении ему телесных увечий. Физически она была способна на это. Маргарита была женщиной с сильным телосложением, и на ее шее были видны мускулы. У нее был неровный землистый цвет лица. Присяжные заседатели согласились с истцом, что она «виновна в эксцессах, жестоком обращении и оскорблениях».

Теперь Маргарита Освальд работала сиделкой, получала девять долларов в день, имела в банке счет на 80 долларов и надеялась, что ее машина и ее пожилая больная протянут еще год или два.

Она не боялась бедности при условии, что посторонние понимают разницу между «людьми бедными» и «бедной швалью», как она говорила. Будучи дочерью трамвайного кондуктора в Новом Орлеане (который, как она любила говорить, получил «почетный отзыв» при выходе на пенсию), она гордилась своим умением быть бережливой и передала это свое качество младшему сыну, которому только что исполнилось двадцать четыре года.

Маргарита Освальд и ее сын Ли Харви были похожи друг на друга и в других отношениях. Знакомые описывали его впоследствии как человека нервного, замкнутого, трудно

сходившегося с людьми, раздражительного, высокомерного, скрытного и «какого-то скованного», с «умом, как бы устремленным в одну точку». Когда капитан Халлет встретил Ли в Москве, у него создалось впечатление, что Ли «бежал от каких-то неурядиц в семье». Все считали его холодным и надменным, Маргарита Освальд тоже обладала этими качествами. Еще в молодости она любила командовать. По ее признанию, ее «примерно пять раз увольняли с работы». О себе и Ли она позднее говорила:

— Меня преследовали и его преследовали. Все отворачивались от меня прежде, делают это и теперь.

Отец Ли умер. Его роковой сердечный приступ случился за два месяца до рождения Ли, так что Маргарита Освальд осталась одна с ребенком, в этих условиях мать и сын могли бы сильно привязаться друг к другу, но этого не произошло. Когда у Ли были стычки со взрослыми, мать обрывала взрослых, заявляя, что обвинения против него «вымышленные», она защищала не его, а свою репутацию. В действительности ей было трудно правильно оценивать подобные обвинения. Дома ее не было весь день, но она запретила Ли приходить к ней на работу. Она не хотела, чтобы у него были товарищи по играм, и он проводил очень много времени в одиночестве. Очень рано Ли стал пропускать школьные занятия, предпочитая бездельничать дома, смотреть телевизор и зачитываться комиксами. Когда ему было тринадцать лет, мать и сына вызвал к себе в связи с непосещением уроков школьный психиатр, который пришел к заключению, что мать не понимает, что уединение Ли — это форма протеста против того, что она не обращает на него внимания, и является его реакцией на полное отсутствие настоящей семейной жизни. Своему школьному руководителю Ли сказал:

— Что ж, мне приходится находиться с ней под одной крышей. Наверное, я ее люблю.

От него не потребовали объяснения, что такое любовь. Весьма возможно, что он не имел об этом настоящего представления. К этому времени у Ли сложился вспыльчивый и жестокий характер. Однажды он погнался с ножом за своим братом (у матери это сошло за «небольшую драку»). Другой раз, размахивая ножом, он угрожал жене своего сводного брата. Драка эта была серьезной, и мать попробовала вмешаться. Но было уже поздно: она потеряла над ним контроль. Ли стал слишком взрослым, и вместо того чтобы послушать ее, бросился на нее и ударил. В его поведении уже установились прочные рефлексии: он не мог сдерживать раздражения в обращении с мужчинами и не умел справляться с женщинами, быстро впадал в ярость.

Хотя испытательные тесты показывали высокий уровень его умственного развития, это не подтверждается его характеристиками. Судя по документам, он плохо учился и, закончив девятый класс, бросил школу. Подражая своему брату Роберту, он вступил в корпус морской пехоты, что было неудачным выбором для юноши, не признававшего авторитетов. Ли выводил из себя офицеров, в они не оставались в долгу. Товарищи по службе дразнили его «мокрой курицей». Три года, проведенные им на военной службе, — это ряд мелких дисциплинарных проступков и два военно-морских суда. Они завершились — после его попытки перебежать в Россию — его увольнением как нежелательного лица. Однако служба в морской пехоте накладывает печать даже на самых упрямых рекрутов. Обучение снайперскому делу поставлено там лучше, чем где бы то ни было, и рядовой Освальд получил квалификацию Снайпера по стрельбе из винтовки М -1 на стрельбище в Сан-Диего. Это была единственная область, где он проявил способности.

Ли приобрел также привычку обращаться к мужчинам постарше со словом *сэр* — черта, которая произвела благоприятное впечатление на Роя С. Трули, директора Техасского склада учебников, человека консервативных взглядов. Большинство молодых людей не проявляет в настоящее время должного уважения к старшим, полагал Трули. Освальд был приятным исключением, и он был принят 15 октября 1963 года на работу с оплатой 1 доллар 25 центов в час. Хотя упаковка книг на грязном складе не ахти какая работа, но ему посчастливилось, что он ее получил. Жена ожидала второго ребенка. Через пять дней после того как директор принял его на работу, она родила в Парклендском госпитале вторую дочь, а со времени своего возвращения из России Освальд переживал одно крушение надежд за другим. Его приключения в Советском Союзе были здесь ни при чем — он их скрывал. Дело заключалось просто-напросто в том, что он ничего не умел толком делать. Он не смог даже удержаться на

работе смазчика кофейной аппаратуры. Шаг за шагом приоткрывалась неприглядная истина — никому он не был нужен, никто никогда в нем не нуждался. Он отправился в СССР, убегая от разочарований в своей стране. Но и там он потерпел фиаско и возвратился назад. За месяц до того как Трули нанял его на работу, он пытался сбежать в Гавану, но кубинцы в Мехико-Сити не дали ему даже визы. К этому моменту Ли Харви Освальд стал самым отверженным человеком своего времени. Не будет преувеличением сказать, что он был диаметральной противоположностью Джону Фитцджеральду Кеннеди.

Освальд сознавал это. Характерно, что он приписывал успех президента богатству его семьи. Ему казалось, что Кеннеди обладал всеми предпосылками для успеха. Как и во многих других заблуждениях, в этом имелось зерно истины. Президент был десятикратным миллионером. Но это было лишь одним из тысячи различий между ними. У одного было почти все, у другого почти ничего. Кеннеди обладал, к примеру, бросающейся в глаза интересной внешностью. А Освальд, голос которого еще не потерял юношеских ноток, уже начал лысеть и имел телосложение хорька. Президент был храбрым офицером во время войны и, будучи прикован во время выздоровления к постели, написал книгу, получившую премию Пулитцера. На военной службе в мирное время Освальд показал себя самым постыдным образом, и он был едва грамотен. Глава правительства и главнокомандующий, Кеннеди был всемогущ. Освальд был бессилен, Кеннеди встречали приветствиями, на Освальда никто не обращал внимания. Кеннеди любили, Освальда презирали. Кеннеди был героем, Освальд — жертвой.

С детства Освальду угрожало особое психическое заболевание — паранойя. Параноик теряет в конце концов всякое ощущение реальности. Им овладевает ужасное ощущение личной обиды и слепая жажда мести. Никто не может предсказать, что может в каждом отдельном случае явиться причиной катастрофы. Но мы знаем теперь, что вулкан в душе Ли Освальда вспыхнул вечером в четверг 21 ноября 1963 года.

Его мать не знала об этом. Маргарита Освальд даже не подозревала, что сын ее спит менее чем в десяти милях от нее. Она не видела Ли и свою невестку больше года и не пыталась узнать, что с ними случилось. Да это ее, видимо, и не заботило. У нее была своя собственная одинокая жизнь, и, приготовив свой белый халат, она тяжело опустилась на постель. Ей хотелось заснуть до полуночи. Она любила рано вставать и смотреть днем телевизор.

В 16.40 в четверг 21 ноября, когда супруги Кеннеди выходили из самолета в Хьюстоне после спокойного сорокапяти минутного перелета с аэродрома Келли Филд, Ли Освальд на складе учебников в Далласе закончил трудовой день и попросил своего коллегу Уэсли Фрэзиера, сухопарого парня, уроженца Алабамы, подвести его в пригород Ирвинг на своем выдавшем виды помятом «шевроле». Насколько мог припомнить впоследствии Фрэзиер, Освальд подошел к нему через несколько минут после того, как оба они, взглянув на маршрутную карту, помещенную на первой странице вечерней «Таймс геральд», убедились, что завтра президентский кортеж проследует мимо склада учебников.

— Ты бы не подвез меня домой сегодня вечером? — спросил Освальд.

— Конечно, — ответил Фрэзиер. — Я же предлагал подвозить тебя домой всегда, когда ты пожелаешь. Я готов это сделать в любое время, как только тебе захочется повидать жену.

Уже потом эта просьба Освальда показалась Фрэзиеру несколько странной. Раньше Освальд уезжал к жене по пятницам, чтобы провести вместе с нею уикэнд, а сегодня был четверг. Остальные дни он жил обычно в меблированной комнате в Далласе на Норс Бэкли-авеню, 1026.

— Почему ты едешь домой сегодня? — спросил Фрэзиер.

— Я должен привезти карнизы для занавесок, — объяснил Освальд.

Фрэзиер, не зная, что в меблированной комнате Освальда на Норс Бэкли-авеню уже были занавески, понимающе кивнул.

Езда на машине от склада до Ирвинга была похожа на езду на санках по "укатанному, разделенному на десять рядов бетонному шоссе, бегущему по на редкость бесплодной земле с разбросанными по краям шоссе большими заводами, бензоколонками и ночными клубами. Освальд молчал, но Фрэзиера это не удивило: Ли часто бывал угрюм. Однако сегодняшние его размышления были, видимо, чем-то примечательны. Улучив момент (вероятно, после обеда),

Освальд проскользнул в отдел посылок и сделал из коричневой бумаги мешок, чтобы спрятать в нем 6, 5-миллиметровую винтовку системы «Манлихер-Каркано». У Освальда было такое оружие. Прошлой зимой, под вымышленным именем Алека Дж. Хиддела он послал бланк заказа, помещенного в журнале «Америкэн райфлмэн», и денежный перевод на 21 доллар 45 центов в магазин спортивных товаров «Клейна» в Чикаго. 20 марта в адрес его почтового ящика в Далласе № 2915 была прислана винтовка за № 02677 с оптическим прицелом четырехкратного увеличения. Под тем же псевдонимом Освальд заказал револьвер системы «Смит-Вессон». Его попытки замести следы показались неуклюжими даже ему самому. Оба бланка заказа были заполнены его почерком, почтовый ящик № 2915 арендован на его имя, в его бумажнике лежало грубо подделанное служебное удостоверение морской пехоты на имя Алека Дж. Хиддела.

Револьвер хранился в его меблированной комнате. Винтовка была завернута в коричневатое-зеленое шерстяное одеяло и вместе с несколькими вещевыми мешками, наполненными личным имуществом, находилась в забитом всякой всячиной гараже инженера-конструктора Майкла Р. Пейна на Западной Пятой улице, дом № 2515, в Ирвинге, в нескольких шагах от дома Фрэзера. Теперь Освальд ехал туда, чтобы забрать винтовку. Предшествующий разговор с Фрэзером сразу же после того как выяснилось, что президент наверняка окажется завтра днем поблизости от склада, почти не оставляет сомнения в том, что оба события связаны между собой²⁴. Имеются, однако, все основания считать, что решение Освальда в этот момент еще не было окончательным. Он еще не достиг той точки, когда нет пути назад, и его поведение, после того как он добрался до Ирвинга, заставляет думать, что потребовалось бы весьма немного усилий, чтобы разубедить его. Несмотря на зависть, которую Освальд испытывал к президенту США, Джон Ф. Кеннеди не занимал основного места в его жизни. Его занимала Марина Освальд. Как и винтовку, ее следовало искать на Западной Пятой улице, 2515, и он отправился сначала к ней. Лишь после того как жена отвернулась от него, лишь после того как она совершенно определенно дала понять, что не хочет иметь с ним дела, — только после этого он отправился за винтовкой.

Дом Пейнов производил обманчивое впечатление. Снаружи это был скромный одноэтажный четырехкомнатный блочный дом, подобный сотням и тысячам других на юго-западе США. Встроенный внутри гараж использовался под склад, что тоже не было необычным. Хотя внутренне убранство комнат не говорило о хорошем вкусе и в доме почти не чувствовалось женской руки, он был практичным и удобным. В комнате, окна которой выходили на улицу, стояли диван, радиоприёмник и новый телевизор фирмы «Зенит», в глубине кухни — большой солидный столик. Слева от кухни находился гараж, направо — ванная и две небольшие, довольно скудно обставленные спальни, окна в которых были закрыты белыми жалюзи. Это был обычный Пригородный дом. Необычным его делали жившие в нем люди.

Майкл Пейн, глава семьи, в нем не жил. Блондин с соломенными волосами и хрупким телосложением, он работал инженером-конструктором на заводе вертолетов «Белла» в Форт-Уорте. Майкл познакомился со своей будущей женой, Рут Хайд, на вечере народных танцев. После вступления в брак 28 декабря 1957 года он принимал какое-то участие в социально-политических движениях, в которых Рут играла руководящую роль, особенно в работе Комитета по контактам между Востоком и Западом. Этот комитет оказывал содействие переписке американских граждан с советскими. Рут была его председателем. К сожалению, интерес Пейнов к социальным реформам оказался недостаточным, чтобы удержать их друг подле друга. В сентябре 1962 года, накануне пятилетия совместной жизни, они разошлись. Она

²⁴ Впоследствии возникла дискуссия, трудно ли было стрелять 22 ноября из склада учебников или нет. Отголоски ее слышны еще и сегодня. Здесь автор должен кратко выступить в роли свидетеля-эксперта. Автор внимательно изучил место событий в Далласе и, получив ранее звание отличного стрелка на стрельбище морской пехоты США на острове Паррис, штат Южная Каролина, он стрелял из винтовки М -1 так же, как и Освальд, с расстояния 500, 300 и 200 ярдов. С шестого этажа книжного склада Освальд должен был видеть медленно движущуюся цель на расстоянии менее 90 ярдов, а его оптический прицел приближал цель до 22 ярдов. На таком расстоянии он вряд ли мог промахнуться.

с двумя детьми осталась в доме. Он переехал на другую квартиру.

Рут как личность была сильнее и интереснее, чем Майкл. Отец Рут был врач, мать — посвященная в духовный сан женщина-священник унитарной церкви, отрицающей доктрину о троице. Сама Рут окончила Антиохийский колледж и принадлежала к квакерам. И внешне она была интересной женщиной. Осенью 1963 года ей был тридцать один год. Это была стройная черноглазая брюнетка с мягким мелодичным контральто и приятным, хотя несколько удлинненным лицом. Рут производила на всех впечатление религиозной и очень умной молодой матери семейства. Будучи готовой пойти почти на все во имя оказания помощи ближнему, Рут Пейн помогала бедным и Как донор Парклендского госпиталя регулярно сдавала кровь. Когда — через пять месяцев после того как она разошлась с мужем — произошла ее встреча со светловолосой славянкой двадцати одного года Мариной Освальд, крайне нуждавшейся в поддержке, можно было предугадать дальнейший ход событий. Они познакомились в гостях 22 февраля 1963 года. Одиноким Рут нужна была подруга. Она тут же попросила адрес девушки, а затем написала ей. Ее новая знакомая могла отблагодарить за дружбу. Работа Рут в Комитете по поддержанию контактов между Востоком и Западом вызвала у нее интерес к русскому языку. Уроженка Советского Союза, Марина Освальд могла давать своей покровительнице уроки родного языка.

Таким образом, Марина Николаевна Освальд оказалась связующим звеном между своим мужем и Пейнами. В то же самое время Рут стала ее главной благодетельницей. С этого момента жизни Рут, Марины и Ли Харви Освальда оказались тесно связанными между собой. Ли и Рут стали соперничать, добиваясь дружбы белокурой Марины, в то время как она заигрывала то с одной, то с другим. Положение это было для Марины непривычным. Нежеланная и незаконная дочь незамужней женщины из Архангельска, Марина так и не узнала, кто был ее отцом. В некоторых отношениях условия, в которых она росла, были похожи на те, в которых рос Ли. Ребенком ее часто наказывали, и был случай, когда она серьезно подумывала о самоубийстве. Но Марина обладала одним огромным преимуществом перед Ли — значительно более привлекательной внешностью. Она вызывала у людей желание покровительствовать ей и оказывать помощь. Ее муж увлек ее за собой из СССР, и теперь Марина искала у Рут помощи и защиты.

Еще до появления Рут брак Освальда превратился в жестокий фарс. В Минске Ли думал, что нашел красивую женщину и убежденную коммунистку, которая навеки останется его «Мариненкой», его покорной любимой. Но только красота ее оказалась настоящей — во всем остальном она разочаровала его. Ли ожидал, что Марина будет презирать тот мир, который презрел его, и отвергнет буржуазные критерии капиталистического общества, которых он все равно не мог бы себе позволить, так как они были ему не по карману. Вместо этого Марина стала чем-то вроде пародии на буржуазную домохозяйку: она постоянно требовала от него новых вещей и денег на кино, насмехалась над ним за то, что он не способен был выдержать конкуренции на капиталистическом рынке труда, и издевалась над ним, потому что, как она говорила о нем в присутствии других, он «не мужчина».

Сначала он раздраженно бросал ей: «Заткнись!» Затем, верный своей натуре, нанес ей в буквальном смысле слова ответный удар. Вскоре после возвращения в Америку мать его, прежде чем исчезнуть из их поля зрения, заметила как-то, что лицо ее очаровательной невестки испорчено подбитым глазом. Для Маргариты Освальд стало ясно, как она позднее выразилась, что «у них не все благополучно». Было бы, однако, неправильно изображать мужа животным, а жену невинной жертвой. Все было куда сложнее. Весной 1963 года, когда Рут часто видела Освальдов, она заметила, что они всегда «спорили и нападали друг на друга и оба не знали, как избежать этого». Марина была более сильным противником: она знала слабости Ли, и ей было легче поставить его на колени. В конце концов капитулировал именно Ли. Он давал ей запирать себя в виде наказания в ванне, падал там в темноте на колени и горько рыдал, когда его начинали мучить кошмары.

Как только Рут и Освальды познакомились ближе, Марина стала провоцировать Ли. Явно льстя в его присутствии Рут, она унижала его, заявляя, что Рут знает русский язык лучше. Утверждение это не было пустяком и свидетельствовало о безошибочности ее хищных инстинктов. Ли и так мало чем мог гордиться. Умение метко стрелять могло бы убедить жену в

его мужественности, но возможностей продемонстрировать это умение в городской части Техаса было мало (Ли уже пытался это сделать 10 апреля 1963 года. Когда между двумя женщинами стала возникать дружба, он хотел произвести впечатление на Марину, застрелив генерал-майора Эдвина А. Уокера из новой винтовки, заказанной по почте. Но как только он нажал курок, генерал шевельнулся, и Ли сделал промах). Насмехаясь над его плохим знанием русского языка, Марина вступила на опасный путь, и Рут понимала это, видя ее игру. Рут сознавала, что владеет русским языком хуже, чем Ли.

Через две недели после покушения на жизнь генерала Ли уехал из Техаса, чтобы поискать работу в Новом Орлеане, и Марина переехала к Рут. Ее пребывание в доме Рут оказалось кратковременным и окончилось в мае, когда Освальды вновь сошлись. Рут повезла Марину и ее ребенка в Луизиану, хотя ей не хотелось ехать и она считала поездку нецелесообразной. Почти сразу там вновь вспыхнули ссоры, и Рут, чувствуя себя, как она вспоминала позднее, «весьма неудобно», уехала.

В конце сентября, получив письмо Марины, Рут снова отправилась в Луизиану, чтобы привезти Марину, ее маленькую дочь Джун и полную машину различного имущества Освальда обратно в Техас. Последний настоящий домашний очаг Ли Освальда развалился. На его долю в жизни никогда не доставалось многого — теперь у него не осталось ничего. Для него это был критический момент, и Рут заметила, что, целуя на прощание жену и дочь, он «выглядел очень мрачно». Через два дня он попытался бежать на Кубу, а когда из этого ничего не вышло, вернулся 4 октября в Техас к Марине и Рут. Но ни одной из них он не был нужен. Отношения, которые установились к этому времени между Рут и Мариной, были лучше, чем этого мог когда-либо Добиться Ли. Рут была лучше как товарищ, имела больше денег, успешнее вела хозяйство.

В Ирвинге Рут создала для Марины более стабильные условия существования, чем их когда-либо могла иметь эта никому не нужная полусирота из Архангельска. Эмоционально уравновешенная, Рут приучила Марину исправлять ее ошибки в русском языке. Ли, постоянно чувствовавший себя неуверенно, терпеть не мог, чтобы кто-то поправлял его, и дошел до того, что запретил Марине это делать. Рут имела «шевроле» и могла вывозить на прогулки своих детей и Марину с детьми. Ли не имел даже прав на вождение машины. Убогие квартирки были самым лучшим кровом, который он мог ей предоставить. Рут имела удобный дом, полный сверкающего кухонного оборудования и электроприборов, холодильник, а для детей солнечный дворик, ящик с песком и качели для игр. Чек от Майкла Пейна на 80 долларов, который Рут еженедельно получала, и другие источники дохода постоянно обеспечивали им достаточные средства к существованию. 14 октября в письме матери Рут откровение призналась, что ее брак оказался неудачным, и она откладывает деньги на то, чтобы «двинуться на восток». Муж Марины не мог выдержать сравнения. Он был по-прежнему без денег. Этим, однако, не ограничивались преимущества, которые имела перед ним Рут. Полученное в колледже образование давало ей знания и авторитет. Она легко могла говорить о проблеме «отцов и детей» и о своей потребности «найти выражение своего собственного „я“ в чем-то большем, нежели в роли жены и хозяйки». Хорошо осведомленная об окружающем мире, она давала практические советы по вопросам, которые ставили Ли в тупик. Как человек, подолгу бывший без работы, он должен был бы знать, где можно получить бесплатную медицинскую консультацию для своей беременной жены, но именно Рут — доставила ее в бесплатную клинику Парклендского госпиталя.

Сам Ли стал подопечным Рут. Она учила его по воскресеньям водить машину, организовала ему встречу с директором Техасского склада учебников Роем Труди, чтобы устроить его на работу, решительно брала на себя все заботы, когда он был ее гостем. Во время его посещений Рут была великодушной хозяйкой, разрешая ему сколько угодно сидеть у телевизора во время передач футбольных матчей и показа фильмов со сценами насилия, которые он с увлечением смотрел. Главное, однако, заключалось не в том, что Рут, имущая, благодетельствовала Марину, неимущую, а в дружбе этих двух женщин, искренне любивших друг друга. Им нравилось общество друг друга, и обе они были очень привязаны к своим детям. Короче говоря, этот маленький коллектив был счастлив и процветал. Хотя будущее и оставалось неизвестным, двое взрослых и четверо детей разумно приспособились к новому

образу жизни. Опыт явно удался.

Но он удался лишь для тех, кто в нем участвовал. Ли Освальда исключили из игры. Поскольку Майкл Пейн сам предпочитал отсутствовать, Ли был единственным человеком, которого выжили, и для него это было жестоким ударом. Его не только оторвали от жены, но изолировали от детей. Дети же играли важную роль в его жизни. Несмотря на его психоз, у Ли была одна здоровая черта — чувство отцовства. Как заметила Рут, он любил приходить домой, нагруженный пакетами со съестным, и звать к себе дочерей, обращаясь к ним по-русски: «Девочки», Теперь он был лишен этого. Он должен был признать свое положение постороннего среди тех, кто некогда составлял его семью.

Это было крайне тяжким предварительным условием для оказания любой помощи, но Рут была тверда. Его кулаки не пугали ее. Ли казался Рут слабым человеком. Она достаточно знала марксизм, чтобы понимать всю фальшь болтовни Ли по этому вопросу. В этом она была единодушна с Майклом, который, как сын коммуниста, еще лучше мог судить об истинном характере убеждений Ли. Во время одной из случайных встреч он наблюдал за тем, как Освальд уставился, не отводя глаз, на экран телевизора.

— Для революционера этот парень что-то слишком уж много сидит на месте, — говорил он насмешливо.

Копаясь в заваленном вещами гараже, Майкл дважды переключал свернутое одеяло. Он предполагал, что в нём оборудование для кемпинга. Инженер по профессии, он мог по ощущению тяжести судить, что предмет внутри одеяла из стали. У него мелькнула мысль, что теперь делают металлические кольца для палаток, но это не его дело. Как Пейн вспоминал позднее, он чувствовал себя «несколько неловко», переключая вещи, принадлежащие другому человеку. Ему и в голову не приходило развернуть одеяло и посмотреть, что в нем находится. Содержимое поразило бы его. Майкл уже думал о том, что Ли может совершить насилие, но он отгонял эту мысль.

Почти чужой в собственном доме, Майкл понимал, как складываются там новые взаимоотношения, и пришел к заключению, что Ли не будет создавать трудностей — «он не опасен для Рут». Подобно своей жене, он считал Освальда неотесанным парнем с претензиями, склонным жалеть себя. Рут пошла дальше. Этот псевдоидеолог произвел на нее столь незначительное впечатление, что она не постеснялась поставить ему условия. Она заявила, что ни она, ни Марина не желают видеть его в этом доме. Ли может иногда видеть своих детей, но это все, на что он может рассчитывать; в других случаях он не должен у них появляться. Он должен привыкнуть к мысли о том, что у его жены другой дом. По крайней мере внешне, Ли согласился с этим решением. Он стал так редко появляться на Западной Пятой улице в Ирвинге, что даже не имел в этом доме бритвы. Его настоящим домом стала меблированная комната на Норс Бэкли-авеню. Во время своих поездок в Ирвинг он был, в сущности, мужем, почти что чужим для жены, но с правом на посещения по воскресеньям.

Рут раскусила Ли. Марину же было труднее понять. Этим объяснялось ее очарование. Никогда нельзя было предугадать, как она поступит через минуту. Рут не обманывалась полностью насчет Марины, чувствуя в своей подруге некую черту характера, которую называла «стеной». Как она говорила впоследствии: «С ней можно идти до какой-то определенной точки, но не дальше». Рут, однако, не имела представления о том ужасе какой был за этой границей. Она никогда не догадывалась о том, насколько двуличной была Марина. Казалось, что Марина рассказала ей о Ли все. На самом деле Марина о многом умолчала. Она знала все о вымышленных именах своего мужа. Он рассказал ей о своем выстреле в Уокера в темноте, и она сфотографировала его с 6, 5-миллиметровой винтовкой фирмы «Манлихер-Каркано» и револьвером системы «Смит-Вессон» в руках. Уходя от Ли и переезжая к Рут, Марина во время всего своего долгого обратного Пути в Техас знала, что он пытается попасть в Гавану, но ничего не сказала об этом своей новой подруге.

Рут была набожной. Перед едой, как и все квакеры, она читала молитву. Из религиозных убеждений она отвергала всякое насилие. Марина знала это. Однако, вопреки обычаям, столь же глубоко чтимым в России, как и в Соединенных Штатах, она преднамеренно утаила от Рут тот поразительный факт, что они спали каждую ночь под крышей, скрывавшей мощное оружие с боевыми патронами, скорость полета пули которого равнялась 2165 футам в секунду.

Было около 17.25 вечера, когда Уэсли Фрэзиер высадил Ли и поехал к своему Дому — на полквартила дальше. Поскольку Марина осталась с детьми одна (Рут отправилась в продовольственный магазин, имеется лишь ее версия сцены, разыгравшейся на Западной Пятой улице, 2515. Версия эта едва ли представляет Марину в выгодном свете, и сомневаться в ней не приходится.. Она звучит правдоподобно.

Сначала Марина была удивлена, увидев мужа, затем возмутилась. Его появление было совершенно неожиданным. Предполагалось, что, прежде чем приехать, он должен позвонить по телефону и попросит разрешения Рут. Ли знал, что женщины не желают его визитов на неделе, чем, видимо, и объяснялось то, что он не позвонил. Гнев его жены имел, однако и другую причину. В понедельник 18 ноября у Марины возникло внезапное желание позвонить Ли в его меблированную комнату. Для Ли с его глупостью было типично, что он не предупредил ее о том, что живет в Далласе под вымышленным именем. 18 ноября, когда Рут набрала по просьбе Марины номер, голос на другом конце линии ответил ей, что никто да имени Освальд не проживает по адресу Норс Бэкли-авеню, 1026. На следующий день Ли позвонил Марине и сказал ей, что его хозяйка и соседи знают его как Ли О. Х. По совершенно непонятной причине Ли очень рассердился на Марину за то, что она к нему позвонила. Марина же еще больше рассердилась на него, ибо теперь от Рут было невозможно утаить, что он живет в Далласе под вымышленным именем. Хотя Ли звонил в этот день несколько раз, Марина отказывалась с ним разговаривать.

Сегодня был четверг, и хотя Ли сказал Марине, что приехал мириться, она продолжала — сердиться на него. Раскаивающийся, бледный и расстроенный, Ли несколько раз пытался завязать разговор. Он говорил ей о своем одиночестве, о том, как ему не хватает детей. Рут для него — длинная, глупая женщина», которую он терпеть не может. Марина отказывалась выслушать его, и Ли еще больше нервничал, но не уходил. Как сказала Марина, «он очень старался мне понравиться». Ли занялся вместо нее пеленками и всячески проявлял интерес к Джун и к малютке. Поскольку Марина оставалась непреклонной, Ли стал умолять ее не сердиться на него, так как его это очень расстраивает. Затем он предложил Марине уйти от Рут. Он устал жить один. Ли объяснил их нынешнюю ссору тем, что хотя они муж и жена, но «не живут вместе». Вновь и вновь он повторял, что не может выносить мысли о том, что жена предпочитает ему Рут, и не хочет, чтобы она продолжала «оставаться с Рут». Ли хотел, чтобы Марина и дети были с ним, и, если: она только кивнет в знак согласия головой, он «наймет завтра же в Далласе квартиру».

В этот момент подъехала машина — Рут закончила покупки. Она сразу же увидела Ли, игравшего на траве с Джун, и Марину, которая сидела в стороне с недовольным видом. Как и Марина, Рут удавилась, обнаружив Ли здесь, но не стала упрекать его. Вместо этого она решила отвлечь его, упомянув о предстоящем прибытии Джона Кеннеди, о — котором она очень много думала. Находясь в Торговом центре, она уже думала о том, чтобы устроить как-нибудь так, чтобы они с Мариной смогли завтра утром взять с собой детей в Даллас и найти по пути следования кортежа подходящий пункт для наблюдения. Она даже вспомнила в этой связи о Ли, подумав о том, как было бы удобно, если бы он работал в здании книжного склада на Элм-стрит, откуда так хорошо будет виден кортеж автомашин. Рут знала это здание. Тысячу раз въезжая в город через тройной подземный тоннель, она поднимала глаза на красно-бело-синюю неоновую рекламу фирмы «Герц» по прокату автомашин, находившуюся на крыше этого здания, по которой едущие мимо водители узнавали точное время и температуру. Однако школьные учебники в Далласе хранились в двух помещениях, находившихся в разных местах, и у Рут сложилось впечатление, что Ли работал в другом здании, расположенном в нескольких кварталах от площади, более старом и более известном. Поэтому Рут воздержалась от того, чтобы обратиться к Ли с просьбой. Подойдя к нему с пакетами в обеих руках, как делал и он, когда был главой семьи, она лишь сказала ему по-русски:

— Наш президент придет в город.

Освальд ничего не ответил. Он прошел мимо нее подошел к машине, чтобы помочь вынести покупки.

В 18.30 он сел с ними за стол, но почти не разговаривал во время обеда. В присутствии

Рут он не мог особенно уговаривать Марину. Ковыряя вилкой в тарелке, он сидел в конце длинного стола с отсутствующим видом, напряженный и мрачный, готовясь к новому наступлению. Как только посуда была убрана, он возобновил свои просьбы, пока она наконец не ответила ему холодно, что его мольбы ей не трогают. Она намеревается остаться здесь, с Рут — так будет куда разумнее. В конце концов он тратит меньше денег, пока она здесь, а он в Далласе. Однако деньги не имели уже для Освальда особенного значения. Оказавшись перед перспективой дальнейшего одиночества, он еще больше разволновался. Сначала казалось, что Марина готова идти — ему навстречу. Его скаредность всегда была причиной раздоров между ними. Ссылаясь на то, что при двух маленьких дочерях ей трудно все стирать вручную, она попросила его купить стиральную машину.

Теперь уже по-настоящему пресмыкаясь, он капитулировал. Он хотел вернуть ее любой ценой и поэтому пообещал ей стиральную машину.

Затем Ли понял, что Марина только играет с ним. Она саркастически предложила ему убираться и потратить деньги на себя — ей не нужно его великодушия. Она нашла себе пристанище здесь, у Рут, и может обойтись без него.

Вполне возможно, что этот момент оказался поворотным для Освальда. У него ничего не осталось, даже гордости. После того как она оборвала его, Ли, по словам Марины, «замолчал, уселся перед телевизором, а потом пошел спать». Между их окончательным разрывом и его ранним уходом в спальню прошло около двух часов.

На Ирвинг опустилась тьма. Президент Соединенных Штатов Америки резко разговаривал с вице-президентом в номере отеля в Хьюстоне в двухстах сорока милях к юго-востоку, а Освальд сидел, сгорбившись, в темной комнате, Матерям, занятым своими детьми, было не до него. Марина заглянула однажды в комнату и увидела, что он сидит, уставившись на экран телевизора «Зенит», где шел старый фильм о битве времен второй мировой войны. Казалось, что он напряженно смотрит на мелькающий экран «Зенита». В действительности он сходил с ума.

Сумасшествие — это не вирус, оно не поражает внезапно. Болезнь Ли Освальда развивалась в течение всей его жизни. Его мать оказала бесспорно большее влияние на его жизнь, чем Марина или Рут. Они имели дело с ненормальным человеком, проблемы которого возникли задолго до его встречи с каждой из них. И хотя создавшееся положение, возможно, и содействовало его вспышке, возлагать на кого-либо из них ответственность за это было бы несправедливо и неправильно. У них были свои собственные серьезные проблемы, и сам Ли в большой степени содействовал возникновению проблем, стоявших перед Мариной.

Но то потрясение, которое было вызвано столкновением с женой 21 ноября, возможно, сыграло решающую роль. Представляется также очевидным, что полное затмение его разума произошло незадолго до девяти часов вечера в этот день, через несколько минут после того, как в Хьюстоне Жаклин Кеннеди закончила свою краткую речь на испанском языке и вместе с президентом пробиралась сквозь толпу людей, заполнивших холл, направляясь на обед в честь конгрессмена Альберта Томаса. Время это установлено в результате наблюдений двух женщин в доме на Западной Пятой улице. В девять часов Марина заметила, что муж вошел в ее спальню и закрыл за собой дверь. Одновременно Рут, которая только что уложила своих детей спать и прошла через кухню в гараж, чтобы покрасить лаком игрушечные кубики, увидела, что в гараже горит свет. Она поняла, что там побывал Ли. Марина была вместе с ней. Кроме того, Марина всегда гасила свет. Для Ли, с его небрежностью, было характерно оставлять свет включенным, и Рут не стала над этим задумываться. Однако он мог пойти в гараж только по одной причине — за винтовкой.

Можно лишь строить догадки, положил ли он винтовку в коричневый бумажный мешок, взял ли то и другое с собой в спальню или оставил их в гараже.

Второй вариант кажется более вероятным. Если бы он взял их с собой в спальню, он рисковал бы тем, что их могла обнаружить там Марина — единственный человек в мире, который мог угадать истинный смысл припрятанной в спальне винтовки. Она могла споткнуться о нее, если бы грудной ребенок, кровать которого находилась в нескольких футах от ее кровати, разбудил ее ночью. Оставив винтовку там, где она была, Ли мог достать ее столь же просто и с меньшей опасностью днем.

За маленькими окнами спальни продолжал моросить дождь. Поднялся ветер. Он глухо хлопал до почтовых ящикам, проводам и неплотно прикрытым рамам, мягко шелестел среди неубранного мусора, шумел в водостоках. Наступила пятница, но еще была ночь.

Глава вторая ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АВТОМАШИНА SS 100 X

Двадцать второго ноября в пятницу утром за два часа до рассвета у стоянки для автомашин, что напротив отеля «Техас» в Форт-Уорте, начали собираться сторонники президента. Поднимаясь небольшими группами по Коммерс-стрит, они останавливались у невзрачных витрин магазинов, закуривая и зевая. Было чудом, что они вообще сюда пришли. Дождь продолжал лить, и у них не могло быть уверенности в том, что выступление Кеннеди здесь вообще состоится. Однако это выступление было задумано как уступка сторонникам Ярборо среди рабочих, и репутация Кеннеди как человека выносливого была одним из элементов его обаяния. Людей становилось все больше и больше, пока наконец их не собралось так много, как перед парадом. Мелькали зонтики стоявших тут и там хороших секретарш. В основном же в толпе были мужчины — члены профсоюзов в плащах и крепких ботинках. Они дружески хлопывали друг друга, добродушно окликали наблюдавших за ними конных полицейских в желтых дождевиках и вытягивали шеи, пытаясь разглядеть кого-либо из представителей легендарной секретной службы.

К рассвету более пяти тысяч человек устремили взоры на стандартный фасад отеля из коричневого кирпича. Иногда раздавалось хриплое, дружнее приветствие.

Шоферы президента Билл Грир и Генри Рибка уже покинули отель. Они были в полицейском гараже Форт — Уорта, откуда должны были вывести машину Кеннеди и машину секретной службы, которой предстояло следовать за президентом. На этаже под номером Кеннеди начал действовать узел связи. Полковник Суиндал докладывал из Карсуэлла, что его экипаж покинул мотель и самолет готов к вылету. Ожил с перезвоном сигналов телетайп выдавший ежедневную краткую сводку Центрального разведывательного управления для президента. Дежурный взвода связи запечатал ее в двойной конверт и передал генералу Годфри Макхью, который расписался за пакет, поднялся по лестнице и почтительно встал у дверей номера 850, ожидая поданную знакомым голосом команду. Он должен был еще раз расписаться, указав точное время получения верховным главнокомандующим вооруженными силами США секретного донесения, а Годфри любил точность.

Все они принадлежали к техническому персоналу. Теоретически они действовали бы точно так же, если б президента звали, допустим, Берт Лар. На практике же, как некоторый из них должен был убедиться в этот день, их лояльность по отношению к человеку в номере 850 стала удивительно личной и не могла бы распространяться ни на кого другого. Однако официально их долг лояльности распространялся на президентскую власть как таковую, то есть на любое лицо, находящееся на мосту президента. Политики, с «вторыми они сосуществовали, принадлежали к другой породе. Их лояльность носила целиком личный характер. В целом политики были людьми более интересными, более общительными, чем технический персонал. Политики в принципе не относились с доверием к процедурам, рассчитанным на действия с точностью часового механизма, хотя им и приходилось подчиняться напряженным графикам. Шум, доносившийся со стоянки для автомашин, подхлестнул их. И как только они увидели собравшихся избирателей, они позабыли о вчерашней усталости и были готовы вновь двинуться в путь.

Сегодня они нуждались в воодушевлении. Кеннеди и его свите предстояло сегодня быть крайне мобильными. В номере 835 Кед О'Доннел, которого президент должен был, по всей вероятности, вызвать первым, бреясь, пробежал глазами сегодняшний маршрут. Предстоял еще один бег с препятствиями: две речи здесь; прыжок в Даллас; длинная поездка в Торговый центр; еще одна речь; полет на военно-воздушную базу в Бергстром под Остином, где капитан команды «Длиннорогих» из Техасского университета должен был вручить президенту футбольный мяч с автографами; поездка в машинах через город; несколько приемов; прощальная речь на банкете по сбору средств в Остине; еще один, последний, кортеж и полет

на вертолете на ранчо Линдона Б. Джонсона. Этого было достаточно, чтобы вызвать беспокойство любого ответственного за поездку помощника, но О'Доннел не испил еще своей горькой чаши до дна. Перед ним стояла теперь самая неприятная для всех политиков проблема — неблагоприятная погода.

Не все техасцы были столь закаленными, как рабочие, (собравшееся внизу в сквере. Если небеса действительно разверзнутся, то сегодняшние толпы растают, сведя на нет визит президента. Кроме того, он, Кен, мог быть вынужден принять в любой момент решение о том, как быть с президентским «линкольном» в Далласе в случае дождя. Требовалось время, чтобы натянуть на открытую машину неуклюжий верх из пластика. Это было бы абсолютно необходимо во время грозы. Ну а если небо прояснится? В закрытой машине Кеннеди оказался бы почти невидимым для ожидавших его толп. О'Доннел искоса взглянул на морозящий серый дождь. Дождь выводил из себя, и не известно было, когда он кончится.

Другим осложнением была Жаклин. Если бы президент был один, он спокойно, пожав плечами, вынес бы бурю на своем пути. Однако его вчерашняя озабоченность свидетельствовала о том, что он будет категорически против того, чтобы его жена мокла под дождем. Так как Жаклин не принадлежала ни к техническому персоналу президента, ни к числу политиков, она была необычным членом команды, новым винтиком в машине, и все старались к ней приноровиться. Было очевидно, что она этого заслуживает. Сан-Антонио и Хьюстон убедили всех, что она станет в предстоящей предвыборной кампании огромной притягательной силой.

Супруги Коннэли говорили о ней, глядя с высоты шестого этажа вниз, на кишевший народом сквер. Нелли утверждала, что сначала Жаклин казалась чопорной. Джон заметил, что к вечеру она повеселела. Оба сошлись на том, что она приносит с собой праздничную атмосферу.

Люди из окружения президента были по-прежнему поглощены мыслями о «Большом Д.». Неподдалеку от холла Джонсонов Тайгер Тиг говорил с коллегами из номера 1302 по телефону, выясняя обстановку: он опасался за Даллас. Рой Келлерман позвонил агенту Лоусону на аэродром Лав Филд и спросил его:

— Как там наши дела в Далласе? Все в порядке?

— Да, конечно, — заверил его Лоусон, — программа хорошая.

Имея в виду Даллас, Руфус Янгблад спросил у другого агента:

— Нет ли Чего нового из отдела проверки охраны? Отдел секретной службы по проверке охраны, который по требованию Лоусона 8 ноября произвел в течение десяти минут проверку города, где, менее месяца назад было совершено нападение на представителя США в ООН Эдлая Стивенсона, не мог сообщить ничего нового. Агент, однако, молча передал Янгбладу номер далласской «Морнинг ньюс», вышедший в пятницу утром и раскрытый на странице 14.

Вся страница была занята объявлением, зловеще обведенным, как сообщение о смерти, черной рамкой. Под сардоническим заголовком «Добро пожаловать в Даллас, г-н Кеннеди!» члены организации, называвшей себя «Американским следственным комитетом» (среди которых, как выяснилось позже, наиболее видными деятелями были местный координатор Общества Джона Бэрча и Нельсон Банкер Хант, сын миллиардера Г. Л. Ханта), задавали президенту двенадцать риторических вопросов. На него возлагалась ответственность за то, что «тысячи кубинцев» были брошены в тюрьмы, испытывали голод и подвергались преследованиям. Президент обвинялся в продаже продовольствия коммунистическим солдатам, убивающим американцев во Вьетнаме. Прозрачно намекалось на то, что он заключил тайное соглашение с Коммунистической партией США. Задавался, между прочим, такой вопрос:

«Почему Вы приказали или разрешили своему, брату Бобби, министру юстиции, мягко обращаться с коммунистами, их сообщниками и ультралевыми в Америке, разрешая в то же время преследовать лояльных американцев, критикующих вас, ваше правительство и ваше руководство?».

Это было повторением листовки «Разыскивается государственный преступник». Но здесь было и нечто новое: на сей раз выпады делались перед широкой аудиторией на страницах уважаемой газеты, и появились они за несколько часов до прибытия президента.

«Г-н Кеннеди, — говорилось в заключение, — мы требуем ответа на эти вопросы, и мы хотим получить их сейчас».

В своем невзрачном жилище на Томас-плейс, 2220 Маргарита Освальд приступила к ежедневному шестичасовому дежурству перед экраном телевизора. Как всегда, она посмотрела передачу «Сегодня», транслируемую «Нейшнл бродкастинг компани» — Эн-Би-Си, — а в 7.08, Когда в мокрые от дождя окна проникли первые лучи рассвета, на маленьком экран телевизора появилось изображение начальника полиции Далласа Джесс Карри, который, рассказывая о принятых, сложных мерах предосторожности, предостерегал, что против каждого, кто попытается испортить визит президента, будут немедленно приняты меры.

В Далласе отец Оскар Хьюбер, тихий священник католической церкви, проснулся, как обычно, в 5 часов утра в своей скромной комнатке в доме для священников при церкви Святой Троицы, находящейся в трех милях от Парклендского госпиталя. После утренней молитвы и размышлений он занялся обычными приходскими делами. Однако при этом он твердо помнил, что в трех кварталах от церкви пройдет кортеж автомашин с первым президентом Соединенных Штатов — католиком. Напрасно он предлагал своим коллегам священникам пойти туда. Они намеревались остаться и наблюдать происходящее по телевизору.

— Ну а я пойду, — сказал он им. — Мне 70 лет, и я никогда еще не видел президента. Ни за что не пропущу такой возможности!

Член Национального комитета демократической партии Байрон Скелтон не получил приглашения на обед в Остине и потому чувствовал себя обойденным. Все же, как лояльный член партии, он купил два золотых сто долларовых билета на сегодняшний обед и намеревался отправиться туда после завтрака с женой Рут, в смокинге, надеясь, что его посадят за почетный стол. Чтобы успеть управиться со всеми делами, он очень рано отправился в свою отделанную панелями адвокатскую контору в здании «Ферст нейшнл бэнк» Темпля. На главной улице города Скелтон увидел молодого владельца магазина, тот подавал ему через витрину знаки и ухмылялся, держа в руках далласскую «Морнинг ньюс».

Джо Дили, сын издателя «Морнинг ньюс», не был в восторге. Вернувшись вчера поздно вечером из Майами и раскрыв свежий номер газеты на 14-й странице, он остолбенел. Обычно газету давали на ознакомление ему или руководителю отдела объявлений. Но последний тоже уехал из города, и газета была одобрена Тедом Дили. Джо немедленно позвонил отцу, и высказал ему свое мнение.

— Дело выглядит так, — оказал, он, — «как если бы кого-то пригласили на обед, а потом начали швырять ему в лицо тапиоку».

Тед оставался непреклонен. Он весьма внимательно прочел объявление и считает, что «оно всего лишь повторяет то, о чем мы говорили в передовых статьях».

— Не в этом дело, — возразил Джо, — просто момент выбран неподходящий, — Он подумал о времени, затраченном молодыми консервативными бизнесменами и им самим на предпринятую в последнюю минуту попытку приукрасить запятнанный образ «Большого Д.», и с чувством горького разочарования повесил трубку. Было поздно предпринимать что-либо: газета уже печаталась.

В закрытом зимнем «аду Торгового центра, где должны были принимать президента, заканчивали сервировку, стола. Рабочие укрепляли снаружи два флагштока — один для звездно-полосато флага, другой — для однозвездного флага Техаса. Работа шла медленно. Им: приходилось выдерживать напор группы молодых пикетчиков, устроивших демонстрацию против Кеннеди с плакатами: „Янки, убирайтесь домой!“, и (красными буквами) „Хайль, цезарь!“

Как и полагалось, у пикетчиков бил возмущенный вид. Они были членами Совета возмущенных белых граждан Далласа. Чтобы показать, что им «затыкают рот» они заклеили свои рты полосками пластыря. За всем происходившим пристально следил полицейский. Тем временем в Торговом центре уже подключили телефон Белого дома. Рядом с ним стояло кресло-качалка с мягкими подушками ручной работы.

Марина Освальд проснулась еще до того, как зазвонил будильник, заведенный на 6. 30 утра. Она дважды поднималась ночью к ребенку, и ее настроение не улучшилось. Она кормила ребенка, пока Ли, стоя у изголовья кровати, надевал рабочую рубашку и серые брюки. Ли сказал Марине, что он сам приготовит себе завтрак. Это могло быть всего лишь попыткой завести с ней разговор, так как Марина все равно никогда не вставала ради него. Затем Ли заявил, что он действительно хочет, чтобы она купила себе все, что желает: платье для себя и обязательно туфельки для маленькой Джун. Марина не ответила. Положив ребенка в кроватку, она легла, закрыла глаза и тут же крепко заснула. Ли понял, что между ними все кончено, и он, видимо, хотел, чтобы она тоже это поняла. Прежде чем уйти, он снял свое обручальное кольцо и положил его в маленькую фарфоровую чашку, некогда принадлежавшую ее бабушке. Однако Ли сдержал свое слово — в той степени, в какой ему позволяли его скудные наличные деньги. Настал день, когда вечный неудачник должен был доказать, что и он на что-то способен, что он мужчина и не заслуживает презрения. В спальне он оставил 187 долларов, а себе — 15 долларов 10 центов. Ему уже не были нужны деньги.

На кухне Ли выпил чашку кофе, предоставив Рут вымыть АН ним посуду, взял завернутую в коричневую бумагу винтовку со стереоприцелом и прошел полквартила на восток, на Западную Пятую улицу. Ли просунул свою лысеющую голову в окно кухни углового дома, где завтракал живший у своей сестры Уэсли Фрэзиер. Мать его никогда не видела Освальда. Удивленная, она спросила:

— Кто это?

— Это Ли, — ответил он. — Ну, кажется, пора идти. Быстро почистив зубы, он надел пальто и вышел на улицу. Фрэзиер имел привычку, садясь за руль, бросать взгляд через плечо; он заметил лежащий на заднем сиденье странный пакет.

— Что это там у тебя в пакете, Ли? — спросил он.

— Карнизы для занавесок, — ответил Освальд коротко.

— Ты же говорил мне, что собираешься сегодня их везти. Где твой завтрак?

— Я куплю себе что-нибудь поесть, — сказал Освальд. Фрэзиер включил зажигание и перевел скорость. На стеклах старого «шевроле» осела грязь, мелкий дождь размазал ее.

— Хоть бы дождь пошел как следует либо вовсе перестал, — раздраженно пробормотал Фрэзиер. Крупные капли забарабанили по стеклу. Забыв о пакете на заднем сиденье, Фрэзиер сосредоточенно следил за дорогой. Уже было четверть восьмого утра. В восемь они должны были быть на книжном складе.

В 8.30 утра в номер 850 отеля «Техас» в Форт-Уорте неторопливо вошел камердинер главы правительства и постучал в дверь его спальни.

— Господин президент, — тихо позвал Джордж Кеннеди зашевелился под одеялом, и Джордж вошел в комнату.

— На улице дождь, — пробормотал он.

— Это плохо, — сказал Кеннеди спротонок. Он минутку подумал, а затем тяжело вздохнул.

Одеваясь, Кеннеди взглянул на стоянку машин. Из окна номера ее не было видно, и он быстро вошел в комнату Жаклин.

— Бог мой, какая масса народа! — воскликнул президент, глядя в окно, — Посмотри! Не правда ли, просто потрясающе!

Возбужденно сказав жене, что увидится о ней позже, Кеннеди бросился в свою комнату. Ему принесли легкий завтрак. Он поспешно проглотил кофе и съел полбулочки, когда вошел Дэйв Пауэрс. Президент радостно приветствовал его.

— Ты видел огромные толпы в Сан-Антонио и Хьюстоне?

Дэйв утвердительно кивнул головой.

— Это было потрясающе! — сказал Кеннеди. — Ты был прав: им очень понравилась Джекки.

Он уже не обращал внимания на дождь и горел желанием спуститься вниз. Однако президент редко может поступать так, как ему вздумается. Головные уборы, которые он носит — цилиндры главы правительства и главы государства, фуражка главнокомандующего и котелок политического лидера, — постоянно напоминают о его обязанностях. В номер вошел

генерал Годфри Макхью. Нужно было ознакомиться с донесением ЦРУ. Надев очки, Кеннеди быстро пробежал глазами сводку положения в Сайгоне, на Кипре, в Корее. По его указанию в сводку были включены цифры потерь во Вьетнаме и точное изложение официальных и неофициальных заявлений руководящих деятелей Франции и СССР, всегда представлявших огромный интерес. Как говорил Джордж Вашингтон, «изоляция от информации» является одной из основных проблем, главы государства. Полагаться на прессу нельзя. Как убедился Кеннеди, высказывания глав государств порой цитируются неточно.

Тем не менее пресса жизненно необходима. У нее «несколько большая» Аудитория, чем у сводок ЦРУ. К тому же президент должен знать, что читает народ. В отличие от Эйзенхауэра, который не обращал внимания на прессу, Кеннеди каждое утро просматривая ведущие дневные столичные газеты. Он совершал политическую поездку и, естественно, хотел ознакомиться с первыми откликами на нее в печати. Они расстроили Кеннеди. За ночь конфликт между Коннэли и Ярборо превратился в крупнейшую внутривнутриполитическую сенсацию. Техасские газеты отводили ей особое место, а далласская «Морнинг ньюс» возглавляла эту кампанию, поместив на первой полосе две острые статьи под заголовками: «Бурные политические столкновения в связи с визитом Кеннеди» и «Ярборо осаживает Линдона Б. Джонсона». На внутренних полосах была опубликована статья: «Визит президента усилил раскол внутри демократической партии Техаса».

Кеннеди с раздражением отбросил газету, не заметив на следующей странице провокационного объявления (он не заметил также сообщения местного конклава фабрикантов безалкогольных напитков: «Никсон предсказывает, что Дж. Ф. К. может сбросить Джонсона со счета», а также статьи по поводу программы сегодняшней поездки в Далласе, сообщавшей, что «кортеж будет двигаться медленно», чтобы толпы народа могли «как следует увидеть» президента Кеннеди и его жену). Нападки приняли серьезный характер. Схватив телефонную трубку, Кеннеди позвонил О'Доннелу, сказав, что сенатор Ярборо должен ехать в машине вице-президента — никакие отговорки и оправдания не принимаются. Быть может, сенатор и является скорее пострадавшей, нежели виновной стороной, но необходимо положить всему этому конец. Есть опасение, что поездка вообще сорвется. Кен О'Доннел и Лэрри О'Брайен должны поставить Ярборо перед выбором: либо он едет сегодня с Линдоном, либо идет пешком.

В холле собрались спутники Кеннеди. И когда он спустился туда, там уже находились Линдон Джонсон, Джон Коннэли, Ральф Ярборо, несколько конгрессменов и Раймонд Бак, президент Торговой палаты Форт-Уорта. Они вышли на улицу. Все еще моросил дождь. Билл Грир протянул президенту плащ. Кеннеди отрицательно покачал головой и с торжествующим видом взобрался на открытый грузовик. Однако не все вокруг него были охвачены подобным энтузиазмом. Корреспондента журнала «Тайм» Хью Сайда поразил угрюмый вид вице-президента. Сайди пожелал Джонсону доброго утра, В ответ раздалось недовольное бормотание.

— В Форт-Уорте нет людей слабых духом! — воскликнул Кеннеди в микрофон. Раздались аплодисменты. Послышалось несколько выкриков:

— Где Джекки?

Кеннеди показал на окно восьмого этажа.

— Миссис Кеннеди «организует» себя, — сказал он с улыбкой. — Ей, правда, требуется для этого несколько больше времени, но зато она выглядит лучше нас.

Лэрри и Кен перешли в комнату д-ра Беркли, чтобы следить за выступлением Кеннеди. У обоих был мрачный вид. Они уже предприняли первое наступление на Ярборо Сенатор доказывал, что его поведение не повлияет на поездку президента, — стремление многотысячных масс народа быть вблизи президента является убедительным доказательством «го популярности. Бывалые политики Лэрри и Кен знали, что их босса не проведешь на этом. Затем он „осмотрели вверх. Пока президент отдавал должное усилиям Форт Уорта по производству истребителя «ТРХ“, они наблюдали за несущимися на далеком горизонте рваными облаками и молили бога, чтобы ветер развеял тучи.

«Организуя себя» перед зеркалом и прислушиваясь к раздающемуся внизу по радио голосу мужа, Жаклин радовалась тому, что идет дождь, и надеялась, что теперь-то на машину

натянут верх; она беспокоилась за свою прическу. Жаклин знала, что у нее усталый вид. Взглянув в зеркало, она простонала:

— О боже, за один день участия в политической кампании человек может состариться на тридцать лет!

Дождь прекратился, когда Уэсли Фрэзиер въехал в предместье Большого Далласа». Прежде чем поставить машину, на стоянку в двух кварталах севернее книжного склада, он включил щетку стеклоочистителя. Взглянув на часы на рекламном щите фирмы «Герц», они убедились, что приехали заблаговременно, в Уэсли пустил мотор на холостой ход, намереваясь перезарядить батарею. Освальд торопливо вышел из машины, захватив свой пакет. Фрэзиер последовал за ним, но, как бывает с молодыми людьми, отвлекся, засмотревшись на железнодорожные пути и на автомашины, проносившиеся мимо него по Стеммонс-Фриуэй на запад. Когда Фрэзиер подошел к складу, Освальд уже находился в здании.

О действиях Освальда в течение следующих нескольких минут можно лишь строить догадки, основывающиеся на косвенных показаниях. Директор склада учебников Трули впоследствии вспоминал, что встретил Ли у склада и поздоровался:

— Доброе утро, Ли. И получил обычный ответ:

— Доброе утро, сэр.

Но воспоминания Трули смутны, и он ничего не помнил о пакете.

Спрятать винтовку Ли помог, как это бывало неоднократно, слепой случай. Старый пол склада покрылся маслянистыми пятнами. Трули, заметивший, что книги, которые там хранились, часто пачкались, приказал, чтобы его покрыли фанерой стального цвета. Сначала должна была быть перекрыта одна половина пола, потом другая. В порядке подготовки к работе почти все картонные ящики с книгами были перенесены из задней и северной части помещения в переднюю часть, где они были сложены в два ряда. В результате южная сторона, мимо которой должен был проезжать кортеж, была загромождена картонными ящиками и тележками для перевозки книг. Спрятаться там было легко, и именно здесь, в юго-восточном углу, Освальд устроил себе этим утром снайперское гнездо из ящиков. Отсюда должно было быть видно, как прямо на него движется машина президента, поворачивая затем вправо. Штабели ящиков закрывали его от тех, кто мог бы проследить за ним из здания Дал-Текса, находящегося на другой стороне Хьюстон-стрит, слева, если считать по направлению выстрела. Другие ящики должны были служить опорой для прицеливания.

Укрытие Освальда было неудобным: старый пол был здесь особенно грязным, степы из белого кирпича обшарпаны и покрыты толстым слоем пыли. Внутри было мрачно даже при открытом окне, а лампочки в 60 ватт бросали сверху лишь неприятный отсвет на громоздившиеся предметы. Для Освальда все это не имело, однако, никакого го значения. Расположившись внутри здания, он должен был стрелять в объект, находящийся снаружи, а не наоборот. Мушка его винтовки будет нацелена на фигуру,двигающуюся по Элм-стрит с правой стороны от него, а к полудню там будет ярчайший дневной свет.

Эйбрэхэм Запрудер вошел в контору своего магазина готовой одежды на четвертом этаже здания Дал-Текса против Хьюстон-стрит.

— Светит солнышко! — прошептал он секретарше на своем безупречном идиш.

— Где ваша кинокамера? — спросила она его строго.

— Дома, — робко ответил Эйб.

Они были хорошими друзьями и частенько разыгрывали между собой подобные сценки, притворяясь, будто она командует своим хозяином.

— Мистер З., вы сейчас же вернетесь домой. Так ли уж часто приходится вам снимать цветные фильмы о президенте?

Запрудер потерял свой галстук-бабочку и сделал слабую попытку возразить:

— Я слишком маленького роста. Мне, вероятно, даже не удастся близко подойти.

— Внизу не будет особенно большой толпы, — отпарировала она и, увидев, что он заколебался, прибавила твердым голосом:

— Поторопитесь, все это можно сделать за двадцать минут.

«Не такая уж это плохая идея», — подумал он и повернул обратно к лифту на своих

коротких ногах, бормоча:

— Собственная секретарша прогнала домой! Плохи мои дела.

Она сделала вид, что проявляет нетерпение, и он сказал:

— Хорошо, Лилиан, хорошо! Я иду.

— Мы идем вперед! — воскликнул президент звенящим голосом, заканчивая свою речь на грузовике. Пока толпа свистела и топала ногами, он спустился с машины, пожал руки конным полицейским, шепнул английскому корреспонденту Генри Брэндону: Дела идут лучше, чем мы думали.

Следующей по программе был официальный завтрак. В лифте, однако, Килдаф убедил президента сделать непредусмотренную остановку: Килдаф прочел газеты и разделял беспокойство Кеннеди. Он убедил Коннэли провести пресс-конференцию и полагал, что президент должен обсудить ее сначала с губернатором.

Кеннеди ознакомился с заявлением для прессы, подготовленным Коннэли. Оно было мягким и довольно бессодержательным. Перед публикой губернатор всегда призывал к гармонии. Резкие нотки появлялись у него только за сценой, а нынешняя обструкция Ярборо была их следствием. Но и такое заявление было уже кое-что. Кеннеди одобрил его и возвратился в холл, где натолкнулся на самого Ральфа Ярборо и без обиняков сказал ему, что он должен ехать в машине вице-президента.

— Ради бога, кончай со всем этим, Ральф! — бросил он.

Застигнутый врасплох и расстроенный прямокой президента, сенатор ответил, что уже ехал в этот отель вместе с Джонсоном. Кеннеди покачал головой: этого недостаточно. Если сенатор ценит дружбу президента, то он должен следовать за Джонсоном по пятам — меньше *его*, не устраивает. Президент не намерен позволить кому-нибудь провести себя уклончивыми маневрами. Оставив расстроенного сенатора, Кеннеди зашел в кухню большого бального зала, откуда ему предстояло войти в зал. Он оглянулся, подобно командиру, производящему смотр войскам. Сопровождающие его лица выстроились за ним ровной колонной, зажатой с одной стороны ведрами из нержавеющей стали, а с другой — огромными котлами. Не все были в сборе. Он тихо спросил агента Билла Данкана:

— Где миссис Кеннеди? Я хочу, чтобы она спустилась к завтраку. — И добавил: — Все готовы?

В 9.05 (точно в то время, когда самолет «Американ эйрлайнз» поднялся с аэродрома Лав Филд, унося Ричарда М. Никсона в направлении аэропорта Айдлуайлд, как он тогда назывался) Кеннеди сказал:

— Хорошо, мы идем.

Жаклин появилась только через двадцать минут. Она появилась, улыбаясь своей неуверенной улыбкой, и началось настоящее столпотворение. Две тысячи техасцев приветствовали Жаклин, стоя на стульях. Ее ослепили вспышки фотокамер и электрические свечи в огромных канделябрах большого зала. Ни какой-то монета она очень испугались. Ей никогда еще не приходилось видеть что-либо подобное. Ей казалось, что она вот-вот упадет. Потом она увидела мужа, он улыбался.

Кеннеди начал свое выступление словами:

— Два года назад в Париже я сказал, что оказался в роли человека, который сопровождает миссис Кеннеди. Примерно то же я испытываю сейчас в поездке по Техасу. Никого не интересует, как одеты Линдон и я.

Слушая его, Жаклин подумала о завтрашнем визите на ранчо Линдона Б. Джонсона.

Хотя она не бывала на этом ранчо, она хорошо помнила рассказ мужа о его поездке туда через восемь дней после избрания президентом. Это был своеобразный и в одном отношении неприятный визит. Во второй половине дня, когда они прибыли на ранчо, вице-президент предложил поохотиться на рассвета. Кеннеди не считал стрельбу в прирученную дичь спортом и постарался деликатно уклониться от приглашения. Но как объяснить подобную щепетильность любезному хозяину? Это невозможно. Он никогда не понял бы этого, Джонсон мог бы даже посчитать гостя слабонервным, и это было проблемой для Кеннеди. Как лидер

нации, он не имел права, чтобы кто-либо усомнился в его мужестве.

К тому же Джонсон упорствовал, твердо решив быть радушным, хозяином, а скота была наилучшим из всего, что он мог предложить на своем ранчо. Целый день он всячески стремился убедить Кеннеди в своей лояльности, Линдон вызвал своих сотрудников и заявил, что они должны забыть о своей личной преданности ему. С этой минуты у них один лидер. Они должны следовать его приказам и предупреждать его желания, всячески ему угождая. Сам Джонсон считал, что поступает именно так. Если бы он только мог представить себе, что его приглашение на охоту будет неприятно гостю, то никогда бы о нем не заикнулся. Джонсон воспринял сдержанность Кеннеди как проявление вежливости, вроде отказа выпить в гостях вторую рюмку вина и взять вторую порцию предложенного блюда. В данном случае гостя следовало уговорить. Взяв нового вождя крепко под руку, Джонсон объяснил Кеннеди, что эти местный обычай в его следует придерживаться: почетный гость должен поддержать традицию.

И вот 17 ноября 1960 года в 6 часов утра они собрались на охоту. Джонсон был в приличествующем случаю костюме — в замазанной бесформенной ковбойской шляпе и выдавшей вида кожаной куртке. Кеннеди был одет в клетчатую куртку и легкие брюки. Один из гостей, глядя на него сонными глазами, заметил, что президент напоминает болельщика на футбольном матче. Как только растаял туман, они влезли в белый «кадиллак» и поехали в необыкновенно красивое урочище. Там почетный гость сделал то, что от него ждали. Техническая сторона дела была сравнительно незамысловатой. Чтобы попасть в глаза оленя, много не требуется. Вы прикладываете ложе винтовки к щеке, прицеливаетесь, делаете глубокий вдох, затем немного выдыхаете, потом задерживаете дыхание, и осторожно нажимаете на курок. Замена покрышки автомобиля требует большего умения.

Однако когда охотишься на животных, дело этим не ограничивается. Здесь есть нечто другое, какая-то доля секунды, которая причиняла этому охотнику страдания, — момент, когда стрелок смотрит на добычу. В охотничий сезон, предшествовавший его вступлению на пост президента, именно в этот момент взгляд Джона Фитцджеральда Кеннеди скользнул мимо винтовки и остановился на том воплощении жизни, которое он хотел уничтожить. Кеннеди дал слово и не мог отступить. Он выстрелил и сразу же вернулся к машине. Однако он не мог отделаться от воспоминаний: его преследовали мысли о подстреленном животном. И он рассказал об этом Жаклин.

Этим дело, однако, не кончилось. Вскоре после этого случая Джонсон заказал чучело не из одних рогов, а из головы убитого оленя. Однажды утром после завтрака с сенаторами он пересек Южную лужайку у Белого дома, держа чучело под мышкой. Президент Соединенных Штатов сразил этого оленя на его, Джонсона, ранчо, и вице-президент гордился этим, полагая, что президент испытывает такое же чувство гордости. Ведь это же был такой великолепный выстрел!

— Почему бы не повесить трофей в кабинете президента? — предложил он.

Кеннеди, притворяясь, что относится к этому с интересом, внутренне содрогнулся. После того как вице-президент ушел, ой приказал убрать голову. Как-то Линдон добродушно осведомился по телефону, где голова оленя? Когда ее водрузят на место? Потом он упомянул о чучеле еще и еще раз. В конце концов этот трофей, подобно всякому подарку, который неоднократно отвергается, превратился в проблему между президентом и вице-президентом, и Кеннеди снова уступил. Крупный деятель должен действовать осторожно. Президент должен уметь уступать в мелких вопросах, чтобы добиться своего в крупных. А этот вопрос был, по сути дела, мелочью. Голову оленя повесили, но не в Овальном кабинете, а рядом, в Рыбьем зале. Президент пошел на уступку, и одна лишь Жаклин знала, чего это ему стоило; немного выиграть, немного проиграть — такова тактика тех, кто находится на выборных должностях. Как-то президент шуточно заметил, обращаясь к своим друзьям:

— Есть три вещи на свете, которые слишком переоцениваются: штат Техас, ФБР и охотничьи трофеи.

Тем не менее воспоминание об этом инциденте было неприятным.

Выразительно жестикулируя, Кеннеди закончил свое выступление на завтраке в бальном зале отеля «Техас».

... Президент вызвал по телефону О'Доннела, затем сказал Жаклин, что они уедут отсюда

в 10.40.

Когда Кен вошел в гостиную, Кеннеди сказал:

— А что, если поехать в Калифорнию в ближайшие две недели?

— Я согласна, — ответила Жаклин и была вознаграждена за это одной из улыбок Кена, который редко улыбался. Она всегда испытывала благоговейный трепет перед этим кельтским кальвинистом с худым лицом, сардонической улыбкой и спокойной, почти фанатической преданностью ее мужу. В сущности, она мало знала Кена. Жизнь президента была поделена на изолированные друг от друга отсеки, и он следил за тем, чтобы эта изоляция была действительно герметической. Тед Соренсен, к примеру, был ближе к нему, чем О'Доннел, однако Соренсен был далек и от жены президента и от О'Доннела. Единственным человеком, имевшим отношение ко всем сторонам жизни президента, был министр юстиции. Соренсена называли «вторым я» президента. В действительности «вторым я» был Роберт Кеннеди.

У О'Доннела был малоприятный сюрприз для президента: пока тот выступал в бальной зале, Килдаф, перелистывая далласскую «Морнинг ньюс», натолкнулся на объявление о «розыске преступника» и пришел с газетой прямо в номер к О'Доннелу. Так Кеннеди впервые увидел это объявление. Лицо его помрачнело. Молча он передав газету Жаклин. Ее оживление исчезло, и она почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Президент покачал головой и сказал Кену вполголоса:

— Трудно себе представить, чтобы газета печатала нечто подобное! — Затем, обращаясь к Жаклин, он медленно произнес:

— Мы отправляемся сегодня в страну ненормальных. О'Доннел перечитал текст. Президент в это время нервно ходил по комнате. Вдруг он остановился перед женой.

— А знаешь, вчерашняя ночь была весьма подходящей для убийства президента, — сказал он, но она не приняла это всерьез.

— Нет, я действительно так думаю, — сказал он, продолжая развивать свою фантазию. — Шел дождь, было уже темно, и кругом была такая давка. Представь себе, что у кого-нибудь был револьвер в портфеле. — Он живо жестикулировал, тыча своим негнувшимся указательным пальцем в стену, и дважды дернул большим пальцем, имитируя нажатие курка. — Затем он мог бросить оружие и портфель, — президент представил, как убийца бросает револьвер, — и исчезнуть в толпе.

В этот момент вошел Линдон Джонсон. Вслед за ним появилась его сестра со своим мужем Бэрджем Александером. Они хотели позжать руку президенту. Линдон представил их, а затем, как всегда почтительно, незаметно удалился, сделав им знак последовать за собой. Визит напомнил президенту о междоусобице в рядах его партии. Президент поручил Кену О'Доннелу немедленно вызвать по телефону Лэрри и сказать ему, чтобы Ярборо ехал в одной машине с вице-президентом, даже если б сенатора пришлось насильно швырнуть на заднее сиденье. В конце разговора он выхватил трубку у О'Доннела и сказал Лэрри О'Брайену, подчеркивая каждое слово:

— Посадите его в машину!

Кен пошел к Лэрри, а Жаклин взглянула на небо, по которому все еще трудно было определить, какая будет погода. Она надеялась на плохую погоду. Было нелепо потратить столько времени на то, чтобы привести себя в порядок, а затем испортить все за сорок пять минут езды в открытой машине.

— Ах, как мне хочется, чтобы подняли верх у машины! — сказала она тоскливо»

Вопрос этот тут же был решен.

Полагая, что погода улучшится, президент надел легкий костюм. На небе появилась тонкая золотистая полоса.

О'Доннел вздохнул с облегчением; день обещал быть ясным, небо сияющим. Он» поеду в открытой машине. О'Брайен подмигнул ему и сказал:

— Погода, как да заказу, специально для Кеннеди. Кортёж для поездки в Карсуэлл готов был тронуться.

Корреспонденты газет заблаговременно заняли места в автобусах, так как никто из них не хотел пропустить выхода Ярборо.

Губернатор Коннэли закончил пресс-конференцию в зале «Длиннорогих». Он стоял на

тротуаре, ожидая Кеннеди и разговаривая с репортером Бобом Баскином, который с интересом ожидал полета вместе с группой прессы на «ВВС-1». (Баскин еще не читая своей «Морнинг ньюс». Удар настиг его уже в самолете,) Они как раз заканчивали свою беседу, когда мимо них, усталый, погруженный в раздумье прошел Ярборо. О'Брайен кинулся к нему.

— Мы хотели бы, чтобы вы передумали, сенатор, — начал он.

— Президент будет очень рад, если вы поедете вместе с вице-президентом.

Ярборо намеревался ответить отказом. О'Брайен бросил взгляд на автобусы прессы и сказал:

— Вы видите, она наблюдают за нами. Это для них сенсация.

Сенатор ответил:

— Я буду счастлив говорить с ними о доказательствах популярности президента, Лэрри. Толпы, заполнившие улицы самых больших городов Техаса в беспрецедентной демонстрации преданности президенту, являют собой куда более убедительное доказательство его популярности, чем все, что мог бы сделать я.

Слова его не произвели впечатления: Лэрри продолжал стоять с безразличным видом.

— Послушайте, — сказал Ярборо. — Я сделаю заявление. Лэрри бесстрастным голосом ответил:

— Вы можете сделать заявление хоть на десять тысяч слов, но лучше будет, если вы сядете в эту машину. — Краешком глаза он наблюдал за Джонсонами, выходящими из отеля. Часы показывали 10.40. Они готовы были ехать. Неожиданно Ярборо капитулировал.

— Хорошо, если это так важно... — начал он смирившись.

— Да, — сказал О'Брайен, оборвав его на полуслове. Повернувшись к Джонсону, он негромко пробормотал:

— Сенатор едет с вами и с миссис Джонсон. Джонсон тихо ответил:

— Прекрасно.

То, что затем последовало, напоминало сцену из оперетты. О'Брайен провел их к машине. Ярборо сел позади водителя, Леди Бэрд в середине, Линдон справа. Как раз в тот момент, когда Лэрри собирался с чувством сдержанного торжества захлопнуть дверцу за сенатором, с другой стороны появился представитель Национального комитета демократической партии с Нелли Коннэли. Пятиместный «линкольн», предназначенный для поездки президента в аэропорт, мог вместить только чету Кеннеди, губернатора и агентов секретной службы Келлермана и Грира. Жена губернатора должна была ехать в другой машине. Представителю Национального комитета казалось наиболее правильным подвести ее к машине вице-президента, и он начал усаживать ее рядом с Джонсоном на заднем сиденье. Но и в этой машине было только пять мест, и на заднем сиденье могло поместиться лишь три человека. Как только вице-президент и Леди Бэрд подвинулись, чтобы освободить место для Нелли, Ярборо, сидевший дальше всех от Нелли, на краю, оказался неумолимо вытесненным.

Ярборо счел, что в итоге ему повезло, и попытался выйти из машины. Лэрри остолбенел. Он вытащил Нелли из машины и усадил ее на переднем сиденье. Озадаченная жена губернатора оказалась зажатой между полицейским-водителем и агентом Янгбладом. Неловкость положения усугублялась еще и тем, что Джонсоны должны были лететь в Даллас на самолете для сопровождающих лиц. Это означало, что Нелли предстояло подниматься в «ВВС-1» вместо с Ярборо. Когда машина тронулась, на улице раздались приветствия, но в машине стояла мертвая тишина. Леди Бэрд оказалась, однако, воплощением такта. Она непринужденно рассказывала о местах, которые они проезжали, наиболее интересными из которых были Торговый центр фирмы «Оллрайт», изготовляющей авточасти, стоянка для автомашин, мавзолей и кладбище Гринвуд, а после того, как они въехали в Карсуэлл — несколько огромных складов, в которых хранилось термоядерное оружие.

О'Брайен в другой машине обливался потом. Температура приближалась к 80 градусам по Фаренгейту, и влажность оставалась высокой. Часы показывали 11. 03. Если в Карсуэлле их не задержит толпа, то они выдержат расписание. Казалось маловероятным, чтобы здесь собрался народ. Это была зона с самым строгим режимом безопасности. Тем не менее, как только они остановились, их окружили люди. На улицу проводить президента вышли все механики и смазчики. В течении пятнадцати минут они не выпускали из кольца машину, весело кричали и

протягивали для рукопожатий свои руки.

Джон Коннэли наблюдал за этой суетой с борта президентского самолета. Статьи в техасских газетах не предвещали столь бурного приема. Кеннеди — выходец из восточной части страны, и политика его спорна. Почему же военнослужащие военно-воздушных сил так бурно ведут себя при встрече с президентом? Ведь не могут же все они быть из Массачусетса!

Супруги Кеннеди поднялись на трап в 11. 23. Эвелин Линкольн сделала моментальный снимок и проследовала за ними мимо Килдафа, погруженного в раздумье.

— Я буду рад, когда мы завершим следующий этап, — единственный, который меня беспокоит, — сказал он тихо.

Лэрри О'Брайен наблюдал за посадкой президента.

— Вы что, летите в Даллас? — спросил его водитель.

— Даллас самая проклятая дыра на свете!

Лучи солнца весело играли на темно-синем ковре. В кабине связи Ральф Ярборо торжественно похлопал О'Брайена по спине.

— Это все, что нам требуется! — ликовал он. — К моменту, когда президент покинет Остин, его повидает миллион людей. Каждый десятый техасец. Не правда ли, Лэрри, он добьется победы в этом штате следующей осенью О'Брайен тут же прикинул в уме: сенатор был прав — результат получается внушительным. — Я согласен с вами, — ответил О'Брайен.

— Но какой шаг теперь предпримет Ярборо?

В политике никто не жертвует ладью ради пешки. На улице сенатор уступил президенту. Теперь он имел нраве предъявить требование Лэрри, Это он, О'Брайен, направлял внутривластный курс Кеннеди. Поскольку самому Ярборо предстояли в ноябре перевыборы, он должен был воспользоваться своим правом, и он это сделал.

— Я в очень затруднительном положении, — признался он.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — сочувственно спросил О'Брайен.

— Это насчет сегодняшнего вечера, — сказал Ярборо. Он подал знак стоявшему в проходе Альберту Томасу, приглашая его присоединиться к ним. Ярборо заговорил о трудностях, с которыми он сталкивается в Остине. Техасские избиратели презирают людей, которые подставляют правую щеку, после того как их ударили по левой. А Остин проявит еще большую нетерпимость, так как это родной город Ярборо. Если кто-нибудь поможет ему разрешить эту проблему, поклялся сенатор, он будет ему вечно признателен.

— Давайте-ка я займусь этим, судья, — сказал Томас О'Брайену. Он часто обращался к людям, называя их «судья». Этот конгрессмен был не менее медоточив, чем Ярборо. Сегодня, как и вчера, он являл собой образец миротворца. Он направился в хвост самолета, где в маленькой кабине находился президент, все еще болезненно переживавший свое знакомство с техасской прессой.

— Это скверно, — сказал президент Келлерману, Хиллу и Макхью, подняв газету. — И что еще хуже, это неправда. Он прибыл в штат не как противник, а как посредник.

Макхью сказал:

— Если вы считаете, что это скверно, господин президент, то что вы скажете, когда увидите далласскую «Ньюс»?

— Я видел ее, — ответил Кеннеди. Он зашагал по коридору, который вел к его спальне, и остановился в дверях. На узкой скамеечке в коридоре сидели рядом О'Доннел и Коннэли. Стараясь предотвратить стычку, Кен О'Доннел и Лэрри О'Брайен поместили губернатора и сенатора в противоположных концах самолета. Кен не добился нисколько успеха. Логика, — даже одобренная лестно, не действовала на губернатора. Коннэли доказывал, что в действительности фракционное разногласие существует между Джонсоном и Ярборо, а сам он, будучи протеже Джонсона, оказался зажатым посередине.

— Я сталкиваюсь в Техасе с проблемами, непонятными для вас, — говорил губернатор, — точно так же, как вы сталкиваетесь с проблемами, которых я не понял бы в Массачусетсе.

Кеннеди не принял участия в разговоре, предоставив заниматься этим своим помощникам: К тому же мысли его все еще были заняты утренними газетами.

— Что это за газета далласская «Морнинг Ньюс»? — спросил он раздраженно Кена. — Ты знаешь, кто несет ответственность за это объявление? Дили. Помнишь его? После той сцены,

которую он разыграл в Белом доме, я попросил проверить, что он за человек. Он повсюду заявляет, что был военным корреспондентом, и все в Даллас верят ему. — И президент сделал крайне нелестное замечание в адрес издателя.

Увидев проходившего Альберта Томаса, Кеннеди пригласил его в спальню. Сержант Джо Айрес принес тарелку со свежим ананасом и чашку кофе. Самолет накренило, и Кеннеди, потеряв равновесие, насыпал в чашку четыре полные ложки сахара.

— Что я могу сейчас для вас сделать, конгрессмен?

— Господин президент, дело обстоит как раз наоборот; если я не добьюсь победы после всего, что вы сделали для меня в Хьюстоне, я не заслуживаю того, чтобы меня избрали.

Раздался стук а дверь. Дэйв Пауэрс передал Кеннеди текст его речи в Торговом центре Далласа. Серьезным тоном Томас добавил:

— На вашем мосте я бы как следует подумал о том, что говорить в Далласе. Это жестокий город.

Кеннеди пропустил это замечание мимо ушей. Ничто из виденного им этим утром не побуждало его смягчить хотя бы одно слово. Вашингтонский корреспондент далласской «Тайме геральд», видевший предварительный текст речи, предупредил редакцию, что это «уничтожающий удар По критике президента справа». Кеннеди хотел, чтобы она была именно такой. — Почему бы вам не помочь Кену? — спросил президент, взглянув на дверь.

— Именно за этим я и здесь, — ответил конгрессмен и вышел.

Осажденный с двух сторон, Коннэли начал уступать. Он признался, что потрясен тем, как встречают Кеннеди. Это был язык, понятный для любого политика. За несколько минут до посадки Коннэли похлопал О'Доннела по спине.

— Хорошо, — прогудел он. — Я сделаю все так, как скажет президент. Если он хочет, чтобы Ярборо сидел за почетным столом, он будет там сидеть.

Победа оказалась неполной: вопрос о приеме в резиденции губернатора был деликатно обойден. Но Нелли не собиралась принимать сенатора. К тому же ни О'Доннел, ни Томас ничего не знали о планах губернатора относительно почетного стола, расположенного на двух разных уровнях. Если Коннэли намеревался придерживаться этих планов, то они ничего не добились. Тем не менее они думали, что достигли чего-то, и Кен торжественно сообщил президенту, что Коннэли сдался.

— Потрясающе! — усмехнулся Кеннеди. — Это оправдывает всю поездку.

Джим Суиндал выглянул через плексигласовый колпак своей кабины с ярко окрашенными рукоятками и переключателями и посмотрел на бегущую под ним блестящую ленту бетона. «BBC-1» приземлился. В бортовом журнале отметил время — 11.38. Самолет подрулил к зданию с надписью: «Международные рейсы», слева от красно-зеленого здания аэровокзала.

Из-за барьера доносился гул толпы. Моры по обеспечению безопасности были, видимо, приняты строгие. Это было заметно. Вооруженные полицейские стояли на всех выступах крыш восточного крыла аэровокзала, а пожилой агент с ястребиным лицом — это был Соррелз — загонял какого-то фоторепортера за барьер. Суиндалу собравшиеся люди казались одной восторженной толпой. Может быть, на Даллас и клеветали. Из кабины пилота люди казались типичными техасцами, готовыми оказать Кеннеди самый бурный для него со времени Сан-Антонио прием.

Но это было первое впечатление. В Сан-Антонио президента приветствовал весь город. Здесь — местное «подполье». Либералы мужественно демонстрировали, выстроившись вдоль дороги. Шеренга школьников держала американский флаг и плакат с отважной надписью: «Мы любим Джека», а один негритянский мальчуган размахивал куском картона, на котором было написано: «Ура, Дж. Ф. К!» Либералы стремились всеми силами перещеголять встречу, устроенную Кеннеди в Хьюстоне и Форт-Уорте. Казалось, что поражение, которое они потерпели на выборах в Далласе, изоляция, в которой они оказались, презрение, с каким относились к ним самые влиятельные люди в городе, вдохнули в них боевой дух. Быть либералом и даже умеренным, в Далласе дело нелегкое. Верность Кеннеди требовала отваги, и его сторонники в Далласе вышли на улицы, чтобы показать свою храбрость. Это было мужественным поступком. Для тех, кто наблюдал эту Картину из окна самолета, все выглядело в розовом свете. Но сторонники Кеннеди не представляли весь Даллас. На аэродроме Лав Филд

царила другая атмосфера, отличная от Далласа. Генри Гонзалес заметил, как люди то начинали махать руками, то нервно оборачивались и опускали руки. Ронни Даггер, издатель далласского «Обзервера», обратил внимание на флаг Конфедерации, высоко взметнувшийся над толпой, и на небольшие группы людей, которые пришли не для того, чтобы аплодировать, они стояли мрачные, с вызывающим видом, раскуривая свои трубки. Лиз Карпентер подумала, что плакаты, с которыми Кеннеди встречали его противники, были самыми враждебными из всех, когда-либо виденных ею. «Долой клан Кеннеди!» — было написано на одном. «Помогайте Кеннеди уничтожить демократию!» — призывал другой. Человек с искаженным злобой лицом держал плакат, на котором было два слова: «Ты предатель». Еще один плакат, укрепленный на автомашине, гласил: «Г-н президент, я глубоко вас презираю за проявленные вами социалистические тенденции и вашу капитуляцию перед коммунизмом». Примерно так же выглядели и другие плакаты: «В 1964 году — Голдуотер и свобода»; «Кеннеди! Гэс Холл и лидеры коммунистической партии хотят, чтобы вас переизбрали!»; «Янки и вам подобные, убирайтесь домой!». Здесь же бесчинствовала большая группа школьников; от Высшей школы имени Томаса Джефферсона явилась специальная делегация, чтобы освистать президента.

Состав официального комитета из двенадцати человек, возданного для организация встречи президента, отражал особенности Далласа: в нем не было ни одного представителя профсоюзов, что весьма необычно при президенте-демократе. Местные профсоюзные деятели горели желанием участвовать в церемонии в аэропорту и на завтраке, но после нескольких отчаянных стычек с республиканцами и правыми демократами, заправлявшими в комитете по приему президента, они отступили. Делегация, явившаяся встречать президента, состояла из девяти республиканцев, двух демократов и только одного либерала — Бэрфута Сандерса. Как и надлежало, они собрались за час до встречи перед Республиканским национальным банком и направились в аэропорт в больших черных лимузинах. Первым человеком, прорвавшим их строй, был губернатор Коннэли, а не президент. Губернатор нарушил правила этикета, на комитет был в конце концов им подобранной командой, а сам он был в свою очередь их человеком. Кеннеди не мог получить большинства в Далласе, и вообще было сомнительно, что ему удалось бы здесь в ноябре постоять за себя достойным образом. А губернатор-демократ был местным героем. Даже архиконсервативные далласцы не могли обнаружить у него каких-либо социалистических тенденций. Они знали, что он не предаст их идея лов, и были готовы голосовать на выборах в 1964 году за Голдуотера — Коннэли.

Пока подкатывали трап, Кеннеди шутил со своим камердинером. С верхней ступеньки, сощурившись, Кеннеди смотрел на толпу. Жаклин стала рядом с ним. «Подполье» встретило президента и его супругу одобрительными криками. Дэйв Пауэрс записал: «Они выглядят, как мистер и миссис Америка». На поле, внизу, в течение пяти минут терпеливо ожидали Джонсоны. Менее чем за сутки они четвертый раз радушно приветствовали супругов Кеннеди в новом городе. Обе пары чувствовали себя при этом немножко глупо. К тому же сегодня предстояли еще две такие встречи — на военно-воздушной базе в Бергстроме и на ранчо. Линдон взглянул на Джекки и с комическим видом пожал плечами, подчеркивая нелепость положения. Она рассмеялась. Однако Линдон никогда не бросал работу неоконченной, даже если она и казалась нелепой. Бивший в нем гейзер энергии не позволял ему этого сделать. Если быть вице-президентом — значит трясти всем руки, то он будет пожимать руки всем пассажирам, сходящим с «ВВС-1», что он и делал. Килдаф, который последним, сказал:

— Сэр я думаю, что если вы еще раз пожмете мне руку, то вы заболете.

Джонсон похлопал его по плечу, сказав:

— Не говори глупости, Мак.

Как только встречающие начали расходиться, задача вида-президента в Далласе была выполнена. Следующее мероприятие с его участием было запланировано на 15. 15 в Бергстроме. Толщ по другую сторону барьера собралась, здесь ради президента. Джонсон появился там для приличия и, увидев, что руки присутствующих тянутся к обоим Кеннеди, повел Леди Бэрд к серой открытой машине, которую Соррелз взял для него у местного агента фирмы «Форд». За рулем сидел Хэршел Джеке из управления охраны общественного порядка Техаса. Усевшись рядом с Джексом на переднее сиденье, Руфус Янгблад настроил свою портативную рацию на волну «Бейкер», С помощью рации он мог поддерживать контакт с

агентом Лемом Джонсом, который находился в машине, следовавшей за машиной вице-президента. Если не считать дежурных из взвода связи, Руф и Лем были единственными на этой волне. Все остальные, имевшие рацию, настроились на волну «Чарли», на которой поддерживалась связь с машиной президента. Она была центром их внимания, и те, кто был знаком с шифром секретной службы, могли следить за передвижением «Копьеносца» и «Кружева», слушая диалог между Роем Келлерманом, находившимся на переднем сиденье машины президента, и Артом Бейлсом в машине связи в самом конце кортежа. Вейле методически проверял все каналы связи, главными точками которой были «линкольн» и две следовавшие за ним машины секретной службы. Они поддерживали постоянную связь с Джимом Суиндалом и маленьким коммутатором группы связи в отеле «Шератон» в Далласе (имевшем двадцать номеров и десять междугородних линий). Он в свою очередь связывая президента с коммутатором Форт-Уорта, а через него — с оперативным отделением секретной службы в Канзас-Сити, с аэродромом Эндрюс, Пентагоном и Белым домом с его тысячами телефонных номеров.

Супруги Кеннеди обошли под левым крылом самолета лужицы, оставшиеся после вчерашнего дождя. У ворот аэропорта Лав Филд президент наклонился к ЭнниG. Данбар — восьмидесятипятилетней демократке и к больному артритом, которого привезли в кресле-коляске. Затем он и Жаклин прошли примерно пятьдесят ярдов вдоль барьера, улыбаясь и пожимая руки.

— Нравится ли вам участвовать в предвыборной кампании? — спросил Чарлз Роберте из «Ньюсуик» Жаклин.

— Очень нравится! — последовал ответ. Толпа устремилась к ней.

— Где мой муж? — спросила она быстро и, увидев его, облегченно вздохнула. Жаклин Даллас показался обычным городом, но те, кто знал Даллас, чувствовали себя как на иголках. Едва заметно улыбаясь, Гонзалес сказал конгрессмену Джону Янгу:

— Выло бы очень здорово, если бы кто-нибудь изобрел маску против плевков. — Он посмотрел на флаг конфедератов и добавил:

— А я забыл свой жилет, защищающий от пуль.

Рой Келлерман вплотную следовал за президентом, внимательно всматриваясь в лица и фотоаппараты. Местный репортер сказал Чарлзу Роберту:

— Полиция Далласа усвоила наконец, что нужно делать. После отъезда Кеннеди из аэропорта, она не допустит к нему никого на расстояние даже десяти футов.

Хью Сайди, никогда не обращавший внимания на толпы встречающих на аэродромах, вышел из автобуса и смешался с толпой. Он понял, как накалена атмосфера. Тем временем глава правительства продолжал идти вдоль ограждения. Он так далеко ушел от основной группы сопровождающих, что Билл Грир подошел к нему «линкольн», желая сэкономить время на обратный путь. Президент задержался у барьера еще пять минут. Ронни Даггер записал в своем блокноте: «Кеннеди показывает, что он не боится».

Наконец Кеннеди сел в автомобиль. Однако в последнюю минуту совершенно неожиданно возник переполох. Машина с представителями прессы застряла, и Килдаф на какой-то миг в панике подумал, что там вышла из строя батарея. Затем мотор заработал. В этот момент у «линкольна» появился Пауэрс.

— Время завтрака, — сказал он весело Кеннеди. Нас снова увидят те, кому некуда деться. Затем, обратившись к Жаклин, он напомнил ей, чтобы она приветствовала публику на своей стороне. — Если вы и президент, — сказал он ей, — будете приветствовать одних и тех же избирателей, это будет напрасной тратой сил.

Еще в самолете все были предупреждены, что распоряжение о порядке следования кортежа в Далласе не успели передать. Поэтому машины будут следовать в том же порядке, как следовали в Форт-Уорте. Это привело к суматохе. Никто не знал, в какую машину сесть, и все старались захватить лучшие места, остальных разместили в автобусе для «Весьма важных лиц». Среди них были д-р Беркли и Эвелин Линкольн. Их оттеснили на самый конец.

— Возмутительно! — заметил дрожащим голосом д-р Беркли. Он не заботился о престиже. Он, наверное, более, чем кто-либо другой, избегал быть в центре внимания.

— Личный врач президента должен быть в непосредственной близости от него, — сказал

он Эвелин. — Я не понимаю, почему они не могут посадить меня в головную машину. Я не возражал бы сидеть даже между агентами охраны.

Конечно, доктор мог понадобиться лишь в самом крайнем случае. Но этот крайний случай и служил единственным оправданием для присутствия здесь Беркли.

Вдруг О'Брайен бросился бежать. Лэрри считал, что с Ярборо все ясно. Внезапно до его сознания дошло, что сенатор так и не сказал, поедет ли он здесь вместе с вице-президентом. В то же время он увидел, что президент смотрит на него в упор и многозначительно показывает глазами в сторону Ярборо, который, как казалось, искал другую машину. Повторилась история, происходившая у отеля «Техас». Лэрри схватил сенатора за руку, впихнул его на сиденье рядом с Лэди Бэрд и захлопнул дверцу. Кортёж тронулся. О'Брайен мог отстать. Растерянно оглянувшись вокруг, он прыгнул в открытую машину, где уже сидели конгрессмены Мейхон, Роджерс и Торнбери.

Все утро рабочие перестилали пол на расчищенном пространстве шестого этажа Техасского склада учебников. После завтрака они могли наблюдать торжественный проезд кортежа президента. Это событие рождало у них разные чувства. Бескомпромиссная позиция президента в вопросе о равноправии негров не вызывала сочувствия. Директор склада Рой Трули, который считал что люди разных рас не должны вступать в брак друг с другом, позднее высказался так:

— И половина моих парней не вышла бы смотреть на парад, если бы не время завтрака. Они консервативны так же, как я и большинство техасцев, за исключением негров.

Тем не менее парад есть парад — это зрелище, и в 11. 45 на двух старых лифтах люди стали спускаться вниз на улицу. Когда они проезжали мимо пятого этажа, Чарлз Гивенс, старший служащий книжного склада, в прошлом стюард на флоте, увидел Ли Освальда, который стоял у двери лифта на пятом этаже, наблюдая, как его коллеги спускаются вниз. Верхние этажи опустели. Как позже определила секретная служба, склад был идеальным местом для снайпера.

Ни один преступник, однако, не может быть уверен, что ему не помешает случайный посетитель, память которого запечатлеет убийцу на месте преступления. Так было и с Освальдом. Неожиданно Гивенс вернулся, он вспомнил, что оставил свои папиросы в кармане пиджака. На шестом этаже он встретился с Освальдом.

— А ты остаешься здесь? — спросил Гивенс удивленно.

— Нет, сэр, — ответил Освальд, как всегда, почтительно. Видимо, чтобы снять с себя подозрение, а вероятнее всего для того, чтобы подготовить путь к бегству, он сказал: — Когда вы спуститесь, закройте, пожалуйста, дверь лифта. — Он имел в виду лифт в западной части здания, который можно было вызвать, только если дверь его закрыта.

— Хорошо, — сказал уходя Гивенс.

Теперь Освальд остался один. В его распоряжении было более получаса на окончательные приготовления. Вокруг была тишина, лишь с крыши доносилось воркованье голубей. На задней части крыши возвышалось странное сооружение, похожее на огромный развалившийся товарный вагон. Когда-то это был котел. После того как выключили паровое отопление, он остался ржаветь и теперь служил пристанищем для голубей.

Очутившись внизу, Чарлз Гивенс обнаружил, что не может закрыть двери западного лифта. Кабина застряла где-то наверху. Гивенс не обратил на это внимания и ушел. Позже он вспомнил, что это произошло в 11.35.

В 11-55 авангард кортежа Кеннеди двинулся через проход в ограде Лав Филда, проделанный по приказу Фореста Соррелза специально для проезда президента. Два полицейских мотоцикла шли впереди, освобождая путь.

Кортёж двигался в следующем порядке:

Головная машина — белый «форд» без номера, управляемый начальником полиции Карри. Рядом с Карри сидел агент Лоусон. На заднем сиденье — шериф Билл Декер (слева) и Соррелз (справа). За задним буфером шли три мотоцикла, за которыми на расстоянии пяти автомобильных корпусов двигались остальные машины.

SS 100 X — машина президента под номером GG-300, выданным в округе Колумбия. Шесть пассажиров находились на своих обычных местах: Келлерман рядом с Гриром, чета Коннэли на откидных местах. Джон сидел направо от Нелли, супруги Кеннеди на заднем сиденье. Четыре мотоцикла, по два с каждой стороны, эскортировали машину GG-300.

«Хавбек» — лимузин № GG-678, следовавший за президентской машиной. Агент Сэм Кинни сидел за рулем. Эмори Робертс, командир «хавбека», сидел рядом с Кинни. Клинт Хилл стоял на подножке слева, агент Билл Макинтайр — позади него. Джон Риди стоял на правой подножке, агент Лэндис — позади. Дэйв Пауэрс сидел на правом откидном месте, Кен О’Доннел — на левом. Агент Джордж Хикки занимал левое место на заднем сиденье, агент Гленн Беннет — правое. Между ними лежал автомат системы AP-15233 с такой пробивной силой, что если бы его пуля попала в грудь человека, она разнесла бы и всю его голову.

Открытая машина вице-президента шла на расстоянии двух с половиной автомобильных корпусов от «хавбека». Это подчеркивало роль вице-президента. У Ральфа Ярборо, который любил парады, создалось впечатление, что Линдону Джонсону это не очень-то нравится. Сенатор, сидевший на заднем сиденье слева, в восторге махал рукой, Линдон Джонсон мрачно смотрел перед собой. «Вэрсити» — закрытая машина, следовала за машиной вице-президента, ее вел полицейский агент из Техаса.

Машина с представителями прессы была взята напрокат у телефонной компании, и водитель был оттуда же. Килдаф и Меримэн Смит от Юнайтед Пресс Интернейшнл сидели впереди, Килдаф — справа. Старший корреспондент при Белом доме, Смит всегда ехал в середине. Таким образом, из всех корреспондентов он был ближе всех к радиотелефону, расположенному под панелью с приборами. Джек Белл из Ассошиэйтед Пресс, Баскин, репортер далласской «Морнинг ньюс», и Боб Кларк, корреспондент «Америкен бродкастинг компани», сидели позади. В критической ситуации они не могли ничего передать из этой машины, если бы Смит не дал им телефона. А Смит, человек с жестким лицом в оспинах, был одним из наиболее пробивных журналистов.

Следующими шли открытые машины с фотоаппаратами. За ними следовали остальные машины кортежа.

Президентский кортеж проехал мимо статуи «Дух полета» — стройной фигуры с вытянутыми вверх руками, а затем повернул на Мокингберд-лейн. Сначала по сторонам не было ничего примечательного. Джон Коннэли не предполагал, чтобы тут мог собраться народ, однако он ошибся. Бэрфут Сандерс вспомнил, что, когда Кеннеди и Джонсон ехали по Леммон-авеню 13 сентября 1960 года, она была пустынной. Однако тогда Кеннеди был всего лишь кандидатом в президенты. Теперь он был президентом. Служащие заводов «Хэггар Слакс» фирмы «Интернейшнл бизнес машинз», стоявшие перед низкими плоскими зданиями автоматизированных цехов, казалось, с безразличием встретили кортеж. Местами обочины дороги были пусты. Жаклин порой ловила себя на том, что машет рукой фанерным щитом с рекламой «Стеммонс-фриузэй — Торговый центр Юго-Запада», «Настоящее нежное виски», «Дом Большой Сосиски» и вульгарной вывеске, приглашавшей ее потанцевать в «Музыкальном ящике».

Жара усиливалась, солнце ослепляло. Жаклин инстинктивно закрыла глаза. Она надела черные очки, но президент попросил ее снять их, объяснив, что люди хотят видеть ее лицо, а очки мешают этому. Тем не менее фирма, производящая электронно-вычислительные машины. Жаклин вертела очки в руках и тайком надевала их, когда вдоль дороги не было зрителей. На Леммон-авеню «линкольн» прошел через тоннель, и ей это было приятно: короткая полоска тени принесла облегчение.

Дважды по приказу Кеннеди кортеж останавливался. На углу Леммон-авеню и проезда Ломо Альто за плакатом «Г-н президент, пожалуйста, остановитесь и пожмите нам руки» стояла шеренга ребятишек.

— Давай остановимся здесь, Билл, — крикнул Кеннеди Гриру. Он вышел из машины и едва не был сбит с ног рванувшимися к нему с криком ребятишками. За этой сценой с симпатией наблюдала чета Гаудет — сторонники президента. В конце ее у г-жи Гаудет возникла подсознательная ассоциация. Этим утром она слышала местную радиопередачу, посвященную подробностям убийства Линкольна, и теперь рассказала об этом мужу, заметив:

— Президента Кеннеди следовало бы наградить орденом «Пурпурного Сердца» только за то, что он прибыл в Даллас.

Келлерман и его люди деликатно предложили ребятишкам разойтись. Пока город казался им безобидным. В головной машине Лаусон предложил, чтобы тоннели были очищены от всех, кроме полицейских в форме, и, судя по первому тоннелю, его совету последовали. Казалось, все идет по расписанию. Когда президент вторично вышел из машины, агенты, хотя и были начеку, вели себя сдержанно. Кеннеди хотел поздороваться с группой монахинь. Католик, он всегда был рад хотя бы мельком увидеть их, и эта встреча была бы хорошо знакомой картиной. Лишь бестактные агенты охраны могли нарушить ее своим вмешательством.

Линдон Джонсон приказал в своей машине включить радио. Раздался громкий голос диктора местной станции, передававшего сообщение о следовании кортежа.

На Риган-стрит, за три квартала до того как дорога начинает сужаться, стоял преподобный Оскар Хьюбер с группой молодежи из своего прихода.

— Я знаю, почему вы здесь, — поддразнил он их, — меня вы не обманете. Вы здесь не из-за него, вам хочется посмотреть на Джекки.

В этот момент он услышал треск мотоциклов. Толпа молодых людей помешала пожилому священнику увидеть Кеннеди. Однако Кеннеди заметил священника, обернулся, взглянул прямо в лицо отца Хьюбера и улыбнулся.

— Ура! — закричал священник в восторге.

Сразу за поворотом, в горловике сужающегося пути, которым следовал кортеж, в угловой комнате на девятнадцатом этаже импозантного жилого дома на Тартл Крик, 3525, сидел перед телевизором Тед Дили. Он только что вернулся от врача после общего обследования и переоделся в спортивную рубашку. Дили бойкотировал завтрак в Торговом центре. Газету «Морнинг ньюс» должен был представлять его сын. Тед услышал шум машин на улице и выглянул в окно. Кортеж проводил через Оук Лаун-парк.

По Оук Лаун-парк головная машина миновала статую генерала Роберта Ли. Форест Соррелз вспомнил былые времена и тот день, когда Фрэнклин Рузвельт присутствовал на открытии памятника. Соррелз был тогда молодым агентом, ему впервые поручили охрану выдающегося деятеля, и он вспоминал свои опасения. Теперь это стало для него привычным делом. Но все же его смущали открытые окна в домах.

Толпа росла. Каждый сантиметр поворота был занят людьми, и чувствовалось напряженное ожидание. На западной стороне Седар Спрингс-роуд Уоррен Г. Гардинг, казначей графства, как раз находился перед штабом избирательного округа демократической партии в Далласе. Президент проехал в четырех футах от Гардинга, и его поразило лицо Кеннеди, показавшееся ему озабоченным. Гардинг спросил стоявшего рядом судью, не создается ли и у него такое же впечатление. Судья подтвердил это. В это время Гардинг заметил на противоположной стороне улицы двух молодых парней с большой эмблемой Голдуотера в руках. Взбешенный Гардинг показал им кулак и, как только проехал кортеж, подошел к ним, потребовав ответа, почему они вносят элемент партийной политики в визит президента Соединенных Штатов. Парни были настроены не менее воинственно. Один из них обругал президента. Гардинг стал наступать на него, но вдруг услышал, что его зовут. Было 12.15. Через пятнадцать минут они должны быть в Торговом центре. Даже если идти коротким путем, им все же следовало поторопиться, чтобы успеть туда до прибытия кортежа. Гардинг грозно взглянул на обоих парней, на их эмблему и повернул в другую сторону.

С Лайв Оук-стрит, за два квартала до Мейн-стрит, доносился рев. Люди стояли вдоль тротуаров по восемь, десять, даже двенадцать человек в ряд, а секретарши прямо-таки вываливались из окон. Казалось, здесь собрались все избиратели, голосовавшие за Кеннеди. Слева, в Харвуд-стрит, влилась густая толпа, в которой было много смуглых мексиканцев. В давке Грир снизил скорость с двадцати миль в час до пятнадцати, потом до десяти и наконец до семи. Заполнившая дорогу толпа оттеснила Б. В. Харджиса, полицейского на мотоцикле, ехавшего в двух футах от левого заднего крыла «линкольна». Толпа вплотную приблизилась к Жаклин, каждый взлет ее руки в белой перчатке вызывал смолкающее «Джек-ки-и-и!», и Клинт Хилл, самый активный агент сегодня, спрыгнул с подножки «хавбека» и бросился на смену Харджису, прикрывая Жаклин своим телом.

Теперь кортеж двигался по Мейн-стрит Далласа. Наискосок от перекрестка, с левой стороны, возвышалась серая каменная громада городской тюрьмы — штаб-квартира начальника полиции Карри. Карри повернул вправо, и, когда Грир свернул за ним, Джон Кеннеди увидел перед собой человеческое ущелье длиной в двенадцать кварталов — сужающуюся горловину в тысячу пятьсот ярдов, полную кричащих конторских служащих и мелькающих флажков. Над этим ущельем, под палящим солнцем, высоко вздымались к безоблачному небу восемь небоскребов деловой части Далласа. Вращающийся прожектор на верхушке Республиканского национального банка, теперь неподвижный, вонзался, подобно большой игле, в синеву неба. Часы на новом блестящем шпиле Торгового банка показывали 12.21 по центральному стандартному времени. Уточнение это имеет значение. Сто лет назад, 15 апреля 1865 года, в 7 часов 20 минут утра в Вашингтоне на Десятой улице в доме портного Уильяма Петерсона скончался президент США Авраам Линкольн. И хотя к тому времени уже около четырех лет существовало вот сточное стандартное время, как его ныне понимают, никто не заметил разницы между центральным и восточным стандартным временем. Это не имело значения. Люда, находившиеся там, где происходили события, и люди, жившие в других местах страны, существовали в разных мирах. Время и пространство имели тогда подлинное значение. К моменту, когда люди в отдаленных местностях узнавали об убийстве и осознавали его значение, условия их собственной жизни настолько менялись, что они рассматривали смерть президента с совершенно иной точки зрения, нежели жители Вашингтона.

22 ноября 1963 года все было иначе. Ужо одно телевидение до такой степени сократило размеры земного шара, что потрясение большой трагедии могли почувствовать в одно и то же время сотни миллионов людей.

Нынешний век — это и век небывалой скорости передвижения. Средний американец XIX века никогда не покидал родной штат. Чисто он умирал, не отъезжая далее тридцати миль от места рождения. Все, что он видел, он видел через вожжи своей упряжки. Его правнук, живущий в наше время, по всей вероятности, вырос в одной части страны, женился на девушке из другой ее части, а работает в третьей. В начале 40-х годов он воевал в Африке, Европе или Азии. Теперь он мог легко перелететь за час из Бостона в Нью-Йорк или пересечь за короткий летний отпуск всю страну. Некоторые профессии превратили человека в настоящего кочевника, и чем он влиятельнее и богаче, тем больше прибегает к воздушному транспорту. Поскольку любой президент притягивает к себе влиятельных людей (а Кеннеди сам обладал большим личным состоянием), естественно, что многие люди, чьи жизнь и дела были с ним связаны, находились в полдень этой пятницы в движении — на аэропортах, в воздухе или на дальних континентах, что для них было обычным делом.

Часы на Гавайях в момент, когда Билл Грир вел большой «линкольн», показывали 8.21. Правительственный самолет № 86972 поднялся с аэродрома Хикэм Филд и, преодолевая сильный встречный ветер, взял курс на Японию. Министр сельского хозяйства Орвил Фримэн заканчивал завтрак и разговаривал со своей женой Джейн. Государственный секретарь Раск, министр финансов Диллон, министр торговли Ходжес, министр труда Виртц и министр внутренних дел Юдол сосредоточенно занимались своими делами. Пьер Сэлинджер рассеянно смотрел через иллюминатор на бесконечную серо-голубую панораму моря. В кабине пилот снимал показания приборов и занимался вычислениями. Результаты не радовали его: из-за ветра скорость самолета упала ниже 450 километров в час. Пилот собирался долететь до Токио без посадки, теперь же ему стало ясно, что в Уэйке, в 1874 милях отсюда, придется садиться и брать горячее. Это изменение первоначальных планов, однако, мало беспокоило высокопоставленных пассажиров. Здесь они могли читать и дремать, что было для них редкой роскошью, и они наслаждались ею. Рядом стоял телефон для связи с Белым домом, но казалось, не было причины, чтобы он вдруг зазвонил. К тому же под руками не было шифровальной книги.

В пяти тысячах миль на восток, в Вашингтоне, в Белом доме все наслаждались утром — как им казалось, одним из самых спокойных. В Вашингтоне было 13.21, и самым выдающимся событием в резиденции 22 ноября казалось нашествие 1339 туристов. Восточные ворота закрылись за последним из них в полдень. В Вашингтоне — вернее, вдоль всего Атлантического побережья — это был час завтрака. Почти все, кого Кеннеди назначил на

должность, его союзники или противники, сидели где-то в этот час за завтраком, обсуждая вопросы политики. В 13.21 исполняющий обязанности государственного секретаря Джордж Болл разговаривал по телефону с заместителем министра финансов Генри Фаулером, обсуждая вопрос о продаже пшеницы. Положив трубку, Фаулер вошел в столовую министерства финансов, чтобы обсудить со своими помощниками налоговые отчеты. В столовой государственного департамента на восьмом этаже заместитель государственного секретаря Алексис Джонсон принимал гостя — посла Индонезии, в то время как за другим столом заместитель государственного секретаря Аверелл Гарриман принимал делегацию конгрессменов. По ту сторону реки Потомак начальник Центрального разведывательного управления Джон Маккоун завтракал с группой агентов. Посольство Чили принимало у себя сенатора Хьюберта Хэмфри, надежды которого занять место в правительстве Джон Кеннеди разбил на первичных выборах в штате Западная Виргиния в 1960 году, и Ральфа Дангэна, одного из самых способных помощников президента. В Капитолии спикер палаты представителей Джон Маккормак, второе лицо среда тех, кто по конституции наследует в случае чрезвычайного происшествия пост президента, только что вошел вместе с группой друзей в ресторан палаты представителей. В 13.21 помощник президента Тед Соренсен покинул номер отеля, где жил Рой Робертс, корреспондент газеты «Стар», выходящей в Канзас-Сити. Хотя Робертс и был республиканцем, он принадлежал к числу поклонников Джона Кеннеди. Он пытался выудить что-нибудь из Соренсена в связи со слухами о том, что Линдон Джонсон не попадет в будущий избирательный список. Уже целый месяц помощники президента занимались опровержением этих слухов, и это уже начало надоедать им. Говоря с Робертсом, Тед подчеркнул, что Джонсон — кандидатура Кеннеди. Затем он подсознательно вспомнил, как однажды Кеннеди сказал ему, что начиная с 1840 года каждый президент, избираемый через каждые двадцать лет, — Гаррисон, Линкольн, Гарфилд, Маккинли и Франклин Рузвельт — погибал на своем посту. Причуда истории, и Кеннеди смеялся над ней. Он намеревается сломить эту традицию, сказал он. Соренсен тоже не отнесем к этому серьезно — это было всего лишь рядом удивительных совпадений. Упоминание Робертсом имени вице-президента вызвало, однако, в его памяти мимолетное воспоминание об исторических фактах.

В секторе «Е» Пентагона министр обороны Роберт С. Макнамара, вооружившись авторучкой, размышлял над 50-миллиардным военным бюджетом. Рядом с ним Макджордж Банди, специальный помощник президента, Кермит Гордон, председатель Бюджетного бюро, и Джерри Визнер, помощник президента по вопросам науки и техники, работали на счетных машинах и проверяли разделы статей бюджета, которые могли подвергнуться острой критике. В пятницу, на следующий день после Дня благодарения, они должны были прибыть в Хайяннис-порт к президенту Кеннеди с окончательными предложениями.

Не все руководящие деятели США обычно обедали в эти часы. Некоторые предпочитали поесть пораньше и поскорее приступить к послеобеденной работе, которая для них нередко продолжалась до 9—10 часов вечера. Члены Верховного суда США перебрались в длинный, отделанный панелями конференц-зал в глубине своего мраморного храма за Капитолием. С часу дня они сидели в зеленых кожаных креслах с высокой спинкой, к каждому из которых была прикреплена медная табличка с именем судьи. На дальнем конце стола, покрытого сукном, сидел член Верховного суда Артур Голдберг, избранный последним, занимая место почти у дверей» Ни при каких условиях ни одному постороннему лицу не разрешалось присутствовать на этих заседаниях. Если поступало срочное сообщение, посыльный, подносил записку к двери. Голдберг должен был — отвечать на стук в дверь.

Режим строжайшей секретности соблюдался и в Золотом зале Пентагона, — где происходило совместное заседание Объединенного комитета начальников штабов с командующими западногерманского бундесвера. Председатель этого комитета элегантный, похожий на ученого генерал Максвелл Тэйлор возвышался по одну сторону стола, напротив него сидел генерал Фридрих А. Ферч — генеральный инспектор бундесвера.

Все присутствовавшие были при полном параде — немцы из чувства долга, а американцы потому, что знали, как поступят немцы. На всех пестрели орденские ленты и блестели аксельбанты.

Своим блеском генералы затмили бы Верховный суд. Блеском и великолепием военные уступают только церкви. В 13.21 кардинал Ричард Кашинг готовился к тому, чтобы их затмить. Он ждал адмирала — нового командующего военно-морской базой Бостона, намеревавшегося нанести визит вежливости, и его преосвященство готовился встретить гостя с подобающим великолепием. В окружении золотых статуй святых, богато украшенного алтаря и картин на средневековые сюжеты кардинал возвышался в своем великолепном облачении. Плечами воина, квадратными челюстями и пронизывающим взглядом он напоминал скорее индейца племени чероки, нежели святого. Его преосвященство держался как древний хамитский вождь и говорил повелительным тоном. Кардинал надеялся, что ему не придется слишком много говорить, так как он страдал астмой и эмфиземой легких и спал с двумя кислородными подушками.

— Не убеждайте меня, я знаю, — ворчал он на медицинскую сестру, — голос у меня как у Лазаря, пролежавшего четверо суток в могиле.

Из всех знакомых Кеннеди, которые трудились в это время, самый скромный пост занимал корреспондент «Нейшнл бродкастинг компани» (Эн-Би-Си) Дэвид Бринкли, обладающий самым медоточивым голосом. Рабочее место Бринкли было не больше умывальника при бензоколонке. Он склонился над старомодным письменным столом со шторкой. Сейчас он не вел программы, так как было неурочное для передач время. Местная станция Эн-Би-Си вела, по мнению Бринкли, на редкость глупую передачу о модах. В отличие от кардинала Кашинга, генерала Тэйлора и председателя Верховного суда Уоррена Бринкли не делал истории, он только комментировал ее. Его присутствие на рабочем месте следует отметить, поскольку восемнадцать лет назад, когда ему было двадцать пять лет, он оказался единственным корреспондентом в Вашингтонской конторе Эн-Би-Си, когда пришло сообщение о том, что в Уорм-Спингс (штат Джорджия) умер Франклин Д. Рузвельт. Бринкли все еще помнил, как он неправильно произнес слово «кортеж» во время похорон Рузвельта и как ему за это попало.

В Хайяннос-порте Энн Гарган, двоюродная сестра президента, уложила его престарелого отца Джозефа П. Кеннеди вздремнуть после обеда. Они только что вместе посмотрели по телевизору новости, которые передают в час дня. Разбитый параличом, бывший посол хотел знать, кто из его сыновей находится в центре внимания общественности. Сама Энн собиралась отправиться с визитом к сестре в Детройт. Мать президента тоже прилегла. Рита Даллас, сиделка посла, помогла Энн одеться.

В шестистах милях к югу от Хайяннос-порта члены сената Соединенных Штатов дремали во время нагоняющих сон дебатов по вопросу о федеральном библиотечном деле. Поскольку председатель сената является одновременно и вице-президентом Соединенных Штатов, его здесь не было. В отсутствие Джонсона его место занимал младший брат президента сенатор Эдвард М. Кеннеди.

В непосредственной близости от зала с рифлеными стенами, где собирались сенаторы, находится комната президента. Эта комната называется так потому, что, начиная с Линкольна и кончая Гувером, все главы правительств подписывали здесь законопроекты, становившиеся законами. При Франклине Рузвельте этой комнатой перестали пользоваться.

Сегодня Ричард Л. Ридел, представитель сената по связи с прессой, сидел один в президентской комнате, читая «Вашингтон пост». Ридел с интересом рассматривал набор веселых фотографий супругов Кеннеди в Сан-Антонио и Хьюстоне. Время от времени он наведывался в сенатское лобби, чтобы посмотреть на телетайп Ассошиэйтед Пресс. Сторонник президента, Ридел предпочитал телетайп Ассошиэйтед Пресс, поскольку он находится на демократическом конце лобби, и избегал пользоваться телетайпом на республиканской стороне.

Сидеть в кресле вице-президента считалось честью, однако Эдвард Кеннеди относился к этому, как и его брат до него, со смешанными чувствами. Братья Кеннеди были людьми активными. Они любили мужские игры, соревнование, борьбу. Министр юстиции бесспорно чувствовал себя в этот момент более спокойно, чем сенатор Эдвард Кеннеди. Весь четверг и пятницу утром Роберт Кеннеди председательствовал на длиннейших заседаниях в министерстве юстиции, посвященных борьбе с организованной преступностью. Заседания должны были возобновиться после обеда. А пока что он пригласил к себе домой в Маклин, штат Виргиния, на

завтрак двух гостей — нью-йоркского прокурора Роберта Моргентау и его помощника. Роберт Кеннеди быстро окунулся в бассейн, расположенный в глубине участка при доме, надел шорты и присоединился к жене и гостям.

Учитывая особое положение Роберта Кеннеди в правительстве, отделение связи установило внутри его дома и вокруг него целую батарею телефонов Белого дома. По номеру Нейшнл 8-1414 к Роберту Кеннеди можно было дозвониться так же быстро, как к Джону Кеннеди. В то время как Линдон Джонсон имел всего лишь один телефон, связывающий его с Белым домом, только на этом участке около дома их было два: добавочный № 2163 в маленьком зеленом деревянном ящике у входа в бассейн и добавочный № 2324 — в ящике у теннисного корта на дальней его стороне.

Билл Мойерс, самый способный молодой техасец при Кеннеди, заместитель директора Корпуса мира Сарджента Шривера, высланный вперед в Остин для организации встречи президента, завтракал, предварительно проверив подготовку к приему президента. Как установил Мойерс, за исключением печатных программ, все было готово к сегодняшнему вечеру. Были подготовлены места для гостей, полторы тонны салата, разложены костры для восьми тысяч порций жаркого (католики обычно не едят в пятницу жаркого, но было уже слишком поздно менять меню). Продажа билетов принесла 350 тысяч долларов в избирательный фонд Кеннеди — Джонсона, и с утра владельцы билетов стекались в Остин со всего штата. Большинство их было уже в пути. Некоторые находились *еще* дома, среди них член Национального комитета демократической партии Байрон Скелтон.

В «Вулкане», как секретная служба называла ранчо Линдона Джонсона, тоже наступило оживление. Агенты из охраны Белого дома заняли передовые позиции в мотеле Джонсон-Сити. В восемь вечера они планировали оцепить «Вулкан», после этого всех должны были пускать только по пропускам. На берегах реки Бес Эбелл проводила генеральную репетицию артистов. Сотни только что испеченных пирогов стыли на длинном деревянном столе, перед кухней. А на кухне кухарка Элен Уильямс, не прекращая своей работы, следила за движением кортежа в Далласе по радио.

В Форт-Уорте Маргарита Освальд шестой час подряд не отводила глаз от экрана телевизора. Забыв про визит президента, она увлеклась любимой программой. С таким же увлечением Марина Освальд смотрела на экран телевизора «Зенит» в Ирвинге. Рут Пейн была на кухне и готовила завтрак. Кто все время думал о визите Кеннеди, так это муж Рут — Майкл. Он завтракал со студентом. Дэйвом Ноэлом в ресторане, находящемся между Форт-Уортом и Далласом. Майклу Пейну начало казаться, что последние два дня он только и слышал, что злые шутки об убийствах. Это угнетающе действовало на него, и за завтраком (позднее он не мог вспомнить, кто первый из них заговорил об этом) они обсуждали психику убийц в историческом плане. После нескольких неудачных попыток заговорить на эту тему они оставили ее, решив, что ни один из них не знает достаточно историю.

Пятница в Далласе — день выплаты жалованья, что для Парклендского госпиталя означало наплыв исключительно большого числа пациентов, раненных в пьяных драках. Однако основная масса пострадавших должна была нахлынуть в приемную «скорой помощи» лишь поздно вечером, а в полдень атмосфера была спокойной. Главный хирург находился в Хьюстоне, старшая медицинская сестра отправилась на конференцию медицинских работников. Директор госпиталя Джек Прайс стоял у окна своего кабинета и, глядя на бульвар Гарри Хайнса, любовался чудесной погодой. Он размышлял, разрешать ли некоторым своим служащим — выйти на улицу, чтобы посмотреть на проезжающий мимо президентский кортеж.

В Торговом центре, неподалеку от Парклендского госпиталя, практиковался органист, повторяя строфы, из гимна «Слава вождю». Двести техасских полицейских окружили здание Торгового центра. Настроены они были решительно. Сержант Роберт Е. Даггер, сотрудник полицейского управления Далласа, видел, как полицейские в штатском увели троих людей с плакатами против Кеннеди. Решение начальника полиции Карри сосредоточить свои главные силы в помещении, где должен был происходить завтрак, и вокруг него указывает на то недоверие, которое руководство Далласа испытывало к самому себе. В список приглашенных были включены главным образом влиятельные гражданские деятели. Президент должен был бы

быть среди них в полной безопасности. Однако многие из них принадлежали к ультраправым организациям — издатель далласской «Таймс геральд» стоял в списке рядом с общепризнанным членом Общества Джона Бэрча. Таким образом Торговый центр, если не считать аэропорта, был наиболее важным звеном местной системы безопасности.

Самым слабым звеном этой системы в деловой части Далласа была площадь Дили. Полиция считала, что толпа соберется на Мейн-стрит, восточнее площади, и каждый квартал ее находился под наблюдением полицейского инспектора. Предполагалось, что скорость, с которой кортеж будет ехать по Стеммонс-Фриуэй западнее площади, минуя тройной тоннель, обеспечит безопасность до того момента, когда президент достигнет укрепленного Торгового центра. На аэродроме Лав Филд было 365 далласских полицейских, в Торговом центре — 60. В промежутке в два квартала от поворота с Мейн-стрит на Хьюстон-стрит до тоннеля стояло всего несколько патрулей. Отсутствовала организованная система безопасности, и кортеж должен был двигаться медленно. Разрыв этот объяснялся тем, что вдоль зигзагообразного пути следования кортежа между Мейн-стрит, Хьюстон-стрит и Эйм-стрит не предполагалось большого скопления зрителей.

Конечно, число зрителей вокруг книжного склада было меньше, чем в торговом районе. Тем не менее на этот раз здесь собралось много народа. Секретарша Эйба Запрудера, смотревшая вниз из здания Дал-Текса, была поражена большим скоплением людей, стоявших на поворотах и проталкивавшихся к краю площади. Некоторые привели с собой детей. Чарлз Брэнд, молодой отец, повторял все время своему пятилетнему сыну:

— Не забудь помахать президенту рукой, может быть, он тебе ответит.

Перед складом учебников директор Рой Трули и его парни вслушивались в треск приближающихся мотоциклов. Направо от них до четвертого этажа раскинулись ветви высокого дуба, а в тридцати футах правее, над скоплением дорожных знаков, на низком бетонном креплении, между книжным складом и тоннелем, примостился приземистый Запрудер. Он одел на кинокамеру телеобъектив и добродушно объяснял стоявшей за ним стенографистке:

— Эй, Марион, если и буду вертеться, это не будет означать, что я с тобой заигрываю. Я пытаюсь сохранить равновесие, понимаешь? Мой «Зумар» искажает изображение, через него трудно смотреть.

В этот момент бдительный полицейский, который внимательно оглядел бы окна, мог бы изменить ход истории, так как Ли Освальд, занявший боевую позицию, был теперь виден стоящим внизу. Молодой человек по имени Арнольд Роулэнд, знавший толк в винтовках, начиная с 12. 14 стоял там вместе с женой. Хорошо видная световая реклама фирмы «Герц» по прокату автомобилей показывала точное время. Он увидел в окне силуэт Освальда, державшего в руках, как ему показалось, винтовку со стереоскопическим прицелом. Одна рука Освальда была на прикладе, другая на стволе. Он держал оружие по диагонали в положении «к осмотру», как солдат морской пехоты на стрельбище.

В двенадцати футах от супругов Роулэнд стоял полицейский, но Арнольду не пришлось в голову заговорить с ним. Предполагая, что Освальд охраняет президента, он сказал жене:

— Хочешь посмотреть на агента секретной службы?

— Где? — спросила она.

— Вон там, в том здании, — показал он.

На западной стороне Хьюстон-стрит с 12.20 стояли служащие из конторы ревизора графства Роберт Эдварде и Рональд Фишер. Им сказали, что они свободны, пока не проедет президент, и они наслаждались теплой погодой. Вдруг Эдвардс поднял палец и сказал:

— Посмотри-ка на того парня.

Фишер взглянул по направлению, куда показывал Эдвардс. Оружия они не видели, так как оно не попадало в их поле зрения. Внимание Эдвардса привлекла поза Освальда. Фишер согласился с тем, что она была странной. Освальд как замороженный смотрел направо от себя, отвернувшись от Мейн-стрит. Фишеру показалось, что «ой не шелохнулся, не моргнул глазом, что он смотрел как статуя, неподвижными глазами».

Видевший Освальда ближе всех водопроводчик Говард Л. Бренан появился на площади в 12. 18 (часы световой рекламы фирмы «Герц» на крыше склада учебников помогли и ему точно

установить время). Он устроился на белой цементной ограде высотой три с половиной фута, окружавшей площадь, прямо напротив входа в склад, где стояла группа во главе с Роем Трули. Там, на пересечении Хьюстон-стрит и Элм-стрит, находился Бреннан — на сорок ярдов ниже Освальда. Разомлевший на солнце, он вытер лоб рукавом своей рабочей рубашки, а затем посмотрел вверх, надеясь узнать, какая температура на щите фирмы «Герц». Но эта часть щита не была видна отсюда. Взгляд Бреннана скользнул до шестого этажа книжного склада и остановился на заострившемся лице Ли Освальда, профиль которого был виден отсюда. Бреннан тоже не мог понять, почему молодой человек замер в полной неподвижности.

С Мейн-стрит послышались отдаленные крики. Бреннан, Роулэнд, Эдвардс и Фишер забыли о странной фигуре в открытом окне и повернулись в другую сторону. Эдвардс сказал взволнованно:

— Вон они едут!

Жаклин Кеннеди показалось, что это Мексика — жаркая, буйная, шумная, с палящим солнцем, которое жгло прямо в лицо, и с криками приветствий, которые вздымались вокруг, подобно волнам, белее ярким, чем солнце, — волнам симпатии, захлестывавшим до такой степени, что забывалась эта обычная улица с гирляндами привычных полинявших красных, белых, синих флажков, развешанных сверху, с рекламой ботинок фирмы «Макэн», карт фирмы «Холлмарк», одежды фирмы «Харт Шаффнер я Маркс», аптеки Уолгрин. Ей казалось, что люди вокруг перестали быть чужими и стали ее близкими друзьями на тот миг, пока блестящий синий «лимузин» с трепещущими флажкам на крыльях проплывал вперед, разрезая толпу, мимо полицейских барьеров. Кортёж продвигался вперед.

12.22. Мейн-стрит и Эрви-стрит

Дюжина молодых людей высыпала на улицу. Со своего командного поста на повороте полицейский инспектор Далласа Герберт Сойер своим низким голосом подал сигнал, и несколько полицейских сомкнулись в ряд, отгесняя их назад. Признаки активности проявила и секретная служба. Клинт Хилл бежал за автомашиной вровень с Жаклин Кеннеди, сидевшей по его сторону, а Джек Риди спрыгнул с правого крыла «хавбека», чтобы преградить путь восторженному фотографу-любителю. В «вэрсити» Лем Джонс приоткрыл на несколько дюймов свою дверь, чтобы рвануться вперед, если бы кто-нибудь напал на Линдона Джонсона.

Слева возвышался Торговый центр. Седьмой этаж этого здания был штаб-квартирой миллиардера Далласа Г. Л. Ханта. С двумя секретаршами по сторонам, Хант стоял, пристально глядя на то, как Кеннеди, весело приветствовал толпу перед аптекой Уолгрин.

12.28. Мейн-стрит и Акард-стрит

Форест Соррелз в головной машине слышал крики: «Президент едет!» Вытянув шею, он пробормотал Лоусону:

— Боже мой, посмотри, сколько людей высунулось из окон!

Клинт Хилл наблюдал за окнами. Наблюдал за ними и Ярборо, и ему они не нравились. Сенатор был в восторге от толп на тротуарах. После президента он был самым оживленным участником кортежа. Не обращая внимания на хрипкое радио и на вице-президента, который продолжал оставаться мрачным, Ярборо громко приветствовал всех. Он искал глазами знакомые лица и обнаружил удивительно большое число людей из сельскохозяйственных районов Восточного Техаса. В окнах контор он, однако, не увидел друзей. Они не выкрикивали приветствий. Ярборо глянул на них снизу вверх, стараясь угадать их мысли. Ему показалось, что выражение их лиц было мрачным в неодобрительным. У него создалось впечатление, что они были возмущены приемом, который оказывался Кеннеди на тротуарах.

12. 24. Мейн-стрит и Филд-стрит

Желание местного агента ФБР Джима Хости, которому было поручено наблюдение за Ли Освальдом, исполнилось: стоя на повороте, он увидел Кеннеди и отправился затем в закусочную «Аламо Грилл» позавтракать. День, считал он, не пропал даром.

12. 26. Мейн-стрит и Пойдрас-стрит

Мари Фемер увидела слева свою мать и стала махать ей из автобуса для «ВВЛ» («Весьма важные лица»), стараясь угадать, увидела та ее или нет. Лиз Карпентер, слушая отдававшийся эхом рев толпы, ликовала: «Ну, после этого Барри Голдуотер и далласская „Ньюс“ потеряют

почву под ногами!»

Не все чувствовали подобную уверенность. Гонзалес, как и Ярборо, продолжал скептически относиться к Далласу, но конгрессмен и сенатор были исключением. Килдаф решил, что его опасения не имели оснований. Было похоже, что этот прием будет одним из лучших, оказанных Кеннеди за всю неделю, включая и Флориду. О'Брайену улица начала напоминать нью-йоркский Бродвей: то же ущелье из зданий, те же возбужденные шум и крики. О'Доннел привстал в машине, стараясь оценить происходящее с профессиональной точки зрения. Возможно, только эти люди и поддерживали Кеннеди в Далласе, но их пыл был настоящим, и когда люди на тротуаре кричали: «Джекки, сюда! Сюда, Джекки-и-и!» — инстинкт О'Донелла подсказывал ему, что присутствие первой леди явится ценным вкладом в избирательную кампанию в предстоящие месяцы.

Кеннеди продолжал приветствовать толпу. Рев все нарастал, и Нелли Коннэли услышала, как он говорит: «Спасибо, спасибо, спасибо». «Они не могут услышать его, — размышляла она. — Почему же он это делает?» Она предположила, что просто по привычке — он хорошо воспитан.

Клинт Хилл стоял на подножке спиной к улице, то спрыгивая, то вскакивая обратно на подножку.

Он потерял счет, сколько раз соскакивал на мостовую, и стал уже тяжело дышать. Риди стоял на подножке. Остальные агенты охраны оставались в машине. Ламар-стрит, Остин-стрит...

12.28. Мейн-стрит и Маркет-стрит

Кварталы стали беднее — кортеж въезжал в пестрый район лавчонок, ломбардов, баров, средней школы. Ярборо подумал, что с верхнего этажа кто угодно мог сбросить на Кеннеди цветочный горшок. «Хорошо бы поскорее увезти президента отсюда», — подумал он и вдруг увидел, что они уже почти у цели. Через два квартала отсюда с левой стороны было видно безобразное здание суда из песчаника, а с правой — грязное здание архива округа, за ними — зелень площади Дили. «Боже, как приятно посмотреть на открытое небо», — подумал сенатор. Он вспомнил, что у него есть знакомые среди судейских чиновников, и стал вертеться на месте, пытаясь отыскать их глазами. Затем он увидел, как головная машина повернула вправо — в сторону архива. Ярборо по ошибке предположил, что они могли добраться до Стеммонс-Фриуэй прямо с Мейн-стрит. Он не заметил островка для пешеходов прямо перед ними. Из-за этих пешеходов нужно было повернуть на Элм-стрит. Ярборо раскрыл рот: почему они вдруг поворачивают направо? Они же едут но в ту сторону. Что там происходит?

12.29. Мейн-стрит и Хьюстон-стрит

Толпа за углом поредела. После резкого поворота на Хьюстон-стрит Клинт вновь прыгнул на подножку. Однако даже здесь раздавались громкие аплодисменты, и Нелли, удивленная приемом Далласа и в восторге от него, повернулась на откидном сиденье.

— Господин президент, — сказала она торжествующе, — теперь-то вы уж никак не можете сказать, что Даллас вас не любит.

Кеннеди улыбнулся и ответил:

— Нет, этого нельзя сказать.

Въезжая на Элм-стрит, Карри повернул руль головной машины влево, сделав при этом второй резкий поворот. Для него это было просто — он делал это тысячу раз. Но это был поворот на 120 градусов. Билл Грир, повернув «линкольн», чуть не встал перед Роем Трули. Сэм Кигги в «хавбеке» и Хэршел Джеке в машине вице-президента должны были оказаться в том же положении. «Черт возьми, — сказал Джеке про себя, оценивая ситуацию, — "это фактически поворот в виде вытянутой подковы».

12.30. Хьюстон-стрит и Элм-стрит

Кортеж походил теперь на букву Z. Начальник полиции Карри в головной части кортежа подъезжал к верхнему путепроводу. Три водителя — Грир, Кинни, Джекс — следовали за ним по Элм-стрит. Книжный склад находился на вершине острого угла. Вторая часть кортежа — грузопассажирский автобус, автобус «ВВЛ» и машина связи — все еще находились на Мейн-стрит.

Соррелз сказал Карри:

— Еще пять минут, и он будет на месте. Заметив, что впереди была лишь горстка зрителей, Лоусон дал сигнал агентам, дежурившим с 16. 00 до 24. 00. Он сообщил по радио в Торговый центр, что они будут на месте через пять минут. Затем он механически оглядел верхний путепровод. Наверху стояли железнодорожные рабочие. Это было нарушением правил безопасности. Через ветровое стекло он немедленно подал рукой знак стоявшему там полицейскому в желтом дождевом плаще, чтобы тот очистил место. Полицейский не отреагировал — он ничего не понял.

Грир начал приходить в себя после трудного поворота. Напряжение спало. Он тоже заметил рабочих. Озадаченный, он стал изучать незнакомую улицу, прикидывая, можно ли будет сделать в последнюю минуту, если это окажется необходимым, крутой поворот и доставить президента под опустевший пролет путепровода. «Линкольн» проходил теперь мимо дуба, который на мгновение скрыл Джона Кеннеди от дула винтовки в угловом окне шестого этажа. Эйб Запрудер припав к кинокамере, снимал приближавшуюся президентскую автомашину. Нелли указала Джекки на тоннель и сказала:

— Мы почти что приехали. Это прямо за тоннелем. Джекки подумала о том, как приятно будет въехать в прохладный тоннель. Все там капалось таким спокойным. Она повернулась налево. Чарльз Брэнд поднял своего сына: сейчас было самое время помахать президенту. Кинни продолжал смотреть в затылок президента. О’Доннел вернулся на свое откидное место.

— Как со временем, Дэйв? — спросил он Пауэрса.

— На моих 12.30, — ответил Пауэрс. — Это неплохо. Мы опаздываем всего лишь на пять минут.

На переднем сиденье Эмори Робертс сообщал по радио в Торговый центр: — «Хавбек» — база. Мы в пяти минутах от места назначения.

Затем он записал в своем отчете за смену: «12.30. Президент прибыл в Торговый центр». — Руфус Янгблад, вертевший в руках кожаный ремень своего портативного радиопередатчика секретной службы, также отметил время — его было видно на рекламном щите фирмы «Герц», и он помнил, что в 12.30 они должны прибыть на завтрак. Позади Янгблада Леди Бэрд лениво разглядывала красное кирпичное здание Дал-Текса и ржаво-красный кирпичный фасад склада учебников. Линдон все еще слушал радио. Ярборо успокоился после того, как они изменили маршрут.

«Вэрсити» делала поворот на 120 градусов.

Машины прессы подходили к повороту. Килдаф, неправильно прочитавший надпись у входа в склад, сказал Мэрримэну Смитту:

— Черт возьми, что это такое — книжный уклад? Находившаяся еще на Мейн-стрит Эвелин Линкольн говорила:

— Нет, подумайте только: мы проехали через весь Даллас, и еще не было ни единой демонстрации!

Одна из ее местных знакомых, Лиз Карпентер, рассмеялась:

— Это Даллас. Мы вовсе не такие уж плохие. «Линкольн» двигался со скоростью 11, 2 мили в час.

Он прошел мимо дуба. Эйб Запрудер, медленно поворачивавший свою камеру вправо, обнаружил, что снимает обратную сторону дорожного знака. На какой-то момент машина пропала из поля зрения, по ничто не закрывало ее больше от окна на шестом этаже. Она прошла мимо последней ветки.

Пятилетний сынишка Брэнда робко поднял ручонку. Президент тепло ему улыбнулся. Он поднял руку, чтобы помахать ему.

Вдруг раздался резкий оглушительный звук.

Разные люди восприняли случившееся по-разному. Жаклин Кеннеди показалось, что раздался резкий выхлоп мотоцикла. У начальника полиции Карри создалось впечатление, что кто-то взорвал железнодорожную петарду. Рональд Фишер и Боб Эдвардс, решившие, что это выхлоп мотора, рассмеялись. Большинство охотников в кортеже, в том числе Соррелз, Коннэли, Ярборо, Гонзалес, Томас, инстинктивно признали в звуке выстрел винтовки. Но охрана Белого дома была сбита с толку. Опыт агентов охраны по стрельбе на открытом воздухе ограничивался

двумя ежегодными курсами на стрельбище в Национальной лесном питомнике Вашингтона. Там они слышали только выстрелы из собственного оружия и не привыкли к тем странным звуковым эффектам, какие возникают, когда выстрелы из ручного огнестрельного оружия отдаются среди необычных строений, в данном случае среди зданий на площади Дили²⁵. Эмори Робертс признал в первом выстреле Освальда именно выстрел, так же как и Янгблад, чья мгновенная реакция, быть может, спасла жизнь Линдона Джонсона. Они были, однако, исключением. Агенты в «хавбеке» растерялись — они неуверенно оглядывались. Лоусон, Келлерман, Грир, Риди и Хилл — все считали, что взорвалась петарда. Можно понять, что Рой Трули принял первый выстрел за звук лопнувшей хлопушки. Можно даже представить себе, что полицейский Джеймс М. Чейни, ехавший на мотоцикле в шести футах от «линкольна», подумал, что это выхлоп другой машины. Чейни был обычным полицейским, а не охранником президента. Охрана главы правительства — профессия агентов секретной службы. Они только для этого и существуют. Кроме Клинта Хилла и, возможно, еще Джека Риди, который приготовился спрыгнуть с правой подножки и которому Роберте приказал вернуться обратно, поведение людей в машине, сопровождающей машину президента, было пассивным. Еще трагичнее была растерянность начальника охраны президента Роя Келлермана и находившегося у него в подчинении Билла Грира. Келлерман и Грир могли быстро свернуть в сторону, но в течение ужасных пяти секунд они были парализованы.

Хотя Клинт Хилл и не понял, что это выстрел, он увидел, что Кеннеди наклонился вперед и схватился за шею. Для Клинта этого было достаточно: со свойственной ему моментальной реакцией он выпрыгнул из машины на Элм-стрит и бросился вперед.

Пауэрс, находившийся на правом откидном сиденье «хавбека», закричал О'Доннеллу:

— Президента, кажется, ранили!

Ярборо, сидевшему в машине вице-президента, показалось, что он почувствовал запах пороха.

— Боже мой! — закричал он. — Они застрелили президента!

Задыхаясь, Леди Бэрд воскликнула:

— Нет, этого не может быть!

Линдону Джонсону показалось, что на какой-то момент звуки радио были заглушены взрывом. Прежде чем он мог определить, что это за взрыв, он увидел, как к нему с переднего сиденья бросился Янгблад.

Янгблад был куда менее уверен в правильности своих действий, чем это казалось. Про себя он думал, как нелепо все будет выглядеть, если он ошибся. Но голос его был тверд, когда он резко бросил Джонсону:

— Ложитесь!

Килдаф в машине для представителей прессы, находившейся прямо под прицелом винтовки, спросил:

— Что это?

Боб Баскин, сидевший сзади Килдафа, понял, что это такое: он был ветераном пехоты и, потрясенный, стал оглядываться вокруг в поисках прикрытия.

Фотограф Белого дома капитан Стафтон механически потянулся за своим

²⁵ Акустика на этой площади обманчива. Автор, как и комиссия Уоррена, не мог определить, сколько выстрелов сделал Освальд. Два из них достигли цели. Большинство свидетелей утверждают, что они слышали три детонации, и три пустых гильзы были найдены в засаде снайпера. Однако несколько наиболее близких к месту происшествия свидетелей — а именно Жаклин Кеннеди, Клинт Хилл, Запрудер — слышали лишь два выстрела. К тому же для Освальда с его неряшливостью было бы типично явиться на книжный склад с пустой гильзой в казенной части винтовки, которую нужно было сначала вынуть, прежде чем начать стрелять. Возможно, однако, что было сделано и три выстрела. В самом деле, в течение критического промежутка времени могло быть сделано и три выстрела. Позднее доказывали, что это было невозможно, поскольку между первым и третьим выстрелами должно было пройти менее шести секунд, а испытания показали, что для выстрела из винтовки Освальда требуется 2, 3 секунды. Арифметика сводилась к тому, что к 2, 3 секунды прибавляли 2, 3 секунды В еще 2, 3 секунды, что равняется 6, 9 секундам. На самом деле это обман. Правильный подсчет будет таков: после первого выстрела проходит 2, 3 секунды, после второго — 2, 3 секунды, за этим следует третий выстрел. В итоге проходит всего 4, 6 секунды.

телеобъективом. — Что это — треск от выхлопа мотоцикла? — спросил конгрессмен Янг. Гонзалес, который охотился последний раз в прошлое воскресенье, воскликнул:

— Нет, это выстрел винтовки!

Полицейский, который вел их машину, тут же сказал!

— Вы правы.

А Гонзалес, находившийся в конгрессе, когда пуэрториканские националисты начали стрелять о галереи, подумал: «Что это, второе Пуэрто-Рико?»

На Мейн-стрит Тед Клифтон сказал:

— Что это за глупости, устраивать здесь салют! Генерал Годфри Макхью ответил:

— Да, это глупо.

В автобусе для «ВВЛ» д-р Бернли смотрел с отсутствующим видом на окна магазинов. Врач президента ничего не слышал — он был слишком далеко от президента.

Президент был ранен, но не смертельно. 8, 5-миллиметровая пуля попала ему сзади в шею, задела правое легкое, и, повредив дыхательное горло, вышла через горло, пробив узел галстука. Затем пуля прошла сквозь спину губернатора Коннэли, его грудь, правую кисть и левое бедро, хотя губернатор вследствие замедленности реакции еще не почувствовал ранения²⁶. В этот момент Коннэли смотрел через свое правое плечо в ту сторону, откуда ему послышался выстрел винтовки.

Как только «линкольн» вышел из-за дорожного знака, он вновь появился в поле зрения Эйба Запрудера. Эйб увидел искаженное лицо президента и был потрясен. Продолжая направлять объектив камеры на машину, он спрашивал себя, не притворяется ли президент. Выражение лица Кеннеди было таким, как если бы он говорил:

«Они настигли меня». Эйб подумал: «Что это происходит, президент шутит?»

Нелли Коннэли повернулась и внимательно взглянула на Кеннеди. Он поднес руку к горлу, но на лице не было гримасы. Он несколько сполз вниз.

Рою Келлерману показалось, что президент воскликнул с интонацией, свойственной ему одному: «Боже мой, меня ранили!» Рой оглянулся через левое плечо, Грир, сидевший рядом с ним, — через правое. Машина, вихляя из стороны в сторону, медленно выходила из общей колонны, и они увидели, что Кеннеди действительно ранен.

В этот миг Джон Коннэли почувствовал, что ранен. Казалось, что кто-то ударил его гигантским кулаком по спине. Он наклонился вперед, увидел залитые кровью колени и рухнул влево. И Джон и Нелли чувствовали, что «линкольн» замедляет ход. Упав друг на друга, они подняли глаза и увидели на расстоянии нескольких дюймов от себя удивленные лица Келлермана и Грира.

Внезапно губернатор почувствовал себя обреченным. Его охватила паника.

— Нет, нет, нет, нет! — закричал он. — Они убьют нас обоих!

Жаклин Кеннеди услышала его. В изумлении она подумала: «Почему он кричит?» — и, обеспокоенная, повернулась к мужу.

Грир повернулся к рулю. Келлерман неуверенно оглянулся. Никто из них еще не реагировал на происшедшее.

²⁶ Летом 1966 г. бывший студент Корнельского университета опубликовал книгу, в которой высказывал мысль, что эта первая пуля имела другую траекторию. При этом подразумевалось, что Освальду помогал другой убийца. Рентгеновские снимки и фотографии, сделанные под всевозможными углами во время вскрытия тела президента, решили этот вопрос. Поскольку эти материалы неприятны для обозрения, они будут доступны для публики лишь после 1971 г. Автор обсуждал их с тремя специалистами, изучавшими их до того, как на них был наложен запрет. Все специалисты обладают профессиональной квалификацией. Каждый из них не знал друг друга. Тем не менее их заключения совпали. Рентгеновские снимки указывают на отсутствие входного отверстия от раны «ниже плеча», наличие которой пытается доказать бывший студент. По общему признанию, на рентгеновских снимках трудно установить следы пуль, прошедших через мягкие ткани. Однако и в данном случае снимки подтверждают наличие следов и показывают, что рана была нанесена в шею. Наконец, воспоминания всех докторов, присутствовавших на вскрытии, включая личного врача президента, единогласно совпадают с этими убедительными доказательствами. Таким образом изложенные выше факты верны.

Но было уже слишком поздно. Говард Бреннан увидел, как Освальд неторопливо прицеливается для своего последнего выстрела. В последний момент внимание всех было внезапно отвлечено. Первый выстрел распугал птиц. Голуби взлетели, сначала по два и по три, затем стаями, так что теперь в небе хлопали тысячи крыльев. Голуби поднимались все выше и выше, пока не образовали большой и неровный, трепещущей вверху веер, похожий на темно-синюю букву v, переходящую в более мягкий голубой тон неба.

Согнув руку, Освальд скова прицелился из итальянской винтовки. «Смотреть влево, смотреть вправо, быть готовым по всей линии огня!» — учили инструктора морской пехоты на стрельбище Сан-Диего, объявляя о появлении движущейся цели. Теперь Освальд был готов. Они говорили ему также, что он должен держать прямой прицел на линии стрелок, показывающих шесть часов на воображаемом часовом циферблате. Он твердо видел эту линию. Его цель, удивительно ясно видимая в поперечных волосках стереоскопического прицела, находилась на расстоянии восьмидесяти восьми ярдов.

Освальд нажал курок.

Первая леди — последний раз первая леди — встревожено нагнулась над президентом. Его лицо было насмешливым. Она часто видела это выражение, когда он раздумывал над трудным вопросом на пресс-конференций. Затем необыкновенно изящным движением он поднял правую руку словно для того, чтобы отбросить назад свои спутавшиеся каштановые волосы. Но он не довел движения до конца, рука его бессильно упала.

Глава третья ТРАГЕДИЯ И ПАНИКА

На глазах у застывшего от изумления Бреннана Ли Освальд с молодецкой выправкой морского пехотинца, покидающего стрельбище, делает чеканный шаг назад, и тень поглощает его.

А там внизу толпа охвачена безумием.

Площадь подобна полю, по которому только что пронесся ураган. Чарлз Брэнд бросил сына на землю и прикрыл его своим телом.

Мотоцикл Клайда Хэйгуда, Эскортировавшего автомашину президента с правой стороны, врывается в тротуар. Колеса перевернутого мотоцикла еще вращаются, а полицейский с пистолетом в руке карабкается вверх по травянистому склону виадука. Мужчина в толпе, глубоко убежденный, что он спасает жизнь стоящей перед ним женщины, сильным толчком швыряет ее наземь.

Корреспондент далласской газеты «Таймс геральд» Боб Джексон успевает заметить, как из окна напротив исчезает ствол ружья. Не веря своим глазам, он не может оторвать взор от пустого проема окна.

Полицейский Маррион Бейкер, следовавший на своем мотоцикле вплотную за президентским «линкольном», закинув голову, неотступно следит за стаей голубей, которых вспугнул выстрел.

Рядом с директором склада учебников Роом Трули полицейский хрипло бормочет проклятия. Эйб Запрудер пронзительно вопит, повторяя одни и те же слова:

— Они убили его! Они убили его! Они убили его!

На заднем паденье автомашины личной охраны агент Хикки вскидывает автомат и бессмысленно поводит стволом в поисках цели. В ушах сидящих на откидном сиденье Кена О’Доннела и Дэйва Пауэрса все еще стоит жуткий звук, с которым врезалась в голову президента последняя, роковая пуля. Дайв к тому же видел ее страшное действие. О’Доннел крестится. Пауэрс еле слышно шепчет: «Иисус Мария и Иосиф!..» Сэм Кинни увидел, как хлынула кровь из огромной зияющей раны на затылке президента. Он нажимает левой ногой на педаль сирены тревоги, чтобы предупредить агентов личной охраны президента — Келлермана и Грира. Сирена машины охраны «хавбек» оглушающе завывает. Сэм Кинни резко сворачивает вправо, чтобы не сбить агента Клинта Хилла. Хилл бежит перед радиатором «хавбека» и настигает задний буфер президентской машины. Он бежит изо всех сил, низко опустив голову. Вот-вот его ноги оторвутся от земли.

«Линкольн» продолжает замедлять скорость. В машине — сущий ад. Последняя пуля пробила голову президента, поразила мозжечок. Склонившись над супругом, Жаклин Кеннеди видит, как отделяется от черепа кусок затылочной кости розового цвета. Сначала крови нет. Но через мгновение кровь повсюду. Фонтан крови заливает Жаклин, супругов Коннэли, Келлермана, Грира, обивку машины, бегущего за ней Хилла и даже обочину мостовой. Пол «линкольна» возле заднего сиденья покрыт сгустками крови толщиной в ладонь. Одежда президента насквозь пропитана кровью. В крови букет роз. Тело Кеннеди бесшумно сползает в сторону Жаклин. В кровавых брызгах все лицо полицейского Харджиса, едущего на мотоцикле в двух шагах от машины. Келлерману кажется, что ему на голову кто-то набросал влажных опилок. Нелли Коннэли чудится, что в нее бросили пригоршню мелкой дроби.

Но Джон Коннэли уже все понял. Внезапно он вспоминает свое детство, поездки в старом «фордике». Перед его мысленным взором проносятся лица его отца и друзей. Истекая кровью, он медленно валится набок на колени жены и, набрав в легкие воздух, издает пронзительный крик, в котором и боль и мука. В ужасе его жена тоже начинает кричать. Оба они подавлены кошмаром происшедшего. Их одежда покрыта алой кровью Кеннеди. А в эти секунды над опавшими плечами президента на неуловимое мгновение как бы нависает самый большой осколок его черепа. Затем он медленно опускается и исчезает где-то позади. Жена президента вскакивает, становится коленями, залитыми кровью мужа, на сиденье и, повернувшись лицом к тротуару, кричит:

— Боже мой, что они делают? Боже, они убили Джека, убили моего мужа! — и с воплями «Джек! Джек!» она, сокрушенная ударом судьбы, расплывается на покатам багажнике президентской машины. Она начинает скользить вниз прямо под колеса быстро приближающегося «хавбека», машины охраны, и Кинни понимает, что он не сможет затормозить.

Это кажется невероятным, но на кричаще-безвкусном циферблате часов рекламного щита фирмы «Герц» по прокату автомашин стрелки все еще показывают 12.30. Президентский кортеж по-прежнему сохраняет четкий строй. Голубиная стан исчезла. Небо вновь обрело свою безоблачную, яркую голубизну. Все вокруг, за исключением места, где развернулись трагические события, внешне выглядит как прежде.

Даллас, Соединенные Штаты Америки и весь остальной мир еще не успели осознать, что произошло. Но и для них многое необратимо изменилось. И они никогда не смогут стать прежними. Убит тридцать пятый президент Соединенных Штатов Америки. Ушел из жизни Джон Фитцджеральд Кеннеди, и все, что он сумел сделать для своей страны, стало историей.

К этому моменту члены охраны на переднем сиденье автомашины SS 100 X наконец обрели способность действовать.

— Живее отсюда! — скомандовал Келлерман Гриру и отрывисто бросил в микрофон:

— Лоусон, говорит Келлерман. У нас раненый. Показывайте дорогу в госпиталь²⁷.

Снаружи багажника президентского «линкольна» по обеим сторонам для телохранителей были прикреплены специальные металлические поручни и подножки.

Спустя 2,6 секунды после последнего выстрела пальцы агента Клинта Хилла уже сомкнулись вокруг левого поручня и его нога коснулась левой подножки. Ему почти удалось встать прочно на ноги, но в это мгновение Грир выжал до предела педаль акселератора, и стальная машина «линкольна» весом почти в четыре тонны рванулась вперед. Нога Клинта

²⁷ Полковнику Джиму Суиндалу, следившему за радиопередачами в радиорубке президентского самолета, показалось, что Келлерман сказал: «Президент ранен. Дело плохо. Надо скорее добраться до госпиталя». Как вспоминает Келлерман, он отдал Гриру приказ покинуть место происшествия и успел сообщить о покушении по радио Лоусону до того, как Освальд произвел свой последний выстрел. В беседе с автором он сказал следующее: «Грир затем обернулся и взглянул назад. Может быть, он не поверил мне». Келлерман допускает здесь ошибку. Хотя сам Грир не может отчетливо восстановить в памяти, что действительно произошло тогда, кинолента Запрудера и свидетельства Лоусона, вдовы Кеннеди и супругов Коннэли расходятся с этой версией Келлермана. Более того, если бы он действительно в ту минуту сообщил Лоусону о покушении на Кеннеди, агенты охраны президента в автомашине «хавбек», в том числе и Кинни, несомненно, приняли бы его сигнал тревоги на своем служебном радиоприемнике.

соскользнула с подножки. Его тело, как безжизненный груз, стало волочиться за автомашиной. В отчаянии он судорожно сжал одной рукой поручень, безуспешно пытаясь ухватиться за что-нибудь свободной рукой. Жена президента быстро метнулась в его сторону и протянула ему руку. Руки их встретились, обхватили друг друга мертвой хваткой. Сейчас трудно сказать, кто из них спас другого.

Ни Клинт Хилл, ни вдова Кеннеди не в силах припомнить, как все это произошло, а фильм Запрудера не дает об этом полного представления. Жаклин помогла Клинту вскарабкаться на багажник²⁸. Подтягиваясь рывками, он втолкнул ее назад в машину. Боковое стекло рядом с ней было немного поднято. Клинт ухватился за него, уперся правой ногой в противоположную дверцу и распластался лицом вниз поперек багажника.

В таком положении тренированное тело Клинта, тело атлета, могло удержаться при любой скорости. Однако ничто не могло утешить его. Настигая президентскую машину, он успел разглядеть зияющую рану на затылке Кеннеди. Он знал, что ранение смертельно. Он знал, что охрана не выполнила своего долга. В отчаянии и бессильном гневе он изо всех сил колотил свободной рукой по металлу багажника.

«Форд» начальника далласской полиции Карри, хотя он и имел специальный двигатель, не мог соревноваться со сверхмощными моторами президентского «линкольна» и «хавбека» личной охраны. Кинни на полной скорости устремился за Гриром, и в темном проезде под виадуком три машины едва не столкнулись. Карри резко свернул налево. Кинни взял правее. Они мчались почти бок о бок. Рядом с ними полицейский из эскорта президента с белым как полотно лицом старался удержать свой ревуший мотоцикл в узком пространстве между обеими машинами.

Карри не слышал сигнала тревоги, переданного Келлерманом по радио Лоусону. Он громко спросил полицейского:

— Кто-нибудь ранен?

— Да! — крикнул тот в ответ.

Карри тут же радировал дежурному в городское отделение полиции: «Следуйте в Парклендский госпиталь. Пусть будут наготове». Автомобильный кортеж начал распадаться. Едва Карри, Грир и Кинни успели избежать столкновения под виадуком, как туда примчалась машина Линдона Джонсона. Машина с телохранителями вице-президента на какое-то время задержалась позади. Не успело стихнуть эхо последнего выстрела на площади, как агент Лем Джонс рывком открыл дверцу машины и на ходу выпрыгнул из нее на Элм-стрит. Он пробежал по инерции несколько метров и остановился у длинной трещины в асфальтовой мостовой, в том месте, где Кеннеди пал жертвой убийцы. Лем Джонс взглянул вперед и увидел, что головная часть автомобильной процессии набирает скорость и удаляется.

— Вперед! — крикнул он своим товарищам в машине охраны вице-президента и жестом показал, чтобы они не останавливались. Вскоре мимо него промчалась машина с группой журналистов. Он бросился наперерез следующей автомашине с опущенным верхом. Это оказалась первая автомашина с фотокорреспондентами.

— Подвезите меня! — крикнул он.

Большинство фотографов были техасцы. Для них он был незнакомец. Машина уже объезжала его, не останавливаясь, когда вашингтонский фотокорреспондент закричал:

— Эй, стойте, это Джонс!

Водитель затормозил, и Джонс, не открывая дверцы, перескочил через борт. Все это произошло так быстро, что машина продолжала двигаться и только снизила скорость. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы разорвать колонну автомашин.

Пять головных машин, следовавших в Парклендский госпиталь на огромной скорости, с пронзительным визгом шин свернули вправо, с вихрем промчались вверх по въезду на

²⁸ Жаклин Кеннеди вообще не помнит, как она оказалась на багажнике: она была в состоянии глубокого шока. Даже после того, как она позднее познакомилась с отдельными кадрами киноплёнки Запрудера, она ничего не могла вспомнить У нее было такое ощущение, будто она смотрит на фотографии какой-то совершенно незнакомой женщины.

Стеммонс-Фриуэй и вскоре исчезли из виду. Водители остальных автомашин были предоставлены сами себе. Их положение осложнялось тем, что ни у одной из этих машин, за исключением связной, шедшей в хвосте процессии, не было аппаратов правительственной радиосвязи. Не ведая о том, что судьба изменила маршрут, они продолжали свой путь к зданию Торгового центра.

Мемориальный Парклендский госпиталь расположен в четырех милях от места происшествия на бульваре Гарри Хайнса. Он оказался столь же непримечательным, как и его название. Издали его легко можно было принять за большой обветшалый жилой дом. Это неряшливое тринадцатизэтажное здание серого цвета стоит на небольшой возвышенности, с которой открывается вид на равнину, простирающуюся в западном направлении в сторону Форт-Уорта. Госпиталь рассчитан на 607 коек, и его персонал не очень утруждает себя индивидуальным уходом за пациентами. В любом большом госпитале отделение «скорой помощи» производит самое неприглядное впечатление. Посетителя встречают здесь отталкивающий запах и очерствевшие от тяжелой работы мужчины и женщины с застывшим выражением лица.

В этом отношении Парклендский госпиталь выглядел особенно неприглядным. Тем не менее медицинский персонал хорошо знал свое дело и справлялся с работой. А ее было немало. Ежедневно в отделение «скорой помощи» госпиталя поступало не менее 272 жертв несчастных случаев, то есть один пациент каждые пять минут. В момент, когда был убит президент Кеннеди, в госпитале оказывали неотложную помощь двадцати трем пациентам. Это были жертвы автомобильных катастроф, укусов животных, острых инфекций, белой горячки, люди с вызывающими опасение выделениями. Двадцать четвертый пациент, женщина, поступила в госпиталь в 12.31. В этот момент со стороны виадука, в четырех милях от госпиталя, к нему мчались на бешеной скорости с завывающими сиренами автомашины с двумя самыми выдающимися в истории этой больницы пациентами.

С ними вместе к госпиталю неслись их охваченные ужасом и горем жены, тридцать шестой президент Соединенных Штатов Америки, агенты секретной службы и корреспонденты, аккредитованные при Белом доме. Пройдет несколько мгновений, и другие государственные деятели, следовавшие в президентском кортеже, опомнятся, начнут лихорадочные поиски и за поразительно короткий промежуток времени на беспомощных телефонисток госпиталя обрушится целая лапина звонков и вопросов со всего мира. До этого простой сержант далласской полиции мог сделать внеочередной вызов через телефонный коммутатор госпиталя. Пройдет всего лишь несколько минут, и никто не обратит внимания на телефонный звонок члена правительства.

В самом Парклендском госпитале никто не знал, какая опасность над ним нависла. Судя по записям в книге дежурного по городскому управлению полиции, первая радиограмма Карри: «Следуйте в Парклендский госпиталь. Пусть будут наготове» — была получена в 12.30. В действительности кнопка микрофона № 1 у дежурного заклинилась, и передачи его шли с помехами. В результате госпиталь был извещен с трехминутным опозданием. Первой радиограмму приняла телефонистка Анна Фергюсон. Именно ей были сказаны слова дежурного: «К вам прибывает 601. Код 3. Приготовьтесь!» Это означало, что несчастный случай произошел с самым высокопоставленным лицом. «601» — были позывные полицейского мотоциклетного эскорта президента. Редко употребляемый «код 3» подразумевал исключительную срочность и критическое состояние. Было 12.33. Телефонистка Фергюсон запросила подробности и получила ответ: «Стреляли в президента». Через три минуты, в 12.36, президентский «линкольн» уже тормозил у Паркленда. Госпиталь не был готов.

Головная часть президентского кортежа приближалась к госпиталю на бешеной скорости. От волнения ладони Билла Грира покрылись холодной испариной. Он передвинул руки на руле и еще крепче сжал его. За плечами у Грира был тридцатипятилетний опыт работы в качестве профессионального шофера. Он отлично знал технику вождения машины. Минувя здание Торгового центра, Грир заметил, что впереди ему могут преградить путь два медленно движущихся трехосных грузовика. Тяжелые автомашины шли почти рядом. Грир видел, что начальник полиции Карри с большим трудом обогнул их. Расстояние между грузовиками уменьшалось. Грир молниеносно прикинул пространство между ними и, рванув руль сначала

влево, а затем вправо, благополучно проскочил в узкую щель между грузовиками.

Все это время у Грира по крайней мере было какое-то занятие. У Роя Келлермана не было такого преимущества. Вынужденное бездействие было для него сущей пыткой. Физически Келлерман был настоящим Геркулесом. Внешне медлительный и несловоохотливый, он обычно говорил так тихо, что другие агенты охраны саркастически окрестили его «говоруном». В действительности же он был по натуре человеком активным. Сейчас он весь кипел от возбуждения, но обстоятельства обрекли его на бездействие.

Позади него в машине две женщины бережно держали в объятиях своих тяжело раненных мужей. А он ничем, абсолютно ничем не мог им помочь! Даже если бы он перебрался назад, то и в этом случае его присутствие принесло бы больше вреда, чем пользы. Единственное, что ему оставалось, но его словам, — «устроить их поудобнее», если вообще здесь речь могла идти об удобствах.

Клинт Хилл смотрел за Жаклин Кеннеди, Нелли Коннэли помогала мужу. Но сделать что-либо, помимо этого, было невозможно. Однако что-то все же происходило в машине, хотя Келлерман и не мог заметить этого, так как поле зрения всех, кто находился в автомобиле, было весьма ограниченным. Супруги Коннэли не подозревали, что Клинт лежал на багажнике, а Клинт в свою очередь не знал, что Коннэли, ранен. Лишь на полпути к Паркленду он увидел пятна крови на груди Коннэли. До этой минуты Клинт полагал, что кровь, забрызгавшая всю машину, была кровью Кеннеди. Однако большое пятно — крови на сорочке Джона Коннэли было слишком велико. Его сорочка была буквально залита кровью. Коннэли терял сознание. В последнюю минуту, — закрывая глаза, он решил, что умирает. Его супруга тоже решила, что он при смерти. Прижавшись губами к его уху, она шептала: «Лежи спокойно, все будет хорошо!» — Но сама она не верила в то, что говорила. Она сомневалась в том, что когда-нибудь вообще наступят хорошие времена. На какую-то долю секунды ей показалось, что муж ее уже скончался. Но его рука вдруг едва уловимо вздрогнула, и она бережно накрыла ее своей ладонью.

На заднем сиденье послышались сдавленные рыдания, и Нелли услышала, как Жаклин едва слышно сказала:

— Он умер! Они убили его. О, Джек, Джек, как я люблю тебя!

Потом наступило молчание, но через некоторое время Жаклин снова заговорила. Нелли и Клинт слышали ее голос. Сама же она не сознавала, что говорит.

Жаклин находилась в глубоком шоке и, по сути дела, была столь же невменяема, как и губернатор Коннэли. Она как бы оградила себя глухой стеной, и действительность проникала сквозь эту стену лишь в виде каких-то обрывочных эпизодов. Она слышала команду Келлермана по радио и была удивлена, что их машина так медленно покидает место происшествия. Ее лицо было в крови мужа, но она не обращала на это внимания. Она была поглощена одним — раной на затылке президента. Вдавленная в окровавленное сиденье, она обнимала труп мужа и поддерживала руками его плечи и голову. Все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы помочь, исправить непоправимое. Ее ужасало, что другие могут увидеть эту страшную рану.

Машина президента мчалась с невероятной скоростью вдоль главной магистрали бульвара: вихрь встречного ветра сбил на лоб круглую шляпку Жаклин, резким движением она рванула ее с головы и бросила на пол. На шляпной булавке остался клочок ее волос, но Жаклин даже не почувствовала боли.

Во время этого стремительного движения к госпиталю, продолжавшегося шесть минут, движения из-под виадука по Стеммонс-Фриуэй и затем вдоль бульвара Гарри Хайнса, проявились уже те элементы восприятия и реакции на происшедшее, которые стали характерны не только для всей последующей недели, но и сказывались длительное время. Эта первая реакция, по существу, была как бы предвестником чувств и поведения всей нации. Некоторые черты ее проявлялись более определенно и открыто, такие, как нежелание поверить в случившееся, горе, возмущение, отчаяние. Но были и другие, более сложные и менее очевидные чувства. Подобно Запрудеру и Жаклин, никто не мог поверить, что убийство Кеннеди было делом рук одного преступника. Президент был «их» жертвой, но не жертвой «его». Преступление было слишком велико, чтобы его можно было приписать одному злодею. Если театр Форда вошел в историю как здание, в котором преступник стрелял в Линкольна, то

Даллас стал городом, где «они» убили Кеннеди. Ныло во всем этом и иррациональное начало: трагические попытки Жаклин закрыть рану и не поддающееся объяснению поведение Запрудера, непрерывно снимавшего любительской кинокамерой все происходящее, пока «линкольн» не исчез из виду, и даже то, как Запрудер не переставая вопил: «Они убили его!» Все это, вероятно, было чисто инстинктивными, произвольными действиями.

Вдова и владелец галантерейной мастерской действовали по закону инерции. Жизнь должна была идти своим чередом, хотя было совершенно очевидно, что она оборвалась. Однако еще менее понятны действия начальника полиции Далласа Карри, окликнувшего полицейского из мотоциклетного эскорта президента. Проезд под виадуком в эту минуту был наименее подходящим местом для расспросов. Начальник полиции забыл воспользоваться радиосвязью, а когда, придя в себя, вспомнил о ней, то другой полицейский задержал передачу его распоряжения на целых пять минут. Фактически был нарушен весь нормальный процесс мышления. Некоторые ответственные лица буквально потеряли голову. Во второй половине дня все эти явления продолжали нарастать — и в Парклендском госпитале, и на борту президентского самолета, и в самом Вашингтоне.

Даже у наиболее уравновешенного человека способность воспринимать окружающее имеет свои пределы. Для всех на первом месте была судьба президента, его конституционного преемника, ехавшего лишь в нескольких шагах от него, и тяжело раненного губернатора Коннэли. Более того, никто из ближайшего окружения президента даже не слышал имени Ли Освальда. Никто не имел ни малейшего представления о масштабах заговора против правительства. Где были заговорщики? Кто были «они»? Репутация Далласа, как центра американского фашизма, толкала людей на мысль, что выстрелы на площади Дили были сигналом к мятежу правых или по меньшей мере актом насилия со стороны расистов. Сенаторы Ярборо, Гонзалес и Тиг считали, что их опасения в этом отношении подтвердились. Все, кто раньше возражал им, сейчас безоговорочно разделяли их взгляды. Пожалуй, один только Джонсон винил в случившемся международный коммунизм. Однако все это не имело существенного значения. Кто бы «они» ни были, они затаились и могли нанести новый удар исподтишка. Поэтому никакие меры предосторожности не казались в то время чрезмерными. Позднее туман неведения рассеется и вновь появится чувство перспективы. В эти первые часы после трагедии видимость была равна нулю. Все, что не имело прямого отношения к Кеннеди, Джонсону и Коннэли, отошло на второй план. Даже судьбы их жен никого не волновали. Разумеется, во время бешеной гонки в госпиталь Паркленд их нельзя было удалить из машин. Но как только автомобили затормозят и прекратится пронзительный визг шин, эти женщины станут обузой, и их предоставят самим себе. Одним из самых первых и наиболее отталкивающих последствий катастрофы был раскол в ближайшем окружении президента. Впоследствии помощник президента Артур Шлезингер-младший скажет "о глубокой пропасти, которая пролегла между, как он назовет их, «лояльными» и «реалистами». «Лояльные» приближенные, охваченные всепоглощающим горем, не могли примириться с фактом гибели президента Кеннеди. «Реалисты» приняли факт перехода власти в руки нового президента. «Лояльный» Шлезингер-младший, восхищавшийся гибкостью «реалистов», думал прежде всего о ближайшем окружении президента. Однако раскол был очевиден повсеместно. Он сказался и на военном аппарате. Генерал Тед Клифтон стал приверженцем реалистического подхода, в то время как генерал Макхью за свою приверженность покойному президенту впоследствии поплатился карьерой. Даже охрану президента раздирали противоречия. Так, первым «реалистом» охраны стал агент Эмори Робертс — сидящий плотный мужчина, в прошлом балтиморский полицейский. Сердце президента Кеннеди еще продолжало биться, а Робертсу уже пришлось принять тяжелое, но неизбежное решение перейти под новые знамена.

Со своего места на переднем сиденье рядом с Кинни Роберте видел, как последняя пуля размозжила затылок Кеннеди. Он был убежден в том, что рана смертельна, и сразу сделал все необходимые заключения. Как и у других агентов охраны, у него всегда была при себе служебная инструкция, предписывавшая «охранять президента Соединенных Штатов Америки». Поскольку мертвый не мог выполнять функции президента, то, как здраво рассудил Роберте, новым главой государства стал вице-президент. Поэтому больше не стоило тратить усилия на охрану «линкольна». Придя к этому решению, Роберте не успел остановить Клинта

Хилла, но когда Джек Риди приготовился выпрыгнуть из машины вслед за ним, Роберте крикнул:

— Стой, Джек! — Риди заколебался, но все же вернулся на свое место. Когда автомобиль охраны стал набирать скорость, Роберте сказал агенту Биллу Макинтайру, стоявшему позади Хилла:

— Они убили его. Как только остановимся, ты с Беннетом будешь охранять Джонсона. Роберте считал, что его служебные обязанности четко определяют рамки его ответственности: ему следовало сейчас заботиться о Джонсоне, и только о нем.

Так закончились профессиональные обязанности секретной службы по отношению к тому, кто сейчас бездыханным лежал в кузове «линкольна».

За безопасность Линдона Джонсона, разумеется, прежде всего отвечала его личная охрана, находившаяся в одной с ним машине. Однако здесь мы можем со всей достоверностью установить, как развивались события. По словам Джонсона, агент Руфус Янгблад толкнул его на пол машины еще до последнего рокового выстрела. Сам Янгблад, однако, сомневается, что его реакция могла быть столь молниеносной. Ральф Ярборо идет со своими сомнениями еще дальше. По его версии, Янгблад вообще не покидал своего места на переднем сиденье. Сенатор припоминает, будто Янгблад лишь наклонился назад к Джонсону и что-то тихо ему сказал. Ярборо вообще считает, что Янгблад физически не мог поместиться на заднем сиденье автомашины. Оглянувшийся в это время назад Дэйв Пауэрс подтверждает показания сенатора. Однако Пауэрс все же находился в другой машине, а Ярборо, по его собственному признанию, был крайне возбужден. Ярборо следил за поведением вице-президента лишь потому, что не хотел, чтобы Джонсон выглядел более храбрым, чем он. Ярборо старался все время помнить о том, что он сенатор из Техаса, что в год выборов он не может вести себя трусливо и что спрятаться в эту минуту за борт машины было бы дурным тоном. И Леди Бэрд и Хэршел Джекс (а Джекс мог видеть в зеркале, что происходило за его спиной) — оба утверждают, что голова и плечи Янгблада были позади, и он прикрывал собой Джонсона.

— Ложитесь на пол, живо! — крикнул агент, произнося слова команды с характерным южным акцентом. Леди Бэрд наклонилась влево, в сторону Ярборо, и при этом подумала: «Здесь же некуда ложиться».

Прижимая к себе плечевой ремень портативной радиостанции, Янгблад рывками все дальше переползал на заднее сиденье. Он с благодарностью вспомнил, как длинноногий Джонсон до начала поездки попросил продвинуть как можно дальше вперед переднее сиденье. Однако, несмотря на эту предосторожность, им было сейчас очень тесно. Быстро оглянувшись, Янгблад увидел, как машина охраны президента «хавбек» помчалась вслед за «линкольном», и крикнул водителю Джексу:

— Следуй за ними! — Затем он передал по радио сигнала машине «вэрсити», в которой ехала охрана вице-президента:

— «Луч», говорит «Кинжал», говорит «Кинжал»²⁹, перехожу на связь «Чарли», делайте то же самое.

Настроившись на частоту президентской радиосвязи, Янгблад услышал голос Эмори Робертса:

— «Луч», говорит «Серый». Пусть «Кинжал» прикроет «Волонтера».

— Он прикрыт, — ответил Киветт, которому хорошо была видна возня на заднем сиденье машины вице-президента.

Янгблад продолжал слушать отрывистые реплики, которыми обменивались по радио «Серый», «Терпеливый» и «Луч». Он узнал, что «Копьеносец» (президент) тяжело ранен, что машины мчатся в госпиталь, что «Фронт» (агент Лем Джонс) где-то отстал и что из экипажа машины охраны «хавбек» и «вэрсити» выделяются для охраны вице-президента по два человека. Без Джонсона в машине «вэрсити» и так оставалось лишь два агента. Таким образом, считая Янгблада, к вице-президенту были прикреплены пять телохранителей.

Янгблад подключился к этим переговорам и потребовал, чтобы при первой возможности

²⁹ «Лучом» был агент Киветт. — У. М.

был выделен шестой агент для охраны «Виктории» (жены Джонсона).

Леди Бэрд никак не могла собраться с мыслями. Зажатая между двумя грузными мужчинами, она с недоумением спрашивала себя: о чем они там толкуют по своему радио?

Ярборо, которому тоже не терпелось узнать в чем дело, окликнул Янгблада и Джонсона:

— Что происходит?

Ответа не последовало. В сущности, вице-президент знал не больше сенатора. Кодовые названия были для него тарабарщиной, а Янгблад решил, что не стоит сеять панику. Он ограничился тем, что прошептал на ухо Джонсону:

— Возникли чрезвычайные обстоятельства. Когда мы прибудем на место, вы и я должны сразу же отделиться и держаться подальше от остальной части группы. — О'кэй дружище, — ответил Джонсон приглушенным голосом.

— Что происходит? — снова закричал Ярборо.

Никто не обратил на него внимания, Тогда вне себя Янгблад завопил:

— Они застрелили президента!

Жена Джонсона отказывалась поверить этому, «Это же Америка, — думала она. — У нас нет убийц». Она выглянула из-за спинки переднего сиденья и увидела поросший травой пешеходами островок, в центре которого находился металлический, дорожный указатель, Белыми буквами по зеленому фону на нем было написано: *«Мемориальный Парклендский госпиталь. Первый поворот налево»*. Она ничего не понимала. «Что было написано на указателе? — гадала она. — Саутленд или Паркленд?» Однако Леди Бэрд отчетливо разобрала слово «госпиталь». «Да, — подумала она, — одно к одному». Произошло или почти произошло нечто ужасное. И все же, заставляя себя надеяться, мечтая о несбыточном, она по-прежнему гнала от себя страшную догадку и пыталась успокоить себя мыслью, что все это лишь меры предосторожности» «Возможно, — думала она, — и в самом деле произошел какой-то несчастный случай, они едут в этот госпиталь — Саутлендский, Лейклендский, Парклендский или какой-то еще. Ну и что же тут особенного? — спрашивала она себя. — Сейчас мы ненадолго там остановимся, чтобы проверить, не пострадал ли кто-нибудь».

Агенты «Кинжал», «Серый», «Луч» и «Терпеливый» продолжали бормотать что-то на своем непонятном жаргоне в микрофоны правительственной радиосвязи «Чарли». Может быть, в каких-либо иных условиях им удалось бы осуществить свой заговор молчания.

Однако страстным надеждам Леди Бэрд не суждено было сбыться. И здесь, даже здесь, нельзя было укрыться от вездесущих средств массовой информации! Над всеми шумами в автомашине вице-президента, уже подъезжавшей к госпиталю, господствовало пронзительное клохтанье коммерческой радиостанции, которое доносилось из динамика на щитке водителя Хершева Джекса. Вдруг передача прервалась, из радиоприемника доносились беспорядочные звуки: грохот опрокидываемой в радиостудии мебели, громкое театральное перешептывание операторов, явно впавших в истерическое состояние, Наконец диктор, у которого от волнения перехватило дыхание, сумел взять себя в руки. Из отрывочных новостей стала постепенно складываться какая-то общая картина. Правда, все еще она была весьма разрозненной и, конечно, неполной. Но в этих сообщениях ничего не упоминалось о громких выхлопах автомобильных глушителей, о рождественских хлопушках, игрушечных бомбах или сигнальных железнодорожных петардах: диктор говорил уже о ружейных выстрелах.

Источником всех этих сообщений, переданных по радио, были члены пула журналистов под водительством Килдафа, которые ехали всего лишь в пятнадцати метрах позади Леди Бэрд. Ранее машина корреспондентов была еще ближе.

Еще на Элм-стрит корреспонденту Юнайтед Пресс Интернейшнл Мерримэну Смиту удалось завладеть трубкой радиотелефона. Его коллеги в далласской бюро ЮПИ услышали, как он лающим голосом бросил:

— По кортежу президента Кеннеди произведено три выстрела в деловом квартале Далласа.

В действительности Смит но был таким безупречным репортером, каким он мог показаться в ту минуту. Хотя он превосходно знал различные виды огнестрельного оружия, он думал, что три выстрела на площади были сделаны из автоматического оружия. Поэтому в своих последующих сообщениях он назвал их «очередью». Но несмотря на это, быстрота его

реакции была поистине поразительной. Первая «молния» была передана по телетайпу Юнайтед Пресс Интернейшнл в 12. 34, то есть за две минуты до того, как автомобиль президента достиг Парклендского госпиталя. И еще до того, как очевидцы покушения сумели прийти в себя, эта новость уже облетела весь мир. В глазах людей, склонных верить всему, что они слышат и читают, число «три» имеет какую-то особую весомость. Многие из тех, кто находился в момент покушения на площади, думали, что слышали лишь два выстрела, но позднее изменили свои показания.

Из пяти журналистов, находившихся в это время в машине Для прессы, трое — Килдаф, Баскин и Кларк, комментатор «Американ бродкастинг компани» — могли что-то предпринять лишь после остановки машины. Мерримэн Смит и корреспондент Ассошиэтед Пресс Джек Белл принадлежали к иной разновидности журналистов. Они работали репортерами телеграфных агентств, и их оперативность измерялась секундами. Смит был первым корреспондентом, передавшим сенсационное сообщение огромной важности. Для него это была самая крупная удача за все годы его журналистской карьеры, и чем дальше он оттягивал разговор Белла с телефонистом Ассошиэтед Пресс, тем больше было его преимущество. Поэтому он продолжал говорить в микрофон радиотелефона. Он продиктовал одну часть своей информации, затем вторую, третью, четвертую. Возмущенный Белл поднялся со своего места на середине заднего сиденья и потребовал у него микрофон. Но Смит тянул время. Он требовал, чтобы телефонист в Далласе зачитал переданную им новость. Он спорил и доказывал, что провода, под которыми они проезжали, могли создать помехи передаче. Эти хитрости никого не могли обмануть: все сидящие в машине отчетливо слышали хихикающий голос телефониста Юнайтед Пресс Интернейшнл. Связь была отличной. Побагровевший от ярости Белл с отчаянными криками набросился на Смита и попытался силой вырвать у него микрофон, но тот, зажав микрофон между коленями, скорчившись, забился под щиток водителя. Белл без разбора молотил кулаками, попадая по шоферу и сидящему рядом с ним Килдафу.

— Что это за большой дом впереди? — крикнул шоферу Килдаф.

— Парклендский госпиталь, — прокричал тот в ответ. Наконец Мерримэн Смит уступил микрофон Джеку Беллу, но связь тут же оборвалась.

Обложенный кирпичом въезд на территорию госпиталя освещался двумя красными неоновыми надписями: «Только „скорая помощь“» и «Въезд только для санитарных машин». Из трех стоянок для автомашин, откуда производилась выгрузка больных на специальную платформу, занята была лишь первая. Там стояла одна из тех окрашенных в белый цвет машин, которые использовались предприимчивым владельцем Далласского похоронное бюро Верноном Б. О’Нилом в зависимости от обстановки в качестве либо катафалка, либо кареты «скорой помощи». Миновав стоянки, президентская машина развернулась влево и остановилась по диагонали от них, ба к зданию. Остальное пять автомашин резко затормозили и замерли в причудливом беспорядке по всей дуге въезда в госпиталь»

Дверцы автомобилей мгновенно распахнулись. Мерримэн Смит бросился к Клинту Хиллу.

— Ну, как он? — запыхавшись, спросил журналист.

Хилл произнес проклятье и отрывисто бросил:

— Он мертв, Смитти.

Смуглый Смит чем-то напоминал пирата, когда стремглав кинулся внутрь госпиталя. Слева по коридору в окне регистрации несчастных случаев дежурная разбирала квитанции. Смит ворвался в ее комнату и рванул к себе телефонную трубку.

— Как вызвать город? — крикнул он.

— Наберите девятку, — запинаясь, ответила дежурная.

Смит набрал 9, затем номер местного отделения ЮПИ и передал слова Хилла.

В это время корреспонденту Эй-Би-Си Кларку удалось найти телефон в комнате, где хранились запасы крови для переливания, а Белл все еще мотался в поисках третьего аппарата. Однако секунды, за которые дрались телеграфные агентства, уже выросли в минуты, и Ассошиэтед Пресс безнадежно опаздывало. Белл попытался выяснить что-нибудь у Кена О’Доннела, но тот не мог вымолвить ни слова.

В это время на улице Янгблад с трудом выбрался из машины вице-президента. Джонсон вновь занял место на сиденье. При этом он растирал руки — этот жест был замечен кем-то из стоявших поблизости зевак и послужил впоследствии основанием для слухов о том, что и Джонсон был ранен. Тотчас же пять агентов окружили его плотным кольцом и увели. Эти агенты были как бы основой будущей охраны Белого дома. На какое-то время жена Джонсона осталась без охраны. Она пошептала вслед за мужем. Поднявшись на крыльцо, она попыталась разглядеть в промежутках между головами людей, отделявших ее от «линкольна», что происходит в машине Кеннеди. В поле ее зрения промелькнуло что-то розовое, изящно склонявшееся в одну сторону. Это был первый взгляд, который Леди Бэрд в ее новом качестве тридцать второй первой леди Америки бросила на свою предшественницу. Она поспешила внутрь.

Все остальные столпились вокруг машины президента, точнее говоря, все, кроме санитаров ни одного служителя госпиталя не было и в помине. Келлерман, Соррелз и Лоусон в ужасе взглянули друг на друга.

— Срочно сюда пару носилок! — крикнул изо всех сил Рой.

Никто не откликнулся на этот зов. Госпиталь точно вымер.

Задержка в уведомлении госпиталя по радио (а это было вызвано временной неисправностью микрофона дежурного по далласской полиции) не могла уже сказаться на земных муках Джона Кеннеди. Если бы его раны были менее тяжелыми, то, несомненно, задержка с уведомлением госпиталя явилась бы предметом самого серьезного расследования. В атом случае занялись бы и выяснением причин, которые привели к тому, что личный врач президента д-р Беркли оказался в самом конце президентского кортежа.

Однако ничто уже не могло спасти главу государства — он был мертв целых шесть минут. Даже если бы Беркли был наготове — в халате и хирургической маске — и имел под рукой весь персонал Парклендского госпиталя, даже в этом случае он ничем не мог бы помочь своему президенту после 12. 30. Более того, если бы жертвой был не, президент Соединенных Штатов Америки, а простой смертный, то любой врач после первого же осмотра констатировал бы, что он «скончался в пути». У Кеннеди не было дыхания. Его зрачки были расширены и неподвижны. Пуля разворотила его мозг»

Но вопреки всему его жена все так же бережно поддерживала его тело, и из груди ее вырывались сдавленные рыдания.

Лоусон стремительно вбежал в госпиталь, а Пауэрс и О'Доннел большими прыжками ринулись к машине президента. На бегу Пауэрс слышал, как Эмори Робертс крикнул ему, чтобы он остановился, но не обратил на это внимания. Каждая секунда, казалось ему, могла спасти жизнь президента. Он с силой рванул на себя правую дверцу «линкольна», страстно желая лишь одного — услышать хорошо знакомый голос, который оказал бы ему: «Все в порядке, со мной ничего не случилось».

Ведь ему и президенту многое пришлось пережить вместе. Случалось всякое. Были и очень трудные, критические ситуации, и все кончалось хорошо, «И на этот раз все будет в порядке, — лихорадочно думал Пауэрс, — обязательно будет в порядке. Ничего непоправимого не может произойти!» Затем он увидел остекленевшие глаза и понял, что непоправимое все же произошло.

— О бог мой, господин президент! — воскликнул он и зарыдал.

О'Доннел застыл у левого крыла машины. Он стоял выпрямившись, напряженный до предела. Казалось, что это не человек, а фигура, высеченная из камня. Вытянув руки по швам, он стоял, как солдат по стойке «смирно».

Эмори Роберте, желая убедиться в том, что Кеннеди действительно мертв, отстранил Пауэрса и бросился к борту машины.

— Встаньте, — сказал он Жаклин Кеннеди. Ответа не последовало — слышались лишь еле уловимые стенания. Робертсу не было видно лица президента. Он приподнял руку Жаклин, пристально взгляделся в лицо Джона Кеннеди и тут же опустил ее руку. Повернувшись, он бросил повелительно, хотя и обращался к своему непосредственному начальнику Келлерману:

— Оставайтесь с Кеннеди. Я иду к Джонсону! — и пошел вслед за Леди Бэрд.

В это время Грир помогал Лоусону расставить две пары носилок в ряд у дверцы

«линкольна». Супруги Кеннеди и Коннэли находились в прежнем положении, как персонажи какой-то кошмарной сцены. Все остальные стояли вокруг, нетвердо держась на ногах, словно тоже были жертвами несчастного случая. Шок и полное неведение лишили их способности действовав всего лишь семь ми-нут назад мчались они на праздничный обед. Сейчас они беспорядочно толпились около подъезда какого-то госпиталя. Почти никто из них не знал, кого ранили и насколько тяжело. Один из этих зрителей, увидев кровь на платье Жаклин Кеннеди, закричал:

— Бог мой, они подстрелили Джекки!

Эти слова быстро достигли ушей пациентов в госпитале. Ярборо и Килдаф одновременно заметили застывшие сгустки крови на лице Коннэли и решили, что это результат его ранения и что пуля попала ему в лоб. Лицо Коннэли приобрело пепельный оттенок, и каждый из них пришел к заключению, что он мертв.

Однако именно в этот момент губернатор штата Техас Коннэли, несколько минут назад примирившийся с мыслью, что он вот-вот умрет, начал постепенно приходиться в сознание. Его привел в чувство толчок при резком торможении автомобиля. Веки его дрогнули и приоткрылись. Он понимал, что вокруг машины происходит какое-то движение, и ему пришла в голову мысль, занимавшая в эту минуту многих: что вынести из машины тело президента можно будет лишь после того, как будут открыты откидные сиденья. Он попытался приподняться. Его жена не поняла, в чем дело, и силой удержала его.

Наконец-то появились санитары. Они подошли к борту машины с той стороны, где сидела Нелли, и, наклонившись над ней, начали вытаскивать Коннэли за плечи, в то время как Пауэрс, стараясь сдержать душившие его рыдания, поддерживал с другой стороны его ноги. Вся эта операция была проведена легко и быстро. Состояние Коннэли было на самом деле не столь уж тяжелым, как это думали вначале. Его тело не было расслабленным, он даже напрягал мускулы, пытаясь помочь санитарам. Его положили на первые носилки и внесли в госпиталь. Шатаясь и спотыкаясь, Нелли побежала за носилками.

Наступила очередь президента. Жаклин Кеннеди как бы застыла. Казалось, сидя в открытой машине под перекрестным огнем взглядов, она должна была чувствовать себя беспомощной и незащищенной. Но она мужественно боролась за то, чтобы сохранить свой небольшой мирок, в котором были только двое — она и президент. Низко склонив голову, она продолжала поддерживать тело супруга. Ослабить объятия, опустить его хотя бы на мгновение означало вновь открыть для чужих любопытных взоров ужасную картину изуродованной головы мужа. Сама эта мысль была для нее невыносима. Стараясь не смотреть на лица людей, плотным кольцом окружавших машину, Жаклин склонялась все ниже и ниже, прижимая к груди окровавленную голову супруга. Наступила короткая напряженная пауза. Стоявшие поблизости слышали только тихие прерывистые всхлипывания.

Клинт Хилл и Рой Келлерман поднялись на подножку позади багажника. Хилл стал за спиной Жаклин.

— Пожалуйста, госпожа Кеннеди, — сказал он.

Хилл коснулся плеча Жаклин и почувствовал как оно судорожно вздрагивает. Прошло четыре секунды, пять... Ральф Ярборо смутно догадывался, в чем дело. Правда, это были только интуитивные догадки, так как он не видел самой раны. Но он чувствовал, что Жаклин преисполнена решимости скрыть свое горе от жадных взоров зевак. Сам сенатор Ярборо был частью этой толпы, и вместе с другими он глаза, стараясь ничего не пропустить, Он понимал это, но не смотреть было свыше его сил. Восхищение перед ее стойкостью, перед тем, как она бросала вызов обнаженному любопытству толпы, в том числе его собственному, все же взяло верх: он непроизвольно сделал шаг назад, увидев, как Жаклин, подавив рыдание, вдруг выпрямилась. Голова ее была гордо поднята, а лицо напоминало застывшую маску. Но она по-прежнему была недвижима.

— Пожалуйста, — снова выдавил из себя Хилл. — Мы должны отнести президента к врачу.

Почти беззвучно она простонала в ответ:

— Я не отдам его, Хилл!³⁰

— Но мы должны отнести его в госпиталь, госпожа Кеннеди.

— Нет, Хилл! Вы знаете, что он умер. Оставьте меня о нем.

Внезапно Хилл понял, что так тревожило ее. Он был единственным, кто мог понять это, так как в те немногие секунды после первого выстрела видел собственными глазами незабываемую сцену на заднем сиденье «линкольна».

Мгновенно сорвав с себя пиджак, Хилл положил его на колени Жаклин. Нежными, осторожными движениями она обернула им израненную голову президента, в то время как Клинт, Рой, Дэйв, Грир и Лоусон принялись переносить тело на вторые носилки. Внезапно Жаклин снова охватил панический страх — они слишком торопились, и пиджак начал оползать на землю. Она быстро скользнула в их сторону по пропитанному кровью сиденью и успела подхватить пиджак. И все время, пока они с трудом поднимали непослушное, бездыханное тело, она побелевшими от напряжения пальцами прижимала пиджак к затылку мужа. Лишь с большим трудом удалось перенести президента. В отличие от Коннэли, его тело обмякло, все мышцы были расслаблены. И сенатор Ярборо, как бывший юрист, сразу же узнал зловещие признаки. В ужасе он подумал, что нога Президента болтаются, как у мертвеца.

Но вот президента положили на каталку и быстро повезли в здание госпиталя через створчатые двери с надписью: «Посторонним лицам вход воспрещен». За этими дверьми находился совершенно ивой мир. В него никогда не проникали лучи солнца, и воздух был заражен миазмами. Стены коридора были выложены изразцовыми плитками удручающего бежевого цвета, а пол устлан потертым бурым линолеумом. По обе стороны коридора, словно в лабиринте, были бесчисленные клетушки, где размещались педиатры, терапевты, гинекологи, рентгенологи и приемный покой. Наконец они добрались до хирургического отделения. Белые занавески делили помещение на небольшие кабины. Последний поворот, и они оказались в узком проходе, который по ширине был не больше кузова президентского «линкольна». Слева была палата № 2 для травматических ранений. Оттуда доносились стоны Джона Коннэли. В дверях с опухшим от слез лицом безмолвно стояла его жена Нелли. Она отвела глаза. Президента вкатили в дверь направо, в палату № 1. При входе кто-то удержал Жаклин за руку, и только здесь, на пороге палаты, она выпустила из судорожно сжатых пальцев полы пиджака, которыми была покрыта голова президента, и отступила назад. Так началось ее преисполненное безнадежного отчаяния бдение.

У различных людей горе проявляется по-разному. Одни (а к их числу обычно принадлежат люди, способные на наиболее глубокие чувства) страдают молча — миру не видны их слезы. Специальный помощник президента Кен О'Доннел, несомненно, относился к этой категории. Внешне он производил впечатление человека, неожиданно утратившего и слух и дар речи. Пожалуй, из всех, кто был в эти минуты в госпитале, одна Жаклин страдала больше, чем он. Горе заставило его полностью замкнуться в себе. Кен никогда не отличался разговорчивостью, а теперь он попросту впал в состояние полной отрешенности от окружающего мира. Этот смуглый приземистый мужчина бесцельно бродил взад и вперед между палатой № 1 и столом дежурной медсестры. На его лице застыло какое-то странное выражение. Он походил на человека, которого неожиданно оглушили ударом молота по голове. Ему задавали вопросы — он молчал. Правда, никто этому не удивлялся, так как Кен всегда был резок и немногословен с людьми. Погруженные в свои собственные переживания, окружающие не замечали глубокой перемены, которая произошла в О'Доннеле. Он был самым верным вассалом. Лишившись своего сюзерена, он чувствовал себя страшно одиноким и беспомощным.

Дэйв Пауэрс наскоро записал в эти минуты три строчки:

«12.35. Бегом отвез президента на каталке в палату срочной хирургии № 1 (10X5 футов).

³⁰ Клинт Хилл утверждает, что она не сказала «чего-либо членораздельного». Однако Жаклин действительно произнесла эти слова. Она хорошо это помнит. Ее свидетельство служит для нас наиболее достоверным источником, ибо в эту минуту она полностью и окончательно пришла в себя. Начиная с этого момента все ее воспоминания отличаются поразительной точностью, что подтверждается показаниями всех, кто был вместе с ней в это время.

Джекки бежала рядом с каталкой, ухватившись за нее».

Ральф Ярборо впитал с молоком матери цветистую риторику южных штатов. Мысли его обретали форму пышных сентенций. В его устах они были столь же естественны, как безмолвная скорбь О'Доннела.

Когда впервые после происшествия репортеры стали одолевать его вопросами, он отвечал, с трудом выдавливая из себя обрывки фраз.

— Господа, — начал он, — мы были свидетелями ужасного преступления. — В этом месте он задохнулся и, отвернувшись, чтобы собраться с силами, прошептал: — Бурные волны поглотили Экскалибур³¹...

Однако для большинства события развивались слишком стремительно, и реакция наступила у них гораздо позже. Начальник Парклендского госпиталя Джек Прайс привык к человеческим страданиям. Будучи к тому же приверженцем консервативного крыла республиканской партии, он отнюдь не был загипнотизирован ореолом славы Кеннеди. Однако даже он не мог понять, что существует какая-то связь между кровавой трагедией, разыгравшейся в операционных его госпиталя, и тем безупречно чистым институтом, каким до этого момента была в его глазах должность президента Америки. Джек Прайс помогал оказывать первую помощь Коннэли. Сейчас Прайс стоял в коридоре и пытался навести порядок среди персонала госпиталя. Неожиданно мимо него стремительно пронеслась каталка с еще одним пациентом, на груди которого покоился букет роз. Каталка была привычным зрелищем для Прайса, и он не придал ей особого значения. Не привлекла его внимания и личность пациента, так как голова пострадавшего была закутана в пиджак. Кто-то простонал:

— О боже, они застрелили президента Кеннеди!

Но и эти слова не дошли до сознания Прайса. Он просто не был в состоянии понять, что же, собственно, произошло. Затем он заметил, что за носилками бежит какая-то девушка. Прайс сразу узнал ее по фотографиям, и, когда ее сжавшаяся в комочек фигурка кинулась к дверям, ведущим в хирургическое отделение, он поспешно обернулся и посмотрел ей вслед. Несомненно, произошло что-то из ряда вон выходящее. На всех фотографиях она была безупречно одета, а сейчас бежала в грязном, покрытом пятнами платье, с растрепанными волосами. Прайс совсем не мог понять, каким образом она умудрилась залить густым слоем красной краски свои чулки.

Парклендский госпиталь еще не пришел в себя от первого нашествия, как со стороны Торгового центра нахлынула вторая, еще более мощная волна пришельцев.

Первая машина с членами конгресса развернулась и подлетела к госпиталю с такой быстротой, что выскочивший из нее Генри Гонзалес застал тот момент, когда тело президента выносили из «линкольна».

Последними о несчастье узнали седоки злополучного автобуса для «Весьма важных лиц». Им было сказано следовать прямо к черному входу Торгового центра.

Внезапно д-р Беркли почувствовал, что случилось что-то ужасное. Сама атмосфера была зловещей. Какие-то незнакомые люди ходили вокруг. Безудержно рыдая, корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Даг Кайкер выкрикивал:

— Ах, эти распроклятые сукины сыны!

Д-р Беркли, за которым неотступно следовал помощник главного фармацевта, остановил агента охраны Бергера, собиравшегося уехать на полицейской машине. Они вместе помчались вдоль бульвара Гарри Хайнса.

Всего через несколько минут после того, как президента внесли в отделение «скорой помощи» госпиталя, д-р Беркли подъезд к этим же дверям.

Территория Парклендского госпиталя все больше напоминала свалку старых автомашин. Все подъездные дороги и лужайки были буквально усеяны машинами без сиденьев, некоторые с работающими моторами, почти все с настежь распахнутыми дверцами. Все машины стояли кое-как, в причудливом беспорядке.

В самом госпитале, в отделении «скорой помощи», царил полный хаос.

³¹ Экскалибур — меч короля Артура, который он, по преданию, перед смертью приказал бросить в озеро.

Если пренебречь чисто внешней стороной дела, то именно городские госпитали в большей степени, чем другие общественные учреждения, приспособлены к тому, чтобы успешно справляться с подобного рода паническими ситуациями. Однако вряд ли другое медицинское учреждение в мире смогло бы удовлетворительно выдержать это испытание. Госпиталь заполнили полчища посторонних лиц высокого ранга — в результате чего не могло быть и речи о какой-нибудь дисциплине.

Наиболее послушной, как это ни странно, оказалась группа представителей прессы. Их появление в госпитале до смерти напугало Джека Прайса. По его указанию Стив Ландрегэн, сотрудник госпиталя, занимавшийся вопросами информации, отвел их в комнаты для занятий №101—102 в другом крыле госпиталя. Здесь большинство журналистов и пребывало в терпеливом ожидании официальных новостей. Работники прессы отнюдь не шли на какое-то самопожертвование. У них было соглашение о получении информации о поездке президента, и они авали по собственному опыту, что если они все вместе дождутся секретаря президента по вопросам печати, то никто из них не будет в обиде.

Гораздо больше хлопот начальнику госпиталя Прайсу причинял его собственный персонал. Он умолял их вернуться в палаты. Они возражали, и не без основания, что не могут уйти, так как без них нельзя будет справиться с пациентами. Ходячие больные протискивались в каждую щель, и никакие уговоры не могли заставить их вернуться в палаты. Один больной, обращаясь к медсестре, изрек:

— Президент умер, так почему же нельзя на него посмотреть? Ведь мертвому это безразлично.

Не подумав, медсестра сказала, что надо уважать горе Жаклин Кеннеди.

— Как, Джекки здесь? — завопил больной. — Где она?

Его удалось увести только силой.

В сложившейся ситуации секретная служба обязана была без промедления создать настоящий кордон вокруг госпиталя. Однако происшедшая катастрофа неожиданно обнаружила один ранее скрытый порок — преданность отдельных агентов охраны конкретному человеку, а не должности. Пока у власти был Кеннеди, вся система управления работала безотказно. Сейчас весь прежний порядок был безнадежно нарушен. Теоретически начальником охраны продолжал оставаться Рой Келлерман. Однако Эмори Робертс уже один раз дал понять, что не признает «го старшинства. Поэтому сейчас, когда Рой приказал всем агентам из машины „хавбек“ охранять входы в госпиталь, никто даже не потрудился сообщить ему, что его приказание не может быть выполнено, так как Роберте уже поставил перед ними иную задачу.

Большинство агентов вообще ничего не докладывало ему, что, впрочем, было не так уж плохо, поскольку любая стычка Келлермана и Робертса в эту минуту только завела бы в тупик.

Поскольку президенты сами подбирают начальников для своей личной охраны и Келлерман был не известен Линдону Джонсону, то судьба Келлермана тем самым была предрешена. Но было неясно, кто же все-таки станет его преемником. Сейчас Джонсона охранял Робертс. Однако до него этим занимался Янгблад. К тому же Янгблад был личным протеже Джонсона. Таким образом, секретная служба, которая должна была бы являть собой символ преемственности, пребывала в состоянии полного разлада.

По существу, у агентов охраны, как и у других членов президентской группы, не было высшего начальника, и они были столь же ошеломлены случившимся, как и все остальные. Меньшинство продолжало охранять Кеннеди (Келлерман, Хилл), остальные (Янгблад, Робертс, Джонс) перешли в охрану Джонсона. Почти все исходило из личной привязанности. Никакого осмысленного плана, никакой продуманной системы не существовало. Неизбежным следствием всего этого была анархия. В этом отношении весьма поучительны наблюдения сиделки госпиталя Ширли Рэндал. Она вспоминает, как через несколько секунд после того, как стрелки часов достигли 12.35; ее окружили какие-то незнакомцы, которые «ворвались с огромными пистолетами в руках». Она сначала решила, что попала в руки «каких-то уголовников». Общая напряженная атмосфера усугублялась еще и тем, что система телефонной связи госпиталя была не в состоянии справиться с обрушившимся на нее потоком вызовов. Госпитальные телефонистки очень скоро обнаружили, что все их внешние линии заняты — по всей

вероятности, людьми, которые, набирая 9, пытались соединиться с городом.

Наступил момент, когда все 12 сигнальных ламп зажглись одновременно на щите телефонного коммутатора, сигнализируя о полной перегрузке. Можно было подумать, что потребность в связи настолько превзошла имеющиеся возможности, что отделение «скорой помощи» могло оказаться совершенно отрезанным от внешнего мира. Однако этого не случилось. Даже в течение первого получаса, когда напряжение достигло своей наивысшей точки, лица, сопровождавшие президента, многократно звонили в Вашингтон и другие города. Бесперебойно действовал телефон, находившийся на посту дежурной сестры, — место, превращенное секретной службой в командный пункт. Верховной власти ни на минуту не угрожала изоляция.

Оставив тело президента на каталке в палате № 1, Келлерман, Хилл и Лоусон поспешили в кабину дежурного врача, огороженную стеклянной перегородкой, — помещение, находившееся как раз напротив того места, где ожидала Жаклин Кеннеди. Дежурный санитар помог Келлерману соединиться с городом. Рой спросил у Лоусона номер телефона правительственного пункта связи в Далласе.

— Риверсайд 1-3421, — ответил Лоусон. Хилл тут же набрал нужный номер. Келлерман назвал себя телефонистке и сказал:

— Немедленно соедините меня с Вашингтоном! Не занимайте эту линию и не разъединяйте нас.

Дежурный телефонист Белого дома соединил Келлермана с коммутатором, находящимся в восточном крыле. К телефону подошел начальник группы агентов секретной службы Джерри Бен.

— Сверьте часы, — сказал ему Рой. — Сейчас у нас 12. 40. (Часы Бена показывали 12. 39 по восточному стандартному времени, то есть отставали на одну минуту. — У. М.) Мы находимся в Парклендском госпитале, — продолжал Рой. — В него стреляли. Ошеломленный Бен спросил:

— О чем вы говорите?

— Его ранили, — сказал Рой. — Он еще жив и находится в операционной «скорой помощи». Он и губернатор Коннэли — оба ранены выстрелами из ружья. Не вешайте трубку! Мы должны все время поддерживать связь. Я буду держать вас в курсе событий.

Связь непрерывно поддерживалась даже после того, как Бен сошел вниз, в кабинет специального помощника президента по административным вопросам Джека Макналли. Так начались бесконечные переговоры, которые продолжались вплоть до понедельника и велись сначала из помещений в восточном, а затем в западном крыле Белого дома. На одном конце провода был Бен с бледным как мел лицом, на другом — Келлерман и оставшиеся с ним агенты охраны Кеннеди. Узел связи Белого дома мог в любое время подключить к этим переговорам другие телефоны. Так, в одну из пауз, когда Клинт Хилл слышал в телефонной трубке, как учащенное дыхание Бена становилось все более прерывистым, он услышал щелчок, за которым последовал знакомый ему женский голос, произнесший:

— Одну минуту.

Это был голос Этель, жены Роберта Кеннеди. Через несколько мгновений к телефону подошел ее муж, который потребовал, чтобы ему сообщили все подробности. Это вторжение было столь неожиданным, а голос министра юстиции столь походил на голос президента, что Клинт от волнения еле устоял на ногах. Уже позднее в комнату вошел адъютант Кеннеди генерал Годфри Макхью и попросил соединить его с дежурным по оперативному отделу Белого дома.

— Хорошо, только не вешайте трубку после того, как поговорите, — предупредил его Келлерман.

Однако Годфри по рассеянности все же повесил трубку. Но когда Рой тут же ее схватил, оказалось, что связь не была прервана: связисты Белого дома молчаливо выполняли свою работу и следили за каждым словом. К сожалению, эта поистине самоотверженная работа связистов не получила должной оценки. А в Парклендском госпитале телефонистки усилиями всего лишь одного человека совершенно незаметно для них были устранены от управления связью. У старшего уоррент-офицера Арта Бейлса не было времени объяснять, что он делает и с

какой целью. Он Примчался в госпиталь с наскоро собранным отрядом полицейских на Торгового центра. Подбежав к ближайшему телефонному аппарату, он начал набирать девятку и как только ему удалось соединиться с городом, связался через коммутатор в далласском отеле «Шератон» с узлом связи Белого дома. После этого он передал телефонную трубку полицейскому, приказав ему охранять ее, и помчался дальше к другому телефону, чтобы проделать то же самое. Бейлс заручился помощью начальника связи Белого дома полковника Джорджа Макналли и представителя «Американ телеграф энд телефон компани» Джека Дойля, обеспечивавшего связь по всем ее линиям во время поездки президента в Техас. Оба находились на аэродроме Лав Филд. С аэродрома в госпиталь мчались техники-связисты на подмогу Арту Бейлсу. Они должны были сменить полицейских и установить второй коммутатор, подвести три дополнительных временных кабеля местной связи и четыре новых кабеля для междугородных переговоров. Благодаря искусству «Американ телеграф энд телефон компани» Дойлю удалось избежать перегрузки каналов связи между Далласом и Вашингтоном и установить связь Парклендского госпиталя со столицей США окольным путем — через Чикаго и Лос-Анджелес. Бейлс знал о всех этих срочных мерах. Более того, он помнил, что в крайнем случае, если эти чрезвычайные Меры вдруг окажутся недостаточными, у него еще есть в запасе средства связи, установленные на четырех автомашинах президентского кортежа! «линкольне», «хавбеке», автомобиле для прессы и автомашине связистов. Их радиопередатчики могли обеспечить связь с Белым домом. Поэтому утверждения, что Парклендский госпиталь не имел связи с Вашингтоном, лишены основания. Телефонный «кризис» существовал лишь в воображении некоторых лиц. Справедливости ради надо признать, что при определенных обстоятельствах люди придают больше внимания внешним признакам, чем реальному положению вещей.

Госпитальные телефонистки в глава не видели Бейлса. Они не могли предполагать, что незаметно для них связь перешла в руки других людей. Они не могли знать, что за кажущимся хаосом скрывалась разумная система. Они видели лишь, что их окружал бедлам к беспорядок, Одна за одной таинственно умолкали линии, по которым они могли вызвать город, и в то же время неумолкавший трезвон телефонов вырос до пределов какого-то многоголосого кошмара. Сообщения агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл уже оказали свое воздействие. В течение последующих двух часов телефонистка Филлис Бартлет отвечала на звонки из Англии, Канады, Австралии, Венесуэлы, Франции, Мексики. В своем журнале она сделала запись:

«Все международные телефонные разговоры стали срочными, а все абоненты превратились в важных персон, требующих соединить их вне всякой очереди».

В этот первый час после выстрелов в Далласе истерик достигла размеров, какие трудно было себе представить. Позднее многие, пытаясь восстановить в памяти свое поведение в эти минуты и вспомнить, как они должны были себя вести, признавали, что они были крайне взволнованы, но не теряли над собой контроля. Факты более неллицеприятны. Контроля почти никакого не было, зато в поведении людей имелось много отклонений, лишенных какого-либо смысла. И для подтверждения этого совсем не требуется приводить какие-либо анонимные телефонные звонки»

Поведение людей, находившихся в отделении «скорой помощи» Парклендского госпиталя, является красноречивым свидетельством царившей в то время истерии. Все они были людьми незаурядными, каждому пришлось побывать в трудных переделках. И все же, почти без исключения, их поведение в тот час показалось бы более «сем странным в любой другой день. Странности в их поведения, разумеется, не дают повода для насмешек, но привести некоторые примеры все же полезно, так как иначе совершенно невозможно восстановить общую обстановку, в которой все это происходило. Если кто-либо пожелает сейчас дать оценку поведению отдельных лиц, то он должен постоянно помнить о том, что в каждом отдельном случае, несмотря на специфические черты, действия были настолько характерными, настолько сходными, что на какой-то короткий промежуток времени сами отклонения от нормы стали своего рода нормой.

Даже в тех редких случаях, когда дело обстояло по-иному, окружающим казалось, что в общем-то все ведут себя одинаково. Возьмем Теда Клифтона, генерала, ветерана войны, старшего военного адъютанта президента. Из всех присутствующих в госпитале именно

Клифтон должен был быстрее других вспомнить о возможности использования военных связистов. Однако ему почему-то казалось, что средства военной связи не могут быть оперативно введены в действие, и он, предъявив свое удостоверение телефонистке Парклендского госпиталя, поручил ей срочно соединить его с Белым домом. Каким-то чудом ему удалось связаться с дежурным Национального командного пункта и дать ему необходимые указания, а затем переключиться на телефон оперативного отдела Белого дома, чтобы узнать последние новости сотрудников разведывательной службы. Следующий телефонный звонок был сделан им позднее, уже в присутствии второго военного адъютанта президента генерала Годфри Макхью, который, по-видимому, ничего не знал о первом звонке. Клифтон позвонил к себе в кабинет и сперва попросил подошедшего офицера передать его супруге и женам О'Доннела и других сопровождавших президента сотрудников Белого дома, что мужа их целы и невредимы, и только после этого заинтересовался данными разведки. Такой порядок беседы показался Макхью несколько необычным, однако и он не придавал этому особого значения. Макхью, как старый холостяк, не усмотрел ничего из ряда вон выходящего в этом проявлении супружеской заботливости в столь напряженный момент.

Или возьмем, к примеру, Клинта Хилла, человека, только что продемонстрировавшего на Элм-стрит редкостную находчивость и присутствие духа. Во время безуспешных блужданий по хирургическому отделению его вдруг осенило что на нем нет пиджака. Столь же внезапно он решил, что вопрос о его внешнем виде имеет огромное значение. Он тут же подошел к начальнику отдела информации госпиталя Стиву Ландрегану, который был примерно его роста, и попросил одолжить ему пиджак. И Ландреган без звука отдал ему свой пиджак, хотя в душе не без основания подумал, не все ли равно, кто как одет в такие минуты.

Подобно Клинту Хиллу, Дэйв Пауэрс также был озабочен своим внешним видом. Выходя из палаты № 1, куда внесли каталку с телом президента, он заметил пятна крови на своем рукаве. Он вспомнил, как говорил своей жене о том, что, путешествуя с президентом, не стоит обращать особого внимания на свою одежду, так как все равно все будут смотреть только на президента.

Сейчас он был одет в дешевый костюм коричневого цвета и испытывал определенное удовлетворение при мысли о том, что запачкан недорогой костюм, который легко можно заменить другим.

Вход в палату № 1 охранял сержант местной полиции Боб Даггер с мрачным, почти яростным выражением лица. Огромный верзила, в очках, с мясистыми крупными чертами лица и пронизывающим взглядом, он показался Жаклин отталкивающим. Ей и в голову не могло прийти, что в это время его грызла одна забота: автомобиль, в котором он примчался в госпиталь. Эта машина принадлежала заместителю начальника далласской полиции Батчелору. Даггер стоял у Торгового центра, когда стало известно о ранении президента. Он не успел предупредить Батчелора и, вскочив в его машину, приехал в Парклендский госпиталь. Теперь его обуревали тысячи сомнений: что подумает его начальник? не решит ли он, что автомобиль похитили? не заявит ли в полицию о краже? не обвинит ли его, Даггера, в краже? В глазах Даггера все это выросло в серьезную проблему. Виду сержанта был весьма свирепый. Жаклин Кеннеди, украдкой наблюдавшая за ним, старалась определить, как он относится к покушению на президента и не приверженец ли он ультраправого Общества Джона Берча.

В то же время поведение людей, оказавшихся в совершенно аналогичных условиях, отличалось самым невероятным образом. Жаклин Кеннеди и Нелли Коннэли стояли буквально в двух шагах друг от друга, ожидая известий о состоянии их тяжело раненных мужей, и обе знали, что раны президента смертельны. И если в таких условиях вообще могла идти речь о каком-то этикете, то супруге губернатора, несомненно, надлежало натворить первой. Однако она этого не сделала. Жаклин первой обратилась к ней и тихо осведомилась о состоянии Коннэли. Вначале Нелли ничего не ответила. Обратившаяся к ней женщина показалась ей незнакомой, затем она отрывисто сказала:

— Он выживет. — И это было все.

Сенатор Ральф Ярборо внезапно начал истерически кричать и никак не мог остановиться. Его отвели в кабинет заведующего лабораторией переливания крови. Он не переставая вопил срывающимся голосом:

— Он умер! Какой ужас! Какой ужас!..

Мэр города Далласа Кэйбелл, наоборот, не произносил ни слова: подобно О'Доннелу он замкнулся в себе, а в тех случаях, когда обстоятельства вынуждали его сказать что-то, он отказывался призвать реальность случившегося. Стоявшие рядом с ним слышали, как он шепотом произносил:

— Нет, этого не было!

Корреспондент журнала «Таймс» Хью Сайди с каким-то остервенением все записывал. Позднее он сам не сумел разобрать даже половины своих записей.

Боб Баскин попросту уехал в деловую часть Далласа и зашел в редакцию своей «Морнинг ньюс», чтобы поговорить с друзьями и узнать, не произошло ли чего-нибудь нового в мире.

Отсутствие надлежащей охраны позволило посторонним беспрепятственно проникать в госпиталь. К счастью, лабиринт госпитальных коридоров сам по себе надлежаще защищал Линдона Джонсона от посторонних взоров. Он был упрятан в самом центре здания, в недрах отделения перевязок. Его так запрятали, что, когда наступило время отъезда из госпиталя, потребовался специальный проводник, чтобы вывести его наружу.

Для деятельных людей пассивность в эти минуты была совершенно невыносимой. Поэтому сгрудившиеся в госпитале люди отдавали какие-то бессмысленные приказы, заказывали или пытались заказать абсолютно ненужные междугородные телефонные переговоры, кричали (как это делал Ярборо) или покидали свой пост (Баскин). А в тех случаях, когда нельзя было найти оправдания для тех или иных действий, они тут же изобретались и принимались за чистую монету.

Эпидемия безрассудства охватила не только ближайшее окружение президента. Она распространилась и на медицинский персонал госпиталя. В отделении «скорой помощи» зазвонил телефон. К телефону подошла старшая медицинская сестра Дорис Нельсон, которая тут же продемонстрировала, что и у нее отсутствует иммунитет против Этой эпидемии. Она с удивлением выслушала, как один из терапевтов госпиталя спросил, что ей надо. Она ответила: — Ранен президент.

— Да, — нетерпеливо сказал врач, — ну, что еще нового?

Губернатор Коннэли почувствовал, что кто-то трогает его одежду. Затем он услышал чей-то голос; — Я снял с него пиджак и рубашку, В ответ кто-то пробормотал:

— Никак не справлюсь с брюками.

Последовало несколько болезненных рывков. В отчаянии Коннэли простонал;

— Разрежьте их!

Наступило молчание. Сам того не сознавая, губернатор только что напомнил врачам о хорошо им известном и практикуемом в госпитале порядке раздевания тяжелораненых пациентов.

Наиболее далекими от реальности оказались работника канцелярии госпиталя. Им прочно вбили в голову, что при любых обстоятельствах главное — это бумага. Привычный ритуал бюрократического оформления был для них желанным убежищем, где можно было укрыться от окружающего хаоса.

Имя «Кеннеди, Джон Ф.» было пунктуально занесено в журнал с пометкой о времени поступления — 12. 38. Не менее скрупулезно было установлено, что пациент мужского пола, белый. Ему был присвоен номер для жертв несчастных случаев 24740. В графе «основные жалобы» было написано «ОР» — «Огнестрельное ранение». У «Коннэли, Джона» за № 24743 была аналогичная жалоба. Его имя было зарегистрировано тремя строчками ниже имени президента, после белой пациентки с кровотечением изо рта и цветной женщины с жалобами на боли в брюшной полости. (В действительности, как известно, губернатор поступил в госпиталь ранее всех остальных.) Такая неразбериха продолжалась весь остаток дня. Разъяренный начальник госпиталя Прайс пригрозил уволить одного из самых ревностных регистраторов. Но даже эта угроза не помогла: все заносилось в бесконечные анкеты и раскладывалось по полочкам бесчисленных карточек. Исключений не допускалось.

Лэрри О'Брайен вбежал в госпиталь вместе с конгрессменами Альбертом Томасом и Джеком Бруксом. Где-то по пути к хирургическому отделению он ошибся и повернул не в ту сторону. Перед ним была стойка, за которой высилась дама в очках.

— Минуточку, — сказала она безапелляционным тоном и протянула ему чистый бланк и ручку. В полном замешательстве он послушно стал выписывать на регистрационном бланке печатными буквами «О'Брайен, Лоренс Ф. ». Затем он остановился, как будто его поразила молния: тут только он понял весь идиотизм своего поведения. Бросив ручку и бланк, он помчался по незнакомым коридорам, разыскивая своего президента.

Тело Джона Кеннеди покоилось в самом центре смятения, охватившего людей. Между ним и внешним миром появилась, словно непроницаемая стена, ответственность тех, кто находился в палате № 1. Здесь, в этой комнате, не было нужды в мнимой ответственности. Собравшиеся здесь мужчины и женщины знали цену каждой секунды, а привычное чувство дисциплины накладывало на их действия отпечаток размеренности и даже своеобразного спокойствия. Руки людей механически подавали инструменты, поворачивали рукоятки аппаратов. Пальцы в резиновых перчатках тянулись, схватывали, сжимались, бесшумно подчиняясь одним им известному ритму. Это была хорошо знакомая ее участникам битва. Они сражались с помощью испытанного оружия, используя все известные приемы. Они продолжали сражаться даже после того, как им стало ясно, что битва безнадежно проиграна.

Да, ее исход был предрешен! Рана на шее (а в те мгновения врачи, у которых не было времени перевернуть тело, были убеждены, что именно здесь пуля впилась в тело) была небольшой и мало кровоточила. Неизмеримо серьезнее обстояло дело с ранением черепа. Именно оно было источником обильного кровотечения, начавшегося еще на Элм-стрит и непрерывно продолжавшегося во время пути в госпиталь, погрузки на носилки и на всем протяжении коридора, ведущего в палату. И даже здесь, в палате, не удавалось его остановить. Старшая сестра Дорис Нельсон была в крови. Каждый, кто находился вблизи от пациента, был залит его кровью. Казалось, к этому времени в сосудах Кеннеди не должно было остаться ни капля крови. Однако его могучее сердце продолжало биться. Почти полтора литра алой жидкости залили алюминиевую каталку, простыни, пол и стены.

Другая старшая хирургическая сестра, Диана Боурин, и медсестра Маргарита Хинчклиф быстро раздели президента, оставив на нем лишь трусы и медицинский корсет, поддерживающий больной позвоночник. Затем они сложили его вещи на полку в углу палаты. Большое полуобнаженное тело Кеннеди было лишено каких-либо внешних повреждений. Он лежал на спине на подстилке из черной кожи. Широко раскрытые глаза разошлись и невидящим взором как бы уставились в одинокую лампу, ярко светящуюся на потолке. Первым в палату вошел дежурный врач Чарлз Каррико, молодой хирург-ординатор, лет двадцати с небольшим. Быстро осмотрев президента, он установил, что пульса нет и кровяное давление упало до нуля. Однако в теле Кеннеди все еще теплилась жизнь. Еще можно было видеть медленные, агональные дыхательные движения и ощущать редкие удары сердца. Каррико приступил к оказанию неотложной помощи. Он ввел раненому через рот трубку для очистки дыхательных путей. Затем с помощью катетера начали вливание раствора Рингера с лактатом — особый тип физиологического раствора. Тихим голосом врач торопливо осведомился о группе крови Кеннеди. Медсестра мгновенно выскочила в коридор.

— Какая группа крови у президента? — обратилась она к Хиллу и Келлерману.

Клинт потянулся за записной книжкой, но Рой опередил его:

— Нулевая, резус положительный.

Вбежав обратно в палату, сестра обнаружила, что там стало намного теснее. Несмотря на то что Дорис Нельсон, стоя в дверях, пропускала только тех сотрудников госпиталя, в которых, по ее мнению, была необходимость, в палате около носилок сгрудилось не менее четырнадцати врачей. Такое множество медицинских работников было совершенно излишне. Помещение палаты было вдвое меньше ванной комнаты Кеннеди на втором этаже Белого дома. Абсолютно необходимым было присутствие лишь трех врачей: хирурга Малькольма Перри, только что, спотыкаясь, сбежавшего вниз по ступенькам из кафетерия госпиталя, чтобы сменить Каррико; личного врача президента д-ра Беркли, ибо только он один знал всю историю болезни Кеннеди и всегда хранил при себе в черном портфеле необходимые особые препараты в соответствующих дозах, и, наконец, старшего анестезиолога госпиталя Марион Дженкинс. Остальные врачи — нейрохирурги, терапевты, урологи — пришли на тот случай, если

понадобится их помощь. Но получилось так, что единственная польза от них здесь состояла в том, что они образовали барьер вокруг пациента, укрывая его от нескромных взоров зевак.

Естественным руководителем в этой группе врачей стал Мак Перри. Подобно своему пациенту, он отличался могучим телосложением и впечатляющей внешностью. Оба они оказались в центре сцены, где разыгрывалась эта безмолвная драма. Этот угловатый внук техасского сельского врача еще поспешно дожевывал котлету, когда ворвался в палату, но он с ходу включился в работу. Сбросив синий спортивный пиджак прямо на залитый кровью пол, он быстро натянул резиновые перчатки на свои большие руки — у него не было времени, чтобы помыть их. У него почти не оставалось времени даже для того, чтобы обдумать свои действия. В его сознании металась две мысли: «Президент крупней, чем я предполагал» и «Он самый важный человек в мире». Затем все смешалось в его сознании, словно в калейдоскопе. Разумеется, его взгляд сразу же зафиксировал кровотечение, и он отметил «быструю и большую потерю крови». Затем он увидел, что грудь Кеннеди не поднимается. Тогда он попытался нащупать пульс на бедренной артерии. Его сильные пальцы натолкнулись лишь на твердый панцирь спинного корсета Кеннеди. Он увидел, что меры для переливания крови уже приняты. Вена на правой ноге президента была обнажена, и медсестра Боурин уже снимала с левого запястья президента покрытые запекшейся кровью золотые часы — браслет, освобождая руку для обнажения второй вены. Беркли вынул из своего медицинского Саквояжа три флакона по сто миллиграммов гидрокортизона и прошептал:

— Внутривенно или внутримышечно?

Все необходимые уколы и вливания делались без *малейшего* промедления. Однако надо было немедленно очистить дыхательные пути. Введенная через рот трубка не функционировала, по-видимому из-за ранения в шею» Давать наркоз не пришлось, так как Кеннеди был без сознания.

— Скальпель! — буркнул Перри.

Сестра тут же положила его на обтянутую резиной ладонь Перри. Сделав надрез на шее президента под самой раной, он приступил к экстренной трахеотомии. А в это время введенную через рот трубку подсоединили к респиратору.

Именно в этот момент Жаклин Кеннеди приняла решение войти в палату. Вот уже целых десять минут, и каждая из них была кошмарней предыдущей, выстояла она в этом мрачном коридоре. Полицейский Даггер с его бычьим затылком в упор разглядывал ее. Нелли Коннэли покинула ее, Дорис Нельсон пыталась заставить снять перчатки, а пробегающие мимо санитары уговаривали отдохнуть в одной из завешенных простынями кабинок.

Только сейчас до ее сознания начал со всей силой доходить непоправимый и необъятный ужас случившегося. Однако она твердо решила никуда отсюда не уходить.

Медицинский персонал Парклендского госпиталя не мог представить себе, какая непоколебимая воля скрывалась за этим решением. Они знали ее лишь понаслышке. Но, подобно Роберту Кеннеди, Жаклин в действительности сильно отличалась от образа, с которым она ассоциировалась в представлении миллионов американцев. Роберт Кеннеди был мягче и тоньше, чем думали, она же была значительно тверже, чем это представляла себе публика. В ореоле славы президента личные качества этих двух людей неизменно оставались незамеченными. Пока он был шив, это не имело ровно никакого значения. Однако с его смертью их индивидуальные черты должны были проявиться со всей силой. Наступил час самоутверждения для Жаклин.

В течение нескольких минут она внимательно наблюдала за происходящим. Она никак не могла понять, почему врачи один за другим бегут в палату, где лежит тело ее мужа. У нее не было и тени сомнения в том, что ой убит. Потом ей удалось уловить обрывки разговора об уколах и вливаниях. Врачи думают, что медицинская терминология ввергает простых смертных в почтительный трепет. Обычно они бывают правы, но на этот раз они ошиблись. С первого дня их совместной жизни Джона Кеннеди одолевали болезни. Его жене пришлось провести немало времени в залах ожидания больниц. Она хорошо знала, что такое физиологический — раствор, и, когда из палаты до ее слуха донеслось слово «реанимация», Жаклин превосходно поняла значение этого термина. В изумлении она подумала: «*Он еще жив!*» Однако эта мысль никак не укладывалась в ее сознании: она была убеждена, что он убит. «Неужели есть еще какая-то

надежда, что он будет жить? — подумала Жаклин. И затем: — О боже, если бы только он выжил! Я всю свою жизнь отдам только ему. Я все на свете отдам за его жизнь!» Слова «если бы только», «мог бы», «все на свете», словно молнии, озаряли ее сознание. «Надежда — это пугливая птаха, которая гнездится в душе человеческой», — писала Эмили Диккинсон³².

Жаклин обменялась взглядами с Марти и Кеном, стоявшими неподалеку.

— Вы верите, что... — прошептала она.

Они промолчали — им нечего было ей сказать. Немного спустя они отошли в сторону, пока матерчатые занавески кабины не скрыли ее из виду. О'Доннел на какое-то мгновение вышел из состояния транса, в котором пребывал все это время, и шепнул на ухо О'Брайену:

— Боже, на то, что он выживет, один шанс из тысячи!

Однако Жаклин, ощутив даже эту мимолетную робкую надежду, вдруг почувствовала, как ею овладевает неодолимое желание.

— Я пойду к нему, — сказала она.

Сестра Дорис Нельсон услышала эти слова и преградила ей путь. Своим внешним видом сестра Дорис больше всего напоминала белого накрахмаленного дракона, наделенного незаурядной мускулатурой. Всю жизнь она была яростным приверженцем той школы медицинского мышления, которая гласит, что родственников нельзя на пушечный выстрел подпускать к больным. Одна из целей этой школы заключается именно в том, чтобы душить в зародыше необоснованные надежды, подобные той, которая только что зародилась у Жаклин Кеннеди.

— Вам сюда нельзя! — резко заявила Дорис и пошире расставила свои крепкие ноги в туфлях на каучуковой подошве.

Но Джекки не так-то легко было запугать. Со словами: «Я войду в палату, и никто меня не выгонит оттуда», она попыталась протиснуться мимо сестры. Сильная Дорис без труда оттолкнула ее от дверей. Шум этой борьбы привлек внимание доктора Беркли, и он вышел в коридор.

— Госпожа Кеннеди, вам надо принять успокоительное, — сказал он дрожащим от волнения голосом.

— Я хочу быть с ним, когда он умрет, — ответила она. Доктор понимающе кивнул головой. Его симпатии были на ее стороне.

— Это ее право, это ее право! Вы не должны ей мешать.

С этими словами он провел Жаклин в палату мимо женщины в запятнанном кровью болоте халате, неохотно пропустившей их в палату, так как она ошибочно решила, что с ней говорит один из агентов секретной службы. В палате доктор Беркли заботливо ограждал Жаклин, чтобы ее никто не вывел из помещения.

В комнату тем временем набилось еще больше людей. Жаклин и личного врача президента немедленно оттеснили в угол слева от входа. За ними была стена операционной палаты «скорой помощи». На серых изразцовых плитках выделялся зеленый шланг для подачи кислорода, висел металлический шкафчик, набитый марлевыми салфетками. Жаклин наклонилась вперед и прижалась на мгновение своей забрызганной кровью щекой к плечу доктора Беркли. Затем она быстро опустилась на колени, на пол, залитый кровью ее мужа, и смежила веки в короткой молитве. Потом так же быстро поднялась и, выпрямившись, стала неотступно следить взором за неутомимыми руками хирурга Перри.

Казалось, что в комнате не осталось места даже для одного человека. И все же в палату с трудом протиснулся еще один врач. Это был главный нейрохирург госпиталя Уильям Кеми Кларк, рослый лысеющий мужчина».

Кларк был одним из ведущих специалистов госпиталя, и столпившиеся в палате врачи немного расступились, уступая ему дорогу. Кларк обменялся с Перри взглядами. Они не прочли в глазах друг друга ничего утешительного. Оба врача прекрасно понимали, что спасти жизнь президента уже нельзя. Но они продолжали механически выполнять все предписанные в таких случаях процедуры. Увидев Жаклин, Кларк спросил: — Может быть, вам лучше уйти? Вам

³² Эмили Диккинсон (1830 — 1886) — американская поэтесса.

будет лучше подождать снаружи.

Губы Жаклин шевельнулись и почти беззвучно произнесли:

— Нет.

Когда в палату вошел Кларк, Перри уже заканчивал трахеотомию. Сейчас он вводил трахеотомную трубку в дыхательное горло. Дженкинс подсоединил ее к наркозному аппарату, который поддавался более точной регулировке, чем респиратор. Кларк, не отводя взора, следил за показаниями электрокардиографа. Перри, почти исчерпавший все доступные средства, предложил в качестве последнего шага закрытый массаж сердца.

Перри во что бы то ни стало пытался стимулировать дыхание. Но ему никак не удавалось занять удобную позицию. Тогда он приподнялся на цыпочки, но грудная клетка пациента все еще находилась слишком высоко для него.

— Дайте стул, — тяжело дыша, сказал Перри. — Кто-то падал ему стул, и, взобравшись на него, он в течение десяти минут энергично массировал грудную клетку Кеннеди.

Все, чем располагал Парклендский госпиталь, было мобилизовано для спасения жизни президента: физиологический раствор, гидрокортизон и кровь, первая пинта Которой при помощи двух катетеров уже вливалась в его сосуды; через нос в желудок Кеннеди был введен зонд, чтобы удалить оттуда содержимое и предупредить тем самым возможность рвоты. В полость плевры с обеих сторон были введены дренажи для отсасывания жидкости и предотвращения спадения легких. И в конце концов врачи применили самый примитивный метод, существовавший еще до Уильяма Гарвея: они использовали технику оживления, которая по своей простоте была не сложнее попытки путем потряхивания остановившихся часов вызвать у них ход. Перри массировал и сжимал эластичную мускулистую грудь Кеннеди, пытаясь вызвать хотя бы слабое биение его остановившегося сердца. Мускулы Перри заболели от напряжения.

Однако ничто не помогало. Прекратились даже отдельные судорожные движения. Прекратилось кровотечение из зияющей рваной раны справа на затылке: в организме больше не оставалось крови, за исключением введенных пациенту жидкостей, вены его были полностью опустошены, а кожные покровы зловеще побледнели. Непродолжительный и еле уловимый трепет сердца, запечатленный электрокардиографом, прекратился, и приземистый аппарат бездействовал, тускло мерцая металлов рядом с носилками, на которых лежал президент. Мак Перри, стиснув зубы в тяжело дыша, еще ниже склонился над телом Кеннеди. Притаившийся за дверью Рои Келлерман пересек коридор, подошел к медицинскому посту, где у телефонной трубки дежурил Клинт Хилл, поддерживавший непрерывную связь с Белым домом, и прошептал:

— Передай Джерри неофициально и не для печати. Он скончался.

Часы на рекламном щите фирмы «Интернейшнл бизнес машинз» показывали час дня. Стрелка электрокардиографа по-прежнему была неподвижна.

Уильям Кемп Кларк отвернулся от аппарата и с трудом выдавил из себя:

— Слишком поздно, Мак!

Потерпевшие поражение руки Перри замерли, словно безжизненные плети. Затем он медленно поднял их с неестественно белой груди покойного, тяжело ступил вниз со стула и, как слепой, вышел из палаты. Он грузно упал на первый попавшийся стул и, устремив невидящий взор куда-то в пространство, стал рассеянно грызть ноготь на мизинце. Стоявший у изголовья президента Дженкинс наклонился и молча накрыл лицо президента простыней. Кларк подошел к Жаклин Кеннеди и сказал:

— Рана вашего супруга смертельна. Одними губами она ответила:

— Я это знаю.

Доктор Беркли стоял так близко от ложа президента, что смог, протянув руку, пощупать пульс. Пульса не было. Он выпрямился и, опираясь на серый кафель стены, приблизил свое широкое цветущее лицо к лицу Жаклин. Он хотел убедиться, что она поняла, что произошло. Он попытался выговорить: «Президент скончался», — но голос отказал ему, и он не смог произнести это членораздельно»

Во время второй мировой войны на Тихом океане через руки Беркли прошли тысячи раненых моряков. Он был полным адмиралом действующего флота. Но все же сейчас он не мог

совладать с собой. Он с усилием проглотил тяжелый комок в горле и глухо сказал: — Президент умер.

Он не услышал ответа и лишь увидел, как еле заметно склонилась голова Жаклин.

Кен О'Доннел словно в глубоком сне миновал педиатрическое отделение и сообщил эту весть Линдону Джонсону.

Пауэрс нацарапал в своей записной книжке:

«13.00. Д-р Уильям Кларк констатировал смерть г-на президента».

К часу дня по далласскому времени, как это следует из данных Чикагского университета, проводившего на следующий год специальный опрос, 68 процентов взрослого населения, или свыше 75 миллионов человек, знали о совершившемся покушении. В первые тридцать минут поступала лишь скудная, неточная или даже искаженная информация, однако с самого начала было совершенно ясно, что преступление, совершенное на Элм-стрит, является, после нападения на Пирл-Харбор, самым катастрофическим событием в жизни страны. Преступление было совершено против всей нации, и нация понимала это.

Еще до наступления ночи, когда 99, 8 процента населения уже узнало, что законный президент пал от руки убийцы, страну охватил исключительный по своей силе эмоциональный кризис.

Царившие в госпитале Паркленд беспорядок, смятение и горе распространились повсюду, где имелись телевизоры, радиоприемники, телефоны или даже примитивные телеграфные аппараты. Практически ни один человек не остался вне сферы воздействия средств массовой информации. В момент смерти президента Америка как бы превратилась в гигантскую больницу палату.

Необъятная армия телезрителей страны собралась в эту пятницу у голубых экранов ровно через шесть минут после того, как Ли Харви Освальд сделал последний выстрел. В 12. 36 по центральному стандартному времени радиокomentатор «Америкен бродкастинг компани» Кон Гардинер прервал местные радиопередачи и передал рожденную в муках первую молнию Мерримэна Смита, которую за две минуты до этого сорвали с телетайпа. В 12. 40 перед телезрителями предстал комментатор «Коламбия бродкастинг компани» Уолтер Кронкайт, объявивший: «В Далласе, штат Техас, по кортежу президента Кеннеди было произведено три выстрела». В первых сообщениях говорилось, что президент «тяжело ранен».

Вся огромная радиотелевизионная американская империя с ее неисчерпаемыми долларовыми ресурсами была сведена до положения простейшего рупора. К сообщениям, доносившимся из его раструба, затаив дыхание, прислушивались добрых две трети населения страны. Они слышали голоса двух корреспондентов телеграфных агентств, передававших новости в судорожно зажатые трубки госпитальных телефонов. Смита и Белла объединяла общая печальная участь. В том месте, где они находились, они не имели доступа к самым последним новостям. Подлинной ценностью в это время была лишь скорость. Прежде чем введенные в заблуждение люди могли распространить неправильные сведения, они сами становились частью формирующейся гигантской аудитории. Если бы не эта быстрота, ложь могла бы пустить такие глубокие корни, бороться с которыми было бы безнадежно. Даже в этих условиях большая часть 76-миллионной аудитории впервые узнала о происшедшей трагедии лишь понаслышке. Был рабочий день, а дневные телевизионные — программы не пользовались высокой репутацией. Итак, слухи, передававшиеся устно от одного к другому, — такова была основная форма распространения новостей о покушении на президента. Не было исключением даже Белый дом. Правда, у него было свое конфиденциальное информационное агентство — секретная служба Соединенных Штатов.

Поскольку первое сообщение агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл на целых шесть минут опередило телефонный звонок Роя Келлермана, а правительственные учреждения располагают телетайпами для приема сообщений телеграфных агентств, все находившиеся на работе высокопоставленные чиновники узнали о покушении раньше руководителей секретной службы. Грубо сорванные с телетайпа широкие полосы желтой бумаги со словами: «Даллас, 22 ноября (ЮПИ), три выстрела произведены... » — были вручены Джорджу Боллу в госдепартаменте, Эдгару Гуверу в ФБР, Теду Соренсену, специальному помощнику президента, только что возвратившемуся после завтрака в Белый дом, специальному помощнику Уолтеру

(Биллу) Позену, замещавшему министра внутренних дел Юдола, который в это время летел на правительственном самолете в Японию, Деву Раску, одному из руководящих деятелей кабинета министров США, на борту этого же самолета, находящегося в 900 милях от Гонолулу, и, наконец, Роберту Макнамаре в Пентагоне. В командном центре Пентагона загудел зуммер. Его звук разбудил и генерала Максвелла Тэйлора, сладко дремавшего в перерыве между переговорами с западногерманской военной делегацией.

Несмотря на свою искреннюю привязанность к Кеннеди, министр обороны США Макнамара не потерял головы и принял необходимые меры. Листок с сообщением телеграфного агентства принес бледный как полотно адъютант Макнамары. Присутствовавший при этом помощник президента по вопросам науки и техники Джерри Визнер внимательно следил за тем, как изменялось лицо Макнамары по мере того, как он читал бюллетень. «Война», — решил Визнер. Но когда внешне спокойный Макнамара передал листок бюллетеня участникам проходившего заседания, чтобы они ознакомились с «его содержанием, Визнер сразу почувствовал, как у него гора с плеч свалилась: любое несчастье было лучше пожара атомной войны. Министр обороны начал действовать без промедления. Он тут же закрыл заседание и срочно направил помощника президента Макджорджа Банди на служебной машине министерства обороны в Белый дом. Затем он провел краткое совещание с генералом Тэйлором и остальными руководителями Объединенной группы начальников штабов США. В результате этого совещания командующим американскими военными базами во всем мире была направлена срочная телеграмма следующего содержания за подписью начальников штабов:

«1. По сообщениям прессы, на президента Кеннеди и губернатора Коннэли в Техасе совершено почтение. Оба тяжело ранены и находятся в госпитале в Далласе, штат Техас. Официальных сообщений пока не поступало. О дальнейшем поставим вас в известность.

2. Вам надлежит проявить особую бдительность и быть в состоянии полной готовности».

Судя по всем симптомам, положение было чрезвычайно опасным: убийства государственных деятелей по политическим мотивам, как правило, предшествуют попыткам совершить государственный переворот. Генерал Тэйлор специально предупредил все воинские части в районе Вашингтона о необходимости быть начеку. Заместитель министра внутренних дел Билл Позен пришел к выводу, что покушение на президента — это первый этап уже начавшегося переворота. Никогда еще на его памяти стояща не была столь неорганизована и незащищена. Шесть членов кабинета находились в полете над Тихим океаном, а президент и вице-президент были в Далласе.

В это время государственный секретарь Дна Раск, стоя в салоне правительственного самолета № 86972, нервно теребил лаконичное сообщение аз двух строк. Затем он попросил всех присутствующих дам удалиться в хвостовую кабину. Подозвав стюарда, он приказал ему срочно вызвать в салон Диллона, Фримэна, Юдола, Вирца, Ходжеса, Сэлинджера, Геллера, помощника министра иностранных Дел Роберта Мэннинга и Майка Фелдмэна из аппарата Белого дома. Раск молча ждал, пока все соберутся, и втайне надеялся, что его лицо не выдаст бурю чувств у него в душе. Однако ему не удалось полностью овладеть собой. Взглянув на него, Орвил Фримэн подумал, что какое-то неожиданное развитие международных дел заставило президента отменить их визит в Японию. Мысли Дугласа Диллона носили более определенный характер: подобно Визнеру, министр финансов решил, что над одним из американских городов взорвана водородная бомба.

К этому моменту на борту самолета были приняты уже три сообщения агентств. Наконец все были в сборе, и Раск сказал тихим голосом:

— Мы только что получили сообщение по телетайпу. Пока неизвестно, насколько оно соответствует действительности. Сообщают, что президента ранили в Далласе, возможно, смертельно.

— Боже мой! — послышался голос Фримэна.

Лютер Ходжес почувствовал сильную слабость в ногах и стал опускаться на пол. Однако ему удалось удержаться за край стола, и он тяжело рухнул на стул, Пьер Сэлинджер, все еще державший в руках досье по Японии, раскрытое на разделе экономики, заглянул через плечо Раска и прочел сообщения агентств. Затем без единого слова он взял информационный бюллетень из рук государственного секретаря в так же безмолвно еще раз перечитал «его.

Уиллард Виртц подошел вплотную к Пьеру Сэлинджеру и, обратившись ко всем окружающим, высказал мнение, что все эти сообщения — „сплошной вымысел“. В средней кабине самолета Альвин М. Джозефи писал:

«8.50. Джин Дэвис из госдепартамента сейчас по секрету шепнул мне, что получено сообщение о покушении на президента Кеннеди. Я сам видел, как все министры, Мэннинг и Сэлинджер срочно собрались в переднем салоне вместе с Раском и Диллоном.

Все подтвердилось. Все ошеломлены. Никто не знает, насколько тяжело ранен президент. Государственный секретарь Раск, по-видимому, использует телетайпный аппарат в своей кабине. Прошло два часа с момента нашего вылета из Гонолулу. Губернатор Коннэли также ранен. Мэннинг и Сэлинджер непрерывно бегают взад и вперед между салоном Раска и нашей кабиной. Президента застрелили в Далласе».

В первом салоне Сэлинджер сказал:

— Нам нужно немедленно возвращаться назад. Раск ответил:

— Следует получить хотя бы какое-то подтверждение.

Проверка сообщений печати была явно делом Сэлинджера. Он пошел к связистам. Только войдя к ним в кабину и увидев дежурного сержанта войск связи, Пьер спохватился, что при нем нет небольшого справочника с кодовыми обозначениями.

— Соедините меня с Белым домом, — потребовал он и затем, как бы вспомнив о чем-то срочном, добавил: — Постарайтесь также разыскать адмирала Фельта.

Не прошло и минуты, как Сэлинджера соединили с Белым домом. На проводе был капитан 3-го ранга Оливер Халлет, дежурный оперативного отдела. Пьер смог вспомнить лишь свое собственное кодовое обозначение. Поэтому он сказал:

— «Информация», говорит «Придорожный». Что слышно о президенте?

Халлет пытался сведениями от Джерри Бена, который в свою очередь получал донесения от диспетчера войск связи. Он ответил:

— Пока еще мы уточняем полученные ранее сообщения. Насколько нам известно, президент ранен в голову.

— Жив ли он?

— Судя по нашим данным, жив.

Подобно Бену, Пьер повторял за Халлетом каждую его фразу. Раск повернулся к собравшимся в салоне и спросил! — Что нам делать? Диллон ответил решительно!

— Надо лететь обратно.

Краткое обсуждение длилось лишь двадцать секунд. Затем все пришли к единому мнению. Пилоту было дано соответствующее указание, и Виртц, глядя в иллюминатор, увидел, как устремленное к югу крыло самолета круто накренилось и описало в воздухе дугу в 180 градусов.

Джозефи продолжал поспешно записывать: «Неожиданный вираж и крутой поворот...»

Самолет более не летел в Токио. Однако было неизвестно, куда он направляется сейчас. «Говорят, что мы летим в Даллас», — Писал Джозефи.

В кабине связи Раск вызвал Джорджа Болла и передал ему:

— Мы получили молнию и возвращаемся. Куда нам лететь, в Даллас или Вашингтон?

Но Болл не знал, как быть.

— Через сорок пять минут мы будем на аэродроме Хиккем. Я позвоню вам оттуда, — сказал государственный секретарь.

Сидевший рядом с ним Пьер наконец соединился с командованием военно-воздушных сил и договорился о том, что на аэродроме Хиккем будет стоять на старте заправленный горючим реактивный самолет, который срочно доставит его и Раска в аэропорт Лав Филд в Далласе. Чем больше Раск размышлял, тем логичнее казался ему этот план действий. Однако все эти планы были чистой импровизацией: у Раска не было ни малейшего представления о том, что творилось в Далласе, и он даже не подозревал, что и вице-президент сопровождал президента в этой поездке в Техас.

Вновь переключившись на дежурного по отделу информации Белого дома, Сэлинджер с нетерпением ожидал свежих новостей. Как и Соренсен за завтраком, он вдруг вспомнил и стал с возбуждением обсуждать странное совпадение дат смерти президентов, которые следовали

тайнственному двадцатилетнему циклу. Кто-то из министров возразил, что нельзя всерьез принимать случайные совпадения. К тому же эта теория не выдерживает никакой критики после того, как Рузвельт четыре раза избирался на пост президента. Все заговорили разом, перебивая друг друга и рассуждая с нарочитым оптимизмом. Фримэн с какой-то одержимостью доказывал, что ранение в голову не обязательно должно привести к смертельному исходу. Он сам, как бывший офицер морской пехоты, перенес ранение в голову в боях под Бугенвилем и полностью оправился.

— «Придорожный», не прерывайте связи, — передал капитан Халлет. — Мы пытаемся проверить достоверность полученных сообщений.

Прошло тридцать секунд.

— «Информация» вызывает «Придорожного». Мы все еще проверяем. Поддерживайте о нами непрерывную связь.

Прошло еще тридцать секунд.

— «Придорожный», не отходите от аппарата!

— Я здесь, — ответил Пьер.

И так повторялось каждые тридцать секунд. На Пьера нахлынули воспоминания. В его памяти оживали сцены из прошлого, критические ситуации, когда он был рядом с Кеннеди. А вот сейчас, когда он был нужен президенту более чем когда-либо, он находился на расстоянии восьми тысяч миль от него. Раск думал о том же. Никогда он не чувствовал себя столь беспомощным. Президент и страна агонизировали, а он был запечатан в металлическом ящике на высоте тридцати пяти тысяч футов над океаном.

На пятом этаже министерства юстиции, на углу Девятой-стрит и Пенсильвания-авеню, Эдгар Гувер поднял трубку аппарата прямой связи с секретариатом министра юстиции. На звонок ответила Анжи Новелло, личный секретарь Роберта Кеннеди, в ужасе разглядывавшая кусок телетайпной ленты, которую держала перед ней плачущая навзрыд секретарша отдела печати.

— Говорит Эдгар Гувер. — Его механическая манера говорить напоминала отрывистую пулеметную очередь, голос звучал пронзительно. — Вы слышали новости?

— Да, господин Гувер, но я не могу первой сообщить ему об этом.

— Президент ранен. Я сам позвоню министру. Телефонистка Белого дома соединила его с добавочным номером 163 аппарата, находившегося около плавательного бассейна виллы Роберта Кеннеди в Виргинии. Позади виллы раздался звонок. Этель Кеннеди покинула мужчин и подошла к аппарату. Телефонистка сказала:

— Вызывает Директор.

Этель не нужно было уточнять, какой это директор. В чиновном Вашингтоне много директоров, но есть лишь один Директор с большой буквы. Этель ответила!

— Министр юстиции завтракает.

На другом конце бассейна ее супруг только что взглянул на часы. Было 1. 45 пополудни. Он уехал с работы более часа назад. Выбрав бутерброд с рыбой, Роберт Кеннеди сказал Моргенту:

— Надо поскорее возвращаться на совещание.

— Это очень срочно, — сказала телефонистка. Этель высоко подняла белую телефонную трубку и крикнула мужу:

— Звонит Эдгар Гувер.

Роберт Кеннеди понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Директор ФБР никогда не звонил ему домой. Бросив бутерброд, он быстро пошел к телефону. В тот же момент Моргенту увидел, как один из подсобных рабочих, возившийся со своим транзисторным радиоприемником, вдруг сорвался с места и побежал к ним, что-то бессвязно выкрикивая.

Министр юстиции сказал в трубку, что он у телефона.

— У меня для вас новость президента ранили, — сказал Гувер голосом, лишенным каких-либо интонаций. Наступила пауза. Роберт Кеннеди спросил:

— Насколько серьезно его ранили?

— Думаю, что положение тяжелое. Пытаюсь узнать подробности, — сказал Гувер. — Я

позвоню вам, как только узнаю что-нибудь новое.

Директор ФБР повесил трубку. Повесил трубку и министр юстиции. Он направился было обратно к жене и своим двум озадаченным гостям, которые только сейчас начали понимать невнятное бормотание рабочего. На полпути Роберт Кеннеди остановился, словно пораженный молнией. Только сейчас он понял, о чем идет речь. Челюсть его отвалилась. Моргентау рассказывает, что все его тело свела судорога ужаса.

— Джека ранили, — выдавил он из себя и закрыл лицо руками.

Его первой сознательной мыслью было желание немедленно лететь к раненому брату. Он попросил Макнамару предоставить ему самолет и побежал в комнаты, чтобы одеться. Затем Роберт Кеннеди позвонил в Даллас и через Клинта Хилла распорядился, чтобы в госпиталь привезли католического священника.

— Хорошие ли у них там доктора? — спросил он и: — Как ведет себя Джекки?

Он еще несколько раз говорил по телефону с Макнамарой, которому сказали, что получаемая им информация исходит от военной разведки, но он по ошибке решил, что речь идет о Центральном разведывательном управлении. Один раз ему позвонил по телефону шеф ЦРУ Джон Маккоун, который в действительности сам черпал новости из телевизионной передачи комментатора «Коламбия бродкастинг компани» Уолтера Кронкайта.

Здание Центрального разведывательного управления находилось в пяти минутах езды на автомобиле от виллы Кеннеди Хиккори Хилл, и Роберт Кеннеди попросил Маккоуна заехать за ним.

По дороге Маккоун, глава ведомства, имеющего самое прямое отношение к разного рода международным заговорам, был занят мыслью, которая не покидала его с того момента, когда запыхавшийся помощник впервые сообщил ему о покушении. Он думал, не были ли выстрелы в Далласе результатом одного из таких заговоров. Он не располагал никакими разведывательными данными по этому поводу и не мог прийти к определенному выводу. Маккоун мог только размышлять о том безудержном фанатизме, который как на дрожжах рос в некоторых американских городах, и особенно в Далласе.

Подбегая то к одному, то к другому телефону, Роберт Кеннеди прошептал: «Да, вокруг было столько ненависти...»

В том крыле кулуаров сената, где обосновались посланцы республиканской партии, заброшенный телетайп Юнайтед Пресс Интернейшнл деловито выстукивал новые факты, дополняя свое историческое сообщение. С грохотом пробудился к жизни и аппарат агентства Ассошиэйтед Пресс. Однако и это обстоятельство осталось бы незамеченным в атмосфере полной апатии, навеянной нудными дебатами о федеральной библиотеке, если бы не неутомимая любознательность сенатора Уэйна Морзе. У аппарата Ассошиэйтед Пресс постоянно дежурила Филлис Рок из секретариата сенатора Морзе. В 13. 41 она подошла к телетайпу и пронзительно вскрикнула. Сидевший поблизости руководитель пресс-бюро Ричард Ридел уронил газету и бросился к ней. Ему бросились в глаза строки телетайпной ленты:

«... фоторепортер Ассошиэйтед Пресс Джеймс В. Альтгенс сообщил, что видел кровь на голове у президента. Альтгенс также утверждает, что слышал два выстрела, но вначале подумал, что кто-то взрывает хлопушки...»

Ни разу на протяжении полувека своей службы в сенате, с того дня, когда он девятилетним мальчишкой поступил на работу в качестве посыльного, Ридел не нарушал протокола. Сейчас же, ворвавшись в зал во время заседания сената, он метался от одного сенатора к другому и, брызжа слюной от волнения, выкрикивал:

— Президент ранен... Президент! Он ранен!

Сенатор Голланд, депутат от штата Флорида, в изумлении воззрился на него; сенатор Дирксен из штата Иллинойс вдруг весь осел, как пустой мешок. Почти в беспамятстве Ридел взывал о помощи, обратив свой взор к трибуне. Там, на председательском месте, он увидел брата президента — сенатора от штата Массачусетс Эдварда (Теда) Кеннеди. В этот момент в одной из раздевалок сената просочившиеся слухи настигли лидера демократического большинства Майкла Мэнсфилда. Он неожиданно вспомнил, что Эдвард председательствовал и в тот день, когда умер Патрик Кеннеди, и поспешил к трибуне. Но его опередил Ридел. Он

взобрался по лестнице к столу председателя и уже причитал:

— Какое несчастье произошло! Это просто ужасно, ужасно!

Сенатор в это время ставил свою подпись под каким-то письмом, и перо в его руке дрогнуло.

— В чем дело? — спросил он.

— Ваш брат... — начал было Ридел, но тут же вспомнил, что у Эдварда два брата. — Ваш брат... президент. Его застрелили!

Сенатор посмотрел на него невидящим взором и, обернувшись, увидел сенатора Голданда, который поспешно пробирался к нему с противоположной стороны, чтобы принять у него молоток председательствующего. Затем он снова спросил у Ридела: — Откуда вам это известно?

— Это передали по телетайпу. Только что передали по телетайпу.

Эдвард быстро сгреб в охапку свои бумаги. Положив руку ему на плечо, Ридел посоветовал:

— Может быть, вы сумеете вылететь в Техас на реактивном самолете. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Нет, — ответил Кеннеди-младший и быстро удалился.

После его ухода в зале поднялся шум. Вся парламентская процедура полетела к черту. Сенатор Морзе предложил сенатору Праути «созвать экстренное заседание всех членов сената». В здании по другую сторону Конститушен-авеню во всех кабинетах сенаторов загудели зуммеры, возвещающие о созыве сената в полном составе. Благодаря этим мерам, дополнившим ранее распространившиеся слухи, а также после звонка секретаря сенатор Черч от штата Айдахо узнал о случившемся, находясь на восьмом этаже здания госдепартамента, где он завтракал с дипломатами. Он тут же сообщил эту новость присутствующим на завтраке Авереллу Гарриману и дипломатам. Предложение Морзе должно было подготовить почву для формального предложения о закрытии заседания сената. Обычай требовал, чтобы это предложение внес глава большинства. Однако Майкл Мэнсфилд был так взволнован, что лишился дара речи. Поэтому с предложением выступил Лидер меньшинстве Дирксен. Но и он забыл при этом дать необходимую для протокола мотивировку. Без всяких формальных объяснений сенат под председательством Голланда просто прекратил работу.

В коридорах здания сената Тед Кеннеди замедлил шаг поблизости от телетайпов. Но ни к одному из них нельзя было пробраться — плотная стена людей окружала оба аппарата. Он свернул в приемную Линдона Джонсона и позвонил оттуда по правительственному телефону 187, добавочный 2001, министру юстиции. Телефон не работал. В трубке не было слышно сигнала. Телефон безмолвствовал. Он еще раз набрал номер и услышал сигнал «занято». Не сознавая, что он делает, Тед кое-как выбрался на улицу. Здесь Теда узнал один из работников секретариата, слушавший последние известия по радио в машине, и подвез его до старого служебного здания сената, где находился его рабочий кабинет.

Тем временем неполадки с телефонной связью принимали все более странный характер. Телефонные вызовы достигали своей цели. Так, представитель «Нейшнл бродкастинг компани» Мартин Агронски без труда соединился с приемной Эдварда Кеннеди и поинтересовался, собирается ли он вылететь в Даллас. Однако, когда Тед заперся в кабинете и снова попытался либо связаться по телефону с братом в министерстве юстиции, либо дозвониться до него через Белый дом, ни один из телефонов не работал. Правда, через минуту один телефон наконец-то подал слабые признаки жизни. Однако телефонистка Белого дома сообщила Теду, что министр юстиции разговаривает с Далласом, а поскольку у Теда, в отличие от Роберта Кеннеди, не было аппарата, связанного с АТС Белого дома, она не могла подключить его к этому разговору. Тед не знал, что в эту минуту его брат говорил по телефону с Клинттом Хиллом. Он даже не знал того, что президент находится в госпитале.

Приехав домой, Тед возобновил отчаянные попытки соединиться с братом по телефону, но и его аппарат тоже безмолвствовал. Знаменитая телефонная компания «Чезапик и Огайо» внезапно стала немой и глухой. Казалось, что телефонные компании вообще перестали существовать. Неожиданный отказ всей телефонной сети заставил Теда и его друзей серьезно

задуматься, не является ли это результатом чьих-то продуманных действий. Испуганная жена Теда сказала:

— Это все неспроста. Здесь замешаны государственные интересы.

Тед предложил обойти соседей, проверить их телефоны и таким путем попытаться найти хоть один действующий телефонный аппарат. Возможно, это был единственный выход из положения. Тед включил телевизор, но комментаторы говорили так туманно, что можно было впасть в отчаяние. Теду нужно было во что бы то ни стало связаться с резиденцией брата в Хиккори Хилл. Боб говорил с Далласом, и он должен был что-то знать. Выйдя на улицу, Тед сказал своему другу Клоду:

— Нам надо разделиться. Ты будешь стучать в двери с правой стороны, я пойду по левой. Если что-нибудь найдешь, скажи мне.

Первая искра, из которой разгорелось бушующее море огня, вылетела из динамика тех домашних, автомобильных и служебных радиоприемников, которые были включены в промежутки времени от 1.36 до 1.45 дня по вашингтонскому времени.

Директор отдела пенсионного обеспечения отставных муниципальных служащих штата Дин Горхэм впервые услышал новость о покушении на президента в своем автомобиле на Техасском шоссе. Однако он продолжал мчаться на большой скорости к концертному залу в Остине, куда он должен был доставить роскошно оформленное меню для большого банкета, которому так и не суждено было состояться. Кухарку вице-президента Элен Уильямс это сообщение по радио застало на кухне его ранчо в Техасе. Закрыв лицо фартуком, она, как слепая, наугад выбежала из кухни, заставленной сотнями тортов, которые потом выбросили на помойку.

Придерживающийся правых взглядов молодой коммивояжер Бернгард Вайсман, тот самый Вайсман, который тоже поставил свою подпись под большим, на целую полосу, в черной рамке провокационным рекламным объявлением в далласской газете «Морнинг ньюс», один из членов «Американского следственного комитета», направленного против Кеннеди, это сообщение услышал в тот момент, когда вместе с другом проезжал по деловой части Далласа. Впоследствии он рассказал, что был так напуган, что его тоже могут заподозрить в подстрекательстве к покушению на жизнь Кеннеди, что он целых четыре часа отсиживался в каком-то баре, где он повторял одно и то же об убийце президента: «Не дай бог, если он член уокеровской группы. Не дай бог, если он один из уокеровских парней»³³.

Нефтяной миллиардер Г. Л. Хант узнал о случившемся, сидя в своем кабинете у огромного дорогого телевизора. Он пригласил в кабинет всех своих служащих, которые хотели посмотреть продолжение сообщения об убийстве Кеннеди, а сам удалился.

В тот момент, когда и издатель далласской «Морнинг ньюс» Тед Дили и Маргарита Освальд смотрели очередную программу местной телевизионной станции, принадлежавшей самому Дили, в телестудию вбежал задыхающийся от волнения диктор, который с трудом выговорил:

— Ужасная новость: президента ранили. Выживет ли он, не знаю.

Дили был просто потрясен таким бестактным поведением диктора. Он считал, что его телерепортеров должны отличать более утонченные манеры.

Маргарита Освальд с интересом следила за передачей. Это была настоящая сенсация. Завтра первые полосы всех газет Форт-Уорта будут полны подробностями, подобно тому как это было, когда ее сын Ли сбежал в Россию в 1959 году. Завтра она сможет прочесть все эти захватывающие новости и еще успеть посмотреть телевизионную программу «Мир сегодня». Лично она не чувствовала, что это в какой-либо мере ее затрагивает. Позднее она так описывала свои чувства: «Я не была расстроена происшедшим. У меня не такой характер. Я в состоянии принимать вещи такими, какие они есть. И что бы ни случилось, я не позволю, чтобы это повлияло на мой сон или аппетит».

Марина Освальд и ее покровительница Рут Пейн узнали о том, что произошло с Кеннеди, сидя дома в Ирвинге у телевизора, перед которым за день до этого провел вечер Ли Освальд.

³³ Имеются в виду сторонники ультраправого генерала Эдвина Уокера.

Рут переводила Марине содержание передачи, потом зажгла свечу.

— Ты что, молишься так? — спросила Марина.

— Да, — ответила Рут, — я так молюсь.

Марина вышла во двор развесить белье. Диктор сообщил, что стреляли из Техасского склада учебников. Рут пошла за Мариной и рассказала ей об этом. Марина ничего не оказала, но тайком пошла в гараж и проверила, лежит ли там свернутое в трубку одеяло. Увидев одеяло и не подозревая, что в нем ничего нет, она прошептала: «Слава богу!» Рут не видела никакой связи между Ли и выстрелами, но подумала, как ей повезло, что у нее есть знакомый в деловой части города, который потом все подробно расскажет.

Выход из строя телефонной связи, носивший в тот момент какой-то зловещий смысл на самом деле был неизбежным следствием всеобщей потребности поделиться страшной вестью. Сейчас невозможно подсчитать, сколько телефонных трубок было одновременно снято с 443994 аппаратов Вашингтона 22 ноября в первые тридцать минут после выстрела, но приводимая телефонной компанией «Чезапик и Потомак» цифра — четверть миллиона междугородных переговоров в течение пятницы — сама по себе является фантастической. Замедленные сигналы при наборе номера, являющиеся свидетельством того, что линии перегружены, по крайней мере в районе города Вашингтона, приняли просто угрожающий характер. Телефоны выходили из строя, затем, когда достаточное количество людей вешало трубки, снова начинали работать, потом опять временно бездействовали и вновь подавали признаки жизни, и так без конца. Скоро это явление распространилось на всю страну. Стало очевидно, что в момент серьезных национальных потрясений одним из наиболее ненадежных звеньев будет телефонная связь, которая первой выйдет из строя.

Обычно последние известия, прочитанные диктором, или информация, полученная по телетайпу, воспринимаются как достоверное сообщение, основанное на фактах.

Однако даже мысль об убийстве президента казалась настолько невероятной, что люди повсеместно с величайшим недоверием отнеслись к этому известию.

Помощнику вице-президента по связи с сенатом Джорджу Рида позвонил один из его сослуживцев и сказал:

— Послушай-ка, Джордж, мне сейчас рассказали совершенно невероятную историю, — и Рида охотно с ним согласился, что все это досужий вымысел. Он не поленился проверить это сообщение лишь потому, что в его обязанности входило звонить Уолтеру Дженкинсу, другому помощнику Линдона Джонсона, во всех случаях, когда в Техасе происходило что-нибудь, заслуживающее внимания.

Когда находившемуся в Остине заместителю директора Корпуса мира Биллу Мойерсу передали, что «президент убит и вице-президент просит вас немедленно приехать», он вначале принял это за шутку дурного тона.

Так же восприняли известие о покушении заместитель государственного секретаря Л. Томпсон, находившийся в вашингтонском клубе «Метрополитен» и помощник президента Артур Шлезингер, который вместе с дипломатом и экономистом Джоном Кеннетом Гэлбрайтом и дочерью владелицы газеты «Вашингтон пост» и еженедельника «Ньюсуик» Кэй Грэхэм был приглашен на обед редакцией «Ньюсуик». Шлезингер увидел в этом сообщении проявление «отталкивающего узколобого чувства юмора».

В Техасе инженер-конструктор Майкл Пейн решил, что это еще один злой анекдот, направленный против Кеннеди. Правда, когда Пейн услышал, что в связи с покушением упоминается Техасский склад учебников, он, в отличие от бывшей супруги, собрался позвонить в ФБР и сообщить о Ли Освальде.

Сама горячность, в какой люди отвергали возможную достоверность этих первых сообщений, не может не навести на определенные размышления. Можно было подумать, что им хотелось верить» что, если они будут отрицать эти неприятные факты с достаточной энергией, в конце концов все кончится благополучно.

Одной из форм отрицания действительности было игнорирование безупречных источников информации и вера в то, что Кеннеди сможет быстро и безболезненно понравиться.

В особняке бывшего посла США в Англии Джозефа П. Кеннеди в Хайяннос-Порт

горничная Дора побежала к лестнице, ведущей на второй этаж, и закричала;

— Энн! Энн! Вы слышали, что случилось?

Двоюродная сестра президента Энн Гарган уже совсем собралась уезжать в Детройт. Она с раздражением отвернулась от сиделки Риты Даллас, ухаживающей за дядей. Ну и взбалмошная девушка эта горничная! Стоит только пуделю улизнуть во двор, как она уже в отчаянии заламывает руки. Однако на этот раз она перешла все границы. Ее вопли могли разбудить дядю Джо или тетю Роз. Подбежав к перилам лестницы, Энн раздраженно спросила:

— В чем дело?

В изложении Доры события в Далласе выглядели следующим образом:

— Кто-то пальнул из ружья в президента.

Вбежав обратно в свою комнату, где она жила вдвоем с сиделкой, Энн включила телевизор. На нее сразу обрушился сплошной поток сообщений. Она впала в панику и сама совершила поступок, за который собиралась только что распекать горничную; а именно: включила динамик телевизора на предельную громкость. В дверях показалась Роз Кеннеди, мать президента.

— Энн, пожалуйста, потише. Я прилегла отдохнуть. Испуганно обменявшись безмолвными знаками, племянница и горничная бросились выключать телевизор, но было уже поздно. Роз Кеннеди успела расслышать сообщение о том, что сын ее ранен выстрелом из ружья. Потрясенная, она опустилась в кресло, и тело ее охватила дрожь. Однако и без телевизора она могла бы оставаться в блаженном неведении о постигшем ее горе самое большее несколько секунд. Зазвонил телефон. Это был Роберт Кеннеди из Виргинии. Он сказал, что «дело принимает плохой оборот» и что, «насколько мне известно, Джек вряд ли выживет».

Повесив трубку, Роз сжалась в комок и крепко крест-накрест обхватила свое тело руками, словно пытаясь спастись от леденящего озноба. Ее лицо мгновенно осунулось.

— Я не в силах сидеть на месте, — сказала она наконец, — я должна двигаться.

Несмотря на две отделявшие их двери, они отчетливо слышали, как она ходила из угла в угол. Энн подумала об отце президента, дремавшем в своей комнате в конце коридора, и тихо заплакала.

В Вашингтоне сенатор Джеймс Фулбрайт и бывший президент Международного банка реконструкции и развития Юджин Блэк заканчивали завтрак в клубе «Эф стрит». У Блэка, как и у многих других, была назначена встреча с Кеннеди сразу же после его возвращения из Техаса. Попивая кофе, он и сенатор обсуждали экономические проблемы. Элспет Ростоу, жена советника госдепартамента, вошла в помещение, где они сидели, как раз перед тем, как появился какой-то человек и выпалил страшную весть. На глазах у Ростоу Фулбрайт вскочил со стула, бросил салфетку на пол и крикнул:

— Проклятье! Я же говорил ему: «Не ездите в Даллас!»

Подобно тому как при тайфуне волны валом вздымаются за килем, нарушая привычный ритм работы паровых винтов и заставляя шкипера действовать вопреки правилам мореходства, чтобы спасти корабль от пробоин, так и страдания выводят человека из обычного состояния.

В своем стремлении сохранить рассудок многие мужчины и женщины в ту пятницу 22 ноября поступали вопреки законам нормального человеческого поведения. Один из ближайших помощников президента в течение двух часов потерял над собой всякий контроль. Впоследствии он даже не мог припомнить, где он был. Но так как никто не видел его в эти часы, то он, вероятно, был в числе многих других, для кого в тот период полное уединение было настоящей необходимостью.

Роз Кеннеди должна была остаться одна в своей комнате. Сестра президента Джин Кеннеди-Смит в одиночестве долго бродила по улицам. Дэйв Хэкет, знавший Боба Кеннеди с детства, не мог оставаться даже в кругу друзей и бегал по городу в поисках пивной, где бы ого никто не знал и где он мог бы, не привлекая ничьих взглядов, выпить.

В Далласе федеральный судья Сара Хьюз, узнав о покушении, не торопясь покинула здание Торгового центра, где должен был состояться официальный прием, и поехала домой. В Вашингтоне посетительница универсального магазина «Лорд и Тэйлор» внезапно обнаружила,

что, кроме нее, в магазине не видно ни души: ни покупателей, ни продавцов, ни даже администратора. При желании она могла бы беспрепятственно унести все, что здесь было выставлено.

У бензоколонки на пенсильванской автостраде служащий отсчитывал сдачу владельцу автомашины с тexasским номерным знаком. Из радиоприемника, стоявшего у кассы, он услышал сообщение о покушении в Далласе. Набрав пригоршню мелких монет, он изо всех сил бросил их прямо в лицо водителю машины. В это время у врача, некой Мэри Макгрори, измерили кровяное давление после того, как она узнала от медицинской сестры о случившемся. И хотя состояние ее здоровья было превосходным и ничто не должно было измениться в характерных для нее показателях давления, оно в результате услышанного ею известия скакнуло вверх столь заметно, что врач вынужден был прописать ей лекарство против гипертонии.

Жена французского посла в Вашингтоне Николь Альфан сидела за завтраком напротив своего мужа и внимательно наблюдала, как изменялось выражение его лица во время телефонного разговора. Она решила, что убит президент де Голль. Когда ей рассказали, в чем дело, она вызвала шофера посла и доехала навести визит Роберту Кеннеди и его семье. Как жена французского посла, Николь привыкла так поступать. В ту минуту для нее это показалось самым простым и естественным жестом. Супруга посла Перу, второго по старшинству в дипломатическом корпусе Вашингтона, нанесла аналогичный визит охваченной горем Жанет Очинклосс — матери Жаклин.

В эти дни очень многие пытались укрыться от кошмарной действительности в потоке привычных мелочей. Два художника из ведомства граверных работ и издательств, потрясенные утратой, аккуратно разложили свои инструменты и начали набрасывать эскиз мемориальной марки, посвященной Джону Ф. Кеннеди. Несмотря на то что они работали без всякой подготовки, отнюдь не рассчитывая на законченность своего произведения, результаты превзошли все ожидания: через четыре дня их гравюра уже была на столе у министра почт и связи, и весной 1964 года марка вышла в свет. Писатели трудились над статьями и некрологами. Композиторы задумчиво перебирали клавиши роялей.

Наиболее близкое к президенту духовное лицо кардинал Кашинг и его паства молились без устали. Вся страна пребывала в состоянии крайнего напряжения. Продолжали выходить из строя телефонные линии. В правительственных кругах продолжали опасаться государственного переворота, бронированный кулак вооруженной мощи США был по-прежнему судорожно сжат по приказу Объединенной группы начальников штабов, объявивших чрезвычайное положение на всех американских военных базах во всем мире. Под влиянием каких-то страшных импульсов люди совершали странные поступки. Многие с трогательным упорством, как и прежде, отказывались смотреть в лицо фактам. Однако с каждой минутой эти маленькие индивидуальные очаги отрицания реальности и неверия становились все слабее.

Люди, ищущие одиночества, сновали по своим комнатам или бесцельно бродили по улицам. Некоторые пытались найти утешение в обществе других, завязывали близкое знакомство с совершенно посторонними людьми, чтобы больше никогда с ними не встретиться. Сохранившие способность к анализу ломали голову над мотивами покушения, над тем, кто стоит за спиной убийцы. — Почти все предположения вели в одном направлении. Политическая физиономия убийцы тоже мало у кого вызывала сомнения. Общая точка зрения сводилась к тому, что он и его сообщники, существование которых в равной мере не подвергалось сомнению, были агентурой воинствующих правых сил. Так думали даже члены Общества Джона Бэрча. На следующее утро во многих городах люди пересказывали друг другу слова того или иного неблагоразумного вожака местных ультраправых организаций, публично выразившего свою радость по поводу трагедии в Далласе.

Сенатор Хьюберт Хэмфри из Техаса, ехавший в автомобиле по Массачусетс-авеню, слушал сообщение по радио и испытывал; чувства ярости и сочувствия. Он возмущался теми, кого он мысленно именовал «рафинированными нацистами» Далласа. В то же время он не мог не питать сочувствия к остальной части его жителей, которые столь нуждались в «симпатии и понимании». «Свобода, — написал он на следующий день в своей записной книжке, — стала привилегией. Свобода слова была извращена и поругана». Ее превратили «в орудие злобной

пропаганды и ненависти, которые способны толкнуть людей на преступление, подобное тому, которое было совершено против нашего президента в Далласе». В тот момент, когда Хэмфри слушал радиопередачу в своем автомобиле, его еще можно было отнести к разряду «неверующих». Но сознание его уже начало собирать и сортировать фрагменты фактов и воссоздавать подлинную картину. Он глубоко сочувствовал семейству Кеннеди, и особенно овдовевшей супруге президента. В его личной записи, сделанной в субботу 23 ноября под свежим впечатлением, он не скрывает и своих опасений по поводу состояния здоровья вице-президента. «Я знал, что это ужасный удар для него, и очень беспокоился, как бы он его не сокрушил».

Через несколько минут после того, как стрелки на циферблате далласских часов показали 13 часов пополудни и главный нейрохирург Парклендского госпиталя Уильям Кемп Кларк констатировал смерть Джона Ф. Кеннеди, приемник в автомобиле сенатора Хэмфри, как и радиоаппараты по всей стране, сообщил, «что в госпиталь к президенту прибыли два священника». Сообщение о том, что президент равен в голову, само по себе наводило на мрачные мысли. Однако это новое сообщение явилось первым конкретным указанием на тот зло-вещий оборот, который могли принять события. В силу вынужденной централизации новостей страна узнала об этом раньше тех, кто толпился в хирургическом отделении «скорой помощи» Парклендского госпиталя, куда направились эти два священника. Слова доктора Кларка не были услышаны за пределами палаты № 1. Ближайшие соратники Кеннеди, находившиеся в хирургических кабинетах за несколько шагов от его палаты, по знали о том, что произошло. Однако 75 миллионов радиослушателей и телезрителей узнали о прибытии священников в Парклендский госпиталь. Имена священников были неизвестны, но в любом случае эти имена не имели значения. В отличие от кардинала Кашинга преподобные отцы Оскар Хьюбер и Джеймс Н. Томпсон отнюдь не пользовались репутацией столпов церкви. Это были скромные приходские священники Далласа. Сейчас их пригласили лишь потому, что церкви, в которых они служили, находились поблизости от госпиталя, где лежал обреченный на смерть президент. Они прибыли в госпиталь в тот момент, когда Уильям Кемп Кларк покинул свой пост у изголовья президента. Жаклин Кеннеди, словно тень, беззвучно скользнула мимо доктора Беркли и посмотрела на тело мужа. Белая простыня, которой прикрыли убитого президента, оказалась слишком коротка для его роста. Из-под простыни виднелось его лицо. С того места, где стояла Жаклин, рана не была видна. Если бы не его глаза, она могла бы подумать, что с ним ничего не случилось.

Выражение лица Джона Кеннеди было почти естественным — оно не выдавало ни страха, ни агонии. Напротив, черты лица излучали глубокое сострадание к окружающим. Это выражение подчеркивалось скорбной складкой рта. Жаклин смотрела и смотрела, как замороженная. В палате уже раздавались какие-то новые звуки. С шумом вывозили медицинскую аппаратуру, хлопала педаль ведра для запачканных марлевых салфеток, раздавалось шуршание свертываемых прозрачных клеенок и приглушенный звук пропитанной кровью одежды, бросаемой на дно дорожных сумок, сдавленные рыдания доктора Беркли. Но стоявшая у изголовья президента вдова безмолвствовала. Сержант Даггер подумал, что она столь же неподвижна, как ее покойный супруг. Жаклин стояла рядом с широкими, атлетическими плечами Кеннеди. Сжав руку мертвого мужа, она пристально вглядывалась в лицо, которое было ей так дорого. Собранный и горделивый стояла она у изголовья супруга, когда вошел первый священник.

Для большинства присутствующих приход священника предвещал начало нового акта трагедии.

Люди почти не видели его черную сутану. Каждый, кто стоял в эти минуты в коридоре и палатах госпиталя, был потрясен. «Все кончено», — подумал Генри Гонзалес, взглянув на приземистого пастора. Мак Килдаф шепнул Альберту Томасу:

— Похоже, что он скончался!

Килдаф подошел к пресс-секретарю Жаклин Кеннеди Памеле Турнюр и, запинаясь, сказал ей:

— Они вызвали священника.

Хирург Мак Перри ничего не замечал. Он все еще сидел в коридоре, когда священник

прошел мимо него. Перри даже не заметил его. Его карие глаза остекленели от усталости, а лицо перекошилось. Хирург, не мигая, уставился на стену, покрытую изразцами, как будто бы там искал ответа на терзающий его вопрос.

Священник Хьюбер направился к Жаклин Кеннеди. Глаза его были полны ужаса, но лицо оставалось бесстрастным, как мраморное изваяние.

— Благодарю вас за то, что вы пришли. — Эти слова были сказаны ею шепотом, но отчетливо и сухо. — Помолитесь за него.

Голова Жаклин упала на грудь, ее тело склонилось вперед. Священник Томпсон подождал, пока она пройдет мимо медсестры. Хьюбер спросил:

— Вам нужен врач?

Жаклин выпрямилась и попыталась улыбнуться.

— О нет.

На самом же деле она нуждалась в докторе. Еще немного, и она потеряла бы сознание. Сестра принесла холодный компресс. Жаклин наклонилась и плотно прижала его ко лбу. Она держала его до тех пор, пока не прошла слабость.

Когда все было кончено, отец Хьюбер и отец Томпсон, с трудом собравшийся с силами, пошли мимо огороженных кабин в коридор. У дверей их встретил один из агентов охраны и многозначительно оказал Хьюберу: — Святой отец, вы ничего не видели и не знаете о случившемся!

Оба священника утвердительно кивнули головами. Однако обещание было не так-то просто выполнить. Проходя по коридору, они старались никому не отвечать. Однако около автомашины их нагнала толпа репортеров, мчавшихся в импровизированный пресс-центр, но заметивших по пути черные сутаны. Впереди всех несся корреспондент журнала «Тайм» Хью Сайди. Отец Томпсон сидел уже за рулем, а престарелый Хьюбер открывал дверцу машины, когда корреспонденты взяли их в кольцо. Томпсон решительно отказался назвать свое имя. Хью Сайди в упор спросил: — Он умер?

Священник Хьюбер глубоко вздохнул и ответил:

— Да, умер.

Никто и не подумал выключить радиоприемник в открытой машине вице-президента, и корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Том Уиккер, проходивший мимо покинутого автомобиля, с изумлением услышал, как из репродуктора механический голос возвестил:

«Президент Соединенных Штатов Америки скончался. Повторяю, только что объявили, что президент Соединенных Штатов Америки скончался».

Уиккер перепрыгнул через железную ограду и крикнул Сайди:

— Хью, только что передали, что президент умер. По-моему, это официальное сообщение.

Сайди опустил голову, он не мог говорить. Уиккер помчался в пресс-центр.

Официально еще ничего не было сказано. Слова какого-то священника были слишком невесомы. Однако нельзя было бесконечно тянуть с официальным сообщением: пробило уже 13. 15. Четверть часа назад врачи констатировали смерть президента, и хотя в отделении неотложной помощи еще никто не знал о том, что отец Хьюбер проговорился, то даже если бы они об этом узнали, вряд ли сочли это удивительным. Долго хранить такую потрясающую тайну было невозможно. Слишком много людей было в палате, где умер президент.

Мак Килдаф отвел в сторону Кена О'Доннела и спросил:

— Он скончался? О'Доннел односложно подтвердил его предположение.

— Это, конечно, самое неподходящее время обращаться к тебе с таким делом, — продолжал Килдаф, — но мир должен узнать о том, что президент Кеннеди скончался.

— А разве это еще не известно? — спросил Кен.

— Нет, я еще не сделал официального сообщения.

— Значит, тебе придется сделать это сейчас. Но согласуй это с Линдоном Джонсоном.

Один из агентов охраны провел Килдафа по белому лабиринту отделения легких травм госпиталя. В самом конце поворота, направо, Килдаф увидел широкую спину конституционного преемника Кеннеди. Кашлянув, Килдаф обратился к нему:

— Господин президент!

Впервые Джонсона называли президентом. Он обернулся И, как вспоминал позднее

Килдаф, «посмотрел на меня, словно я был персонажем из мультипликационного фильма Диснея». Килдаф попросил согласия Джонсона на официальное сообщение о смерти Кеннеди. Джонсон отрицательно покачал головой.

— Нет, постойте! Мы еще не знаем, что это. Может быть, это коммунистический заговор. Мне нужно скорее отсюда уехать и добраться до самолета. Все ли готово для того, чтобы вывезти меня отсюда?

Секретная служба все подготовила, и Джонсон это знал, но он хотел покинуть Парклендский госпиталь до того, как пресса узнает о случившемся. Перебросившись несколькими торопливыми словами с агентами охраны, Килдаф понял, в чем дело. В 13. 20 он снова обратился к Джонсону и "сказал:

— Я сделаю официальное сообщение, как только вы покинете госпиталь.

— Ладно, как только я уеду, объявите о смерти, — сказал Джонсон.

Килдаф сопровождал Джонсона до запасного выхода. Когда, они вышли на улицу, их окружили репортеры.

— Что вы можете сообщить нам? — настойчиво спрашивали они.

Накупившись, Килдаф молча пробирался сквозь толпу и затем уныло побрел по лужайке к аудитории № 101 — 102. Но ему лишь показалось, что он избавился от всех и остался один. Генерал-майор Тэд Клифтон, еще не оправившийся от удара, ожидал его, чтобы подсказать ему маловразумительную мысль, что он может понадобиться в качестве свидетеля. Когда он попытался войти с противоположного входа в госпиталь, навстречу ему попались корреспондент Юнайтед Пресс Интернейшнл Мерримэн Смит и корреспондент Ассошиэтед Пресс Джек Белл, которые шумно приветствовали его. Корреспонденты телеграфных агентств только что покинули свои столь важные посты у телефонных аппаратов. Узнав, что предстоят какие-то новые важные известия, они окружили Килдафа и требовали ответов. Однако Мак не поддавался на их уговоры и провокации. Он упрямо тряс головой, повторяя, что не скажет ни слова до начала пресс-конференции.

Всего лишь час назад аудитория № 101 — 102 напоминала собой двойную классную комнату современного школьного здания. А теперь в помещении толпились взволнованные репортеры. Несколько секунд назад Хью Сайди рассказал им о своей беседе с отцом Хьюбером. Никто уже не сомневался в содержании предстоящего сообщения. Однако оно еще не носило официального характера, и, когда Килдаф медленно поднялся на возвышение, послышались отдельные голоса, нетерпеливо призывавшие присутствующих к порядку:

— Тише! Тише!

Наступила тишина. Но Килдаф, глаза которого покраснели от слез, а руки дрожали, не в состоянии был произнести ни слова. Наконец он заговорил и попытался сказать присутствующим, что это не обычная для него пресс-конференция, но не смог — и замолк. Ведь то, что он должен был сказать, уже не было новостью для них. Поразмыслив, он вместо этого попросил разрешение перевести дыхание. Так он и сделал. Наступила еще более продолжительная пауза. Прошла минута, и Клифтон, пристально разглядывавший Килдафа из-под полуопущенных век, подумал, что тот так и не соберется с силами, не заговорит. Неужели не будет никакого официального сообщения, и они просидят здесь бесконечно долго? А Килдаф в это время боролся с подступавшей к горлу судорогой. Наконец слова были найдены. Они не были красноречивы, но могли все же передать смысл случившегося. Ровно в 13. 33 Килдаф, облизав спекшиеся губы, заговорил:

— Президент Джон Ф. Кеннеди...

— Минутку! — закричал вдруг какой-то фотокорреспондент, и раздался щелчок затвора. — ... Президент Джон Ф. Кеннеди скончался приблизительно в час дня по центральному стандартному времени в Далласе.

Толпа репортеров телеграфных агентств хлынула в коридор в поисках телефонов.

В 13. 35 телетайпы Юнайтед Пресс Интернейшнл разнесли по всему свету известие-молнию о том, что

Президент Кеннеди скончался.

А Килдаф продолжал:

— ... скончался в результате ранения в голову выстрелом из ружья. Подробности

убийства президента пока не известны. Госпожа Кеннеди невредима. Губернатор Коннэли ранен. В вице-президента не стреляли.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Том Уиккер попытался было спросить Килдафа, когда будет приведен к присяге Джонсон, но потерял самообладание и умолк. Килдаф, угадав смысл вопроса, в свою очередь сделал над собой усилие, чтобы ответить, но вместо ответа зарыдал. Однако этот вопрос казался всем сейчас настолько важным, что поднялся еще какой-то корреспондент и снова спросил:

— Приведен ли к присяге вице-президент?

— Нет. Он уехал, — ответил Килдаф.

Он отошел в сторонку, чтобы передохнуть. Но репортеры продолжали осаждать его, требуя выступления медицинского эксперта. Увидев поблизости Хью Сайди, Килдаф хриплым голосом крикнул ему:

— Я не могу сейчас этого сделать.

Вернувшись в отделение «скорой помощи», Килдаф рассказал обо всем доктору Беркли. Беркли, так же как и Клифтон, все еще не мог прийти в себя. Он безучастно спросил Килдафа:

— Сообщили ли вы прессе о том, что я присутствовал при кончине президента?

Пораженный этим неожиданным вопросом, Килдаф ответил ему, что не сделал этого. Беркли неуверенно побрел куда-то и привел Мака Перри. Позднее в аудитории № 101 — 102 к Перри присоединились еще три врача, но он вынес на себе основную тяжесть интервью, и это было ужасно. В зале царил полнейший бедлам. Несколько корреспондентов бились в истерике; в это время задавался вопрос, врач отвечал неясно; внезапно что-нибудь перебивал ответ в задавал новый вопрос, совершенно не относящийся к предыдущему. В этих условиях неправильные толкования были совершенно неизбежны. Даже если бы все это происходило в спокойной и упорядоченной обстановке, результат все равно был бы сомнителен. Но дело осложнялось еще и тем, что ни Перри, ни кто-либо другой из врачей тщательно не осмотрели президента. Они даже не перевернули его тело на грудь (как позже сказал Каррико, «ни у кого не хватило духа сделать это») и потому не видели ранения со спины. Все решили, что рана на шее — результат выстрела с места против движения машины президента. Нельзя было винить репортеров, которые пришли к этому выводу: они не видели тела покойного. Источником их информации был Перри, который видел тело.

На вопрос, возможно ли, что одна из пуль попала в президента в результате выстрела, сделанного против Движения его машины, Перри ответил!

— Это вполне допустимо.

Сайди, понимавший, к чему может привести такое заявление, закричал:

— Доктор, понимаете ли вы, что вы говорите? Вы мелете чепуху!

Но было уже поздно. На следующее утро миллионы людей были убеждены в том, что один раз убийца стрелял сверху, с проезжей части переезда, под которым должна была пройти машина президента, а во многих частях света и до сих пор считают эту версию абсолютно достоверной.

Пресса справедливо разделила весь чудовищный калейдоскоп события на два главных потока информации: один — освещающий убийство, другой — преемственность власти. Пока Килдаф пробирался после первой части пресс-конференции в отделение «скорой помощи» и обратно, и после сообщения врачей репортеры гадали о том, где будет принимать присягу Джонсон. Как писал Роберт Донован в «Таймс», выходящей в Лос-Анджелесе, «все сразу же пришли к выводу, что Джонсон, разумеется, будет приведен к присяге в Далласе, так как Соединенные Штаты Америки не могут оставаться в нашем тревожном мире без президента даже в течение такого короткого промежутка времени, который необходим для того, чтобы из Далласа долететь до Вашингтона». В этой связи уместно упрекнуть корреспондентов: судя по всему, никто из них не выступил против предположения, будто пост президента США был какое-то время не замещен. Сейчас оглядываясь назад, это кажется просто поразительным, так как находившиеся в аудитории № 101 — 102 репортеры были опытными корреспондентами Белого дома, освещавшими вступление в должность нового президента США 20 января 1960 года. Им-то уж следовало помнить о том, что на вопрос, «приведен ли к присяге вице-президент Джонсон», следовало ответить утвердительно: в морозный вечер три года тому назад у

Капитолия он присягнул, что по мере сил своих я способен будет «блюсти, охранять и защищать конституцию Соединенных Штатов». И более того, в соответствии с обычаем страны сделал это раньше Джона Кеннеди. А посему междуцарствие не могло иметь места. И существовало оно в то время скорее в умах людей, чем по законам страны. В ту пятницу пополудни над всем доминировал факт самого чудовищного в истории Америки убийства. Убийство ошеломило всех, и потрясенная страна требовала, чтобы было названо имя убийцы. Во время пресс-конференции, однако, никто не поинтересовался именем человека, вступившего на один из самых могущественных постов мира.

Но ответ на этот вопрос уже существовал. Деятельность верховной исполнительной власти не прерывается: у Америки уже был новый глава государства, и звали его Линдон Бейнс Джонсон. И несмотря на то, что даже сам он не сознавал этого, Джонсон находился у власти уже более часа.

Глава четвертая ЛИНДОН БЕЙНС ДЖОНСОН

В оперативном отделе Белого дома капитан третьего ранга Оливер Халлет передал центру связи президентской резиденции указание вернуть самолет с членами кабинета в США и вести его прямо в столицу, не останавливаясь в Далласе. Пролетая к западу от Гавайских островов, помощник президента по связи с прессой Пьер Сэлинджер услышал в кабине связистов ровный голос, передававший радиogramму: «"Чужестранец" вызывает „Придорожного“. Вам надо повернуть назад и немедленно следовать обратно в Вашингтон» (самолет уже развернулся, но в упомянутом оперативном отделе этого еще не знали). Сэлинджер (он же «Придорожный») медленно повторил эти слова. Государственный секретарь Дин Раск в изумлении огляделся.

— Кто такой «Чужестранец»? — спросил он. — Кто сейчас в Вашингтоне?

Находившиеся на борту самолета 86972 его спутники не имели при себе книги шифров и недоуменно глядели друг на друга. По сути дела, книга шифров мало бы тут помогла, так как пассажиры самолета «Чужестранца» действительно не знали. Это был майор Г. Р. Паттерсон, ничем не примечательный офицер центра связи Белого дома.

Капитан Халлет и майор Паттерсон, подобно другим опытным работникам важных государственных ведомств, действовали в силу того, что необходимость принятия мер была очевидна, а правительство находилось в состоянии временного паралича.

Высшая исполнительная власть не терпит пустоты. Она постоянно требует действий. Если бездействует верховная власть, немедленно приходят в движение носители менее значительных полномочий. И поступают они так отнюдь не из корыстных побуждений; просто считают, что определенные мероприятия необходимы, что кто-то должен взять на себя ответственность за их осуществление. И они абсолютно правы, ибо единственная альтернатива — анархия.

Если бы вице-президент Джонсон вступил в должность президента, находясь в Парклендском госпитале, в 13 часов 22 ноября, никакого вакуума не было бы. Преемственность высшей государственной власти была бы восстановлена немедленно. То, что он этого не сделал, можно объяснить неясностью, существующей в вопросах преемственности, которая вот уже 122 года ставит в тупик специалистов в области государственного права. Американская конституция, это несовершенное порождение классики, устанавливает в пятом параграфе первого раздела второй статьи, что «в случае отстранения президента от должности или его смерти, отставки или неспособности осуществлять связанные с указанной должностью права и обязанности таковые должны перейти к вице-президенту». В этом определении заключена грамматическая неясность, которая должна была бы заставить покраснеть отцов — основателей Соединенных Штатов. Ведь к чему относится слово «таковые»?³⁴

Если речь идет о «правах и обязанностях», то во всех перечисленных в конституции случаях вице-президент продолжает оставаться вице-президентом, пользующимся правами и

³⁴ Употребленное в этой статье конституции английское слово the same может быть переведено и как «таковые» и как «таковая».

выполняющим обязанности главы исполнительной власти до тех пор, пока народ не сможет избрать нового президента. Теперь нам известно, что создатели конституции хотели именно этого. Записи четвертого президента США Джеймса Мэдисона, опубликованные много лет спустя после его смерти, рисуют убедительную картину конфиденциального обсуждения этой проблемы и 1787 году³⁵. Творцы американской конституции никогда не помышляли о том, что функции верховной исполнительной власти могли перейти к человеку, не избранному на должность президента. Одобренный ими текст гласил, что в случае смерти президента вице-президенту надлежало исполнять его обязанности «до тех пор, пока не будет избран новый президент». Но это не допускающее кривотолков положение затем было исключено редакционной комиссией конституционного конвента в составе пяти человек. В результате толкование конституции США стало искусством, недоступным простым смертным.

Следует заметить, что работа, содержащая наиболее глубокий анализ толкований пятого параграфа первого раздела второй статьи конституции, была написана шестьдесят восьмым министром юстиции США Робертом Кеннеди в 1961 году. На основе этого анализа он пришел к следующему выводу: по смыслу того, что имел в виду конституционный конвент, в случае смерти президента «вице-президенту переходят лишь полномочия и обязанности президента, но не сама его должность».

Однако записи Мэдисона увидели свет слишком поздно; и авторы второго возможного толкования пятого параграфа отнесли слово «таковые» не к «правам и обязанностям», присущим должности президента, а к «указанной должности» президента. Это толкование и утвердилось, будучи освящено прецедентом, возникшим тогда, когда впервые его пришлось применять на практике.

В 1841 году только что избранный президентом США Уильям Генри Гаррисон простудился в день церемонии его вступления в должность и стал первым американским президентом, скончавшимся во время пребывания на этом посту. У его вице-президента Джона Тэйлера, который не знал о записях Мэдисона, не было и тени сомнения в своем праве занять «указанную должность». Правда, ряд видных американских государственных деятелей того времени, особенно Генри Клей и бывший президент Джон Куинси Адамс, придерживались иной точки зрения. 16 апреля 1841 года, через семь дней после вступления Тайлера на пост президента, Адамс сделал язвительную запись в своем дневнике по поводу «господина Тайлера, мнящего себя президентом... а не вице-президентом, исполняющим обязанности президента». У Тайлера нашлись, однако, влиятельные союзники, главным образом в лице государственного секретаря Даниэля Вебстера. К тому же он успел уже обосноваться в Белом доме. Время и сила привычки работали на него. К концу июня даже Адамс титуловал его не иначе, как «господин президент».

В течение следующего столетия смерть возвела в ранг президента еще шесть вице-президентов — Милларда Филмора, Эндрю Джонсона, Честера Артура, Теодора Рузвельта, Кальвина Кулиджа и Гарри Трумэна. Теперь никто уже не оспаривал их претензий на «указанную должность».

Осуществление преемственности высшей исполнительной власти в США путем вступления вице-президента на оказавшийся вакантным пост президента стало, таким образом, автоматическим или, точнее говоря, почти автоматическим. Но Тайлер сделал еще кое-что, последствия чего приобрели особое значение во время событий в Далласе. Как ему было известно, параграф седьмой первого раздела второй статьи конституции предусматривает, что верховный глава исполнительной власти должен присягнуть на верность конституции «до того, как он приступит к выполнению обязанностей президента». Хотя Тайлер уже приносил такую присягу — в качестве вице-президента, — он решил для вящей убедительности сделать это вторично. 6 апреля 1841 года вторую присягу принял у него главный судья окружного суда округа Колумбия³⁶ Уильям Кранч, который изложил юридическую сторону этого акта в

³⁵ В 1787 г. была принята конституция США.

³⁶ В округе Колумбия находится столица США Вашингтон.

письменном показании, данном им под присягой немедленно после завершения церемонии. В этом документе констатировалось, что преемник президента Гаррисона рассматривал себя как лицо, вполне правомочное занять пост президента «без какой-либо новой присяги, помимо той, которая приносилась им в качестве вице-президента», но что он выразил желание снова присягнуть во избежание «могущих возникнуть сомнений и в качестве дополнительной предосторожности».

Документ Кранча был сдан в Национальный архив и забыт. Однако все помнили эффектную церемонию второй присяги Тейлера, и в последующем все шесть вице-президентов, ставших, как и он, президентами, считали себя обязанными следовать его примеру. Так шаг, первоначально предпринятый в качестве «дополнительной предосторожности», впоследствии приобрел значение акта непомерной важности. Церемония присяги в дни, когда осиротевшая республика оплакивала своих почивших лидеров, становилась своего рода фольклорной ценностью. Даже те экземпляры Библии, на которые новые президенты возлагали руки при присяге, приобретали значение обязательной части этого почитаемого мифа. Конституция, разумеется, нигде не упоминает о Библии.

Во время кризиса влияние мифа возрастает вдесятеро. 22 ноября 1963 года типичный американец, равно как и типичный представитель прессы среди тех, кто «казался в аудитории № 101 — 102 Парклендского госпиталя, находился под впечатлением, что Джонсон должен принести вторую присягу. Американцы и сегодня придерживаются этого убеждения. Мнения же руководителей страны (к сожалению, лишь немногие из них серьезно задумывались над этим) разделились.

Спикер палаты представителей Джон Маккормак, ставший после смерти Кеннеди следующим после Джонсона претендентом на пост президента, отражает широко распространенные заблуждения на, этот счет. Он полагает, что Джонсона необходимо было привести к присяге как можно скорее, так как, по его словам, «страна должна иметь президента». Председатель Верховного суда Уоррен разделяет его мнение. Он мотивирует это тем, что присяга в таких условиях необходима для официального подтверждения верности конституции со стороны нового главы государства. Когда Уоррену напомнили, что Джонсон уже приносил такую присягу как вице-президент на церемонии вступления в должность президента Кеннеди, Уоррен ответил:

— Да, но он делал это не в качестве президента.

Однако просвещенные авторитеты стоят на иной позиции. Федеральный прокурор в Далласе Бэрфут Сандерс считает, что Джонсон стал президентом в тот момент, когда оборвалась жизнь Кеннеди. Этой точки зрения придерживаются Роберт Кеннеди, Никлас де Катценбах, ставший преемником Р. Кеннеди на посту министра юстиции. Хьюберт Хэмфри, которого Джонсон избрал своим вице-президентом, пылко заявляет:

— Вице-президент становится президентом тотчас же, как только президента уже нет. Позднее, принося присягу, он лишь облачается в официальную тогу. Но этот акт носит чисто символический характер.

Самую бескомпромиссную позицию занимает бывший президент Эйзенхауэр. По мнению Эйзенхауэра, который решительно отвергает идею вторичной присяги, Джонсон стал президентом в тот момент, когда уже не было сомнения, что Кеннеди находится при смерти, то есть еще до того, как главный нейрохирург Парклендского госпиталя Уильям Кемп Кларк засвидетельствовал факт смерти. Бывший президент считает, что Джонсон был правомочен подписать любой законодательный акт после 12. 30. Если бы в стране возникла критическая ситуация в период между 12. 30 и 14. 38, когда Джонсоном была принесена вторая присяга, и он не принял бы необходимых мер, то, по мнению Эйзенхауэра, это означало бы, что он не выполнил своего долга и его следовало бы предать суду.

Едва ли Джонсон задумывался над этими сложными проблемами до того, как грохот выстрелов заставил его столкнуться с ними лицом к лицу. Полтора года спустя он заявил в беседе с автором этих строк, что, по его мнению, «вице-президент становится президентом сразу же после смерти президента. Он обязан после этого принести присягу, но в осуществлений высшей исполнительной власти не может быть никакой паузы». Джонсон, как известно, принес вторую присягу и видимо, в силу этого чувствовал себя обязанным

отстаивать необходимость этого акта. В остальном же его высказывание полностью совпадает с мнением авторитетных юристов. Однако это заявление было сделано им после того, как ему разъяснили все аспекты данной проблемы. Джонсон признал, что в Далласе у него было иное представление об этом. Хотя понимание своей новой ответственности возникло у него, по его словам, незамедлительно, полное осознание и субъективное отождествление себя с главой исполнительной власти пришло постепенно.

Должно быть, каждый вице-президент обязан предвидеть последствия возможной смерти президента, однако добиться этого нелегко. Вряд ли есть основания полагать, что семь вице-президентов, столкнувшихся с подобным положением до Джонсона, серьезно задумывались над ним заранее. Отношение американских политических деятелей к Белому дому носит в высшей степени противоречивый характер. Они одновременно и жаждут стать его хозяевами и опасаются этого поста. Вице-президенты, как, впрочем, и президенты, не любят задумываться над тем, что их отделяет от Белого дома лишь биение одного сердца, и Когда это сердце внезапно перестает биться, они неизменно бывают ошеломлены. 14 апреля 1945 года Трумэн, беседуя с представителями прессы, сказал:

— Не знаю, приходилось ли вам, ребята, когда-нибудь испытывать такое чувство, словно на вас свалился стог сена или бык. Мне же вчера показалось, что и луна и звезды всей своей тяжестью обрушились на мои плечи.

Следует поразмыслить над этой реакцией Трумэна, если мы хотим увидеть в правильной перспективе процесс перехода власти, совершившийся в Далласе. Трумэн находился в Вашингтоне, когда из Уорм Спрингс поступило известие о кончине президента Франклина Рузвельта. Трумэна ничто не связывало с этим местом. Его предшественник умер своей смертью. Не было никакого насилия. Положение же, в котором оказался Джонсон в Далласе, было ужасным.

Президент Кеннеди совершал поездку по родным местам вице-президента, и достаточно было двадцати четырех часов для того, чтобы в результате яростной схватки между губернатором штата Техас Коннэли и сенатором от того же штата Ярборо этот официальный визит стал бедствием для Джонсона. 22 ноября в 12.29 его звезда почти закатилась. Он сидел, обмякнув на заднем сиденье своей открытой машины, оставаясь глухим к раздававшимся вокруг него приветственным крикам и стараясь найти утешение в оглушительном реве автомобильного радиоприемника. Его престиж был подорван, и в эту минуту он, вероятно, утратил надежду на его восстановление. И вдруг, спустя шестьдесят секунд, президент и его супруга лежали и луже крови, а Линдон Джонсон стал главой государства.

Одного мгновения, всего лишь мгновения, пока автомашина миновала трещину в сером техасском асфальте, оказалось достаточным, чтобы в корне изменить его жизнь и историю его страны. Джонсон не мог знать, почему это произошло. Однако с юных лет политика была его стихией, и едва только антенны его мозга начали улавливать складывавшуюся ситуацию, как он сразу же учел факт колоссальной важности — в глазах Соединенных Штатов и всего мира убийство в Техасе поставило техасца у власти. Катастрофа в Далласе ударила по Джонсону больней, чем по кому-либо другому в этом городе. Необходимо все время помнить об этом беспрецедентном шоке, чтобы понять, почему вице-президент вначале находился в каком-то оцепенении, а некоторые из его поступков тогда были непостижимыми. Суммировать всю силу воздействия первоначального шока на Джонсона можно, лишь восстановив в обратном порядке ход событий с момента, когда в 12.36 Леди Бэрд, супруга Джонсона, бросив испуганный взгляд на розовое пятно в президентской машине, ринулась в госпиталь вслед за окружавшей ее мужа группой агентов охраны.

В 12.36 медицинская сестра Берта Лозано дежурила в приемной отделения «скорой помощи» Парклендского госпиталя, где происходило первоначальное ознакомление с поступающими пациентами, которых затем направляли для соответствующего лечения. Ее стол находился в главном коридоре примерно на полпути между помещением, куда поступали пациенты, доставленные на машинах «скорой помощи», и широкой дверью, ведущей в палаты для тяжелобольных и прикрывающей все подходы к операционным. Попасть в хирургическое отделение можно было, лишь миновав стол сестры Лозано. Поэтому любой неожиданный

посетитель попадал в поле зрения сестры, а ее наметанный глаз ничего не упускал. К несчастью, растерявшиеся телефонистки не сообщили ей, что в президента Кеннеди только что стреляли на Элм-стрит.

По словам Берты Лозано, все было спокойно, и она не знала ни о чем необычном.

— Внезапно, — говорила она, — я услышала, как распахнулась дверь и масса далласских полицейских, ворвавшихся в коридор, завопила о помощи, требуя, чтобы я привезла каталку.

Сестра быстро сбегала в гинекологическое отделение и привезла оттуда носилки на колесах. Затем мимо нее прокатили на носилках пациента, лицо и голова которого были укрыты пиджаком. Одновременно ее захлестнула волна энергично пробивающихся вперед мужчин. Вдруг толпа расступилась, и Берта увидела перед собой Линдона Джонсона.

— Я взглянула на него и узнала его, — рассказывала она. — Только теперь я поняла, кого только что провезли мимо меня на носилках.

Агентам охраны Джонсона Руфусу Янгбладу и Эмори Робертсу, у которых не выходила из головы мысль о заговоре, все помещения казались западней. Янгблад попросил сестру провести их в тихое помещение. Она повела их в отделение, куда поступали пациенты с незначительными травмами.

Леди Бэрд последовала за ними, охваченная растущей в ее душе тревогой. В автомобиле она просто не обращала внимания на истерические крики сенатора Ярборо, но игнорировать агентов охраны, окруживших Джонсона, она уже не могла. До сих пор секретная служба обеспечивала ему лишь символическую охрану. Но сейчас все делалось всерьез. Озабоченность агентов передалась Леди Бэрд, и ее страх усугублялся тем, что их «ели по какому-то лабиринту».

Сестра Лозано в точности выполнила требование Янгблада о тихом помещении. Палата № 13 действительно была самым спокойным местом на всем этаже. Это помещение оставалось незанятым потому, что оно непосредственно граничило с входом в приемную отделения «скорой помощи». Конечно, это было совсем не то, что имел в виду Янгблад. Если бы новому убийце удалось напасть на след и приехать вслед за кортежем президента в госпиталь — а в возникшей суматохе единственным затруднением для него было бы найти место для стоянки своей автомашины, — то он имел бы теперь неплохие шансы на успех. Несмотря на то что он не видел бы своей цели, его задача облегчалась тем, что общее окно палат № 12 и 13 было единственным на первом этаже на этой стороне здания. Его опущенные жалюзи вместе с тем привлекали к себе "внимание. Не требовалось особой смекалки, чтобы догадаться, что именно за этим окном находится преемник Кеннеди, уязвимый для очереди из автомата или взрыва ручной гранаты.

Джонсон стоял спиной к стене и вдыхал пары карманного ингалятора, постоянно находившегося при нем для облегчения дыхания. Нагнув голову, Джонсон зажимал одну ноздрю, делал глубокий вдох и затем повторял эту процедуру другой ноздрей. Было тихо. Джонсон, его супруга и охрана не проронили ни слова. Прислонившись спиной к противоположной стене, Леди Бэрд наблюдала за мужем. «Линдон и я ни о чем не говорили, — вспоминала она позже. — Мы только глядели друг на друга, обмениваясь взглядами. Мы оба знали, чем все это может кончиться».

Они не были уверены в исходе. Они ждали, объятые нерешительностью, стремясь, как и все, узнать, что происходит. Джонсон послал одного из телохранителей за старшим группы агентов его охраны Роем Келлерманом. После неизбежных блужданий по лабиринту госпиталя он случайно наткнулся на хирургическое отделение и привел Келлермана.

— Рой, можешь ли ты мне сказать, каково состояние президента? — спросил Джонсон.

— Президент Кеннеди ранен, — ответил Келлерман. — Он еще жив. Положение тяжелое.

— Держите меня в курсе событий, — попросил Джонсон.

Рой ответил:

— Слушаюсь, сэр. — Он искренне хотел выполнить свое обещание, но ему не суждено было снова увидеть эту часть этажа. Когда он вернулся в хирургическое отделение, на него обрушилась масса дел.

В дверь палаты № 13 просунулась голова Кена О'Доннела. — Дело плохо, — сказал он. — По-моему, президент скончался.

Джонсон ничего не ответил. Теперь ему оставалось только ждать.

Тем временем к нему стали стекаться люди. Первым был агент охраны Лем Джонс. Обогнув будку кассира, где обосновался корреспондент Юнайтед Пресс Интернейшнл яри Белом доме Мэрримэн Смит и что-то диктовал, Джонс пробежал мимо опустевшего стола приема больных и чуть не столкнулся со связистом Артом Бейлсом у широких дверей, ведущих в хирургическое отделение.

— Вы «человек с мешком»? Ждите здесь! — задыхаясь, выдал из себя Джонс и понесся дальше. Бейлс послал в отделение незначительных травм, где находился Джонсон, Гирхарта, настоящего «человека с мешком». Агенты охраны вице-президента не знали «человека с мешком» в лицо, и ему пришлось сидеть в одиночестве в палате № 8 до тех пор, пока его не нашел там и не опознал Эмори Робертс.

— Четыре конгрессмена — Томас, Брукс, Торнберри, Гонзалес — слонялись между госпитальными кроватями. Генри Гонзалес наугад брел по лабиринту больничных палат, когда помощник Джонсона Клиф Картер придержал его за рукав.

— Слушайте, может быть, вам стоит пойти к вице-президенту. Я очень волнуюсь за него.

Он показал Гонзалесу, как пройти к Джонсону, и конгрессмен заглянул в палату № 13. Внешне там все было спокойно. Джонсон занимался ингаляцией. Гонзалес спросил одного из телохранителей:

— Что, госпожа Кеннеди тяжело ранена? Агент ответил:

— Нет, ранен президент. С ней ничего не случилось. Генри продолжал расспросы:

— Каково состояние президента? Последовал ответ:

— Положение тяжелое.

— Ах ты пропасть, — сказал Генри. Гонзалес был не одинок в своем неведении, кто же стал жертвой покушения.

Впоследствии, пытаясь привести свои воспоминания о происшедшем в какую-то систему, многим удалось восстановить в памяти, кто именно первый сообщил им о смерти президента. Но все они забыли, что в то же самое время до них доходили какие-то другие, отрывочные и безосновательные слухи. Именно эта атмосфера неопределенности и сомнений заставляла их метаться по всем закоулкам, включая помещение, где находился Джонсон. Один из самых первых слухов, разнесшихся по всему госпиталю, был крайне прост: «Никто не остался в живых».

Один из агентов охраны попросил Янгблада, неотступно следовавшего за Джонсоном, позвонить по телефону.

— Я не отойду от него ни на минуту, — последовал резкий ответ.

Одна мысль не покидала Янгблада с того самого момента, как их автомашина подъехала ко входу в отделение «скорой помощи», — поскорее выбраться из госпиталя. Янгблад ломал себе голову над тем, как увезти Джонсона. Не только госпиталь, но и весь город вызывали у него гадливое чувство. Янгблад был человеком исключительно сильной воли, и он был твердо убежден, что, пока они будут в Далласе, он не сможет обеспечить безопасность Джонсона. Даллас стал для Янгблада символом насилия и смерти. Он считал, что дальнейшее пребывание в Далласе было риском, граничащим с безумием. Наикратчайшая дорога к спасению лежала через аэродром Лав Филд. Поэтому надо было немедленно добраться до аэродрома. Эмори Робертс разделял это мнение Янгблада. Вдвоем они настойчиво уговаривали Джонсона, требуя, чтобы он последовал их совету. В их глазах это было единственно разумным решением. Но именно в нем таилось зарождавшееся семя того, что позднее выросло в целую цепь недоразумений.

Люди, близкие к убитому президенту, просто не могли представить себе всю глубину потрясения, пережитого новым президентом, и силы внезапно обрушившегося на него давления. Хотя фактически он уже стал преемником Джона Кеннеди, он еще не успел осознать этого. Сгорбившаяся фигура в палате № 13 мало чем напоминала того уверенного в себе, умудренного жизнью президента, каким позднее привыкла видеть его страна. Пройдет всего лишь несколько месяцев, и он станет доводить до отчаяния охрану, пренебрегая советами телохранителей и командуя ими. Но все это произойдет позднее. А сейчас в Паркленде, ошеломленный случившимся, почти лишенный дара речи, Джонсон охотнее выполнял приказания других, чем давал их сам. Исчезли его самоуверенные манеры. Еле слышно он

шепнул Торнберри:

— Гомер, это самое подходящее время для молитвы.

Два обстоятельства усугубляли смятение, царившее в душе у Джонсона. Джонсон был не единственным, кто в эти минуты оказался не в состоянии полностью осознать тот факт, что он уже стал президентом. Подавленные обрушившимся на них несчастьем, сотрудники Кеннеди также не нашли в себе силы оценить создавшееся положение.

Логически всеми вопросами, связанными с вылетом в Вашингтон, должен был заниматься адъютант президента по ВВС бригадный генерал Годфри Макхью. Агенты охраны дважды обращались к нему с просьбой переговорить с Джонсоном, и он дважды отказывался это сделать, ссылаясь на то, что у вице-президента есть свой собственный самолет.

Другим усугублявшим сумятицу обстоятельством было отсутствие Джерри Бена — начальника группы агентов секретной службы Белого дома. Решение Бена не сопровождать президента в каждой его поездке не только было нарушением сложившейся практики, но оставило без руководства его агентов, уехавших вместе с президентом. Будь здесь в данную минуту Бен, агенты, толпившиеся вокруг Джонсона, и не подумали бы предпринимать что-либо без его санкции. Однако Бен в это время находился в восточном крыле Белого дома и, судорожно зажав в руке телефонную трубку, ждал, что ему сообщит из Далласа его заместитель Рой Келлерман.

Вполне возможно, что, будь на месте Келлермана более энергичный начальник, ему удалось бы удержать в повиновении всех сотрудников секретной службы, находившихся в Далласе, хотя и это весьма сомнительно, так как Янгблад почувствовал себя на коне. Он несомненно превосходил других агентов находчивостью и четкостью мышления. Он пользовался доверием у Джонсона. Он вместе с Робертсом выработал план действий, и ни тот, ни другой отнюдь не собирались докладывать об этом Келлерману. Более того, они даже не советовались с Келлерманом. Хотя Рой Келлерман был начальником охраны и Парклендском госпитале, он даже не знал о том, что ведется подготовка к выезду нового президента из госпиталя. На протяжении получаса он разговаривал и с Янгбладом и с Робертсом, но почему-то именно этот вопрос ни разу не поднимался во время разговора. Лишь позднее и лишь случайно ему стало известно от его подчиненных, что Джонсон уже уехал из госпиталя.

Как только Келлерман ушел в хирургическое отделение к умиравшему Кеннеди, Янгблад и Робертс, оставшись с новым президентом в палате № 13, повели на него форменное наступление. Робертс сказал Джонсону, что видел своими глазами рану на голове Кеннеди.

— Президент не выживет, — сказал он, — давайте выбираться отсюда.

Янгблад добавил:

— Мы не знаем, с чем имеем дело. Нам надо сейчас же уехать отсюда.

— Можно ли проехать в Карсуэлл? — неуверенно спросил Джонсон. Однако такой возможности не было. Янгблад уже посылал Лема Джонса узнать у кого-нибудь из местных полицейских, как проехать на этот аэродром стратегической бомбардировочной авиации США, и, когда Джонс вернулся, все сошлись на том, что до Карсуэлла слишком далеко.

— Надо лететь самолетом, — настаивал Робертс.

— Может быть, самолет потребуется президенту Кеннеди, — сказал Джонсон. Он все еще колебался.

В этих словах был заключен второй источник последующих недоразумений. Никому не пришло в голову спросить Джонсона, какой самолет он имеет в виду. Возможно, как позднее стали считать Робертс и Джонс, все эти разговоры о Карсуэлле сбили их с толку и привели к ошибочному заключению, что самолет вице-президента был направлен на этот военный аэродром. А может быть, агенты секретной службы, так же как и Джонсон, которого они охраняли, находились в плену ореола, созданного прессой вокруг самолета президента Кеннеди. Во всяком случае, в последующих обсуждениях, проходивших в палате № 13, все исходило из предположения, что на аэродроме Лав Филд находится лишь один «боинг-707». В действительности же ничего не менялось: на аэродроме ожидали оба самолета — ни 26000, ни 86970 не покидали Лав Филд. Оба самолета охранялись и имели одинаковое оборудование. Однако, начиная с этого момента, все позабыли о существовании второго, резервного самолета. И Джонсон и его охрана думали лишь о самолете 26000, «ВВС-1», личном самолете президента

США, отождествлявшегося у *всех* в сознании с Джоном Ф. Кеннеди. Джонсон все еще тянул с отъездом. Он сказал своей охране, что не хочет выглядеть нескромным и уедет лишь с согласия кого-либо из помощников Кеннеди, предпочтительно Кена О'Доннела. Робертс направился на поиски О'Доннела в хирургическое отделение.

— Джонсон хочет ехать, — сказал он О'Доннелу. — Может ли он воспользоваться самолетом?

О'Доннел утвердительно кивнул головой. Об этом жесте не следует забывать, учитывая последовавшую неразбериху. Вернувшись, Робертс доложил Джонсону:

— Кен согласен.

Янгблад продолжал бить в одну точку:

— Мы не знаем, что это за заговор или кто у них на очереди. Единственное место, где мы можем быть спокойны за вашу безопасность, — это Вашингтон.

Затем Робертс еще раз пересек коридор, чтобы узнать, как развиваются события в операционной № 1. В 13.13 он снова появился перед Джонсоном.

— Президент скончался, сэр, — сказал он.

«Потрясение и боль» — так позднее описал свои чувства в эту минуту новый президент. Он взглянул на часы и сказал Леди Бэрд и Клифу Картеру, своему политическому советнику:

— Заметьте время. — Затем он добавил, обращаясь к жене: — Мы уезжаем отсюда. Надо это сделать как можно незаметней.

Было ясно, что имелось в виду сделать это как можно быстрее. Джонсон велел Картеру разыскать техасского специалиста по связи с общественностью Джека Валенти, помощника вице-президента Лиз Карпентер и его секретаря Мари Фемер. Янгблад в свою очередь приказал Лему Джонсу:

— Найди машину без правительственных номеров и полицейского, который знал бы Даллас как свои пять пальцев.

События уже разворачивались полным ходом, когда в них вмешалась Леди Бэрд. Ее первой реакцией на сообщение Робертса была волна клокочущего гнева. За тем ей стало трудно дышать. Чувства ее пришли в полное смятение. Вот ее собственные слова:

— Никому еще не приходилось столь быстро переключать скорости. Еще минуту назад я думала о своем ранчо, и вдруг это.

— Могу ли я... — начала было она, но умолкла, а потом твердо сказала: — Я должна повидать госпожу Кеннеди и Нелли.

Супруг по только был согласен, но и пожелал сопровождать ее. Однако Янгблад еще был в весьма значительной степени хозяином положения, и когда он заявил новому президенту, что ему нельзя покидать эту палату, Джонсон отказался от своей мысли. Робертса снова послали в операционную — на этот раз, чтобы осведомиться у Жаклин Кеннеди, сможет ли Леди Бэрд переговорить с ней. Наклонившись, Робертс спросил у нее:

— Вы не будете возражать, если Лэди Бэрд придет сюда, чтобы попрощаться с вами?

Жаклин кивнула головой, и Робертс привел к ней Леди Бэрд. Вместе с ней в качестве добровольного телохранителя пришел конгрессмен Джек Брукс.

Тем временем — пока Робертс и жена Джонсона отсутствовали — палату № 13 вторично посетил Кен О'Доннел и подтвердил Джонсону, что Кеннеди скончался. Последовавший затем разговор между ними и по сей день является предметом спора. Согласно Джонсону, О'Доннел дважды настаивал на том, чтобы он воспользовался самолетом президента «ВВС-1». Как вспоминает Джонсон, он согласился на это при условии, что самолет не взлетит без Жаклин Кеннеди и тела покойного президента.

О'Доннел утверждает, что эта версия «от начала до конца абсолютно и определенно не соответствует действительности». Он говорит, что Джонсон указал на возможность существования заговора и что потому он «согласился с тем, что ему следует как можно скорее выбраться оттуда». О'Доннел вспоминает далее: «Он спросил меня, не лучше ли будет перевести самолет — а я полагал, что он имеет в виду самолет „ВВС-2“, — на военный аэродром Карсуэлл. Я ответил отрицательно. До военного аэропорта тридцать пять миль, и переброска самолета займет слишком много времени. Кроме того, никому, во всяком случае, не известно, что Джонсон собирается уехать из госпиталя на аэродром Лав Филд. Об этом никто

не мог знать».

По поводу самолета 26000 О'Доннел заявляет следующее:

— У нас с президентом вообще не было разговора о самолете «ВВС-1». Если бы мы знали, что президент собирался лететь на самолете «ВВС-1», мы полетели бы на «ВВС-2». Оба самолета были совершенно одинаковыми.

Янгблад поддерживает версию Джонсона, но О'Доннел был явно ошеломлен, когда час спустя увидел чету Джонсонов на борту президентского самолета. Вполне вероятно, что новый президент, говоря с О'Доннелом, упомянул слово «самолет» в связи с базой Карсуэлл, но, вспоминая доклад Робертса о его разговоре с О'Доннелом, решил, что он, Джонсон, и Кон имели и виду один и тот же самолет. Однако кажется маловероятным, чтобы О'Доннел: зная о существовании второго самолета, предложил Джонсону дожидаться прибытия Жаклин Кеннеди.

Кену было хорошо известно, что Джонсон торопится с отлетом. Он также знал, что вдова президента Кеннеди не пожелает уехать из Далласа без тела покойного и потому задержится. Несмотря на шок, в котором он находился, О'Доннел не мог не понимать, что эти два желания взаимно исключают друг друга. Различное толкование беседы Джонсона с О'Доннелом объясняется, по-видимому, общим переполохом.

Есть, однако, и другое объяснение. Возможно, что в момент, который легко мог стать для страны критическим, новый главнокомандующий хотел подчеркнуть свою возможно большую духовную близость к павшему главнокомандующему и исходил из того, что О'Доннел понимает и разделяет это его стремление. Эти соображения представляются сложными и тонкими, но Джонсон, когда он является самим собой, — человек сложный и тонкий. Мы не можем точно определить, когда именно в эту памятную пятницу он сумел взять себя в руки. Судя по всем высказываниям, в том числе и его собственным, покидая палату № 13, он все еще находился под влиянием Янгבלада. Джонсон полностью овладел собой, лишь когда достиг аэропорта Лав Филд. Однако не исключено, что еще раньше в его голове мелькала мысль о том, насколько он выиграл бы, отождествив себя с тем, что сам именовал «ореолом Кеннеди». В свете некоторых замечаний, оброненных Джонсоном на следующий день в беседах со своим окружением, это толкование его разговора с О'Доннелом приобретает дополнительный вес.

Между тем в Парклендском госпитале мужчины рыдали, а женщины хранили горестное безмолвие. Встреча супруг двух президентов вылилась в гнетущую сцену. Глядя прямо перед собой, Леди Бэрд проследовала за Робертсом, как ей показалось, в «зал», где было очень много людей — и все они молчали. Затем она увидела закрытую дверь. За ней Дорис Нельсон обмывала тело покойного президента. У двери стояла молодая вдова.

— Она была «безмолвна, как тень», — вспоминает супруга Джонсона. — Ее глаза словно глубокие колодцы, наполненные горем.

Тишина смерти болью отдалась в сердце Леди Бэрд, и, обняв вдову, она с рыданием воскликнула:

— Джекки, боже, как бы я хотела облегчить вашу участь!

Леди Бард на цыпочках удалилась на второй этаж, где находилась Нелли Коннэли. Атмосфера здесь была совершенно иной; Леди Бэрд и Нелли знали друг друга двадцать пять лет и были близкими подругами. Губернатор был жив. Казалось, сами стены, выложенные ярко-оранжевым кафелем, вселяли добрые надежды. Заключив Нелли в объятия, супруга Джонсона сказала:

— Полноте, не горюйте, он поправится.

Тем временем на первом этаже под ними всюю шли приготовления к отъезду четы Джонсонов. Лем Джонс доложил Янгбладу о том, что начальник далласской полиции Карри окружил аэродром Лав Филд полицейским кордоном. Две полицейские автомашины без опознавательных знаков и с работающими вхолостую моторами ожидали снаружи у госпиталя. За рулем первой машины сидел сам Карри. Джонса снова послали на поиски укромного выхода из госпиталя. В вестибюле Янгблад повстречался с Келлерманом. Хотя Келлерман и не подозревал, что Джонсон вскоре покинет госпиталь, он понимал, как важно усилить его охрану. «Возьмите всю дневную смену — Робертса и его людей, — сказал он, забыв, что Янгблад уже сделал это — Мне оставьте Стаута (Стаут был начальником вечерней смены) и его людей».

По мнению Келлермана, этих мер было более чем достаточно. В дополнение к охране, полагающейся вице-президенту, новый президент получал дополнительно волную смену охраны.

В комнате дежурной медицинской сестры Годфри Макхью заканчивал последние приготовления к полету президентского самолета в Вашингтон. Он был уверен, что на борту будут только Кеннеди. Позвонив полковнику Суиндалу и приказав ему в целях безопасности перевести самолет в другую часть далласского аэропорта, он велел ему составить план полета на военно-воздушную базу Эндрюс, близ Вашингтона. Посоветовавшись с капитаном далласской полиции, дежурившим на взлетной полосе, Суиндал благоразумно игнорировал первую часть полученных указаний. Самолет и так находился в самой безопасной зоне аэродрома. Что касается подготовки к полету, то еще до звонка Макхью он принял необходимые меры. В баки обоих самолетов «боинг-707» начали перекачивать дополнительно семь тысяч галлонов горючего. Имевшегося у них горючего хватило бы лишь до Остина (в Техасе), но не до Вашингтона. Суиндал готовил последний полет покойного президента над страной. Намечавшийся маршрут пролегал через Тексаркану, Мемфис и Нэшвил. Подобно Келлерману, Макхью и всем тем, кто не присутствовал во время переговоров в палате № 13, полковник и понятия не имел о том, что на борту самолета будет находиться еще один президент.

Если бы обстоятельства были менее серьезными, отъезд Линдона Джонсона из Парклендского госпиталя можно было бы назвать истеричным. Он напоминал сцену прощания в одной из кинокомедий Чарли Чаплина, когда после бурных проводов единственными пассажирами тронувшегося поезда оказываются люди, пришедшие на вокзал проводить своих друзей. Некоторым из тех, кто должен был уехать, удалось покинуть Паркленд, но другие не успели этого сделать. Отъезд происходил в обстановке хаоса, суматохи и невероятной путаницы.

— На моих глазах, — заявляет Генри Гонзалес, — сильная и полная энергии машина правительства Соединенных Штатов внезапно полностью разладилась.

Руфус Янгблад, до того умудрявшийся держать в поле зрения все детали, вдруг совершенно позабыл о существовании Лема Джонса. В поисках подходящего для эвакуации выхода Лем Джонс разведал все подъезды. Он обнаружил дверь, не замеченную представителями прессы и вышедшую непосредственно на бульвар Гарри Хайнса. В восторге от своей удачи он кинулся назад в отделение «скорой помощи» и вторично за этот час обнаружил, что остался на мели. Джонсон и его свита уже уехали из госпиталя. Клиф Картер и Джек Валенти опоздали всего лишь на какую-то долю минуты, но и они упустили Джонсона.

Аира Гирхарт втиснулся вместе со своим металлическим чемоданом в машину и устроился на коленях какого-то полицейского. Сесилу Стафтому суждено было сыграть памятную роль во время предстоявшей церемонии присяги нового президента. Однако участником церемонии он стал совершенно случайно. Стафтон был одним из тех, кому Арт Бейлс поручил держать телефонные трубки. Когда Джонсон стремительно прошел прямо мимо него широким шагом, размахивая на ходу своими длинными руками, Стафтон увидел среди сопровождавших его людей Бейлса и спросил:

— Куда это он направился?

— Президент едет в Вашингтон, — прошипел тот в ответ.

Стафтон немедленно все понял.

— Я тоже, — сказал он и передал телефонную трубку Бейлсу, чем вынудил последнего отстать от группы президента. Но и Стафтон опоздал: для него не хватило места в автомобильном кортеже нового президента.

Конгрессмен Альберт Томас совершенно случайно очутился в головной машине в качестве живого щита. После того, как Джонсон расстался с Килдафом, помощником пресс-секретаря Кеннеди, Янгблад пошел нового президента к машине начальника полиции Карри. Он все еще был одержим мыслью о заговоре и именно поэтому настоял на том, чтобы было две автомашины. На случай, если бы заговорщик-снайпер обнаружил в одном автомобиле Леди Бэрд и открыл огонь, под обстрел попала бы не та машина, где был Джонсон. Посадив на переднее сиденье рядом с Карри конгрессмена Торнберри, Янгблад сел вместе с новым

президентом на заднее сиденье и предложил ему пригнуться ниже уровня стекол. Поэтому выходящий из госпиталя Томас не видел Джонсона, но заметил, что машины трогаются с места. Он крикнул отъезжающим: — Стойте!

— Не останавливайся! — приказал Янгблад Карри.

— Кто это? — спросил скорчившийся на полу Джонсон. Янгблад объяснил ему.

— Тогда остановитесь, — распорядился Джонсон. Так впервые за это время новый президент утвердил себя в качестве лица, принимающего решения.

Стараясь извлечь пользу даже из этой неожиданной задержки, Янгблад решил использовать каждый дюйм человеческого тела для защиты нового президента от пуль. Он посадил Томаса на переднее сиденье и пересадил Торнберри на заднее — так, чтобы плечи Джонсона были зажаты между ним и Торнберри. Таким образом, любая пуля, прежде чем попасть в Джонсона, должна была бы пройти сквозь Карри, одного из двух конгрессменов или Янгблада.

Впоследствии Джон Брукс вспоминал, что они «рванули с места, словно обезьяна, схлопотавшая ремнем по заду». Леди Бэрд, как подобает даме, описывает это в более деликатных выражениях: «Очень, очень быстро уехали». Они промчали три мили за семь минут. Наконец-то аэродром!

В автомобиле Леди Бэрд никто не проронил ни слова и не пошевелился до самого аэродрома. В головной машине Янгблад радировал при помощи портативного аппарата, висевшего у него на кожаном ремне через плечо, камердинеру Джонсона Полу Глинну и приказал перенести личные вещи Джонсона с самолета 86970 на самолет 26000. Для находившихся на аэродроме это было первым известием о готовящейся замене самолета. В машине супруги Джонсона сидевшая позади нее Лиз Карпентер, как единственная журналистка в окружении нового президента, делала первые наброски проекта обращения нового президента к американскому народу.

Она едва успела начать, как автомобили затормозили. Едва они вышли из машин, как раздалась команда Янгблада:

— Бегом в самолет! Все побежали вверх по лестнице, и когда жена Джонсона входила в самолет через дверь в хвостовой части машины, до нее донесся из салона пронзительный голос обозревателя Вальтера Кронкайта, комментировавшего по телевидению официальное заявление Килдафа. Она впервые услышала слова: «Линдон Б. Джонсон ныне президент Соединенных Штатов».

Несмотря на то что звук телевизора был включен на полную громкость, различить отдельные слова было трудно. Во всех помещениях самолета раздавались рыдания членов экипажа, бортпроводников, секретарей. Джонсон поспешил к телевизору. Сержант Джо Айрес отрегулировал для него изображение. Его круглое лицо было залито слезами.

— Закройте жалюзи на всех иллюминаторах! — приказал Джонсон.

— Закройте жалюзи! — эхом отозвался Янгблад.

Да, после отъезда из Парклендского госпиталя кое-что уже изменилось.

Выполняя это приказание, Айрес увидел в иллюминаторе самолета поразительную картину. Попирая все военные и гражданские правила безопасности, через весь аэродром к ним вихрем мчалась какая-то автомашина. В ней сидели Джонс, Картер, Валенти, Стафтон — фотограф президента наконец отвоевал себе место в машине вместе с другими опоздавшими — и насмерть перепуганный полицейский из Далласа. Все они прекрасно понимали, каким безумием был этот бросок напрямик через летное поле. Однако за последние полчаса человеческая жизнь значительно подешевела: оставляя бумажный мешок, содержащий часть одежды Коннэли, на попечение медсестры, Картер услышал от нее признание, что «губернатор, вероятно, не выживет». Поэтому никто не возражал, когда Джонс, первоначально решивший, что самолет президента перевели на юго-западную площадку, где приземлялись частные самолеты, вдруг заорал:

— Черт возьми! Мы не на той стороне поля. Поехали наперерез.

Дежурные на диспетчерской вышке в изумлении глазели на то, как мчавшаяся с пронзительно завывающей сиреной на огромной скорости машина с Джонсом и его спутниками пересекла по диагонали запятнанное машинным маслом обширное бетонное пространство поля

и, круто развернувшись, остановилась у посадочного трапа.

— Какой из них нага? — спросил Валенти, разглядывая два самолета «боинг-707». Он не мог отличить их друг от друга.

— Вот этот, — ответил Джонс и повел его наверх.

Это была последняя автомашина первого автокортежа президента Джонсона. С прибытием ее на место назначения после бешеного пробега от Парклендского госпиталя спроектированное Янгбладом бегство, как вполне можно было бы охарактеризовать его, было завершено. Однако в Паркленде об этом ничего не было известно. Большинство агентов охраны и помощников Кеннеди в хирургическом отделении находились под впечатлением, что правительственная группа, проделавшая день назад путь от международного аэродрома Сан-Антонио через весь Техас, все еще представляет собой единое целое. И когда позднее они услышали о молниеносном отъезде Джонсона, они остались совершенно бесстрастными. Тот, кого они по-прежнему считали президентом, был мертв. Они не в состоянии были думать ни о чем другом.

Вступление в опои права нового президента было в глазах тех, кто любил Джона Кеннеди, проявлением неоправданной жестокости. Никто не станет отрицать, что переживать это было мучительно. Но иначе быть не могло. Сложившееся положение оказалось неизбежным следствием зверского убийства Кеннеди. Поэтому возвращение в Вашингтон обеих групп в одном самолете не обещало ничего хорошего, а некоторые черты поведения Джонсона, еще не оправившегося от потрясения, могли только усугубить антагонизм.

Возникавшие трудности объяснялись в значительной мере манерами отдельных лиц. В тот день Джонсон не был самим собой. Тогда в Далласе интересы государства требовали силы, а не изысканности, и можно утверждать, что Джонсон не только не проявил излишней поспешности, когда вступал на пост президента, но, напротив, сделал это недостаточно быстро. Соединенные Штаты не могли оставаться без президента. Однако ни Джонсон, ни его советники не осознали полностью все значение факта смерти Кеннеди. Слова, произнесенные Валенти, когда он ворвался в салон «Ангела», выражали умонастроение большинства из них. Он воскликнул:

— Господин вице-президент, я спешил сюда изо всех сил!

По пути к аэродрому Лав Филд в машине, не останавливавшейся перед красным светом светофоров, супруга бывшего вице-президента, ныне президента, взглянула на одно здание и заметила, что флаг над ним был уже приспущен. Вспоминая об этом впоследствии, Леди Бэрд признавалась, что именно тогда она «впервые почувствовала всю чудовищность совершившегося преступления».

Эти же чувства овладели бесчисленным множеством американцев. Вся страна ощутила непреодолимую, почти телепатическую потребность склонить знамена в знак траура. Флаги были приспущены на школах, зданиях законодательных собраний штатов, тюрьмах, биржах, универмагах, административных зданиях и частных домах. В Белом доме капитан Халлет послал своего подчиненного приспустить флаг над резиденцией президента немедленно после того, как передал приказ вернуться на аэродром Эндрюс самолету с членами кабинета Кеннеди на борту. Поскольку Халлет имел прямой доступ к коммуникационной линии Келлерман — Бен³⁷, можно предположить, что первым в стране был приспущен флаг, развевавшийся на флагштоке здания № 1600 на Пенсильвания-авеню — Белого дома.

Пьер Сэлинджер, оставаясь на своем посту в кабине связи правительственного самолета, летевшего на расстоянии пяти зон времени от Вашингтона, одним ухом прислушивался к приглушенным дебатам, которые вели члены кабинета по поводу того, выполнять или не выполнять приказание «Чужестранца» прямо следовать на аэродром Эндрюс без посадки на Лав Филд, а другим — ловил очередные новости от «Чужестранца», призывавшего каждые 15 секунд с монотонным упорством испорченной грампластины «держатъ связь... держать связь... держать связь». Но вот наконец последовал удар. Внезапно изменился голос радиста,

³⁷ То есть между начальником группы агентов секретной службы при Белом доме Джеральдом Беном и Роем Келлерманом, возглавлявшим группу агентов, сопровождавших президента в его поездке в Даллас.

монотонно твердившего позывные. Он пронзительно крикнул:

— Информация для «Придорожного». Президент умер! Повторяю, президент умер!..

— Президент умер, — сообщил Пьер членам кабинета, сам по-настоящему не веря ни одному слову из сказанного. — Он умер, — повторил «Придорожный» тихим голосом.

Дин Раск направился к микрофону внутренней радиосети самолета 86972. Он шел медленно, с опущенной головой. Ему предстояло пройти, вдоль всего самолета. Наконец он дошел до последней кабины в хвостовой части. Облизнув пересохшие губы, он произнес в микрофон:

— Дамы и господа, я должен сделать важное объявление. Нам передали официальное сообщение: президент умер. Боже, спаси нашу страну!

Именно так и следовало объявить эту печальную весть. Но 22 ноября все шло не так, как следовало. Раск видел, что происходило по обе стороны центрального прохода. Он обнаружил, что его торжественно-горестное сообщение никого не потрясло на борту самолета. Более того, он как бы вторгся в их переживания, но сказав им ничего, чего бы они уже не знали. Совершенно сбитый с толку, Раск задал себе вопрос: каким образом они узнали? Ему не пришло в голову, что находившиеся вместе с ним в салоне члены кабинета игнорировали его право первым объявить о смерти президента и, следуя за ним по пятам, шепотом рассказали об этом своим женам.

Сначала шепот был подобен тихому шелесту, но, постепенно нарастая, он превратился в гул, затем перерос в жалобные стенания и завершился рыданиями.

Официальное подтверждение убийства президента вызвало упадок духа у спикера палаты представителей Маккормака. Маккормак обедал в ресторане для конгрессменов, когда к его столику подбежали два репортера и сообщили, что в Кеннеди стреляли. Потом к нему один за другим подходили репортеры и конгрессмены и делились обрывками известных им новостей. Появление в Парклендском госпитале двух священников было воспринято Маккормаком как доказательство того, что президент находится при смерти. Через минуту кто-то сказал ему, что в вице-президента также стреляли, еще минуту спустя — что к нему для личной охраны направляются агенты секретной службы. Первое сообщение не соответствовало действительности, зато второе оказалось правильным.

По закону о порядке преемственности власти от 18 июля 1948 года, родившемуся под влиянием необычайного уважения президента Трумэна к спикеру Сэму Рейберну, именно спикер палаты представителей, а не государственный секретарь, как это было в прошлом, становился следующим после вице-президента лицом, которому надлежало принять на себя функции главы государства³⁸. Если бы от пули убийцы пали и Кеннеди и Джонсон, президентом Соединенных Штатов Америки должен был стать престарелый преемник Сэма Рейберна.

В 14.18 22 ноября такая возможность представлялась в Вашингтоне вполне реальной. Маккормак вспоминает, что мысль об этом произвела на него «ошеломляющее впечатление». Он неуверенно поднялся со стула и сразу же почувствовал сильное головокружение. Все поплыло у него перед глазами: скатерти, официанты, сервировка. Ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание и рухнет на пол. Проведя трясущейся рукой по глазам, он снова опустился на стул и, весь дрожа, продолжал сидеть, пока кто-то из конгрессменов не крикнул ему, что Джонсон невредим.

Перед этим волнующим интермеццо, во время которого Маккормак решил, что ему, возможно, придется переселиться из апартаментов на шестом этаже гостиницы «Вашингтон» в Белый дом, он сказал самому себе:

— Боже, куда мы идем?

Когда двоюродная сестра Кеннеди Энн Гарган и сиделка его отца Рита Даллас сообщили о смерти президента его матери Роз Кеннеди, она мужественно посмотрела на сиделку и сказала:

— Мы выдержим и это.

³⁸ Согласно этому закону, кроме спикера палаты представителей, в круг наследников президентской должности вводились также и все члены кабинета.

Но она уже более да могла находиться в их обществе и не хотела в этот момент никого видеть. Комната ее была слишком мала, чтобы ходить по ней из угла в угол, а Роз чувствовала потребность в этом. До боли потирая локти, она сказала Энн:

— Я выйду из дому.

Покинув обеих плачущих женщин, мать президента, самая набожная из семейства Кеннеди, спустилась к лужайке на берегу моря и, не находя покоя, исходила там взад-вперед много миль по осенней траве, пока ее разбитый параличом муж спал.

Уэсли Фрэзиер, работавший вместе с Ли Освальдом и пять часов назад доставивший на своей машине его самого и его ружье в деловой квартал Далласа, спокойно закончил свой завтрак в помещении склада учебников и, понимая, что в растущей сумятице нечего и думать продолжать работу, решил отдохнуть и доехал домой в Ирвинг. Подруга Марины Освальд Рут Пейн плакала, Марина же не проронила ни слезинки и продолжала развешивать выстиранное ею белье.

Бостонский симфонический оркестр прервал концерт Генделя и начал, исполнять Героическую симфонию Бетховена. Ее торжественная мелодия не раз служила похоронным маршем. Люди, обладающие даром красноречия, подыскивали приличествующие событию слова. На высоте оказался Дин Раск. В Организаций Объединенных Наций Эдлай Стивенсон сказал просто, но красноречиво:

— . Горе от его потери мы унесем в твои могилы.

В то же время многие люди, славившиеся своим ораторским мастерством, словно утратили дар речи. Уолтер Липпман едва успел дойти до редакции газеты «Вашингтон пост», как ему стало дурно. Кардинал Кашинг, принимая нового командующего военно-морскими силами Бостонского военного округа, встретил гостя лишь пятью словами, произнесенными охрипшим от волнения голосом:

— Президента Джона Кеннеди сегодня убили. — Продолжать он не мог. Его губы лишь гневно, но беззвучно шевелились, и адмирал поспешно удалился.

Тед Соренсен, специальный советник президента Кеннеди, издавна слыл прославленным мастером ораторского искусства и сторонником политики «новых рубежей». В 14. 35 он все еще был самым близким к Кеннеди советником. Сидя напротив Джерри Бена в кабинете полковника Джорджа Макналли, начальника связи Белого дома, он понимал, что должен что-то предпринять, но не мог совладать с собой. Он чувствовал себя как человек, закованный в кандалы. И если бы его поставили на самую середину стадиона, то и тогда он не смог бы пошевелить и пальцем. Через некоторое время он наконец почти незаметно пошевелился и с горечью сказал:

— Они не захотели дать ему даже трех лет. — Затем он перешел из восточного крыла Белого дома в западное. Будучи человеком спокойного темперамента, Тед позволил себе быть только саркастичным.

Люди, по натуре более агрессивные, вели себя воинственно. В западном крыле Белого дома специальный помощник Кеннеди Рирдон заорал в лицо Соренсену: — Как бы я хотел взять дерьмовую бомбу и взорвать этот дерьмовый Техас, чтобы он исчез с лица дерьмовой земли!

В министерстве юстиции Барни Росс, член одной из президентских комиссий, со всего маха ударил кулаком об стену. Захлопнув с грохотом дверь в своей конторе, далласский фабрикант Эйб Запрудер принялся яростно пинать ногами все, что попадалось ему на пути. В городе Феникс (штат Аризона) тридцатитрехлетний мужчина дважды выстрелил в окно местного отделения Общества Джона Бэрча.

С другой стороны, один врач в Оклахома-Сити, в штате Оклахома, сияющими глазами смотрел на убитого горем пациента:

— Превосходно, — заявил он, — надеюсь, они пристрелили и Джекки.

В городке в штате Коннектикут выбежавший из дома врач в экстазе прокричал через главную улицу своему коллеге-терапевту, страстному почитателю Кеннеди:

— Ну что ж, увеселительная прогулка кончилась! С этим дельцем папаше Джо³⁹ уже не справиться!

Приехавшая погостить в Амарильо — второй по накалу реакционных страстей город в Техасе — женщина завтракала в ресторане поблизости от мотеля, когда в зал ворвалась толпа ликующих старшеклассников из расположенной напротив школы. Один из них завопил в постыдном восторге:

— Здорово как, Джон-то загнулся!

Поспешно удаляясь из ресторана, женщина успела заметить, что некоторые посетители ласково улыбались крикуну. В самом Далласе какой-то мужчина с радостным воплем подбросил в воздух свою дорогую широкополую шляпу. И там же, в одном из зажиточных пригородов школьники четвертого класса захлопали от радости в ладоши, когда им сказали, что в их городе убит президент Соединенных Штатов Америки.

Как только личность убийцы была установлена, были приложены самые тщательные усилия к тому, чтобы стереть в сознании людей все воспоминания об этих инцидентах. Однако представители ультраправых сил не думали о покаянии. Их ликование вновь и вновь проявлялось то тут, то там. На собрании в клубе «Космос» в Вашингтоне, спустя шесть месяцев после убийства президента, один отставной генерал морской пехоты заявил, обращаясь к восторженной группе отставных офицеров:

— Это божья рука спустила курок ружья, убившего Кеннеди.

Но правые охотно погребли вину за убийство Кеннеди в могиле Ли Освальда. Цель их была достигнута, и они стремились избежать критики со стороны общественности.

Даже эпизод в далласской школе был смазан. Впервые о нем упомянули спустя два дня после убийства президента в гневной проповеди, бичующей ненависть. Проповедь была произнесена священником Уильямом А. Холмсом в городской методистской церкви Нортхэвен. Сообщение о проповеди стало известно Уолтеру Кронкайту, использовавшему ее в своем радиовыступлении, передававшемся по сети «Коламбия бродкастинг систем» (Си-Би-Эс). Местные отделения Си-Би-Эс в Далласе, узнав заранее о готовящейся передаче Кронкайта, сопроводили ее заявлением преподавательницы упомянутой школы, объяснившей, что ее ученики разразились аплодисментами после того, как узнали, что их отпустят рано из школы. Это заявление должно было подправить запятнанную репутацию города. В действительности же телевизионная студия Си-Би-Эс в Далласе перепутала школы. В самом городе после сообщения об убийстве президента занятия во всех классах общественных школ были прекращены и всех школьников отпустили домой; в отношении этих школ могли, следовательно, возникнуть недоразумения. Однако не все дети в Далласе посещают общественные школы. В пригородах большого Далласа процветают частные школы, куда закрыт доступ цветным и где учатся отпрыски богачей. В них в день убийства Кеннеди занятия продолжались до последнего звонка. Поскольку именно здесь произошел эпизод с четвероклассниками, приведенный в проповеди Холмса, и школьникам сообщили только о факте убийства президента, они могли аплодировать лишь этому, сообщению.

У всех, кто без предубеждения относился к президенту, эпизод этот мог вызвать только отвращение. Многим он до сих пор кажется невероятным. Однако не может быть сомнения в том, что он действительно имел место. Доказательством служит то, что о нем рассказала сама преподавательница, отправившаяся за советом к священнику в ту же пятницу вечером. Священник имел по этому поводу беседу со школьным инспектором Уайтом, признавшим, что, помимо упомянутого эпизода в одной из частных школ, сообщение об убийстве президента вызвало семь случаев различных проявлений неуважения к его памяти в общественных школах Далласа. В ту неделю священник Холмс стал широко известен в Техасе, и вокруг его личности разгорелось немало ожесточенных споров. В его адрес посыпались угрозы, и по совету далласской полиции он покинул свой дом и нашел убежище в доме одного из своих прихожан.

Быстрое решение мучившего всех вопроса о личности того, кто стрелял в президента, помогло ослабить впечатление от первой реакции на покушение. Это обстоятельство было на

³⁹ Отец президента Кеннеди.

руку злопыхателям. Если бы обнаружилось, что убийца, скажем, агент Общества Джона Бэрча, то бэрчистам всюду пришлось бы в тот вечер пережить немало неприятностей. Выяснение личности убийцы позволило охладить страсти внутри страны. Все самые невероятные домыслы пресекались, таким образом, почти в самом зародыше, и вместо истерии страну охватило чувство глубокой скорби.

Первые симптомы, однако, не были успокоительными. В Далласе агент секретной службы Магзи О'Лири видел, как люди метались от здания к зданию, спотыкались, падали и, поднимаясь, куда-то снова бежали. В Вашингтоне такси художника Билла Уолтона было остановлено на Коннектикут-авеню толпой, собравшейся у входа в здание «Нэйшнл бродкастинг систем» и занявший всю улицу вплоть до гостиницы «Мэйфлауэр» на другой ее стороне. Сидевший в другом такси помощник министра труда Пэт Мойнихэн потянулся было рукой к карману, где лежал бумажник с картой дорог, ведущих в убежище, где на случай ядерной атаки в большой пещере Западной Виргинии должны были собраться члены вспомогательного кабинета. Однако он тут же передумал и не стал даже вынимать бумажник. Управление планирования чрезвычайных мер по обороне США подсчитало: чтобы добраться до этого убежища из Вашингтона, нужно двадцать пять минут. Но при возникшем столпотворении на дорогах убежище с таким же успехом могло бы быть в Калифорнии. В северной части парка Лафайетта в церкви Святого Иоанна — церкви президентов — раздавался колокольный звон. Колокол звучал оглушительно, подобно набату во время большого пожара. Водители автомашин вели себя как невменяемые» Они не обращали внимания на светофоры, сигналы пешеходов, полицейских и на другие автомобили. Словно охмелевшие, машины произвольно переходили из одного ряда в другой или без всякого предупреждения круто разворачивались посреди улицы. Многие машины были брошены их владельцами прямо на перекрестках. Они так и стояли с включенными моторами и распахнутыми настежь дверцами. Если бы официальное сообщение о гибели президента сопровождалось еще какими-то зловещими событиями, например убийством Линдона Джонсона или исчезновением самолета с членами кабинета и провозглашением нового правительства комитетом правых или левых, — судорожная реакция общественности вполне могла бы выйти из-под контроля. Сейчас при ретроспективном анализе событий такое предположение само по себе кажется абсурдным. Но в полдень 22 ноября 1963 года и мысль о возможности убийства президента показалась бы не менее абсурдной.

В тот день горничная сенатора Юджина Маккарти принялась упаковывать вещи его семьи, полагая, что опасность угрожает жизни всех членов демократической партии. Будучи уроженкой Южной Америки, она мыслила категориями политического переворота. Однако опасения высказывали и такие люди, как Билл Позен, помощник министра внутренних дел; эти опасения были вполне обоснованными, их разделяли многие другие опытные деятели. Заместитель государственного секретаря Джордж Болл позвонил директору Центрального разведывательного управления Джону Маккоуну в тот момент, когда тот собрался на виллу Хиккори Хилл к Роберту Кеннеди. Болл посоветовал Маккоуну:

— Надо бы собрать вашу комиссию наблюдателей. На что директор ЦРУ коротко ответил:

— Это уже сделано.

Комиссия состояла из самых опытных сотрудников контрразведки. Им предстояло неусыпно дежурить, в течение последующих нескольких дней и даже после, внимательно анализируя материалы зарубежных источников с тем, чтобы определить, могло ли преступление быть делом рук иностранных агентов.

В Пентагоне министр обороны Макнамара и начальники штабов были начеку. Правда, после краткого совещания Макнамары с генералом Тэйлором и другими членами Объединенной группы начальников штабов было решено возложить обязанности «дежурных» на заместителей, чтобы продолжить переговоры с военной делегацией из Западной Германии. Генерал Тэйлор особенно хорошо понимал, насколько важно представить внешнему миру сложившееся в США положение как положение стабильности и преемственности верховной власти. Он считал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы военные представители из Бонна почувствовали всю глубину совершившейся трагедии до того, как будут получены более исчерпывающие сведения. В 14. 30 Тэйлор и его коллеги снова вернулись в Золотой зал.

Генерал коротко сказал западным немцам, что президент "Кеннеди ранен. Генерал Фридрих Ферч от имени своей делегации выразил надежду, что ранение не окажется слишком серьезным. Американские генералы оставили это пожелание без ответа и на протяжении последующих двух часов показали образец самообладания и выдержки. Командующие американскими вооруженными силами отдавали себе отчет в том, что в любую минуту призраки новой войны может появиться в комнате, где идут переговоры. И тем не менее они продолжали обсуждать скучные детали, комментировали предложения западногерманских генералов Весселя и Хюккельгейма, без ч дрожи в руках перекладывая на столе различные бумаги и директивы. Это было настоящей пыткой даже для таких дисциплинированных людей. Особенно тяжело приходилось генералу Тэйлору, который должен был руководить переговорами. Его назначение председателем Объединенной группы начальников штабов явилось прямым следствием близости генерала к президенту Кеннеди. Именно ему предстояло в случае возникновения войны принять первое военное решение. А сейчас, он был вынужден сидеть за столом с надлежащей выправкой и делать вид, что с интересом следит за обсуждением вопросов интендантской службы и взаимодействия в работе штабов. Совещание закончилось по расписанию в 16. 30. Американские начальники штабов разом встали и повернулись к поднявшимся "из-за стола германским генералам. Генерал Тэйлор сказал спокойным тоном:

— С сожалением должен сообщить вам, что президент Соединенных Штатов убит.

Несмотря на воспитание в духе стоицизма, потрясенные немцы так и опустились в свои кресла.

В 16.15, точно за пятнадцать минут до закрытия совещания в Золотом зале, возобновила нормальную деятельность последняя столичная АТС телефонной компании «Чезапик и Потомак», обслуживавшая Пентагон. Таким образом, была официально восстановлена телефонная связь во всей столице. Несмотря на то что об этих неполадках быстро забыли, пока они продолжались, казалось, что этот хаос навсегда останется в памяти. Индивидуальные абоненты, ранее никогда не сталкивавшиеся с подобными осложнениями, естественно относили их за счет убийства президента. В период между 14 и 16 часами дня в Вашингтоне не требовалось чрезмерно повышенного воображения для того, чтобы представить себе страну кишачей полчищами зловещих диверсантов, усердно разрушающих линии связи. Отличительной чертой этого кризиса в области связи было то, что он затрагивал абонентов независимо от их положения в табели о рангах. Огоньки, мерцающие на щитках коммутаторов, выглядят совершенно одинаково в глазах телефонисток, а автоматические телефонные станции не в состоянии отличить звонок разъяренного сенатора от звонка ребенка. Линии связи между столицей и Техасом были перегружены. Телефонная компания делала все, что могла. Половина телефонных каналов связи всей восточной части США была предоставлена в распоряжение Вашингтона. Однако все восемнадцать каналов междугородной связи Далласа были загружены до отказа, и каждый реквизированный Артом Бейлсом телефон Парклендского госпиталя непрерывно работал. Даже центр коммуникаций Белого дома был временно парализован. Никогда еще связистам этого центра не приходилось делать так много столь малыми средствами. Впервые на их памяти связисты обнаружили, что не могут «дозвониться наружу». Будучи хорошими специалистами, они понимали, что в этом виновата перегрузка линий связи. К сожалению, в силу особых причин, вызвавших к жизни этот кризис, они не могли успокоить тех, кто недостаточно разбирался в механизме связи. Роберт Кеннеди одевался для полета в Даллас, когда ему сообщили, что чудесный мир, который он знал и любил, перестал существовать. Этель, его жена, стояла в стороне, сжимая руки. В комнату вошел Джон Маккоун, Они вопросительно смотрели на него, он на них.

— Вам известно, насколько серьезно ранение? — спросил он.

— Нет, — ответил Кеннеди, закалывая галстук булавкой с изображением торпедного катера «ПТ-109» — миниатюрный золотой символ политики «новых рубежей», — а что вам известно?

Зазвонил правительственный телефон Белого дома, стоявший на письменном столе. Кеннеди бросился к нему.

— О, он умер! — воскликнул он.

— Бедные дети, — сквозь слезы произнесла Этель.

— Он прожил прекрасную жизнь, — сказал Кеннеди. Позднее, вспоминая этот день, его жена выделила как самое яркое впечатление этот ответ Роберта Кеннеди, его способность в момент беспросветного мрака не позабыть о ярких солнечных днях. Маккоун был поражен тем, как он мог, не дрогнув, выдержать эту пытку, это самое суровое испытание из тех, каким только может быть подвергнут человек. Он как бы окаменел. Конечно, известив о смерти брата на него сильно подействовало, но ни на момент он не потерял самообладания.

Втроем они спустились с лестницы и направились к подъезду в тыльной части дома. Проходя мимо окон гостиной, Кеннеди заглянул туда и, обращаясь к сидевшим там нью-йоркскому прокурору Моргентау и другим, неотрывно следившим за выступлениями телевизионных комментаторов, тихо сказал:

— Он умер, — и пошел в сторону бассейна. У бассейна зазвонил телефон. На проводе снова был Эдгар Гувер, директор ФБР. С 13.48 он поддерживал телефонную связь с агентом Гордоном Шанклином, начальником отделения ФБР в Далласе. Еще минуту назад он не был в курсе событий, но вот только что ему стало известно то важнейшее, что, как он обещал, он старался выяснить.

— Президент умер, — отрывисто сказал он и повесил трубку.

Гувер не выражал сочувствия, он не казался расстроенным. Голос его, как потом вспоминал министр юстиции, был менее взволнованным, чем если бы он докладывал о том, что обнаружил коммуниста среди преподавателей Говардского университета. Обычно словоохотливый, он внезапно заговорил со своим начальником сдержанно и сухо. Вероятно, по соображениям гуманности следовало бы отнести такую резкую перемену за счет волнений этого дня.

Однако, несмотря на то, что Роберт Кеннеди продолжал оставаться членом правительства еще более девяти месяцев, Гувер, кабинет которого находился на одном этаже с Кеннеди, так и не зашел к нему выразить свое соболезнование. Один из помощников Гувера написал Кеннеди взволнованное письмо, сотрудники уголовного розыска ФБР направили ему послание с выраженным сочувствием, однако их директор, подобно сфинксу, хранил молчание. Однажды, когда они случайно встретились при входе в здание министерства юстиции, он заговорил с Бобом. Позднее он принял от Боба в качестве рождественского подарка запонки с изображением печати министерства, но этим и ограничивались все их контакты.

Этель Кеннеди чувствовала себя сначала совершенно подавленной этим несчастьем и пришла в себя лишь после похорон. Однако гнетущая агония, омрачившая с наступлением весны жизнь ее супруга, еще не овладела им в ту пятницу. Он с головой окунулся в гущу дел. Пытался дозвониться Кену О'Доннеллу, что пока не удалось, разыскал пятерых членов своей семьи, дозвонился мужу своей сестры Стиву Смигу в Нью-Йорк и сестре Жаклин Кеннеди — Ли Радзивилл в Лондон. Он занимался одновременно несколькими проблемами, в частности взвешивал возможность полета в Даллас для того, чтобы присоединиться к Джекки и вместе с нею сопровождать тело брата. Он даже успел обсудить со специальным помощником брата Макджорджем Банди вопрос о личных бумагах покойного президента. Банди в свою очередь проконсультировался с государственным департаментом и установил, что, если президент умирает, находясь на этом посту, его личные бумаги становятся собственностью его семьи. Банди тут же распорядился изменить шифр президентского сейфа.

Роберт стал как бы управляющим личными делами членов семьи Кеннеди, распределяя между ними задачи, связанные с переживаемым моментом, в соответствии с их способностями. Между тем телефоны непрерывно звонили. Число посетителей на вилле Хиккори Хилл все время увеличивалось, пока не собралась целая толпа. Внешне Роберт Кеннеди казался более спокойным, чем его посетители. Большинство их поспешили к нему, повинаясь безотчетному импульсу, и по приезде обнаружили, что не знают, что сказать. Коснувшись плеча Боба, Байрон Уайт из Верховного суда США в замешательстве сказал:

— Трудно понять, как это могло случиться, — и незаметно удалился.

— Нет слов, — сказала, всплеснув руками, Николь Альфан. Но затем, будучи одной из наиболее гостеприимных и любезных хозяек Вашингтона, она все же нашла кое-что добавить: — Мужайтесь, теперь вы руководитель рода. Вся надежда на вас.

Боб в ответ кивнул головой. В душе он недоумевал, зачем приехала к нему супруга

французского посла, но вежливости ради сделал вид, что относится к ней с пониманием. Ему нужно было быть дипломатом в этой ситуации, и он был им. В отношении некоторых своих друзей он вел себя так, будто более озабочен их утратой, чем своей.

Так же, впрочем, вела себя и Жаклин Кеннеди, и это производило ошеломляющее впечатление на многих.

— Мы не хотим, видеть вокруг мрачные лица, — спокойно сказал Роберт Кеннеди Хэкету, руководителю одной из президентских комиссий. Через десять минут после телефонных звонков Шепарда и Гувера Роберт, как бы между прочим, приветствовал своего помощника Эдвина Гутмана словами:

— Как поживаешь?

— Неважно, — ответил Гутман сдержанно, ему в тон.

— Не печалься.

— Трудно.

Кеннеди отвел его в сторону. Гутман сообщил ему о предостережениях Скелтона в отношении Далласа. Боб вспомнил, что, хотя сам он порой опасался возможных покушений, президент никогда не беспокоился на этот счет. Оба брата пришли к заключению, что если фанатик и совершит покушение, то скорее на Роберта, чем на Джона.

— Быть может, это уменьшит ненависть, — сказал Гутман.

Кеннеди покачал головой. Через несколько месяцев об этом забудут. Несмотря на тяжелые переживания, мысли людей нередко выходили за пределы их личной судьбы. Размышляя над тяжелой утратой, которую понесла страна, они думали о том, каким образом может быть восполнена эта потеря. Первые слова Дина Маркхэма, также руководителя одной из президентских комиссий, обращенные им к Этель сразу же после его прибытия в Хиккори Хилл, были:

— Что теперь будет с нашей страной?

В Нью-Йорке бывший президент США Эйзенхауэр, подобно Маркхэму, думал о судьбе Америки. Он перебирал в памяти события собственной жизни. Он вспомнил, как в 1948 году, став президентом Колумбийского университета (в Нью-Йорке), обращался за разрешением на ношение огнестрельного оружия и часто вечерами ходил через Центральный парк с однозарядным пистолетом в кармане, чтобы иметь возможность защитить себя от акта насилия, подстерегающего граждан Америки на каждом углу. Углубляясь в более далекое прошлое, вспомнил, как в тридцатые годы, будучи молодым майором, он гулял один в солнечный день по улицам Порто-Пренса, столицы Гаити, и забрел в большой зал национального дворца. Стены дворца были уставлены бюстами бывших глав государства. Знакомясь с надписями под каждой из этих скульптур, Эйзенхауэр подсчитал, что две трети изображенных на них президентов Гаити умерли насильственной смертью при исполнении своих президентских обязанностей. «Какая это дикая страна, — думал он, — страна знахарей и диких нравов. И как не похожа на Гаити моя страна». Теперь он уже не был так уверен в этом, и на сердце у него было тяжело. Они могли не думать о завтрашнем дне. Однако федеральное правительство США не могло этого себе позволить. Отдельные его члены уже гадали, каков будет характер нового хозяина Белого дома и в общем чувствовали себя довольно неуверенно. До вступления на пост президента Джона Кеннеди, когда Линдон Джонсон спокойно проскользнул на малозаметную должность вице-президента, он был видной фигурой в конгрессе. В конгрессе Джонсона уважали, но для людей на другом конце Пенсильвания-авеню, то есть в Белом доме, он был загадкой. Пока Маккоун ехал от здания ЦРУ на виллу Хиккори Хилл, на протяжении этих пяти минут он успел суммировать в уме все, что знал о новом президенте. Итог его подсчетов был немногим больше нуля, и Маккоуна пугала перспектива нового руководства.

В устланном коврами кабинете в государственном департамент Ллуэлин Томпсон предавался раздумьям относительно способностей Джонсона в области международных отношений. Томпсон слыл здесь главным экспертом по СССР. Сам он себя таковым не считал. С течением времени он привык все больше полагаться в этом отношении на Джона Кеннеди. Президент поставил себе целью до конца разобраться в тонкостях изучения советской политики.

На взгляд Томпсона, успехи президента в этой области были поразительными. Позднее

Томпсон говорил:

— Он выкачал из меня все, что я знал по этому вопросу, и в тех редких случаях, когда у нас возникали разногласия, оказывался прав он, а не я.

И вот в какой-то один миг вся эта мудрость перестала существовать. У нового же президента не было того всепоглощающего интереса к правительствам других стран, каким отличался его предшественник.

Тревога генерала Тэйлора имела более злободневный характер. Сохраняя на лице маску полного спокойствия во время переговоров с немцами в Золотом зале, небрежно перелистывая их предложения и таблицы НАТО, председатель Объединенной группы начальников штабов США внутренне весь кипел. Причиной тому был металлический чемодан с совершенно секретными документами, находившийся в Далласе. Чемодан был в целостности и сохранности. Генерал мог положиться на своих связистов и был уверен, что они будут держать «человека с мешком», отвечавшего за чемодан, поблизости от нового президента. Главная трудность заключалась не в этом. Джонсон не имел ни малейшего представления о том, что было в чемодане. Он знал, что такой чемодан существует, но ему ничего не говорили о его содержании. И если бы в этот вечер грянул гром тотальной войны, то весь обширный арсенал ответного удара США вынужден был бы бездействовать, пока новый президент впервые знакомился бы с азбучными истинами капитана Тэйзвела Шепарда, адъютанта Кеннеди по военно-морскому флоту.

То обстоятельство, что Джонсон не знал о содержании чемодана, оберегаемого «человеком с мешком» Айрой Гирхартом, было столь же реальным фактом, как и затруднение, которые испытывал Гирхарт в общении с охраной Вице-президента в Парклендском госпитале. Убийство президента не было сигналом к внезапному нападению на страну. Поэтому опасный недосмотр остался без пагубных последствий. Но мораль сего происшествия была высечена исполинскими буквами на скрижалях истории, и стране предстояло еще усвоить этот суровый урок. Сомнения Ллуэлина Томпсона представляли явление иного порядка. О том, насколько они были обоснованны, могут судить лишь задавшиеся целью проанализировать внешнюю политику Джонсона. Настоящая книга, относящаяся к краткому переходному периоду, когда Джонсон лишь пришел к власти, разумеется, не может заниматься такого рода анализом. Возможно, опасения Томпсона были совершенно лишены основания. Именно так обстояло дело с Маккоуном, что он с готовностью и признал весной следующего года. К тому времени, а вернее почти с самого момента его возвращения в столицу, Джонсон с поразительной твердостью взял в руки бразды правления.

Он не сделал этого, находясь в Далласе. Вряд ли он в состоянии был сделать это там. Джонсон силился встать у кормила власти, и хотя у него длинные руки, их длина все же не достигает тысячи миль. Вся окружавшая его обстановка препятствовала немедленной смене власти. Пока Джонсон оставался на аэродроме Лав Филд, масштаб его возможностей был ограничен. Когда Джек Валенти вошел в салон самолета «ВВС-1», внимание вице-президента, как все еще продолжали именовать нового президента, было приковано к экрану телевизора. Джонсон надеялся, что комментатор Уолтер Кронкайт посвятит его в тайны происходивших событий.

В жизни бывают ситуации, когда можно без промедления начать создавать цельную картину событий на основе мелких деталей. Это задача разведки. Вероятно, так и удалось бы сделать, если бы убийство президента произошло в Белом доме с его великолепно оборудованным оперативным отделом. В Далласе же не было оперативного отдела, способного оценить ситуацию, а существовала лишь ситуация. Даже после того, как военный адъютант президента Тед Клифтон обнаружил, что Джонсон уехал на аэродром Лав Филд, он "не смог сообщить об этом в Вашингтон, так как Бейлс в этих необычных условиях не мог предоставить в его распоряжение закрытый канал связи.

Джонсон не узнал ничего нового из телепередачи и с облегчением отвернулся. В целом перспектива не была такой устрашающей, какой ее рисовало воображение, если только комментаторы сами не находились в неведении. В действительности же происходило много такого, о чем не подозревали ни Джонсон, ни Кронкайт. На сцене появился ключ к тайне преступления. Правда, сразу никто не оценил его значения. За двадцать минут до того, как

Джонсон и его приближенные поднялись на борт самолета, в двух милях от книжного склада выстрелом в упор был убит полицейский Дж. Д. Типпит. Но прошло еще сорок минут, прежде чем кто-нибудь подумал о значении этого убийства.

Между тем в самолете президента жажда быть в курсе событий усиливалась с каждой минутой. Однако это желание оставалось неудовлетворенным. В этом отношении на аэродроме Лав Филд Дела обстояли еще хуже, чем в Парклендском госпитале. Тыловые службы президента Кеннеди, остававшиеся на аэродроме, не знали о том, как развивались события в госпитале. Даже наиболее информированные имели весьма приблизительное представление о движении президентского кортежа после 12. 30. Сигнал тревоги, переданный Роем Келлерманом, и приказ Робертса Янгбладу прикрывать Линдона Джонсона были последними сообщениями, полученными на борту самолета по радио из Далласа. Вскоре после этого радиоприемник президентского самолета «Чарли» перестал принимать что-либо.

Полковник Суиндал сообразил, что, по-видимому, произошло что-то из ряда вон выходящее, но он мог лишь заниматься догадками. Вспомнив об инциденте с Эдлаем Стивенсоном, он решил, что имела место свалка. После звонка адъютанта президента по ВВС генерала Макхью из Паркленда и его указания готовиться к перелету на аэродром Эндрюс он подумал, что больная спина президента не выдержала трудностей поездки и они должны срочно перевезти его в армейский госпиталь Уолтер-Рид или в военно-морской госпиталь в Бетесде. Поскольку система связи «Чарли» перестала функционировать, а все военные связисты, способные пользоваться более сложным оборудованием, отправились в ресторан аэропорта (к тому же никто не вспомнил об установленных на борту самолета телетайпах телеграфных агентств Юнайтед Пресс Интернейшнл и Ассошиэтед Пресс), Суиндал решил воспользоваться находящимся в салоне самолета телевизором. Там к нему присоединились сержант Айрес, камердинер президента Джордж Томас и обе секретарши из приемной Сэлинджера — Крис Кэмп и Сью Фогельзингер.

Как только стали известны подлинные масштабы катастрофы, обе женщины исчезли. Суиндал ж ужасе отпрянул от экрана, а Айрес, словно сумасшедший, стал вертеть ручку телевизора, пока не добился, как он потом объяснил, «превосходного изображения». Вот в эту-то сумятицу и попал Джонсон, когда неожиданно для всех он появился у подножия трапа, ведущего на борт президентского самолета; экипаж даже не смог освободить к его прибытию салоп. Суиндал едва успел спуститься вниз, чтобы приветствовать его как положено. Новый президент не усмотрел ничего необычного в том, что телевизор работал на полную мощность. Однако следившие за передачей люди увидели в неожиданном появлении Джонсона на этом самолете что-то неуместное. В замешательстве они попрятались по другим отсекам самолета. Кое-кто даже вышел на взлетную полосу. Взлетная полоса во многих отношениях была удобнее самолета. После полученной от Макхью команды немедленно готовиться ко взлету Суиндал выключил наземные установки кондиционирования воздуха, и кабины самолета быстро превратились в огнедышащую печь.

Исторический час Руфуса Янгблада — а он продолжался почти ровно час — близился к концу. Ненормальный ход событий, порождение паники и неуверенности, на короткое время прервал обычное течение жизни страны. Поскольку новый президент почувствовал себя в безопасности, секретная служба должна была снова удалиться за кулисы. А для Джонсона безопасность восстановилась, как только он выбрался из далласского водоворота. Подъем по трапу самолета уже означал конец опасности. Только возвращение в город могло снова поставить его жизнь под угрозу, но он же собирался снова подвергать себя риску столкновения с невидимыми силами, затаившимися на этих залитых солнцем улицах. Джонсон был, не на шутку напуган. И когда десять месяцев спустя, в разгар избирательной кампании; его пригласили выступить на национальном съезде Американского легиона в Далласе, он отказался, несмотря на недовольствие легиона и сожаление гражданских лидеров города. Аэродром Лав Филд, будучи частью Далласа, представлял собой уже гигантский шаг на пути к убежищу. Можно сказать, что период «протектората» Янгблада, начавшийся на Элм-стрит, закончился в тот момент, когда он, находясь уже в салоне «Ангела», пытался впервые настоять на том, чтобы после возвращения и столицу семья Джонсона сразу же переехала в Белый дом.

Янгблад явно превысил свои полномочия. Для него это предложение было всего лишь

одной из мер предосторожности. Джонсон же усмотрел в нем еще и другие черты, причем некоторые — чрезвычайно деликатного характера, и потому он безоговорочно отказался последовать совету агента. В 13.45 Джонсон уже твердо стоял на ногах. Вначале Янгблад и на борту самолета продолжал выполнять при нем функции специального помощника президента Кена О'Доннела, а Эмори Робертс и другие агенты охраны вице-президента служили своеобразным его аппаратом. Пояснив, что сам он будет занят в салоне, Янгблад приказал агенту Лему Джонсу познакомить экипаж самолета с советниками вице-президента, составить при помощи бортпроводников список пассажиров и задержать отлет самолета до прибытия тела Кеннеди и его вдовы. Первое указание было существенным. Экипаж знал лишь Леди Бэрд, и то по газетам, остальные же лица, сопровождавшие Джонсона, были ему вовсе не знакомы. Дело осложнялось еще и тем, что некоторые из вновь прибывших даже не знали, на каком самолете они находятся. Главный помощник вице-президента Лиз Карпентер, например, полагала, что она находится на борту самолета 86970.

Еще до наступления ночи ближайшему окружению Джонсона предстояло стать известными всей стране, но прежде Лем Джонс должен был расчистить им путь на борт самолета, и эта его деятельность выходила за пределы группы, прибывшей из госпиталя. Так, одной из первых задач, которую Лему предстояло разрешить, был ответ на срочный запрос, поступивший с контрольно-навигационной вышки аэродрома Лав Филд. Диспетчеры аэропорта сообщали, что «некий г-н Билл Мойерс летает в частном самолете над аэродромом и просит разрешения на посадку». Никто из экипажа Суиндала никогда не слышал ранее этого имени. Джонс убедил их в том, что Линдон Джонсон знает этого человека. Предъявив свое служебное удостоверение, Джонс лично поручился за Мойерса.

— Знаете ли вы, что мы ожидаем госпожу Кеннеди? — осведомился Джонс у Суиндала. Тот ничего не знал. — А где вы намерены разместить гроб с телом покойного? — продолжал допытываться Джонс. Суиндал не знал и этого. Тогда Джонс попытался тактично предложить, чтобы бортпроводники вынесли часть сидений из хвостовой части самолета. Полковник в изумлении спросил:

— А куда же мы денем эти сиденья из хвостовой части?

— Перенесем их во второй самолет, — ответил Джонс, после чего Суиндал кивнул Айресу и велел выполнить это указание.

На расстоянии пятидесяти футов от них, у ограды аэропорта, Эмори Робертс с жесткой интонацией в голосе вопрошал в один из телефонов начальника связи полковника Макналли:

— Вице-президент и госпожа Джонсон находятся на борту самолета, где же президент и госпожа Кеннеди?

Из всех невероятных разговоров, происходивших в полдень в эту пятницу, беседа Робертса была, пожалуй, наиболее фантастична: чета Джонсонов была готова покинуть Даллас. Что же задерживает супругов Кеннеди? Положительно Робертсу можно было только посочувствовать. Его миссия была весьма незавидной. Дело осложнялось еще и тем, что он никак не мог дозвониться. В ответ из трубки телефона неслись неразборчивые пронзительные звуки. Однако Робертса это не смущало. Он делал все новые и новые безуспешные попытки наладить телефонную связь. Никто не мог установить местопребывание отсутствующих супругов Кеннеди. Но вот Джонс сделал в отделении связи самолета 26000 открытие, значение которого в течение ближайшего часа еще более возросло. Благодаря электронным чудесам, находившимся в распоряжении полковника Макналли, начальнику охраны в Белом доме Джерри Бену удалось наладить из Вашингтона через посредство связистов на коммутаторах в отелях «Шератон — Даллас» и «Техас» прямую телефонную связь с самолетом «ВВС-1». Это новое звено связи означало, что правительство в столице более не находится в рабской зависимости от телевидения. Кроме того, благодаря ему стали возможны прямые двусторонние переговоры между Белым домом и самолетом.

Новый президент страхнул с себя оцепенение, сковывавшее его в палате № 13. Он уже свыкся со своим положением носителя власти, когда, приветствуемый полковником Суиндалом, ринулся к телевизору, куда его звал знакомый голос Кронкайта. Войдя в самолет через дверь в хвостовой его части, Джонсон должен был пройти по узкому проходу мимо спальни президента. Находясь в этом проходе, он заколебался и спросил сержанта Айреса:

— Можем ли мы воспользоваться здесь каким-нибудь другим помещением? Это их личные апартаменты, — пояснил он, обращаясь к Леди Бэрд.

Именно в этот момент они услышали, что идет передача по телевидению, и вошли в салон. Джонсона мучила жажда. Обливаясь потом в душном салоне, он следил за передачей комментариев Кронкайта. Бортпроводник принес воды. Осушив полный бокал, новый президент выпил еще две бутылки минеральной воды из запаса Кеннеди. Рука его не дрогнула. Теперь, когда он стал президентом, все взоры были устремлены на него; окружающие украдкой наблюдали за малейшим его жестом. Несмотря на то что Джонсон не отрываясь смотрел на экран, он успевал раздавать многочисленные приказания: напомнил Руфусу Янгбладу о необходимости следить за тем, когда подъедет Жаклин Кеннеди, велел ему поручить агентам охраны вести подробную запись о всех их передвижениях — и одновременно обсуждал со своими помощниками и конгрессменами целесообразность немедленного принятия присяги.

Леди Бэрд, сидя на кушетке против письменного стола в салоне, нервно теребила свое жемчужное ожерелье и набрасывала воспоминания о событиях дня. Они представляли собой довольно беспорядочную картину. То ей послышалось «отчаяние» в возгласе одного из агентов охраны, жаловавшегося, что никогда еще секретной службе не приходилось «терять» президента, и «ей было жаль его». Затем она видела, как беспокойно мечется от кресла к кушетке и от кушетки к креслу Линдон. Потом она услышала, как передавали сообщение из Парклендского госпиталя о том, что Жаклин Кеннеди отказывается покинуть хирургическое отделение без тела покойного президента. Джонсон дал знать, что президентский самолет не тронется с места. Они намерены «ожидать до тех пор», пока не придут мужественная леди и гроб Кеннеди. На квадратном экране телевизора появилось что-то новое — сообщение, что покойный президент стал жертвой убийцы, стрелявшего из ружья. Сидевшие в салоне непрестанно отирали с лица пот и расстегивали воротнички. Только Леди Бэрд ощущала озноб. Сжавшись, она прислушивалась к тому, как Линдон обсуждал вопрос, где ему следует принести присягу.

Тактика Джонсона в данном вопросе была типичной для него — он был сдержан и не брал на себя обязательств. Выясняя точку зрения собеседников, он сам не высказывал никаких суждений. Джек Брукс, бывший моряк и импульсивный человек, выступал за то, чтобы президент был приведен к присяге немедленно. Гомер Торнберри возражал, что «надо подождать до прибытия в Вашингтон». Альберт Томас поддержал Брукса.

— Предположим, что отлет самолета задержится, — говорил он Джонсону, отражая убеждение находившихся в Парклендском госпитале представителей печати. — Америка не может оставаться без президента, пока вы будете лететь через всю страну.

Томас игнорировал тот факт, что это был необычный самолет и что его командир полковник Джим Суиндал летел не вообще по «какому-то» маршруту. Однако дебаты сами по себе, вероятно, не имели большого значения. По-видимому, Джонсон заранее принял решение; по наблюдению Джо Айреса, он чувствовал себя хозяином положения. Обращаясь к Томасу, он сказал:

— Я согласен. Это надо сделать сейчас. Но где достать текст клятвы?

Собеседники были озадачены. Они прочистили горло, ослабили узлы галстуков, но никто не произносил ни слова. Наступил момент, когда Джонсона более не интересовало их согласие, ему нужна была точная информация. Но конгрессмены из Техаса не располагали ею. Самое большее, что они могли ему предложить, были смутные воспоминания об иллюстрациях из учебников. То были изображения Честера А. Артура или Кальвина Кулиджа, освещаемых слабым и неровным светом ламп, возложивших руки на истрепанную семейную Библию. Вокруг них стояли и глазели какие-то посторонние лица в ночных рубашках старинного покроя. У всех сохранилось воспоминание о том, что в этой церемонии принимало участие какое-то официальное лицо. Неясно только какое. Это мог быть член Верховного суда или даже обычный нотариус. Несомненно, роль его заключалась не только в том, чтобы держать Библию. Однако ни один конгрессмен не мог вспомнить напечатанный мелким шрифтом текст присяги.

Все эти воспоминания были недостаточны. Однако возможности нового президента не ограничивались скудными познаниями пассажиров главной кабины самолета. Узнав от агентов личной охраны вице-президента, что установлена прямая связь с Вашингтоном, он стал

озираться вокруг в поисках телефона. Ближайший к нему телефонный аппарат висел на крюке напротив. Но Джонсон не воспользовался им. Возможно, ему было еще тяжело сесть за письменный стол Кеннеди, но наиболее вероятное объяснение заключается, по-видимому, в том, что в тот момент Джонсон искал уединения. Во всяком случае воспользовался он другим аппаратом, стоявшим на небольшом письменном столе в спальне Кеннеди.

Новый президент не знал, что все телефонные разговоры с самолетами 26000, 86970, 86971 и 86972 прослушивались на аэродроме Эндрюс Филд и записывались связистами на пленку. К сожалению, как объяснил позднее автору генерал Клифтон, записывающее устройство функционировало только в полете. В наш век искусного подслушивания ведущиеся на самолете 26000 разговоры нередко перехватывались группой горячих любителей в Колорадо. Однако проверка показала, что никаких разговоров не было зафиксировано между 13. 26 и 14. 47, когда полковник Суиндал поднял в воздух «Ангела» и на аэродроме Эндрюс закружились ролики магнитофона, записывавшего разговоры, которые велись с борта президентского самолета, как и самолета, на котором возвращались в Вашингтон члены Кабинета. Ввиду отсутствия достоверной записи и данных о характере разговоров, которые вел Джонсон, невозможно прочесть страницу истории, написанную им в спальне на самолете 26000. Однако часть ее все же может быть расшифрована. Хотя сам Джонсон информировал автора этих строк, что не мог бы даже «припомнить в точности последовательности разговоров», которые он вел, он ни на мгновение не оставался совершенно один.

— Я пристал к вам, как смола, — говорил ему Янгблад, повсюду неотступно следовавший за Джонсоном в самолете.

Кроме того, в отношении всех важных моментов переговоров имеются воспоминания собеседников нового президента.

Обсуждение вопроса о повторении присяги президента не могло быть завершено без участия главного юридического эксперта правительства. Так возникла первая проблема администрации Джонсона. Это была деликатная проблема, ибо новый президент вынужден был обратиться за советом к тому единственному члену правительства, который имел полное право остаться в стороне при переходе власти. Однако ему было отказано в этой передышке. Это было крайне неблагоприятно, так как в результате произошло одно из самых поразительных недоразумений, которое было, по-видимому, неизбежно. Все присутствующие были, естественно, выведены из состояния равновесия. Однако Линдон Джонсон и Роберт Кеннеди были глубоко взволнованы и с трудом держались под тяжестью обрушившегося на них невероятного бремени. На плечи Джонсона только что легла вся тяжесть самой страшной в мире ответственности, а молодого Кеннеди постигла глубочайшая личная трагедия. Однако у нового президента не было иного выхода. Вопрос, который Джонсон задал конгрессменам, имел прямое отношение к конституции и не мог быть решен на самолете. Необходимо было проконсультироваться с министерством юстиции. Разумеется, можно было бы посоветоваться с заместителем министра юстиции Катценбахом, но тот, вероятно, должен был при всех обстоятельствах согласовать свой ответ с Робертом Кеннеди. Таким образом, предстояло получить консультацию по правовому вопросу у министра юстиции кабинета Джона Кеннеди, автоматически ставшего министром юстиции при его преемнике. То обстоятельство, что он брат убитого президента, было жестокой иронией судьбы. Тем не менее, если новый президент хотел, по словам Тайлера, действовать «более осмотрительно», у него не оставалось иного выбора. Так, сидя на краю кровати Жаклин Кеннеди в присутствии Янгблада, стоявшего прислонившись к стене, Джонсон заказал разговор с Робертом Кеннеди, находившимся в Виргинии. Через несколько мгновений на вилле Хиккори Хилл зазвонил телефон, стоявший возле бассейна.

Джонсон не похож на Эдгара Гувера. Он деликатен и обходителен. Приступая к беседе с Робертом Кеннеди, он выразил ему свое соболезнование. Но став в то же время человеком необычайно занятым, он после кратких слов сочувствия сразу же перешел к делу. Он начал с того, что убийство, «возможно, является частью международного заговора». Интересно, что через семь с половиной месяцев Джонсон заявил комиссии Уоррена, что министр юстиции в этом разговоре согласился с такой интерпретацией и «обсуждал с ним возникшие в этой связи практические проблемы — проблемы особо срочного характера, поскольку мы в то время не

располагали никакой информацией в отношении мотивов убийства или того, что за ним, возможно, скрывалось». В действительности же Кеннеди никак не реагировал на предположение Джонсона. Он не разделял мнения тех, кто подозревал, что убийство — результат широкого заговора, и не понимал, о чем толкует Джонсон.

Переходя ближе к сути разговора, новый президент сказал Роберту Кеннеди:

— Здесь многие считают, что меня следует незамедлительно привести к присяге. Вы *не* возражаете против этого?

Кеннеди был поражен. Прошел едва лишь час с четвертью с тех пор, как он впервые узнал о покушении на президента и менее часа после того, как ему сообщили, что ранение смертельно. Как министр юстиции, он не видел нужды в такой спешке. В личном же плане он предпочитал, чтобы введение в должность нового президента было отсрочено до возвращения тела его брата в столицу.

— Конгрессмен Альберт Томас считает, что я должен быть приведен к присяге здесь, — сообщил Джонсон в поддержку своего предложения. Ответа не последовало. Он продолжал настаивать: — Такой точки зрения придерживаются многие другие.

Однако телефон у бассейна безмолвствовал. Кеннеди не возражал, он просто ничего не говорил. Переменив тактику, Джонсон снова сослался на возможность существования заговора и затем попросил проинформировать его. По словам Янгблада, он задал «ряд вопросов по поводу того, где, когда и каким образом ему следует принять присягу». Кеннеди слышал, как Джонсон переспросил его:

— Кто может привести меня к присяге?

— Я постараюсь узнать это и позвоню вам, — ответил Кеннеди.

Повесив трубку, Роберт Кеннеди затем попросил телефонистку соединить его с Ником Катценбахом. По записи секретаря Катценбаха, Кеннеди позвонил своему заместителю впервые после убийства в 15 часов по вашингтонскому времени. Катценбах вспоминает, что Кеннеди говорил по телефону «сухим и ровным голосом». Он сказал:

— Ник, Линдон хочет, чтобы его привели к присяге в Техасе, и опрашивает, кто может это сделать?

Катценбах ответил:

— Боб, я просто потрясен! — Ответа не последовало, и он продолжал: — Насколько я помню, любой, кто приводит граждан к присяге по законам федерации или штата, может это сделать. Подождите, пожалуйста, у телефона, я сейчас проверю это.

Боб стал ждать, а Ник позвонил по другому телефону Гарольду Рейсу, работавшему юрисконсульту министерства юстиции.

— Совершенно верно, — подтвердил слова Катценбаха Рейс и напомнил ему, что Кулиджа приводил к присяге его отец, бывший мировым судьей. Рейс добавил, что текст присяги, разумеется, содержится в конституции.

Пока Кеннеди советовался с Катценбахом, Джонсон еще дважды звонил в Вашингтон. Первый звонок был бывшему главному помощнику вице-президента Уолтеру Дженкинсу. Дженкинс сказал новому президенту то, что Джонсон уже знал, — что ему надлежит вернуться столицу. К несчастью, Дженкинс не знал ничего о порядке приведения к присяге. Не добившись здесь ничего, Джонсон позвонил специальному помощнику президента Кеннеди Макджорджу Банди. Но в обоих случаях он ставил вопрос не прямо, а косвенно, пытаясь добиться нужного ему ответа окольным путем. Характер нового президента делал это неизбежным, и для того, чтобы понять возникавшие в связи с этим недоразумения, необходимо отчетливо представить себе его подход и особенности. Людям, привыкшим иметь дело с президентом Кеннеди, казалось, что Джонсон говорит на каком-то чужом языке. В своей общественной и в частной жизни Кеннеди был столь же прямолинеен, как и его жест указательным пальцем во время пресс-конференций по телевизору. Джонсон же точно продвигался к сильно укрепленной позиции с фланга, или вел под нее подкоп, или нападал на ее защитников внезапно с тыла, обрушивая на них град препятствий с воздуха, или брал их измором. В редких случаях и весьма неохотно продвигался он по прямой от А к Б. Кратчайшим расстоянием между двумя точками для него был туннель.

Он был виртуозом действий за кулисами. Однако сложность его натуры сказывалась не

только в этом, так как редко кто в области политики получал меньше, чем он, удовлетворения, оставаясь в неизвестности. Если ему удавался какой-либо эффектный маневр, он, как в бейсболе, хотел, чтобы зрители заметили на перчатке игрока, поймавшего трудный мяч, инициалы «ЛД». И зрители безошибочно замечали это. От них это не могло ускользнуть. Только их неотвязно преследовало ощущение, что все заранее подготовлено, а игрок, бита и судья отмечены тем же самым клеймом. Правда, это было лишь ощущение, никаких доказательств никогда не было. Критики Джонсона называли его ловкачом, но не замечали утонченности его стратегии, его умения приводить в движение все пружинки и рычаги.

Стоило Джонсону оказаться вблизи коммутатора, как он, уподобляясь осьминогу, завладевал, словно гроздьями черных бананов, всеми телефонными трубками. Будучи лидером большинства в сенате, он с присущей государственному деятелю виртуозностью приводил в действие законодательную процедуру, часто используя при этом различных посредников, которые в свою очередь использовали других посредников. Дело обычно происходило так. Какой-нибудь советник Джонсона звонил своему коллеге. Тот в свою очередь звонил какому-нибудь компаньону. Последний договаривался о встрече с приятелем, а оба участника встречи тщательно замечали следы инициатора всей операции. Джонсон всегда успевал оказаться в центре событий на финише с протянутой рукой, чтобы подхватить падающий мяч.

Однако в ту пятницу у него не было времени. На него давили события, и на борту самолета он чувствовал себя в непривычной обстановке. Тем не менее итог его телефонных переговоров оказался поразительным. Свидетельством тому сделанные двенадцатью днями позже записи Банди: «Я имел короткую беседу с новым президентом и сказал, что ему нужно вернуться в Вашингтон, где все мы чувствуем себя неуверенно. Он согласился со мной, и я теперь уверен, что он сам тотчас пришел к тому же выводу». Тактика Джонсона, заключающаяся в том, чтобы добиваться нужных ему и заранее известных результатов, хорошо известна. С первого взгляда она может показаться бессмысленной. Но это не так. Преимущество ее в том, что за необходимые Джонсону суждения ответственность берет на себя его собеседник.

Во время беседы с Банди Джонсон признал, что присяга вызывает у него беспокойство и что он не знает, где проводить эту церемонию. Банди объяснил, что в данный момент он очень занят, так как контролирует полет возвращающегося правительственного самолета с министрами на борту. Он вообще не любил давать необдуманных советов, особенно когда они касались незнакомой ему области, а в данном случае области для него просто запретной. Профилирующей дисциплиной Мака в Йельском университете была математика, и он требовал от жизни, чтобы она протекала с точностью математических формул. Для него было очевидно, что проблемы присяги нового президента относятся к чьей-то другой компетенции. Он вежливо предложил Джонсону «поручить это министерству юстиции». Он был прав. Присяга относится к сфере юридической так же, как оружие — к сфере военной. Совет Банди был безупречен. И хотя министр юстиции, как и новый президент, предпочел бы, чтобы кто-то другой занялся этим вопросом, ответ надлежало дать министерству юстиции. Пока Джонсон беседовал по телефону с Банди, Ник Катценбах снова связался с Бобом Кеннеди и подтвердил ранее высказанное им мнение.

— Значит ли это, что привести к присяге может любой федеральный судья? — спросил Кеннеди.

— Любой судья, включая судью окружного суда, — ответил Ник и добавил: — полагаю, что ему захочется, чтобы это была Сара Хьюз. Сара была из Далласа, и Катценбах помнил, как настойчиво поддерживал Джонсон ее кандидатуру.

Сидя у себя в библиотеке, Роберт Кеннеди, предложил телефонистке Белого дома прервать разговор Джонсона с Банди ж соединить нового президента с ним. Суть их разговора неясна. Существует два варианта второй беседы Джонсона с Кеннеди, так же как имеются две версии его второго разговора с О'Доннелом в Парклендском госпитале. Факты неясны, и беспристрастный наблюдатель не в состоянии составить себе определенного, мнения. Согласно последующим показаниям, данным президентом а комиссии Уоррена, Кеннеди посоветовал, «чтобы я принес присягу немедленно, не дожидаясь отлета в Вашингтон, а принять присягу рекомендовал поручить должностному лицу суда Соединенных Штатов». Воспоминания

Янгблада об этом разговоре туманны. Он склонен поддержать, с некоторыми оговорками, версию своего босса, но резонно поясняет, что во время разговора он слышал только одну сторону. Находившийся на другом конце провода Кеннеди не помнит, чтобы он рекомендовал Джонсону незамедлительное проведение церемонии присяги. При этом необходимо иметь в виду, что рекомендация такого рода не соответствовала бы состоянию, в котором находился тогда Роберт Кеннеди.. Он к тому же припоминает, и это подтверждает бывший тогда с ним его специальный помощник Эдвин Гутман, что ответил Джонсону:

— Любой может привести вас к присяге. Может быть, вы хотели бы, чтобы это было сделано одним, из местных судей, назначению которого вы способствовали. Любой судья может это сделать.

Затем его спросили, где можно достать текст присяги. Кеннеди ответил:

— Это не проблема. Текст найдут.

— Прекрасно, — сказал Джонсон и повесил трубку. Однако в действительности ничего хорошего не было.

Текст все еще не был найден.

Находившийся в салоне Клиф Картер посоветовал секретарше вице-президента Мари Фемер:

— Вы бы лучше пошли и помогли ему — он все время звонит по телефону.

Мари Фемер вошла в спальню Кеннеди и увидела Джонсона, сидящего на кровати. Она присела на кресло лицом к двери. От Джонсона ее отделял лишь стол и телефон.

— Запишите-ка это, — сказал Джонсон и принялся диктовать ей краткие записи своих бесед с Уолтером Дженкинсом, Макджорджем Банди и Робертом Кеннеди.

— Разыщите Сару Хьюз, — распорядился он затем.

К телефону в суде подошел клерк Сары, Джон Снинуцца. Он сообщил, что Сара Хьюз отсутствует. Она, насколько ему было известно, направилась к зданию Торгового центра, чтобы присутствовать там на официальном завтраке в честь президента. Отобрав трубку у своего секретаря, новый президент лаконично бросил:

— Говорит Джонсон. Срочно найдите ее. Затем, обращаясь к Мари Фемер, приказал:

— Постарайтесь разыскать Ирва Голдберга.

Ирвинг Голдберг был местным прокурором и ветераном политических кампаний Джонсона в Техасе. Но и его не оказалось на месте. Как и Сару Хьюз, его видели направляющимся к Торговому центру. Подобно ей, он по пути заехал домой и сейчас сидел у телевизора. Зазвонил телефон у него на квартире, и взволнованная секретарша доложила ему:

— Вас спрашивают из Белого дома в Далласе.

Затем голос ее стал замирать и наконец пропал. Телефон работал из рук вон плохо. И вдруг до Голдберга донесся слабый, но знакомый голос:

— Говорит Линдон. Как вы полагаете, где следует привести меня к присяге: здесь или в Вашингтоне?

Ирв стал быстро соображать. Может быть, Джонсон уже президент? Однако он не помнил, как это записано в конституции. Лучше было все же перестраховаться.

— Я думаю, что здесь.

— Кто это должен сделать?

— Сара Хьюз.

— Мы пытаемся разыскать ее и привезти сюда. Помогите нам.

Повесив трубку, Голдберг позвонил федеральному прокурору Бэрфуту Сандерсу. Тот только что вернулся в свою контору из Торгового центра и по уши погрузился в изучение различных сводов законов в поисках статьи, на основании которой можно было предъявить обвинение убийце президента. Ему уже звонили и давали различные советы федеральные прокуроры Сан-Антонио (Техас) и Форт-Смита (штат Арканзас). Сам Сандерс обращался за советом к своей конторе в Форт-Уорте (Техас) и в уголовное отделение министерства юстиции в Вашингтоне. Сандерс нуждался в любой консультации, которую мог получить. Дело Освальда породило юридический кошмар. Директор ФБР Эдгар Гувер действовал в Вашингтоне исходя из предпосылки, что стрелявший на Элм-стрит в Далласе нарушил федеральный закон. Тридцать семь лет назад, когда в штате Иллинойс был убит агент ФБР, Гуверу удалось

добиться закона, охранявшего его агентов. Но ему и в голову не могло прийти, что законодательство пока не предусматривало специальной охраны президента Соединенных Штатов. Шефа ФБР ожидал шок. Начиная с 1902 года все начальники секретной службы настаивали на том, чтобы конгресс объявил убийство президента федеральным преступлением, однако никто из них не преуспел в этом. Согласно кодексу федеральных законов США, незаконным считалось лишь угрожать жизни главы государства, но этот кодекс не предусматривал ничего на случай, если бы угроза была приведена в исполнение и убийце удалось осуществить свой замысел. Было лишь одно исключение: в случае, если действия убийцы являлись частью заговора, ФБР имело право вмешаться. Однако убийца в Далласе действовал в одиночку⁴⁰, и, как только это подтвердилось⁴¹, он сразу же подпал под юрисдикцию исключительно местных властей. Он был виновен в уголовном преступлении, нарушающем только законы штата Техас. Юридически не существовало никакой разницы между убийством президента и поножовщиной в каком-нибудь баре Далласа.

Бэрфут безуспешно пытался найти решение этой неразрешимой проблемы. Он составил не менее пяти различных вариантов обвинительного заключения. Всем им предстояло отпасть как необоснованным, но вначале он еще надеялся, что какой-то из них позволит передать убийцу в руки федерального правосудия. Бэрфут имел в своем распоряжении три закона федерального кодекса США: закон против пропаганды насильственного свержения правительства, общий закон против заговорщической деятельности и закон Гувера, охраняющий неприкосновенность «должностных лиц и служащих», проводящих в жизнь федеральные законы. Последний мог бы быть использован, если бы подтвердилось переданное в 14.14 сообщение Ассошиэтед Пресс, что убит агент охраны президента. ФБР не могло арестовать убийцу президента. Оно имело лишь право задержать убийцу телохранителя президента.

Настойчивые попытки Бэрфута использовать эти акты с помощью крючкотворства были прерваны звонком Голдберга. Кратко изложив содержание своей беседы с Белым домом в Далласе, Голдберг сообщил, что он предложил, чтобы Сара Хьюз привела нового президента к присяге, и это его предложение принято Джонсоном.

— Отлично, если только мы сможем найти ее, — ответил Сандерс и пообещал: — Постараюсь сделать все возможное.

Кабинет Сары Хьюз был расположен как раз над служебным помещением Сандерса. Он кинулся наверх и вошел в приемную как раз в тот момент, когда позвонила сама Сара. Независимо от Джонсона, Голдберга и Сандерса она решила справиться, не звонил ли ей кто-нибудь. Сандерс взял трубку.

— Говорит Бэрфут, — сказал он. — Вице-президент хочет, чтобы вы привели его к присяге в качестве президента. Могли бы вы это сделать?

Сара ответила утвердительно. В этот момент ее секретарь, держа трубку другого аппарата, стал делать Сандерсу отчаянные знаки. С борта самолета звонил один из помощников Джонсона. Сандерс кивнул. Он знал, о чем идет речь. И он уже делал то, о чем его собирались просить.

— Куда мне ехать? — спросила Сара.

— На аэродром Лав Филд. Я договорюсь с секретной службой, и вас пропустят. Сколько вам потребуется времени, чтобы туда добраться?

— Десять минут, — сгоряча ответила она и тут же спросила: — А где текст присяги?

— Я позабочусь, чтобы он ожидал вас в аэропорту. Однако Бэрфут обещал больше, чем мог выполнить.

Его участие в предстоящей церемонии заканчивалось этим телефонным звонком. Но тот факт, что его усилий не хватило на большее, отнюдь не говорит против него. Царивший вокруг бедлам вывел всех из строя. Не успел он повесить трубку, как снова зазвонил телефон: звонил

⁴⁰ По официальной версии.

⁴¹ Согласно той же официальной версии.

Руфус Янгблад, которому Джонсон приказал обеспечить полицейский эскорт для Сары Хьюз. Бэрфут сообщил, что она уже выехала. Эскортировать Сару Хьюз не имело смысла, так как это только задержало бы ее прибытие на аэродром. Мотоциклисты могли бы не найти ее или, что также было вполне вероятно в общей сумятице, обратиться не к тому начальству.

О масштабах хаоса свидетельствуют три сообщения далласской полиции, записанные на пленку. Так, в 13.56 полицейское радио неправильно указало домашний адрес убитого сотрудника полицейского управления Дж. Д. Типпита, супруга которого нуждалась в соболезновании его сослуживцев. В 14.24 диспетчер объявил по радио, что прибывает «некий г-н Билл Мойерс, который приведет к присяге президента». В 14.35 тот же диспетчер, внося поправку в предыдущее сообщение, объявил патрулирующим полицейским:

— Мы получили сейчас сообщение, что судья Сара Хьюз следует из Парклендского госпиталя на аэродром Лав Филд, чтобы привести к присяге президента Джонсона.

Мойерс не был правомочен выполнить приписывавшиеся ему полицейским радио функции, а Сара находилась далеко от госпиталя. Однако обе эти ошибки вполне объяснимы. Люди из окружения Джонсона, даже находясь в Техасе, были по большей части неизвестны, а существенная слабость системы телефонной связи заключается в том, что, услышав звонок и отвечая на вызов, легко спутать местонахождение говорящего. В этот день в Далласе, да и повсюду в стране, люди часто принимали обычные телефонные звонки из соседнего кабинета за междугородный разговор. Поэтому и в полицейском департаменте, узнав о звонке Сары Хьюз на работу, заключили, что она была с группой из окружения нового президента, оставшейся в Парклендском госпитале после отъезда из него Джонсона.

Текст клятвы — это другое дело. Федеральный прокурор обязан был обеспечить его. Но Бэрфут настолько погрузился в кодексы законов, что юридические тонкости законодательства полностью завладели его сознанием.

Сандерс не мог сообразить, где воспроизведен текст присяги президента. Он искал его в сводах законов, взятых им из трех библиотек — его собственной, Сары и некоего судьи Джо Эстеса. Когда клерк сказал ему:

— А почему бы не заглянуть в конституцию?

Бэрфут тут же ответил:

— Разумеется, — и почувствовал себя очень неловко. Однако ему нечего было краснеть. Федеральный судья Северного округа Техаса Сара Хьюз была старше его по чину, но и она забыла о конституции. Мало того, поскольку все присяги имеют в значительной мере единую основу, она сочла, что буквальный текст присяги, нужной в данный момент, не имеет столь уж большого значения. Позднее она вспомнил; «Я не боялась церемонии, так как могла справиться и без текста. Сама набросала бы текст». Направляясь в аэропорт на своей спортивной машине красного цвета, Сара была гораздо больше озабочена скоростью передвижения. Она была знакома с Джонсоном с 1948 года и «хорошо знала, что он будет торопиться, — таков уж его характер».

Однако Джонсон любил также, чтобы все делалось надлежащим образом. И к вящему удовольствию тех американцев, которые привыкли серьезно относиться к конституции, он не оставил без внимания ни один из важных источников, где можно было получить текст. В 14.20 по далласскому, то есть в 15.20 по вашингтонскому, времени в кабинете заместителя министра юстиции Ника Катценбаха снова зазвонил телефон. Это Белый дом в Далласе продолжал неутомимые поиски юриста, который бы точно знал, что именно должен говорить президент, вступая на свой пост. Ник ответил:

— Слушайте внимательно. Я продиктую текст.

На борту президентского самолета Клиф Картер велел Мари Фемер подойти к телефону в кабинете связи и записать текст под диктовку Катценбаха. Положив на стол телефонную трубку, Катценбах подошел к книжному шкафу, открыл стеклянные дверцы и взял с нижней полки тяжелую книгу в синем переплете. Это была аннотированная (снабженная примечаниями) конституция, напечатанная в 1953 году в правительственной типографии. Вернувшись к письменному столу, Катценбах торжественно зачитал слова присяги:

«Торжественно клянусь (или подтверждаю), что буду ревностно исполнять должность президента Соединенных Штатов и приложу все усилия к тому, чтобы соблюдать, ограждать и

защищать конституцию Соединенных Штатов».

Карандаш Мари легко скользил по блокноту, и, пока она писала, Джонсон, находившийся в спальне Кеннеди, вышел оттуда и вошел в салон, где Валенти, Картер, конгрессмены Томас и Торнберри вместе с Леди Бэрд сидели и внимательно следили за телепередачами. Завидев у входа высокую фигуру, они дружно поднялись на ноги. Только сейчас до их сознания дошло, кто стоит перед ними, и Томас стал вторым, кто в этот день обратился к Джонсону, называя его как следовало.

— Это страшное время, господин президент, но мы убеждены, что вы справитесь с «им», — сказал он.

Услышав это «господин президент», Валенти, как он потом говорил, почувствовал, что у него внутри «все перевернулось». Обращаясь к нему, Джонсон сказал:

— Я только что беседовал с министром юстиции, и он советует, чтобы я был приведен к присяге здесь. — Обратившись в сторону Мари, президент добавил: — Проверьте текст присяги.

Быстро вставив чистый бланк из картотеки в одну из двух электрических пишущих машинок, имевшихся на самолете, Мари уже успела отпечатать свою запись. Валенти вбежал к ней из салона, схватил карточку и телефонную трубку и зачитал Катценбаху текст.

— Правильно, — подтвердил Ник.

Мари присоединилась к сидевшей около телевизора группе в салоне. Голос диктора был плохо слышен, и она постепенно стала понимать почему: из хвостовой части самолета раздавался стук молотка.

— Что это за шум? — спросила она у Клифа.

— Они снимают сиденья, чтобы освободить место, — сказал он и замолчал.

— Ах, вот оно что, — сказала она, все еще не понимая, о чем идет речь.

Глаза Клифа покраснели. Отвернувшись, он закончил фразу:

— Место для гроба.

— Ох! — наконец поняла Мари.

Все сразу замолкли. И звуки телепередачи, поскольку телевизор находился всего лишь в нескольких шагах от собравшихся вокруг него, заметно усилились. Было такое впечатление, будто кто-то поставил его на максимальную громкость.

Телекомментаторы все еще бродили в потемках, а в Далласе, в деловой части города, события тем временем приобрели драматический оборот. В одном из кинотеатров был арестован человек, убивший полицейского Типпита. За пять минут до того, как Катценбах продиктовал Мари текст присяги, оперативная группа полиции установила, что арестованный работал кладовщиком в Техасском складе учебников и, кроме того, является тем единственным служащим, которого не оказалось на месте во время последовавшей через полчаса после убийства президента проверки личного состава директором склада Трули. Итак, в беспросветной тьме замерцал первый слабый свет.

Побег и арест Ли Харви Освальда следует рассматривать в определенном контексте. Это, безусловно, нелегкая задача. Разум инстинктивно отвергал какую-либо связь между ним и мученической смертью главы государства. Но чувствуется, что Освальд убил в преступной надежде на то, что отраженный свет славы Кеннеди озарит его безвестное существование.

— Теперь все будут знать, кто я, — заявил он полицейскому капитану, после того как был пойман.

Пусть причиненное горе непоправимо, но справедливость требует, чтобы зло было уничтожено.

Чтобы привлечь к себе внимание, Освальд подло убил президента Соединенных Штатов Америки выстрелом в спину, поэтому представляется кощунственным замечать или, даже упоминать его имя в исторических трудах. Это было бы оскорблением. Мы хотим, чтобы его не было. Но он существует. Он не изгладится из нашей памяти, как не изгладилась Бут и Квислинг⁴². Их имена пятнают страницы наших учебников. Так будет и с именем Освальда.

⁴² Квислинг — главарь норвежских фашистов, марионеточный «глава правительства» Норвегии в период ее оккупации гитлеровскими войсками в годы второй мировой войны. После войны казнен за измену по приговору

Память времени, лишенная щепетильности, объединяет распятого и распявших, Бальдура и Локи⁴³, Эйхмана⁴⁴ и истребленных им миллионов евреев. Поэтому никакая справедливость не в силах разобщить их. Изучение обеих сторон медали вообще дело трудное, особенно когда это приходится делать одновременно. Изучение преступления, о котором идет речь, делает необходимым синхронное сопоставление событий 22 ноября 1963 года. Ведь эти события развивались синхронно. Это было похоже на то, как если бы державы оси капитулировали и одновременно между полуднем и серединой второй половины одного и того же дня в 1945 году, в одном и том же месте оборвалась жизнь Адольфа Гитлера и Франклина Рузвельта.

Людам свойственно ограниченное определенными рамками восприятие. 22 ноября убийство вытеснило из сознания людей почти все остальное. Официальное сообщение о кончине Кеннеди было высшей точкой насыщенности восприятия. Потрясенный мозг воспринимал сочувствие близким Кеннеди, тревогу о судьбах страны и чувство личной утраты. Даже Линдон Джонсон вызывал чувство неприязни. Один наблюдатель настроений среди студентов колледжа отмечал, что многие студенты говорили в то время «о невольном охватившем их чувстве негодования против Джонсона, отчасти из-за его техасского происхождения, а отчасти потому, что, как им тогда казалось (совершенно необоснованно, по их собственным признаниям), он неведомым образом узурпирует власть президента». Переход власти воспринимался как порция горького лекарства. Еще в школе американцы знакомились с фактами, относящимися к преемственности власти или, точнее говоря, с принятой версией этих фактов. Они знали, что через это надо пройти, и мирились с этим. Но сейчас они и думать не хотели о примирении со случившимся. Преемник убитого президента в их сознании был отодвинут куда-то на самый задний план трагическими фигурами вдовы, детей, родителей, сестер и братьев убитого и его главных помощников. Каждый из них был известен гораздо шире, чем относительно бесцветная фигура вице-президента.

От Джонсона ожидалось только, чтобы он в конце церемонии присяги пробормотал «да» и снова исчез за кулисами. Признав факт его введения в должность президента, общественность быстро переключилась на проблемы, волновавшие ее тогда, видимо, гораздо сильнее.

Но если новому президенту была, таким образом, отведена роль статиста, которого затем бесцеремонно выпроваживали за кулисы, то убийцу просто открыто гнали с подмостков истории. Он даже редко у кого вызывал любопытство. Позднее, через некоторый промежуток времени (и, между прочим, уже после того как он сам был убит) о нем снова вспомнили. Продолжение было гнетущим. Смерть Освальда была столь же типична, как и его жизнь. А после его смерти призрак Освальда как бы продолжал начатый им вульгарный спектакль, кривлялся, высокомерничал, идя на все, чтобы оставаться в центре внимания, чему, к сожалению, способствовала назначенная новым президентом комиссия по расследованию убийства президента Кеннеди. Это было неизбежно.

Мандат комиссии, возглавлявшейся председателем Верховного суда США Эрлом Уорреном, не оставлял для нее иного выбора. Ее доклад вполне мог иметь подзаголовок: «Жизнь Ли Харви Освальда», ибо он в значительной мере представляет собой его биографию. Будь Освальд жив, он бы немало позлорадствовал по этому поводу. В индексе доклада содержится почти в четыре раза больше ссылок на Освальда, чем на Кеннеди и Джонсона, вместе взятых.

Ли Освальд уже неоднократно упоминался в этой книге как убийца Кеннеди, причем здесь никогда не фигурировали определения «подозреваемый» или «предполагаемый». Это может не понравиться тем, кто находится в плену неправильных представлений, что установить

норвежского суда.

⁴³ Бальдур и Локи — персонажи скандинавской мифологии. Локи, бог вражды и духа зла, убил Бальдура, который был божеством, олицетворявшим блага, исходящие для людей от солнца.

⁴⁴ Эйхман — один из главарей СС, руководивший уничтожением миллионов евреев — граждан ряда европейских стран.

виновность может лишь судья, облаченный в черную мантию. Главный редактор «Нью-Йорк таймс» потом извинялся перед своими читателями за то, что в одном из заголовков газеты Освальд был назван убийцей. Через четыре месяца после опубликования доклада комиссии Уоррена «Вашингтон пост» все еще продолжала именовать Освальда «предполагаемым убийцей». Однако всему есть предел.

Доказательства вины Освальда носят гораздо более исчерпывающий характер, чем это было, например, в случае с Бутом, не говоря уже об Иуде Искарите. Именно Освальд был убийцей. В таком определении нет ничего условного. Печать Каина лежит на его челе. С того момента, как он, бросив свое выписанное по почте ружье на верхнем этаже книжного склада, спустился вниз по лестнице, оставив зацепившиеся за пластинку приклада несколько ниток от своей рубашки, а также многочисленные отпечатки пальцев и ладоней рук на самом ружье, на бумажном мешке, в котором он прятал винтовку, когда ехал из Ирвинга в машине с Уэсли Фрэзиером, да еще на картонной коробке, служившей опорой для ружья, не могло быть сомнения в окончательном его осуждении.

... Разумеется, в том случае, если бы Освальда судили. Его быстрый арест 22 ноября рассматривали как примечательное достижение. Однако в действительности примечательным следует считать то, что ему удалось в течение часа двадцати минут скрываться от людей Джесса Карри. Когда Освальд открыл стрельбу, на тротуаре внизу здания стояли полицейские, а на мостовой — конные полицейские. Один из них — Маррион Л. Бейкер находился прямо под стволом винтовки. Когда Освальд оставил ружье марки «Манлихер — Каркапо» между двумя рядами коробок и ринулся вниз по лестнице, Бейкер сошел с мотоцикла и вместе с директором склада Трули бросился наверх.

Поднявшись на площадку второго этажа, полицейский увидел убийцу на расстоянии двадцати футов входящим в закусную склада. Так как Освальд удалялся от него, у Бейкера сложилось несомненно правильное впечатление, что тот спешит куда-то. Выхватив револьвер, полицейский окликнул его:

— Подойдите сюда!

Освальд подошел. Бейкер спросил Трули:

— Знаете ли вы этого человека? Он что, работает здесь?

Трули подтвердил это, и полицейский отошел.

— Трули подтвердил, что Освальд работает на складе, — пояснил потом автору этих строк далласский полицейский инспектор, — и Бейкер, естественно, решил, что все работавшие на складе были вне подозрения.

Ввиду потрясающей глупости Освальда и его склонности к панике вполне вероятно, что он потерял голову, когда полицейский Типпит подозвал его на улице. Путь следования преступника после убийства можно восстановить с абсолютной точностью. Предельно сжатое описание последовательных этапов его движения дано следующей таблицей.

12.30

Действия Освальда: Стреляет в Джона Ф. Кеннеди с шестого этажа книжного склада

Действия полиции Далласа: Начальник полиции Далласа Карри дает указание привести в готовность Парклендский госпиталь и приказывает обыскать Тройной тоннель под виадуком.

12.31,5

Действия Освальда: Его останавливает на втором этаже При входе в закусную книжного склада полицейский Маррион Л. Бейкер. Директор этого склада Трули объясняет полицейскому, что Освальд работает здесь на складе.

12.32

Действия Освальда: Около главной лестницы склада его Встречает церковный попечитель, который, обращаясь к нему, говорит: «Не правда ли, это ужасно?» — а тот что-то

бормочет в ответ.

Действия полиции Далласа: Бейкер продолжает подниматься выше, направляясь на крышу склада, полагая, что, судя по исходившему от голубей шуму, стреляли с крыши.

12.33

Действия Освальда: Покидает склад через главный вход. По пути останавливается для того, чтобы сказать корреспонденту Эн-Би-Си Роберту Макнейлу, что в здании имеется телефон. Думает, что Макнейл — агент секретной службы.

12.34

Действия полиции Далласа: Полицейский диспетчер по одному из каналов радиопередачи упоминает книжный склад как здание, откуда, возможно, были произведены выстрелы. По другому каналу патрулирующие на машинах полицейские слышат звуки сирен и искаженных передач, передаваемых по другим каналам.

12.35

Действия полиции Далласа: Патрулирующий, на мотоцикле полицейский Клайд Хэйгуд радирует в штаб-квартиру, что только что говорил с парнем, который утверждает, что выстрелы были сделаны из здания Техасского книжного склада, на крыше которого имеется световая реклама фирмы «Герц».

12.37

Действия полиции Далласа: Полицейский Хейгуд снова радирует: «Пошлите людей окружить здание Техасского книжного склада. Полагаю, что выстрелы сделаны из этого здания». Прибывает полицейский инспектор Герберт Сойер и приказывает запечатать вход в склад.

12.40

Действия Освальда: В семи кварталах от склада садится на автобус на углу Элм-стрит и Мэрфи-стрит в деловой части Далласа.

12.44

Действия Освальда: Берет пересадочный билет и выходит из автобуса.

Действия полиции Далласа: По радио передается код тревоги № 3 — всем патрулирующим деловую часть Далласа полицейским дается приказание осторожно следовать в район Элм-стрит и Хьюстон-стрит. Полицейский инспектор Сойер, сидя в снабженной радиопередатчиком машине, находящейся у входа в склад, радирует по второму каналу описание внешности Освальда, сделанное на основании показаний очевидца Бреннана. Полицейскому Типпиту приказывают патрулировать район Оук-Клиф.

12.47 — 12.48

Действия Освальда: На расстоянии 3,5 квартала от автобуса, с которого сошел, садится в такси около остановки междугородных туристических автобусов «Грейхаунд». Молчаливо сидит рядом с водителем. Тот думает, не навеселе ли этот парень?

Действия полиции Далласа: Производится ретрансляция описания внешности Освальда для сведения всех патрулей.

12.50

Действия полиции Далласа: Главный агент секретной службы Соррелз обнаруживает, что черный ход склада не охранялся полицией.

Велит Трули составить список всех служащих склада.

12.54

Действия Освальда: Проехав 2,5 мили, выходит из такси на углу Бекли-стрит и Нилистрит в пяти минутах ходьбы от того места, где он снимает комнату.

Действия полиции Далласа: Типпит докладывает по радио из своей машины, что он прибыл на место. Диспетчер приказывает ему «быть готовым ко всякого рода неожиданностям».

12.55

Действия полиции Далласа: В третий раз по радио передается для всех патрулей описание внешности Освальда.

12.59 — 13.00

Действия Освальда: Подходит к своему дому и оставляет без внимания приветствие хозяйки.

13.03

Действия Освальда: Покидает дом с пистолетом, застегнув молнию своей куртки доверху. Вернувшись на склад, директор Трули замечает отсутствие Освальда.

Действия полиции Далласа: Трули сообщает полицейскому, что «среди служащих склада один отсутствует». Полицейский говорит:

"Пойдемте проинформируем капитана Фритца". — Нигде не могут найти Фритца.

13.12

Действия полиции Далласа: Заместитель шерифа Люк Муни находит три пустых гильзы от патронов поблизости от окна на шестом этаже.

13.15

Полицейский Типпит останавливается около аптеки, меньше чем в миле от дома с меблированными комнатами, где он живет. Освальд убивает Типпита четырьмя выстрелами из пистолета. Девять очевидцев опознают Освальда.

13.16

Действия полиции Далласа: Шофер «пикапа» передает по радио Типпита «Алло, полиция, у нас здесь велась стрельба».

13.22

Действия Освальда: Все еще с пистолетом в руке пересекает Паттон-стрит и бежит в сторону бульвара Уэст-Джефферсон. Бежит мимо находящейся напротив автомобильной стоянки автозаправочной станции «Тексако» и бросает там свою куртку.

Действия полиции Далласа: Диспетчеры полицейского управления передают по радио

новое описание внешности Освальда, основанное на наблюдениях двух женщин, видевших его. Полиция с помощью заместителя шерифа Юджина Буна находит на шестом этаже книжного склада винтовку. Трули докладывает капитану Уиллу Фритцу. — У меня исчез один человек.

13.35

Действия Освальда: Бежит мимо храма Бетель и вывешенных на нем изречений: «Готовься встретиться с твоим богом» и «Иисус спасает».

13.40

Действия Освальда: Вбегает, не купив билета, в кинотеатр «Техас», находящийся на расстоянии восьми кварталов от места, где убит Типпит.

13.45

Действия полиции Далласа: Диспетчер полицейского управления передает по каналу № 1: «Имеется информация, что какой-то подозрительный человек только что вошел в кинотеатр „Техас“ на бульваре Уэст-Джефферсон». Патрулирующие полицейские машины начинают стягиваться к кинотеатру.

13.50

Освальда арестовывают в кинозале после того, как он, оказывая сопротивление, пытается застрелить еще одного полицейского. Кричит:

— Ну, теперь все кончено! — Затем, когда его выводят, снова кричит.

— Я протестую против грубости полиции!

13.51

Действия полиции Далласа: Из полицейской машины № 2 сержант докладывает:

— Подозреваемый в убийстве полицейского задержан и находится на пути в отделение полиции.

14.00

Действия полиции Далласа: Полицейский диспетчер отдает по каналу №2 распоряжение, чтобы эскорт код № 2 (снабженный красными огнями и сиренами), следовал в Парклендский госпиталь для сопровождения Жаклин Кеннеди.

14.15

Действия полиции Далласа: Капитан Фритц возвращается с книжного склада в отделение уголовного розыска и отдает распоряжение об аресте Освальда, исчезнувшего со склада. В ответ ему сообщают, что он уже здесь.

14.30

В комнате № 317 начинается допрос Освальда. На допросе присутствуют: агент секретной службы Соррелз и представитель ФБР Хости.

Маргарина Освальд, направлявшаяся на работу в машине, включила радио и узнала, что сын ее арестован. Сделав поворот на 180 градусов, она мчится семь кварталов на своем стареньком «бьюике» домой и звонит Бобу Шифферу, репортеру газеты «Форт-Уорт стар

телеграм». Впервые после того, как ее сын попытался остаться в Москве, Маргарита снова оказывается в центре внимания общественности. По ее словам, она стала «обвиняемой матерью».

Последующие перемещения «обвиняемой матери», по-видимому, были продиктованы необычным стремлением к саморекламе и меркантильными соображениями. По словам Марины, с которой она встретилась после того, как Шиффер и другой журналист подвезли Марину на своей машине в Даллас, Маргарита была одержима одной манией. Это были «деньги, деньги и еще раз деньги». Впоследствии мать Освальда вспоминала сама, как она пыталась торговаться с журналистами. Она сказала Марине:

— Мама хочет денег. — Протянув руку в сторону репортеров, она потерла большим пальцем о другие.

— Ребята, гоните монету, я вам дам материал, — сказала она одному из них, назвавшемуся Томми Томпсоном.

Но мама была далеко не столь хитра, как казалось. Ей ничего не заплатили за фотографии. Хуже того, на снимках она выглядела чрезвычайно непривлекательно. Готовясь спустить затвор аппарата, фотограф и не подумал предупредить ее и запечатлел Маргариту как раз в тот момент, когда она, развалясь в небрежной позе, сидела со спущенными чулками, выставляя напоказ свои толстые ноги. Она так и не смогла простить ему этого.

В первые часы после ареста сына Маргарита Освальд еще не знала, как держать себя. Самым неожиданным образом она стала знаменитостью, но у нее не было своего пресс-агента, а переговоры с представителями средств массовой информации могли любого повергнуть в отчаяние. У нее не хватило времени в деталях продумать свое поведение и в другом отношении. Когда Ли позвонил из тюрьмы и сказал, что хочет поговорить с Мариной, мать грубо оборвала разговор. Рут Пейн была неприятно поражена этим эпизодом. Тогда Маргарита следующим образом объяснила стоявшую перед ней дилемму:

— Он в тюрьме и не знает, что мы переживаем и что нам еще угрожает. Поэтому с его желаниями можно не считаться.

Маргарита Освальд вообще самая невероятная личность из тех, с какими ее сын сталкивался в своей жизни, если, конечно, не считать его самого. Она поистине единственный в своем роде тип. Правда, все семейство состояло из довольно загадочных людей. Было бы слишком соблазнительно отмахнуться от желания общественности поставить Ли Освальда в положение изгоя и представить это желание как своего рода высокомерие. Мужчины и женщины из круга знакомых Ли Освальда действительно отличаются большими странностями. Несомненно, и самого Освальда скорее можно уподобить гротескному образу из романа Диккенса. Он поразительно похож на героя романа «Барнаби Радж». Радж, подобно Освальду, не имел друзей. Освальд, так же как Радж, был не в силах справиться с самыми очевидными последствиями своих собственных поступков. Покинув убитого им Типпита, он побежал в кино, надеясь, что спасительная темнота кинозала послужит ему надежным убежищем. Ему и в голову не приходило, что одним поворотом выключателя можно залить светом весь зал кинотеатра и, конечно, его место в десятом ряду.

В кинотеатре шел фильм «Война — это ад» — плохая картина из серии низкопробных голливудских боевиков. Невероятная же история самого Освальда была реальностью. Это знает вся Америка. Страна видела все происходившее в кинозале. Благодаря телевидению сотни миллионов людей как бы сгрудились колоссальной толпой под навесом у входа в театр, когда Освальда выводили из кино, и затем следили за тем, как его увезли к капитану Фритцу в комнату № 317. Тем временем телекомментаторы насыщали зрителей обрывками информации о прошлом Освальда. Он стал широко известен уже в первые часы после ареста. В итоге страна знала о нем столько же, сколько допрашивавшие его полицейские следователи. Некоторые знали даже больше. Капитан третьего ранга Халлет узнал Освальда еще до того, как радио и телекомпания сообщили о его жизни в Советском Союзе. Услышав эту передачу, Джордж Болл отвернулся от экрана телевизора в кабинете на восьмом этаже здания госдепартамента. Исполняющий обязанности государственного секретаря был обеспокоен. Он велел проверить имевшееся в госдепартаменте досье, чтобы установить, нет ли там каких-нибудь материалов. Их оказалось немало.

Авантюра с поездкой Освальда в Советский Союз была воспринята как манна небесная. Поскольку Америка не могла отречься от него, оставалось свалить ответственность за его поступки на красных. В действительности же он уезжал из Техаса ненадолго. Он пробыл в СССР тридцать два месяца. Большую часть этого времени он потратил на то, чтобы добиться возвращения в США. После первого года пребывания в СССР он сделал в своем дневнике следующую запись:

«Я начинаю пересматривать свое намерение остаться здесь. Работа скучная. Деньги, которые получаешь, некуда девать. Здесь нет ни ночных клубов, ни кегельбана. Никаких развлечений, за исключением организуемых профсоюзами танцев. С меня хватит.»

И он возвращается назад, в страну, вынужденную признать тот факт, что она является его родиной, так же как американцам со временем придется примириться с тем, что он вошел в историю Америки.

Даллас особенно силился предать забвению то, что убийца бродил по улицам этого города, читал его ведущие газеты, смотрел патриотические передачи местной телевизионной студии и охотно слушал анекдоты, высмеивавшие Кеннеди, которые рассказывали друг другу его сослуживцы по складу на площади Дили. В своих показаниях после убийства президента Бернард Вейсман, молодой активист ультраправого лагеря, признавал, что он «испустил вздох облегчения», когда услышал, что Освальд называет себя марксистом и что во всяком случае он не принадлежит к числу «уокеровских парней». Корреспондент Боб Баскин из далласской газеты «Морнинг ньюс» тоже почувствовал облегчение от того, что Освальд не принадлежал к правому крылу. Однако уже в то время некоторые жители Далласа опасались, что мировое общественное мнение скептически отнесется к этой версии. Один врач в Парклендском госпитале осторожно сказал:

— На счету у Далласа уже было несколько весьма прискорбных происшествий.

Один техасец — военный заявил:

— Теперь Даллас навсегда отмечен черным клеймом.

В беседе с представителем журнала «Ньюсуик» далласский коммивояжер сказал:

— Надеюсь, ребята, вы не слишком плохого мнения о Далласе?

Ехавший в полицейской машине из Парклендского госпиталя на аэродром Лав Филд корреспондент Юнайтед Пресс Интернейшнл Мерримэн Смит слышал, как водитель-полицейский говорил:

— Надеюсь, не будут во всем этом винить Даллас.

— Будут, — ответил ему кто-то из сидевших в машине. Это обстоятельство беспокоило Даллас. «Большой Д.», как именовали город, мрачно размышлял о своей репутации, не подозревая, что сама эта его озабоченность вызывает подозрения у наблюдающей за ним страны. В клубе «Импириел» при отеле «Бейкер» и «Рипабликэн энд меркантайл бэнк» все больше тревожились по поводу того, что влияние пагубных для престижа города событий может усилиться. «Отцы города» были настроены мрачно. Торговая палата Далласа опубликовала заявление, выражающее сожаление по случаю кончины президента. Прокурор графства Генри М. Уэйд, которому предстояло возбудить дело против убийцы, уехал во второй половине дня в пятницу к кому-то в гости и не оставил номера телефона, по которому его можно было бы найти, а его второй помощник Уильям Ф. (Билл) Александер стал готовить дело по обвинению Освальда в убийстве президента, рассматривая убийство, как «часть международного коммунистического заговора». Кто знает, может быть, утка такого рода и отвлекла бы подозрения от Далласа, однако такое обвинительное заключение могло бы иметь тяжелые для США последствия за границей; И хотя обвинение было уже сформулировано, федеральный прокурор Бэрфут Сандерс, узнав о нем через ФБР, позвонил Нику Катценбаху. Катценбаху удалось убедить двух влиятельных лиц из аппарата вице-президента использовать их связи в Техасе, чтобы аннулировать проект обвинительного заключения, прежде чем оно увидело свет.

Первая реакция мэра Далласа Орла Кэйбелла на арест Освальда была наигранно бодрой. В пятницу он выразил уверенность, что убийство Кеннеди «не нанесет урона репутации города». В отличие от этого, прогнозы газеты «Морнинг ньюс» были полны пессимизма. В передовой, которая должна была быть опубликована в ближайшем номере, газета заявила:

«Справедливость не позволяет, чтобы весь город нес ответственность за национальное бесчестие. Однако нельзя не признать, что его репутации нанесен достойный сожаления ущерб». На самом деле ни один вдумчивый критик не собирался огульно винить в происшедшем весь город. В полдень Мейн-стрит была заполнена либеральными демократами — сторонниками Кеннеди, и участники президентского кортежа никогда не забудут проявленного ими энтузиазма. Подозрение вызывал лишь разгул абсолютистов. Их неистовые тирады могли сбить с толку неуравновешенные умы. Это понимал автор передовицы в местной газете «Таймс геральд». Он напомнил читателям, что, прежде чем могли прогреметь выстрелы, «должны были быть посеяны семена ненависти». «Всем нам, — писал он, — необходимо молиться о том, чтобы в Далласе никогда вновь не создавалась атмосфера, способная привести к новой трагедии». Однако многие в Далласе отвергали какую бы то ни было критику или даже самокритику.

— Господи, чем мы заслужили все это? — в замешательстве спрашивал знакомый Уоррена Лесли, уроженца Нью-Йорка, ставшего членом коммерческой элиты Далласа. Кстати, вскоре он вышел из ее рядов. В клубе «Импириел» раздавались жалобы, что городу наносят незаслуженные оскорбления, что левые либералы из северо-восточных штатов и интеллигенция сообща ополчились против консервативного Далласа.

В пятницу 22 ноября пополудни правые в Далласе ни в чем не раскаивались. В 15. 05, когда 80 процентов американского народа находились во власти тяжкого горя, телекамера «Нэйшнл бродкастинг компани», установленная у входа в отделение неотложной помощи Парклендского госпиталя, запечатлела среди группы зевак молодого человека, державшего плакат с надписью: «Янки, убирайтесь домой!» Бэрфут Сандерс был поражен, узнав, что, несмотря на отмену предстоявшего в субботу популярнейшего в стране матча регби между старейшими командами Гарвардского и Йельского университетов, большинство футбольных команд средних школ округа Даллас не отказались от намерения провести вечером в эту пятницу свои игры при электрическом освещении. Когда казначей Далласского округа Уоррен Гардинг вернулся домой, ему повстречался живший по соседству мальчуган. Он сказал:

— Господин Гардинг, мне очень жаль, что ваш президент умер.

Гардинг сначала не знал, что ответить. Он раздраженно поморщился и сказал:

— Сынок, он ведь был и твоим президентом. Он был президентом для всех нас.

Мальчишка отрицательно покачал головой и заявил:

— Нет, он не был нашим президентом. Мама и папа не голосовали за него. Он ничего для нас не значил.

В Белом доме специальный помощник президента Ральф Дангэн вынул изо рта трубку, тяжело прислонился грудью к своему письменному столу и опустил голову на руки. Обращаясь к помощнику министра труда Пэту Мойнихэну, он сказал:

— И самое ужасное заключается в том, что теперь во всем будут винить этого двадцатичетырехлетнего парня.

Глава пятая ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ В ВАШИНГТОН

Супруга президента Кеннеди сидела при входе в операционную. Она чувствовала себя самым одиноким человеком на свете. Всего лишь час назад она была первой леди Америки, супругой первого в государстве лица, окруженной почестями и удостоенной особых привилегий, и все это исчезло в одно мгновение, исчезло со скоростью полета пули, выпущенной из скорострельной винтовки. Как супруга президента Жаклин более не существовала. Все другие из окружения президента сохранили свое положение и внешние признаки близости к власти. Даже ее секретаря все еще были секретарями Белого дома, но она сама стала всего лишь вдовой, а правительственный табель о рангах не предусматривал такой категории. Всем, чем была Жаклин Кеннеди, она была обязана посту своего супруга Джона Кеннеди. Теперь в качестве его вдовы ей не полагалось иметь ни помощников, ни личной охраны. Правда, генералы Тед Клифтон и Годфри Макхью остались в Парклендском госпитале. Рон Келлерман оставил там смену охраны, дежурившей с четырех часов до двенадцати; она

состояла из шести агентов и старшего агента Билла Грира. Однако ни генералы, ни Рой формально не имели полномочий поступать так. При точном соблюдении буквы закона даже ближайшие помощники Кеннеди — Кен О’Доннел, Лэрри О’Брайен и Дэйв Пауэрс — должны были бы находиться на борту «Ангела». Весь аппарат федеральной исполнительной власти перешел теперь в руки Линдона Джонсона, и когда Джонсон в 13. 26 выехал из госпиталя на аэродром Лав Филд, юридически они обязаны были следовать за ним. Жаклин Кеннеди не была главой государства и более не являлась его родственницей.

— Я не уеду отсюда без Джека, — шепнула она Кену.

— Надо достать гроб, — обратился Кен к агентам охраны Клинту Хиллу, Энди Бергеру и доктору Беркли — личному врачу президента. Беркли в свою очередь передал администратору госпиталя Джеку Прайсу:

— Нужно поручить это лучшему похоронному бюро в Далласе и достать самый лучший бронзовый гроб.

Те, кто находился в составе президентского кортежа, продолжали мучительно размышлять над совершившейся катастрофой, высказывая всякого рода предположения, что ее можно было бы избежать, если бы только было сделано то или это. Один из них, — Билл Грир, водитель машины Кеннеди, — с залитым слезами лицом подошел к Жаклин и, охватив ее голову ладонями, стал до боли сжимать ее, точно хотел раздавить череп. Он плакал, повторяя: — О госпожа Кеннеди, о боже мой, боже мой. Я не думал об этом. Я ничего не слышал. Мне надо было бы сразу свернуть в сторону. Но я ничего не мог поделать. Ох, госпожа Кеннеди, как только я увидел, что случилось, я сразу круто свернул. Ах, если бы я вовремя увидел это!

Генри Гонзалес также рыдал. Он пришел, чтобы выразить соболезнование, и был твердо намерен держать себя в руках. Но когда Генри подошел к Жаклин, она выглядела такой одинокой и хрупкой, что рыдания невольно сдавили ему горло и он воскликнул:

— Ах, госпожа Кеннеди! Что я могу для вас сделать? Она отрицательно покачала головой и затем низко склонила ее на грудь.

После этого Кен О’Доннел не подпускал к ней никого до 13. 30, пока не прибыл гробовщик. Кен снова обрел свою дееспособность и, как часовой, стоял возле складного стула Жаклин.

Молодая вдова сидела с застывшим лицом, тонкая и прямая, словно струйка дыма над затухающим костром. Она все еще страдала от дурноты. Трижды она испытала приступы головокружения и едва не соскользнула на пол. Однако это было лишь физическое недомогание. Она по-прежнему с необычной остротой воспринимала происходившее вокруг и полностью сохраняла ясность мышления.

Сопровождаемый Клинтом Хиллом помощник администратора госпиталя Стив Ландрегэн направился в регистратуру. Он спросил дежурную сестру:

— Где находится ближайшее похоронное бюро?

— Бюро О’Нила на Оук-Лоун, — ответила она и дала номер телефона.

— Мы позвоним отсюда, — сказал Стив.

Владелец похоронного бюро О’Нил, как и все жители города, не отрываясь следил за событиями. Он слушал доносившиеся из динамика карманного радиоприемника последние известия, когда зазвонил его телефон.

Стивен Ландрегэн назвал себя и сказал:

— Я передам сейчас трубку другому человеку. Прошу сделать все, что он скажет. Вся наша беседа должна остаться конфиденциальной.

Последовала пауза. Затем послышался другой голос:

— Говорит Клинт Хилл из секретной службы. Прошу привезти в Парклендский госпиталь гроб. Сделайте это немедленно. — Минутку, одну минутку, — закричал О’Нил, — у нас товар на все цены.

— Привезите самый лучший, — сказал Клинт. О’Нил выбрал самый дорогой гроб весом в восемьсот фунтов, с двойными стенками из чистой бронзы и герметически закрывающейся крышкой. Вчетвером — О’Нил и трое его служащих — поставили массивный гроб на лучший катафалк — белоснежный «кадиллак» модели 1964 года, с установкой для кондиционирования воздуха, приобретенный О’Нилом в октябре, во время конференции директоров похоронных

бюро США в Далласе. С тех пор не прошло еще и месяца, но спидометр машины показывал всего лишь девятьсот миль. Окна ее были закрыты занавесками салатного цвета.

Между тем в Парклендском госпитале наступил период ожидания отъезда, тягостное время, осложнившееся к тому же актами мелочной бессердечности и завершившееся безобразным скандалом. Президент прибыл в госпиталь в сопровождении взрывной волны неуправляемых эмоций. Ему предстояло покинуть его при таких же обстоятельствах.

Жаклин Кеннеди не замечала некоторых отталкивающих сцен, разыгрывавшихся вокруг. К этому времени сопровождавшие покойного президента агенты охраны и военные адъютанты уже освоились с лабиринтом хирургического отделения и старались тщательно оградить Жаклин от окружающих. Всем им было не по душе оставаться в здании госпиталя. Они считали дополнительной и ничем не оправданной жестокостью в отношении вдовы президента продолжительное ожидание, пока его тело будет готово к отправке. Однако вдова не разделяла этого мнения. Когда кто-то сказал ей:

— Вы могли бы теперь ехать на аэродром, — она вновь ответила:

— Я никуда не поеду одна. Я поеду только вместе с Джеком.

Наконец крышка над длинным сверкающим гробом опустилась. Его поставили на тележку. Жаклин выкурила последнюю сигарету. Она была готова. Похоронных дел мастер также был готов. Сделав, все, что было в его силах, Парклендский госпиталь уже зажил своей обычной жизнью. Новые пациенты требовали внимания врачей и сестер. Но почему-то процессия с телом президента не трогалась с места. Дверь операционной была широко распахнута, и электрические часы фирмы «Интернейшнл бизнес машинз» показывали, что они находятся в госпитале уже более часа.

— Сержант, почему я не могу вылететь с телом моего мужа обратно в Вашингтон? — спросила Джекки.

Сержант далласской полиции Боб Даггер, к которому она обратилась, отлично знал причину задержки. Он случайно подслушал некоторые разговоры и понял, что со бытия приобрели новый оборот. Однако он не собирался посвящать в это Жаклин. То, что сейчас происходило, ставило Даллас, по его мнению, в ряд захолустных городишек. Будучи уроженцем Техаса, Даггер испытывал чувство стыда за свой город.

Дело в том, что в госпитале разыгрался отвратительный скандал. Примечательно, что Жаклин не заметила бури, бушевавшей вокруг нее более получаса и: чуть было не вылившейся в кулачную схватку на расстоянии всего нескольких футов от нее. Лишь значительно позднее, уже в Вашингтоне, она узнала, что именно столь сильно задержало их тогда в госпитале.

Первым почувствовал приближение опасности Рой Келлерман. Незадолго до того как О'Нил привез гроб в госпиталь, Рой стоял вместе с доктором Беркли около стола дежурной сестры и держал в руке трубку одного из аппаратов, подключенных к линии связи с Джерри Беном — начальником группы агентов секретной службы Белого дома. В это время в комнату вошел мужчина с бледным веснушчатым лицом и остановившимся взором, в одной рубашке, без пиджака. Протянув руку к другому телефону, он схватил трубку резким жестом наемного убийцы из ковбойского фильма и сказал:

— Говорит Эрл Роуз: Здесь совершено убийство. Они могут уехать отсюда только после вскрытия тела.

Роуз не принадлежал к категории людей, терзаемых сомнениями в правильности своих действий. К тому же он не терпел критики со стороны других. Он занимал должность эксперта судебной медицины далласского окружного суда, и его кабинет находился в здании Парклендского госпиталя. Педант и сухарь по натуре, он имел привычку размахивать пальцем перед носом собеседника и говорить назидательным тоном сварливого классного наставника. Казалось, он намеренно вызывает, чувство неприязни к себе. Коллеги считали его грубияном и ловкачом. Но Роуз хорошо разбирается в техасском законодательстве и относился к нему как к священному писанию. Поэтому за сцену, которую он затеял в этот полдень, Роуз впоследствии не испытывал никаких угрызений совести. Он довел себя тогда до белого каления и был настолько уверен в своей правоте, что гнев его так и не стихал. Даже год спустя достаточно было лишь упомянуть о битве, выдержанной им 22 ноября, Как он начинал дрожать от ярости.

Как врач и представитель судебных властей Далласа, он сочетал в себе и медика и юриста.

Он мог стать величайшим препятствием на пути из Парклендского госпиталя, А он именно этого и хотел. Ситуация в госпитале была для него предельно ясна, и он считал ее совершенно недопустимой. В Далласе было совершено убийство. Теперь какие-то люди, открыто попирая законы Техаса, пытались увезти труп убитого из госпиталя. Они бросали вызов юридическим основам, охранять которые был призван доктор Роуз. Требовались решительные действия, и он был к ним готов.

Положив телефонную трубку, Роуз повернулся и направился к выходу. Келлерман преградил ему путь. Нарочито растягивая слова, Рой сказал:

— Дружище, это тело президента Соединенных Штатов Америки, и мы намерены увезти его в Вашингтон.

— Нет, это так не делается, — ответил Роуз, назидательно погрозив пальцем. — Когда совершено убийство, мы обязаны произвести вскрытие тела.

— Но это президент. Мы увезем его с собой.

— Труп останется здесь, — резко бросил Роуз.

— Послушай, дружище, меня зовут Рой Келлерман. Я специальный агент, и в моем распоряжении группа агентов секретной службы Белого дома. Мы увезем президента Кеннеди домой, в столицу.

— Никуда вы не повезете этот труп. Существуют законы. Мы заставим их соблюдать.

В разговор вмешался доктор Беркли. Он попытался убедить Роуза как врач врача. Однако его усилия оказались тщетными. Келлерман, по-прежнему загораживающий выход из комнаты, напряг свои превосходные мускулы и угрожающе двинулся навстречу Роузу.

— Дружище, этой частью закона можно пренебречь, — сказал он.

Роуз отрицательно покачал головой. Он стоял на своем, как гранитный утес.

— А по какому праву вы здесь распоряжаетесь? — сказал Келлерман.

— Сейчас вы узнаете мои права, — уничтожающим тоном отрезал Роуз и вновь взялся за телефонную трубку.

Он вполне мог продемонстрировать свои права. После смерти президента его останки находились в распоряжении местных властей штата Техас. Позиция эксперта судебной медицины была неуязвимой. Только он сам мог отказаться от нее. Роуз же в своем рвении заходил все дальше и дальше. Он позвонил шерифу в полицейское управление и в отдел по расследованию убийств. В обоих местах подтвердили, что вскрытие является обязательным. Таково было требование закона, и у них не было иного, выбора. В условиях общей сумятицы и неправомочности вмешательства федеральных властей позиции Роуза были неприступными. Насильственное лишение жизни президента — это убийство, убийство является уголовным преступлением, а в случаях уголовных преступлений Роуз нес ответственность лишь перед властями округа Даллас. Именно по этой причине его кабинет находился в здании Парклендского госпиталя. Правосудие должно осуществляться без помех. Убийца или убийцы, если он или они задержаны, имели определенные права, в том числе право доступа к объективным данным о посмертном вскрытии тела. Разумеется, все это представлялось довольно спорным в данном случае, поскольку к этому времени у Роуза не должно было оставаться сомнения, что секретная служба будет неусыпно охранять тело Кеннеди. И если бы Роуз был в состоянии трезво мыслить, он бы понял, что без тщательного вскрытия тела было бы немислимым расследование по делу об убийстве президента. По этому поводу, конечно, можно было спорить, но в разумных пределах. Тягчайшей ошибкой Роуза было крайне неразумное поведение.

Доктор Беркли умолял его пересмотреть свое решение:

— Госпожа Кеннеди не сдвинется с места, пока не увезут тело покойного. Мы не можем этого допустить.

Роуза совсем не волновал вопрос о том, как поступит госпожа Кеннеди. Она могла приходить и уходить, когда ей вздумается. Она была жива, и ей не предъявлялось обвинение в нарушении закона. Роуза интересовал только труп.

— Тело останется здесь, — безапелляционно заявил он. — Нужно соблюдать все правила. Для того, чтобы вывезти тело за пределы штата, необходимо иметь письменное свидетельство о смерти. Я могу выдать труп лишь мировому судье штата Техас, чтобы он вынес заключение о

причине смерти. Или я вынужден задержать труп и произвести вскрытие здесь.

— Но это же президент Соединенных Штатов! — воскликнул Беркли.

— Это не имеет значения. Нельзя упустить даже одного звена в цепи улик.

Конфликт распространился за пределы комнаты дежурных медицинских Фостер. Услышав о нем, среди участников спора полнился помощник президента Кеннеди Дэйв Пауэрс. Вначале он не поверил своим ушам. Роуз подробно объяснил ему, в чем дело. Когда Пауэрс попытался уговорить его сделать в этом случае исключение, Роуз нетерпеливо покачал головой.

— Правила, — сказал он ледяным тоном.

Затем за Роуза взялся генерал Годфри Макхью. В ответ ему было сказано:

— Каждый штат имеет свои законы о порядке вывоза трупов. Вам, господам из Вашингтона, не дано диктовать здесь свои законы.

Годфри обратился было за помощью к мэру города Кэйбеллу, но тот ответил, что ничем не может помочь. Представитель администрации Парклендского госпиталя заявил Годфри в ответ на его аналогичную просьбу, что Роуз совершенно прав. Тогда генерал обратился к присутствующему при этой сцене полицейскому детективу в гражданском платье. Последний высказал предположение, что, вероятно, в этом деле мог бы помочь мировой судья.

— Сколько времени все это займет? — спросил Макхью.

— Десять-пятнадцать минут, — ответил полицейский.

— В таком случае мы уедем, как только будем готовы, — с возмущением сказал Годфри.

Беркли предложил Роузу лететь вместе с ними на самолете. Роуз отказался. Закон не предусматривал возможности такой поездки. Тем временем Тед Клифтон вспомнил, что он беседовал в президентском самолете во время полета из Форт-Уорта в Даллас с генеральным прокурором штата Техас Уогонером Карром. Клифтон попросил, чтобы его разыскали при помощи радио. Соответствующая радиограмма была передана в эфир. Однако Карр не отзывался. Несмотря на то что среди тех, кто вместе с Кеннеди приземлился на аэродроме Лав Филд менее трех часов назад, были буквально все сановники Техаса, они куда-то исчезли или уехали на аэродром Лав Филд. Исключение составлял лишь губернатор штата, находившийся в эти минуты на операционном столе. Узнав десять месяцев спустя о поведении Роуза, он выразил крайнее изумление. Если оглянуться назад, то весь затеянный судебным медиком скандал предстает как явление из ряда вон выходящее. Роуз, несомненно, был облечен известными полномочиями, но это отнюдь не означало, что не было возможности его укротить. Вся его сила в основном заключалась в железной воле. Он был тверд и точно знал, чего хочет, в то время как другие техасцы колебались и уклонялись от ответственности. Единственным из врачей во всем Парклендском госпитале, кто открыто стал на сторону окружения покойного президента, был главный нейрохирург госпиталя Уильям Кларк.

— Послушайте, Джек, нет ли в помещении госпиталя мирового судьи? — спросил он Прайса.

— Эрл Роуз создал целую проблему!

Объяснив суть возникшей дилеммы, Кларк добавил:

— Ради бога, найдите кого-нибудь. Я сейчас попытаюсь успокоить спорящих.

По внутреннему радио было передано обращение ко всем присутствующим в здании госпиталя с просьбой сообщить, нет ли среди них мирового судьи. И на этот призыв никто не откликнулся. Тогда мэр Кэйбелл и некоторые сотрудники госпиталя по собственной инициативе принялись звонить в город по телефону в поисках судьи. Никого из мировых судей не оказалось на месте. У всех был перерыв на завтрак. Первой посчастливилось сестре из приемного покоя. Она дозвонилась до мирового судьи Терона Уорда в его кабинете в третьем полицейском участке Далласского округа. Впопыхах нарисовав ему положение дел, она попросила:

— Вы должны немедленно приехать.

К сожалению, Терон Уорд был не в состоянии выполнить эту просьбу буквально или даже приблизительно. Третий участок находился в Гарланде, на расстоянии четырнадцати, миль от Далласа. Уорд мчался всю дорогу в госпиталь да волной скорости и прибыл туда через двадцать минут. Если бит в госпитале остался хоть один человек, способный проявить понимание обстановки, он должен был бы приветствовать Уорда как героя. Но никто не сказал

ему и слова благодарности. К моменту его прибытия никто уже не хотел проявить какого-либо понимания» Затеянная Роузом свара усиливалась, и в нее втянулись почти все присутствовавшие. Доктор Роуз успел поговорить с окружным прокурором Уэйдом. Уэйд посоветовал ему уступить и предоставить секретной службе самой довести дело до конца. Другой на месте Роуза, менее воинственно настроенный, был бы рад открывшемуся пути к отступлению. Но Роуз и не думал отступать. Напротив, он окончательно разбушевался. Беркли и Макхью были вне себя от бессильной ярости. О'Доннел и О'Брайен, узнавшие от Пауэрса обо всем случившемся, выжидательно стояли в стороне и холодно разглядывали эксперта судебной медицины. Однако они решили не вмешиваться, пока остальные не потерпели полной неудачи. К тому же они были уверены, что в их вмешательстве не было необходимости. Не может быть, думали они, чтобы во всем Техасе не нашлось управы на это феноменальное создание.

Главный нейрохирург Кларк не складывал оружия. Он успел обменяться резкостями с Роузом, после чего Кларк отвел в сторону обеспокоенного Джека Прайса и сказал ему, что считает нужным применить силу.

— Вероятно, придется положить его да пол и сесть на него верхом, — предупредил он и добавил, что лично он горит желанием присоединиться к тем, кто усядется на Роуза. Кларк был не одинок. Если Роуз сознательно стремился упредить других в захвате центра сцены, то он преуспел в этом с поразительным успехом. Все присутствующие не сводили с него глаз. Исключение составляла одна лишь Жаклин Кеннеди.

В этот момент к Парклендскому госпиталю подкатил Терон Уорд. Его «бьюик» бежевого цвета сразу затерялся среди хаотического скопления автомашин. Уорд с таким же успехом мог прибыть на телеге. Ему предстояло стать жертвой на своего рода публичной казни. Никакой мировой судья не в состоянии был примирить воюющие стороны в хирургической корпусе. Он мог лишь испортить свою репутацию.

Эрл Роуз узнал судью, и глаза его загорелись. «Повелительным» жестом — прилагательное принадлежит самому Уорду — он скрючил указательный палец, поманил к себе прибывшего и воскликнул:

— Судья Уорд, на вас оказывают давление! Это дело нужно вести так, как ни одно другое дело в истории. Если вы разрешите увезти тело, это будет нарушением закона.

Терон Уорд поспешил назвать себя разъяренным вашингтонцем, окружившим Роуза.

— Я мировой судья. Мне поручено вести это дело, — обратился он к доктору Беркли и протянул ему руку.

Беркли не удостоил его рукопожатия. Врач президента никак не мог справиться с душившими его рыданиями. Его всего трясло от ярости. Он просто не мог обсуждать какие-либо правовые казусы. Поведение Роуза заранее дискредитировало Уорда, и все присутствующие представители окружения Кеннеди с отвращением относились к любому чиновнику местной юстиции.

— Я без промедления все оформлю, — продолжал Уорд, обращаясь на этот раз к Келлерману и Беркли. Они скептически рассматривали его и вскоре утвердились в своем скептицизме, когда мировой судья, видимо, тотчас же ретировался перед Роузом, попросив дать ему «несколько минут», чтобы «проверить правовые аспекты». В сущности его просьба была вполне разумной. Многое было ему в этом деле не ясно, и он, естественно, хотел разобраться в нем. Пока Уорд приступал к ознакомлению с тем, что произошло, он, несомненно, заслуживал сочувствия, но так и не удостоился ничего похожего на него. К несчастью, он апеллировал к людям, обуреваемым слепым антагонизмом. Еще до скандала в госпитале помощники Кеннеди и его охрана были потрясены убийством президента и враждебно относились ко всему, связанному с Техасом. Вызывающее же поведение Роуза ввергло их в состояние полной невменяемости, накалив страсти до предела. Уорд в их глазах стал просто соучастником Роуза, а его просьба дать ему «несколько минут», рассматривавшаяся как перспектива новой провоочки, представлялась лишним доказательством правильности такого суждения.

Показав Уорду свое удостоверение, Келлерман спросил: — Друг мой, э... ваша честь, не существует ли в вашем законе какого-либо параграфа, который позволил бы отказаться от обычной процедуры?

— Весьма сожалею, — ответил расстроенный Уорд, — мне хорошо известно, кто вы, но в

данном случае я бессилён помочь вам.

— Я тоже весьма сожалею, — мрачно сказал Рой.

Во время объяснений Уорда Келлерман заметил, что тележка, на которой стоял гроб, начала двигаться к выходу. Он быстро приблизился к гробу, чтобы пойти впереди и помочь выкатить его из госпиталя. У изголовья гроба шла Жаклин Кеннеди, слегка касаясь рукой его бронзовой крышки; ее окружали Клинт Хилл, Годфри Макхью, Даггер и О'Нил; О'Доннел, О'Брайен, Пауэрс, Клифтон, Гонзалес и Энди Берджер двигались по сторонам гроба.

Эрл Роуз стоял на пороге, пытаясь преградить им путь. Вот до чего дошло дело! Однако с этого момента все смешалось. Судья Уорд, наблюдавший за происшедшим из комнаты сестер, впоследствии считал, что противостояние длилось всего несколько мгновений. В действительности же оно было более продолжительным. Если верить сестрам, которые заметили время на часах, Роуз отстаивал свой последний редут целых десять минут.

Поскольку здесь лицом к лицу столкнулись твердолобый защитник суверенитета штата и представители федерального правительства, разделенные лишь телом покойного тридцать пятого президента, и поскольку запальчивость эксперта судебной медицины вызвала нечто вроде паники среди сопровождавших гроб — состояние, не покидавшее их и за пределами госпиталя, что затем привело к новым трениям на аэродроме Лав Филд, — весь этот эпизод, несомненно, заслуживал бы, чтобы его восстановили во всех деталях и в точной хронологической последовательности его развития. К сожалению, сделать это невозможно. Отчетливо вырисовываются лишь отдельные, наиболее яркие моменты. Каждый свидетель по-своему рассказывает о том, что происходило, и все версии противоречат одна другой, так как все обильно насыщено эмоциями. Неоценимые показания могла бы, дать госпожа Кеннеди. Там, в госпитале, она показала наибольшую трезвость взгляда, но ее намеренно изолировали.

Увидев воинственно подбоченившегося Роуза, Кен О'Доннел стал торопливо совещаться с Пауэрсом. Но тут Роуз увидел гроб. Гонзалес рассказывает, что Роуз вскинул вверх ладонь с вытянутыми пальцами, словно полицейский, регулирующий движение.

— Мы не можем выдать вам ничего! — сказал он. — Ввиду насильственной смерти вскрытие обязательно! Таков наш закон!

В это время Кен О'Доннел — руководитель оппозиции Роузу — пытался вместе с доктором Беркли дозвониться из комнаты сестер до окружного прокурора Уэйда. Однако секретарь Уэйда стал тянуть, и Кен повесил трубку. Ему казалось, что он разъярен больше всех. Но взглянув на сержанта Даггера, он изменил свое мнение. Огромный сержант стоял пригнувшись, в позе боксера-тяжеловеса, глаза его были влажны от слез, но крепко сжатые кулаки ходили взад и вперед, словно у игрока в бейсбол, делающего разминку перед началом состязаний. «Он ударит его, — подумал Кен, — он сейчас его ударит». Даггер думал о том же.

— Мне так хотелось стукнуть его, — говорил он потом. Роуз сам был похож на человека, который собирается затеять драку. Далласский эксперт судебной медицины находился в состоянии полной истерии. Он размахивал рунами, рубашка его была в беспорядке. Кровь отлила от веснушчатого лица Роуза, отчего кожа приобрела окраску, напоминающую холодную овсяную кашу. Роуз что-то быстро говорил резким, возбужденным голосом, звучавшим в ушах Гонзалеса как сплошной визг. Уловить ход его мыслей было очень трудно, но он, по-видимому, поучал присутствующих относительно необходимости защиты прав невиновного, говорил о предстоящем суде над обвиняемым и долге врача и снова возвращался к своей главной теме — святости законов Техаса, которые пытались попортить федеральные чиновники.

Стоявшие вокруг гроба мужчины приняли решение последовать совету Кемпа Кларка и, если будет необходимо, силой обуздать Роуза. О'Доннел дал сигнал Келлерману, тот — охране. Роуза окружили обладатели крепких мускулов. Подпрыгивая на месте, чтобы не потерять из виду гроб, Роуз повторял Кену:

— Вы не можете уехать сейчас. Мы не разрешим увезти тело.

Кен уже начал сомневаться в том, что вообще что-то можно сдвинуть с места в этих условиях. В это время у широкой двери, ведущей в хирургическое отделение, собралась толпа мужчин, с которых пот лил ручьями. Возникла давка. Под натиском толпы дверь отворилась, и из коридора с красными полосами на стенах люди стали протискиваться в хирургическое отделение навстречу движению сопровождающих гроб. Терон Уорд подсчитал, что их было

около сорока человек. До сих пор Роуз выступал в единственном числе. Но ведь все это происходило в Далласе, где Роуз был официальным лицом. Поэтому, несмотря на то что полицейский сержант Даггер выступил против Роуза, далласские полицейские были, естественно, союзниками эксперта судебной медицины. Один полицейский проник через дверь вместе с толпой и стал рядом с Роузом. Было похоже на то, что теперь придется применять силу не только в отношении одного человека. А если полицейскому вздумалось бы активно вмешаться против вашингтонцев, то, вооруженный пистолетом, он становился уже серьезным противником. Кстати, он уже держал руку на кобуре.

Поэтому Беркли и Макхью остановили О'Доннела и О'Брайена, пробиравшихся через толпу к Роузу, и предложили иное решение. Они объяснили, что здесь присутствует мировой судья, который имеет право отменить указания эксперта судебной медицины. Всем пришлось ждать, пока придет мировой судья. Он пришел, но разочаровал их, заявив, что не может ничего сделать. В случае, если подозревается убийство, его долг требовать вскрытия трупа. В данном случае имелось множество оснований подозревать убийство, и судья не мог пренебречь этим. Следовательно, Уорд мог лишь высказать предположение, что процедура вскрытия займет не более трех часов.

О'Доннел попросил, чтобы было сделано исключение для президента Кеннеди. Несмотря на ужасающий шум, О'Доннел и О'Брайен слышали, как мировой судья ответил с явно недружелюбной интонацией:

— Для меня это обычное дело об убийстве.

Сказанное произвело мгновенное действие на О'Доннела. Пробормотав грубое ругательство, он, словно таран, наклонил вперед голову так, что они с Роузом чуть не столкнулись лбами, и заявил:

— Мы уезжаем.

Стоявший рядом с Роузом полицейский, показав на него и мирового судью, сказал О'Брайену: — А эти двое считают, что вы не можете никуда ехать.

— Ну, это лишь одна сторона дела, — отрезал Лэрри. Судорожно дернув головой, Кенскомандовал:

— Пора кончать с этим бедламом. Едем. Черт с ними, с этими законами, нам нет дела до них. Мы не останемся здесь ни на три часа, ни на три минуты.

Затем он крикнул Дэйву, который увел Джекки за занавеску, чтобы она не видела всей этой сцены.

— Отправляемся сейчас же! — И на ходу бросил Келлерману: — Вывозите гроб!

В этот момент, по словам О'Доннела, все стало решаться физической силой: мы против них. Келлерман, даже не расслышав слов Кена, по своей инициативе принялся тянуть тележку с гробом, плечом пробивая дорогу в толпе. Агенты охраны и Даггер тоже принялись толкать ее к выходу. Трудно сказать, пытался ли кто-то действительно мешать им, так как те несколько человек, которые этой свалке, казалось, хотели преградить им путь, перепугались, думая лишь о том, как бы побыстрее убраться с дороги. Однако Эрла Роуза среди них не оказалось. Помогавший ему полицейский капитулировал, самого же эксперта судебной медицины оттолкнули от порога. Исчез из виду и Терон Уорд. Он отступил в комнату сестер и звонил оттуда окружному прокурору. Когда Уорд, набрав номер, услышал сигнал соединения, он увидел, как вслед за Дэйвом из комнаты за занавеской показалась Жаклин Кеннеди. Он отчетливо видел пятна крови на ее одежде, но из трубки раздался голос Уэйда. Уэйд объяснил Уорду, так же как до этого Эрлу Роузу, что не возражает против вывоза тела из госпиталя. Уорд, держа в правой руке телефонную трубку, левой стал сигнализировать окончательно сбитым с толку людям в дверях, давая понять, что они могут продолжать движение.

Ценность жеста была сомнительной и по своей эффективности напоминала «комментарии» галерки во время драки, возникшей на футбольном поле. Но схватка закончилась. Исчезли последние препятствия, порожденные человеческой глупостью, и тележку с гробом выкатили в коридор. За гробом у его изголовья шла вдова, и ее правая рука снова покоилась на его блестящей крышке. Когда процессия стала приближаться к стоянке для машин «скорой помощи», подбежал санитар и вручил одному из агентов охраны написанное на бланке госпиталя и подписанное доктором Кемпом Кларком свидетельство о смерти Кеннеди.

Под руководством О'Нила гроб, с телом президента сняли с тележки и поставили на катафалк. С правой стороны машины имелась дверца. Через нее можно было войти и сесть на откидное сиденье, рядом с гробом. Стоявший поблизости от вдовы Даггер открыл дверцу для Жаклин.

— Благодарю вас, — прошептала она.

Было ровно 14.08 дня, когда доктор Беркли вошел через заднюю дверь в катафалк и с трудом примостился своим грузным телом за спиной Жаклин. Ему пришлось основательно потесниться, потому что Клинт Хилл и Годфри Макхью тоже были здесь, а впереди расположились еще три агента личной охраны. Келлерман, как обычно, находился справа. Но вел машину. Энди Серджер. Впервые за эти дни за рулем машины президента не было Билла Грира. Хлопчи вокруг вверенных ему бумажных мешков с окровавленной одеждой, он на несколько минут задержался где-то в госпитале. Келлерман решил не ждать его. Сопровождающие гроб опасались, что их еще ожидает заранее подготовленная новая схватка на глазах молодой вдовы. Они стремились поэтому как можно скорей добраться до аэропорта и подняться в воздух, пока не прибыли воображаемые подкрепления противника и не одолели их.

— Знаете ли вы, как проехать к моему моргу? — крикнул О'Нил Рою Келлерману. — Я буду ожидать вас там.

Рой на ходу ответил:

— Мы не поедем туда. Мы направляемся прямо на Лав Филд. Следуйте за нами. Вашу машину «скорой помощи» получите там.

— Не машину «скорой помощи», а катафалк, — по привычке поправил его О'Нил и тут же озабоченно обратился к корреспонденту журнала «Тайм» Хью Сайди с вопросом, кто же ему заплатит.

Пассажиры белого «кадиллака» и четырех эскортирующих его машин почувствовали первые признаки облегчения, лишь когда помчались вдоль бульвара Гарри Хайнса и по переулку Мокинг-берд. По мере того как они удалялись от госпиталя, увеличивалось их чувство безопасности. Быстрая езда означала спасение, и вся поездка приобрела характер панического бегства, так как в госпитале людям, собравшимся у двери, ведущей в хирургическое отделение, сказали, что они бегут от законов Далласа и можно было ожидать погони. Ни один катафалк еще не мчался с такой скоростью. Сопровождавшие гроб президента неслись по меньшей мере так же стремительно, как Джонсон и его спутники.

На аэродроме Берджер резко затормозил возле самолета 26000, который они все еще считали своим самолетом. Во время разгрузки не было никаких разговоров. Каждый понимал, что первой на борт поднимется Жаклин Кеннеди. Агенты охраны, Кен, Лэрри и военные адъютанты готовились поднимать гроб в самолет.

— Он ужасно тяжел, — беспокойно сказал Тед Клифтон и, поглядев на крутые ступеньки трапа, ведущего к дверце в хвостовом отсеке самолета, спросил: — Как вы думаете, сможем мы поднять туда гроб?

Никто не произнес ни слова. Все знали: сделать это надо, и они готовы были это сделать. Вот и все. Изнемогая от непосильной тяжести, они внесли под руководством Годфри Макхью гроб в хвостовой отсек самолета и опустили на пол слева, вплотную к перегородке.

В отсеке было темно, и все задыхались от жары, так как занавески на окнах были опущены, а установка для кондиционирования воздуха не работала. Во мраке слышались шарканье и бормотание, и в первый момент люди, внесшие гроб, даже не заметили, что рядом с ними находится еще один пассажир. На одном из двух легких сидений вдоль правого борта по ту сторону прохода одиноко сидела Жаклин Кеннеди, внимательно наблюдавшая за ними. Никем не замеченная, она проскользнула вслед за гробом в самолет. Было 14. 18, и все секретари находились в кабине для технического персонала. Вдова покойного президента была в этом отсеке самолета единственной женщиной из окружения Кеннеди. Ее непреклонная решимость победила, она приблизилась к своему мужу настолько, насколько это вообще было сейчас возможно.

Увидев ее, Клифтон и Макхью переглянулись.

— Один из нас должен остаться здесь, — сказал Клифтон.

Для окружающих эти слова ничего не значили. Но для обоих генералов смысл их был

очевиден. С незапамятных времен традиция требовала, чтобы около тела убитого главнокомандующего до его погребения в почетном карауле постоянно находился офицер высшего ранга.

— Я останусь здесь, — ответил Годфри, Генералы ознакомили с этой традицией О'Доннела. Боя выразил свое согласие кивком головы.

Макхью был одним из преданнейших часовых на этой скорбной вахте. Однако он не сразу заступил на нее. Прежде он должен был выполнить еще одно неотложное обязательство. Военно-воздушный адъютант президента, Макхью находился на борту флагманского самолета.

— Будем стартовать? — спросил он О'Доннела. Кен ответил вопросом:

— А мы готовы?

— Сейчас проверю горючее, — вставил Клифтон.

— Все уже сделано, — сказал Годфри. — Я проверил по телефону. — И, повернувшись, он побежал по направлению к кабине пилота.

Пока экипаж задраивал дворцу в хвостовой части самолета, Жаклин Кеннеди тихо встала и направилась в спальную кабину. Она бы не покинула место у гроба, но ей захотелось побыть несколько минут одной, а спальня непосредственно примыкала к хвостовому отсеку. Она вспомнила, что последний раз она была наедине с Джеком именно здесь. Воспоминания об утраченном счастье нахлынули на нее, и Жаклин решила, что, уединившись именно в этой кабине, ей легче будет обрести спокойствие и выдержку. Неслышными шагами прошла она вдоль полутемного коридора. Она не постучала в дверь, так как считала спальню своей, а просто взялась за ручку и повернула ее. Лицом к ней на кресле за письменным столом сидела Мари Фемер. Линдон Джонсон диктовал ей что-то, полулежа на кровати.

Жаклин Кеннеди замерла в двери. Новый президент соскочил с кровати и неуклюже выбежал из спальни мимо нее. Быстро собрав свои блокноты и карандаши, Мари последовала за ним.

Вдова в изумлении посмотрела им вслед. Какое-то мгновение она нерешительно помедлила, стоя на ярко-голубом ковре, затканном золотым узором президентского орла, затем вернулась в коридор, инстинктивно сделала шаг в направлении ушедших, но тут же снова заколебалась, повернулась и пошла в хвостовую часть самолета. Тем временем Годфри Макхью достиг кабины пилота. Когда он проследовал мимо спальни, где находился Джонсон, дверь была закрыта. Так как в самолете было темно, он не заметил присутствия Леди Бэрд и других новых пассажиров. Все мысли генерала были заняты необходимостью немедленного старта. Войдя в помещение для тех, кто сопровождал президента в поездке, Годфри с облегчением услышал хорошо знакомый ему рев мотора. Джим Суиндал по собственной инициативе включил мотор № 3. Это означало, что самолет готов ко взлету. Глядя вперед, Годфри громко скомандовал:

— Президент на борту! Взлет!

На борту самолета находилось два президента, хотя Годфри не думал, что сложится такое положение. Поскольку Джонсон принял решение возвращаться в столицу на президентском самолете (нельзя отрицать, что он имея на это право и, может быть, должен был так поступить, учитывая символическое значение «ВВС-1»), напряженность в отношениях между окружением Кеннеди и окружением Джонсона стала неизбежной. Решение Джонсона принять вторую присягу в качестве президента в Далласе могло лишь еще более обострить эти отношения. На протяжении двух последних часов люди, сопровождавшие Кеннеди, потеряли президента и выдержали борьбу за то, чтобы вынести гроб с его останками из госпиталя, — одним словом, пережили столько горестного и тяжелого, сколько большинству обычно не приходится испытать за всю жизнь. Нервы их были натянуты как струна. Если бы Джонсон предложил им воспользоваться стоявшим рядом другим самолетом, они были бы избавлены от горечи новых тяжелых переживаний. Однако будущее требовало, чтобы все отнеслись с пониманием к тому, что происходило. Джонсон был президентом, даже если не все могли заставить себя признать это. Как позднее заметил Роберт Макнамара:

— Следует помнить, что он — Джонсон — тоже был в состоянии шока.

К чести нового президента надо сказать, что ко времени возвращения в Вашингтон он действовал уже решительно. К чести же людей из окружения Кеннеди должно быть отнесено

то, что они стремились скрыть свои душевные раны, понимая, что всякая открытая размолвка с новым правительством окажет плохую услугу стране, следовательно, и памяти человека, об утрате которого они скорбели.

Если бы Кеннеди, гибель которого они оплакивали, поднялся на борт самолета живым, это само по себе стало бы сигналом к отлету. Даже мертвый, он почти достиг этого. Именно потому Джим Суиндал включил мотор № 3. «ВВС-1» должен был взлететь сразу после того, как президент оказался на борту самолета и Джо Айрес задраил за ним дверцу в хвостовой части.

Драгоценное время главы государства следовало беречь. Экипаж Суиндала очень гордился тем, что он мог так быстро подготовиться к старту. Он постоянно тренировался, чтобы сократить время на подготовку еще на несколько секунд. Годфри Макхью считал, что, после того как взревел первый мотор, самолет быстро вырулит на стартовую площадку и его пассажиры ощутят подъем в воздух. Так было всегда. Однако на этот раз все было иначе. Суиндал еще не мог тронуться с места. Он только разогревал мотор. Передняя дверца по была задраена, и стоявший около нее трап не был убран.

В кабине, предназначенной для тех, кто сопровождал президента в его поездке в Техас, беспорядочно толпились люди из окружения Джонсона и из окружения Кеннеди. Внимание Годфри было отвлечено также и снующими вдоль прохода людьми. В этой-то обстановке он и оказался вовлеченным в конфликт, отражавший обострившиеся разногласия по вопросу о власти. Как это ни удивительно, противником Годфри стал Мак Килдаф — один из помощников Кеннеди, один из тех, кто сломя голову мчался на аэродром вслед за катафалком. Килдаф не искал ссоры. Просто новый президент вызвал его и дал ему поручение. Пока гроб с телом президента Кеннеди устанавливали в хвостовой части «Ангела», Килдаф стоял внизу у трапа, ведущего к передней дверце.

Кто-то из экипажа самолета подошел к дверце и крикнул, что Джонсон просит его немедленно явиться к нему. Мак быстро взбежал вверх по ступенькам. Он был поражен, так как понятия не имел о том, что Джонсон находится в самолете. Килдаф не мог себе даже представить, что там делал вице-президент. Не менее удивлен был и Лэрри О'Брайен, только что заметивший, как Джонсон выходил из спальни Кеннеди вместе с Мари Фемер. Вспомнив неразбериху в госпитале, Лэрри в изумлении подумал: «Откуда он узнал, что мы приедем сюда? Что бы он предпринял, если бы мы не приехали?».

Джонсон говорил с Килдафом тоном, не терпящим возражений. Наблюдая за мужем в салоне самолета, супруга нового президента подумала про себя: «Какие у него резкие черта лица, словно гравюра на бронзе». Джонсон точно знал, чего он хочет: Килдаф, исполнявший обязанности пресс-секретаря, чье спокойствие так поразило его в Парклендском госпитале, понадобился для того, чтобы подготовить все к приезду Сары Хьюз, Новый «резидент видел в нем идеального исполнителя поручений, энергичного помощника Кеннеди, наконец, эксперта по вопросам печати и других средств массовой информации. В бытность свою вице-президентом он не был информирован о том, что эта поездка, видимо, должна была стать лебединой песней Мака.

Джонсон наметил план действий. Он заявил:

— Я буду приведен к присяге здесь. Мы уже говорили об этом с министром юстиции.

Мак реагировал быстро. Он сразу понял, что отлет в Вашингтон нужно задержать. Он направился к Суиндалу и в своем стремительном движении, видимо, проскочил мимо Макхью. Это был один из тех многочисленных инцидентов, связанных с Годфри, объяснить которые можно было только волнением, охватившим тогда представителей окружения как Кеннеди, так и Джонсона.

— Выключайте моторы, — приказал Мак Суиндалу. Он не дал ему никаких объяснений, но сама принадлежность Килдафа к аппарату президента казалась Суиндалу достаточным основанием. Пилот послушно потянулся к своим приборам.

Мак в поисках репортеров сбежал вниз по трапу. А тем временем всего на несколько секунд позже него к кабине пилота подошел Годфри и, как мы уже знаем, скомандовал:

— Взлет! Президент на борту!

— Нет, мы не можем лететь, — крикнул в ответ Суиндал.

— Поднимайтесь в воздух! — настаивал Годфри.

— Господин Килдаф сказал, что мы не можем лететь сейчас.

— Мне нет дела до того, что кто-то говорит. Трогайтесь! — снова скомандовал Макхью.

Годфри был генералом, Суиндал — полковником, и потому, возвратившись в хвостовую часть самолета, Макхью полагал, что его приказ будет выполнен.

Багаж Джонсона только что перенесли с соседнего самолета. Жаклин Кеннеди снова заняла свое место напротив гроба, а новый президент, спросив у Килдафа, имеются ли среди присутствующих фоторепортеры, отправился в прилегающую к спальне туалетную комнату для того, чтобы надеть свежую сорочку и причесаться. В этот момент Годфри вторично разминулся с новым президентом, опоздав на какую-то секунду. Да и вряд ли такая встреча, даже если бы она состоялась, изменила поведение Макхью. Для него Линдон Джонсон все еще был просто Линдоном — вице-президентом, а вице-президенты не только не могут отдавать приказания приближенным президента, а, напротив, должны с ними считаться. Джонсон сам молчаливо признал это, когда, находясь в Парклендском госпитале, отказывался последовать советам Янгблада и Робертса и уехать, хотя они считали, что его жизнь там под угрозой. Он покинул госпиталь лишь после того, как О'Доннел разрешил ему уехать. Однако с тех пор Джонсон уже успел осознать масштабы происшедшего. В его собственных глазах он уже стал президентом США. Макхью же все представлялось иначе. Он был человеком по натуре эмоциональным и уже принял решение отказаться от техасского гражданства. В этих условиях любые директивы Джонсона воспринимались бы им лишь как дерзость с его стороны.

Воздух в хвостовом отсеке самолета нагрелся и стал нестерпимо влажным. Жаклин Кеннеди сказала:

— Какая жара. Нужно лететь.

— Разве вы не дали им указание вылетать? — спросил Кен Макхью.

— Разумеется, дал, но Мак Килдаф вмешался и дал другие указания. Схожу опять туда.

Проходя мимо радиорубки, Годфри наткнулся на Килфа. Мак работал не переводя дыхания. Он занимался целой кучей дел, составлял временную группу представителей прессы (двум репортерам даже пришлось бросить жребий, чтобы решить, кто из них полетит), репетировал с фотографом Белого дома Сесилем Стафтоном съемку церемонии присяги. Все же, несмотря на его занятость, бессвязность его беседы с Годфри представляет собой нечто из ряда вон выходящее. Трудно было бы быть менее вразумительным, даже если умышленно добиваться этого.

— Что происходит? — потребовал объяснений Макхью.

— Ждем представителей газет. — К черту их! Надо лететь.

— Надо подождать, когда привезут багаж Леди Бэрд; он еще не прибыл.

— Что? Но она же на своем самолете.

— Нет, она здесь, и, кроме того, мы ждем прибытия техасского судьи. Этот судья — женщина.

После этого разговора Макхью вернулся в хвостовое отделение.

— Ну и что же? — спросил его Кен.

— Не понимаю, что происходит. Оказывается, мы ждем какую-то женщину-судью, каких-то репортеров и багаж госпожи Джонсон, — доложил Годфри. Он сам считал, что его доклад граничит с идиотизмом, однако он передавал лишь то, что ему было сказано.

Лицо О'Доннела приняло вид напряженной маски, состоящей из мускулов.

— Немедленно вылетайте! — бросил он.

— На этот раз мы уж точно полетим, — мрачно пообещал Макхью. Если потребуется, он сам заменит Суиндала у штурвала.

Но проходя по коридору мимо спальни, Макхью заколебался. Мак Килдаф неспроста упомянул Леди Бэрд. Годфри это казалось каким-то абсурдом, но, может быть, что-то случилось со вторым самолетом? А может быть, сам Джонсон тоже находится на борту этого самолета? Во время двух своих путешествий взад и вперед по коридору «ВВС-1» Годфри не обнаружил никаких признаков его присутствия. Возможно, его укрыли где-нибудь агенты личной охраны вице-президента.

Вернейшим решением было проверить это. Войдя в спальню, Годфри оглянулся по сторонам. Там никого не было. Макхью и в голову не пришло, что Джонсон мог быть за

запертой дверью в туалетной комнате. Поэтому, выйдя из спальни, он быстрым шагом направился дальше, решив, что Килдаф ошибся.

К этому времени Годфри стал как бы частью целого отряда специального назначения. Поскольку он уже совершил две вылазки, О'Доннел направил в носовую часть *са* молета подкрепление в составе Теда Клифтона, Роя Келлермана и Клинта Хилла. Случилось так, что все трое узнали правду ранее Макхью, обследовавшего в это время спальню. Валенти, Стафтон и Гомер Торнберри окружили Клифтона и, перебивая друг друга, объясняли ему: — Мы не можем тебе лететь. Нужно сначала разыскать федерального судью. Линдон звонил в Вашингтон и говорил с министром юстиции.

Келлерман и Хилл ничего этого не слышали. Они пробирались вперед по коридору к Суиндалу. Вбежав в радиорубку, Рой обнаружил, что трап все еще стоит около самолета. Удивившись, почему его до сих пор не убрали, он спустился вниз. В этот момент мимо промчался Килдаф.

— Вы бы лучше поднялись в самолет, мы сейчас полетим, — предупредил его Рой.

— Нет, мы еще не можем лететь. Сначала президент будет приведен к присяге, — ответил Мак и крикнул через плечо Клинту, стоявшему около трапа: — Судья приведет Джонсона к присяге. Так захотел Бобби.

Таким образом, причина задержки отлета стала известна всем, кроме Годфри Макхью. Продолжавшееся неведение генерала в этом отношении было просто поразительным. По его собственным словам, он не менее пяти раз прошел вдоль всего самолета, прежде чем узнал, почему они не летят. Даже О'Доннел и О'Брайен узнали об этом раньше него. Зайдя в кабину для помощников президента, Лэрри услышал, как кто-то спросил Мари Фемер, отпечатали ли она текст президентской присяги. Мари утвердительно кивнула головой, и он все понял. Примерно в то же самое время проходивший мимо салона О'Доннел услышал обрывки разговора и чей-то голос, заявивший:

— Необходим фотограф, мы ждем судью.

Эти слова произвели на него неприятное впечатление, но Кен понял, что они означают. Ничего не знал только Макхью. Тед Клифтон, разумеется, просветил бы его на этот счет, но они каким-то образом разминулись. Клинт и Рой в свою очередь могли быстро проинформировать его, но они были поглощены различного рода вопросами, связанными с охраной. Решение Джонсона лететь на самолете 26000 нарушало все планы Роя в отношении дежурств агентов секретной службы. Выделенная им для охраны нового президента смена, предназначавшаяся первоначально для дежурства в торговом центре Далласа на период с четырех до двенадцати часов, находилась на самолете 86970. На борту самолета 26000 была лишь выбившаяся из сил смена агентов, дежуривших с восьми утра до утра. Он разводил руками. Любое изменение сейчас только увеличило бы неразбериху. Лучше было бы оставить все, как есть.

У Роя была и другая проблема. Проходя через кабину для помощников президента, он был поражен необычно большой численностью находившихся там пассажиров. Многие из них были ему совершенно не известны. В любом другом полете он знал бы их всех; более того, знал бы заранее, кто они. В отличие от «ВВС-2» на самолете «ВВС-1» всегда был список находящихся на его борту пассажиров. Таково было одно из основных правил обеспечения безопасности президента. Независимо от того, был ли это близкий или дальний полет, ни один гость президента не мог подняться ни по какому трапу на борт самолета, если имя его не было напечатано в списке пассажиров. Рой зашел вместе с Клинтом в кабину пилотов и обеспокоено сказал Суиндалу:

— Что-то очень уж много людей на борту. На что полковник спокойно ответил:

— Можем всех их везти.

Заметив, что Руфус Янгблад направляется в кабину связистов, Келлерман остановил его и спросил:

— Вы всех этих людей знаете?

Янгблад заверил его, что Лем Джонс уже приступил к подготовке списка пассажиров.

Это уже было как бы противостояние представителей двух лагерей: Келлермана, начальника телохранителей Кеннеди, и Янгблада — начальника группы личной охраны Джонсона. Озадаченный суетой вокруг него, Рой чувствовал себя подавленным. Руфуса,

наоборот, не оставляли его бодрость и энергия. Это он распорядился составить список пассажиров, он послал Джека Риди встретить у ворот аэропорта судью Сару Хьюз и попросил начальника полиции Карри сопровождать Риди и опознать Сару, когда она подъедет. Однако никто не мог предвидеть всех проблем, могущих возникнуть в такой день, и люди Янгблада были так же обеспокоены возможной перегрузкой самолета, как и подчиненные Келлермана. Еще до того, как прибыл катафалк, Эмори Робертс тщательно подсчитал предполагаемую численность пассажиров. Однако он полагал, что придут только гроб и Жаклин Кеннеди. Как Робертс впоследствии признал, он никак не думал, что госпожа Кеннеди привезет с собой адъютантов и помощников покойного супруга.

Присутствие О'Доннела, О'Брайена и Пауэрса пугало его. Всего для посадки на самолет прибыло двумя партиями двадцать семь человек, и охрана Джонсона, несмотря на заверения полковника Суиндала, опасалась перегрузки. Поэтому Джоне попросил некоторых менее высокопоставленных лиц из окружения Кеннеди покинуть самолет и не разрешил подняться на борт некоторым пассажирам, которые с момента отъезда из Вашингтона летели на «ВВС-1» на всем пути его следования. Одним из таких пассажиров оказался сенатор Ральф Ярборо. В течение двух дней все старались привлечь Ярборо на сторону вице-президента. И вот неожиданно его отвергли. Он потребовал объяснений. Тед Клифтон ответил:

— В целях обеспечения максимума безопасности.

Клифтон быстро приспособился к происшедшей перемене. Он мыслил ясно. Как генерал и военный адъютант, он пользовался «особым доверием и расположением» президента. Поскольку на посту президента произошла замена, и он должен был измениться, так как он выполнял свой долг не в отношении президента как личности, а президента как главы государства. После соответствующей беседы с Валенти и Торнберри он стал выполнять обязанности военного адъютанта президента Джонсона.

А в это время Макхью, который понимал все это иначе, не переставал внутренне негодовать и возмущаться. Назревал непримиримый конфликт. С одной стороны, имелась группа приверженцев Кеннеди, считавших, что главным пассажиром на борту самолета является их павший вождь. Поскольку он был мертв и не мог отдавать им приказаний, они обращали свои взоры к госпоже Кеннеди, которая, разделяя их убеждение, что необходимо как можно скорей покинуть Даллас, недоумевала, чем вызвана задержка. С другой стороны, помощники Джонсона держались иного мнения. Его без обиняков высказал Янгблад. В самый разгар суматохи он отвел Лема Джонса в сторону и повелительным тоном сказал ему:

— Когда босс велит, тогда и полетим, только тогда.

Между тем Келлерман и Янгблад кончили пререкаться, и в это время Макхью уже в третий раз появился у кабины пилота. Но тут он заметил Килдафа и бросился к нему. Килдафу показалось, что он несся какими-то дикими скачками.

— Мы должны сию же минуту подняться в воздух, — раздраженно выпалил Макхью.

— Этого нельзя сделать, пока Джонсон не примет присягу, — ответил Килдаф.

— Никакого Джонсона здесь нет. Он на втором самолете.

— Тогда ступайте и скажите этому шестифутовому техасцу, что он не Линдон Джонсон, — продолжал Килдаф и опять повторил: — Мы не полетим в Эндрюс, пока президент не примет присягу.

— Я знаю только одного президента, он лежит там! — воскликнул Макхью, показывая рукой в направлении хвостового отсека, где стоял гроб Кеннеди. Лицо его налилось кровью.

Эти слова прозвучали весьма драматически, а самолет был достаточно тесен. Поэтому замечание Макхью стало достоянием всех находившихся на борту самолета еще до того, как «ВВС-1» приземлился в столице. Кен О'Доннел, узнав, что сказал Макхью, проникся чувством гордости за генерала.

— Утром ты был еще вот такой, — сказал он Макхью, показав рукой расстояние в несколько дюймов от пола. — А теперь ты вот какой высокий, — добавил он, подняв руку над головой, насколько позволяла ее длина.

Однако и у Джонсона были уши. Эта короткая сценка в радиорубке изменила судьбы обоих этих людей. Килдаф, исключенный О'Доннелом из числа людей, близких Кеннеди, рассчитывал на неплохую карьеру при новом президенте, а генерал Макхью лишился всякой

надежды на еще одну звезду на погонах. Мало того, дни его службы в армии были сочтены.

Новый президент сменил сорочку и тщательно причесался. После этого сержант Джо Айрес вынул несколько свежих голубых полотенец с эмблемой президентского самолета «ВВС-1» для Жаклин Кеннеди. Поблагодарив его, Жаклин вошла в спальню. Вслед за ней вошли супруги Джонсон, чтобы выразить ей свои соболезнования. Новый президент понимал, что никакие слова не могут быть до-статочными. Он произнес только «милая», обнял Жаклин и покачал головой. Словесное выражение соболезнования он предоставил своей супруге. Госпожа Джонсон была женщиной и пользовалась расположением Жаклин Кеннеди.

Заливаясь слезами, новая первая леди сказала:

— О Джекки, вы же знаете, мы никогда не стремились стать даже вице-президентом, и, боже, вот что теперь получилось!

— Но что было бы, если бы я не была там! — ответила Жаклин. — Какое счастье, что я была в эту минуту с ним.

Интуиция Джонсона не обманула его. Слова были здесь действительно просто неуместны. Однако Леди Бэрд с ее врожденным чувством такта на этот раз допустила промах.

— Ах, не знаю, что и говорить, — произнесла она, всхлипывая, и неожиданно добавила — Больше всего меня ранит то, что это произошло в моем любимом штате Техас.

Не успела она закончить фразу, как поняла, что явно сказала лишнее. «Я тут же пожалела о сказанном», — вспоминала она позднее. Техасский шовинизм был более чем неуместен в этот день. Ей больше пристало печалиться о гибели Кеннеди. Леди Бэрд в замешательстве опустила глаза и увидела перчатку Жаклин, всю в пятнах крови. Леди Бэрд всегда завидовала тому, как элегантно Джекки носила перчатки. Сама она чувствовала себя в перчатках неловко и при первой же возможности избавлялась от них. Как всегда, и на этот раз перчатка Джекки казалась неотъемлемой ее частью. Но она вся была залита кровью ее мужа. Леди Бэрд овладела собой и спросила:

— Не позвать ли кого-нибудь помочь вам переодеться?

— О нет, благодарю вас, — ответила Жаклин. — Может быть, позже я попрошу Мэри Галлахер помочь мне. Но только не сейчас.

Они сидели втроем на кровати, Жаклин Кеннеди посередине. Последовала небольшая пауза. Затем Джонсон неуверенно промолвил:

— Ну, так вот, относительно присяги...

— Линдон, — начала было Жаклин и тут же остановилась. Из всех, кто окружал ее мужа, она первой смогла примириться с грядущим. — Ради бога, извините меня. Я никогда больше не буду называть вас так, — продолжала она. — Я хотела сказать: мистер президент.

— Милая моя, я надеюсь, что вы всю жизнь будете называть меня так, — ответил он.

Она молчала. Ей тоже было трудно подыскать нужные слова. Перед ней был человек, который только что стал главой государства, и она твердо решила никогда больше не обращаться к нему по имени.

— Так вот, относительно присяги, — повторил Джонсон, пытаясь восстановить порвавшуюся нить беседы.

— О да, я знаю, знаю, — поспешно проговорила Жаклин. Она думала, что знает, о чем идет речь. Ей также приходилось видеть старинные гравюры, и она вспомнила, что во время подготовки телевизионного репортажа о Белом доме, передававшегося компанией «Коламбия бродкастинг систем», она, выступая в качестве гида, рассказывала, как президент США Розерфорд Б. Хейс (1877 — 1881 гг.) принимал присягу в воскресенье, причем церемония состоялась в Красном зале Белого дома. Для президента было совершенно не обязательно принимать присягу на ступенях Капитолия, обращенных к востоку. Ее можно было проводить где угодно. Можно было сделать это даже здесь. Да, судя по всему, это должно было произойти именно здесь.

Она сказала:

— Да. Так как же все это будет?

— Я попросил судью — моего старого друга судью Хьюз — приехать сюда, — ответил он. — Она будет примерно через час. Почему бы вам не прилечь, не отдохнуть немножко? Мы

не будем вам мешать.

— Хорошо, — сказала она, думая совершенно о другом. Джонсоны вышли из спальни, закрыв за собой дверь.

Оставшись одна, она закурила сигарету и рассеянным взором уставилась в пространство. Внезапно до нее дошел смысл сказанного. «Целый час, — подумала она. — Боже мой, неужели мне придется ждать еще целый час?»

Тем временем в салоне Джонсону вручили ожидавшую, его записку;

«Господин президент, если я могу быть чем-либо вам полезен, — я здесь. Мойерс». Билл Мойерс был весьма полезен. Техасец и к тому же еще друг семейства Кеннеди был как нельзя кстати, и Джонсон тут же послал за ним. Мойерс вошел в кабину. Новый президент приветствовал его еле заметным кивком головы. Ни тот ни другой не произнесли и слова. Президент был бледен и казался измученным. У него был отсутствующий взгляд, он выглядел подавленным, что было ему не свойственно. Таким увидел Джонсона Билл Мойерс. Его поведение, согласно характеристике Мойерса, весьма походило на рассказы тех, кто находился с Джонсоном в палате № 13. Однако упадок сил у нового президента был лишь кратковременным. Его можно считать рецидивом, вероятно вызванным недавним общением с госпожой Кеннеди, и не прошло и нескольких минут, как Джонсон вновь обрел уверенность в себе и энергию, принявшись за главных помощников Кеннеди.

Подобно вдове покойного президента, они были совершенно ошеломлены всем происходящим. Однако в отличие от нее у них не хватало умения нести себя благовоспитанно в трудную минуту; не удивительно, что атмосфера беседы была натянутой. Макхью также принял в ней участие. Когда он увидел Джонсона, до его сознания дошло, какую оплошность он допустил, не заглянув вовремя в туалетную комнату спальни президента. Оказывается, Линдон и в самом деле был в самолете. Но если присягу непременно нужно было принимать на борту «ВВС-1», то почему, спрашивал генерал, нельзя совершить эту церемонию во время полета?

Вопрос был резонным. Однако Макхью так и не получил на него вразумительного ответа. Вместо этого, к его величайшему раздражению, началось оживленное обсуждение ракурсов снимков и поиск наиболее выгодных точек для съемок крупным планом. У некоторых присутствовавших при этом разговоре стало зарождаться подозрение, что им придется присутствовать в качестве зрителей на спектакле, в который будет вовлечена и вдова Кеннеди. Она и сама стала приходить к такому же выводу, совершенно независимо от подозрений помощников убитого президента. После ухода Джонсонов из спальни она заметила, что кто-то заботливо разложил на второй кровати ее туалет, ранее предназначавшийся для посещения города Остина, — белое платье, белый жакет и черные туфли. Конечно, многие могли вынуть этот свежий туалет из висячего шкафчика. Мэри и Эвелин, Джо Айрес, Джордж Томас — это мог сделать любой из них. Однако, как оказалось, они не были причастны к этому. Джекки таким образом пришла к заключению, что Джонсоны хотят, чтобы она безукоризненно выглядела на фотографии, призванной увековечить церемонию присяги.

Сам Джонсон отнесся с большим вниманием к своей внешности. Очень легко превратно истолковать его поведение. Но если присяга должна была подчеркнуть американцам, а также их союзникам и врагам за пределами США стабильность американской системы государственного управления, то было бы предпочтительнее оформить постановку по всем правилам театрального искусства. И коль скоро ее главной сюжетной линией намечались преемственность и непрерывность власти, то участие в ней Жаклин Кеннеди представлялось желательным, как бы ни было мучительно это для нее.

О'Доннел и О'Брайен сидели в салоне напротив нового президента и новой первой леди.

— Согласно конституции, мое место теперь в Белом доме, — сказал Джонсон. — Вы же оба свободны сделать выбор — Я хочу уговорить вас остаться на вашем посту и действовать плечом к плечу со мной. Я нуждаюсь в вас больше, чем вы во мне, и больше, чем Кеннеди нуждался в вас.

О'Брайен чувствовал себя неловко. Он и без того был измучен. «Неужели, черт побери, нельзя было, поговорить об этом позже?», — думал он про себя. Лэрри навязчиво преследовала кошмарная картина: Эрл Роуз в сопровождении далласских полицейских врывается в самолет и, угрожая оружием, похищает тело его павшего вождя. Джонсон же, вспоминая впоследствии об

этой беседе, считал, что он действовал как человек, «преисполненный решимости взять бразды правления в свои руки». Леди Бэрд не могла вспомнить, чтобы тогда в ходе беседы возникали осложнения. С ее точки зрения, «в сложившейся трудной ситуации каждый старался сделать все, что было в его силах».

Собеседники Джонсона, с другой стороны, припоминают, что они действительно делали все, что только могли, пытаясь прервать поток слов ее мужа, но тщетно: он как заведенный продолжал идти напролом. Однако ирландцы (то есть О'Доннел и О'Брайен) были не менее искусными политиками. Они напряженно слушали, выжидая, когда наступит удобный момент для вмешательства. Первым добился успеха О'Брайен. Воспользовавшись небольшой паузой, он овладел инициативой, чтобы описать поведение Эрла Роуза и подчеркнуть необходимость немедленного вылета из Далласа.

— Нет, — возразил Джонсон. — Я говорил с министром юстиции, и он считает, что я должен принять присягу здесь.

С каждой минутой его версия беседы с Робертом Кеннеди приобретала все большую убедительность.

— Я ожидаю прибытия судьи. Эта женщина — мой друг, — сказал он и добавил: — Ее назначил Кеннеди.

Тут-то О'Брайена осенило: «Да ведь этот человек — президент Соединенных Штатов». Лэрри моментально сдался. Закрыв глаза, он лишь молил провидение, чтобы судья прибыл раньше полиции. О'Доннел оказался менее уступчивым. Он никак не мог взять в толк, зачем помощников Кеннеди привлекать к участию в церемонии присяги Джонсона. По его мнению, присутствие обеих групп в одном самолете было чистой случайностью. Новый президент продолжал настойчиво убеждать его, что он при всех обстоятельствах задержал бы отлет самолета до прибытия госпожи Кеннеди. Едва ли есть основания сомневаться в том, что он с самого начала намеревался поступить именно так. И все же Кен оставался тверд в своем скептицизме. Он был по-прежнему убежден, что, если бы судья прибыла на аэродром раньше катафалка, Джонсон улетел бы без них. Он продолжал вспоминать о схватке в Парклендском госпитале, и лицо его становилось все более напряженным. Наблюдавший за ним Тед Клифтон решил, что О'Доннел напоминает волка.

Клифтон слышал, что О'Доннел повторял снова и снова:

— Надо лететь. Нам необходимо выбраться отсюда. Мы не можем ждать.

Джонсон же неизменно отвечал одно и то же:

— Нет, я следую совету министра юстиции.

Позднее Клифтону стало известно, что министр юстиции Кеннеди категорически отрицает, будто он советовал Джонсону принять присягу в Далласе (а это опровержение со стороны министра юстиции убедительно подтверждается беседой Кеннеди по телефону с Катценбахом; она начиналась словами Кеннеди: «Линдон хочет присягнуть в Техасе...»). Узнав об этом, Клифтон пришел к заключению, что новый президент, по-видимому, имел в виду министра юстиции штата Техас Уэгонера Карра. Однако и О'Брайен и О'Доннел совершенно отчетливо слышали, как президент Джонсон сказал «Бобби». Единственным человеком, который мог сломить сопротивление О'Доннела, был Боб Кеннеди. Если Боб Кеннеди хочет, чтобы новый президент был приведен к присяге в Далласе, — а помощникам Кеннеди и в голову не могло прийти, что Джонсон неправильно понял министра юстиции (хотя, по-видимому, он действительно неправильно его понял), — то значит, предстояло набраться терпения и ждать приезда судьи. У них была только одна надежда: что это произойдет скоро. Они буквально молились, чтобы она поскорее приехала. В воображении Клифтона, как и О'Брайена, вурдалаки из Парклендского госпиталя выросли а настоящих великанов. Возможность похищения ими тела убитого президента представлялась вполне реальной.

Президент Джонсон пересек проход, уселся в мягкое с желтой обивкой президентское кресло и заказал Джо Айресу еще чашку супа из овощей. То и дело входивший и выходивший Килдаф информировал его, как подвигается подготовка к церемонии присяги. Сесил Стафтон тем временем готовил для съемки свои две камеры. В самолете стояла удушающая жара. Казалось, что спертый воздух уплотнился настолько, что вот-вот превратится в студенистую массу. Еще пять минут — и Джонсону снова пришлось бы менять сорочку.

Но Сара Хьюз наконец прибыла в аэропорт. Она быстро прошла вслед за Клифтоном через кабину помощников президента и вошла в салон. Судья поочередно заключила в свои объятия президента, госпожу Джонсон и других своих земляков из Техаса. Затем Джонсон сказал, обращаясь к присутствующим:

— Мы сейчас соберем здесь как можно больше народа. Тотчас же были посланы гонцы собирать свидетелей.

Валенти, Янгблад, Робертс и Лем Джонс отправились в кабины помощников президента и обслуживающего персонала, приглашая всех. Вслед за ними туда последовал и сам Джонсон. Широко жестикулируя, он объявил:

— Если кто из присутствующих хочет принять участие в церемонии присяги, милости просим. Я буду рад и сочту это за честь.

Однако массового наплыва свидетелей не последовало. Пришли лишь друзья и союзники нового президента. А поскольку он лишь только что стал хозяином президентского самолета, пришедшие составляли меньшинство тех, кто мог прийти. Обеганные пассажиры самолета 26000 предпочли воздержаться от участия в церемонии. Их сдержанность мощно понять лишь если учесть, что все это происходило в 14.35. Хотя «подозреваемый» в убийстве Кеннеди тогда был уже задержан, лишь через сорок минут после его ареста сеть радио и телевидения сообщила об этом. Отсутствие информации об убийце привело к тому, что все испытывали чувство отвращения не только к Далласу, но и ко всему штату Техас. И самый именитый техасец — Линдон Джонсон — стал невинной жертвой этой инстинктивной реакции. Сделанные вскоре после этого снимки Стафтона служат наглядным свидетельством того, что Лэрри О'Брайен позже назвал «накаленной атмосферой на самолете». Присутствовавшие на церемонии и снятые фотоаппаратом Стафтона явно представляли только незначительную часть пассажиров. Несмотря на то, что объектив аппарата был широкоугольным, фотографу не удалось запечатлеть ни одного из главных помощников Кеннеди. Доктора Беркли скрывала чья-то спина. Видны были лица двух агентов, Килдафа и репортеров, Андервуда и трех секретарей Кеннеди — Эвелин, Мэри и Памелы, которых привели Джек Валенти и Лем Джонс. Новый глава правительства восторженно их благодарил, поцеловал Эвелин и Памелу руки и назвал Памелу «маленькой леди».

Годфри Макхью стоял навтыжку у гроба Джона Кеннеди. Кен О'Доннел удалился в коридор. О'Брайен принимал участие в подготовке церемонии, поскольку Джонсон сказал, что таково желание Боба Кеннеди. Сделав все, что от него требовалось, Лэрри притаился за спиной Сары Хьюз. Владевшие ими чувства разделяли и остальные сотрудники Кеннеди. Даже Стафтон хотел бы быть в это время в каком-либо другом месте. Джим Суиндал потихоньку отошел к Клинтону Хиллу, стоявшему в проходе, и прижался лицом к широкой спине Роя Келлермана. Как командир президентского самолета, полковник Суиндал обязан был присутствовать во время церемонии присяги. Но до этой минуты никто и не подозревал, что он серьезно относится к политическим вопросам. Позже он так объяснял свое поведение:

— Я просто не хотел быть на этой фотографии. Я не принадлежал к команде Джонсона. Мой президент лежал в гробу. Президент Джонсон не заслуживал такого отношения. Для человека столь повышенной чувствительности, как он, переживать нечто подобное было крайне болезненно. Но что гораздо важнее, поведение большинства пассажиров самолета 26000 означало неуважение к самому посту президента, хотя у тех, кто уклонялся от участия в церемонии присяги, не было намерения проявить такое неуважение. Дело в том, что пассажиры самолета продолжали находиться в состоянии нервного шока.

Совместное пребывание в одном самолете в гнетущей атмосфере представителей двух правительств и то обстоятельство, что всего лишь три года назад большинство присутствующих яростно сражались друг против друга во время избирательной кампании в Лос-Анджелесе, должны были неизбежно вызвать бурю. На борту самолета не было злодеев. Подлинный злодей находился в центре Далласа в полицейском участке под арестом.

Население Соединенных Штатов с жадностью набросилось на снимок, переданный Стафтоном час спустя по аппарату телефотосвязи Ассошиэйтед Пресс, установленному в редакции далласской газеты «Морнинг ньюс». На заднем плане фотографии видны были плохо различимые человеческие лица, а на переднем — чета Джонсон. Однако в центре всеобщего

внимания был классический, искаженный болью профиль вдовы Джона Ф. Кеннеди. Именно ее участия в церемонии присяги больше всего жаждал человек, присягавший на верность нации. Он хотел, чтобы в этот момент она находилась рядом с ним. Он говорил об этом во всеуслышание. И в конце концов она пришла, но решение было принято ею самой. Три года в Белом доме вселили в душу Жаклин Кеннеди глубочайшее уважение к посту ее супруга. Она понимала значение символов власти, необходимость сохранить хотя бы видимость национального величия после происшедшей катастрофы, и потому она пришла.

Ее ждали. О'Доннел и О'Брайен, беспокойно ходившие по коридору, обменялись озабоченными взглядами. Сначала один из них, потом другой, осторожно приоткрыли дверь в спальню и заглянули внутрь. Ее там не было. Она была, вероятно, в ванной комнате. Они не могли войти туда, и Кен отправился за Мэри и Эвелин. Никто из них и не помышлял о том, что она может принять участие в церемонии, О'Доннел даже категорически возражал против этого. Они опасались, что Жаклин стало плохо. Джонсон был в это время занят подготовкой сцены в салоне, которую предстояло запечатлеть Стафтоу.

— Как мы должны встать? Мы все попадем на фотографию? — спрашивал он Стафтона.

— Я поставлю судью так, чтобы навести объектив из-за ее плеча, — ответил фотограф.

Президент сказал Саре Хьюз:

— Давайте подождем госпожу Кеннеди. Необходимо, чтобы она здесь присутствовала.

«Стафтон предложил, чтобы она стояла по одну сторону от него, а леди Бэрд — по другую. Джонсон кивнул. Он начал проявлять нетерпение. Взглянув на жену, он попросил, чтобы кто-нибудь позвал госпожу Кеннеди. Он несколько раз посмотрел на дверь спальни и наконец сказал решительно:

— Минутку, я ее сейчас приведу.

В этот момент дверь открылась, и вышла овдовевшая первая леди.

Пока жизнь в самолете шла своим чередом, пока Джонсон беседовал с Кеном и Лэрри, прибывала Сара Хьюз и в салоне собирались и размещались те, кто должен был позировать фотографу, Жаклин Кеннеди жила своей жизнью, изолированной от всего происходившего в других кабинах и отсеках «ВВС-1». Она знала только, что ей предстоит ждать еще час. Она не намеревалась использовать какую-то часть этого времени, чтобы переодеться в платье, ранее предназначавшееся для визита в Остин. Стоять у гроба убитого супруга в белоснежном платье было бы, по ее мнению, неуместным, даже кощунственным с ее стороны. Жаклин считала минуты. Время тянулось так медленно. Внезапно одиночество стало для нее нестерпимым. Она решила продолжить свое тягостное ожидание вместе с кем-нибудь, кто был близок ее покойному супругу: с Кеном, может быть, или с Лэрри. Они должны были находиться где-то поблизости. Жаклин вышла в коридор, посмотрела в сторону салона и увидела, что все там ждут чего-то. При виде ее ожидание на их лицах сменилось выражением облегчения. Ей казалось это просто невероятным, но это было именно так: они ждали ее. Жаклин поспешила к ним. Она спрашивала себя: почему же он сказал мне, что судья придет только через час? Ведь я могла бы остаться здесь и ждать вместе с ними! Конгрессмен Альберт Томас обнял ее.

— Вы маленькая героиня, — шепнул он ей.

Джесс Карри сказал ей, что полицейское управление Далласа сделало все, что только могло. Джонсон крепко сжал ее руку и сказал:

— Это самый печальный момент в моей жизни. — Наклонившись, он представил Жаклин Кеннеди Саре Хьюз и затем притянул ее к себе.

— Вы хотите, чтобы мы стояли так? — спросил он Стафтона.

Низкорослый фотограф, весь в поту, скрючился на кресле по другую сторону прохода напротив президентского кресла. Он был готов начать съемку. Президент и обе первые леди тоже были готовы.

Женщина, которой было суждено первой привести к присяге президента, была готова настолько, насколько ей позволяло нервное возбуждение. Хьюз буквально била лихорадка. Однако она была уверена, что справится со своей задачей. Рядом Килдаф держал перед ней микрофон диктофона. Он был готов нажать контрольную кнопку.

Прерывающимся от волнения голосом Сара Хьюз начала читать: «Торжественно клянусь, что буду...»

Чтение присяги длилось двадцать восемь секунд: судья произносила слова присяги, новый президент вторил ей. Его левая рука была устремлена вверх, а мощная ладонь правой легко возлежала на личной Библии Кеннеди, как раз над тем местом, где черным на черном фоне были выведены инициалы покойного.

Щеголеватая прическа президента — он побывал у парикмахера лишь за день до того, — его галстук и платок в нагрудном карманчике пиджака были безупречны. Однако ничто не могло скрасить его массивную, грубо сколоченную фигуру. Он был самым высоким среди всех собравшихся здесь. Леди Бэрд, согласно ее прозвищу⁴⁵, напоминала собой какую-то птицу, а воздушный силуэт Жаклин Кеннеди, казалось, принадлежал другому миру. Стафтон держал свой фотоаппарат высоко над головой. Все было в порядке. Пятна крови на платье вдовы не попали в объектив. Потрясенная и поверженная горем, Жаклин Кеннеди невидящими глазами смотрела на микрофон.

Между тем Сара продолжала читать, а Джонсон повторял за ней:

— Я буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов.

Внимание присутствующих отнюдь не было поглощено церемонией присяги. Обычно годы, так сказать, редактируют память, устраняя то, о чем не хотелось бы вспоминать. Но свидетели небывалого в истории акта присяги в самолете проявили поразительное единодушие в своих воспоминаниях. Все они признают, что мысли их в то время витали где-то далеко. Большинство их вообще не слышали ни одного слова. Они думали в основном друг о друге. Альберт Томас решил, что Джесс Карр», стоявший рядом с ним на цыпочках, заслоняя тех, кто стоял за ним, любитель лезть в объектив. Мэри Галлахер и Мартин Андервуд следили за Кеном О'Доннелом, ходившим по коридору перед спальней подобно тигру в клетке. Кен думал о Джекки: «Ее используют. Ее используют...»

Все испытывали какое-то физическое недомогание. Хотя церемония длилась менее чем полминуты, казалось, что она заняла значительно больше времени. Сгрудившиеся люди, обливающиеся потом, невероятная жара и спертый воздух в кабине — все это походило на удушливую парильню. Люди чувствовали, как под сорочками и нижним бельем на теле выступали капельки пота и ручейками стекали вниз. Лишь одна Леди Бэрд не замечала духоты. Она была целиком погружена в свои мысли. Самые причудливые идеи приходили ей на ум. «Это все как во сне, — думала она, — все так нереально. Все — просто как персонажи неизвестной нам пьесы. Начинается что-то тяжелое, кошмарное. Что-то нас ждет? Мы вступаем в какой-то чуждый нам новый мир. Все как во сне, — и все же это совсем не сон».

— ... и буду... ограждать и защищать конституцию Соединенных Штатов, — едва слышным голосом повторял за судьей супруг Леди Бэрд.

Это были последние слова, отпечатанные на карточке в руках у судьи. По конституции большего и не требовалось. Но у Сары Хьюз было ощущение, словно чего-то не хватает. Повинуясь импульсу, она добавила от себя:

— И да поможет мне бог.

— И да поможет мне бог, — медленно повторил за ней Джонсон, следя из-под полуопущенных век за выражением ее глаз.

Заключительные слова президента едва не потонули в реве мотора. Джим Суиндал прыжком пересек радиорубку, пристегнул на себе ремни и снова включил двигатель № 3.

Президент обнял свою супругу и Жаклин Кеннеди. Леди Бэрд — ее глаза были полны слез — подошла вплотную к Жаклин и сильно сжала ее руку.

— Ну, а теперь присядьте здесь, милая, — сказала она овдовевшей первой леди и повела ее к креслу, которое только что освободил Стафтон.

Сара Хьюз обняла Джонсона и прерывающимся голосом сказала:

— Мы все с вами.

Ей надо было спешить с поздравлением, так как самолет должен был подняться в воздух буквально через несколько секунд. Моторы Суиндала взревели, и, опускаясь в президентское кресло, Джонсон бросил Лему Джонсу:

⁴⁵ «Пташка».

— В путь!

Три посетителя — Сара Хьюз, начальник полиции Карри и Стафтон — едва успели сбегать вниз по трапу, который уже начал отъезжать от самолета.

В Далласе часы показывали 14.47, когда Суиндал оторвал стотонную массу самолета 26000 от окрашенной поперечными желтыми полосами взлетной дорожки бетонного поля Лав Филд. В салоне самолета Джонсон с удовлетворением заметил:

— Вот мы и летим. — Затем вызвал Джо Айреса и приказал подать чашку бульона. Леди Бэрд попросила принести галеты.

Жаклин Кеннеди встала.

— Прошу извинить меня, — вежливо произнесла она. Ей не хотелось обижать чету Джонсон, но в голове у нее все время мелькала мысль: «Я не останусь здесь. Я вернусь туда».

Пройдя стремительным шагом по коридору в хвостовую часть самолета, она увидела стоявших у гроба Кена, Лэрри, Дэйва и Годфри. Жаклин села напротив в одно из двух кресел по другую сторону прохода. Кен сел рядом с ней. Глаза их встретились, и Жаклин внезапно разрыдалась. Обильные слезы душили ее, и она долгое время не могла произнести ни слова. Наконец ей удалось справиться со своим голосом, и она заговорила так, словно это было еще 12. 30, когда удар только что обрушился на нее.

— Это свершилось, — сказала она.

— Это свершилось, — безжизненным голосом повторил ее слова О'Доннел.

— Ах, Кении, — воскликнула она сквозь слезы, — что же теперь будет?

— Знаете, что я вам скажу, Джекки, — ответил Кенн, — теперь мне на все наплевать.

Глубоко вздохнув, она сказала:

— О да, вы правы, вы совершенно правы. Ничто уже не имеет значения, кроме этой потери.

В хвостовом отделении, где стоял гроб, было очень, мало свободного места. Пожалуй, эта масть самолета была самой тесной. Однако все сотрудники Кеннеди стремились втиснуться в это пространство. Это было физически невозможно. Здесь просто не хватало места для всех. Поэтому к гробу Кеннеди началось настоящее паломничество. Возвращаясь оттуда, каждый медленно проходил мимо президентского кресла, в котором теперь восседал президент Линдон Джонсон.

Тем временем далласская газета «Морнинг ньюс», к ужасу ее руководителей и сотрудников, стала объектом стихийно хлынувших беспрецедентных оскорблений. Крупные рекламодатели из других штатов аннулировали свои контракты, местные читатели отказывались от подписки. Развертывалась длинная цепь последовательно наслаивавшихся обвинений: техасцы обвиняли Даллас, американцы — Техас, весь мир обвинял Соединенные Штаты. Однако не все звенья цепи были одинаковы по значению. Некоторые люди и даже население целых городов занялись копанием в собственных душах. Редактор издающейся в Остине (Техас) газеты «Америкен» писал:

«Злодейское убийство, оборвавшее жизнь Джона Кеннеди, было подготовлено ненавистью и фанатизмом, гнилым духом самодовольства, придающим проповедникам этого фанатизма и ненависти вид респектабельности, равно как и нашей упрямой уверенностью в собственной непогрешимости, когда мы навешиваем ярлыки изменников или простофиль на тех, кто не согласен с нами».

Однако эта самокритика не встретила сочувствия среди столпов далласского общества. Из двух ежедневных газет в городе, пожалуй, лишь «Таймс геральд» была склонна предаваться размышлениям. Однако 22 ноября, после того как работа над вечерним изданием газеты была закончена, ее издатель воздал должное способностям своих сотрудников в выражениях, могущих служить рачительнейшим примером самодовольства. «Сегодня вы великолепно потрудились, — писал он в своем заявлении, опубликованном в то время, как самолет президента взял курс на Эндрюс — Ни одна газета нашей страны не могла бы лучше справиться со своей задачей в столь жесткие сроки. Все вы имели труднейшие поручения и без колебаний их выполнили». И лишь, как бы нечаянно вспомнив, что он упустил что-то, издатель добавил: «Сегодня печальный день».

Он добавил и еще кое-что другое, осветившее то смутное беспокойство, которое тогда

охватило обитателей Далласа. «В предстоящие несколько дней нам надо будет писать об этой истории с наибольшим тактом, — наставительно говорил издатель далласской газеты, — раз все это произошло в нашем городе, мы оказались перед своего рода судом».

Да, их действительно строго судили, и они весьма болезненно ощущали это. Их местный патриотизм был в опасности. Далласу с большой буквы угрожало превращение в незаметный Даллас — с маленькой буквы. По словам спортивного обозревателя газеты «Таймс геральд», у жителей города было такое же ощущение, как у игроков, оштрафованных судьей на полпути к верному голу. В этих условиях не было смысла оспаривать решение судьи. Зрители все равно не поняли бы этого. Существовал только один выход: вернуться к своим воротам и начать все сначала.

Восстановить престиж города было, конечно, делом нелегким. Но населявшие северные пригороды Далласа крупные дельцы были мастера проворачивать большие дела. Разумеется, надо пойти на определенные жертвы. Необходимо публично отречься от некоторых малозначащих организаций. Конгрессмена Брюса Эджера придется принести в жертву. Но беда не велика. Следующей осенью его можно будет заменить Кэйбеллом, мэром Далласа. Пока же редакционные статьи газеты «Морнинг ньюс» должны звучать мягко. Конечно, никто не в восторге от того, что с каждым новым самолетом на аэродром Лав Филд прибывают толпы людей. Однако говорить им об этом ни в коем случае нельзя. Напротив, им следует показать, что значит гостеприимство по-далласки. Иногородних корреспондентов надо обеспечить столами и телефонами в редакции «Морнинг ньюс» и снабдить их рекомендательными письмами к людям, способным рассказать им, что из себя в действительности представляет город Даллас.

Начальник полиции Далласа Джесс Карри мог бы причинить наибольшие неприятности отцам города. Он уже запачкал парадный портрет Далласа, а сейчас ему доверили взять под стражу Ли Освальда. Ни в коем случае нельзя было бы допустить, чтобы он еще проявил хотя бы малейшую грубость в отношении журналистов, наводнивших пять отделов на третьем этаже полицейского управления.

От начальника полиции и окружного прокурора Генри М. Уэйда теперь требовалось, чтобы они примирились с этим нашествием и терпели все возникающие из-за этого неудобства. Они обязаны знакомить прессу со всеми имеющимися у них сведениями об известном арестанте, который содержался в одной из камер для особо опасных преступников на пятом этаже. Карри и Уэйд строго следовали такого рода указаниям. Попав под перекрестный огонь журналистов, они уступили их требованиям, но, поступая так, они навлекли на себя новые беды. Ведь политика уступок журналистам неизбежно влечет за собой полную и безоговорочную капитуляцию перед ними.

Репортеры-ветераны были в ужасе. Анри де Турнюр из парижской «Франс суар» сказал одному руководителю фирмы «Нейман — Маркьюск»:

— Из всех полицейских, каких мне только приходилось видеть, ваши настроены наиболее благосклонно в отношении прессы. Да поможет вам бог!

Опытные юристы также были крайне обеспокоены.

К вечеру 22 ноября сотрудничество властей Далласа с корреспондентами газет и телевидения приобрело такие масштабы, что в Вашингтоне бодрствующий на своем посту заместитель отсутствующего министра юстиции став серьезно опасаться, возможно ли будет после всего этого оспаривать апелляцию подсудимого, если он будет осужден в подобной обстановке. Карри и Уэйд без участия каких-либо адвокатов со стороны обвиняемого фактически чинили суд над ним по телевидению. Они раскрыли прессе козыри обвинения не менее пятнадцати раз.

Это уже превратилось в пародию на правосудие, и Катценбах вынужден был позвонить представителю федеральной юстиции в Далласе Бэрфуту Сандерсу и поделиться с ним своими опасениями.

— Представьте себе, — сказал он, — какой будет кошмар, если убийца президента будет признан виновным, а Верховный суд США отвергнет это решение на том основании, что у убийцы не было адвоката. Вот как низко мы бы пали тогда в глазах у всех.

Сандерс попытался вмешаться. Однако федеральный прокурор не властен над тюремной

администрацией штата. В то время как перед любым писакой открывалась зеленая улица, федерального прокурора, не являющегося представителем прессы, просто игнорировали.

А все же коронный номер этого поразительного спектакля был неизвестен никому за пределами полицейского управления Далласа. Размышляя о юридических правах обвиняемого и пугающей возможности отмены решения суда, Катценбах наивно полагал, что все незнакомцы в штатском платье, снующие вокруг облаченных в форму полицейских на экране его телевизора, были подлинными корреспондентами газет или телевизионными комментаторами. Однако пятница 22 ноября 1963 года была лишь первым из четырех дней, когда все было возможно. Как показали последующие события, Катценбах слишком многое принимал на веру.

Карри жаждал похвал и как огня боялся вызвать неудовольствие. Поэтому он отменил меры предосторожности, обычные в тех случаях, когда интерес публики к преступлению приобретает характер истерии. Никто из его полицейских не проверял даже удостоверений личности у представителей печати. Двери были фактически открыты настежь для всех. Видео пленки телевидения, запечатлевшие события тех дней, напоминают массовые свалки из гангстерских кинофильмов. На ролях статистов выступают истцы и свидетели по другим делам, оказавшиеся в это время в здании полиции, заключенные и их родственники, родственники полицейских, жулики и пьяницы, забравшиеся сюда из злачного района Харвуд-стрит. Одним словом, любой помешанный, захотевший поглазеть на самого нашумевшего преступника, содержащегося под стражей самой нашумевшей полиции, мог свободно прийти на организованную вечером в пятницу в подвальном этаже здания полицейского управления пресс-конференцию Карри — Уэйда — Освальда. И один такой психопат действительно явился посмотреть на Ли Освальда, сидевшего на специальном возвышении для лучшего его обозрения.

Посетитель, о котором идет речь, появился в очках в роговой оправе, с блокнотом в руках и с заранее подготовленным лживым предлогом для пребывания здесь. Он выдал себя за переводчика для израильской печати. Он зря лгал. Его и так пустили бы, ибо пресс-конференция была организована по принципу: кто успел, тот и сел. Капитану Фритцу из отдела по расследованию убийств уголовной полиции, опоздавшему на пресс-конференцию, не хватило места. Самозванец же беспрепятственно взгромоздился на один из столов. Он даже задавал вопросы. Проявленная впоследствии кинопленка показывает, что он в упор рассматривал арестанта. И Освальд и мужчина, пристально разглядывавший его, внешне не имели ничего общего. Однако в эмоциональном отношении в них сказывалось нечто родственное. Оба были неудачниками с нарушенной психикой. Оба были отверженными, но жаждавшими известности. Оба затаили обиду против всего света, проявляли авантюристическую готовность на любой необузданный поступок, по своей натуре питали даже склонность к убийству, не смогли обеспечить нормальных отношений с окружающими их людьми, особенно с женщинами, и были равнодушны к общественной жизни.

Позднее мнимый переводчик утверждал, что он преклонялся перед покойным президентом. Возможно, он сумел убедить в этом самого себя. Однако поверить этому трудно. В 12. 30 он находился в редакции газеты «Морнинг ньюс», где договаривался о публикации в субботнем номере объявлений о принадлежавших ему двух злачных заведений со стриптизом; однако он не потрудился пройти каких-то четыре квартала, чтобы посмотреть на проезжавший как раз в то время кортеж президента. Его мнимое преклонение перед Кеннеди, подобно вымышленным «марксистским убеждениям» Освальда, было, конечно, патентованной ложью, продуктом самовнушения, рассчитанным на то, чтобы представить в респектабельном свете мотивы его поступка. В действительности и у того и у другого было не больше чувства общественного долга, чем у подзаборного кота. Каждый был настолько поглощен собственным опустошенным миром, что это полностью исключало какие-либо иные интересы. Ужасающее одиночество характеризовало их обоих. Мошенник в роговых очках пришел на пресс-конференцию с единственной целью — рассмотреть преступника. Однако в подвалах Карри было много и других аттракционов. Выступление Генри Уэйда с ответами на вопросы без всякого преувеличения можно назвать пошлым фарсом. Указывая перстом на Ли Освальда, он заявил радиослушателям и телезрителям:

— Я думаю, у нас достаточно оснований признать его виновным.

Далее он сообщил, что сыщики Карри разыскали «около пятнадцати свидетелей», что других подозреваемых в преступлении нет, что обвиняемый психически вменяем и ему уже предъявлено официальное обвинение. Его спросили, есть ли у арестованного адвокат, на что прокурор далласского округа ответил:

— Я не знаю, есть ли у него адвокат или нет.

Уэйд поставил присутствующих в известность о том, что обвиняемый будет переведен в окружную тюрьму, и обещал зрителям впредь информировать о всех деталях. Затем он — без задней мысли — упомянул о том, что Освальд проживал в Далласе «лишь в течение двух месяцев».

— Молодчина, Генри, — крикнули ему из толпы. — Удачный ход!

Однако «ход» отнюдь нельзя было назвать удачным. Для прокурора это был скорее грубый промах. Информация Уэйда была неточной и вводящей в заблуждение. Например, Освальд провел детство в Далласе, и, если считать, что это имеет значение, он, вернувшись из Советского Союза с Мариной, прилетел именно на аэродром Лав Филд. Более того, факт обнаружения прокурором Уэйдом конкретных улик и высказанная его устами до суда презумпция виновности Освальда были вопиющим нарушением основных принципов правосудия. Выступая перед целой батареей микрофонов, Уэйд говорил все это, обращаясь к многомиллионной аудитории. А ведь именно из среды его слушателей должны были быть избраны присяжные заседатели, если бы только из-за очередного промаха полиции не свершилось еще одно убийство, сделавшее ненужным суд над Ли Освальдом. Даже 22 ноября все это представлялось просто невероятным. Еще менее вероятным выглядит это сейчас.

Окружной прокурор обратил внимание на идиотскую физиономию мнимого израильского переводчика. Она показалась ему знакомой. Он припомнил, что видел его дня три тому назад на процессе по делу о преступлении против нравственности. После того как прожектора для съемки потухли и арестованного увели в камеру на пятом этаже, самозванец подбежал к возвышению и крикнул:

— Эй, Генри?

Они пожали друг другу руки, и неизвестный спросил прокурора:

— Вы не узнаете меня? Меня зовут Джек Руби. Я владелец клуба «Вегас».

Вероятно из простого любопытства, Уэйд спросил его:

— А что вы тут делаете?

Сделав широкий жест рукой, Руби величественно заявил:

— Я знаю всех этих парней.

Под парнями он имел в виду полицейских Далласа. На этот раз Руби не валял дурака. Он действительно знал их.

В следующий понедельник жителям Европы предстояло ломать себе голову над тем, как Руби удалось так легко и беспрепятственно бродить по всему полицейскому управлению. В равной мере были поражены этим обстоятельством и люди, близкие к Кеннеди. Им был неведом этот мир полусвета, затхлый мир преступников и содержателей притонов, сомнительных личностей с оплывшими лицами, ярко крашенных блондинок, чьи тонкие, до предела выщипанные и изогнутые дугой брови придавали их вяло поблескивающим взглядам застывшее выражение удивления. Этот мир убогих, нечистой репутации отелей, пропитанных отвратительными запахами, с нераскрытой Библией на ночных столиках у кроватей со сбившимися простынями, где полиция попустительствует мелким преступникам, а нарушители закона и его блюстители, как и все те, кто постоянно балансирует на грани законности, не только охотно общаются, но и заключают между собой браки. Таким образом, нет ничего загадочного в связях Джека Руби с далласскими полицейскими. К сожалению, личности такого рода являются завсегдатаями в полицейских участках Америки. Каждый репортер полицейской хроники знает по крайней мере одного такого Руби. Он пресмыкается перед полицейскими и детективами. Даже когда он время от времени оказывается за решеткой, это не умаляет его преклонения перед полицейскими чинами. Зачастую он гордится своей прежней судимостью, усматривая в ней доказательство своего мужества. Как правило, это типы, склонные к полноте, среднего возраста, с мешками под глазами. Они пристрастны к пиджакам с широченными

лацканами, галстукам невероятной расцветки. Толстые пальцы их рук обильно украшены экстравагантными перстнями с искусственными камнями. Такого человека легко отличить по исходящему от него специфическому благовонию жидкой косметики, по манере похлопывать полицейских по плечу, навязывать им подарки и даже по привычке на глазах у них непрерывно расчесывать волосы, размахивая руками, точно гребец веслами.

В ту пятницу Руби, отбросив вымышленный предлог, будто он пришел в полицейское управление, чтобы присутствовать на пресс-конференции, принялся раздавать полицейским бесплатные пропуска на представления с обнаженными женщинами в двух ночных клубах, являвшихся его собственностью. Полицейские без лишних слов рассовывали пропуска по карманам. Они не видели в этом ничего предосудительного. Подобно окружному прокурору, они знали Джека и в свободное от дежурства время, переодевшись и штатское, частенько заходили в «Вегас» и «Карусель». Здесь они занимали специально зарезервированные для них места, наслаждались даровой выпивкой — обычно смесью виски с содовой водой, традиционным напитком этого своеобразного мира, — и хриплыми голосами подзадоривали размалеванных женщин на сцене сбрасывать с себя интимные предметы туалета из черной вуали.

Один тридцатилетний детектив — Август Эберхардт — знал Руби в течение пяти лет. Он познакомился с хозяином притонов, работая в отделе по борьбе с проституцией и наркотиками. Хотя в его служебные обязанности входило наблюдение за тем, что делается в «Вегасе» и «Карусели», и он даже задержал как-то одну из проституток Руби по обвинению в наркомании, это не мешало ему быть постоянным завсегдатаем этих мест. Мало того, он навещался в оба притона вместе со своей супругой. Правда, г-жа Эберхардт предпочитала программу «Вегаса». О достоинствах каждого из двух заведений велись горячие споры на Харвуд-стрит. У обоих заведений были, разумеется, свои почитатели, равно как у каждой из поступавших там девиц — свои поклонники, бурно аплодировавшие их номерам. Однако все были единодушны в одном: у Джека всегда можно повеселиться как следует.

Эберхардт заприметил Руби на пресс-конференции. Они немножко посудачили. Руби осведомился о здоровье госпожи Эберхардт. Затем он снова пустил в ход свою басню о том, что он пришел в качестве переводчика. Полицейский был старым другом Руби и знал, что он говорит по-еврейски, но был невысокого мнения о его лингвистических способностях. Руби объяснил, что принес с собой кофе и бутерброды, чтобы угостить репортеров. После этого, по словам Эберхардта, он «поговорил немного об убийстве». Руби сказал:

— Слушай, я не могу понять, как подобное ничтожество, сущий ноль, мог убить такого человека, как президент Кеннеди. — Он с грустью в голосе заметил, что смерть президента — весьма прискорбное происшествие для Далласа. После этого, по словам детектива, он ушел. Впоследствии Эберхардт говорил, что он не заметил, куда пошел Руби. Другие полицейские тоже не обратили внимания на его уход. Они были уверены, что Джек Руби вернется, и они не ошиблись.

Часть вторая ПРОЩАНИЯ

Глава шестая ОБРАТНЫЙ КУРС НА ЭНДРЮС

Подгоняемый попутным ветром, президентский самолет «Ангел» несся на восток почти со скоростью звука. Оставив позади аэродром, Джим Суиндал взглянул вниз на желто-зеленую равнину, пересеченную дорогами и живыми изгородями. Впереди виднелось темно-голубое пятно воды, а еще дальше — гряды гор. Пилот сообщил по радио на военно-воздушную базу Эндрюс примерное время своего прибытия — 23.05 «З». «Зулу тайм» — на жаргоне военных летчиков означало время по Гринвичу. Они должны были приземлиться в Эндрюсе в 18.05 по местному времени.

Пассажиры в кабине секретариата обуредали смешанные чувства — от состояния кататонии до безутешного горя и мрачной отчужденности.

Первая группа из свиты президента, перенесшая трагедию в Парклендском госпитале, размышляла теперь о будущем. Она должна была встретить завтрашний день во всеоружии. Это был ее долг. Вторая группа еще жила в прошлом и мысленно возвращалась к событиям минувшего дня. Позже пассажиры каждый по-своему вспоминали об этом полете. Занавески на окнах были задернуты, и никто не заметил, как наступили сумерки. Было такое ощущение, словно все они жили вне времени и пространства. Каждый был предоставлен самому себе, наедине со своими горестными думами и в одиночестве создавал собственную цепь событий и собственное представление о времени.

Секретарь Жаклин Кеннеди Памела Турнюр думала, что никогда еще в ее жизни ни один полет не длился так томительно долго. Ей даже казалось, что этому путешествию так и не будет конца. Для Мари Фемер, которая была завалена работой, напротив, это был самый короткий полет. Однако все находившиеся в этой кабине сгущали атмосферу скрытой враждебности. Джек Валенти впоследствии назвал эти два часа в воздухе сплошным хаосом, а Чарлз Робертс — мучительными. По словам Мака Килдафа, это был самый сумасшедший рейс, в каком он когда-либо участвовал. Клинт Хилл, успевший переменить свой перепачканный костюм на форму одного из членов экипажа, задумчиво смотрел перед собой. Судя по его словам, обстановка на самолете была, вне всякого сомнения, очень, очень нездоровая. Отношения между людьми Кеннеди и людьми Джонсона были натянуты до предела.

*Fortiter in re, suaviter in modo*⁴⁶. Человек, лежавший сейчас в гробу, очень любил это изречение древних римлян. Потеряв своего предводителя, приближенные Кеннеди поддались чувству плохо скрываемой враждебности. А кое-кто даже не старался скрыть его. Особой откровенностью отличался Кен О'Доннел. Джонсон дважды посылал Билла Мойерса в хвостовой отсек, приглашая Кена О'Доннела и Лэрри О'Брайена перейти к нему в салон. Оба они наотрез отказались. Годфри Макхью демонстративно направился к местам, отведенным для журналистов, где Чарлз Робертс и Мерримэн Смит делились своими впечатлениями о Парклендском госпитале. Он явно хотел, чтобы репортеры не пропустили ни единого его слова. Подчеркивая каждый слог ударом кулака по столу, Макхью сказал:

— Я хочу, чтобы вам было известно, что Кен О'Доннел, Лэрри О'Брайен, Дэйв Пауэрс и я во время всего полета находились в хвостовом отсеке самолета с президентом — президентом Кеннеди.

Когда Тед Клифтон, выполняя поручение президента Джонсона, вошел в хвостовой отсек, О'Доннел весь вспыхнул как порох.

— Вам лучше вернуться обратно и угождать своему новому боссу, — бросил он.

Клифтон спросил Макхью:

— Что это с ним? Я просто выполняю свои обязанности.

Техасцы тоже любили Кеннеди, и до этого дня у них было больше оснований, чем у других, опасаться Далласа. Поэтому даже малейшее предположение, что они разделяют ответственность за злодейское убийство президента, казалось им непростительным. Они были готовы отнести многое за счет неутешного горя. Но этого они не могли простить.

Понятно, что старая вражда, восходящая еще к съезду демократической партии в Лос-Анджелесе в 1960 году, вспыхнула в их сердцах. Среди них один только Билл Мойерс, самый великодушный из всех советников Джонсона, не поддавался чувству раздражения. Он понимал, что нарочитая грубость О'Доннела была всего лишь маской и что под сардонической оболочкой скрывается человек с нежной душой. Понимая, как глубоко был уязвлен О'Доннел, Мойерс оставлял без ответа его выпады.

Лиз Карпентер, главный помощник Джонсона, вновь принялась составлять проект заявления нового президента. Она знала, что на аэродроме его поджидает целая батарея телевизионных камер.

Покопавшись в своей сумочке, она нашла листок с записями, сделанными ею наспех во

⁴⁶ В трудную минуту сохраняй благовоспитанность.

время бешеной гонки на автомобилях из Парклендского госпиталя на аэродром Лав Филд. Большую часть написанного разобрать было невозможно. Сморщив от напряжения лоб, Карпентер пыталась вспомнить, что она хотела написать. С трудом разбирая слова, она читала:

— Это трагический час для (неразборчиво) и (неразборчиво) — большая личная трагедия для меня. Я сделаю все, что в моих силах. И это все, что я могу сделать. Взываю к богу, чтобы он помог мне. И к вашей...

Тщательно написав от руки печатными буквами второй вариант текста заявления, она передала его в салон. Джонсон показал текст Мойерсу и попросил его поработать над ним, внес сам несколько изменений и затем отправил его Мари Фемер, чтобы она отпечатала его на небольшом листе. Однако перепечатанный текст не понравился Джонсону. В нем явно чего-то недоставало. Валенти наблюдал за тем, как президент внимательно перечитывал текст. Прежде чем положить его в карман пиджака, Джонсон изменил две фразы в заключительной части заявления. Теперь оно заканчивалось словами: «Я прошу вашей поддержки и божьей помощи».

Во время полета Джонсон не находил себе места. Его грузная фигура выделялась на фоне пастельных тонов, в которые были окрашены стены салона. Он непрерывно бродил из угла в угол. То ему приходило на ум позвонить по телефону, стоявшему на письменном столе, то он совещался с техасскими конгрессменами, стоя в устланном коричневым ковром проходе, то возился с телевизором. Изображение на экране было плохое. Бушевавшие под самолетом бури искажали лица и голоса комментаторов.

Около Джонсона беспрестанно толпились люди. Паломники шествовали в хвостовой отсек и обратно. К нему подходили и уходили конгрессмены. Валенти, Фемер, Клифтон и Килдаф то появлялись, то исчезали. Когда полет приближался к концу, Клифтон вошел в салон и остался там. С президентом постоянно находились Леди Бэрд, сержант Джо Айрес, Руф Янгблад и Билл Мойерс. Джонсон сказал Мойерсу, что в ближайшие дни весь мир будет внимательно следить за его действиями. Москва не должна обнаружить ни малейших изменений во внешней политике Вашингтона, Западу надлежит проявить стойкость. Важно, чтобы переходный период прошел уверенно и без осложнений.

Утром 11 апреля 1937 года Линдон Джонсон, только что избранный в конгресс, заявил в Остине:

— Не думаю, чтобы я смог когда-нибудь всколыхнуть мир или направиться в Вашингтон и одним махом искоренить все пороки в Америке.

За четверть века его убеждения не изменились. Он не подходил для роли рыцаря в сверкающих доспехах или чудотворца.

Размышляя над преемственностью власти, он принял во время полета ряд решений. Зашел разговор о том, что не следует пускать журналистов на аэродром Эндрюс, Джонсон решительно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — создастся впечатление, что мы впали в панику. Он решил сразу после прибытия в Вашингтон провести ряд встреч с ведущими правительственными чиновниками. Памятуя о своей прошлой деятельности, он подумал и о встрече с руководством конгресса.

— Каким руководством — от демократической партии или от обеих партий? — сухо спросил Мойерс.

— Обеих партий, — ответил Джонсон, и Мойерс тут же пошел выяснять у Лэрри О'Брайена, кого следует пригласить на встречу с новым президентом. В конечном счете в тот вечер 23 ноября состоялась только эта одна встреча. Сначала у президента возникла мысль собрать по приезду в Вашингтон весь аппарат Белого дома. Однако Банди посоветовал не делать этого, напомнив, что люди еще не оправались от тяжелого потрясения. О'Брайен также стал отговаривать Мойерса от этой затеи. Мойерс согласился с ним, и Джонсон изменил свое решение. До сих пор не ясно, каким путем Джонсону стало известно о том, что члены кабинета путешествуют за пределами США. Правда, был момент, когда он дал указание Клифтону распорядиться о том, чтобы на аэродроме в Эндрюсе его встретили Раск, Макнамара и Банди, то есть три ближайших помощника президента, ответственные в правительстве за вопросы национальной безопасности. Клифтон ответил, что Раск не сможет его встретить. До сих пор не выяснено, объяснил ли он президенту, почему Раск лишен возможности это сделать. Джонсон

мог узнать об этом от Банди или от Мойерса, которого проинформировал О'Брайен. Во всяком случае, Джонсон был потрясен, узнав, что шесть министров находятся в полете над Тихим океаном. Он приказал Клифтону проследить за тем, чтобы правительственный самолет немедленно вернулся в Вашингтон. Ему сказали, что он уже возвращается.

Джонсон постепенно постигал, и постигал в наитруднейших условиях, какие только можно себе вообразить, ту незыблемую истину, что глава государства практически лишен семейной тайны. Государственные и личные дела тесно переплетались, зачастую даже в рамках одной беседы. Не успевал он запросить у Маккоуна свежую информацию, поступившую в ЦРУ, как Руф Янгблад ставил Джонсона и его супругу в известность о том, что дочери их находятся в полной безопасности. Люси ничто не угрожало в стенах Национальной кафедральной школы, а Линда была в Остине. Джонсон приказал немедленно приставить к его дочерям агентов секретной службы. Янгблад заверил президента, что их уже охраняют. Руф Янгблад все еще считал, что Джонсонам надо провести эту ночь в Белом доме. Однако президент проявил мудрость и наотрез отказался это сделать. Он сказал:

— С моей стороны это было бы величайшей бестактностью. Я не пойду на это. Янгблад возражал, указывая, что Джонсону «прежде всего необходимо заботиться о своей безопасности».

— Я это понимаю, — отвечал президент, — но вы с таким же успехом можете обеспечить мою безопасность в моем особняке «Элмз». Не так ли?

Янгблад вынужден был согласиться с этим.

Приведя таким образом в порядок свои семейные дела, Джонсон снова вернулся к тусклому экрану телевизора. Кадры на экране напоминали вид, открывающийся через ветровое стекло автомобиля, заливаемое потоком дождя, звук доносился, как из подземелья.

Радио и телевизионные станции уже выработали определенный стиль передач. Он сохранялся вплоть до понедельника. До окончания похорон Кеннеди отменялись все рекламные передачи. Освободившееся в программах время было целиком заполнено траурными речами видных государственных деятелей, восхваляющих покойного президента, интервью с прохожими на улицах и документальными телевизионными кадрами, отражающими наиболее значительные моменты в личной жизни Кеннеди и в деятельности его правительства. Время от времени передавались выпуски последних известий. По телевидению были показаны фотографии церемония присяги, снятые Стафтоном. Командующий войсками США в Бонне привел свои части в боевую готовность на случай возможного вторжения с Востока.

Джонсон продолжал смотреть на изображения, мелькавшие на экране. Они могли любого свести с ума.

Скорбное паломничество в хвостовой отсек продолжалось. Обстановка была мрачной. Президент расположился в кабинете президента Кеннеди, в то время как сотрудники президента Кеннеди в забрызганной кровью одежде или со свертками окровавленной одежды в руках постоянно сновали между Джонсоном и его супругой на пути к овдовевшей первой леди. У Леди Бэрд, одиноко сидевшей на диване, на котором недавно примостился Стафтон со своими камерами, вдруг возникло невероятное ощущение, будто ее личность раздвоилась. Конечно, все происходящее было вполне реальным, но это происходило не с ней, а с кем-то другим. Она послала за Лиз Карпентер и сказала, что хочет просмотреть с ней свои записи. Лиз показалось, что супруга Джонсона просто нуждается в чьем-то обществе. Мысль о предстоящей встрече с корреспондентами не покидала Карпентер. Она сказала новой первой леди:

— Вас, наверное, попросят сказать что-нибудь, когда мы прилетим.

Подумав минуту, Леди Бэрд сказала:

— У меня такое ощущение, словно все это было каким-то кошмарным сновидением, и сейчас нам нужно найти в себе силы, чтобы продолжить начатое дело.

— Ну что ж, — сказала Лиз, — вот ваше заявление и готово, — и записала слова супруги Джонсона.

Джонсон дал указание Янгбладу, чтобы тот обеспечил охрану у гроба. Агент доложил, что Келлерман по указанию Джерри Бена из Белого дома уже организовал такое дежурство. Келлерман, Хилл, Лэндис и О'Лири охраняли убитого президента и его вдову. Подозвав Мойерса кивком головы, Джонсон сказал ему, что сейчас он не намерен удаляться в спальню, и

попросил узнать, не пожелает ли вдова воспользоваться ею, чтобы привести себя в порядок. Мойерс, деликатный вестовой, отправился в хвостовой отсек к Жаклин Кеннеди передать ей слова президента.

По словам вернувшегося Мойерса, госпожа Кеннеди «предпочла остаться возле тела покойного». По ее собственным словам, она сидела и неотрывно смотрела на «длинный-длинный гроб».

Джекки сидела в кресле у прохода около самого гроба. Рядом с ней Кен О'Доннел был погружен в горестные раздумья. После поспешного переоборудования салона в хвостовой части самолета, потребовавшегося, чтобы освободить место для гроба, там остались только эти два кресла.

Годфри, Лэрри и Дэйв простояли около гроба все время, пока самолет находился в полете. Посетители, приходившие сюда время от времени из кабины секретариата, останавливались рядом с ними, переступая с ноги на ногу, чтобы не толкнуть нечаянно друг друга.

Горе вызвало к жизни совершенно новые отношения к людям. В безвозвратное прошлое отошли дни, когда общественное мнение видело в супруге президента всего лишь блестящую светскую даму. Данная ею клятва навсегда сохранить в памяти нации невосполнимую потерю преобразила Жаклин. Она стала за эти часы совершенно другой женщиной. Она отклонила приглашение Мойерса перейти в спальню, так как ей и в голову не приходила мысль заняться своим туалетом. Она подумала о том, как несуразно выглядели ее свежевыглаженные платья, приготовленные для нее на кровати. Затем пришла мысль о том, что за три года пребывания в Белом доме она многое узнала о Линдоне Джонсоне. До сих пор они превосходно понимали друг друга. Однако будущие взаимоотношения во многом зависели от заявлений, которые им предстояло сделать для представителей прессы после приземления самолета.

Жаклин послала за Килдафом.

— Мак, — сказала она, — сделайте вес как надо: идите и скажите им, что я здесь и вес время сижу с Джеком.

Килдаф опустил голову и пробормотал:

— Сделаю.

Новая Джекки столь отличалась от прежней первой дамы государства, что даже в узком кругу приближенных Кеннеди не сразу уловили всю глубину происшедшей в ней перемены.

Тем временем все обитатели самолета ощущали необходимость что-то предпринять в отношении ее внешнего вида. Этим были озабочены не только находившиеся в салоне супруги Джонсон и Руф Янгблад. В хвостовой части самолета беспокоились об этом не в меньшей степени.

— Почему бы вам не сменить одежду? — спросил Годфри Макхью, обращаясь к Жаклин.

Она решительно покачала головой.

Увидев показавшиеся из-под браслета ржаво-красные пятна запекшейся крови на левом запястье Жаклин, Килдаф отшатнулся. Когда Мэри Галлахер пришла в хвостовой отсек самолета, ее первой мыслью было поскорее намочить теплой водой полотенце и с мылом отмыть эти ужасные пятна. Шепотом она стала советоваться об этом с Годфри Макхью, Тедом Клифтоном и Клинтом Хиллом. Но тут подошел О'Доннел и сказал:

— Ничего не надо делать. Оставьте ее такой, какая она есть.

Кен уже понял ее намерения. И она сама, нарушив, наконец, молчание, объяснила свое поведение доктору Беркли.

Опустившись на колени, доктор указал дрожащей рукой на ее залитую кровью юбку и робко предложил: — Может быть, вы перемените платье?

— Нет, — яростно прошептала она в ответ. — Пусть они видят, что натворили.

Один только Килдаф никак не мог понять, что она задумала. После долгих размышлений над тем, как выгрузить гроб в аэропорту Эндрюс и избежать при этом газетных фотографов, он решил, что придется открыть грузовой люк, расположенный на правом борту, напротив входа. Тогда и гроб и вдова были бы скрыты громадой фюзеляжа от взоров фотографов и телеоператоров. Килдаф рассказал Жаклин о своем плане. Вдова запретила делать это.

— Мы выйдем обычным путем, — сказала она. — Я хочу, чтобы они видели, что натворили.

Через некоторое время О'Доннел порывисто поднялся с кресла.

— Знаете, Джекки, что мне хочется Сделать? — сказал он. — Я хочу выпить чего-нибудь чертовски крепкого. По-моему, и вам необходимо подкрепить свои силы.

Жаклин Кеннеди колебалась. Ей еще многое предстояло сделать, и путь ее был долог. Глоток спиртного мог ослабить ее контроль над собой, дать выход сдерживаемым слезам. Она спросила:

— Что мне выпить?

— Я сам приготовлю вам напиток. Шотландское виски.

— Но я никогда в жизни не пила шотландское виски, — возразила она.

И все же О'Доннел, вероятно, был прав. Жаклин продолжала сомневаться. Затем она поборолла колебания и утвердительно кивнула головой. У виски был вкус горькой микстуры, напоминающей креозот. Она сделала глоток, затем еще один.

Однако виски не помогло. Оно вообще не оказало никакого воздействия. Именно этот поразительный иммунитет по отношению к алкоголю наиболее убедительным образом свидетельствует о том, насколько глубоко были травмированы пассажиры президентского самолета. Никто из них не мог притронуться к еде. Принесенные бутерброды остались лежать в стороне. Ирландцы принялись обсуждать проблему, выросшую на протяжении последующих двадцати четырех часов в основную тему всех разговоров, — место погребения. Все они единодушно сошлись на том, что это должен быть Бостон. У всех еще свежи были воспоминания о том, как Кеннеди стоял на кладбище у свежей могилы сына Патрика. Им казалось, что он должен покоиться вместе со своим сыном в родной земле Массачусетса, столь дорогой их сердцу. Как хорошо сказал О'Доннел, «это было чувство, похожее на привязанность к близкому другу».

— Он должен быть похоронен в Бостоне, — настойчиво говорил он Жаклин. — Не позволяйте им хоронить его в другом месте.

Джекки с отсутствующим видом кивала головой. Налетевший на нее шквал горя заставлял ее уходить в себя, мысленно обращаться в прошлое. Как отчетливо помнила она один разговор с мужем, состоявшийся в конце первого года их жизни и Белом доме. Она только что вернулась с похорон Тони Биддла и заговорила о том времени, когда наступит пора их собственных похорон.

— Джек, где мы будем похоронены, когда умрем? — спросила она.

— Полагаю, что в Хайянносе. Мы все там будем вместе.

— Я не думаю, что ты должен быть похоронен в Хайянносе. Твоя могила должна быть на Арлингтонском кладбище. Ты принадлежишь всей стране.

Каким абсурдом было говорить о том, где они будут похоронены, когда у них была еще вся жизнь впереди. Повернувшись к Годфри, Жаклин сказала:

— И подумать только, что это моя первая по-настоящему политическая поездка. — И она повторила то, что говорила ранее Леди Бэрд: — Я так рада, что согласилась поехать. Что бы было, если бы меня не оказалось возле него?

Беседуя о предстоящих похоронах, Жаклин не думала об их официальной стороне. Предстоящий погребальный ритуал призван был, по ее мнению, оставить благородные и неизгладимые воспоминания о ее супруге в памяти страны. Его ближайшие помощники могли познать только одну сторону его личности. Вместе с ним они боролись за его избрание и затей работали плечом к плечу с этим блестящим, проницательным молодым политическим деятелем и президентом, жизнерадостным по своей природе. Супруга Кеннеди была более близким ему человеком. Она видела, как всю жизнь ему сопутствовала несчастливая звезда. Она знала, что он с детства страдал от физических недугов. Выносливость Джона Кеннеди отнюдь не была проявлением избытка жизненных сил пышущего здоровьем человека. Это была сила духа, негибаемая вера в способность человека определить свою судьбу.

Наступило время, когда все внимание общественности должно было сосредоточиться на вдове убитого. ореол мученичества, преобразивший представление страны о своем президенте, возвысил в ее глазах и его супругу. Каждый ее шаг в этот переходный период производил глубокое впечатление на американцев.

Прерогативы главы государства перешли к Линдону Джонсону, но Жаклин Кеннеди

обладала гораздо более сильной властью над сердцами людей и, подобно Джонсону, не могла игнорировать ответственность, возложенную на нее трагедией в Далласе. Своими действиями или отказом действовать она, помимо ее воли, вписывала строчки в историю Америки.

В тесной хвостовой кабине самолета люди раскачивались из стороны в сторону и в поисках опоры упирались руками в перегородки. Вдова сидела неподвижно в кресле. Ее подернутые слезой глаза были устремлены на длинный-длинный бронзовый гроб, тускло мерцавший в полумраке.

Вся страна думала о них, и только о них. Там внизу, под стреловидными крыльями президентского самолета, Соединенные Штаты Америки претерпевали невиданные дотоле муки эмоционального кризиса.

Самолет президента «ВВС-1», следовавший за ним запасный самолет и возвращавшийся правительственный самолет 86972 с шестью членами кабинета на борту, не только не имели никакого вооружения, но у них не было даже эскорта истребителей. Правительство США было, таким образом, чрезвычайно уязвимо. Поэтому Пентагон привел в состояние боевой готовности все военно-воздушные базы на пути следования президентского самолета, и истребители были готовы немедленно подняться в воздух. Пилоты сидели в кабинах, пристегнувшись ремнями. Нужна была только команда, и они мгновенно ринулись бы ввысь.

Поэтому жители Америки знали, что где-то над ними высоко в небе летят гроб с президентом Кеннеди и его преемник.

В этот период волна слухов и разного рода вымыслов достигла самой высокой точки. И конечно, какая-то часть ложных слухов была попросту неизбежной. Однако одно такое неверное сообщение привело впоследствии к серьезным осложнениям. Агентство Ассошиэтед Пресс безоговорочно объявило, что пуля, оборвавшая жизнь Кеннеди, поразила его «прямо в лоб». Именно это сообщение, сделанное менее чем через час после того, как врач констатировал смерть президента, ввело в заблуждение миллионы американцев и заставило их впоследствии считать все последующие расследования обстоятельств этой трагедии сплошным жульничеством.

Самый длительный полет предстоял шести членам кабинета. Первый этап путешествия, когда самолет круто развернул над Тихим океаном и полетел обратно на Гавайские острова, занял один час сорок минут, то есть почти столько же, сколько весь полет Суиндала. Самолет 86972, подобно «ВВС-1», на всем пути следования поддерживал непрерывную связь сначала с Гонолулу, а после остановки и заправки на аэродроме Хикэм Филд — с Вашингтоном. Переговоры велись с большой степенью сдержанности. Аналогичным образом и сообщения, передаваемые с президентского самолета, составлены в осторожных выражениях. Дело объяснялось невозможностью осуществить радиосвязь по закрытым каналам. Пассажиры самолета 86972 имели и другие основания для беспокойства. Они не знали, каково их новое служебное положение. Президент Кеннеди однажды заметил, что целый ряд правительственных институтов перерос рамки конституции. Его излюбленным примером было так называемое право старшинства в конгрессе. Однако другим таким же примером, несомненно, являлся и кабинет министров. Оба института были обязаны своим существованием прецедентам. Они превратились как бы в часть неписаной конституции. Поэтому в периоды кризисов их положение становилось сомнительным. До вступления в силу в 1947 году закона Трумэна государственный секретарь был законным преемником вице-президента. В сложившейся ситуации положение Раска и его коллег, летевших с ним на одном самолете, отличалось от положения О'Доннела, О'Брайена, Соренсена и Банди лишь тем, что их назначение было утверждено сенатом. Все они служили одному и тому же главе государства, и его более не было в живых.

Во время этого обескураживающего междуцарствия (при этом необходимо помнить, что наличие в кабине самолета 88972 телетайпа Ассошиэтед Пресс привело к тому, что на первом этапе полета его пассажиры полагали, будто заговорщики убили агента личной охраны и далласского полицейского, а затем находились под впечатлением, что одной из жертв является также Линдон Джонсон) члены кабинета в своих действиях могли исходить только из того, что они являлись главными советниками главы американского государства, кто бы он ни был. Многие из них могли ждать и позднее получить необходимые разъяснения на этот счет от

президента Джонсона или, если бы дело зашло так далеко, от президента Маккормака. Но Раск не мог ждать. Характер событий требовал от него максимума активности даже в салоне самолета. Как старший по рангу среди членов кабинета, он должен был набросать проект телеграммы от их имени с выражением соболезнования Жаклин Кеннеди и преемнику Джона Ф. Кеннеди с заверениями в поддержке его. Как государственный секретарь США, он обязан был взвесить возможные последствия убийства президента за рубежом.

Не располагая закрытыми каналами связи, он благоразумно решил не говорить по радио с Макнамарой. Вместо этого он заполнил целый лист линованной бумаги желтого цвета всевозможными указаниями Джорджу Боллу, чтобы эта телеграмма была передана в Вашингтон сразу же после их прибытия на аэродром Оаху через центр связи командования военно-воздушными силами США на Тихом океане. Некоторые из составленных им директив носили совершенно очевидный характер. Естественно, следовало успокоить представителей дипломатического корпуса и направить официальные послания всем пятидесяти губернаторам штатов. Ведь как бы то ни было, США представляли собой федеральное государство. Одна директива была продиктована неопределенностью текущего момента. Предвосхищая возможный запрос тридцать шестого президента, Раск потребовал от соответствующих отделов государственного департамента составить своеобразную «инвентарную опись» всех стран вточным анализом того, какие «внешние и внутренние» последствия вызовет убийство Кеннеди в каждой столице мира. Для потенциальных очагов опасности Раск потребовал составить более детальные прогнозы. Одно из опасений Раска носило столь деликатный характер, что он даже не решился доверить его бумаге. Только с окружающими его коллегами он рискнул поделиться мучившим его вопросом: «Чей палец находится на кнопке ядерной войны?»

Пьер Сэлинджер и Дуглас Диллон что-то без усталости строчили в своих одинаковых блокнотах. Пьер готовил проект совместного заявления членов кабинета для журналистов. Он знал, что представители прессы встретят их на аэродроме Хикэм Филд. Диллон был единственным членом кабинета на борту самолета, находившимся в близких отношениях с семьей Кеннеди. Сейчас он составлял текст телеграммы личного характера Жаклин Кеннеди.

Наконец-то самолет приземлился в ярких лучах непревзойденного гавайского солнца. Там, далеко на востоке, на расстоянии пяти временных зон, уже наступили сумерки. Здесь еще стояло утро. На борт самолета поднялся адмирал Фельт и сообщил, говоря словами Ходжеса, ряд «ужасающих подробностей». Адмирал, в частности, рассказал, что убийца использовал дальнобойное ружье с телескопическим прицелом. Фримэн, в прошлом военный моряк, уже сам догадался об этом. Сэлинджер, Раск и его помощник Мэннинг помчались куда-то через посадочную полосу. Остальная часть пассажиров оставалась на своих местах, не отстегивая ремни. Правительственные деятели хотели, чтобы самолет был как можно быстрее заправлен. В то же время они стремились оградить своих расстроенных жен от взоров зевак. Мэннинг передал офицеру Фельта, ведающему вопросами печати, заявление, написанное Сэлинджером, чтобы он роздал его репортерам. Государственный секретарь переговорил по телефону со своим заместителем Боллом в Вашингтоне и обнаружил, что он предвосхитил большую часть его указаний. Дежурный оперативного отдела Белого дома информировал Сэлинджера, что Джонсон уже приведен к присяге.

Спустя тридцать пять минут самолет поднялся в воздух, взяв на борт трех новых пассажиров — двух корреспондентов и врача. Пьер Сэлинджер организовал игру в покер.

В то время как Раск задремал, а игроки в покер блефовали и поднимали ставки, еще одна группа беседовала в главном салоне, предаваясь размышлениям о будущем.

Число участников этих бесед все время колебалось. При всех обстоятельствах их никогда не было более десяти человек, в том числе пять бодрствующих министров и председатель совета экономических экспертов при президенте Уолтер Геллер. Наконец завязался серьезный и конструктивный разговор. Министр торговли Ходжес писал, что «они беседовали между собой, разбившись на группы по два и три человека, а то и больше». Главной темой были «устремления и планы нового президента».

Это и было, вероятно, первым серьезным анализом предстоящего периода правления президента Джонсона. Пассажиры самолета 26000 были ошеломлены пережитым ими кошмаром. Большая часть сановного Вашингтона была поглощена подготовкой к встрече

прибывающего президентского самолета. Лишь здесь, высоко над землей, в безбрежном просторе, убийство президента воспринималось как отвлеченное понятие.

На протяжении целых восьми часов полета тем, кто не принимал участия в карточной игре, не оставалось иного выбора, как вести бесконечные беседы. Ощущение напряженности не покидало их. Они чувствовали себя беспомощными, точно люди, барахтающиеся в топком болоте с цепями на руках. Это были в высшей степени восприимчивые люди. Однако сдерживаемый гнев то и дело прорывался наружу. Вначале не обошлось без нескольких резких стычек. Министр труда Виртц, выступавший на съезде демократической партии в Лос-Анджелесе в 1960 году за выдвижение кандидатуры Эдлая Стивенсона на пост президента, сказал с горькой усмешкой:

— Надеюсь, вы не считаете, что наступил конец света? У меня, кстати, было именно такое ощущение, когда выдвинули кандидатуру — Кеннеди.

Его собеседники были возмущены этой бестактностью. Но когда Ходжес стал утверждать, что министр юстиции недавно непочтительно отзывался о Линдоне Джонсоне в кругу семьи Кеннеди, а затем признал, что говорит об этом только понаслышке, его самого тотчас же изобличили в распространении ложных слухов. Не прошло и минуты, как Ходжес угодил в другую волчью яму. Он торжественно заявил, что Юг расценивает поддержку Джонсоном законодательства в области гражданских прав как предательство с его стороны. Под давлением присутствующих он вынужден был сознаться, что источником этой информации были бизнесмены из южных штатов.

Постепенно беседа приобрела более серьезный характер. Длительному обсуждению подвергся вопрос о том, как следует разрубить конституционный гордиев узел, возникающий в случае физической неспособности президента выполнять свои обязанности. Затем последовал трезвый разбор проблемы, связанной с очередностью преемственности. Кто-то поднял вопрос о возможности водворения в Белом доме спикера палаты представителей Джона Маккормака или председателя сенатской комиссии по печати Карла Гейдена, и двое из присутствующих министров одновременно поморщились, но участники беседы в конце концов приступили к обсуждению существа волновавшего всех вопроса. Согласно импровизированной стенографической записи, сделанной одним из министров, они толковали «о Л. Б. Дж. каким през-ом будет». По мнению автора записи, «Л. Б. Дж. — сильный человек О' будет на уровне... сильный и рукастый». Геллер сказал, что Джонсон ничего не понимает в вопросах платежного баланса. После этого все задумались. Наступило молчание. Никто не мог отозваться с похвалой о познаниях Л. Б. Дж. в области экономики. Собеседники даже не были уверены в том, понимает ли Джонсон экономическую теорию Кейнса, лежащую в основе предполагаемого сокращения налогов. Однако Диллон заметил, что по указанию Кеннеди представитель Государственного департамента ежедневно докладывает вице-президенту обзор поступающих шифртелеграмм. Добровольный летописец тут же нацарапал в своем блокноте: «В курсе о межд. делах».

Затем снова, теперь уже заглавными буквами, он написал: «КАКИМ ПРЕЗ-ОМ БУДЕТ». Можно легко понять эту запись. Разговор снова перекинулся на второстепенные темы.

Сущность вопроса заключалась не в том, что знает Джонсон, а в том, как он будет действовать. Ответ на этот вопрос следовало искать в сложных иероглифах его личности. Выяснилось, что Ходжесу почти не приходилось беседовать с Джонсоном. Министр торговли только развел руками. Он просто не имел никаких оснований для сколько-нибудь разумных прогнозов. Виртц располагал большими данными, но это означало лишь, что он представляет себе, как трудно получить правильные ответы на поставленные вопросы.

Он сознался, что не имеет ни малейшего представления о том, какой путь изберет новый президент. Юдол, как и Виртц, знал Джонсона и заверил присутствующих, что, по какому бы пути ни пошел президент, он будет решителен в своих действиях.

В течение трех лет Юдолу и Фримэну пришлось чаще остальных членов кабинета иметь дело с вице-президентом. Более того, как заметил Фримэн, они были, пожалуй, единственными, кто знал Джонсона.

Перелистывая блокнот, Фримэн напомнил присутствующим о лояльности Джонсона по отношению к Кеннеди, о его искусстве парламентария и преданности демократической партии

(его собственная запись по этому поводу гласила: «Линдон опытный пол... лучший комплимент ему — попал на корабль и остался»). Он вслух добавил, что, по его мнению, Джонсон многое приобрел благодаря «блестящей школе, пройденной им у Кеннеди».

Все слушали эти слова с большим вниманием и надеялись, что он окажется прав. В конце концов у них не было выбора. Линдон Джонсон был их единственным президентом и, в отличие от Маккармака и Гейдена, находился в блестящей форме. Однако никто из них не был в восторге. Сомнения мучили даже самого летописца — члена кабинета. В записи, предназначавшейся по сути дела для него самого, им было высказано соображение о том, что Джонсон «не обладает таким чувством времени, понимания эпохи и ее движущих сил, какие в столь значительной мере были присущи Джону Ф. Кеннеди».

Автор этой записи тем не менее считал себя ближе к Джонсону и симпатизировал ему как человеку, который «не... вполне был признан блестящим окружением през. ». Тем не менее он в конце написал: «Трудно сказать, что он будет делать». И к этому же заключению все пришли единодушно.

Когда оперативный Отдел Белого дома и узел связи аэропорта Эндрюс передали указание президента Джонсона самолету 86972 о том, что на следующий день в 14. 15 состоится заседание кабинета, сидевшие в кабинет министры и их помощники стали рыться в своих бумагах. По словам Ходжеса, они готовились, «как того требовали» обычай и вежливость, подать в отставку. Как мне кажется, именно так поступают члены правительства в конце первого срока пребывания президента на его посту. Остается лишь ожидать решения и указаний президента Джонсона.

Подобно Франклину Рузвельту, Джон Кеннеди был человеком богатым и рьяным защитником капитализма. Однако сами капиталисты не очень баловали похвалой ни того, ни другого. В начале шестидесятых годов, так же как и в тридцатые годы, финансовые магнаты Манхэттена относились к Белому дому настороженно и враждебно. Разумеется, Кеннеди и Рузвельт не были предателями своего класса. Однако Кеннеди был сыном финансового пирата, ставшего впоследствии одним из наиболее талантливых советников Франклина Рузвельта по всякого рода финансовым реформам. Комиссия по делам страхования и ценных бумаг и стабильность, которую она придала современной бирже, были в значительной мере результатом деятельности Джозефа П. Кеннеди. Поэтому президент Джон Ф. Кеннеди всегда понимал, как уязвима экономика во время панических настроений. Уже в первую неделю своего пребывания в Белом доме он набросал план замысловатых мероприятий, призванных предотвратить возможность возникновения такой паники. 3 февраля 1961 года Кеннеди направил свое предложение конгрессу в форме пространного послания, а вечером 22 ноября 1963 года этот документ лежал на столе у заместителя министра финансов Генри Фаулера.

Исторически сложилось так, что отношения между казначейством и Белым домом всегда были сердечными. Соединенные Штаты недаром славятся старейшей и самой мощной буржуазно-демократической державой.

Два гигантских здания, расположенных по обе стороны Уэст Икзекьютив-авеню, соединены подземным переходом. Начиная с 1902 года, когда в рамках казначейства была создана секретная служба, эти узы еще больше окрепли. Когда Фаулеру стало известно о покушении на президента в Далласе, он прежде всего подумал о секретной службе, позвонил начальнику этой службы Джеймсу Роули и потребовал, чтобы были приняты надлежащие меры по охране вице-президента и спикера палаты представителей. Роули заверил его, что все необходимые меры уже приняты. Затем Фаулер позвонил министру обороны Макнамаре, который оказался в положении старшего министра. Как и другие ответственные сотрудники аппарата Белого дома, он хотел удостовериться в том, что самолет № 86972 изменил свой первоначальный курс и возвращается в столицу. Министр обороны говорил в это время по другому телефону с Робертом Кеннеди, но его помощник передал Фаулеру, что самолет уже находится на обратном пути в Вашингтон. Повесив трубку, Фаулер вдруг вспомнил, что у Кеннеди имелся план на случай именно такого чрезвычайного положения.

Вкратце стратегический план, разработанный президентом, сводился к следующему: в первую очередь следовало немедленно приостановить продажу облигаций государственных займов на бирже. Затем, следуя тому же плану, Фаулер позвонил в Нью-Йорк президенту

Федерального резервного банка Альфреду Хейсу и дал ему указание связаться с президентом и управляющим нью-йоркской фондовой биржей Китом Фанстоном и управляющим фирмой «Америкен экспресс»⁴⁷ Тедом Этерингтоном и попросить их временно прекратить операции. Гонг прозвучал вовремя. Убийство президента Кеннеди в Далласе, а ему в тот день предшествовало разоблачение крупнейшей аферы с растительным маслом, привело к тому, что стоимость акций та огромном табло в зале биржи стала падать с головокружительной быстротой. Наконец все маклеры были изгнаны из помещения биржи и наступила короткая передышка. Однако этот шаг едва ли можно было назвать подвигом. К тому же Фанстон предвосхитил указание министерства финансов. Главную операцию, по замыслу Кеннеди, следовало провести за рубежом. Основная опасность заключалась в возможности спекуляций, направленных против доллара. Обнаружить такого рода пиратство не составляет труда. Акулы в таких случаях начинают лихорадочно скупать золото, рассчитывая, что цены на него повысятся с 35 долларов до 40 или даже 45 долларов за унцию. Остановить их нелегко, а изменять курс корабля после того, как в нем обнаружена течь и началась паника, — дело почти безнадежное.

Кеннеди хотел помешать спекулянтам превратить мировой рынок в игорный дом, где в проигрыше были бы Соединенные Штаты. Для этой цели он достиг с центральными банками других стран соглашения, названного им «обменным». США буквально обменивали свои доллары на их валюту. Кеннеди приказал министерству финансов США накопить огромные запасы всех видов свободно конвертируемой валюты — фунтов стерлингов, марок ФРГ, итальянских лир, японских иен, песо, рандов, гульденов, французских и швейцарских франков. Эти неприкосновенные запасы были надежно припрятаны в сейфах в качестве своего рода гарантии. В соответствии с постоянно действующим распоряжением президента в случае чрезвычайных обстоятельств все эти запасы иностранной валюты одновременно выбрасывались на рынок. Появление такой большой массы иностранной валюты заранее обрекало на неудачу любые попытки начать широкую распродажу долларов. Впервые необходимость существования этого плана возникла в результате насильственной смерти его автора.

Успех плана Кеннеди превзошел все ожидания. Центральной фигурой в его осуществлении был Ал Хейс. Нью-йоркский федеральный резервный банк — это не только обычный резервный банк. Он является также юридическим лицом, представляющим в финансовых вопросах правительство США. К счастью для Хейса, иностранные фондовые биржи, занимающиеся покупкой и продажей валюты, закрылись еще до убийства Кеннеди. Тем не менее в тот вечер огромные сейфы Америки были вскрыты и на следующий день целые кипы денежных знаков были пущены в обращение. В субботу 23 ноября открылись некоторые биржи, занимающиеся операциями с золотом в Европе, в частности в Лондоне и Цюрихе. В обоих городах корсары сразу же попытались вызвать панику. Однако «обменное» соглашение Кеннеди полностью их блокировало. Предлагаемые ими доллары принимались на бирже, но взамен предлагалось не золото, а другая валюта. Вся эта операция явилась подлинным шедевром финансового мастерства и была произведена на таком высоком уровне, что нефтяные и газовые короли Далласа, саркастически именовавшие Кеннеди «розовым» противником свободного предпринимательства, так и не сумели понять, что же в сущности произошло.

Генри Фаулер, сменивший Дугласа Диллона в 1965 году на посту министра финансов, в пятницу 22 ноября во второй половине дня работал в составе органа, известного в Вашингтоне под названием «подкабинета». В нем принимали участие заместители и помощники министров и главные эксперты. Если принять во внимание отсутствие шести министров и временную неспособность министра юстиции участвовать в деятельности правительства, следует дать самую высокую оценку деятельности этой группы чиновников.

Заместитель министра юстиции Катценбах вступил в единоборство с техасскими законами. Банди, входящий в «подкабинет» как помощник президента по вопросам

⁴⁷ Фирма «Америкен экспресс» является крупнейшим туристическим агентством США и осуществляет обменные валютные операции за границей.

национальной безопасности, в это время был занят размещением в западном крыле Белого дома новых сейфов для документов Линдона Джонсона. Джордж Болл и Чарлз Мэрфи, исполнявший обязанности министра сельского хозяйства, совещались с председателем комиссии по делам государственных служащих Джоном Мэйси о мерах по устранению неполадок в телефонной сети, начавшихся во второй половине дня в пятницу. В результате совещания они пришли к выводу, что выход из строя телефонной сети компании «Чезапик и Потомак» вызван бесчисленными звонками служащих Мэйси — а их насчитывалось в США около четверти миллиона. В то время как все они пытались позвонить домой, их жены тщетно пытались дозвониться до них. И тут решение проблемы было подсказано Кеннеди. Однако на этот раз это был план не Джона, а Роберта Кеннеди. Еще три месяца назад, готовясь к походу в Вашингтон участников движения за гражданские права, назначенному на 28 августа, брат президента предложил заранее отпустить с работы служащих правительственных учреждений, сделав это постепенно девятью потоками. Служащие должны были покидать учреждения группами с интервалом в пятнадцать минут. При такой организации дела транспорт мог работать бесперебойно, без заторов и пробок, а так называемый «правительственный треугольник» — большой комплекс зданий с коринфскими колоннами, расположенный между Белым домом, Капитолием и Пенсильванией-авеню, был бы быстро очищен от прохожих.

В 15. 05, то есть через 18 минут после того, как Суиндал оторвал «ВВС-1» от взлетной дорожки аэродрома Лав Филд, Мэйси посоветовался с полицейским управлением округа Колумбия и начал действовать. Быстрое восстановление телефонной связи, занявшее всего полтора часа, дает основание утверждать, что решающую роль в действиях растерявшейся вначале телефонной компании сыграл план министра юстиции.

В то время как «ВВС-1» проносился над берегами извилистой реки Камберлэнд, в Вашингтоне развернулась кипучая деятельность. Ее центрами были Потомакским сектор радиуса «Е» Пентагона, — по понятным причинам мы не можем вдаваться здесь в существо этой деятельности и здание Государственного департамента в Фогги Bottom. В «новом» здании госдепартамента, как его еще называли в столице, шеф протокола Энджиер Дьюк уже распорядился вынести в зал книгу для записей соболезнований и серебряный поднос для визитных карточек послов, аккредитованных в Вашингтоне. Американским посольствам за рубежом были разосланы телеграммы с указанием подготовить такие же книги. Из архивов государственного департамента было извлечено сохранившееся в единственном экземпляре описание церемонии похорон Франклина Д. Рузвельта. Харлан Кливленд написал для Джонсона проект официального сообщения об объявлении национального — траура. Новый президент одобрил его без поправок. Одновременно с этим заместитель государственного секретаря Алексис Джонсон подготовил для президента памятную записку, в которой указывалось, какие меры уже приняты и какие необходимо предпринять. Оба документа были подготовлены для доклада Джонсону, когда он прилетит на аэродром Эндрюс.

В памятной записке говорилось следующее:

«22 ноября 1963 года

Памятная записка для президента

Ниже предлагаются мероприятия и процедуры, основанные на исторических прецедентах, включая такой самый близкий по времени прецедент, как кончина президента Рузвельта. 1. Опубликование вами заявления, объявляющего день похорон президента днем национального траура и молитв за упокой его души. Проект заявления прилагается на ваше усмотрение.

2. Рассылка государственным секретарем циркулярных телеграмм губернаторам всех штатов и территорий США, извещающих их о проведении тридцатидневного периода гражданского траура, информирующих относительно предстоящей церемонии похорон, а также запрашивающих, кто из них пожелает присутствовать на похоронах. Время рассылки телеграмм будет зависеть от уточнения соответствующих деталей.

3. Подготовка по вашему указанию государственным секретарем инструкций, в соответствии с которыми в день похорон должны быть закрыты все правительственные учреждения и организации. Министру обороны поручается отдать

приказ приспустить флаги на тридцатидневный период траура во всех воинских частях и военных кораблях, находящихся в его ведении. Это будет сделано.

4. Извещение о смерти президента Кеннеди всех глав посольств и миссий в Вашингтоне исполняющим обязанности государственного секретаря. Это уже сделано.

5. Извещение исполняющим обязанности государственного секретаря всех глав посольств и миссий в Вашингтоне, что вы приведены к присяге на пост президента, а также извещение их о порядке похорон покойного президента. Это будет сделано, как только станет известным порядок похорон.

Исполняющий обязанности государственного секретаря Джордж У. Болл».

Закончив эту работу, руководство госдепартамента принялось обсуждать более деликатные вопросы. В течение первых трех часов мотивы убийцы казались вполне понятными. Политический климат в Далласе был хорошо известен всем заместителям министров. Затем в 16. 25 по специальным каналам прибыл срочный запрос от секретной службы. Министерство финансов просило государственный департамент сообщить, располагает ли он какими-либо данными о Ли Харви Освальде. Через несколько минут радио и телевидение передали информацию о том, что Освальд ходатайствовал о принятии советского гражданства. Вскоре после обращения министерства финансов аналогичный запрос поступил от Джорджа Болла. Досье было извлечено из архива и оказалось весьма пухлым. Выяснилось, что Освальд побывал в Москве. Джонсон потребовал произвести расследование с целью установить, «правильно ли мы вели себя в этом деле». Одновременно развернулись горячие споры о возможности возникновения войны. Бывший посол США в Советском Союзе Ллуэлин Томпсон энергично убеждал Джорджа Болла, что коммунисты не действуют такими методами. СССР не организует покушений на глав государств. Аверелл Гарриман, как и Томпсон, был в свое время послом в Советском Союзе, и он также со своей стороны весьма убедительно поддерживал Томпсона.

Никакого ядерного нападения на США не последовало, и точка зрения обоих специалистов по СССР полностью восторжествовала, заместитель государственного секретаря Алексис Джонсон высказал мысль, что отрицательная реакция в США на заявление Освальда о его приверженности марксизму, кстати вызвавшая у Гарримана большой скептицизм, может свести на нет результаты всей кропотливой работы Кеннеди по налаживанию отношений с Советским Союзом.

Джонсон распорядился, чтобы полиция округа Колумбия, не привлекая внимания, организовала охрану советского посольства. Эта мера была осуществлена, но оказалась излишней. Подобно Гарриману, большинство американцев, проживающих на Восточном побережье страны, сочли неправдоподобной версию о далласском «марксисте». Буквально в эти минуты корреспонденты телевизионных компаний брали интервью у прохожих на площади Рокфеллера в Нью-Йорке. Все опрошенные единодушно высказали предположение, что преступление инспирировано «ультраконсервативными элементами, разжигающими ненависть на Юге».

Недоброжелатели Кеннеди с невероятной быстротой приспособились к концу его правления. Они так и не простили Кеннеди его победы над воротилами сталелитейной промышленности. Его магнетизм оставлял их равнодушными, так же как притягательная сила Рузвельта вызывала только недоумение у их отцов. Они не в силах были понять той широкой поддержки, которой пользовался в США президент Кеннеди. Только этим можно объяснить безучастие и бестактность, проявленную некоторыми лицами в ту памятную пятницу. Вихрь событий сорвал с многих людей маски и разрушил всякие условности, отличающие повседневное общение людей. Одни стали еще непорядочнее, другие — благороднее. Но все американцы без исключения предстали перед окружающим миром в подлинном виде.

В течение трех дней траура по Кеннеди чувства людей были обнажены. Позднее они старательно замуровали в тайниках своей памяти воспоминания об этом уикэнде. Но факт остается фактом. Это было время, когда люди сбросили с себя оковы условностей, проявили душевное благородство и впервые не стыдились проявлений своих Эмоций.

В Капитолии конгрессмен Джеймс Рузвельт, обычно мягкий и застенчивый, предложил посмертно наградить Джона Кеннеди «Медалью Почета». Напротив, в здании Верховного суда,

отделенного от Капитолия старинным тенистым парком, Эрл Уоррен — известный всей стране как противник номер два правых сил — опубликовал заявление, в котором он резко осудил поборников ненависти. Сенаторы Мэнсфилд, Байбл и Берд были глубоко потрясены. В 15. 48 комментатор «Нейшнл бродкастинг компани» Дэвид Бринкли отметил, что многие прохожие на Небраска-авеню плачут, не стесняясь своих слез. В Белом доме сенатор Хьюберт Хэмфри, заламывая руки, метался от одного полицейского к другому, горестно обнимая их.

Все это было непосредственным проявлением чувств, и их искренность была трогательной. Однако в Вашингтоне требовалось нечто иное: компетентность и трезвость мышления. В большинстве своем люди, занимавшие ключевые посты, успешно справились с напряженной ситуацией. Комиссия по наблюдению за реакцией иностранных государств и их действиями действовала исправно. Пентагон был наготове. «Подкабинет» трудился не покладая рук. Начальник протокольного отдела госдепартамента Энджи Дьюк хорошо справлялся со своими задачами. Главное препятствие, с которым он столкнулся, как впрочем и все остальные ответственные чиновники, заключалось в том, что он не знал, кому подчиняться. Институт президента тесно связан с личностью президента. В глазах постороннего наблюдателя он сливается со всем аппаратом исполнительной власти, а отдельные его функции распределены между безликими игроками президентской команды.

В период кризисов и потрясений это предположение служит утешением для тех, кто убежден, что за этой безликостью скрывается безупречно действующий точный механизм, не зависящий от личностей. Однако подобное предположение глубоко ошибочно. Людей, близких к главе государства, прежде всего поражает его одиночество. Иначе и не может быть.

В пятницу Дьюк знал только, что президент убит. Он не мог ни о чем думать, кроме этого, и даже не знал, с кем посоветоваться. Юридически он теперь перешел в подчинение к помощникам бывшего вице-президента. Однако им была не по душе эта власть. Более того, они не были к ней готовы. Помощник вице-президента по сенату Джордж Риди позвонил Уолтеру Дженкинсу, также помощнику Джонсона, тот предложил встретиться в кабинете помощника президента по административным вопросам Джека Макналли в Белом доме. Риди и Уильям Дэй Тэйлор, руководитель секретариата Джонсона, на белом «линкольне» Джонсона отправились по Пенсильвания-авеню. Уже в Белом доме Риди вспомнил, что не имеет ни малейшего представления о том, где находится кабинет Джека Макналли. Наведя справки в цокольном этаже западного крыла, он направился в восточное крыло, где нашел Дженкинса на совещании с помощниками Кеннеди. Некоторое время оба молчали. Риди чувствовал «натянутость отношений между обеими группами — группой Кеннеди и группой Джонсона... Уолтер и я чувствовали себя непрошеными гостями. У нас были полномочия, но не хватало опыта. Практически мы проштамповали решения, принятые людьми Кеннеди».

Специалисты (а в широком понимании этого слова оно включало в себя большинство членов так называемого «подкабинета») действовали бесперебойно. Это объясняется тем, что они следовали раз и навсегда установленным канонам. Если вы привыкли включать рубильник или имеете богатый опыт по части организации похорон или определения курса иностранной валюты, то вы инстинктивно следуете привычным путем. Человеку, внезапно столкнувшемуся с совершенно незнакомой для него ситуацией, гораздо легче сбиться с пути или даже иногда повернуть вспять. Как сказал спикер палаты представителей Джон Маккормак, «они были повержены громом среди ясного неба». Маккормак был одним из тех, кто предпочел остаться в стороне. В течение всего 1964 года его неоднократные отказы обсудить предложения об изменении закона о преемственности власти расценивались всеми как проявление честолубия. Поскольку смерть Джонсона превратила бы его в президента, его яростные возражения против этого «непристойного» обсуждения истолкованы были совершенно однозначно. Самозванные мудрецы пришли к заключению, что его все еще терзает мысль о том, что был момент, когда только «одно биение» сердца вице-президента стояло между ним и Белым домом. Однако на самом деле все обстояло как раз наоборот. Он не только не терзался по этому поводу, но ему было даже трудно заставить себя подумать о подобной возможности. Такая перспектива была буквально невыносимой для Маккормака. Спикер полностью отдавал себе отчет в своем преклонном возрасте и своих слабых сторонах. Каждое утро и каждый вечер он возносил незамысловатую молитву в своей комнате в отеле «Вашингтон» о здравии Джонсона: «Да

сохранит его бог и да поможет он ему». Это было все, на что он был способен. Он не в силах был даже на мгновение предположить, что в случае, если его молитвы не возымеют должного действия, закон, принятый конгрессом, сделает его тридцать седьмым президентом Соединенных Штатов.

Во второй половине дня 22 ноября, когда самолет президента находился на пути в столицу, группа агентов секретной службы постучалась в дверь апартаментов № 620 в отеле «Вашингтон». Однако им так и не удалось переступить через порог этого номера. Спикер ледяным тоном заявил руководителю группы:

— Капитолий обеспечивает мне всю необходимую охрану моей личности. Ваш приход я расцениваю как попытку совершенно нетерпимого вмешательства в мою личную жизнь и жизнь госпожи Маккормак. Я этого не потерплю.

Когда «ВВС-1» пролетал над рекой Арканзас, в трех милях от Пайн Блаффа, Линдон Джонсон попросил сержанта Айреса соединить его по радиотелефону с матерью президента Кеннеди. Оперативный отдел Белого дома быстро соединил Айреса с загородной резиденцией семьи Кеннеди. Сержант попросил позвать к телефону Роз Кеннеди, бродившую по газону перед домом.

— Алло? — вопросительно сказала она в трубку. Айрес было начал фразу:

— С вами желает говорить президент... — но спохватился и Вместо этого сказал: — С вами будет говорить господин Джонсон, — и передал ему трубку.

Глядя в лицо своего супруга, Леди Бэрд поняла, что это был, вероятно, самый трудный в его жизни разговор. Прикрыв своей большой ладонью трубку, Джонсон шепнул:

— Что я могу ей сказать? Затем он отнял руку и скапал:

— Видит бог, как я хотел бы вам помочь. Роз Кеннеди ответила:

— Мы знаем, как вы любили Джека и как он любил вас.

— Здесь Леди Бэрд, — сказал президент, — она хочет поговорить с вами.

Лиз Карпентер показалось, что он так настойчиво протягивал трубку своей жене, словно она жгла ему руки.

— Ах, госпожа Кеннеди, — начала новая первая леди и запнулась. Затем, понизив голос почти до шепота, она сказала именно то, что следовало сказать матери, потерявшей сына:

— Мы все должны понять, каким неопределимым даром для нашей родины были годы, отданные ей вашим сыном.

— Благодарю вас, Леди Бэрд, — ответила Роз Кеннеди.

Затем Джо Айрес организовал второй разговор по радиотелефону, и чета Джонсонов поговорила с Нелли Коннэли в Парклендском госпитале. Прислушиваясь к разговору, Клиф Картер понял, что у Нелли хорошее настроение. По-видимому, супруг ее чувствовал себя лучше.

«Подкабинет», Верховный суд и руководители конгресса прибывали в аэропорт Эндрюс группами. Некоторые были доставлены на вертолетах, другие воспользовались автомашинами аэропорта. Все они явились вопреки просьбам Роберта Кеннеди. В 16. 30 министр юстиции советовался по телефону с Сарджентом Шривером о том, как организовать перевозку тела президента с аэродрома. Шривер высказался в пользу вертолета. Это позволило бы избежать скопления толпы зевак в деловой части Вашингтона, что, подчеркнул он, было бы тяжелым зрелищем для вдовы. Боб сказал:

— Пусть и то и другое будет наготове. Решать должна она сама.

Немного погодя Шривер снова позвонил Роберту Кеннеди и сказал, что буквально все намерены ехать в Эндрюс встречать самолет. Не решен только вопрос о старшинстве.

Кеннеди пришел в ужас. Он считал, что на аэродроме не должно быть никого, кроме него самого, Макнамары и генерала Тэйлора. Ему даже не приходило в голову, что может собраться целая толпа людей. Он сказал Шриверу:

— По-моему, это не самая удачная идея. Это совершенно излишне.

В Белом доме были озадачены. К телефону подошел Артур Голдберг.

— Боб, — сказал он, — ты неправ. Это не чье-то личное дело. Речь идет о президенте Соединенных Штатов Америки. Я думаю, мы все должны поехать.

— Джекки сейчас меньше всего хочет видеть толпу.

— Мы обязаны сделать это ради президента и даже ради нее. Нельзя превратить это в личное дело. Журналисты будут там при всех обстоятельствах. Обязательно приедут и дипломаты. Подумай, как все это будет выглядеть, если там окажутся одни иностранцы и... ни одного американца?

Последовала пауза. Затем Кеннеди сказал:

— Если хотите, поезжайте. Я не собираюсь спорить по этому поводу.

Он не мог знать, что по этому поводу в Белом доме уже велись ожесточенные споры. Энджи Дьюк, выступая в роли официального арбитра в вопросах, касающихся протокола, первый решил, что никто не должен ехать на аэродром Эндрюс. Когда об этом решении сообщили заинтересованным лицам, оно сразу же вызвало сопротивление. Гарриман, как и следовало ожидать, решил попросту игнорировать это указание. Хэмфри позвонил Дьюку из восточного крыла Белого дома.

— Пошли вы к черту, — отрезал он, — я все равно еду в аэропорт. Дангэн думал, что Дженкинс, Риди и некоторые близкие сотрудники Кеннеди все же должны быть на аэродроме. Тед Соренсен колебался, но решил, что, если поедут другие, он присоединится к ним. Банди указал, что по долгу своей службы он обязан встретить прибывших у трапа. Клифтон позвонил ему с самолета и сообщил, что новый президент хочет видеть его сразу на аэродроме. Тогда Дьюк усомнился в правильности своей позиции. Он понял, что Голдберг был прав. Никто не мог запретить послам приехать на аэродром. И Дьюк отменил свое первоначальное решение.

Когда наступили сумерки, министр юстиции позвонил последний раз Макнамаре и вместе со своим помощником Гутманом направился к нему в Пентагон.

Сидя с Гутманом в машине, Роберт Кеннеди обсуждал с ним все последствия постигшей их катастрофы, но ни словом по обмолвился о своей невосполнимой личной утрате и разрушенной карьере. Он говорил о невероятных масштабах этой трагедии, об ударе, перенесенном Джекки, о горе, обрушившемся на родителей, и неопределенности будущего страны. Либеральные убеждения министра юстиции, подобно убеждениям президента Кеннеди, были гораздо сильнее, чем это думало большинство либералов, и эти убеждения прорывались наружу во время поездки.

— Люди даже не подозревают, насколько консервативен Линдон, — сказал Роберт Кеннеди уже в Пентагоне, когда они поднимались вверх в персональном лифте министра обороны. — Произойдет очень много перемен.

Макнамара приветствовал их. Оба министра обменялись долгим и крепким рукопожатием. Затем Макнамара накинул пиджак. В это время к ним присоединился генерал Тэйлор. Последовало еще одно молчаливое приветствие. Гутман остался в секторе «Е», а они втроем направились к расположенной в южной части здания Пентагона вертолетной площадке. Отсюда, пересекая Потомак, они вылетели в Эндрюс. После прибытия на аэродром между Кеннеди и Макнамарой состоялся краткий разговор. Министр юстиции предложил министру обороны вместе с ним взойти на борт самолета 26000, когда тот приземлится. Но Макнамара покачал головой.

— Мне неудобно это делать, Боб, я не член семьи, — ответил он и отошел в сторону. Приехав в Белый дом, Сарджент Шривер повесил свое пальто в приемной доктора Травелл. Провожая Теда и Юнис Кеннеди, он оставил пальто в приемной и, когда вернулся, обнаружил, что пальто исчезло. Он был уверен, что в Белом доме не может быть краж, и решил, что кто-то из охраны, вероятно, повесил пальто в шкаф. Позднее выяснилось, что пальто все же украли, и Шривер был крайне возмущен этим. Это было чудесное пальто из темно-серой кашемировой ткани и почти новое. Оно было куплено менее трех лет назад. Внезапно Шривер почувствовал острую боль: пальто было приобретено им для участия в церемонии вступления в должность президента Кеннеди.

Вскоре Шривер забыл о пальто. Сейчас он представлял семью Кеннеди в Белом доме. Ему предстояло заняться бесчисленными деталями и нерешенными проблемами, связанными с похоронами.

Американцы привыкли все делать быстро. Поэтому никто не усматривал ничего из ряда вон выходящего в том, что похороны президента состоятся в понедельник. Европейцы, привыкшие к помпезным церемониям, были поражены этим известием. В Лондоне герцог

Норфолкский приступил к работе по подготовке государственных похорон Уинстона Черчилля еще с начала 50-х годов. Он даже потребовал целую неделю для репетиции похорон после того, как Черчилль скончался.

Группе людей было поручено составить списки близких друзей президента. Когда Эдлай Стивенсон приехал в Белый дом, у него спросили его мнение о соблюдении протокола во время траурной церемонии. Но главными советниками в этих вопросах были Дьюк, принесший из госдепартамента досье с описанием похорон Рузвельта, и подполковник Миллер. В 15. 42 Шриверу и Дангэну стало известно, что самолет № 26000 приземлится на аэродроме Эндрюс. В 16. 30 они уже уточняли, кто должен ехать на аэродром, и Дьюк направил туда сотрудника протокольного отдела. Ему предстояло заняться дипломатами. Затем у Шривера состоялось первое сугубо предварительное обсуждение порядка предстоящих похорон.

Начальник церемониала Вашингтонского военного округа подполковник Миллер пояснил, что государственные похороны предусмотрены для президентов, лиц, избранных на пост президента, но не успевших вступить в эту должность, а также для всех тех, кого президент страны сочтет достойным торжественного погребения. Основное отличие государственных похорон от простых официальных похорон заключалось в том, где и как должен быть выставлен гроб с телом умершего. Подполковник Миллер набросал два варианта: поместить тело для прощания в Восточном зале Белого дома или в Большой ротонде Капитолия. Если будет решено хоронить президента в Бостоне, объяснил полковник, гроб может быть доставлен туда специальным поездом, самолетом или на борту эсминца. Шривер заявил, что похороны в Бостоне исключены. Независимо от решения Жаклин Кеннеди, он был убежден, что следует думать только об Арлингтонском кладбище.

Траурный поезд с телом Линкольна двигался по стране с подобающей торжественностью и неторопливостью. Четыре мощных мотора президентского самолета, изготовленных на заводах «Пратт и Уитни», домчали тело Джона Кеннеди из Техаса в столицу за 136 минут. Никто из встречающих не знал точного времени прибытия самолета. Как выяснилось впоследствии, все они могли успеть на аэродром на автомашинах и даже со значительным запасом времени. Но никто не хотел рисковать, и потому вокруг площадки для вертолетов была непрерывная толчея. Вертолеты были быстрее автомобилей, и поэтому все хотели лететь на вертолете.

Никто не может без содрогания вспомнить этот вечер в аэропорте Эндрюс, неумолчный шум лопастей роторов, ослепительный свет гигантских прожекторов. В лунном свете поле казалось непривычно белым, а люди выглядели как таинственные тени.

На узком пространстве между проволочным ограждением и будущей стоянкой президентского самолета теснилось не менее полусотни знатных лиц. Им бросилось в глаза какое-то уродливое механическое устройство, окрашенное ярко-желтой краской. Это был механический подъемник. С его помощью должны были опустить гроб на землю.

За изгородью, сокрытые мраком промозглой ночи, в молчании стояли три тысячи человек. Это был лишь авангард. В последующие дни нахлынул целый поток людей, чтобы отдать последнюю дань президенту, погибшему мученической смертью. Тысячи скорбных лиц за изгородью. Придавали мягкость, достоинство и величие этой кошмарной сцене.

По пути на аэродром Артур Шлезингер сказал Энджи Дьюку:

— В нашей стране никогда не принимали всерьез ультраправых.

Специальный советник президента Тед Соренсен, сидя в вертолете вместе с помощниками Линдона Джонсона Уолтером Дженкинсом и Джорджем Риди, признался:

— Мне очень жаль, что вы попали в такое положение. Я постараюсь помочь всем, чем могу. Но, надеюсь, вы простите мне мое неуважение к штату Техас.

Риди спокойно ответил, что сам он испытывает такие же чувства. Поведение помощников Джонсона было безупречным. Случившееся потрясло их не меньше, чем помощников Кеннеди. Это было видно всем. Шлезингеру пришла на ум мысль, что если Джонсону удалось привлечь на свою сторону таких людей, как Риди и Дженкинс, то возможно он не так уж плох, как это казалось раньше. Банди пошел в своих размышлениях еще дальше. Он был склонен выдать индульгенцию даже городу Далласу, ибо, по его мнению, «один сумасшедший еще не означает, что в городе все сошли с ума».

Прорезая темный слой облаков, Джим Суиндал повел президентский самолет на посадку. Впервые после вылета из Техаса его взору снова предстала земля. Впереди сияли огни столицы.

Линдон Джонсон был в президентской спальне. Он побрился, причесался и снова сменил сорочку. В коридоре при входе в кабину секретариата к Рою Келлерману подошел Клинт Хилл и сказал.

— Она хочет вас видеть.

Рой направился в хвостовой отсек, где Дэйв Пауэрс сказал ему:

— Госпожа Кеннеди просит вас и других агентов, бывших с президентом, вынести гроб, и она хочет, чтобы машину вел Грир.

Келлерман знал, как тяжело Грир переживал все случившееся, и его потрясла эта чуткость вдовы. Жаклин Кеннеди подозвала к себе Эвелин Линкольн, Мэри Галлахер, Магзи О'Лири и Джорджа Томаса и сказала каждому:

— Я хочу, чтобы вы были поблизости у гроба. Обращаясь к Годфри Макхью, она сказала:

— Я хочу, чтобы его вынесли друзья.

В хвостовой отсек пришел Тед Клифтон и доложил Кену О'Доннеллу:

— Военные готовы вынести гроб. О'Доннелл Коротко бросил в ответ:

— Мы сами его вынесем.

В узком проходе в хвосте самолета столпилось пятнадцать человек. Мак Килдаф увидел, что Джонсон остался стоять в одиночестве.

Исполняющий обязанности пресс-секретаря испытал чувство крайней неловкости. Позднее, вечером, его замешательство возросло. В канцелярии президента он обнаружил, что Джонсон по-прежнему рассержен и считает именно его виновным во всем. Даже на следующий день президент продолжал с раздражением вспоминать этот инцидент. После заседания кабинета, где он впервые председательствовал, Джонсон доверительно сказал одному из министров, что у него «возникли большие трудности с семьей Кеннеди». Вот запись, сделанная вечером в субботу этим членом кабинета о его беседе с Джонсоном:

«Он сказал, что после посадки самолета... (они) не обратили на него ни малейшего внимания, вынесли тело из самолета, поставили гроб в машину, забрали с собой г-жу Кеннеди и уехали. Лишь после этого он сошел с самолета. Это означало, что ему, президенту Соединенных Штатов, не уделили никаких знаков внимания и не оказали никаких почестей. Но, по его словам, он в ответ лишь подставил другую щеку.

— Что я могу поделать, — сказал он. — Я не хочу ссориться с этой семьей, и ореол Кеннеди имеет важное значение для всех нас».

Суиндал артистически посадил самолет. Никто из пассажиров не заметил, когда самолет коснулся земли. Взоры собравшейся толпы были прикованы к надпю дворце, откуда обычно выходил президент. Роберт Кеннеди воспользовался этим и вскочил никем не замеченным на трап, подъезжавший к передней дверце самолета. Трап еще катился, а он уже стремглав мчался вверх по ступенькам. Ворвавшись в самолет, он пробежал через радиорубку, кабину секретариата и салон. Лиз Карпентер узнала его осунувшееся лицо и попыталась было в знак утешения коснуться рукой его плеча. Но он не заметил ни ее, ни четы Джонсон. На следующий день президент в беседе с одним из своих советников отметил, что Роберт Кеннеди даже не заговорил с ним. Ему нужен был только один человек. Лиз слышала, как он пробормотал на ходу:

— Я хочу видеть Джекки.

Войдя в хвостовой отсек, он тихо подошел к Жаклин и встал рядом с ней.

— Джекки, — сказал он тихо и обнял ее за плечи. — Я здесь.

Все вокруг вздрогнули: у Роберта был голос его брата...

— Ах, Бобби, — не произнесла, а скорее вздохнула с облегчением она и подумала, как это похоже на Бобби: он всегда с тобой в трудную минуту.

Самолет вновь двинулся вперед и затем окончательно остановился. Зажглись прожектора. Суиндал и Хэнсон стремительно сбегали вниз по трапу, встали у крыла лицом к задней двери самолета и замерли, отдавая честь. К самолету подкатил громоздкий подъемник. Дверь хвостового отсека распахнулась, и из нее выглянуло круглое лицо Лэрри О'Брайена. Стоявшие внизу члены правительства увидели в раскрытой двери изможденный профиль министра

юстиции. Это их поразило: они не знали, что он успел побывать в Далласе. Роберт Кеннеди держал вдову за руку. В другой ее руке висела сумка. Внезапно все увидели, что одежда Жаклин забрызгана кровью. Еще мгновение — и в дверях показались Келлерман, Грир, О'Лири, Хилл и Лэндис. Они бережно опустили гроб у ног Жаклин и Роберта Кеннеди. Свет прожекторов падал на гроб. Стояла мертвая тишина. Все безмолвно смотрели, не в силах оторвать глаз от темно-красной бронзы гроба президента.

Глава седьмая ЖАКЛИН КЕННЕДИ

Затяя с подъемником оказалась совершенно несостоятельной. Он даже не доставал до дверцы самолета. Келлерман у одного конца, Грир — у другого, пять агентов секретной службы и Годфри Макхью с трудом опустили «Британию» О'Нила на площадку подъемника. Затем на нее сошли из самолета Жаклин и Роберт Кеннеди. За ними последовали остальные. Эвелин Линкольн, Мэри Галлахер, доктор Беркли и Кен О'Доннел, чьи лица опухли от слез, образовали скорбный ряд за плечами вдовы. Роберт Кеннеди спросил невестку, на чем она желает поехать.

— Тебя ожидает вертолет, чтобы доставить прямо в Белый дом. Ты не возражаешь?

— Нет, нет, я хочу ехать прямо в госпиталь Бетесде. Она заметила серую карету «скорой помощи» и решила, что это машина, вызванная по ее просьбе.

— Мы поедem в ней, — сказала она.

Платформа подъемника начала двигаться вниз. Не доходя пяти футов до земли, она остановилась. Это был предел. Помощники президента, агенты охраны и мобилизованные для этой цели представители всех пяти родов войск с большим трудом и сгибаясь от тяжести, подняли бронзовый ящик с отбитыми ножками и стали опускать его на землю. Непосильная ноша раскачивалась из стороны в сторону и едва не рухнула. «Гротеск» — так охарактеризовал эту сцену один из журналистов. В суматохе на какое-то мгновение Жаклин Кеннеди оказалась в стороне. Клинт Хилл полагал, что она сядет на переднее сиденье рядом с водителем кареты «скорой помощи» и попытается усадить ее там. Однако вдова наотрез отказалась:

— Нет, я сяду позади, — сказала она, отстранившись. Грир, Келлерман, Лэндис и доктор Беркли с трудом втиснулись на переднее сиденье. Грир сел за руль. Доктору пришлось разместиться на коленях Лэндиса. Министр юстиции также сел в кузов, напротив невестки. Рядом с ней примостился Макхью. Не дожидаясь, пока уберут подъемник и подкатят трап для нового президента, машина с телом убитого президента тронулась с места и покатила в госпиталь.

Роберт Кеннеди отодвинул пластмассовую перегородку, отделявшую его от водителя, и спросил:

— Рой, тебе известно, что они задержали какого-то парня в Далласе?

Рой ничего еще не знал. В течение двух часов Ли Харви Освальд находился в центре внимания всей страны, однако на «Ангеле» о нем знали только те, кто смотрел телевизионные передачи в салоне. Затем завязался беспорядочный разговор о возможной судьбе помощников Кеннеди, о задержке с отлетом из Лав Филда, о роли в этом Макхью и о том, как объяснял эту задержку новый президент.

— Он сказал, Бобби, что говорил об этом с тобой, — пояснила шурина Джекки, — и что ты сказал ему, что он должен принести присягу там же, в Далласе.

Министр юстиции был ошеломлен. Он ответил, что, по-видимому, произошло недоразумение. Он вовсе не предлагал ничего подобного.

Склонившись над гробом, Жаклин прошептала:

— О, Бобби, я никак не могу поверить, что Джека больше нет.

И затем, впериw невидящий взор в серую занавеску над его плечом, она стала рассказывать ему о том, как двигался президентский кортеж по удинам Далласа, об убийстве в безоблачный солнечный день и о том, что происходило потом. Целых двадцать минут длилось это повествование, и он ни разу не прервал ее. Позже он так отозвался об этой беседе:

— Было видно, что ей просто необходимо было рассказать мне об этом; хотел я того или нет, а я просто не думал тогда, хочу ли я это слышать или нет. И она рассказала мне все.

Машина мчалась уже по улицам Вашингтона, и министр юстиции внезапно увидел, как из-за осеннего кружева кленов и дубов, посаженных еще при президентах Гровере Кливленде и Теодоре Рузвельте, показался белоснежный Южный портал Белого дома. В течение 1036 дней здесь был дом президента Джона Ф. Кеннеди. Этот день был последним.

Миновав Белый дом и парк, Грир был вынужден резко взять в сторону, чтобы объехать высокий узкий грузовик зеленого цвета, стоявший около открытого люка. Группа рабочих старательно опускала в него металлический кабель. Телевидение уже готовилось транслировать церемонию похорон. Телефонной компании «Чезапик и Потомак» пришлось проложить не менее шести миль временную телевизионную кабельную линию.

Внешне Беркли не придавал особого значения своему воинскому званию. Но от этого он не переставал быть контр-адмиралом, находящимся на действительной службе, и придирчиво следил за строгим соблюдением протокола.

— Президент Соединенных Штатов всегда въезжает только через главные ворота, — решительно сказал он Гриру, когда они подъезжали к зданию госпиталя.

На этот раз приезд президента не сопровождался вспышками красных фар полицейских машин и натужным воем сирен. Люди, близкие к президенту, хорошо впали его презрительное отношение ко всей этой шумихе.

Машину с гробом сопровождал лишь эскорт мотоциклистов. Грир прибавил скорость, полицейские с ревом рванулись вперед на своих мотоциклах, и карета «скорой помощи» в сопровождении неотступно следующей за ней вереницы «Меркуриев» подлетела к подъезду главного военно-морского госпиталя Бетесда. Капитан первого ранга открыл дверцу машины.

При входе на синем, шитым золотом ковре с изображением якоря стояли в ожидании капитан, начальник госпиталя контр-адмирал Кальвин Галлоуей и капеллан. Министр юстиции и капитан помогли Жаклин Кеннеди выйти из машины. Годфри Макхью остался с гробом. Он решил до конца нести свою траурную вахту у тела убитого президента.

Ровно через четыре минуты после того, как карета «скорой помощи» покинула аэродром Эндрюс, нелепый подъемник откатали от самолета, и президент Джонсон наконец-то сошел по трапу с самолета. Первым приветствовал его министр обороны Макнамара. Обращаясь к сенатору Мэнсфилду, стоявшему за Макнамарой, президент сказал с грустью в голосе:

— Это ужасно, ужасно!

Кивнув Дженкинсу и Риди, Джонсон зашагал вперед своей неуклюжей походкой. Когда он проходил мимо Шлезингера, тот в порыве чувств пожал ему руку и выпалил:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Хьюберт Хэмфри, Эрл Уоррен и Аверелл Гарриман тоже обменялись с ним рукопожатиями. Кое-кто остался на своих местах. Артур Голдберг встретился взглядом с Джонсоном, но не подошел к президенту. Позже он объяснял:

— Я был там с другой целью. Я приехал отдать последний долг покойному. Я считал, что мне нужно было просто стоять там и ничего больше.

В 18.14 президент Джонсон подошел к месту, где собрались журналисты. Его ждал там целый лес микрофонов. Впоследствии он вспоминал, что его последняя мысль перед выступлением была обращена к богу. Говоря его словами, он в душе молил, чтобы «господь помог ему с честью выполнить свой долг». Мирские силы не очень-то ему помогали.

Трудно было представить себе более неблагоприятное окружение. Подъемник убрали, но облик аэродрома не стал от этого лучше. Мало того, Джонсону предстояло выступать на фоне настоящей какофонии. В нескольких шагах от него громко рыдали Хьюберт Хэмфри и г-жа Мэнсфилд. Два только что взлетевших турбопропеллерных вертолета «Н-21» наполнили воздух ревом моторов.

Стоя рядом с Леди Бэрд, Джонсон начал читать свое заявление:

— Весь наш народ переживает сейчас горестное время. Мы понесли тяжелую, невосполнимую потерю. Для меня лично это — огромная личная трагедия. Я знаю, что весь мир сейчас разделяет горе госпожи Кеннеди и ее семьи. Я буду делать все, что в моих силах. Это все, на что я способен. Прошу вашей поддержки и помощи у бога.

Телевизионная аудитория, смотревшая передачу из Эндрюса, слышала слова президента, хотя и была удивлена шумом (вертолеты не попали в кадр телекамер). Лишь немногие из

зрителей на самом аэродроме поняли, что говорит Джонсон.

Казалось, даже Леди Бэрд не слушала речь Джонсона. Взор ее был обращен куда-то в сторону.

Вся верхушка конгресса сгрудилась вокруг президента. Здесь были Хэмфри, Мэнсфилд, Дирксен, Смазерс, Хейл Боггс, Карл Альберт, Чарли Халлек, Лез Арендс. Четверть века парламентской карьеры Джонсона сделали обитателей Капитолийского холма его естественными союзниками. В отличие от Кеннеди, никогда не входившего в замкнутый круг вожаков сената, Джонсон мог рассчитывать на их широкую поддержку.

Однако сейчас он возглавлял совершенно иную часть государственной машины. И здесь он тоже нуждался в друзьях. Его тронуло приветствие Макнамары. В бытность вице-президентом он присутствовал на заседаниях Национального совета безопасности и членов кабинета. Поэтому для него не было секретом, что самыми сильными людьми у Кеннеди были министр юстиции и министр обороны. Подозвав к себе Макнамару, Джонсон попросил его, Банди и, как он сказал, «кого-нибудь из госдепартамента» сопровождать его на пути в Белый дом.

Министр обороны ответил, что на аэродроме находится заместитель государственного секретаря Джордж Болл. Болл подошел к президенту и передал ему памятную записку госдепартамента и проект заявления. У Болла создалось впечатление, что президент все еще оправился от шока. Его лицо судорожно подергивалось. Боллу даже показалось, что он движется, как человек, находящийся под действием сильных наркотических средств. Макнамара, напротив, нашел, что Джонсон «держится с поразительным самообладанием. В его положении я вел бы себя гораздо хуже». Как и следовало ожидать, президент сказал все приличествующие случаю слова.

Во время десятиминутного полета на вертолете от Эндрюса до Белого дома Джонсон подавил в себе все чувства, вызванные неуважительным обращением с ним на аэродроме. Он рассказал о мужественном поведении Жаклин Кеннеди в Далласе.

— Я никогда еще не видел такого героизма, — говорил он Боллу. Затем он сообщил своим трем спутникам, что высоко ценит их способности. Его последующие слова произвели на Болла особенно сильное впечатление.

— Кеннеди достиг того, чего я никогда не смог бы сделать, — сказал Джонсон. — Он собрал вокруг себя самых способных людей, каких я только знаю, — не друзей и даже не лучших служащих государственного аппарата, а просто лучших в любой области. Я хочу, чтобы вы оставались на своих местах. Я нуждаюсь в вас. Я хочу, чтобы вы были со мной.

Он попросил каждого доложить о принятых мерах и о том, какие вопросы надо решить. Банди сказал, что, по его мнению, ничего особо срочного в ближайшие сорок восемь часов не предвидится. Тогда президент повернулся в сторону министра обороны и спросил:

— Какие важные вопросы нам надо решить? Макнамара доложил о диспозиции американских вооруженных сил в различных частях земного шара, степени их боевой готовности и численности союзнических войск, на который могут опираться Соединенные Штаты.

Болл вкратце охарактеризовал реакцию правительств иностранных государств на убийство Кеннеди.

В 18.25 они летели уже над южной частью территории Белого дома.

Президент Джонсон прибыл в столицу в день всеобщей скорби. Неоспоримо, что ни один новый президент не вступал на свой пост при столь трагических обстоятельствах.

Вертолет приземлился. Джонсон зашагал к Белому дому через газон, не прерывая своей беседы с Макнамарой и Банди. Даже Банди, самый точный чиновник во всем правительстве, казалось, не вполне отдавал себе отчет в том, кого он имел в виду, говоря о «президенте». Он сказал:

— Господин президент, я исхожу из того, что, во-первых, все документы, находившиеся сегодня до двух часов дня в личном сейфе президента, принадлежат его семье и, во-вторых, что госпожа Кеннеди сама определит порядок похорон.

— Вы правы, — бросил Джонсон и зашагал большими шагами мимо розария, приемной, где обычно работала секретарь Кеннеди Эвелин Линкольн, зала заседаний кабинета. Пройдя все

западное крыло Белого дома, он вышел на Уэст Икзекуйтйв-авеню и направился в свой кабинет вице-президента на верхнем этаже здания канцелярии президента. Там его ожидала секретарь Хуанита Робертс, и он сразу приступил к работе. Через пятнадцать минут сюда прибыл Тед Клифтон и заявил Биллу Мойерсу, что, по его мнению, Джонсону следует перейти в Овальный кабинет Кеннеди в Белом доме. Мойерс передал это Джонсону, но тот категорически отверг это предложение, заявив:

— Это было бы бестактностью с моей стороны.

Джонсон протянул было руку к телефону, но вспомнил, что маленькая книжка со всеми нужными ему номерами осталась у Мари Фемер. Он спросил Хуаниту:

— А где Мари?

Мари потерялась. Более того, основная группа сопровождающих его лиц вообще распалась где-то на пути с вертолетной площадки в Белый дом. Его помощники растерялись, попав в это колоссальное здание. Риди вначале вошел в зал для дипломатических приемов, повернул несколько раз в неправильном направлении и в конце Концов вынужден был обратиться за помощью к дежурному полицейскому. У Джека Валенти и Клифа Картера не было пропусков для входа в Белый дом, и они старательно избегали встреч с охраной Белого дома. Стремглав промчавшись по устланному красным ковром коридору подвального этажа, они наконец случайно натолкнулись на выход и с облегчением увидели перед собой здание канцелярии президента.

Макнамара и Болл покинули Джонсона еще в западном крыле Белого дома. Он сказал им, что пригласил ведущих деятелей конгресса к себе сразу же после их возвращения с аэродрома. Поэтому Макнамара и Болл, свернули направо и прошли в зал заседаний кабинета. Расположившись в креслах, они проговорили целых двадцать минут. Впервые они вдвоем обсуждали период правления Кеннеди. Выяснилось, что с момента прихода Кеннеди в Белый дом они в общем-то мыслили в одном направлении. Оба они сходились на том, что победа на выборах в 1960 году, выигранная незначительным большинством голосов, омрачила первый период правления Кеннеди, вынудив его употребить все силы своего правительства на сплочение страны. И тот и другой возлагали большие надежды на выборы 1964 года. Они верили, что на этих выборах Кеннеди победит значительным большинством голосов. А если бы оппозиционная республиканская партия решила выставить кандидатуру Голдуотера, то победа была бы одержана беспрецедентным перевесом над противником. И после этого, по их глубокому убеждению, сила предвидения Кеннеди принесла бы Америке четыре самых кипучих года коренных преобразований во всей американской истории.

Они расстались, когда уже весь аппарат Джонсона собрался на втором этаже канцелярии президента. В ожидании прихода своих сотрудников Джонсон поручил Дженкинсу и Рирдону — помощнику Кеннеди по кабинету министров — созвать на следующий день заседание кабинета. Килдафу передали, что президент недоволен тем, как была организована встреча на аэродроме Эндрюс. Риди заметил, что Джонсон совсем не упоминал о Далласе. Лишь однажды он пробормотал: — Сегодня Руф вел себя поистине геройски. Он швырнул меня на пол автомашины и прикрыл сверху своим телом.

Но и это было сказано как бы между прочим. Все помыслы Джонсона были обращены в будущее.

— Никаких пауз, — решительно сказал он. — Правительство должно продолжать свою работу. — И добавил: — Мы все пережили тяжелое потрясение, но мы обязаны по-прежнему идти вперед.

Наконец пришла запыхавшаяся Мари и начались бесконечные телефонные звонки. До ее прихода роль секретаря выполнял Билл Мойерс.

В 19.05 президент Джонсон переговорил по телефону с Гарри Трумэнном. В 19.10 он позвонил в Нью-Йорк Эйзенхауэру и предложил послать за ним самолет. Эйзенхауэр ответил, что у него есть свой самолет и он может незамедлительно вылететь в Вашингтон. Однако, посоветовавшись, они решили, что в этом нет особой необходимости и условились о встрече в Белом доме на следующий день. В 19.20 Джонсон выразил соболезнование Сардженту Шриверу. Шривер все еще не разгибаясь трудился за письменным столом Ральфа Дангэна. Закончив этот разговор, президент сел за стол. Он должен был подготовить два личных письма.

Впервые в жизни он писал письма на бланке Белого дома. В 19.25 он позвонил Эдгару Гуверу. Гувер был у себя дома. Его бывший сосед поручил ФБР подготовить полный отчет об убийстве. Выслушав президента, Гувер позвонил в Бюро и приказал своему помощнику по особо важным делам и тридцати агентам немедленно отправиться в Даллас.

Секретарь Хуанита Робертс доложила, что сенаторы и конгрессмены ожидают президента в приемной. Джонсон буркнул, что им придется немного подождать. Он должен был сперва закончить второе письмо. Первое письмо было уже написано. Вот что в нем говорилось:

«Белый дом. Вашингтон, 22 ноября 1963 г.

19.20, пятница

Дорогой Джон!

Пройдет еще много лет, прежде чем ты по-настоящему поймешь, каким великим человеком был твой отец. Его смерть — большая личная трагедия для всех нас. Но мне бы хотелось, чтобы ты особенно знал, что я разделяю твою горе. Ты всегда будешь гордиться своим отцом.

Любящий тебя Линдон Б. Джонсон».

Второе письмо было немного длиннее. Отец двух дочерей, Джонсон особенно любил дочь президента.

«Белый дом. Вашингтон, 22 ноября 1963 г.

пятница, 49. 30

Дорогая Кэролайн!

Смерть твоего отца явилась большой трагедией для всей нации, равно как и для тебя самой. Я хочу, чтобы ты знала, что я сейчас все время думаю о тебе.

Он был мудрый и преданный своему делу человек. Ты всегда сможешь гордиться всем, что он сделал для своей Страны.

Любящий тебя Линдон Б. Джонсон».

Характер Джонсона всегда отличался большой сложностью. В нем могли сочетаться бестактность и нежность, коварство и страстность.

Президент молча отдал письма секретарю, с трудом поднялся из-за стола и направился в приемную приветствовать лидеров конгресса.

Встреча была краткой и мало что дала. Законодательных проблем вообще не касались. Медленно переводя взгляд с одного лица на другое, Джонсон начал с того, что обратился к присутствующим «как к близким друзьям». Он призвал их сотрудничать с ним, просил совета и поддержки. Все это было горячо обещано ему. Беседуя с Майклом Мэнсфилдом и Эвереттом Дирксеном, он выразил надежду, что конгрессу удастся создать новое энергичное руководство, действующее на двухпартийной основе. «Затем, — по словам Мэнсфилда, — все разошлись». Однако один сенатор все же остался. Это был Хьюберт Хэмфри.

Джин Кеннеди-Смит одиноко стояла у окна апартаментов в башенной части госпиталя Бетесде и наблюдала за тем, как темнота безжалостно наступала на холодную гладь стекла. Внезапно она услышала за спиной глухой голос: «Она здесь». Джин обернулась и увидела в центре гостиной свою невестку. Позади нее стоял ее брат — Роберт Кеннеди. Он подошел к телефону, быстро с кем-то переговорил и тут же вернулся к ней. Брэдли вспоминает, что поведение Роберта Кеннеди произвело на него сильнейшее впечатление. По его словам, Роберт «был подавлен, но внешне спокоен. Он помогал Джекки держать себя в руках, старался ободрить окружающих, хотя сам более всех нуждался в ободрении. Он вел себя просто потрясающе».

Отозвав Джекки в сторону, Боб сказал ей:

— Они думают, что нашли убийцу, человека, который это сделал. Он говорит о себе, что он коммунист.

Жаклин изумленно посмотрела на него. «Боже мой, — подумала она, — но это же абсурд». Впоследствии она не раз вспоминала напряженную атмосферу Далласа, пропитанную

миазмами ненависти. Но в ту минуту она просто почувствовала дурноту.

В Бетесде Жаклин по настоянию матери, Жанет Очинклосс, которая приехала сюда, заставила себя подойти к страшившему ее вопросу — рассказать детям, Кэролайн и Джону, о случившемся.

— Джекки, ты сама сообщишь детям об этом или ты хочешь, чтобы это сделали я или гувернантка Мод Шоу? — спросила у дочери Жанет Очинклосс.

Жаклин сказала, что последует совету матери.

— Ну... Джон мог бы еще подождать, а вот Кэролайн следует сказать об этом прежде, чем она узнает от своих подруг.

— О, да, мамочка. Но что она подумает, если ей вдруг...

Она задумалась и затем сказала:

— Я хочу сама рассказать им об этом. Но если они узнают до моего возвращения, то пусть Шоу сделает все, что нужно.

Жанет Очинклосс сочла слова дочери разумными, но все же решила положиться на собственное суждение. В этот день она была преисполнена решимости набавить дочь от этой последней и, может быть, самой тяжелой обязанности, Позвонив по телефону няне, она спросила:

— Как чувствуют себя дети?

— Прекрасно — отвечала Мод Шоу. — Они было чуточку растерялись, но в их возрасте все быстро проходит. Они уже доужинали, и их клонит ко сну.

Сама няня чувствовала себя ужасно. Ей приходилось прилагать все больше усилий, чтобы сохранять самообладание. Временами она теряла над собой контроль и вынуждена была отворачиваться от детей, пока ей не удавалось вновь взять себя в руки.

— Госпожа Кеннеди просит вас рассказать о случившемся Кэролайн.

Мод Шоу утратила дар речи. Ей хотелось разрыдаться, но она сдержалась: дети были в соседней комнате. Приглушенным голосом, в котором звучали нотки отчаяния, она сказала в трубку:

— Прошу вас, избавьте меня от этого. Пусть эта чаша минует меня.

— Но вы *должны* это сделать. Больше некому.

— Я не могу лишиться дитя последней радости. У меня не хватает сил для этого. Я не в силах погубить весь ее маленький счастливый день.

— Я знаю, что это тяжело, но вы должны это сделать. Няня снова стала умолять избавить ее от разговора с девочкой:

— Пожалуйста, пожалуйста, неужели нет никого другого?

— Нет, никого нет, а госпожа Кеннеди слишком плохо себя чувствует.

Сказать было больше нечего, и они повесили трубки.

Сначала няня уложила в кровать Джона. Потом наступил черед Кэролайн. Когда они вошли в спальню девочки, Мод Шоу медленно сказала:

— Вашего папу застрелили. Его повезли в госпиталь, но врачи не смогли ему помочь.

Наступила пауза.

— Ваш папа, — продолжала няня, — последовал за Патриком. — Мод Шоу снова умолкла. — Он вас очень любил.

Девочка спрятала лицо в подушку и заплакала. Мод Шоу стояла у ее кровати, судорожно сжимая свои огрубевшие от работы руки, до тех пор, пока девочка не заснула.

Многим вашингтонским чиновникам, решившими было, что их рабочий день закончился, пришлось в этот вечер отвечать на многочисленные телефонные звонки.

По телефонам названивал новый президент. Имея теперь в своем распоряжении два коммутатора Белого дома, он был на вершине блаженства. Одна его рука железной хваткой обхватывала телефонную трубку, — она буквально тонула в его крупной длани, в то время как пальцы другой руки искусно порхали по прозрачным кнопкам аппарата селекторной связи. Среди тех, кому он звонил вечером в пятницу, были Артур Голдберг и Тед Соренсен, Телефон Голдберга зазвонил в 9 часов вечера. Президент заметил его в группе встречавших на аэродроме Эндрюс. Он потребовал у Голдберга объяснения, почему тот не подошел пожать ему руку. Голдберг объяснил, что приехал на аэродром встретить гроб с телом президента Кеннеди.

Он обещал приехать на следующее утро к Джонсону. Соренсен услышал голос Джонсона примерно в половине десятого вечера, когда заканчивал обедать. Как и Голдберг, он — получил приглашение на следующий день. Совершенно механически Тед ответил:

— Слушаюсь, господин президент. — Только тогда весь смысл произнесенных им слов дошел до его сознания. Никогда более он не назовет Джона Кеннеди «господином президентом». Положив телефонную трубку, он опустился на стул в полубессознательном состоянии.

Линдон Джонсон был, пожалуй, самым активным клиентом телефонной сети Вашингтона, а это само по себе было немалым подвигом. По данным телефонной компании «Чезапик и Потомак», все АТС в этот вечер были достаточно сильно загружены. Большинство американцев неотрывно сидело у телевизоров. Поздно вечером к телезрителям присоединился и новый президент. Оставив помощника Риди готовить план работы на следующий день, Джонсон, захватив с собой Мойерса, Валенти, Клифа Картера и Хорейса Басби — в прошлом техасского журналиста, впоследствии присоединившегося к аппарату Джонсона, помчался на автомашине по бульвару Макауртура к себе, в Спринг-Вэлли.

В своем особняке «Элмз», охраняемом у чугунной решетки ворот вооруженными агентами, президент принялся безостановочно бродить от одного телевизора к другому.

Леди Бэрд спустилась вниз на террасу и немного посидела в обществе супруга. Вскоре уехал Басби, а остальные гости поднялись в спальню хозяина и расположились у телевизоров. Все молчали. Лишь однажды президент тихим голосом сказал о Жаклин Кеннеди:

— В то время как мы показали миру самые отталкивающие, уродливые стороны нашей жизни, она показала пример и явилась символом наших благородных черт. За это мы должны быть вечно ей признательны.

Он снова замолк и продолжал смотреть на экран. Позднее Валенти вспомнил, как телевизионные станции «воспроизводили в записи ранние репортажи из Далласа и Техаса и передачи, описывавшие реакцию в мире на убийство. Вначале шли хроникальные кадры, показывающие парад, кортеж президента, а затем передавались отрывки из старых хроникальных фильмов с выступлениями и заявлениями Кеннеди. Линдон Джонсон смотрел с большим интересом».

В Бетесде в промежутке между телефонными звонками Роберт Кеннеди снова подтвердил Кену О'Доннеллу и Лэрри О'Брайену, что он отнюдь не настаивал на том, чтобы Джонсон принял присягу на самолете. Они обменялись удивленными взглядами. Им не приходило в голову, что Джонсон мог пожелать подчеркнуть таким путем преемственность власти.

Около половины восьмого вечера в госпиталь приехал Макнамара. Боб Кеннеди успел переговорить с ним по телефону через несколько минут после того, как он вернулся домой из Белого дома.

Миновав анфиладу комнат, Макнамара увидел Жаклин.

Она все время говорила об убийстве и вдруг спросила:

— Где мы будем теперь жить?

Белый дом перестал быть резиденцией семьи Кеннеди. Их дом в Джорджтауне был продан после того, как Кеннеди был избран президентом. Подумав, она решила, что вернется снова в Джорджтаун, желательно в тот же самый дом. — Я снова куплю его для вас, — сказал Макнамара.

В 12.35 23 ноября, в первый рабочий день правительства Джонсона, правительственный самолет 86972, которому было дано распоряжение вернуться из рейса в Японию, завершил свой двадцатичетырехчасовой полет. Приземлившись на аэродроме Эндрюс, самолет подрулил к зданию аэровокзала.

Государственный секретарь Дин Раск, стоя на том же месте, где незадолго до него выступал президент Джонсон, сказал, что вместе со своими коллегами разделяет «чувство безутешного горя по поводу нашей тяжелой утраты».

Прибывшие для встречи правительственного самолета на аэродром Эндрюс заместители и помощники министров, не получившие поручений по работе, медленно разъезжались по домам. Среди встречавших был и помощник министра труда Пэт Мойнихэн. У него было мрачное

настроение. Недобрые предчувствия не давали ему покоя. Ожидая самолет, он сидел за чашкой кофе в аэровокзале и услышал, как несколько других членов «подкабинета» с беспокойством выясняли друг у друга, знает ли кто-нибудь Джорджа Риди. Один из собеседников напомнил остальным, что на следующий день состоится заседание кабинета и выразил надежду, что «некоторые из наиболее важных заместителей министров все же будут приглашены на это заседание». Пэт с отвращением отвернулся. Все разговоры эти лишь укрепили его подозрения в отношении второго эшелона рыцарей «новых рубежей». Слишком много было среди них молодых честолюбцев, жаждущих власти над Америкой, но не дающих себе труда понять саму Америку.

Еще до прибытия самолета 86972 Мойнихэн возбужденно говорил с заместителем государственного секретаря Боллом, затем с министром труда Виртцем. И в том и в другом случае речь шла об одном и том же.

— Нам следует взять в свои руки дело расследования в Далласе, — убеждал Мойнихэн своих собеседников. — Американские полицейские — народ эмоциональный. Они не признают никаких правил и до такой степени скомпрометированы коррупцией, что готовы переусердствовать, как только они сталкиваются с действительно крупным делом. Положиться на них нельзя. Просто недопустимо передоверять полиции решение вопросов жизненно важного значения для всей страны. Никто не в силах предугадать, как поступит полиция Далласа. Они называют преступника коммунистом, но это еще отнюдь не доказывает, что он действительно коммунист.

— Да, вы правы, я поговорю об этом с Раском, — согласился Болл.

Однако у Мойнихэна сложилось впечатление, что Болл так до конца и не понял, о чем идет речь. Виртц также обещал поговорить с Раском, но и он лишь смутно догадывался, в чем суть дела. Ощущение тревоги не покидало Мойнихэна, и он продолжал добиваться своего. Увидев в аэропорту своего старого друга Боба Уоллеса, заместителя министра финансов, ведавшего секретной службой, он буквально припер его к стене. Защищаясь, Уоллес возразил:

— Но мы уже полностью контролируем обстановку. Один из моих лучших работников находится сейчас в Луисвилле или Нэшвиле на пути в Даллас.

Однако этот ответ не удовлетворил Мойнихэна. Он пытался привлечь на свою сторону все новых лиц. Большинство из них неправильно истолковывали его озабоченность и думали, что он стремится доказать существование заговора правых. Но он и не думал этого делать.

— Я хочу знать реальные факты, — повторял он, — у меня нет никаких предвзятых мнений, но я знаю, что республика зиждется на правопорядке, а в Далласе — хаос. Мы не должны терять ни минуты.

Кто-то ответил Мойнихэну:

— Ну, это вы уже хватили через край. Пэт взорвался.

— Ах ты, несчастный убудок! — воскликнул он. — Президент Соединенных Штатов, избранный народом, лежит в гробу, а ты еще болтаешь о том, что я хватил через край! Да, вся история состоит из одних невероятных событий. В свое время тот, кто говорил, что Цезаря убьют кинжалом на Форуме, тоже, по-твоему, хватил через край?

И в Эндрюсе и на обратном пути в столицу Мойнихэн продолжал безуспешно досаждал всем окружающим. Лишь очень немногие, в том числе, б Болл и Виртц, согласились, что следует что-то предпринять. Однако ничего не предпринималось, и по их уклончивым ответам и туманным заверениям Мойнихэн догадывался, что ничего так и не будет сделано. «Вот она, ахиллесова пята воинства Кеннеди», — думал он. Они во всем превосходно разбирались. От них ускользало лишь одно, какое важное место в жизни Америки занимает грубая, неприкрытая сила. Изысканность образа жизни и бонвиванство оторвали их от мира Полицейских участков и насилия и закрыли им глаза на то, какими бесчеловечными могут быть американцы по отношению друг к другу. Они были далеки от этого, и отсюда происходило их неверие. Он, Мойнихэн, отличался от них. Он знал жизнь и допускал возможность насилия. Поскольку он открыто высказывал свое мнение всякому, кто только соглашался выслушать его. Нет сомнения в том, что у него, как ранее у Байрона Скелтона, вполне определенно было мрачное предчувствие. Он был убежден, что если только правительство США немедленно и самым энергичным образом не вмешается, то страна станет свидетелем катастрофы в Далласе.

В 19.10 по далласскому времени Ли Освальду в кабинете капитана полиции Уилла Фритца было официально предъявлено обвинение в убийстве полицейского Дж. Д. Типпита. Председательствовал мировой судья Дэвид Л. Джонсон. В половине второго ночи (2.30 в Вашингтоне) после повторных парадных представлений перед прессой, включая сюда пресс-конференцию в подвальном этаже, Освальда привели на четвертый этаж в следственную часть, где ему предъявили обвинение в убийстве Джона Кеннеди. Дэвид Джонсон снова представлял судебные власти; в обоих случаях он приходил в полицейский участок для того, чтобы принять участие в закрытом заседании. В этой связи уместно напомнить, что все сомнительные судебные разбирательства, как правило, проходят при закрытых дверях.

После предъявления первого обвинения Освальд сообщил корреспондентам, что он заявил протест мировому судье, его имя он так и не разобрал.

— Мне, — заявил он, — не разрешили воспользоваться услугами адвоката во время этого весьма поспешного и приглаженного слушания дела, поэтому я и понятия не имею, в чем собственно дело.

Освальд говорил заведомую ложь. Он, конечно, знал, в чем дело. Косвенные улики самого убедительного свойства в десятикратной мере доказывают его виновность. Он просто изворачивался как только мог. Благодаря некомпетентности местных властей возможностей у него для этого было более чем достаточно. В действительности же он, вероятно, просто хотел таким образом выразить свое удивление. До поводу того, что судебные и полицейские чиновники могут быть столь невежественными.

Пэт Мойнихэн просто ужаснулся, узнав, как все это происходило. Он понял, что страшно ошибался, строя свои умозаключения по известным ему нравам в Нью-Йорке и Бостоне. Даллас, несомненно, находился далеко внизу на одной из самых низших ступеней развития. Совершенно величайшее в истории города преступление, а расследование полностью захватили в свои лапы мелкие блюстители закона. Окружной прокурор Генри Уэйд появлялся лишь на экране телевидения, в остальном же он был неуловим. Он был недоступен даже для министра юстиции США. Поздно вечером в пятницу в полицейское управление Далласа явилась делегация юристов Американского союза борьбы за гражданские свободы. Они хотели удостовериться, что Освальду действительно отказано в защитнике. Полицейские чиновники и мировой судья заверили делегацию, что все утрясется и беспокоиться не о чем. Однако им не разрешили повидаться с Освальдом. Несмотря на непрекращающийся нажим из Вашингтона со стороны заместителя министра юстиции Катценбаха и нескольких привлеченных им для этой цели помощников Джонсона, коллегия адвокатов города Далласа бездействовала в тот вечер. Меж тем сумбурные допросы Освальда продолжались. Их беспорядочность превзошла даже неряшливость и беззаботность, обычные в юго-западных штатах при разборе мелких уголовных дел. Освальда одновременно допрашивали следователи уголовного отделения городской полиции Далласа, шерифы, тexasская окружная полиция, агенты ФБР и секретной службы.

Несмотря на все богатство Далласа, муниципальный бюджет был нищенским. Далласское полицейское управление не имело даже современного киноаппарата. Каждый раз, когда возникала необходимость в просмотре кадров об убийстве, заснятых Запрудером, полицейским приходилось ехать к нему в контору.

По какой-то неведомой причине, так и оставшейся неизвестной, всех секретарей полицейского управления в этот день распустили по домам. Таким образом, историки лишены даже элементарной стенографической записи этих важных допросов. Единственное, чем мы располагаем, — это воспоминания тех, кто вел допрос.

На следующий день, когда председатель местной коллегии защитников все же появился в полицейском управлении, Освальд отказался от его услуг, заявив, что он предпочитает иметь в качестве адвоката Джона Абта — нью-йоркского юриста, который приобрел широкую известность своей защитой лиц, обвиняемых в совершении политических преступлений, или кого-либо из адвокатов Американского союза борцов за гражданские свободы. Никто не подумал сообщить Освальду, что накануне представители этой организации пытались повидаться с ним и что им было в этом отказано.

Штаб-квартира генерала Уила в Форт-Макнейре пустовала, и вашингтонский военный округ был охвачен какой-то страшной апатией. Тело злодейски убитого президента должны

были вот-вот перевезти в здание, откуда он управлял страной. Казалось бы, что каждый солдат в казармах Макнейра и Мейра, каждый моряк в Анакостийском военном порту и каждый морской пехотинец находятся в состоянии полной готовности. Увы, ничего этого не было и в помине. Они валялись на койках либо смотрели необычно поздние телевизионные передачи. Министр обороны имел в своем подчинении двухполовиной миллионную армию. Но сейчас он оказался не в состоянии выделить подобающий воинский караул для Белого дома. Макнамара был в полном замешательстве. Не менее озадаченный министр юстиции Роберт Кеннеди ледяным тоном заметил:

— Если мы можем посылать двадцать тысяч солдат в городишко Оксфорд в штате Миссисипи, то надо полагать, что мы в состоянии вызвать достаточно частей в Вашингтон.

Предположение министра юстиции было абсолютно правильным, но неосуществимым. Сарджент Шривер, торопивший Роберта Кеннеди и Макнамару, буквально выходил из себя. В конце концов, война за независимость давно окончилась, Америка не участвовала в военных действиях, было мирное время, а Пентагон держал под ружьем самую многочисленную армию за всю историю страны. Однако в 3 часа ночи на ногах были лишь почетный караул для гроба под командованием лейтенанта Соутелля и группа лейтенанта Бэрда для переноски гроба. Хорошо налаженная военная машина вдруг отказала. Отдавались приказы, но никто их не выполнял. Кровь в Шривере кипела от негодования.

— Наш военный бюджет составляет 50 миллиардов долларов, — рывкнул он на Тэза Шепарда и Пола Миллера. — Президент, командовавший всем этим, возвращается домой. Неужели вы не в состоянии найти хотя бы кого-нибудь?

Капитан военно-морского флота и полковник сухопутных войск заерзали на стульях, виновато посмотрели друг на друга и побежали к телефонным аппаратам. Затем они снова вернулись. Однако войсковых частой по-прежнему не было.

В госпитале Бетесда Жаклин Кеннеди включила телевизор. Вновь полились: звуки органной музыки, вновь перед ее титром наполнились изображения супруга. Она еще раз увидела кадр церемонии присяги. За ним передавали сцены многотысячных молебнов в церквях. Одинокая Жаклин смотрела на экран, и слезы текли по ее щекам. Потом она встала и пошла на кухню, где тихо беседовали Боб Кеннеди и Боб Макнамара. Шурин внезапно заговорил с ней о вдове полицейского Типпита.

— Не хочешь ли ты поговорить с ней? — спросил он. Нет, она не хотела этого. Было трудно думать о чём-то другом, кроме того, что внизу лежало тело мужа. Вероятно, г-жа Типпит понесла столь же тяжелую потерю, как она, но мысль об этом не шла ей в голову. Она могла только поражаться чуткости Бобби.

Роберт Кеннеди ушел в гостиную, чтобы позвонить по телефону. Пока он отсутствовал, Жаклин заговорила с Макнамарой о своем желании выставить тело покойного мужа в закрытом гробу. Времени оставалось мало, и надо было придумать к какому-то решению. Уже наступила суббота. Приближался рассвет. Через несколько часов гроб с телом президента Кеннеди должен был быть выставлен для прощания. В Жаклин мучительно вспыхнули воспоминания о похоронах отца, и она сказала:

— Я хочу, чтобы гроб был закрыт. Нельзя оставлять его открытым.

Макнамара возразил ей:

— Этого нельзя делать, Джекки. Все хотят увидеть в последний раз своего президента. — Мне это безразлично. Это самое ужасное, самое противоестественное зрелище. Они должны запомнить Джека живым.

В эту минуту вошел министр юстиции, и все они примостились, кто где мог: Роберт Кеннеди на холодильнике, Макнамара на кухонной раковине, а Джекки прямо на полу. Джекки снова заявила, что и думать не может о каком-либо «показе останков», как это любят называть в похоронных бюро. Однако Кеннеди, как и до него Макнамара, ответил, что это все же исключительный случай. Он не мог себе представить, как можно пренебречь общественным мнением в таком важном деле, как похороны президента. Личные интересы должны отступить на второй план. Джекки привыкла считаться с мнением мужчин. Ее собеседники принадлежали к узкому кругу людей, пользовавшихся абсолютным доверием ее супруга. Поэтому она в конце концов умолкла. По ее словам, она «отчаянно страдала, но смирилась с этим». На самом деле

Джекки вовсе не смирилась. Она чувствовала, что на карту поставлено нечто весьма для нее дорогое. Чисто по-женски она избрала тактику выжидания. Позднее Макнамара вспоминал, что «напряжение в кухне было просто невыносимым».

Благодаря усилиям Шривера и художника Уолтона возвращение Кеннеди в Белый дом должно было стать потрясающим по драматизму зрелищем: залитая багровым светом факелов дорога, белоснежные колонны на черном как ночь фоне траурных драпировок.

Восточный зал являл собой картину глубокого траура. Погребальный постамент был готов принять гроб с телом покойного президента. Имелось всего лишь одно упущение, и Шривер мог им заняться. Обращаясь к Тэзу Шеппарду, он спросил:

— Так где же они?

Шриверу не надо было разъяснять, кого он имеет в виду. Шеппард лишь развел руками. Он ровным счетом ничего не мог сказать.

— Каждую минуту сюда может прибыть президент Соединенных Штатов, — резко сказал Шривер, — а встретить его здесь некому. Будь оно все проклято, Тэз, нам во что бы то ни стало нужны солдаты или моряки. Они должны торжественно проводить его до дверей, как этого требует серьезность церемонии. — Вызовите морских пехотинцев, — предложил Дин Маркхэм.

Во время второй мировой войны он сам служил в морской пехоте и знал, что несколько отборных частей, предназначенных для участия в разного рода парадах, расквартированы в районе Восьмой и Первой улицы к юго-востоку от Капитолия.

Подполковник Миллер был в восторге.

— Да, это ближе любой другой воинской части или морской базы, — сказал он, — я сейчас же пошлю за ними автобус.

Шеппард позвонил дежурному по части. Немудрено, что после всех перенесенных им волнений он отдал приказ голосом, не терпящим никаких возражений.

— Подымите людей по тревоге. Убит главнокомандующий. Высылайте немедленно взвод морских пехотинцев в Белый дом. Выполняйте!

Тем временем в госпитале Бетесде солдаты команды лейтенанта Берда, выделенной для переноски гроба, отдали честь покрытому знаменем гробу, и доктор Беркли направился на семнадцатый этаж и слегка постучал в дверь. Вскоре в дверях показалась группа людей. Позади Жаклин и брата президента шли вместе с Беркли и Макнамарой Этель Кеннеди и Джин Кеннеди-Смит.

Гроб снова погрузили в карету «скорой помощи». Рядом с ним на откидном сиденье села Жаклин. Роберт Кеннеди присел на полу у ее ног. Ровно в 3. 56 утра Клинт скомандовал Биллу Гриру отъезжать от госпиталя. Грир быстро проехал вслед за служебной машиной генерала Уила по территории госпиталя и, миновав главные ворота, выехал через Висконсин-авеню на Массачусетс-авеню.

Небо начало чуть светлеть. В машине царил молчание. Говорить было уже не о чем. Все были измучены и изнурены. Лишь мигающий фонарь был опознавательным знаком кортежа. Тем не менее на пути было немало молчаливых зрителей. Уил, Макхью, Хэкетт и лейтенант Берд настороженно глядели по сторонам и видели, как у автомобилей, остановившихся на перекрестках, стояли, вытянувшись, люди в рабочих комбинезонах. Дежурные служащие на бензозаправочных колонках при виде кареты «скорой помощи» почтительно выпрямлялись и прикладывали к груди свои кепи. В эту раннюю пору в городе обычно не было движения. Однако на этот раз за машиной президента следовал колоссальный эскорт. При выезде из Бетесде машина с солдатами лейтенанта Берда замыкала колонну. Но когда на повороте с Массачусетс-авеню на Двадцатую улицу лейтенант оглянулся назад в направлении, где вдоль проспекта протянулись целые ряды иностранных посольств, он увидел «сотни машин с включенными фарами, следующими одна за другой буквально впритык». Бесконечную вереницу машин едва можно было охватить глазом.

Наконец кортеж прибыл к Белому дому. Два человека, понесших наиболее тяжелую утрату, вышли из автомашины.

Шривер молча пожал им руки. Выделенные для переноса гроба семеро солдат подошли к карете «скорой помощи» и, подняв гроб на плечи, понесли его через мраморный вестибюль в Восточный зал, где стоял помост под траурным балдахином.

Вдовствующая первая леди остановилась у порога зала. Она так любила и хорошо знала его историю. Только в среду она покинула его стены в самый разгар приема в честь судей. Внезапно Жаклин почувствовала, что вернулась домой. Преклонив колени у флага ветеранов войны, она зарылась лицом в его звездные складки. «Она встала и покинула зал, — писал историк Шлезингер, — и все мы последовали за ней».

Длинной вереницей они потянулись из зала в вестибюль. Джекки поднялась по лестнице на второй этаж, а остальные в нерешительности остались стоять в вестибюле в ожидании указаний министра юстиции. Роберту Кеннеди действительно надо было это сделать. В то минуты, когда они вдвоем стояли у постамента для гроба, он шепотом обещал Жаклин распорядиться насчет гроба. Но для этого он должен был вернуться в Восточный зал и попросить открыть крышку гроба. Пока почетный караул лейтенанта Соутелля торжественно сменял у гроба подразделение лейтенанта Берда, гроб открыли.

Брат президента потребовал, чтобы стоявшие возле гроба члены почетного караула отошли в сторону, и он в одиночестве приблизился к гробу. Так впервые Роберт Кеннеди увидел тело покойного. Достаточно было одного взгляда, и он понял: да, Джекки была права. Однако он не мог единолично решить столь важный вопрос. Доводы Макнамары, несомненно, имели под собой основание, и с ними нельзя было не считаться. Джон Кеннеди был супругом Жаклин и членом семьи Кеннеди, но он также был главой американского государства. Многие близкие ему люди — в том числе О'Доннел и О'Брайен — считали, что выставить закрытый гроб будет отступлением от традиций. Поэтому Роберт Кеннеди хотел еще раз проверить правильность своего решения. Войдя в вестибюль со следами слез на лице, он попросил ожидавших его там людей еще раз войти в зал, взглянуть на останки президента и затем сказать ему, как, по их мнению, следует поступить. Он пояснил свою просьбу словами:

— Джекки настаивает, чтобы гроб был закрыт.

Возможно, его поведение оказало на них воздействие. Может быть, результаты были бы иными, если бы Роберт Кеннеди не сказал о пожелании Джекки, хотя это маловероятно, ибо Макнамара оказался затем в абсолютном одиночестве. Из всех тех, кто был в зале и видел покойного — Роберт Макнамара, Артур Шлезингер, Чарлз Сполдинг, Билл Уолтон, Нэнси Таккерман, Фрэнк Моррисон и доктор Инглиш, — лишь доктор и министр обороны считали, что тело покойного вполне презентабельно. Однако доктор Инглиш сказал, что в принципе возражаем против открытых гробов.

Однако приговор, вынесенный остальными, был решителен. Зная твердость характера Роберта Кеннеди, они не пытались смягчить свои суждения. Артур Шлезингер и Нэнси Таккерман вернулись в вестибюль.

— Это кошмарно, — высказал впечатление Шлезингер. — На первый взгляд мне показалось, что все в порядке. Но ведь я близорук, и по мере того как я подходил ближе, президент становился все менее и менее похожим на себя. Он весь какой-то восковой.

Нэнси еле слышно проговорила:

— Он действительно не похож на себя.

Сполдинг с грубоватой прямоотой заявил, что лицо покойного похоже на резиновые маски, которые продают в игрушечных магазинах.

Он убедительно просил Роберта закрыть гроб.

С глазами, полными слез, министр юстиции повернулся к художнику Биллу Уолтону и прошептал:

— Пожалуйста, посмотрите. Я хочу знать ваше мнение. Уолтон смотрел, насколько у него хватило выдержки, затем он сказал Роберту Кеннеди:

— Не позволяйте открывать гроб. Это не президент, это восковой манекен.

Предвосхищая ссылки на то, что это похороны главы государства, а именно такова была аргументация Макнамары, Шлезингер заверил Роберта Кеннеди, что он имеет убедительный прецедент в истории. Гроб Рузвельта также был закрытым.

— Не оставляйте его открытым, — умолял Уолтон.

— Вы правы, — резко сказал Кеннеди, — закройте гроб, — и, круто повернувшись, пошел наверх в сопровождении Сполдинга.

Сэлинджер сообщил об этом решении прессе, и, несмотря на то что телевизионные

станции отчаянно боролись за всякий новый кадр, они проявили достойный такт, не создав никакой шумихи вокруг этого решения. Но и после этого сообщение о закрытом гробе вызывало много толков. Бесчисленное множество телезрителей по всей стране были убеждены, что гроб закрыли, чтобы что-то скрыть.

Журнал «Тайм» в номере от 6 декабря 1963 года сообщил своим читателям, что «гроб нельзя было открыть ввиду того, что лицо президента было сильно изуродовано». Объяснение журнала было сплошным вымыслом от начала до конца. Ни одна из пуль не изуродовала лица президента. Когда жена смотрела на него в Парклендском госпитале, черты его лица не были обезображены. Однако лицо покойного позднее подверглось косметической обработке, и именно это вызвало возражения у близких. Если строго следовать хронологии, то слова Джекки при виде тела супруга утром в воскресенье здесь неуместны. Однако суть ее наблюдений имеет прямое отношение к тому, что описывалось выше. «Это не был Джек. Это был, скорее, экспонат из музея мадам Тюссо».

В Белом доме не осталось ни одного тихого уголка. Повсюду велись бесконечные, непрерывно повторяющиеся по своему содержанию беседы — в ваннах комнатах, туалетных комнатах и даже в зале около постамента с гробом.

В такой обстановке и особенно в столь ранний час всякий декорум утратил смысл.

В это утро, сидя за рулем своего автомобиля, специальный помощник президента высказал, пожалуй, наиболее точный прогноз грядущих дней.

Выходя из Белого дома, Артур Шлезингер предложил Макнамаре довести его до дому. Когда он остановил машину в небольшом жилом квартале, прилегающем к фешенебельной площади Дюпон-сёркл, серая предрассветная мгла все еще окутывала улицы. Как следует из дневника Шлезингера, славящегося своим быстрым пером, Макнамара сказал ему:

— Страна понесла такую потерю, восполнить которую возможна будет лишь лет через десять, и в настоящее время на горизонте не видно ни одной фигуры, способной выдержать сравнение с президентом Кеннеди в качестве национального лидера.

Макнамара полагал, что Голдуотер уже вышел из политической игры и Никсон — наиболее вероятный кандидат от республиканской партии. Борьба между кандидатами от демократической партии, по его мнению, была бы для нее самоубийственной.

Макнамара добавил, что он лично недостаточно знает Джонсона и не знаком со стилем его работы, но высказал предположение, что новый президент сосредоточится главным образом на подготовке к выборам в 1964 году.

Их озабоченность по поводу нового президента росла, и образ его, подобно наступившему рассвету, казался им расплывчатым и серым. Министр обороны рассказал о своем полете с Джонсоном на вертолете с аэродрома Эндрюс к Белому дому. Хотя президент и убеждал его остаться на прежнем посту, Макнамара заметил, что он не уверен, удастся ли им сработаться.

Когда Макнамара вышел из машины, наступило утро, кругом еще виднелся туман, но уже рассвело. Шлезингер решительно заявил, что он немедленно подаст в отставку. По его глубокому убеждению, «уйти должны были они, то есть все те, кто работал с Кеннеди, оставив Джонсона со своим окружением». Шлезингер заметил, что «правительственный кабинет отличается от аппарата Белого дома. Последний формируется сугубо на личной основе. Но и здесь есть одно исключение: Мак Банди, создавший должность специально для себя».

Шлезингер был убежден, что аппарат Кеннеди, вся его, так сказать, «служебная семья» никогда не сумеет стать близкой Джонсону. В отличие от этого кабинет(правительство) Кеннеди вполне мог стать кабинетом Джонсона. Но это был уже особый вопрос.

Для бывшего профессора Гарвардского университета Артур Шлезингер был слишком хитер. Макнамара невинно строил вслух различные предположения относительно предстоящих выборов, а его добровольный шофер, обычно столь говорливый, на этот раз слушал его со сдержанностью, достойной Кеннета О'Доннела:

Макнамара был республиканцем, а Шлезингер рьяным приверженцем демократической партии, и хотя он в тот момент воздержался от каких-либо высказываний, его взгляды на избирательную кампанию были куда пристрастнее, чем у Макнамары. Шлезингер задавал себе вопрос: должен ли Линдон Джонсон быть кандидатом от его партии на предстоящих выборах? Он уже готовился к съезду демократической партии в Атлантик-Сити. Покинув площадь

Дюпон Сёркл, он поехал к председателю Национального комитета партии Джону Бейли и спросил его, можно ли отказать новому президенту в выдвижении его кандидатуры от демократической партии. Как рассказывает Бейли, он ответил, что «с формальной точки зрения это вполне возможно, но в результате этого демократическая партия потерпит поражение на выборах». Шлезингер высказал мнение, что партия при любых обстоятельствах потерпит поражение и что победят либо Рокфеллер, либо Никсон, заручившись большинством голосов в «крупных промышленных штатах». Затем он задумался и добавил:

— И все же я думаю, что Джонсон достаточно проницателен, чтобы также понять обстановку, а это может заставить его проводить наступательную либеральную политику.

Таково было суждение, высказанное в первый день тридцать шестого президента на его посту, еще до того, как он сумел сделать шаг в каком-либо направлении. Его автором был деятель демократической партии, всерьез обдумывавший вопрос о том, не следует ли, невзирая на его заслуги, провалить кандидатуру Джонсона, даже если бы это означало поражение всей партии на выборах.

И все же вряд ли кто-нибудь мог более точно предугадать будущее направление внутривластной программы Джонсона.

Наступивший день озарил все ярким светом. В утренней дымке опавшие листья дуба образовали причудливый узор на зеленой лужайке, где со времен Эйзенхауэра сохранились лунки для гольфа.

Под самыми окнами спальни бывшей первой леди взъерошенный бельчонок с урчанием разглядывал свои лапки. Жаклин Кеннеди не видела его. Она лежала без сознания. Пожалуй, только так можно было назвать ее состояние. Это не был сон. Вероятно, во всем Белом доме не нашлось бы человека, менее способного сомкнуть веки, чем сама хозяйка этого дома.

Врач Джон Уолш должен был прибегнуть к самым крайним мерам, ибо дальше так не могло продолжаться. У нее не хватило бы сил. Поэтому врачу оставался только один выход: одурманить ее впрыскиванием сильнодействующего наркотика.

Покинув Восточный зал, Жаклин с трудом поднялась в вестибюль на втором этаже и буквально рухнула на руки плачущей горничной. Они обнялись. Жаклин вошла в свои личные покои и только здесь наконец сняла залитую кровью одежду. Брызги крови уже засохли и потемнели. Но даже сейчас горничная пришла в ужас от обилия кровавых пятен. Хотя она слушала радио и смотрела телевизионные программы, это зрелище ее потрясло.

Еще в морском госпитале Бетесде Уолш сделал укол своей главной пациентке. Однако лекарство не оказало на Жаклин действия. Доктор снова с мрачной решимостью наполнил шприц. На сей раз он собирался применить самое мощное средство из имевшегося у него арсенала медикаментов.

Впервые после пробуждения в номере на восьмом этаже отеля «Техас» города Форт-Уорт, когда через окно до нее донесся голос супруга, стоявшего внизу; на автомобильной стоянке, Жаклин Кеннеди потеряла сознание.

Глава восьмая **ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА**

Было восемь часов утра. В западном крыле Белого дома в кабинете Пьера Сэлинджера зазвонил телефон. Оператор сказал:

— С вами хочет говорить президент.

Сэлинджер был поражен: «Я очень мало спал и еще не мог представить себе никого другого в роли президента».

Джонсон стал говорить тихо и осторожно. Он понимает, объяснял новый президент, личные чувства, связывавшие Пьера с Джоном Кеннеди, но он хотел бы, чтобы Пьер остался на своем посту помощника президента по связи с прессой. Затем он подчеркнул:

— Вы мне нужны больше, чем были нужны ему. Первая задача, вставшая перед Джонсоном, после того как он возвратился из своего особняка «Элмз», состояла в том, чтобы найти себе рабочее место. Как президент, он имел право занять Овальный кабинет. можно, конечно, утверждать, что это было его прямым долгом и что всякий иной образ действий

подорвал бы в критический момент уверенность в правительстве. И некоторые деятели ставили вопрос именно так. Но народ был охвачен горем, и присутствие в Белом доме нового президента могло быть неверно истолковано и даже воспринято отрицательно. Сделать выбор было нелегко, и тут Джонсон проявил необычную для него нерешительность. Первым его желанием было пойти в западное крыло Белого дома.

Эвелин Линкольн занималась упаковкой вещей и материалов. Макджордж Банди распорядился отвести ей прежний кабинет генерала Тэйлора в канцелярии президента. Она знала, что Роберт Кеннеди хотел, чтобы из западного крыла забрали все вещи, принадлежавшие его брату, но она не считала это срочным делом и даже попросила фотографа Белого дома капитана Сесила Стафтона сделать несколько снимков заново отделанных комнат, пока там еще оставались вещи бывшего президента. Внезапно появившийся Линдон Джонсон попросил ее пройти в Овальный кабинет.

— Да, сэр, — сказала Эвелин и послушно двинулась за ним.

Президент Джонсон сел на один из двух стоявших друг против друга диванов. Эвелин сделала шаг к креслу-качалке, потом резко остановилась и опустилась на противоположный диван. Как она вспоминала впоследствии, Джонсон сказал:

— Вы мне нужны больше, чем я вам. Но из-за тех, кто находится по ту сторону океана (это было, видимо, ссылкой на необходимость укреплять доверие к Америке за границей. — У. М.), мне тоже нужно приступить к делам. На девять тридцать у меня назначен прием. Не сможете ли вы освободить к этому времени свой кабинет для моих девушек?

Он дал ей менее часа. Эвелин ответила слабым голосом:

— Да, господин президент. Затем Джонсон сказал:

— Как вы думаете, можно поместить Билла Мойерса в кабинете Кена О’Доннела?

Она не знала, что ответить, ибо не имела никакого влияния на начальника канцелярии Кеннеди. После неловкой паузы она запинаясь скапала:

— Я не знаю, господин президент.

Смущено удалившись, Эвелин столкнулась в своем кабинете с Робертом Кеннеди. Она зарыдала:

— Вы знаете, он просил меня убрать все к девяти тридцати!

Младший Кеннеди был потрясен. Он только что пришел с Южной поляны посмотреть, как идут дела с переселением, но не ожидал ничего подобного.

— Не может быть! — воскликнул он.

В холле он встретился с новым президентом. Это была их первая встреча после убийства Джона Кеннеди, и к тому же в новых условиях, ибо Джонсон уже не был подчинен одному из Кеннеди. Теперь дело обстояло наоборот. Роберт Кеннеди был возбужден рассказами о том, как новый президент вел себя в самолете на пути из Далласа в Вашингтон. Со своей стороны, Джонсон находился в невыносимом положении: как бы он ни поступал утром в эту субботу, 23 ноября, он не мог угодить всем. В первую очередь Джонсон должен был выполнять свой долг в отношении страны, и следует помнить, что он выполнил его с честью. Своему помощнику по сенату Джорджу Риди он сказал:

— Не должно быть никакой задержки. Правительство обязано продолжать работу.

Это было мудрое решение. На стыке обоих правительств должен был оставаться некрасивый шрам, и только.

Выходя из кабинета О’Доннела, президент увидел министра юстиции. — Я хотел с вами поговорить, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Роберт Кеннеди.

Но Джонсон не хотел разговаривать в кабинете президента, и они вошли в маленькую переднюю, расположенную против умывальной комнаты президента. Джонсон сказал Роберту Кеннеди, что тот необходим ему больше, чем был необходим своему брату. К этому времени уже около полудюжины членов правительства процитировали Кеннеди эту фразу. К тому же он вообще не хотел обсуждать сейчас вопрос о своем дальнейшем пребывании в кабинете. Роберт сказал Джонсону, что сейчас перед ними стоит куда более прозаический вопрос — вопрос о мебели. Чтобы уложить в ящики вещи его брата, объяснил он, потребуется время.

— Вы можете подождать? — спросил он.

— Ну конечно, — ответил новый президент и тут же стал пояснять, что он имел в виду. В сущности, сам он не хочет сразу же занимать Белый дом, но на этом настаивают его советники.

На министра юстиции это не произвело впечатления, и, видимо, его неотзывчивость побудила Джонсона принять быстрое решение — вернуться в свой кабинет в здании канцелярии президента.

Джонсон не преувеличивал, говоря о давлении, которое оказывали на него, чтобы заставить перебраться в Белый дом. После своей встречи с Робертом Кеннеди он стал ожесточенно сопротивляться этому давлению. Он спустился в оперативный отдел, где просмотрел сообщения, поступившие от директора ЦРУ Макгоуэна и своего специального помощника Банди. Затем, согнувшись под зонтом, который держал над ним агент, он быстро пересек Уэст Икзекьютив-авеню, чтобы встретиться с Раском, Макнамарой и лидерами конгресса. Сотрудникам своего секретариата он кратко бросил:

— Мари будет отвечать на телефонные звонки, а Хуанита займется людьми.

Когда кто-то поднял вопрос, что президенту следовало бы выступить вечером по телевидению с обращением к народу, Джонсон отрицательно покачал головой. Аджутант нового президента полковник Уильям Джексон настойчиво доказывал Джонсону, что ему следует вернуться в Белый дом. На Джонсона это не произвело впечатления. — Пребывание президента в Белом доме придаст людям уверенность, — объяснил полковник.

— Людям придаст уверенность, если мы будем как следует выполнять свою работу, — отпарировал президент. — И хватит об этом! Мы должны в первую очередь подумать о госпоже Кеннеди и ее семье.

В это время на другой стороне улицы Роберт Кеннеди сказал Эвелин Линкольн, что ей не следует торопиться. Тем не менее она спешила. Два кресла-качалки Джона Кеннеди были быстро связаны и увезены через Уэст Икзекьютив-авеню на маленькой тележке. Освободить помещение к 9. 30 было невозможно, но Эвелин стремилась упаковать все в картонные ящики к одиннадцати часам. И хотя Эвелин выходила на короткое время, чтобы присутствовать при богослужении в президентской резиденции, она все-таки: успела сделать все необходимое. Для нее одной работы хватило бы на целый день, но как только она взялась за первую коробку, ее окружила целая команда помощников: ее муж, Мэри Галлахер, Джо Джордано, Бутс Мюллер и Магзи О'Лири. На минуту к ней заглянул Кен О'Доннел. Сказав, что он одобряет быстрый вывоз вещей Кеннеди, О'Доннел бросил на стол свою тexasскую папку.

— Я пошел домой, — сказал Кен, как всегда кратко. Эвелин решила, что он подал в отставку. Папка О'Доннела была упакована вместе с принадлежавшими президенту, моделями судов, картинами, ящиком для сигар, стоявшим перед креслом президента в зале заседаний членов кабинета, резным письменным столом из его Овального кабинета и сувенирами, которые на этом столе находились. По мере того как выносились вещи бывшего главы правительства, прибывали вещи нового. На стене позади стола Эвелин Линкольн быстро появился огромный портрет Линдона Джонсона в золотой раме, перенесенный из его бывшего кабинета вице-президента. Пока Эвелин и ее команда паковали вещи в восточном крыле Белого дома, Артур Шлезингер закончил писать заявление об отставке. В западном крыле Тед Соренсен сообщал своим сотрудникам, что собирается уйти со своего поста и ожидает, что они поступят также. Большинство агентов, ездивших в Техас, трудились над своими отчетами. Шофер Билл Грир передавал для специального исследования одежду, которая была на президенте Кеннеди в Далласе. Мак Банди дежурил в приемной вице-президента, Дуайт Эйзенхауэр находился в пути, чтобы встретиться с Джонсоном, который говорил в это время по телефону с сенатором Хьюбертом Хэмфри, выражая ему благодарность за его выступление по телевидению, а затем с сенатором Ярборо, подтверждая получение его телеграммы о поддержке.

Член Национального комитета демократической партии Байрон Скелтон телеграфировал Роберту Кеннеди из Техаса: «Если бы только мое предостережение вам в письме от 4 ноября о визите в Даллас было принято во внимание!»

В Далласе Ли Освальд лежал в своей камере на пятом этаже под усиленной охраной. Его жена, мать и две дочери находились в номерах 905 — 907 на девятом этаже отеля «Адольфус», куда их быстро перевез из дома Пейнов корреспондент журнала «Лайф» Томас Томпсон. За

ночь число улик против убийцы Кеннеди увеличилось. Просидев шесть часов над микрофильмами своих документов, директора магазина спортивных товаров фирмы «Клейн» в Чикаго в четыре часа утра по центральному стандартному времени нашли талон журнала «Америкен райфлмэн», по которому восемь месяцев назад Освальд заказал винтовку с оптическим прицелом. Отдых не изменил к лучшему поведение ее владельца. Когда Освальда снова привели в комнату для допроса, Форест Соррелз пришел к выводу, что арестованный нарочно изводит капитана Уилла Фритца в надежде, что тот изобьет его, что дало бы ему возможность выдвинуть обвинение в жестоком обращении с ним полиции. С другой стороны, полиция тоже не усовершенствовала свои методы допроса. Маленькая комната (площадью 11 на 14 футов) была опять набита полицейскими Далласа, Техаса и федеральной полиции, а многие вопросы, ставившиеся арестованному, вряд ли имели прямое отношение к делу. К примеру, Фритц спросил Освальда, верит ли он в бога. Позднее Фритц вспомнил, что Освальд, справедливо дав ему отпор, заявил, что «не намерен обсуждать этот вопрос». Освальд жалко лгал, рассказывая о своем прошлом. Он утверждал, что не мог купить винтовку, получая в книжном складе 1 доллар 25 центов в час. Он стремился убедить окружавших его людей в том, что он «не коммунист, не марксист-ленинец, а просто марксист». Поскольку среди тех, кто вел следствие, не было лиц, сведущих в диалектическом материализме, это кажется бессмысленным. Никто из них не читал Гегеля, как не читал его, конечно, и сам заключенный.

По поводу убийства Джона Кеннеди Освальд заметил:

— Люди забудут обо всем этом через несколько дней, так как будет другой президент.

Это, а также брошенное им вскользь замечание, что у главы правительства «милая семья», — вот все, что сказал Освальд о своей жертве. Фритцу он заявил, что не может сказать «ничего особенного о президенте», имея в виду Джона Кеннеди. Несмотря на неполноту протоколов допросов (видимо, Освальда не спрашивали о губернаторе Коннэли), чувствуется, что и более полная запись дала бы немногим больше. Даже когда Освальду разрешили свидание с женой, матерью и братом, он был до странности сдержан в том, что касалось национальной трагедии. Во время пятиминутной встречи с родственниками он почти не обращал внимания на мать, расспрашивая по-русски жену о детях. В какой-то момент Марина Освальд громко рассмеялась и сказала своей свекрови на ломаном английском языке:

— Мама, он говорит, что любит меня и купит Джун туфли.

Марина не спрашивала мужа, убил ли он Кеннеди, тем не менее это не выходило у нее из головы. Позднее она говорила:

— По его глазам видно было, что он виновен.

Выражение глаз Ли Освальда произвело исключительное впечатление на его брата, внимательно за ним наблюдавшего. Роберт Освальд оставался с Ли в два раза дольше, чем жена и мать. Впоследствии он вспоминал:

— Ли вел себя осмысленно, но все его поведение было каким-то механическим. Меня осенила поистине удивительная мысль: я понял, что все это его не трогает. Я смотрел ему в глаза, но они были лишены какой-либо мысли, и мне кажется, что, прочитав удивление на моем лице, ему стало ясно, что я это понял. Он догадался, что именно я имел в виду, потому что, когда я снова посмотрел ему в глаза, он сказал: «Брат, ты ничего в них не увидишь».

В это время Марина стала быстро терять терпение в отношении своей свекрови. Единственное, что связывало Марину и Маргариту Освальд, были дети. Если не считать забот о нуждах детей и необходимости избавиться от одного из моментальных снимков Ли, где он держал винтовку, из которой было совершено убийство (как вспоминали позднее обе женщины, Марина сожгла эту фотографию в пепельнице, а Маргарита Освальд спустила пепел вместе с водой в туалет), отношения между ними были натянутыми и не приносили удовлетворения ни одной из сторон.

Но что бы они ни делали теперь, это уже не имело никакого значения. Уничтоженная фотография, бесспорно, нанесла бы ущерб Ли Освальду, однако при обыске гаража Пейнов полиция обнаружила почти такой же снимок, отпечатанный с той же пленки и лежавший в коричневой картонке среди вещей Освальда. Столь же мало смысла имела и та высокомерная манера, с какой Ли держался во время допроса, проводимого Фритцем. Конечно, многие выражали и будут выражать сомнения по поводу обоснованности обвинения Освальда, ибо

улики против него казались слишком уж бесспорными. В течение нескольких часов после его ареста в Даллас звонили со всех концов света, в том числе шесть раз только из Австралии, высказывая предположение, что арестованный — всего лишь козел отпущения. Но он им не был. Косвенных доказательств против него становилось все больше. К утру субботы (23 ноября) его опознали свидетели, его шаткое алиби с карнизами для занавесок было развеяно в прах. Федеральное бюро расследований проверяло маршрут поездки шофера такси Билла Уэли⁴⁸, а лаборатории министерства юстиции в Вашингтоне подтвердили со своей стороны все подозрения относительно отпечатков пальцев и ладоней убийцы и обрывков хлопчатобумажной ткани его рубашки, застрявших в щели между металлической обшивкой приклада винтовки С2766 и ее деревянным ложем.

К рассвету 23 ноября Освальд был признан бесспорно виновным. Поводов для сколько-нибудь обоснованных сомнений в его виновности не существовало. Доказательства вины Освальда имелись в избытке. Все считали, что убийца главы государства должен был бы обладать хотя бы минимальной хитростью. Казалось, будто водородная бомба была случайно запущена каким-то жалким техником. Чем больше фактов становилось известно о преступнике, тем больше рассудок отказывался понять свершившееся. Между причиной и следствием по было никакого соответствия. Их нельзя было сопоставить. Люди, взявшие Освальда под стражу, не были виновны в его глупости. И их нельзя полностью винить за то, что у него не было адвоката. Конечно, делегацию юристов Союза борьбы за гражданские свободы надлежало принять в пятницу вечером более любезно. Однако суд не мог назначить защитника до тех пор, пока по начался судебный процесс, а разбирательство дела пошло до этой стадии. Непростительной ошибкой в обращении с заключенным было по-прежнему беспрецедентное выставление его напоказ. Спектакль с участием Ли Освальда продолжался без перерыва. Несмотря на массу предостережений, ни одним фотоснимком, ни одним микрофоном не стало меньше. Во время одного из таких оживленных интервью, данного в субботу корреспонденту «Нейшнл бродкастинг компани», капитан Фритц заявил:

— Этот человек убил президента, мы имеем против него совершенно железные доказательства.

Когда ФБР уведомило начальника полиции Карри о заключении экспертов, что почерк на заказном талоне журнала «Америкен райфлмэн», посланном фирме «Клейн», принадлежит Ли Харви Освальду, Карри подробно сообщил об этом на пресс-конференции, передававшейся по телевидению. Директор ФРБ Эдгар Гувер, узнав об этом, был взбешен. Он позвонил в Даллас и предупредил, чтобы впредь улики, добытые его ведомством, не обсуждались публично. Карри был поклонником Гувера и с гордостью вывесил у себя в кабинете его фотографию с надписью ему, Карри. Тем не менее под влиянием какого-то, казалось, самовозникающего импульса разоблачения продолжались. Не было такой отвратительной подробности или такого участника событий, о которых бы умолчали. Окружной прокурор Генри Уэйд прозрачно намекнул, что Жаклин Кеннеди и Линдона Джонсона могут вызвать в Даллас для дачи показаний, а осторожнейший из комментаторов Дэвид Бринкли прямо заявил, что президента убил какой-то «подонки из винтовки, заказанной по почте». Почти все выдающиеся юристы впали в неистовство. Председатель Верховного суда Эрл Уоррен, смотря у себя дома телевизионную передачу, в которой приводились улики против Освальда, вспомнил случай, когда один шериф на Юге передал по телевидению признание обвиняемого. Суд низшей инстанции признал этого человека виновным, а Верховный суд вынужден был пересмотреть приговор. Нынешнее нарушение закона было, по мнению Уоррена, куда более серьезным.

Поскольку Роберт Кеннеди не мог выполнять своих обязанностей министра юстиции, фактически обязанности министра выполнял его заместитель Ник Катценбах. Он предложил создать комиссию по расследованию, которую позднее возглавил председатель Верховного суда.

К своему ужасу, Катценбах узнал, что новый президент уже принял предварительное решение о создании тexasской комиссии по расследованию убийства Кеннеди, в которую не

⁴⁸ Предполагается, что Билл Уэли вез Освальда после покушения на президента Кеннеди.

должно было входить ни одного нетехасца, в том числе ни одного представителя федеральных властей. Катценбах отправился к вашингтонскому адвокату Эйбу Фортасу, бывшему в самых близких отношениях с Джонсоном. Катценбах без обиняков заявил ему, что считает идею нового президента страшной ошибкой⁴⁹. От Фортаса он впервые узнал, что Джонсон намерен опубликовать доклад ФБР об обстоятельствах убийства, как только тот будет готов. Этого тоже нельзя делать, доказывал Ник и настаивал на том, чтобы доклад проходил через руки министра юстиции и его самого.

Для председателя Верховного суда или заместителя министра юстиции не обязательно заниматься рассмотрением неприглядной стороны событий или беспокоиться по поводу их возможных последствий. В полицейском управлении Далласа вопрос о безопасности Освальда вызывал тревогу. Так, один капитан полиции звонил Фритцу по поводу угроз в адрес арестованного. Ему было сказано, что это дело Карри.

Намек окружного прокурора Уэйда, что овдовевшую первую леди, возможно, попросят дать показания в техасском суде, привел всех в ужас. В Далласе было довольно широко распространено мнение, что, «после всего того, ей пришлось пережить, не приходится ожидать, чтобы она вернулась сюда и присутствовала на разбирательстве этого отвратительного преступления». Эти слова принадлежат Джеку Руби. Руби пошел, однако, еще дальше. Он был убежден, что «ради нашего любимого президента кто-то должен» сделать так, чтобы надобность в этой поездке отпала. Сделать это, очевидно, мог только доброволец. Всю свою жизнь Джек считал себя мстителем — достаточно было какого-нибудь антисемитского замечания, чтобы он потерял самообладание, а в своем мщении он всегда прибегал к насилию. Руби был физически слабым человеком, прямым и простодушным. Подобно ребенку, он не был способен предусмотреть последствия бурной вспышки, сопровождающейся применением физической силы.

Хотя железные ворота Белого дома и были закрыты ради предосторожности, интерес публики был сосредоточен на постаменте с гробом. Полтора века в бальном зале оказывали последние почести праху пяти президентов, умерших во время пребывания на посту: Гаррисону, Тэйлору, Линкольну, Гардингу и Франклину Рузвельту, однако для их современников это были события, происходившие где-то в другом месте, о которых лишь читали в газетах. 23 ноября 1963 года такого отставания от событий больше не было. Мощное объединенное усилие средств массовой информации привело всю нацию на Пенсильвания-авеню, 1600 и при помощи разно фокусных линз «Зумара» через подстриженную лужайку, на залитые дождем ступени президентской резиденции. Когда военный моряк щелкнул каблуком, салютуя прибывшему высокопоставленному лицу, десятки миллионов телезрителей видели разлетевшиеся при этом брызги и вымокшие гамаша моряка. На лице Нины Уоррен, когда она вышла из Северной галереи, были видны слезы, и все могли наблюдать, как Сарджент Шривер и Энджи Дьюк протягивали друг другу свои мокрые руки. В перерывах показывали задрапированный траурными флагами северный вход в Белый дом.

Целых семь часов продолжалась величественная пантомима. Периодически в телевизионную передачу включали отрывки из фильмов, траурную музыку или показывали Даллас; иногда говорил комментатор.

В Белом доме посетителей проводили в Синий зал, где члены семьи убитого президента по очереди выполняли роль хозяев; затем они проходили через Зеленый и Восточный залы, останавливались у подножия гроба, а потом спускались вниз по лестнице.

Из уважения к новому президенту правила этикета во время панихиды были пересмотрены. Было очевидно, что Линдон Джонсон должен первым пройти мимо гроба, когда удалится семья Кеннеди. Поэтому тех, кто прибыл раньше, просили подождать, пока новый президент не пройдет через Восточный зал. А таких было много. Генерал Тэйлор и его супруга приехали к концу службы. До них прибыло еще две автомашины, и молодой адъютант,

⁴⁹ Катценбах занял в этом вопросе исключительно принципиальную позицию и, подобно Фортасу, сыграл в работе комиссии Уоррена важную роль, хотя и оставшаяся неизвестной.

промокший до нитки, подбежал к ним и попросил их оставаться в машине. Дуайт Эйзенхауэр и его сын Джон ожидали в Синем зале.

После того как Жаклин Кеннеди освободила зал заседаний правительства от вещей мужа, там собрались члены кабинета, намереваясь пройти к гробу вслед за Джонсоном. Но он сорвал их план. Перейдя в сопровождении лидеров конгресса Уэст Икзеkjютив-авеню, Джонсон, не заходя в зал заседаний, обошел со свитой постамент с гробом президента.

За ними, поздоровавшись с Джонсоном, последовали члены кабинета.

Пришли и враги Кеннеди — у них не было иного выхода. Демонстративное пренебрежение к Белому дому в эту субботу было невысказанным для всякого, кто играл хоть какую-то роль в общественной жизни. Ненавистники выступали в прошлом слишком громко, и вопрос о том, не был ли стрелявший участником более широкого заговора, все еще оставался открытым. Нет сомнения, что некоторые из посетителей лицемерили, но очень многие из тех, кто резко расходился с президентом во взглядах, испытывали к нему симпатии как к человеку.

Представители прессы составили одну из двух последних делегаций, прошедших мимо гроба. В другую входил обслуживающий персонал Белого дома. К этому времени все знаменитости удалились. Послы возвратились на Массачусетс-авеню, губернаторы — в номера своих отелей, сенаторы — в Капитолий. Те, кто работал на радио, в печати и на телевидении, не проявляли интереса ни к печальной церемонии, в которой участвовали их коллеги, ни к молитвам сержанта Джордано, слуг Чарльза Финклина и Джорджа Томаса, и широкая публика так о них и не узнала. Тем не менее все это было, и в отличие от официальных лиц люди эти поступали так отнюдь не по обязанности. Прощание с президентом репортеров радио и телевидения, специальных корреспондентов и особенно слуг, плотников и уборщиц было чем-то необычным. Оно не предусматривалось планом торжественной церемонии похорон, как и толпы, собравшиеся прошлой ночью в Эндрюсе и Бетесде, и рабочие бензоколонок, с благоговением стоявшие на рассвете вдоль Висконсин-авеню. Это показывало, насколько вся страна была охвачена горем. Камердинер Джона Кеннеди Джордж Томас, который чистил каждый его ботинок и гладил каждую пару его брюк там наверху, тоже считал своим долгом находиться здесь и при этом стоять на коленях. Журналисты, вообще не отличавшиеся рабской преданностью президентам, шли к гробу в скорбном молчании. Затем они попросили — и получили на это разрешение — следовать завтра пешком за гробом по Пенсильвания-авеню до Капитолия.

В Восточном зале Белого дома говорили шепотом. Овальная комната была пуста, но в служебных комнатах вице-президента никогда еще не было так оживленно. В это утро между обоими правительствами — прежним и новым — проходила физическая, видимая глазом граница. Это была Уэст Икзеkjютив-авеню — улица, состоящая из одного квартала с односторонним движением, служившая фактически стоянкой для машин Белого дома. По одну сторону двойного ряда машин стояло красивое старое здание резиденции главы правительства, где еще витал дух самого молодого человека, когда-либо занимавшего пост президента Соединенных Штатов Америки. По другую сторону озабоченные люди вбегали и выбегали из здания канцелярии президента или, как все еще продолжал говорить Эйзенхауэр, «старого здания государственного департамента, армии и флота», напоминая тем самым о том, что до второй мировой войны этот дом с его фасадом в стиле французского неоклассицизма был достаточно просторным, чтобы вмещать и государственный департамент и военные министерства.

Некоторые яйца, и среди них сам Джонсон, пересекали границу, проходившую по Уэст Икзеkjютив-авеню. Все сознавали, что она существует и руководство правительственного аппарата было расколото на два лагеря. На одной стороне были те, кто хотел ускорить наступление момента, когда Уэст Икзеkjютив-авеню будет вновь использоваться как мощная дорожка для стоянок автомашин «весьма важных лиц», на другой — люди, для которых сама мысль о предстоящих изменениях была невыносимой. В своем кабинете Артур Шлезингер писал в очередной записке Жаклин Кеннеди:

«Я нахожусь в состоянии полной опустошенности, но я понимаю: что чувствует здесь

любой из нас — лишь незначительная частица той страшной пустоты и отчаяния, какие испытываете вы».

Шлезингер сообщил ей, что намерен посвятить себя работе над архивом покойного президента. Он уже подал Джонсону свое заявление об отставке.

Действия Шлезингера отражали позицию «лояли-стов». Президент умер — работу при новом президенте должны продолжать другие. На одном краю спектра в эту субботу были Шлезингер, Соренсен, О'Доннел и их лидер Роберт Кеннеди (несмотря на пасмурное небо, он был после панихиды в темных очках, чтобы скрыть свой распухшие глаза); на другом находились люди, подобные Макджорджу Банди, который неоднократно напоминал членам команды Кеннеди, что «представление должно продолжаться», и заявил, что он со своей стороны намерен оставаться на своем посту до тех пор, пока будет нужен президенту Соединенных Штатов. Тед Соренсен смотрел на этот вопрос несколько иначе. В 19.30 он явился в здание канцелярии президента по приглашению Джонсона, который просил его совета, как быть с персоналом Белого дома. Соренсен спокойно ответил:

— Перед вами проблема двоякого рода: как быть с теми, кто воздержится поступить в ваше распоряжение, и с теми, кто сделает это слишком охотно.

Этот последний нюанс был тонким, но некоторые его остро ощущали. По мере того как убывал день, отношения между людьми обострялись. Поведение тех, кто мог представить себе президента как некий безличный институт, казалось многим бессердечным.

Кое-кто из тех, чье рвение вызывало неодобрение, не сознавал направленных в его сторону осуждающих взглядов. Один из них записал в своем дневнике: «Будучи лояльным в отношении обеих сторон, я не слышал ни от одной из них горького слова, а лишь одобрение». Этот человек был плохо осведомлен: такие слова были сказаны — он их просто не слышал. Об этом человеке один из его коллег записал в своем дневнике: «Я никогда не видел столь неприкрытого и беспардонного проявления преклонения перед властью». Однако обоснованность столь язвительной критики представляется спорной.

— Справедливости ради следует сказать, — заявил Артур Шлезингер весной 1964 года, — что правительство оказалось бы парализованным, если бы все вели себя так, как мы с Кеном О'Доннелом.

А в это время Шлезингер писал: «Для некоторых людей очень трудно проявлять эмоции. Банди держит себя под железным контролем. Но я не думаю, что люди, подобные ему, меньше переживают происходящее, чем все мы».

Он был прав. Шлезингер был человеком большой души, но и он не знал, что Макджордж Банди, образец эффективности, человек — счетная машина, стальной робот, плакал этой ночью, думая о Джоне Кеннеди.

«Лоялисты», охваченные самым сильным за всю свою жизнь порывом чувств, были полны решимости проявить должное уважение к убитому президенту. Что касается «реалистов», то они играли трудную и нужную роль, и история, возможно, оценит их выше, ибо заслуги «реалистов» в обеспечении национальных интересов были велики.

Страна, загипнотизированная видом постамента с гробом, не подозревала о существовании конфликта внутри правительства. Думать о чем-то, помимо вчерашней смерти и предстоящих похорон, было фактически невозможно. "Корреспондент журнала «Тайм» Хью Сайди говорил, что надо подождать до следующего номера с публикацией портрета нового главы правительства на обложке этого еженедельника, так как Джонсоном «пока еще никто не интересуется». И действительно, тогда лишь немногие им интересовались. Тем не менее настроения Джонсонам первый день его пребывания на посту президента сами по себе представляют интерес, но точно описать их затруднительно. Никогда еще его натура хамелеона не проявлялась так ярко, никогда еще Линдон Бейнс Джонсон не был так многолик, как в этот день.

Казалось, где-то за кулисами кабинета № 274 находилась дюжина одинаковых техасцев с одной и той же внешностью и манерой говорить, каждый из которых обладал, однако, своим собственным характером, идеологией и целями.

Вошел помощник по сенату Джордж Риди — и на сцене, появился Джонсон-ясновидец. «Все было в состоянии хаоса, — говорил впоследствии Риди, — только президент знал, что

делает». Кеннета Гэлбрайта встретил воинствующий представитель умеренных левых. Ему Джонсон сказал:

— Я хочу энергично взяться за гражданские права, и не потому, что за них ратовал Кеннеди, а потому, что за них ратую я. Не забывайте, что я хочу проводить либеральную политику, ибо я демократ рузвельтовского толка.

Своей аристократической походкой вошел Аверелл Гарриман, и Линдон сказал ему:

— Вы знаете, я всегда считал вас одним из своих самых давних и лучших друзей в Вашингтоне.

Президент использовал свою способность так оборачиваться к каждому посетителю той или иной стороной своего характера, что тот уходил уверенный и ободренный. Поскольку посетители Джонсона входили по одному, успех его был почти всеобщим. Крайние «лоялисты», продолжавшие с недоверием относиться к Коллегам, бросившимся в кабинет № 274, увидели Линдона таким смиренным, таким сокрушенным своими страданиями, что даже на Соренсена и Шлезингера это произвело впечатление. Британскому послу Дэвиду Ормсби-Гору Джонсон сказал прерывающимся голосом:

— Если бы моя семья провела голосование, следует ли мне здесь оставаться, то три, а возможно, и четыре голоса были бы поданы за мой немедленный уход.

Но и этот Линдон исчез и появился другой, который дал Лэрри О'Брайену хитрый совет относительно одной из юридических сторон парламентской процедуры. Трудно примирить между собой всех этих различных исполнителей роли президента, игравших ее очень тонко. Тем не менее факт остается фактом: каждый сыграл свою роль блестяще и в полной мере заслужил аплодисменты. Джонсон был обворожителен в эту субботу 23 ноября. Надо было просто примириться с тем, что он воплощает в себе многих разных людей. Кто из них был настоящим Линдоном Джонсоном, об этом пусть судят его биографы. Одно можно сказать: в этот день он был самым активным за последние три года. Накануне вечером он только начал понемногу входить в свою роль, мобилизуя свои позабытые таланты. И теперь он снова ожил. За ночь Джонсон набрался новых сил, и те, кто сомневался в его мудрости, не могли теперь усомниться в его энергии. Казалось, что каждая встреча с посетителями, каждое совещание придавали ему новые силы. Он несколько раз звонил Коннэли и Парклендский госпиталь; он скрестил шили с деликатным, но непоколебимым Ником Катценбахом по поводу того, кто должен вести расследование убийства — комиссия штата Техас или федеральная комиссия; он пустил в ход все меры воздействия на Эдгара Гувера, который уже бросил тучи своих агентов в далласский аэропорт Лав Филд; он объявил понедельник 25 ноября днем официального траура в стране; он принял члена Верховного суда Артура Голдберга и успел сфотографироваться с Раском, Банди, Макнамарой и Эйзенхауэром, а в 17.13 эти фотоснимки были уже переданы для показа по телевидению (это были первые снимки Линдона Бейнса Джонсона в роли президента).

После встречи с Робертом Кеннеди президент получил приятную передышку: к нему явились лидеры конгресса, чтобы заверить в своей поддержке. Как и вчера, они предложили ее независимо от своей партийной принадлежности. Деятели республиканской партии Чарли Халлек и Эн Шоу тщетно пытались травить Кеннеди, когда тот стал президентом. 23 ноября утром Чарли Халлек был первым, кто ободрил Джонсона. После Халлека сенатор Эверетт Дирксен сказал Джонсону:

— Мы будем сотрудничать на благо нашей родины. Да благословит вас господь, господин президент!

— Да благословит вас господь, сэр, — вторили другие члены делегации.

После этих ободривших его заверений президент вместе с Леди Бэрд провел лидеров конгресса мимо пустого кабинета в Восточный зал. Отойдя от постаментов о гробом Кеннеди, он увидел Эйзенхауэра и пригласил его зайти к нему для двадцатиминутной беседы. На самом деле эта встреча оказалась для Джонсона самой долгой в этот день. Беседа продолжалась два часа. Во время беседы тридцать четвертому президенту показалось, что тридцать шестой встревожен. Джонсон просил совета генерала Эйзенхауэра по ряду текущих проблем, начиная с вопросов внутренней политики, таких, например, как сокращение налогов, и кончая вопросами внешней политики, особенно касавшимися Лаоса и Кубы. На этой первой стадии Линдон

Джонсон был озабочен главным образом тем, чтобы ознакомиться с положением дел и подготовиться к продолжению политики своего предшественника. Генерал Эйзенхауэр убедился, что президент Джонсон полон решимости справиться со своими новыми обязанностями.

Во время этой затянувшейся беседы вошел на цыпочках Банди (он говорил о себе, что похож на «хлопочущую домработницу») и положил на стол письмо Шлезингера об отставке. Джонсон бросил на письмо сердитый взгляд и сказал:

— Пусть он возьмет его обратно. Мне не нужны такие письма, и скажите об этом всем так, чтобы они поняли.

Билл Мойерс, находившийся где-то на заднем плане, вышел из кабинета и позвонил Шлезингеру, что президент хочет, чтобы тот остался на своем посту.

Генерал Эйзенхауэр предложил Джонсону самому подобрать себе людей. Джонсон мрачно на него посмотрел. После похорон он стал искусно подбирать свой аппарат, отделяясь даже от тех советников, которые предпочли бы остаться. Однако 23 ноября он принимал любое предложение о переменах в штывы, рассматривая, видимо, уход из правительства как шаг, равносильный дезертирству. На вечернем заседании кабинета Дин Раск напомнил ему, что по традиции все члены кабинета с приходом нового президента должны подать в отставку. Джонсон упрямо тряс головой, заявляя, что хочет, чтобы все оставались на своих постах в качестве его советников. Раск указал, что это вопрос традиции, что так принято делать, что речь идет о прецеденте. Возможно, заметил он, в будущем какой-либо глава государства не захочет, чтобы все министры оставались на своих постах. Джонсон продолжал упорствовать. Он не подтвердил, что получил от членов кабинета заявления об отставке, хотя они и поступили. Когда вечером он встретил Соренсена и тот упомянул о своем заявлении, президент резко ответил:

— Да, знаю, я получил ваше письмо. — И быстро переменял тему разговора.

Новый президент и новая первая леди присутствовали на церковной службе в память Кеннеди в церкви Святого Джона на северной стороне парка Лафайетта.

Со времени убийства прошли сутки. Опять наступила середина дня, и Шлезингер устроил завтрак в отдельном зале Западного ресторана, который находится в здании Министерства финансов на противоположной от Белого дома стороне. Завтрак этот стал впоследствии известен как «гарвардский». Участники его, хозяин и гости (Кен и Китти Гэлбрайт, друг Кеннеди артист Билл Уилтон и его сын Тэтт, Сэм Бир и его супруга, Пол Сэмюэлсон и Уолтер Геллер), были подавлены и находились под впечатлением, как они считали, кризиса в жизни страны. Их попытки заглянуть в будущее окончились жалкой неудачей. Они не смогли даже прийти к единой точке зрения по поводу дальнейших действий. Позднее Гэлбрайт писал в своем дневнике:

«Артур Шлезингер был в довольно плохом настроении. Он чересчур быстро реагировал на происходящие события и коснулся возможности выдвижения на выборах 1964 года Боба Кеннеди кандидатом в президенты, а Хьюберта Хэмфри — в вице-президенты. Эта мысль, конечно, чистая фантазия, если только Джонсон не споткнется самым невероятным образом, но даже в этом случае это фантазия».

Любопытно, как сам Шлезингер оценил своего гостя:

«Подобно Макджорджу Банди, Кен Гэлбрайт реалист. Он, разумеется, предпочел бы Кеннеди, но готов смириться с фактами и приспособиться к ним. Как О'Доннел и Роберт Кеннеди, я человек, чувства. Моя душа не лежит к этому».

То, что произошло после завтрака, также типично. Шлезингер присутствовал на заседании сотрудников канцелярии президента, где Банди умолял всех остаться на своем посту, а Гэлбрайт столкнулся с новым президентом на Уэст Икзекьютив-авеню.

— Я искал вас, — сказал Джонсон, но Гэлбрайт усомнился в этом. — Я хочу вас видеть. Зайдите на минутку.

К концу беседы Джонсон попросил Гэлбрайта написать ему речь для выступления на совместном заседании обеих палат конгресса. Гэлбрайт, закончивший утром некролог о Кеннеди для «Вашингтон пост», искал случая вновь постучать на пишущей машинке. К тому же он был чрезвычайно польщен, но напрасно, ибо президент обратился с такой же просьбой

еще к полдюжине людей. Если вы были грамотны, хорошо обо всем осведомлены и умели эмоционально выражать свои мысли, вы подлежали мобилизации.

Джонсон жаждал выступить перед конгрессом, и это было понятно: народ был потрясен случившимся, и чем скорее он услышал бы голос своего нового лидера, выступающего с каким-то существенным заявлением, тем лучше. В это утро заместители государственного секретаря Аверелл Гарриман, Джордж Болл и Алексис Джонсон приступили к подготовке семи-восьмиминутной речи президента для передачи ее вечером по всем каналам массовой информации. В этой речи президент должен был выразить сожаление по поводу царившей в стране «истерии» и выступить в поддержку Организации Объединенных Наций, мира и преемственности в политике. Однако Джонсон наложил вето на эти планы заместителей государственного секретаря по той причине, что он «не хочет выпячиваться». Он все еще держался на заднем плане, прощупывая почву. А в 14.30 у него была великолепная возможность позондировать обстановку — на это время было назначено заседание кабинета. В зале заседаний на столе у каждого кресла были разложены толстые блокноты из желтой бумаги и остро отточенные карандаши. Кресло вице-президента было передвинуто на место президента. Среди присутствующих должен был находиться новый глава клана Кеннеди — министр юстиции Роберт Ф. Кеннеди.

— Джентльмены, перед вами президент Соединенных Штатов! — объявил Раск в начале заседания, и все встали.

Заседание не было большим достижением. Перспективы его были с самого начала сомнительными. Моральный дух министров находился, подобно барометру, на ненормально низком уровне. Правда, у Джонсона были известные шансы: Банди подготовил составленную в осторожных выражениях памятную записку по вопросам, по которым президент «захочет, быть может, высказаться». К тому же все присутствующие хотели, чтобы страна скорее вернулась в нормальное состояние. Но катастрофа произошла совсем недавно, и они не могли забыть, что тело человека, который назначил их всех на занимаемые ими посты, покоится сейчас в деревянном гробу на другом конце того же здания. Новому президенту мешала также его манера держаться. Совершенно незнакомый им человек мог бы оказывать на присутствующих большее влияние, но Линдон, как все они продолжали называть его про себя, был для них привычной фигурой. На прошлых заседаниях он занимал подчиненное положение, да и сейчас еще председательствовал самым осторожным образом. Вспоминая отношение нового президента к своей памятной записке, Банди писал десять дней спустя:

«Типичным для него было то, что по ходу дела он превращал высказанные в ней идеи в свои собственные».

Джонсон начал заседание молчаливой молитвой, потом попросил министров о поддержке в предстоящие трудные времена и закончил его кратким обращением, которое многие из них уже знали к этому времени наизусть: Джонсон сказал им, что ему они нужны больше, чем были нужны президенту Кеннеди.

Присутствие министра юстиции на этом двадцатипятиминутном заседании следует оценивать с большой осторожностью, так как пристрастные люди могут легко исказить характер трений, имевшихся между Джонсоном и Робертом Кеннеди. Оба они находились под беспрецедентным психическим прессом. Если не деликатность, которую проявил Джонсон, может показаться не очень великодушной, то не следует забывать и того, что Боб Кеннеди представлял собой для нового главы правительства проблему единственную в своем роде за всю историю смены президентов: перед ним был член кабинета, который выглядел, говорил и думал так же, как убитый президент. Он был вторым «я» этого президента, одним из двух людей, больше всех оплакивающих его смерть. Наконец, это был человек, который, как знали все присутствующие, временами фактически осуществлял от имени своего брата исполнительную власть.

Сам министр юстиции был поглощен мыслями о предстоящих похоронах, и его присутствие в зале заседаний кабинета было, можно сказать, случайным. Он пришел сюда после траурной мессы из личных апартаментов президента, чтобы убедиться, что отсюда убрали все вещи его брата. Заметив, что сержант Джордано забыл убрать из зала заседаний кабинета кресло Кеннеди, он решил днем зайти сюда еще раз и проверить. Члены кабинета уже

собрались, и Банди, увидев Боба Кеннеди, уговорил его зайти и занять свое место. Одиннадцать дней спустя Банди говорил:

«Бобби опоздал и, возможно, не остался бы, если бы я не сказал ему, что он должен присутствовать на совещании. Он поставил условие, чтобы не делалось никаких фотоснимков, с чем, как мне теперь известно, президенту было так же трудно согласиться, как курильщику, дымящему тридцать лет, воздержаться от курения. Но президент с готовностью пошел на ото во имя согласия».

Однако в тот вечер версия Банди была более резкой. Одному из своих коллег он сказал, что «его беспокоит Бобби», что «Бобби не желает считаться с новым положением» и что ему «пришлось фактически затащить его на заседание кабинета». Согласно воспоминаниям самого Кеннеди, он просто «проходил мимо. Банди сказал, что очень важно, чтобы я зашел, и я зашел»:

Его появление вызвало драматическую реакцию. Несколько членов кабинета вскочили со своих мест, один из них пожал ему руку и похлопал по спине. Другие, в том числе Джонсон, не пошевелились. Министр юстиции сидел, откинувшись в кресле, в мрачном раздумье, с глазами, полу прикрытыми тяжелыми веками. Для человека с его положением само молчание может быть многозначительным. За полчаса до этого в одной телевизионной передаче открыто высказывалось предположение, что он может выйти в отставку. Ближайшее будущее Роберта Кеннеди обсуждалось в миллионах контор и квартир, и его сдержанную манеру заметили и учли все сидевшие за длинным столом, и президент Джонсон, возможно, более, чем кто-либо другой.

После того как президент кончил говорить, выступили два человека: Эдлай Стивенсон по старшинству в демократической партии и Дин Раск как первый министр кабинета. Выступавшие руководствовались одинаковыми мотивами: они хотели, чтобы из протокола следовало, что они поддерживают новое правительство. Стивенсон был удивительно неуверен в себе: обычно самый опытный и красноречивый оратор, он написал текст своей речи из пяти абзацев и теперь зачитал его слово в слово. Он напомнил, что на первом заседании кабинета он заверил президента Кеннеди в своей поддержке, и, повторив это заверение сейчас, добавил, что «страна может лишь на момент прервать свои дела». Джонсону он заявил:

— Исключительные черты нашего характера, ваша мудрость и опыт — благословенно для нашей страны в этот трудный час, и мы целиком полагаемся на ваше руководство.

Раск был столь же щедрым в своих похвалах Джонсону.

После обмена репликами между Джонсоном и Раском по поводу заявлений об отставке президент попросил всех представить к понедельнику рекомендации своих ведомств. Затем все разошлись. Ничего не было достигнуто, и ни у кого не сложилось впечатления, что удалось чего-то добиться. Даже Джонсон, которого выступления Раска и Стивенсона привели в восторг, теперь, казалось, был разочарован. Его последующие замечания в этот день говорят о том, что он рассчитывал на большее. Банди это показалось «небольшим скучным заседанием», для министра труда Уилларда Виртца оно было «ужасным» и «почти автоматическим». Один министр, ожидавший, что президент будет «энергичным и проявит себя», пришел к заключению, что заседание прошло «в высшей степени неудовлетворительно». Другой член кабинета решил поговорить об этом с Джонсоном. Клиф Картер провел его в здание канцелярии, и там этот министр настоятельно рекомендовал президенту, чтобы он сначала обратился к народу, а уже потом выступил в конгрессе. К удивлению посетителя, поведение Джонсона полностью изменилось за те несколько минут, что прошли после заседания кабинета. Это было еще одно из его удивительных молниеносных перевоплощений. Если на заседании кабинета Джонсон казался неуверенным, то теперь, как отметил в своем дневнике министр: «Разочарование его прошло, напряжение спало. Казалось, что силы и уверенность в себе, характерные для лидера большинства в сенате Линдона Джонсона, снова вернулись к нему».

Новый президент откровенно говорил со своим высокопоставленным посетителем о натянутых отношениях между ним и министром юстиции.

Он сказал:

— Джекки вела себя прекрасно. Она сказала, что выедет, как только успеет собраться. А я сказал ей: «Милочка, оставайтесь столько, сколько хотите. У меня дома хорошо и удобно, и я не тороплюсь. У вас же трагедия и много всяких проблем».

Джонсон дал понять, что его «настоящая проблема» — это Боб. Он был убежден, что позднее появление Кеннеди на заседании было преднамеренным, и утверждал, будто тот имел в виду унижить его, доверительно заявив «одному помощнику»: «Мы не войдем, пока Джонсон не сядет на свое место»⁵⁰.

Это обвинение было несправедливым, но, видимо, явилось неизбежным следствием отношений между Джонсоном и Робертом Кеннеди, или, выражаясь точнее, между некоторыми из их советников. Еще со времени съезда демократической партии в Лос-Анджелесе в 1960 году отношения между этими двумя деятелями неоднократно портились в результате недоразумений, а первопричиной этого оказывался в конечном счете тот или иной «помощник». Так, вице-президент был убежден, что министр юстиции никогда не простил ему критических замечаний, сделанных им в Лос-Анджелесе в адрес его отца Джозефа П. Кеннеди. Удивительнее всего то, что Роберт Кеннеди никогда не только не слышал этих замечаний, но даже не читал о них. Сторонники Джонсона были убеждены, что Боб Кеннеди не любит их лидера, и хотя люди, связанные с Кеннеди, неоднократно заверяли их в обратном, все было бесполезно. Не успело правительство Джонсона приступить к работе, как печать уже начала высказывать подробные предположения о «вражде» между двумя деятелями.

Однако, каковы бы ни были истоки этих натянутых отношений, они бесспорно существовали. «Последствия опоздания Роберта Кеннеди на заседание кабинета, — заявил Джонсон своему посетителю, министру, — были крайне неприятными». Войдя в зал в середине выступления президента, министр юстиции испортил все впечатление от этого выступления. Член правительства, который беседовал с Джонсоном, с симпатией отнесся к положению, в котором тот оказался, и сразу же сказал об этом другому члену кабинета, который считал, что заседание провалилось. Собеседник Джонсона писал об этом разговоре: «Тут в голосе Линдона послышалась настоящая горечь». Джонсон считал брата покойного президента грозным препятствием на своем пути. Он согласился со своим собеседником, что следует возможно скорее выступить перед конгрессом: Джонсон боялся, что в среду будет слишком поздно, ибо члены конгресса собирались на каникулы. В то же время он опасался, что выступление ранее среды «может вызвать недовольство семейства Кеннеди».

В приемной его ожидал директор Корпуса мира Сарджент Шривер, чей визит был продиктован чувством долга. Из всех членов семейства Кеннеди он был наиболее близок Джонсону и хотел пожелать ему успеха. Шривер считал Джонсона очень радушным хозяином. Новый президент сказал ему:

— Ну, Сардж, все это ужасно. Я совершенно подавлен, но мне хочется сказать, что я всегда относился к тебе с большим уважением. Я ничего не мог сделать для тебя до сих пор, ко я имею это в виду в дальнейшем.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь? — спросил Шривер.

Джонсон сказал Шриверу, что есть два нерешенных вопроса: о переезде в Овальный кабинет и о времени выступления на совместном заседании обеих палат конгресса. (Следует отметить, что Джонсон не проявлял особого интереса к тому, чтобы выступить в эти дни с речью перед народом. Он был озабочен в первую очередь конгрессом. Правда, выступление в Капитолии, которое транслировалось бы по телевидению, услышали бы столько же американцев, что и беседу у камина в Белом доме.) Джонсон заметил, что Раск и Банди, подчеркивая, как и другие, символическое значение пребывания президента в резиденции, совершенно определенно считали, что он должен принимать своих посетителей в западном крыле Белого дома. Кроме того, подчеркнул президент, он будет там значительно ближе к важным средствам связи.

Государственный департамент оказывал на Джонсона особенно сильное давление. Причины необходимости переехать через улицу — из здания канцелярии президента в Белый

⁵⁰ Роберт Кеннеди отрицает это. Когда ему передали, как президент истолковал его поведение, он сначала удивился, а потом рассмеялся. Конечно, не приходится отрицать, что их темперамент и манера держаться были весьма различными. То же можно было сказать о Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне. Но это никогда не приводило к жестокой вражде между ними.

дом — не очень ясны, хотя здесь следует провести линию различия. Президент не торопился выселять Жаклин Кеннеди. Напротив, он был готов оставаться у себя сколько угодно. Ему нужен был кабинет главы правительства в западном крыле, а вовсе не роскошь резиденции.

Преемник Авраама Линкольна, как и преемник Джона Кеннеди, не хотел создавать впечатления, что он стремится поселиться в доме президента. Сходство между семнадцатым и тридцать шестым президентом удивительно и в других отношениях.

«Кто из президентов был лучше подготовлен для своего поста?» — спрашивает Ллойд Пол Страйкер, биограф Эндрю Джонсона. Биографы Линдона Джонсона сразу же поклялись бы, что второй Джонсон лучше подготовлен для поста президента. Как и Линдон Джонсон, Эндрю был нетактичен с мужчинами, галантен по отношению к женщинам и стремился затмить своего предшественника. Эндрю тоже созвал на следующий день после убийства Линкольна заседание кабинета, на котором заявил, что намерен лишь продолжать прежнюю политику. И в этот день тоже шел дождь. В вопросе же о переезде в резиденцию оба Джонсона резко отличаются друг от друга. Эндрю устроил кабинет в здании министерства финансов, где затем временно организовал свою штаб-квартиру. Лишь 9 июня 1865 года, через восемь недель после смерти Линкольна, он перебрался в Белый дом.

Как пишет сенатор Хэмфри, новый глава правительства (Линдон Б. Джонсон — *Ред.*) — это «человек действия, и он хочет, чтобы дела действительно делались. В известном смысле он беспокоен и требователен».

Шривер оказался в неловком положении: он имея туманное представление в том, что касалось прецедентов, и хотя благодаря своей женитьбе на представительнице семейства Кеннеди он породнился с президентом, его занятость делами Корпуса мира не оставляла у него времени для изучения всяких правительственных лабиринтов. Позднее он говорил:

— Я вспомнил, что в подвальном помещении западного крыла Белого дома что-то делала, когда Джон был президентом, и хотя не имел представления о том, что именно там происходит, я подозревал, что это имеет какое-то отношение к прямому проводу.

Шривер, обычно быстро принимавший решения, ничего не мог решить относительно Овального кабинета. По его словам, Банди, на которого президент сослался, говоря со Шривером, «считает, что это прежде всего кабинет президента, в то время как семейство Кеннеди, естественно, считает, что это кабинет Джека».

— Я служил во флоте, — говорил Шривер, — и склонен согласиться с Банди. Нельзя оставить командный пост незанятым, потому что пал командир. С другой стороны, занимать этот кабинет, пока Джек еще в Белом доме, кажется мне неуместно поспешным. Ведь тело Джека все еще находится в Восточном зале.

Отсутствие поддержки со стороны лучше всего относившегося к нему члена семейства покойного главы правительства как будто внесло для Джонсона ясность в данный вопрос — в этот день он больше не возвращался к нему.

Оставалось решить, когда выступать в кош россе. Джонсон снопа сослался ни давление со стороны руководства кабинета. У тех, кто привык прямо подходить к делам, что было характерно для Джона Кеннеди, такие обходные маневры вызвали недоумение. Примечательно, что, когда Кеннеди что-то приказывал кому-либо, он начинал со слов: «По моему, мнению...» Если вы не были с ним согласны, вы могли спорить. Джонсон же выступал выразителем мыслей других людей. Если эти мысли оказывались неудачными, излагавший их был ни при чем: он всего лишь ставил их на обсуждение. Осторожные вводные слова Джонсона («Банди говорит», «Раск говорит» или «Макнамара говорит») как бы снимали с него ответственность. По данному вопросу, сказал он Шриверу, все единодушно высказались за то, чтобы президент отправился в Капитолий «возможно скорее», и что «важно показать, что правительство Джонсона начало действовать». Шривер согласился с этим, хотя и по другим соображениям.

Исходя из опыта своих поездок по делам Корпуса мира, Шривер понимал, что в Азии, Африке и Южной Америке будут считать, что, «тот, кто организовал убийство президента Кеннеди, станет теперь президентом». Важно было рассеять подобное представление. Чем скорее всему миру будет сказано, что Джонсон не из тех, кто пользуется услугами наемных головорезов, тем будет лучше для Соединенных Штатов. И когда и Джонсон и Мойерс сказали,

что предпочли бы, чтобы выступление состоялось во вторник, Шривер ответил:

— Я поговорю с Бобби.

Однако из этого ничего не вышло. Шривер не знал, что ту же задачу поставили и перед Маком Банди и что тот потерпел неудачу. Роберт Кеннеди решительно ответил Банди:

— Мне это не нравится. Я считаю, что вам следует подождать хотя бы один день после похорон.

Банди сказал Кеннеди, что «они» (он быстро усвоил у Джонсона его неопределенную манеру выражаться) хотят, чтобы это состоялось во вторник.

— Ну и черт с ним! — отрезал министр юстиции. — Почему вы меня тогда об этом спрашиваете? Не спрашивайте меня о том, что хотите делать. Вы все равно скажете мне, как оно будет. Так что действуйте.

Если Джонсон считал, что родственника Кеннеди будет сподручнее использовать в качестве посредника, то он ошибался. Он просто устроил Шриверу ловушку. Кеннеди, раздраженный тем, что новый президент не обращается непосредственно к нему, выслушал Шривера и затем резко сказал:

— Почему он посылает тебя ко мне? Что он пристаёт к тебе? Ему же известно, что я хочу, чтобы он подождал до среды.

Шривер бросился обратно, и Мойерс провел его к президенту. Сарджент осторожно доложил: — Боб предпочел бы, чтобы вы подождали еще день» если нет каких-либо особо веских причин, чтобы выступить раньше.

Джонсон тут же снял трубку и стал нажимать кнопки. Слушавшим его он кратко бросал:

— Это будет в среду.

Никому не нужно было ничего объяснять. Весь его персонал был знаком с обстановкой и ждал только его сообщения. Шривер быстро передал решение Роберту Кеннеди. Оставалось лишь сделать официальное сообщение через Сэлинджера. Около 18. 30 по радио и телевидению было сообщено, что президент Джонсон выступит перед конгрессом в 12. 30 в среду двадцать седьмого ноября, накануне Дня благодарения.

Двадцать седьмого ноября, за день до Дня благодарения, радиотелевизионные компании Си-Би-Эс, Эн-Би-Си, Ай-Бн-Си должны были передавать выступление Джонсона. Ни один из комментаторов не намекнул, что президент поспешил пли, напротив, замешкался. Только горстке людей было известно о разногласиях в связи с этим заявлением. Шривер, однако, в какой-то степени подозревал, какие чувства оно вызвало. Было ясно, что это обстоятельство обострило отношения.

Трудно измерить степень обострения отношений. Большинство осведомленных лиц молчали по поводу своих разговоров в субботу в кабинете вице-президента. Банди предпочел тоже умолчать о своей первоначальной оценке президента Джонсона. Со свойственной ему чрезвычайной объективностью и здравым смыслом Банди заметил 4 декабря:

— Важно различать цели, которые ставит себе Джонсон, и те средства, к которым он будет первоначально прибегать. Надо стараться служить истинной цели, выступая, если это окажется необходимым, против методов ее осуществления.

Макнамара совещался с Джонсоном в середине дня, но его комментарий: «Речь шла не о текущих делах, но я не считаю себя вправе излагать содержание разговора с президентом Соединенных Штатов», — краток и никого не может удовлетворить, если учесть, что другие такие же беседы он излагал подробно.

— Представляется очевидным: Джонсон считал, что ему мешают, и он винил в этом в значительной степени Роберта Кеннеди. Это можно понять: министр юстиции символизировал собой то прошлое, которое Джонсону предстояло преодолеть. Но это было и несправедливо: если внимательно ознакомиться с тем, что делал в этот день Боб Кеннеди, то станет ясно, что он фактически все время был занят подготовкой к похоронам. Разумный выход из создавшегося положения казался явно невозможным. Правительство должно было продолжать свою работу, а это было несовместимо с горем, которое переживало семейство Кеннеди. На нута президента стояло нечто большее, чем отдельная личность: он старался заставить функционировать новое правительство, а все те, кто мог ему помочь, включая его собственных техасцев и Вашингтонцев, бывших близкими ему на протяжении трети века, оказались застигнутыми

потоками эмоций, которых им никогда еще не приходилось испытывать.

Беседа президента с Тедом Соренсеном состоялась как раз перед самым уходом Джонсона домой. Она была долгой и нелегкой. Между ними все равно была бы невидимая стена, даже если бы не существовало Роберта Ф. Кеннеди. Хотя Соренсен и решил без шума уйти со своего поста, он относился к своим обязанностям с большой ответственностью и хотел быть полезным. Прежде чем удалиться, он подготовил для президента перечень наиболее срочных дел. Они детально разобрали каждый пункт, а Мойерс делал заметки. Тед вспоминает, что сам он был при этом «прямым и резким». Однако его отношение к Джонсону не было враждебным. Он рекомендовал ему возможно скорее выступить в Капитолии. Отмахнувшись от заявления Соренсена об отставке, президент слушал с непроницаемым видом его характеристики персонала Белого дома (Соренсен не знал, что Джонсон в свою очередь спрашивал у других, легко ли работать с ним. Ответы были разноречивы). В начале беседы президент спросил:

— Считаете ли вы, что в этом, возможно, замешано иностранное правительство?

Тед ответил вопросом:

— У вас есть какие-нибудь доказательства?

Ответ гласил, что веских доказательств нет. Джонсон показал Соренсену донесение ФБР, в котором сообщалось, что правители одной недружественной державы надеялись на смерть Кеннеди. Но это донесение было слишком туманным, чтобы принимать его всерьез: в нем не приводилось никаких имен или фактов, а имя осведомителя было закодировано. Возвращая бумагу, Соренсен сказал:

— Это ничего не значит.

Президент промолчал. Затем он спросил Соренсена, считает ли тот необходимым принять чрезвычайные меры предосторожности для его охраны во время похорон. Тед отрицательно покачал головой: он этого не считал.

Рано или поздно (оказалось, что рано) отношения между новым президентом и советником прежнего президента должны были испортиться. Как рассказал Соренсен одному члену кабинета вскоре после трех часов дня, он вложил больше десяти лет жизни в карьеру Джона Кеннеди, а теперь все это пошло прахом, словно жертвой в Далласе пал он, Соренсен. Кеннеди избрал его потому, что они идеально подходили друг к другу. Оба были молоды, образованны. Соренсен был идеальным инструментом для оттачивания интеллекта Джона Кеннеди, так же как О'Доннел содействовал развитию его политических талантов, а Ллуэлин Томпсон руководил им при изучении им русского вопроса. Однако для Линдона Джонсона Тед Соренсен никогда не смог бы быть подходящим компаньоном: они были совершенно разными людьми, страшно далекими друг от друга.

В эти первые дни президент всячески давал понять, будто он верит, что сможет сохранить команду Кеннеди в ее нынешнем составе. Но он не мог этого сделать и, став увереннее в себе, понял, что ему придется подобрать своих людей. Эти его иллюзии были характерны для чувств, которые вызывал Джон Кеннеди. Как выразился сам Джонсон, они свидетельствовали о необходимости сохранить «ореол Кеннеди». 23 ноября 1963 года скорбь нации была столь глубока, что любая иная эмоциональная атмосфера казалась невозможной. Позднее, особенно после того, как Джонсон стал президентом уже в результате выборов, он забыл, что когда-то просил помощников Кеннеди о поддержке. Само упоминание их имен стало раздражать Джонсона, а через год его раздражало все, напоминавшее о Кеннеди. Джонсон стал столь чувствительным к этому, что любой агент секретной службы или шофер Белого дома, носивший булавку для галстука с изображением торпедного катера «ПТ-109», на котором Джон Кеннеди служил во время второй мировой войны, рисковал навлечь на себя гнев президента.

Сидя за своим письменным столом в стиле Людовика XV на втором этаже Белого дома у окон, выходящих на Розовый сад и на кабинет президента, Жаклин Кеннеди заполняла один лист бумаги с гербом Белого дома за другим именами людей, которым нужно было позвонить или написать, и перечнем дел, которые следовало уладить. Можно только поражаться тому, что убитая горем первая леди вынуждена была заниматься такими пустяками, однако, подобно любой другой вдове, ей надлежало принять решения по многим частным вопросам. Жаклин Кеннеди могла, конечно, уединиться, и никто не стал бы критиковать ее за это или выражать

удивление, ибо это соответствовало врожденной сдержанности ее натуры. Однако она хотела принять участие в организации похорон.

Для Жаклин это было полезным, потому что она не могла спать и ей нужно было что-то делать. Писать было лучше, нежели предаваться тяжелым мыслям, и она сосредоточилась на завтрашнем дне и на послезавтрашнем, посвятив себя подготовке торжественной церемонии, которая именно благодаря ее участию оставила неизгладимое впечатление у всего американского народа. В отличие от других вдов первая леди редко оставалась одна: ее родственники, секретари, находящийся при ней персонал, ее друзья и друзья мужа входили и выходили через двойные раздвигающиеся двери западной гостиной, держа в руках исписанные ею листки бумаги, которые заставляли ее думать и создавали преграду между нею и горем.

Семейство Кеннеди могло защитить Жаклин от невыносимого вторжения посторонних — все студенческие общества, организации ветеранов и общества полурелигиозного характера стремились принять участие в церемонии. Однако, если Жаклин хотела, чтобы церемония соответствовала духу Кеннеди, она должна была действовать активно и даже заниматься политическими деталями. Церковная иерархия имела свое собственное представление о торжественных церемониях, а с соперничеством между различными родами войск ничего нельзя было поделаться.

Но настоящее столкновение произошло в связи с выбором собора для панихиды. С точки зрения кардиналов, выбор должен был совершенно очевидно пасть на храм Непорочного зачатия в северо-восточной части Вашингтона. Епископы и кардиналы не могли себе представить лучшего святилища. Собор этот в романском стиле — самое большое и великолепное здание католической церкви в Соединенных Штатах. Там может сидеть 2500 человек, вокруг имеются обширные стоянки для автомашин, да и сам собор стал чем-то вроде достопримечательности для туристов. Весной и летом во время наплыва туристов организуются экскурсии для осмотра собора, а в подвальном этаже устроен большой кафетерий. Но на Жаклин все это не производило впечатления. Она никогда не была в этом храме, и ей не нравилось его название. Собор Святого Матфея казался ей куда более привлекательным. Особенно дорого было ей воспоминание об одной службе там, на которой она присутствовала вместе с мужем. Если какой-то храм и имел отношение к президенту, то именно собор Святого Матфея. Отцы церкви были ошеломлены: по сравнению с их великолепным храмом собор Святого Матфея представлял собой старую запущенную церковь, где не было никаких художественных сокровищ и роскоши. Обе стороны — вдова и служители церкви — стояли на своем. По словам Роберта Кеннеди, «священники настаивали на храме Непорочного зачатия, а Жаклин упорно отстаивала собор Святого Матфея». Роберт сказал Жаклин:

— Мне кажется, собор Святого Матфея очень мал: там может разместиться только тысяча сто человек.

— Мне все равно, — ответила она. — Пусть все стоят на улице. Я знаю только, что это самое подходящее место.

Выбор Жаклин диктовался еще и другой веской причиной, которую она в конце концов открыла: вдова отказывалась ехать на заупокойную мессу по своему мужу в «жирном черном кадиллаке». Она твердо решила идти за гробом пешком, а поскольку роскошный собор находился слишком далеко, он автоматически отпал. Таким образом, вопрос был решен, хотя он создал другие, нецерковные проблемы, и некоторые из них первостепенной важности.

Никто, в том числе и Боб Кеннеди, не ожидал, что целая колонна знаменитостей пойдет за гробом пешком. Всех, кто имел отношение к вопросам безопасности, это привело в ужас. Шеф протокольного отдела государственного департамента Энджи Дьюк предчувствовал катастрофу в том, что касалось этикета, и он не был даже уверен, что подобная дань уважения президенту соответствует американским традициям. По его предложению ищейки Библиотеки конгресса были снова брошены на поиски. Они вернулись, сгибаясь под тяжестью пожелтевших томов с выцветшим газетным шрифтом и коробок с микрофильмами, с помощью которых удалось установить, что аналогичные процессии следовали за гробом Вашингтона, Линкольна, Гранта и Теодора Рузвельта. За телом Джорджа Вашингтона к его могиле в Моунт-Верноне следовали тридцать две — тридцать три тысячи ветеранов Американской революции. Это было наилучшим прецедентом из всех возможных, и Дьюк включился в работу.

Сначала вдова хотела проделать пешком весь путь — от президентской резиденции до Капитолия, а оттуда до собора Святого Матфея и Арлингтонского кладбища. Независимо от нее члены Объединенной группы начальников штабов приняли такое же решение. Солдатам и морякам это представлялось вполне достойной почестью павшему верховному главнокомандующему. Тед Клифтон осторожно указал, что последствия будут катастрофическими: мужчины откажутся сидеть в машинах, если овдовевшая первая леди будет идти пешком, а из них мало кто может выдержать такой поход. Клифтон напомнил г-же Кеннеди, что за ней поплетутся самые старые члены конгресса и Верховного суда, которым под семьдесят и под восемьдесят, а также президент Турции, который имел чин майора еще тогда, когда Эйзенхауэр (а теперь ему уже семьдесят три года) был только кадетом военной академии в Уэст-Пойнте. Вполне возможно, заметил Клифтон, что в итоге половина стран — членов Организации Объединенных Наций останется без своих лидеров.

Жаклин подумала и изменила свое решение: они пройдут пешком восемь кварталов от Белого дома до собора Святого Матфея, а главы государств, которые не смогут сделать этого по состоянию здоровья, приедут туда заранее. Организаторы похорон пытались возражать и против этого, но Жаклин отказалась отступать далее. Она сказала:

— Никто не должен идти, кроме меня.

Но когда ей заметили, что участники церемонии будут настаивать, чтобы присоединиться к ней, она пожала плечами. Это их дело, подчеркнула она, «это не важно». Один твердолобый спросил:

— А что мы будем делать, если пойдет дождь?

— Мне безразлично. Я все равно пойду. Решительный тон Жаклин заставил отказаться от дальнейшей дискуссии. Все поняли наконец, что даже свирепый ураган не помешает ей пройти по Семнадцатой улице и Коннектикут-стрит до собора святого Матфея на Род-Айленд. Вдова должна была это сделать, подобно тому как она оставалась с телом в Далласе, отказываясь снять запятнанную кровью одежду, пока не возвратится домой.

Дело в том, что друзья Жаклин никогда ее не понимали. Ее понимал муж. Семь лет назад, сидя на краю стола в штаб-квартире демократической партии в Бостоне, он сказал друзьям:

— Моя жена застенчивый и тихий человек, но когда события приобретают крутой оборот, она вполне способна с ними справиться.

Только теперь они поняли, что, говоря так, Джон Кеннеди в данном случае проявил свою склонность к излишне сдержанным оценкам.

В памяти выбитого из колеи американского народа суббота 23 ноября 1963 года осталась как интервал между двумя днями — потрясением от известия об убийстве Кеннеди в пятницу и убийством преступника в воскресенье. Телевизионные передачи драматических церемоний в Вашингтоне в воскресенье и понедельник усугубили это впечатление, так же как и улучшившаяся в эти дни погода. Ужасающе мрачный день в субботу был не похож на все другие. Исследование, проведенное Чикагским университетом, показало, что каждый взрослый человек провел в этот день у телевизора в среднем десять часов. Однако зрители мало что узнали. Позднее большинство из них могли вспомнить лишь несколько бессвязных эпизодов событий: душераздирающий спектакль в Восточном зале Белого дома у гроба Кеннеди, где каждые полчаса сменялся почетный караул: оскорбительно контрастирующие с этим сцены в далласской тюрьме, когда некоторые кадры (например, как Освальд меняет рубашку) преподносились как события большого значения; и прежде всего чувство изумления, что по молодому американскому президенту скорбят не только соотечественники, но и весь мир.

Государственный департамент, считающийся авторитетом в том, что касается настроений за границей, был ошеломлен. Его папки от 23 ноября были забиты телеграммами от послов Соединенных Штатов, описывавших глубокую печаль всех, кто их окружал. Политики за границей испытывали подобное же чувство. Премьер-министр Великобритании Дуглас-Хьюм признался, что «поражен глубиной реакции англичан, особенно нашей молодежи». Президент де Голль сказал своему другу: «Я ошеломлен. Повсюду во Франции плачут, словно он был французом, членом их собственной семьи».

Быстрая связь, бесспорно, усиливала накал страстей во всем мире. Содействовало этому и отсутствие других событий. Если бы, к примеру, Китай напал на Индию, внимание Азии было

бы быстро отвлечено. Поскольку в эти дни не происходило исторических событий равной значимости и отвлекаться было не на что, смерть Джона Кеннеди оставалась единственным в своем роде событием. Последствия ее во всем мире были, можно сказать, столь фантастическими, что привели в собор Святого Матфея восемь глав государств, десять премьер-министров и большинство из оставшихся еще на свете коронованных особ.

Если бы оставалось больше времени и если бы государственный департамент оказал быстрое содействие, то иностранные делегации были бы еще многочисленнее. Во второй половине дня в пятницу заместители государственного секретаря обсудили этот вопрос и затем послали телеграммы всем послам Соединенных Штатов, предлагая им отговорить государственных деятелей страны своего пребывания от присутствия на похоронах Джона Кеннеди, ввиду того, что появление одних может стеснить других. К вечеру того же дня стали поступать недовольные отклики. Английская королева Елизавета II ждала ребенка и не могла прибыть сама, но она хотела послать мужа и премьер-министра. Руководители ряда других стран сообщили Вашингтону, что желают приехать в качестве частных лиц. Один из них телеграфировал, что если не может быть речи об официальном приглашении, то он намерен явиться «по праву личной дружбы». Государственный департамент начал задумываться. Однако утром в субботу Дин Раск собрал всех своих заместителей и подтвердил принятое в пятницу решение. Похороны должны были состояться через сорок восемь часов, и приглашения, считал он, опоздают. К этому времени, однако, столицы мира начали чувствовать растущее давление со стороны своих собственных граждан, и к середине дня плотину прорвало. Первым, кто сделал это, был генерал де Голль; Людвиг Эрхард, Де Валера, принц Филипп и сэр Алек Дуглас-Хьюм тоже заявили, что они прилетят на похороны.

Сначала де Голль хотел остаться в Париже. Американцы сказали, что они хотят этого, а он человек гордый. Кроме того, его расхождение с Кеннеди не были секретом, и резкий поворот мог быть истолкован как проявление лицемерия. Решение де Голля изменила Франция. Если президент Соединенных Штатов так много означал для французов, заявил он близким людям, то президент Франции должен отправиться на его похороны, и он сам позвонил французскому послу в Вашингтоне Эрве Альфану и сказал ему об этом. Кэ д'Орсе сообщило о решении де Голля в 12. 02 по вашингтонскому времени. Через десять минут Брюссель объявил, что в Вашингтон прибудет король Бодуэй. Государственный департамент спешно телеграфировал официальные приглашения, и, по словам Гарримана, «за телеграммами последовал необычный поток сообщений о принятии приглашений»: от королевы Греции, императора Эфиопии, великого герцога Люксембургского, кронпринца Нидерландов, кронпринцесс Норвегии и Дании, президентов Западной Германии, Израиля, Южной Кореи и Филиппин, премьер-министров Турции, Канады и Ямайки, Анастаса Микояна, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, принца Нородома Сианука из Камбоджи. Всего послали свои делегации девяносто две страны. Президент Пакистана Айюб Хан остался дома, как и президенты большинства латиноамериканских республик, но это только потому, что они не могли по конституции покинуть свои страны без принятия особого законодательного акта. Несмотря на это, их избиратели сердились на них. О настроениях, господствовавших в конце этой недели, свидетельствует тот факт, что названным главам государств пришлось публично разъяснить, почему они не могут стоять у гроба главы иностранного государства.

Бросалось в глаза, что в списке блестящих высокопоставленных лиц, которые должны были собраться в столице США, отсутствовало имя отставного дипломата Джозефа П. Кеннеди, американского посла в Великобритании в 1937 — 1940 годах. Он не мог присутствовать на похоронах своего сына, так как два года назад его разбил паралич. Он был самым жестким и хитрым из всех Кеннеди и поэтому подвергался самой безжалостно критике. Теперь, когда он был беспомощным, его, конечно, оставили в покое. Маленькая группа репортеров, дежурившая около дома в Хайяннос-Порте, вела себя спокойно. В то время как перед глазами телезрителей мелькали Вашингтон и Даллас, мыс Код, где находится Хайяннос-Порт, редко даже упоминался. Сообщения оттуда ограничивались краткой информацией о прибытии родственников и серией фотографий матери президента Кеннеди во время первого богослужения в Хайяннос-Порте.

Весь день в субботу прибывали самолеты, но затем плохая погода отбила охоту

пользоваться ими, и поэтому иностранные государственные деятели отложили свой полет в Вашингтон до воскресенья.

Любая поездка бывших президентов Трумэна и Эйзенхауэра предварительно внимательно взвешивалась. После того как Эйзенхауэр возвратился в Геттисбург, он не мог вырваться со своей фермы из-за плохой погоды. Тем не менее он оказался захвачен событиями.

Трумэн остановился в Блэр-хаузе — официальном правительственном особняке для гостей. Там он жил во время своего второго президентского срока, когда шел ремонт резиденции главы правительства. В Блэр-хаузе пуэрториканцы совершили на него покушение. В этот день Трумэн сказал Авереллу Гарриману, что он очень сочувствует Линдону Джонсону, поскольку помнит, каким он сам был «неопытным», когда умер Рузвельт.

По своему возрасту и положению Эйзенхауэр и Трумэн были окружены особым вниманием, и они в нем нуждались. Пройти даже восемь кварталов до собора Святого Матфея им не рекомендовалось. Опрос общественного мнения, проведенный в Чикаго, показал, что убийство Кеннеди не затронуло лишь одного американца из каждых десяти. Можно сказать, что в ту субботу почти любая реакция на происходящее вокруг казалась естественной. В Лос-Анджелесе умер Олдос Хаксли⁵¹, в Огайо при пожаре больницы погибло шестьдесят три человека. В другое время это были бы крупные события, но в этот день газеты упомянули о них вскользь. Горе нации было доминирующим фактором, а оно было почти всеобщим. Институт по изучению общественного мнения страны сообщал, что даже среди южан, которые были настроены против Кеннеди и возглавляли оппозицию против него, шестьдесят два процента «чувствовали, что потеряли кого-то близкого и дорогого».

Однако печаль проявлялась по-разному. В пятницу страна была охвачена прежде всего тревогой за Жаклин Кеннеди и детей, а также чувством стыда и гнева, ни против кого, однако, определенно не направленного. В столице гнев господств рвал всю субботу. В вашингтонском отделении далласской «Морнинг ньюс» беспрестанно раздавались телефонные звонки с угрозами.

Помощник министра труда Пэт Мойнихэн был настроен агрессивно. Во время обеда на квартире корреспондентки вашингтонской газеты «Стар» Мэри Макгрори он мрачно говорил о полицейском управлении Далласа. Чем скорее оттуда заберут Освальда, доказывал Мойнихэн, тем больше шансов раскрыть истину.

— Иначе, — сказал он, — мы, возможно, никогда не узнаем, кто это сделал. Это может бросить тень на нашу историю на целое столетие.

Никто из присутствующих не возразил ему. Среди вашингтонцев репутация Далласа вряд ли могла пасть ниже.

Жаклин Кеннеди знала, что траурный кортеж тронется из резиденции завтра в двенадцать часов дня. Время для окончательных распоряжений сократилось до нескольких часов, и именно теперь, а не в пятницу вечером в Бетесде, окружавшие ее лица почувствовали в ней резкость. В субботу вечером ее уверенность в себе достигла наивысшей точки. Вопрос о завтрашней церемонии в Ротонде не терпел отлагательства, напомнил Шривер, поэтому все должно быть решено сегодня же вечером. Дальнейшие планы на понедельник можно будет изменить после того, как все вернутся из Капитолия, но церемония в Ротонде обязательно должна состояться в самое ближайшее время. На какой-то миг вдова заколебалась: конгресс оставался для нее тайной. Ее муж разбирался в законодательных маневрах, а она видела сенаторов и членов палаты представителей лишь на приемах и не знала, как принято делать в подобном случае. Затем она вспомнила небольшой прием в Белом доме за месяц до этого. Там был Бен Бредли из «Ньюсуик», который подтрунивал над президентом по поводу того, что законов проекты о сокращении налогов и о гражданских правах что-то медленно продвигаются в конгрессе. Кеннеди огрызнулся, заявив, что оба законопроекта будут приняты, и даже уточнил дату. Продолжая говорить, Джон Кеннеди спросил:

— Почему бы вам не дать портрет Майка Мэнсфилда на обложке «Ньюсуик»? Мэнсфилд

⁵¹ Известный английский писатель.

самый лучший лидер большинства в конгрессе, какого мы когда-либо имели.

Затем, демонстрируя свою блестящую память, глава правительства выложил ряд статистических данных в доказательство высокого процента законодательных актов, принятых при Мэнсфилде. Жаклин Кеннеди вспомнила теперь о симпатии мужа к лидеру демократического большинства в сенате. И она сказала:

— Я хочу, чтобы единственным человеком, который выступит в Ротонде, был Майк Мэнсфилд.

Шривер вернулся в кабинет Дангэна и заявил заседавшему там до бесконечности собранию:

— Джекки приняла решение о завтрашнем дне: она хочет, чтобы прощальную речь в Ротонде произнес Мэнсфилд.

Шривер услышал, как кто-то кашлянул. Это был Уильям М. Миллер, по прозвищу Фишбейт⁵², привратник палаты представителей, дворецкий Капитолия и связной между членами конгресса. Фишбейт прямо заявил Шриверу, что г-же Кеннеди придется либо взять свое требование назад, либо пойти на компромисс.

— Та часть Капитолия, где расположена Ротонда, — пояснил он, — находится под юрисдикцией палаты представителей. Она принадлежит спикеру.

Сарджент спросил удивленно:

— Вы хотите сказать, что он ею владеет?

Фишбейт сделал глотательное движение.

— Не то чтобы он владел ею, но если у вас есть какие-то планы и отношения Ротонды, то обращаться по этому поводу следует к спикеру. Так уж принято. Это та часть похорон, которая касается конгресса, и чего бы там ни хотела Джекки, вы не можете просто зайти туда и сказать, что, мол, говорить будет Майк Мэнсфилд. Это может задеть чувства спикера.

У Шривера было такое ощущение, будто он имеет дело с правителем иностранного государства. Затем кто-то заметил, что существует еще и третий государственный орган — Верховный суд и что на панихиде следует найти какую-то роль для его председателя. Сарджент пришел к выводу, что все это похоже на съезд политической партии: каждый лидер фракции должен получить право выступить в порядке очереди с трибуны. Телефоны Белого дома беспрестанно звонили. Было созвано совещание специалистов в области парламентской процедуры, и общее мнение свелось к тому, что на панихиде должны выступить три оратора — Джон Маккормак, Эрл Уоррен и Майк Мэнсфилд.

— Я принимаю это предложение, — сказал Шривер. Был дан сигнал, и все трое принялись за работу — Маккормак и Уоррен в номерах своих отелей, а Мэнсфилд в своем кабинете.

Между 13.10 и 14.10 телевизионные передачи транслировали в качестве позывных национальный гимн Соединенных Штатов Америки.

Жаклин Кеннеди написала мужу прощальное письмо. Позднее она не могла вспомнить точного времени, когда она его писала: лекарства и долгая бессонница притупили ее восприятие, а слуги задернули занавеси в юго-западном углу президентских апартаментов так плотно, что невозможно было отличить день от ночи. В затемненной комнате, исписывая страницу за страницей, Жаклин написала свое последнее пылкое письмо и запечатала конверт.

Глава девятая СОБЫТИЯ ВОСКРЕСНОГО ДНЯ

Воскресенье 24 ноября было днем, когда орудийный лафет с гробом президента Кеннеди должен был проехать по Пенсильвания-авеню до Большой ротонды Капитолия, где должны были быть произнесены первые прощальные речи. Впервые после убийства мужа, если не считать спуска с самолета 26000 на грузовом подъемнике в аэропорту Эндрюс в 18. 06 в пятницу, Жаклин Кеннеди предстояло появиться перед публикой, но теперь уже вместе со

⁵² Фишбейт — по-английски наживка для ловли рыбы.

своими детьми.

Воскресенье было также вторым днем пребывания на своем посту тридцать шестого президента Соединенных Штатов Америки и днем прибытия зарубежных представителей в аэропорт Даллес и Вашингтонский национальный аэропорт на похороны Кеннеди. В этот же день завершала свою работу комиссия по организации похорон, возглавляемая Шривером л Дангэном, к которым на заключительном этапе ее работы должны были присоединиться кардинал Кашинг и епископ Хэннон. В это же воскресенье должна была начаться двухдневная церемония провозглашения национальным героем погибшего мученической смертью президента. Все это было задумано в субботу вечером. Однако событий этого дня нельзя было предугадать, и те из них, что сильнее всего запечатлелись в памяти американцев, были совершенно непредвиденными: поведение вдовы президента, нашествие в столицу американского народа и убийство, впервые совершенное на глазах у миллионов телезрителей.

Утром погода прояснилась, и когда Роберт Кеннеди выглянул из окна второго этажа президентской резиденции, он увидел чистое безоблачное небо, а посмотрев вниз, был поражен толпой, собравшейся в парке Лафайетта. Безмолвные толпы людей продолжали свое бдение. Их общественное положение было столь же примечательным, как и численность. Обычно на Пенсильвания-авеню можно видеть безликих, увешанных фотоаппаратами и кинокамерами туристов, любопытных приезжих, студентов в арендованных автобусах. Этим утром зрителями в парке были Вашингтонцы, которые привыкли получать написанные от руки приглашения из Белого дома. Все больше бросалось в глаза и другое явление: явному большинству приезжих было немногим больше двадцати лет. Джону Кеннеди было сорок шесть, но молодежь, стоявшая под деревьями, с которых облетели почти все листья, видела в нем лидера своего поколения.

Усталые, измученные, осунувшиеся и небритые, американцы просматривали воспаленными глазами газетные заголовки. Пятница и суббота обессилили людей. После этих двух невероятных дней страну уже ничто фактически не могло потрясти. Лишь исключительное событие могло встревожить сидевших перед своими телевизорами непричесанных зрителей. Они слишком устали, чтобы что-то воспринимать, и могли только глазеть на экран.

Исключением явился еще раз Ли Освальд. О его спокойном сне на этот раз в передачах умолчали. (Это было одной из немногих касавшихся его подробностей, о которых не сообщалось.) Полицейские, дежурившие около трех тюремных камер с особо строгим режимом охраны, не считали это чем-то удивительным, и нет особых оснований считать, что люди, находившиеся за пределами тюрьмы, придерживались иного мнения. Теперь, однако, флегматичность Освальда кажется странной. Согласно исследованиям центра по изучению общественного мнения, более пятидесяти миллионов американцев страдали в это время бессонницей, а человек, повинный в этом, вторую ночь подряд безмятежно спал. Правда, его покой мало кто нарушал: Освальду не только не досаждали, о нем зачастую просто забывали. В субботу допрос его продолжался менее трех часов. Согласно местным законам, человек, которому предъявлено обвинение в уголовном преступлении, должен быть переведен в тюрьму графства — в двенадцати кварталах от места, где содержался Освальд. Однако его не потревожили и ради этого. Начальник далласской полиции Карри заверил телеоператоров, что он намерен обставить перевод Освальда в другую тюрьму как настоящий спектакль. Поэтому они могут подготовить свое сложное оборудование к десяти часам утра в воскресенье — в одиннадцать часов по вашингтонскому времени, в то самое время, когда семейство Кеннеди должно было присутствовать в Восточном зале на последней панихиде по умершему.

Если не считать неудавшейся попытки позвонить Марине и бешеной активности перед телекамерой, когда Освальд напоминал главную фигуру на политическом съезде, он в основном бездельничал. Преступник был единственным из главных действующих лиц этой драмы, располагавшим свободным временем. В субботу отправили спать в 19.15, и вторую ночь (в чем легко можно было убедиться) он спал сном праведника. 22 апреля 1964 года, точно через пять месяцев после убийства Кеннеди, капитан Уилл Фритц задумчиво говорил: «Вы знаете, он не доставил мне никаких хлопот».

Подопечный капитана мог бы со своей стороны вернуть ему этот комплимент. Освальду,

правда, не предоставили защитника, но он об этом не знал. Ему должно было показаться странным, что, будучи под арестом по обвинению в преднамеренном убийстве президента Соединенных Штатов Америки и полицейского офицера, не говоря уже о ранении губернатора Техаса, положение которого все еще продолжало оставаться критическим, у него было поразительно мало хлопот от полицейских. Тщательное изучение протоколов допроса Освальда показывает, что его по-настоящему и не допрашивали. Всякий, кто знаком с образом мышления полиции, знает, что полицейские склонны вольно толковать законы и среди них господствует убеждение, что подозреваемый виновен, пока не доказано обратное. Дело человека, работавшего на складе учебников, представлялось совершенно ясным через три часа после убийства президента. Но хотя он находился под арестом уже сорок шесть часов, с ним обращались с поразительной деликатностью. Причины этого теперь ясны. Если Освальд не интересовался своим собственным будущим, то этого нельзя было сказать про гражданские власти «Большого Д.». В ужасе от мысли, что репутация Далласа может еще больше пострадать, они, как Аргус за Ио, следили за расследованием, производившимся начальником полиции Карри, не подозревая, что эта их озабоченность может привлечь к Освальду усиленное внимание и тем самым содействовать исходу, которого они больше всего опасались. Все это можно понять, но что менее понятно и что вносит путаницу во все воспоминания об этих днях поздней осени, так это полная несовместимость между последними часами жизни убийцы и торжественными церемониями в столице. В тот момент, когда Роберт Кеннеди смотрел на стоявших со спокойным достоинством людей в парке Лафайетта главный агент секретной службы Форест Соррелз, выглянув из окна третьего этажа полицейского управления Далласа, увидел яркого цвета «форд» с пулеметом на его крыше. Это чудовище стояло на Коммерс-стрит, а за рулем сидел стремящийся привлечь к себе всеобщее внимание житель Далласа, называвший себя «Честный Джо Голдштейн, заимодавец». Острый взгляд Соррелза остановился на пулемете и скользнул далее. Он знал Голдштейна — богатого и щедрого ростовщика, который подлизывался к полицейским и снискал их расположение, снижая им цены на оставленные под залог вещи. Соррелз не знал, что одного из лучших друзей Честного Джо звали Джек Руби, а если бы ему об этом и сказали, то он подумал бы, что это не относится к делу, да так оно и было. Значение этой сцены состоит в том, что два мира, где символом одного был кричащий «форд», а другого — постамент, на котором стоял гроб президента, сосуществовали. Сочетание Даллас — Вашингтон, как и сочетание Кеннеди — Освальд, является оскорбительным, но оба они в конце этой недели вошли в историю Соединенных Штатов.

Любая попытка подправить репутацию Далласа была, видимо, обречена на провал. Если считать действительными данные опроса населения, то 27 миллионов американцев обвиняли в преступлении «жителей Далласа» в целом. Рита Даллас, медсестра больного отца Джона Ф. Кеннеди, в Хайянис-Порте так часто подвергалась нападкам по телефону за свою фамилию, что была вынуждена просить телефонную компанию сменить ей номер телефона. Было бы, однако, неправильным преувеличивать эту сторону драмы. Те же лица, которые проводили опрос населения, заявили, что 85 процентов публики не думали о Техасе.

В Вашингтоне главные участники предстоящей церемонии были заняты своими непосредственными делами. Майкл Мэнсфилд и Джон Маккормак определили порядок произнесения прощальных речей. Мэнсфилд должен был выступить первым, Маккормак — последним.

Сэм Бэрд и его команда перенесли гроб из Белого дома к выходу Ротонды. И тут появилась Жаклин.

В резиденцию вошел, вышел оттуда и вновь вошел глубоко расстроенный президент Джонсон. После службы в епископальной церкви Святого Марка он прибыл с женой и дочерью Люси в Белый дом, где привратник сказал ему, что Дин Раск хочет немедленно связаться с ним по телефону. Государственный секретарь сообщил ему о том, что в это время становилось известно всей стране: Освальда только что застрелили «по телевидению». В Синем зале Джин Смит, сестра Джона Кеннеди, шепотом сказала Леди Бэрд, что слышала, как один из слуг сказал, будто убийца умирает. Джонсон обратился к министру юстиции, который ничего об этом не знал, со словами:

— Вы должны что-то сделать, мы должны что-то сделать. Нам необходимо что-то предпринять! Это испортит репутацию Соединенных Штатов в мире.

Освальд умер чуть ли не в том же самом помещении, где ранее лежало тело президента. Тележку с телом Освальда повезли именно туда, когда один из врачей указал директору Парклэндского госпиталя Прайсу, что делать этого нельзя. Прайс быстро понял, о чем идет речь, и дал указание отправить тело Освальда в операционную № 2. Дело в том, что три операционные были уже примерно два часа назад приведены в состояние полной готовности, именно учитывая подобную возможность. «Секретарь немного покоя Джил Помрой сообщил мне в одиннадцать часов, — рассказывала позже медсестра Берта Лозано, — что нам следует быть готовыми к экстренным случаям, поскольку у городской тюрьмы собралась большая толпа».

Нападения на Освальда ожидали, все должностные лица были наготове, и все же оно состоялось.

Для убийства президента Кеннеди в пятницу, как и для убийства его убийцы Освальда в субботу, характерны следующие два момента: предостережения о катастрофе поступали из ответственных источников, а представители полиции, оценивая их, допустили серьезный просчет. Поначалу полицейское управление Далласа имело в виду перевезти Освальда в субботу в 22. 00, и директор ФБР Гувер, как и другие, ушел домой под впечатлением, что так и было сделано. В 14. 15 в воскресенье в далласском отделении ФБР начали раздаваться анонимные звонки с угрозой убить арестованного, и оно настаивало на том, чтобы перевезти Освальда в 15. 00, но безуспешно. В воскресенье утром Соррелз предложил Фритцу вывезти Освальда, не объявляя о времени отъезда, в момент, когда никого поблизости не будет. Однако все советы федеральных властей и некоторые рекомендации полицейского управления были отклонены из уважения к «четвертому сословию».

Однако Карри и Фритц, опасавшиеся за безопасность Освальда, приняли сложные меры предосторожности. Они пытались перехитрить тех, кто мог подкарауливать Освальда. Но их ошибка была прямо противоположна той, которая была совершена в пятницу 22 ноября. Тогда лица, ответственные за охрану президента, исходили из того, что нападение на него может быть совершено либо в аэропорту, либо в Торговом центре. А сам путь, по которому должен был следовать президентский кортеж, был оставлен без внимания.

С того момента, когда впервые был поставлен вопрос о переводе Освальда в другую тюрьму, далласская полиция строила планы, исходя из предполагаемых действий так называемого «комитета ста». По слухам, около сотни человек намеревались похитить арестованного во время его перевода в тюрьму на площадь Дили. Карри и Фритц считали, что они готовы этому помешать. Освальда должны были пристегнуть с помощью наручников к детективу и окружить полицейскими, вооруженными гранатами со слезоточивым газом. Сама перевозка должна была проходить под усиленной вооруженной охраной. Чего не было предусмотрено, так это возможности проникновения какого-либо постороннего лица через полицейский заслон до перевода заключенного из подвального помещения тюрьмы. По пути к лифту на пятом этаже Ливел, детектив в штатском, к которому Освальд был пристегнут наручниками, сказал:

— Я надеюсь, что тот, кто вздумает в тебя стрелять, окажется стрелком не хуже тебя.

По воспоминаниям Ливела, Освальд «вроде бы рассмеялся» и сказал:

— Никто не будет в меня стрелять.

Однако нашелся человек, который собирался это сделать, и это был Джек Руби. Появление Руби в подвальном помещении было крайне странно. Для некоторых оно навеки останется тайной, а другие будут всегда видеть в нем бесспорное доказательство участия полиции в каком-то сложном заговоре. И даже у тех, кто тщательно изучил все факты, связанные с убийством Освальда, осталось ощущение, как будто они видели номер очень искусного иллюзиониста. В конце концов тюрьма должна была бы обеспечить невозможность вторжения в нее в такой же степени, как и невозможность побега оттуда. Возглавляемое Карри управление было приведено в состояние полной готовности начиная с 9.00 в воскресенье. Старшие из его подчиненных начали принимать сложные меры предосторожности, чтобы избежать провала, но он все же произошел. Подвальное помещение было полностью очищено

от публики. Перед двумя покатыми автомобильными дорожками, ведущими в гараж с Мейн-стрит и Коммерс-стрит, была выставлена охрана. Четырнадцать полицейских обыскали всю окружающую местность, включая каналы для кондиционированного воздуха и багажники автомобилей, уже стоявших в гараже.

Тем не менее, когда Освальд вышел из лифта, Руби был уже на месте. Как ему это удалось? Частичным ответом на вопрос является тот факт, что Руби еще не было здесь, когда производился обыск. А в 11.17, за три минуты до того, как Освальда спустили к гаражу, Руби находился в отделении телеграфа на Мейн-стрит, в 350 футах от верхней части подъездной дорожки, ведущей к гаражу со стороны этой улицы. Он пересылал 25 долларов Карин Карлин (Малютка Линн) — двадцатилетней артистке стриптиза. Штамп с обозначением времени перевода свидетельствует о том, что Руби стоял в это время у кассы. От окошка кассы до места убийства Освальда было полторы минуты ходьбы. Конечно, оставаясь меры предосторожности столь же строгими, как и во время обыска, его не пропустили бы к подъездному пути гаража. Даже Соррелза, который был агентом секретной службы в Далласе целых двадцать восемь лет, попросили предъявить документы, прежде чем пропустили утром в здание тюрьмы. Руби не выправлял себе никаких документов, и то, что ему удалось проскользнуть мимо охраны подъездной дорожки в лице полицейского Роя Е. Воуна, явилось в значительной степени простой случайностью. Следует указать, что эта случайность была результатом неправильной подготовки полицейских к переводу Освальда в другую тюрьму.

Стремление угодить любому репортеру и исключение всякой возможности мщения убийце взаимно исключали друг друга, и споры между полицейскими офицерами, как удачнее их совместить, все еще продолжались, когда Освальд наверху надевал свитер, перед тем как отправиться в путь.

Наиболее простым решением было бы создать какую-то приманку для отвода глаз. В 1901 году управление полиции Буффало переводило Леона Ф. Чолгаша — убийцу американского президента Маккинли — из одной тюрьмы в другую, используя при этом простой трюк: его переодели в форму полицейского. В Далласе 24 ноября 1963 года такой выдумки не проявили. Лучшее, что мог придумать Джесс Карри, это достать бронированную машину или грузовик, то есть тот вид транспорта, которым обычно пользуются банки для перевозки больших денежных сумм. Выбор этот не отличался ни фантазией, ни практичностью. Когда прибыл грузовик (появление его было немедленно замечено прессой), оказалось, что он слишком велик для подъездной дорожки. — Шофер отказался подать грузовик задним ходом в гараж подвального помещения со стороны Коммерс-стрит и, так как развернуться было негде, оставил его на верхней части подъездной дорожки.

Последние минуты своей жизни Освальд провел так. Когда его будущий убийца зашел в отделение телеграфа, сам Освальд находился в кабинете капитана Уилла Фритца, где натягивал на себя свитер. В это время начальник полиции Карри собирался отправить Освальда вниз, в подвал на тюремном лифте, потом провести через тюремную канцелярию, а оттуда — в гараж. При выходе Освальда из гаража налево от него оказалась бы подъездная дорожка, выходящая к Мейн-стрит, а направо — подъездная дорожка, ведущая к Коммерс-стрит, наверху которой стоял похожий на танк бронированный грузовик, выдвинув свой тупой нос на тротуар; Между грузовиком и тюремной конторой стояли две большие машины — лимузины типа «форд галакси» без номера, которые должны были сопровождать грузовик. Одна из машин показывала бы дорогу к тюрьме графства.

Как ни удивительно, но Карри не сообщил об этом капитану Фритцу, под чьей охраной Освальд должен был оставаться до тех пор, пока его не сменит шериф. Фритц узнал об этом впервые, когда он, Соррелз и агенты ФБР предпринимали последнюю попытку заставить заключенного отказаться от его высокомерной манеры поведения. И Соррелзу показалось, что тот начал наконец сдаваться. Карри заглянул в дверь и спросил, сколько времени еще будет продолжаться допрос. Уже можно, сказал он, двигаться в путь. Когда Фритц услышал, как будут перевозить арестованного, он стал энергично возражать, предложив, чтобы Освальда везли во второй машине типа «форд галакси». Был намечен такой порядок следования машин: впереди грузовик, за ним первая машина с детективами и, наконец, вторая с Освальдом. Проехав один блок, машины должны были, однако, разойтись в разные стороны. У первого

поворота вторая машина типа «форд галакси» должна была оторваться от других и направиться прямым ходом в тюрьму графства, в то время как двум другим предстояло медленно следовать через деловую часть Далласа. Это было бы обманным маневром, и некоторые представители прессы оказались бы недовольны тем, что их провели. Однако Карри с этим согласился.

Об этих изменениях плана перевозки Освальда сообщили по телефону в полуподвальный этаж. Одновременно было отдано распоряжение доставить из гаража новую головную машину и поставить ее на Коммерс-стрит впереди грузовика. Фритц поручил это лейтенанту Рио С. Пирсу. Путь Пирсу закрывал грузовик. Он должен был подняться вверх по подъездной дорожке на Мейн-стрит (чем нарушалось установленное полицейским управлением железное правило, ибо проезд по этой дорожке был односторонним) и объехать весь квартал. Как только Пирс, выбравшись из гаража, подъехал к Мейн-стрит, полицейский Воун сошел с поворота, чтобы задержать остальное движение. Воун отсутствовал на посту примерно десять секунд. В течение этих десяти секунд у входа в полуподвальный этаж не было никакой охраны, и именно в этот момент грузный Джек Руби, одетый в обычный костюм и шляпу, проскользнул туда, не будучи никем задержан.

В кармане Джека Руби был пистолет. Джек всегда носил это оружие при себе, ибо жил в Далласе, а не в Нью-Йорке, и здесь не действовал закон Салливэна. К тому же сегодня у него было в кармане 2 тысячи долларов наличными. Еще тысячу он оставил в багажнике своей машины, стоявшей прямо напротив телеграфа. Поведение Руби соответствовало тому образу, который он пытался создать. Это был Джек, соривший деньгами, Джек, с которым шутки плохи. Теперь он собирался стать Джеком-мстителем. По словам самого Руби, его поездка в деловую часть Далласа имела «двойную цель». Первая цель — отправить деньги Карин. Карин сидела дома с мужем, не имевшим постоянной работы. В субботу был день ее полочки, и она оказалась в трудном положении в результате решения Руби закрыть свои клубы по случаю траура по убитому президенту. Малютка Линн была на четвертом месяце беременности, задолжала за квартиру, ей нужно было купить еды, а у нее в кошельке не было и пятидесяти центов.

Место на страницах истории обеспечила Руби, конечно, его вторая цель. Не очень ясно, что именно послужило поводом для нее. Быть может, он никогда не отправился бы в деловую часть Далласа, если бы беременная Малютка Линн не позвонила ему и не рассказала о трудном положении, в котором она оказалась, хотя, судя по ее воспоминаниям, он ответил: «Ну, мне все равно надо поехать в эту часть города».

Учитывая беспокойный характер Руби, представляется маловероятным, чтобы он провел все утро в мрачном раздумье у себя дома, а его слова «мне все равно надо поехать в эту часть города» не следует толковать так, будто он действовал преднамеренно. Руби был, вероятно, не способен к обману в это воскресенье.

Проходя мимо тюрьмы, Руби заметил на тротуаре толпу, но, как он позднее настойчиво доказывал председателю Верховного суда Эрлу Уоррену, он «был уверен, что Освальда уже увезли». Руби неоднократно заявлял, что он совершил убийство под влиянием внезапного порыва. Возможно, что он лгал. Конечно, он имел полное основание лгать, поскольку речь шла о его собственной жизни. Однако самое пристальное изучение его действий в воскресенье не обнаруживает никакого, даже малейшего несоответствия с тем, что он говорил. Все указывает на то, что убийство было совершено им под влиянием внезапного порыва.

Что касается рокового пути следования Освальда вниз, то здесь можно только сказать, что, подобно всему остальному в его жизни, этот путь проходил в неприглядной и пошлой обстановке. Прикованный наручниками к Ливелу, Освальд вышел из кабинета Фритца № 317 с неприятными бледно-зелеными стенами, миновал ряд потрепанных стульев с прямыми спинками и вошел в темно-коричневый тюремный лифт, лифтер которого находился за крепкой железной решеткой. В полуподвальном этаже Фритц и четверо детективов провели заключенного по полукругу через тесную тюремную контору и вошли в мрачный гараж коричневатого цвета, потолок которого поддерживали столбы, бывшие некогда желтыми, но вод воздействием выхлопных газов ставшие ныне желтовато-серыми и покрытые маслянистыми пятнами. Освальд остановился у объявления: «Не садитесь на перила, не стойте на пути». Но он не мог его увидеть, ибо в этот момент началось что-то невероятное. Две

дюжины репортеров ринулись к Освальду, они совали ему в лицо микрофоны И, стараясь перекричать друг друга, задавали вопросы. Мелькали вспышки ламп фоторепортеров, освещая всю эту сцену. Заключение, которого тянули за наручники, прошел футов десять к машине. И тут слева к нему подошел Руби. Протискиваясь сквозь толпу, коренастый Джек с пистолетом в руке проскользнул между каким-то репортером и полицейским агентом в штатском. Выбросив вперед правую руку, он крикнул:

— Ты убил президента, крыса!

Раздался выстрел. Пуля пронзила аорту, печень и селезенку Освальда. В мгновение ока убийца убийцы президента уже лежал на полу подвала, сбитый с ног кулаками полицейских. В страхе, чуть ли не с жалобным упреком он запричитал:

— Я Джек Руби, вы же все меня знаете!

Смертельно раненного Освальда, у которого началось внутреннее кровоизлияние, унесли обратно в контору тюрьмы и там, если верить воспоминаниям Соррелза и Карри, его лишили последних шансов остаться в живых (если таковые вообще были) в результате неправильно оказанной ему первой помощи. В момент выстрела Руби Соррелз и Карри оставались наверху. Карри говорил по телефону, сообщая мэру города, что перевозка заключенного началась. Подчиненные Карри закричали снизу, что в Освальда стреляли, и оба они, Соррелз и Карри, бросились вниз в контору. Там Соррелз, к своему удивлению, увидел, что полицейский в штатском, опустившийся на колени перед Освальдом, делает ему искусственное дыхание. Соррелз не узнал этого человека. Позднее Карри говорил о нем лишь как о «детективе». При поражении брюшной полости нет ничего хуже искусственного дыхания. Это то же самое, что раздувать мехами огонь: кровоизлияние усиливается по мере увеличения давления на внутренние органы. Через десять минут после доставки Освальда в Парклендский госпиталь он очутился на операционном стояв. Подле него были те же врачи, что и в последние минуты Джона Кеннеди: Перри в Дженкинс. Теперь, как и тогда, они проделали все, что полагается в подобных случаях, ко, по словам Дженкинса, «травма, которую получил пациент, была слишком тяжела, чтобы ему можно было вернуть жизнь». Через двое суток и семь минут после того как было объявлено, что президент умер, лицо его убийцы тоже было закрыто простыней.

В последующие недели смерть Освальда и особенно обстоятельства его кончины привлекали к себе все возрастающее внимание, и в конце концов этому событию было придано неоправданно большое значение. Но когда происходило само событие, этого не наблюдалось. Тогда внимание всей страны было приковано к Северной галерее Белого дома, и убийство преступника казалось чуть ли не помехой. Почти все самые близкие к Кеннеди лица отключились от Далласа сорок восемь часов назад. Они были так поглощены предстоящими похоронами, что у них не было времени обращать внимание на людей, толпившихся в грязных закутках Карри.

Роберту Кеннеди заявление президента Джонсона в Синем зале, что «это испортит репутацию Соединенных Штатов в мире», показалось неуместным. Позднее министр юстиции говорил: «В то время я думал, что это не было и не могло быть для меня обстоятельством первостепенной важности».

Стив Смит, муж сестры Джона Кеннеди, только слышал об этом, и все. В Капитолии, где сообщения передавали технические работники, не выпускавшие из рук своих транзисторов, Лэрри О'Брайен проявил к ним «не больше интереса, чем к результатам футбольного матча». Таким же образом реагировал и Кен О'Доннел. Столь же слабый интерес проявил он и в пятницу, когда ему сообщили об аресте Освальда. Стоявший рядом о письменным столом Сарджента Шривера генеральный секретарь Международного секретариата Корпуса мира Дин Гудвин, в свое время с отличием окончивший юридический факультет Гарвардского университета, тоже не проявил никакого профессионального интереса.

— Мне было бы безразлично, — заявил он, — даже если бы сказали, что в убийстве обвиняют Коннэли. Сарджент поднял трубку, положил ее и сообщил:

— Кто-то только что застрелил Освальда.

Никто в кабинете не вымолвил ни слова. Как позднее сказал Гудвин: «Мы продолжали работать».

Это была одна реакция на убийство. То, что Шривер счел необходимым сделать такое сообщение, было другой реакцией. В середине дня в воскресенье те же люди, которые два дня назад передавали по телефону или громко сообщали друг другу новости об убийстве президента, вновь поддались инстинкту более древнему, чем изобретение языка, разглагольствуя как самозванные глашатаи перед родственниками, друзьями и прохожими.

Никогда еще за все семь столетий существования суда присяжных преступление не совершалось в присутствии столь многих зрителей, и помощник вице-президента Джордж Риди был потрясен так же, как и два дня назад. Разговаривая по телефону в канцелярии президента, он держал трубку возле уха и следил краешком глаза за экраном телевизора. Риди увидел, как был сделан выстрел, но это не дошло до его сознания. Он велел секретарю выключить телевизор и спросил возмущенно:

— О чем они думают, прерывая показ похорон президента старым гангстерским фильмом?

Затем до Риди дошло, что стрелявший не был киноактером, и он повесил трубку в таком замешательстве, что до сегодняшнего дня так и не может вспомнить, с кем тогда говорил по телефону.

Близкий друг покойного президента Байрон Уайт, готовясь выйти из дому, чтобы пойти в Ротонду, реагировал таким же образом:

— Мне показалось, что это новый кинофильм. Дэйв Хэккетт, возглавлявший при Кеннеди комиссию по борьбе с детской и юношеской преступностью, наблюдал убийство Освальда по телевидению в доме министра юстиции, и его душевное состояние ни на йоту не изменилось.

— Мне было все равно, — сказал он. — Это было слишком гротескно, чтобы я мог это воспринять.

Председатель Верховного суда Уоррен, просматривавший за письменным столом свод законов и что-то писавший, ничего не видел, но его дочь Дороти вбежала в его кабинет с криком:

— Они только что застрелили Освальда!

Уоррен отложил в сторону карандаш и сказал раздраженным тоном:

— Душенька, не обращай внимания на эти дикие слухи.

Когда член Верховного суда Дуглас пришел домой, его встретила у входа молодая жена, которая, казалось, была взбудоражена этой новостью больше, чем он сам.

Дуглас глубоко вздохнул и сказал задумчиво:

— Это просто невысказано.

Видевшей все это несколькими минутами ранее Джоани Дуглас это казалось не только мыслимым, но и доставило удовлетворение. Как только убийца рухнул, она вскочила и торжествующе закричала:

— Здорово! Дай ему еще!

Но это было нетипично. Неизбежно, что меньшую часть населения обуревала начиная с пятницы жажда кровопролития. До того как было официально объявлено о смерти Освальда, испытанные телефонистки Парклендского госпиталя отбивались от звонков неизвестных лиц, советовавших «убить его, пока он еще находится у вас», или обвинявших персонал госпиталя в том, что они «любят негров и убийц». У многих жажда мщения была временной. Несколько дней спустя Джоанн Дуглас краснела за свое, как она говорила, «варварство». Опрос населения в Чикаго показал, что 89 процентов американцев надеялись и верили, что «человека, который убил» Кеннеди, не «пристрелят и не линчуют».

Американцы, не одобрявшие убийства Освальда, были расстроены. В воскресенье вечером, когда Роберт Кеннеди смог собраться с мыслями о событиях дня, он заметил своему заместителю Катценбаху:

— Очень плохо, что застрелили этого парня в Далласе.

Находясь в Ротонде, Джон Кеннет Гэлбрайт размышлял о том, что «в некоторых отношениях» это «самое непростительное из всего, что случилось». Ллуэлин Томпсон считал убийство Освальда дипломатической катастрофой. Его поразило, что момент для убийства был выбран самый неподходящий: «Именно тогда, когда похороны президента начали восстанавливать нашу репутацию за границей». Двое членов Объединенной группы

начальников штабов придерживались того же мнения. Ее председатель Максвелл Тэйлор размышлял о том, насколько «вредит нашей репутации во всем мире беззаконие». Корреспондентка вашингтонской «Стар» Мэри Макгрори, находясь в момент убийства Освальда у себя дома на Маккомб-стрит, подумала: «Республике пришел конец. Мы никогда уже не будем прежними. Все кончено!» Помощник министра труда Пэт Мойнихэн, не доверявший с самого начала полиции Далласа, находился в своем кабинете на Пенсильвания-авеню. Раздался телефонный звонок — его жена сообщала ему об убийстве Освальда. Пэту вдруг показалось, что он видит газетные статьи, начинающиеся со строк: «Предполагаемый убийца убит при попытке к бегству». Пэт ударил со всей силы ногой в стену и, вызывая подряд по телефону всех, кого знал, бессвязно орал в трубку.

У генерала Тэйлора возникла другая мысль, и позднее он говорил:

— Я был убежден, что возникнет подозрение, будто Руби убил Освальда, чтобы что-то скрыть.

Это было потрясающей недооценкой положения вещей. Все те, кто обратил на это дело вообще какое-то внимание, считали в первые часы после убийства Освальда, что это именно так. Объяснения Карри казались жалкими и несостоятельными. Даже после того как стали известны все факты, сомнения все еще оставались. Большинство американцев были убеждены, что оба убийства — «результат организованного заговора». В воскресенье же в этом вряд ли кто сомневался. Наличие заговора казалось единственным разумным объяснением.

Действительно, чем больше люди узнавали о заговорщиках, тем более крепло это их убеждение. Один агент секретной службы, видевший на экране телевизора в холле западного крыла Белого дома, как Руби исчез из поля зрения, пробормотал про себя: «Это был связной». Независимо друг от друга, секретная служба, ЦРУ и ФБР исходили из того, что Руби и Освальд была ранее связаны друг с другом. В Ротонде министр финансов Дуглас Диллон высказал предположение насчет того, кто стоит за спиной совершивших двойное убийство, а Тед Соренсен воскликнул:

— Этого только не хватало! Боже, когда все это кончится!

В Далласе федеральный прокурор Бэрфут Сандерс вез в машине свою жену и судью Сару Хьюз в аэропорт Лав Филд, откуда они должны были лететь в Вашингтон на похороны Кеннеди. Сразу после того как Сандерс распрощался с ними, он услышал по радио в машине первое объявление об убийстве Освальда. Он тут же ринулся обратно к себе в кабинет и официально привлек к этому делу ФБР на том юридическом основании (непонятном для непрофессионала, но безупречном в правовом отношении), что были нарушены гражданские права Освальда. Тем временем секретная служба уже занялась собственным расследованием. Соррелз связался по телефону с начальником группы агентов секретной службы Белого дома Джерри Беном по поводу того, как скорее раскрыть связь между Руби и Освальдом. Бен сказал:

— Это заговор.

— Конечно, — согласился Соррелз.

По иронии судьбы ни жена Освальда, ни его мать не видели его последнего появления на сцене, ибо агенты секретной службы перевозили обеих женщин из одного отеля в другой. В это утро они находились сначала в гостинице «Икзекьютив инн», а затем в отеле «Шесть флагов» — на пути между Далласом и Форт-Уортом. Как вспоминала позднее Маргарита Освальд, Марина сказала ей: «Мама, я хочу взглянуть на Ли». Маргарита объяснила, что «Марина надеялась, что Ли покажут по телевидению, как оно и было», но что сама она против этого.

— Я сказала: «Душенька, давай выключим телевизор. Там все время повторяют одно и то же». И я выключила телевизор, так что ни я, ни Марина не видели, что случилось с моим сыном.

Роберт Освальд тоже этого не видел, но он был первым членом семьи убийцы, который услышал о том, что случилось.

Будучи сам ни в чем не повинен, он два дня и две ночи жил в сознании того, что ему придется до гроба нести на себе позор вины своего брата. Уже другие семьи, носившие фамилии Освальд, обратились в суд с просьбой переименовать им фамилию на Смит или Джонс. Роберту оставалось только быть мужчиной, и он хорошо с этим справился. Он вышел из себя только раз — в отношении своей матери. Когда Маргарита Освальд услышала о смерти сына,

она пришла к поразительному выводу, что он действовал от имени Соединенных Штатов. С неприкрытым отвращением он выслушал ее заявление, что, поскольку Ли отдал жизнь за свою страну, он должен быть похоронен со всеми почестями «на Арлингтонском кладбище». Роберт сказал:

— Замолчи, мать!

Жаклин Кеннеди появилась у входа в Северную галерею, держа за руки обоих детей. Не сводя распухших глаз с гроба, она ожидала начала похоронной процессии. Ее облик, полный невыразимой трагедии, потряс в этот краткий миг совесть нации.

При опросе, который проводили позднее в эту неделю студенты колледжа Новой Англии, было установлено, что «внимание к действиям и поступкам г-жи Кеннеди граничило с одержимостью».

Здесь она впервые столкнулась с этим вниманием. Это был также первый луч солнца, который Жаклин увидела со времени Далласа, но она не сощурилась. Твердо и непоколебимо она ожидала сигнала, устало опустив ресницы и сжав свой прекрасный рот, подобно маске классической трагедии. Сразу же за ней, как всегда настороже, стоял Роберт Кеннеди. Телекамеры замерли, направив объективы на вдову. За исключением тех, кто просматривал газеты или говорил с друзьями, все люди в Соединенных Штатах следили за г-жой Кеннеди. По их собственным словам, минимум 95 процентов взрослого населения сидело у телевизоров или слушало сообщения по радио. К Америке следует добавить всю Европу и те страны Азии, которые периодически охватывал спутник связи. В Советском Союзе было объявлено, что похороны, включая заупокойную службу в соборе Святого Матфея, будут транслироваться по телевидению.

Вся американская нация была охвачена горем. Как сказал радиокomentатор через полчаса после убийства Освальда:

— Случилось слишком многое. Оно произошло слишком быстро и было слишком ужасным.

Независимо от расовой принадлежности, религиозных или политических убеждений, средний американец продолжал глазеть, оступивший от событий последних двух дней.

К моменту, когда часы над опустевшим вице-президентским креслом Линдона Джонсона показывали 13.08, сотрудники протокольного отдела государственного департамента закончили разметку огромного круга в неосвященном зале Ротонды. Они разграничили шнурами секторы для членов Верховного суда, членов кабинета, руководства конгресса, персонала Белого дома, для семейства Кеннеди и его друзей.

В этот день отмечались, однако, и элементы карнавального характера. Так, Мак Килдаф выставил из Ротонды несколько «настоящих пугал», вроде человека, уверявшего, что он «личный ветеринар президента». Начальник церемониала подполковник Миллер спокойно закрыл дверь перед одним конгрессменом и его двадцатью избирателями. В общем и целом конгрессмены в Ротонде произвели неприятное впечатление на сторонников Кеннеди. Пол Фэй, исполняющий обязанности морского министра, заметил, что кое-кто из конгрессменов «наваливался на шнуры, чтобы сфотографироваться», и он «весьма критически» к ним отнесся, особенно к тем, что были «политическими врагами президента».

Непосредственно за помощниками президента Джерри Визнером, Фредом Холборном и Майком Фелдмэном стояли два конгрессмена, громко вопрошая друг друга, кто эта «самонадеянная молодежь». Затем они начали высказывать соображения по поводу того, стоит ли Джонсону выполнять устные обязательства, взятые на себя Джоном Кеннеди. В другом секторе огромного круга, как писал Кеннет Гэлбрайт в своем дневнике, «конгрессменов, стоявших в непосредственной близости от нас, беспокоил как будто бы главным образом вопрос, пригласят ли их завтра на похороны».

Оставшиеся без своего лидера, помощники президента Кеннеди были, бесспорно, сверхчувствительны к пренебрежительному отношению. Чтобы их обидеть, многого не требовалось. Сам Гэлбрайт возмутил всех, стоявших вблизи него, заявив, что написал «за ночь очень хороший проект» обращения президента к обеим палатам конгресса на их совместном

заседании. Когда председатель Совета экономических экспертов при президенте Уолтер Геллер сообщил о «потрясающей» беседе («Линдон Джонсон ткнул меня в грудь пальцем и сказал: „Я хочу, чтобы вы и ваши либеральные друзья знали, что я не консерватор, а демократ рузвельтовского толка“»), его друзья отвернулись от него. С блестящими глазами министр обороны Макнамара рассказывал о приготовлениях в Арлингтоне.

— Это будет что-то вроде святилища, — заявил он. И добавил: — После того как президента не стало, ничто не останется по-прежнему. Помимо всего прочего, президент умел волновать сердца людей во всем мире, выступая на таком уровне, в таком духе и по таким проблемам, которые отражали время и эпоху, в которой он жил. Линдон Джонсон не сможет даже приблизиться к этому.

Министр сельского хозяйства Орвил Фримэн заметил:

— Нам все же повезло, что теперь в роли руководителя оказался такой сильный человек, как Линдон.

Макнамара кивнул. Стоявшие вокруг промолчали.

Помощники президента Кеннеди стояли, прислушиваясь: кортеж должен был обогнуть восточное крыло Капитолия. Они услышали бы его приближение прежде, чем увидели, и сейчас они уловили какие-то звуки. С дальнего конца Пенсильвания-авеню раздался слабый, необычный, навязчивый звук: «Бум, бум, бум, дррр».

Звук этот все время повторялся, становясь все более четким по мере приближения, пока наконец даже те, кто был к нему не подготовлен и лишь читал о нем в книгах, поняли, что это ужасная прерывистая дробь приглушенных барабанов.

Командующий Вашингтонским военным округом генерал-майор Филип Уил поднял руку в безупречно белой перчатке, подавая сигнал для начала процессии, которую он возглавлял. За ним двигались барабанщики и рота морских пехотинцев в составе восьмидесяти девяти человек с приткнутыми штыками, сверкавшими на солнце; начальники штабов; военные адъютанты президента Тед Клифтон, Годфри Макхью и Тэз Шепард; лафет о гробом, который тянули лошади; президентский флаг Джона Кеннеди; конь без всадника; команда лейтенанта Бэрда, которая должна была переносить гроб; лимузин вдовы и девять других машин, в которых ехали члены Клана Кеннеди и их родственники — Фитцджеральды, Очинкроссы, Шриверы, Смиты, Лоуфорды со своими детьми. За последней машиной нестройно шагали представители прессы при Белом доме. Пешая полиция и три автомобиля завершали процессию.

Процессия двигалась по длинной аллее под деревьями с уже облетевшими листьями, и пятьдесят красочных знамен штатов склонялись по обе стороны над простым гробом.

По мере продвижения процессии, минующей квартал за кварталом, тишина вокруг становилась все более гнетущей. Сержанту Сеттербергу она показалась «неестественной». Генерал Клифтон вспомнил один вечер в 1944 году, когда, проскочив на «джипе» впереди боевых частей, он вышел из машины и ему показалось, что он единственный человек во всей Флоренции. Тогда он целых три часа шагал по улицам покинутого города. А теперь ему казалось, что «в тот день во Флоренции было больше шума, чем в Вашингтоне во время этой процессии». Единственными звуками была дробь барабанов и цоканье конских копыт. Шедший впереди генерал-майор Уил слышал лишь, как «бьют барабаны, ужасные барабаны».

— Ах, Линдон, — воскликнула вдруг Жаклин Кеннеди, в первый и последний раз нарушив свой обет никогда больше не называть Джонсона по имени, — какое ужасное для вас начало!

Новый президент ничего не ответил. Во время пути ни он, ни Леди Бэрд не произнесли ни слова. Роберт Кеннеди молча утешал Кэролайн. Дети президента вели себя тихо, и, по воспоминаниям всех, включая Билла Грира, сидевшего за рулем, и Джерри Бена, находившегося рядом с ним, сочувственные слова Жаклин оказались единственными, которые были произнесены в головной машине.

Поскольку участники процессии смотрели в сторону Капитолия и телекамеры были направлены на них, ни те, кто находился в первых рядах головной колонны, ни миллионы телезрителей не увидели самого драматического момента за все сорок пять минут движения похоронной процессии. По плану Шривера — Дангэна последними двумя категориями лиц, следующих за лафетом, должны были быть полицейские и «прочие участники процессии».

Единственными, кто шел пешком все одиннадцать кварталов, были корреспонденты. Но в Девятой улицы и Пенсильвания-авеню, рядом с входом в Федеральное бюро расследований, находящееся в здании министерства юстиции, все неожиданно изменилось. Собравшаяся в конце траурного кортежа толпа заполнила улицу и двинулась вперед. Шедшие в колонне полицейские остановили ее и, сомкнув руки, образовали поперек улицы заслон. Они кричали, что не нужно идти за кортежем, что площадь Капитолия уже забита людьми. Это было действительно так, но взывать теперь к здравому смыслу этих людей было все равно что спорить с надвигающимся прибоем. Ибо весь квартал между министерством юстиции и министерством финансов был черен от стремившихся вперед людских толп. Но это была самая спокойная толпа из всех когда-либо прорывавших полицейские заслоны. Прорыв этот был столь быстрым и произошел так легко, что никто из ехавших впереди не заподозрил ничего необычного. Зрелище было действительно впечатляющим. Взобравшись на конную статую напротив здания Национального архива, трое полицейских попытались определить число людей. По их подсчетам, Джона Кеннеди провожало сто тысяч «прочих участников процессии».

Генерал-майор Уил, направив лафет вокруг сенатской стороны Капитолия, остановил его под восточными ступенями здания. Главные участники процессии стояли на нижней ступени Капитолия, ожидая начала воинских почестей. Севернее, в парке «Юнион нейшн», командир артиллерийского батальона поднял руку, напряженно вслушиваясь в звуки вмонтированного в шлем миниатюрного радиоприемника, в то время как капитан на площади Капитолия передавал ему команду быть наготове. Рядом другой офицер крикнул:

— На...

Когда поднявшийся внезапно ветер стал трепать звездно-полосатый флаг, покрывавший гроб, капитан скомандовал: «Огонь!», набавив три секунды на эхо. В следующий момент другой офицер крикнул:

— На караул!

Загремел первый залп салюта из двадцати одного орудия. Солдаты вскинули винтовки, напряженные руки командиров коснулись козырьков фуражек, и ясно послышался первый мелодичный звук оркестра военно-морских сил.

После того как отзвучали фанфары, раздались звуки гимна «Слава вождю», прерываемые каждые пять секунд залпом артиллерийских батарей.

В Ротонде выступали Мэнсфилд, Уоррен и Маккормак. Слушатели были, конечно, придирчивы. Никто не критиковал Маккормака, потому что он в сущности ничего не сказал. Однако слова председателя Верховного суда, решительно осудившие людей, разжигающих ненависть, были встречены со смешанным чувством. Роберт Кеннеди считал, что упоминание о ненависти было неуместно, а Макджордж Банди заявил, что «основной смысл разыгравшейся трагедии в том, что она бессмысленна». Лишь Кеннет Гэлбрайт понял подлинный смысл выступ пения Уоррена. Он писал в своем дневнике: «Уоррен сказал то, что нужно было сказать: если мало тех, кто выступает за убийство, то многие способствуют созданию атмосферы, которая наводит людей на мысль об убийстве». Однако наиболее полемичной из трех была речь лидера демократического большинства в сенате. Подобно Уоррену, М айкл Мэнсфилд понял сущность преступления в Далласе, заявив, что «фанатизм, ненависть, предубеждение и высокомерие слились в этот ужасный момент в одно целое, чтобы погубить Джона Кеннеди». Образность и блестящая манера изложения отличали речь Мэнсфилда от других. Это был подлинный шедевр, оставшийся, как это бывает с многими блестящими речами, не оцененным должным образом в момент его произнесения. Из-за скверной акустики многие даже не слышали Мэнсфилда, а многие из числа тех, кто слышал его, были воспитаны в традициях сдержанности и нарочито преуменьшенных оценок. Их шокировала откровенность и эмоциональность Мэнсфилда. Дуглас Диллон поеживался, а британский посол Дэвид Ормсби-Гор нашел речь Мэнсфилда ужасной. Почти никто из присутствующих не понял, что это было данью молодому президенту и первой леди. Смотревшие на Жаклин Кеннеди участники панихиды считали, что Мэнсфилд допустил при ней неуместную жестокость. Однако их не было в президентской машине SS 100 X, они не видели крови, они не пережили кошмара

операционной № 1 в Парклендском госпитале, им была неведома картина насильственной смерти. Только Жаклин могла оценить слова Майкла Мэнсфилда, и она не поверила своим ушам, слушая его: она не думала, что похоронная речь может быть такой замечательной. Глядя на его страдальческие глаза и худое лицо горца, Жаклин подумала, что у него профиль, как у святых на полотнах Эль-Греко. Для нее эта речь была столь же красноречивой, как речь Перикла или письмо Линкольна матери, потерявшей в сражении пять сыновей. В своем выступлении Майкл Мэнсфилд не уходил от ужасной действительности.

«Это единственная речь, — подумала она, — где сказано о том, что в действительности произошло».

Мэнсфилд кончил, и пока его вибрирующий голос разносился под сводами Ротонды, он подошел к Жаклин и передал ей текст своей речи.

— Вы предупредили мое желание, — сказала она. — Откуда вы узнали, что я хотела ее получить?

Мэнсфилд склонил голову:

— Я не знал этого. Я просто хотел вам ее отдать.

Венок Жаклин был уже у гроба. Теперь выступил вперед Линдон Джонсон, чтобы выполнить ритуал возложения венка президентом Соединенных Штатов. Его данью был огромный венок из яркой зелени, красных и белых гвоздик, прикрепленный к основе, которую поддерживал долговязый армейский сержант. Когда Джонсон подошел к венку и сделал движение вперед, сержант отступил, соразмеряя свои шаги с шагами президента. Странный вальс двух людей закончился. Сержант быстро удалился. Джонсон замер в краткой молитве, а затем вернулся на свое место. Если не считать приглушенных рыданий сержанта, которого вели к выходу два полковника, в Ротонде стояла тишина.

На этом панихида закончилась. Четырнадцатиминутная церемония подошла к концу, и только тогда Жаклин Кеннеди, находившаяся в полуобморочном состоянии, вдруг поняла, что все ждут, чтобы она вышла из Ротонды первой.

Вдова не была еще готова к этому. Повернувшись к Роберту Кеннеди, она тихо спросила:

— Мне можно попрощаться?

Он кивнул, и она взяла за руку Кэролайн. Жаклин чувствовала себя несколько неловко, но не хотела, чтобы на этом все кончилось. Она прошептала дочери: — Мы прощаемся с папочкой, поцелуем его на прощанье и скажем ему, как мы его любим и как нам всегда будет его недодавать.

Мать и дочь двинулись вперед — вдова грациозно, ребенок старательно, пытаясь повторять движения матери. Жаклин опустилась на колени. Кэролайн последовала ее примеру.

— Поцелуй, — прошептала Жаклин.

С закрытыми глазами обе они склонились и слегка коснулись губами знамени.

Все еще сжимая руку Кэролайн, вдова встала и со спокойным достоинством направилась к выходу. Остальные спотыкаясь двинулись за ней.

Выйдя из Ротонды, все увидели в ярких лучах солнца, какая огромная толпа людей стояла перед ними. Клифтон сказал, что, когда он увидел «море голов», ему показалось, будто «вся земля покрыта людьми».

Перед началом церемонии по радио и телевидению объявили, что доступ в Ротонду будет открыт и для публики. С этого момента движение на всех мостах и дорогах, ведущих к Вашингтону, становилось все более затруднительным. На Нью-Йорк-авеню машины шли вплотную буфер к буферу. К вечеру автомобильная колонна растянулась на тридцать миль до самого Балтимора. Об участниках процессии диктор радио сообщил, что «это молодежь, большинство не старше двадцати с небольшим». На Байрона Уайта произвело большое впечатление число студентов, одетых в свитера своих колледжей. Некоторые несли с собой книги.

На тротуаре, прежде чем сесть в машину, Жаклин Кеннеди подошла к г-же Джонсон и сказала:

— Леди Бэрд, вы должны зайти ко мне поскорее, и Мы поговорим относительно вашего переезда.

Застигнутая врасплох, новая первая леди ответила:

— Прежде всего я хотела бы сказать, что могу ждать до тех пор, пока вы не будете готовы.

Как она впоследствии вспоминала, вдова слегка улыбнулась и сказала:

— В любое время послезавтра. Потом мне нечего будет делать.

В 14.19 она села в машину и покинула Капитолий, а через шесть минут Фрэнк Макджи, корреспондент «Нейшнл бродкастинг компани», задержавший свое сообщение до этого момента, подтвердил, что Ли Освальд умер. Жаклин Кеннеди даже не знала, что его застрелили. Потом она подумала про себя, что убийство убийцы — «это еще одно ужасное событие».

Государственный департамент, как строгий блюститель этикета, проявлял колебания относительно своих планов приема именитых гостей, которые должны были прибыть в этот вечер. Ясно, что после похорон президента для них следовало устроить какой-то прием. Поначалу в роли хозяина на приеме собирался выступить Дин Раск. Тогда ему тактично намекнули, что он не глава государства. Не был им и министр юстиции. Однако Раск и заместитель государственного секретаря Алексис Джонсон, все еще жившие недавним прошлым, решили, что гостей должен принять Роберт Кеннеди. К воскресенью государственный департамент признал Джонсона в качестве нового президента, и было решено, что именно он должен встретить гостей. Затем Жаклин Кеннеди, по предложению Макджорджа Банди, заявила, что она желает принять иностранных гостей в Белом доме. Алексису Джонсону не могло прийти в голову, что она поступит таким образом, ибо это «превосходило все, что могло быть продиктовано чувством долга». Однако в этом случае выигрыш в дипломатическом отношении был бы огромным, и было решено, что состоятся два приема: один от имени прежнего правительства, другой — от нового.

Покинув Капитолий в момент, когда туда начала прибывать публика, деятели и прежнего и нового правительства возобновили свою работу в Белом доме и в канцелярии президента. Это было справедливо. Жаклин Кеннеди сидела наверху в прекрасной президентской резиденции, в то время как Джонсон носился по коридорам рационально построенного, но ужасного здания канцелярии. Первое, что он сделал, войдя в свой кабинет сразу после панихиды в Ротонде, — позвонил Нику Катценбаху, потребовав от него сведений об Освальде. Катценбах сообщил ему, что начальник управления по уголовным делам министерства юстиции Джек Миллер летит в Даллас и что ФБР официально принимает участие в расследовании. В 15.00 посол Соединенных Штатов во Вьетнаме Генри Кэбот Лодж и директор ЦРУ Джон Маккоун представили Джонсону первую подробную информацию о положении во Вьетнаме. В тот же день обсуждался вопрос, с кем из иностранных гостей президенту необходимо завтра встретиться. В сущности, это был ведомственный спор между заместителем государственного секретаря Джорджем Боллом и специальным помощником президента Макджорджем Банди по поводу того, кому из них следует составлять список гостей, которых должен принять президент. Джонсон уладил этот спор (в пользу Банди), и в 17.15 его познакомили с секретами федерального бюджета, в то время как финансовые советники Кеннеди знакомились с «секретами» Линдона Джонсона.

В полдень председатель бюджетной комиссии Кермит Гордон уже имел с ним краткую беседу. Теперь Гордон появился вместе с министром финансов Диллоном, его заместителем Фаулером и председателем Совета экономических экспертов при президенте Геллером. Они хотели, чтобы Джонсон поддержал предложенное еще Кеннеди сокращение налогов на 11,5 миллиарда долларов и чтобы он понял, что новый бюджет уже близок к завершению. Для того чтобы вовремя представить конгрессу бюджет, нужно было в ближайшие две-три недели сдать его в набор в правительственную типографию. Джонсон высказался за законопроект о налогах. Кроме того, он тут же придал бюджету политическое звучание.

«Бюджет Джонсона» должен был стать его первым триумфом президента. Полный решимости добиться поддержки возможно большего числа бизнесменов, Джонсон считал, что скорее всего достигнет этого, если покажет, что он, как тигр, борется с расточителями. К новому году все те, кто не входил в правительство, думали, что президент Кеннеди запланировал бюджет на 103 миллиарда долларов, а президент Джонсон его так резко сократил, что он оказался меньше прошлогоднего. Но это было просто мифом. Перед поездкой в Техас Кеннеди срезал примерно два из запланированных 103 миллиардов и сказал Диллону, что

бюджет должен быть ниже 100 миллиардов долларов, в противном случае, подчеркнул он, налоговый законопроект не удастся провести в сенате. Джонсон остановился на бюджете, чуть превышавшем прошлогодний и равнявшемся 97,7 миллиарда. Бюджет Кеннеди должен был быть примерно таким же. Разница между этими двумя бюджетами заключалась, в сущности, в умении Джонсона показать товар лицом. Это заворожило тех, кто занимался государственными финансами, создав образ наиболее экономного со времен Кулиджа президента. Ни один вашингтонский корреспондент не заметил, что это была ловкость рук, не больше.

Годом позже Диллон и компания уже настороженно следили за маневрами и комбинациями Джонсона, ибо к тому времени его приемы стали общеизвестны. А тогда Джонсона так мало знали в правительстве как человека, что Банди, к примеру, даже не подозревал, что новый президент любит фотографироваться. Грубая ошибка, допущенная Кеннетом Гэлбрайтом и тремя членами кабинета — Фримэном, Юдолом и Виртцем, — была проявлением общего неведения на этот счет. Перед тем как пойти в канцелярию президента, Геллер присутствовал в кабинете Фримэна на совещании, созванном по инициативе неутомимого Гэлбрайта. Гэлбрайт считал, что подготовленный им проект речи президента на совместном заседании сената и палаты представителей конгресса должен быть одобрен теми, кого он считал «либеральным крылом» в правительстве. Здесь присутствовал и Чарлз Мэрфи, писавший речи для Трумэна. Он тоже подготовил проект речи Джонсона. Прочитав проект Мэрфи, Гэлбрайт нашел, что он очень схож с его собственным. Гэлбрайт сообщил, что президент хочет, чтобы Соренсен и он, Гэлбрайт, писали речи, и попросил участников совещания высказать по этому поводу свои замечания. При Кеннеди все это было бы вполне в порядке вещей, но это не было в порядке вещей для Джонсона, поскольку его об этом не информировали. Геллер проболтался. Будучи подозрительным, новый президент сказал Геллеру, что созванное Гэлбрайтом совещание является, очевидно, «закрытым собранием либералов», чтобы оказать на него давление. Это совещание, не содействовавшее либеральным целям, поставило всех присутствующих под подозрение и означало конец карьеры Гэлбрайта как политической фигуры переходного периода. Президент был против секретных совещаний, а всякое совещание, которое он не санкционировал, считалось «секретным». Он намеревался руководить всем, буквально всем, своей твердой рукой.

Если новый президент и был когда-нибудь несправедлив к либералам (вполне возможно, что этого вовсе и не было), то это несущественно. Для Соединенных Штатов прежде всего было необходимо, чтобы Джонсон быстро создал атмосферу уверенности, а в этом отношении он был великолепен. Неважно, что он создавал лишь видимость уверенности или сам мог испытывать при этом чувство неуверенности, — он благоразумно держал все свои колебания и страхи при себе. Джонсон, бесспорно, испытывал их, но лишь редко разрешал кому-либо заглядывать себе в душу и угадывать свои сомнения. Однако министру финансов Диллону удалось все же на краткий миг увидеть их. После совещания о бюджете президент и Диллон обсуждали работу секретной службы и завтрашнее траурное шествие из Капитолия в собор Святого Матфея. Поскольку убийство Освальда наводило на мысль о сложном заговоре, начальник секретной службы Белого дома Роули не хотел, чтобы Джонсон шел за гробом пешком. Сначала президент с ним согласился, а затем, однако, заявил:

— Лэди Бэрд сказала мне, что я должен идти, и я переменил свое решение.

Теперь штаб-квартирой Жаклин Кеннеди стала Западная гостиная. Она редко ее покидала. Жаклин распорядилась, чтобы двери гостиной закрыли, изолировав ее и тех, кто находился вокруг нее, от остальной части президентских комнат.

Изоляция имела смысл, поскольку вдове нужно было сосредоточиться, а резиденция была полна гостей.

Жаклин определяла характер торжественных похорон и в то же время принимала какие-то предварительные решения относительно своего собственного будущего в ближайшее время. Теперь у нее не было дома. Ее дом стал законной резиденцией семьи Джонсонов. Их переезд нельзя было бесконечно откладывать, несмотря на любезные предложения Леди Бэрд. Резиденция была штаб-квартирой главы правительства. Это означало, что все, имевшее отношение к семье Кеннеди, включая уроки Кэролайн в Белом доме, должно было

переместиться в другое место, но куда именно, она не могла пока определить. Однако, будучи окружена столь многими влиятельными друзьями, Жаклин смогла быстро найти временное решение вопроса. Кеннет Гэлбрайт, занявшийся жилищной проблемой вдовы, справился с этим блестяще. Когда она сказала ему, что не знает, сколько у нее будет денег, он сослался на то, что у Гарримана «так много недвижимости, что он не знает, что с нею делать. Он может купить дом в Джорджтауне и передать его вам. Для него это было бы разумным вложением капитала».

Все же дело обстояло не так просто: возникла проблема мебели и обслуживающего персонала. Однако Гарриман предложил поместить свою семью в отель и передать Жаклин Кеннеди свой дом в Джорджтауне. После трех телефонных разговоров Гэлбрайт сообщил Роберту Кеннеди, что вопрос улажен именно таким образом.

Вопрос о завтрашних прощальных речах обсуждался подробно. Кортёж должен был останавливаться дважды — в соборе Святого Матфея и на Арлингтонском кладбище, и речи должны были произноситься в обоих местах. В соборе должен был говорить епископ Хэннон. Мысль, чтобы там выступал не священнослужитель, была оставлена. Что касается кладбища, то Джекки сказала Бобу:

— Если кому и следует выступить там, так это его братьям. Ты и Тедди должны где-нибудь что-то сказать. Ты скажи это там, у могилы.

После обеда в воскресенье началось паломничество в Капитолий. Джекки и Боб опять отправились туда вечером, через час после них в Капитолий явилась мать президента вместе со Шриверами, Лоуфордами, Лемом Биллингсом и Радзивиллами, а в полночь — Тед с Джоном Гарганом и двумя своими помощниками. Все поездки были похожи одна на другую: машины незаметно останавливались у ступеней восточного входа в Капитолий, посетители поднимались на лифте и входили в Ротонду с южной стороны. В бесконечном людском потоке, огибавшем гроб, их узнавали и спокойно пропускали вперед. Солдат снимал бархатный шнур, члены семейства Кеннеди один за другим проходили вперед и становились с молитвой на колени перед гробом и венком с карточкой, на которой было написано: «От президента Джонсона и нации».

Средний американец жил отгороженный от остального мира, предоставленный собственным раздумьям, сочувствию тех, кого любил, и телевизору. Телевидение же, поставленное в трудное положение из-за отсутствия в воскресный вечер официальной церемонии, стремилось передать все, что происходило в аэропортах Айдауэйд и Даллес, куда прибывали иностранные гости для участия в похоронах президента. Несмотря на беспрецедентно большое число именитых посетителей, телевизионные передачи об их прибытии вызвали разочарование: они отказывались делать заявления, а их послы в Вашингтоне и государственный департамент не осмеливались выступать вместо них. Государственный департамент не мог обеспечить всем им встречу. Дин Раск, Джордж Болл и Аверелл Гарриман сменяли друг друга в аэропорту Даллес, прячась в его больших креслах, а затем быстро выходили к самолетам, как только туда подкатывали трапы. Однако поскольку важные делегации прибывали каждые несколько минут, послы сами должны были заботиться о своих делегациях. Раск едва успевал пожимать руки короля Бодуэна, Поля-Анри Спаака, канцлера Эрхарда, де Валера и всей английской делегации.

Начальник протокольного отдела государственного департамента Энджи Дьюк, дававший по телефону указания, как соблюдать международный этикет, убедился, что иностранные гости входят в положение хозяев: все они, без исключения, согласились с тем, что при всех официальных церемониях места глав государств будут определяться по названию их стран в порядке английского алфавита. Тем не менее аэропорт Даллес оказался кошмаром для работников протокольного отдела. Неизбежные языковые трудности были осложнены большим числом нахлынувших гостей. Епископ Хэннон приземлился вместе с президентом Турции, министром иностранных дел Италии и марокканским принцем, не говорившем ни слова по-английски. Принцу пришлось удовольствоваться одним из находившихся при Хэнноне священников, говоривших по-французски. Когда Шарль де Голль сказал Раску: «Я выражаю вам от имени моей страны глубокое соболезнование. Я могу сказать, что представляю здесь французский народ. Это он послал меня сюда», — государственный секретарь, вынужденный

ждать переводчика, оказался в неловком положении.

Гости и их американские хозяева были подчеркнута вежливы друг с другом, потому что убийство Освальда Джеком Руби очень накалило атмосферу. Уже два дня Соединенные Штаты были в глубоком трауре. Теперь же была уязвлена их гордость. Американские дипломаты старались избегать всякого упоминания о новом позоре, а зарубежные высокопоставленные лица, понимая, что, если они нанесут сегодня вечером обиду хозяевам, это никогда не забудется, тактично молчали. Если бы контакты ограничивались только приветствиями в аэропортах, то гости не увидели бы никаких следов того отвратительного элемента насилия в американском обществе, который привел их сюда. К несчастью для дипломатии, во всех посольствах в Вашингтоне имелись телевизоры и радиоприемники, которые напоминали сотрудникам посольств, что не все американцы нормальные и цивилизованные. Им стало известно, что перед Белым домом на Пенсильвания-авеню ходил пикетчик с написанным от руки плакатом: «Бог покарал Дж. Ф. К. » В Бирмингеме один уроженец Алабамы заявил во время передачи местной телевизионной компании, что «всякого белого, который делал для негров то, что делал Кеннеди, следует пристрелить». Передачу тут же прекратили, но эти слова были сказаны. В 22.55 гостям сообщили, что космонавт Джон Гленн, символ космических мечтаний Кеннеди, с запозданием прибыл в аэропорт из-за того, что в него угрожали бросить бомбу все в том же Техасе.

После того как д-р Уолш в Белом доме сделал Жаклин Кеннеди третий укол, она легла на твердую, как камень, походную кровать мужа, чтобы поспать четыре часа. Ее сестра легла на кровати президента с пологом, а ее муж устроился на раскладушке. В переполненных посольствах на Массачусетс-авеню было тихо и темно. Лишь призрачная фигура г-жи Николь Альфан, проверявшей еще раз запоры на окнах, и тени агентов Сюртэ на лужайках перед домом французского посольства говорили о том, что французы имели особые основания для беспокойства: дважды во время обеда неизвестный предупреждал по телефону, что ночью в посольстве взорвется бомба. Г-жа Альфан была глубоко обеспокоена, но Шарль де Голль не испытывал тревоги. Он сталкивался с такими угрозами уже много раз и крепко спал на своей длинной, взятой специально на прокат кровати. Накопившиеся усталость привела всех основных участников прощания Вашингтона с президентом Кеннеди в бесчувственное состояние. Они либо спали на ходу, либо ходили как лунатики.

В 16.30 в воскресенье собор Святого Матфея походил на съезд Интерпола⁵³. Никогда за всю историю секретной полиции в храме господнем не собиралась столь космополитическая компания агентов личной охраны. У Роя Келлермана, проверявшего меры по обеспечению безопасности президента Джонсона и семейства Кеннеди, было впечатление, будто он находится у новой Вавилонской башни. Соединенные Штаты имели достаточно людей, чтобы самим справиться с этим делом. В дополнение к группе Келлермана имелись отряды агентов ФБР и цвет агентов ЦРУ. Некоторых из них доставили на самолетах из-за границы, так как они владели иностранными языками. Однако убийство в Далласе, естественно, подорвало веру заграницы в способность американской полиции, в результате чего боковые приделы собора, хоры и даже алтарь кишели специалистами из особого отдела Скотланд-Ярда и Сюртэ, подвижными коротконогими японцами, пуэрториканцами и западными немцами в дождевиках с поясами и в черных очках. Келлерман проверял их, так же как они проверяли его и друг друга.

Термометр упал до тридцати с чем-то градусов по Фаренгейту. Замерзли последние цветы в Розовом саду. Ночь была неестественно тихой. Лишь перейдя Молл и посмотрев на восток, можно было понять, как обманчива эта тишина. События опять достигли одной из своих кульминационных точек. Все здание Капитолия было освещено. На огромном пространстве, куда падал его отсвет, четверть миллиона американцев ждали своей очереди проститься с Джоном Ф. Кеннеди.

Уже в 15.11 в воскресенье, меньше чем через час после прощальных речей, полиция Вашингтонского округа сообщила, что «возникает серьезная проблема в отношении людей,

⁵³ Интерпол — международная полицейская организация в капиталистических странах.

двигающихся к зданию Капитолия». Первоначальный план предусматривал, что бронзовые двери Капитолия должны оставаться открытыми для публики до 21. 00, «если это окажется необходимым». Но это было явно нереально. Некоторые из тех, кто пришел сюда первым, ждали здесь с ночи, закутавшись в пледы. Было девять часов вечера, когда Жаклин и Роберт Кеннеди вернулись в Капитолий. Как и все, они были поражены. Постояв на коленях у гроба, Жаклин Кеннеди последовала за Робертом к машине, но у двери она внезапно трянула головой и сказала:

— Нет, я хочу идти пешком.

Целых десять минут они медленно шли по извивающейся дорожке в направлении Ферст-авеню и Конститушн-авеню. Какой-то репортер спросил министра юстиции, что он думает об этой массе людей. Роберт посмотрел вокруг (к этому времени толпа достигла двухсот тысяч и продолжала быстро расти) и пробормотал:

— Потрясающе, потрясающе!..

Мученическая смерть так быстро изменила отношение к Джону Кеннеди, что даже самым близким ему людям было трудно к этому привыкнуть. Еще в пятницу утром его считали популярным молодым президентом, но спорной политической фигурой. Сегодня вечером он был спорным лишь для немногих. При жизни он знал Вашингтон, населенный друзьями и врагами. Смерть унесла с собой и дружбу и враждебное к нему отношение — их сменило поклонение. Бесконечная масса людей, которые едва продвигались вперед по пять человек в ряд, была не столько толпой, сколько собранием прихожан. Позднее наиболее искушенные из них снова обрели свой скептицизм, и сегодня трудно воссоздать или даже поверить в то чувство благоговения, которое они испытывали тогда. Однако в то время люди его действительно испытывали.

К полуночи через Капитолий прошло сто тысяч человек, а очередь за ним растягивалась на три мили — три мили дрожащих плеч и перехваченного от холода дыхания. Все еще по пять в ряд, очередь простиралась на семнадцать кварталов, потом на двадцать восемь, затем на сорок, и в четверть шестого утра полицейские сообщали вновь прибывшим:

— Мы должны закрыть двери в восемь тридцать. Идите домой — может еще пройти не более восьмидесяти пяти тысяч человек. Тем не менее люди продолжали стоять. Они не жаловались, но и не уходили. Они были здесь, они должны были быть здесь, и достаточно было уже одного того, что они здесь.

Тем, кто находился в эту ночь на Капитолийском холме, запомнилась самая приятная из всех когда-либо виденных толп: никто не толкался, не лез без очереди, не был груб. Было много родителей с детьми — семьи до девяти человек, но даже малыши, чувствуя настроение взрослых, не капризничали и вели себя тихо. Возможно, это было самым демократическим на памяти людей событием в Вашингтоне. Де Валера и члена команды катера «ПТ-109» пустили в Ротонду без очереди. Но де Валера был президентом Ирландской Республики, ему перевалило за восемьдесят и он был слеп. Из состава команды этого катера прибыло еще два человека, но они отказались от всяких привилегий. Тридцать шесть монахинь из Нью-Джерси приехали на заказном автобусе и встали в конец очереди. Так же поступили парень на костылях, женщина в кресле-коляске и другая женщина, еще не оправившаяся после операции ноги. Пятнадцатилетний сын Пьера Сэлинджера Марк простоял четырнадцать часов. Бывший боксер тяжелого веса Джерси Джо Уолкотт ждал восемь часов. Тут были фермеры из Виргинии и нью-йоркские дамы в норковых шубах.

Глава десятая ОТ КАПИТОЛИЯ ДО АРЛИНГТОНА

Наступил понедельник 25 ноября.

Утром сенатор от республиканской партии Маргарит Чейз Смит прошла в зал заседаний сената и положила алую розу на стол, за которым некогда сидел сенатор Джон Ф. Кеннеди. В это же утро продавец газет в Нью-Йорке прикрепил к своему киоску записку: «Закрывается по случаю утраты, понесенной Америкой». В этот день на работу вышли 730 тысяч служащих «Америкен телефон энд телеграф компани», а в тщательно охраняемой палате Парклендского

госпиталя губернатор штата Техас Джон Коннэли стряхнул с себя липкую паутину мучительных сновидений. Сознание его прояснилось. Впервые с того момента, когда у здания книжного склада президентский «линкольн» резко свернул в сторону, он полностью пришел в себя. Санитар принес ему завтрак — жиденькую кашу и кофе. В палате установили телевизор, и Нелли сказала супругу, что их семнадцатилетний сын Джонни вылетел в Вашингтон, чтобы представлять их семью на похоронах президента. Коннэли, прищурившись, взглянул на экран телевизора и подумал: «Интересно, увижу ли я его».

Прикованный к постели губернатор был одним из немногих техасских чиновников, кто поддался всеобщей скорби и смотрел по телевидению торжественно-траурный церемониал в Вашингтоне. Некоторые по долгу службы присутствовали на похоронах полицейского Типпита в Мемориальном парке Лорелленда. Остальные втихомолку ликвидировали дебри, оставшиеся после катастрофы, происшедшей в пятницу.

Самым неприятным обломком среди этих развалин был, разумеется, труп Ли Освальда. К счастью для руководителей городских властей Далласа, им не пришлось возиться с этой обузой. Его похороны взяла на себя секретная служба. Местом погребения, по желанию матери убитого, было избрано кладбище Роуз Хилл в Форт-Уорте, в тридцати милях от Далласа. В понедельник утром двум могильщикам кладбища Роуз Хилл было велено выкопать могилу для некоего «Уильяма Бобо». Однако обман держался недолго. Когда на кладбище привезли труп Освальда в дешевом гробу из сосновых досок, обитом молескином, его сопровождало не менее ста полицейских Форт-Уорта. Они оцепили могилу, чтобы ничто не угрожало жизни матери покойного, его брата Роберта, вдовы Марины и ее двух детей. Крышку гроба сняли, и сорок репортеров смотрели из-за спин полицейских на покойника.

Однако даже закопав Освальда в землю, полностью избавиться от него все же не удалось.

Оставался Джек Руби, оставались сотни вопросов, на которые необходимо было дать ответ. Некоторые из них вызвали негодование, другие носили зловещий характер, а некоторые — хотя в тот момент ещё не хватало смелости это признать — должны были кануть в Лету. Одна из первоочередных задач нового правительства, несомненно, состояла в том, чтобы определить, от кого же будет зависеть выяснение всех этих вопросов.

Только два года спустя прокурор Техаса Уогонер Карр открыл тайну: в понедельник 25 ноября ему позвонил новый президент и предложил, чтобы расследованием всех обстоятельств убийства Кеннеди занялись техасские власти. Это позволило бы президенту избежать посылки в Даллас федеральных агентов. Джонсон, по словам Карра, настоятельно просил его самого объявить представителям печати о порядке следствия, не раскрывая, кому принадлежала эта идея. «Все это должно было выглядеть так, — вспоминал Карр, — словно я сам принял такое решение». Карр последовал совету Джонсона и сделал соответствующее заявление журналистам, собравшимся в отеле «Статлер Хилтон» в Вашингтоне.

Однако преградить наплыв федеральных следователей в Техас оказалось делом безнадежным. Значительное число их уже прибыло в Даллас. Поэтому для координации проводимого ими расследования в столицу штата прилетел начальник криминального управления министерства юстиции Джек Миллер. После похорон Типпита он и федеральный прокурор Далласа Бэрфут Сандерс уговорили окружного прокурора Уэйда, а затем и Карра не форсировать развитие событий и выждать, пока заместителю министра юстиции Катценбаху не удастся убедить президента Джонсона пересмотреть свое решение. Карра, конечно, не пришлось долго уговаривать. Он уже достаточно натерпелся во время своей пресс-конференции, когда, по его выражению, он чувствовал себя так, словно «весь накопившийся яд против Техаса излился на мою голову».

Техасцы консервативного толка — а он принадлежал именно к их числу — крайне болезненно переживали различные нападки. Критические голоса раздавались в самом Техасе. Особенно громко звучал глас духовенства Далласа. Полиция уже выделила охрану для священника методистской церкви Холмса, опасаясь за его безопасность, после того как он публично рассказал, что далласские школьники шумными аплодисментами встретили известие об убийстве президента. Пастор той же методистской церкви Уилком Х. Диккинсон заявил своим прихожанам, что носителями преступной злобы были отнюдь не одни безответственные элементы города. Он поведал: — Во время одной милой и вполне респектабельной встречи за

обедом, всего за два дня до приезда президента в наш город, одна высокообразованная и интеллигентная супружеская чета с многообещающим будущим объявила своим друзьям, что ненавидит президента Соединенных Штатов и нисколько не будет сожалеть, если кто-нибудь возьмет его на мушку.

Пресвитерианский пастор Уолтер Беннет заявил, что в городе накопилось столько ненависти, что она наконец вспыхнула, словно огненный смерч. Составляя текст своей обличительной проповеди, баптист д-р Джеймс Р. Аллен бичевал силы в Далласе, ответственные за убийство Кеннеди, и указывал, что «эти силы выползли на свет божий из-под камней, где они таились в своем логове, после того как их пригрело тепло, испускаемое раскаленной добела атмосферой всеобщей ненависти».

Подобные тирады весьма уязвляли нежные чувства властей, и отцы города перешли к круговой обороне. Мэр Далласа Кэйбелл решительно заявил, что Освальд не был постоянным жителем города, и добавил, что «это с таким же успехом могло случиться и в Подунке (журнал „Ньюсуик“ ответил на это заявление вопросом: „А разве школьники Подунка тоже ликовали бы, если бы это случилось в их родном городе, а не в Далласе?“). Член муниципального совета Кэрри Уэлч настойчиво твердил, что „этот случай не должен отразиться на облике или характере Далласа“. Далласская „Морнинг ньюс“ снова перешла в наступление и потребовала в редакционной статье, чтобы ее читатели „искоренили в своих сердцах всякое чувство вины и горечи“ и вернулись к „нормальному образу жизни“. Авторы статьи снизили до признания, что минувшие дни были нелегкими для Далласа. Однако «город подобен дереву, — говорилось далее в статье, — он может достичь вершин своих, лишь устояв против ветров».

Куда более примечательным явлением было сильное и все время растущее сочувственное отношение к Далласу за пределами Техаса. Полчаса спустя после убийства Кеннеди диктор «Голоса Америки» назвал Даллас «центром ультраправых сил». Теперь же Артур Крон на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» с негодованием осуждал вольное и, как доказано, совершенно неверное утверждение, что убийца придерживался взглядов правых. «Морнинг ньюс» тревожилась о репутации консервативных сил одного города. Крок заботился о консервативных силах всей страны. И в том и в другом случае его позицию можно было выразить следующими словами: «Мои идол, да будет он всегда прав, но он всегда останется моим идолом, будь он прав или неправ». Под угрозой была поставлена репутация всего государства, и в первую очередь одного из важнейших его элементов. Отсюда возникла необходимость списать убийцу со счетов, как единственного выродка, существовавшего вне всякой связи с окружающей средой.

— И вся чертовщина в том, что они будут теперь во всем винить этого двадцатичетырехлетнего парня, — сказал помощник президента Ральф Дангэн.

В Вашингтоне это был один из тех немногих в истории понедельник, когда Верховный суд США отменил свое очередное заседание. Вместо этого судьи собрались дома у Эрла Уоррена и вместе направились в Белый дом.

В 10 часов утра сенаторы прекратили обсуждение законопроекта о продаже пшеницы. Вслед за членами палаты представителей они прошли мимо постаментов с гробом Кеннеди. Затем высшие сановники сената направились в собор Св. Матфея, в то время как их младшие по рангу коллеги пересекли мост через реку Потомак и, подойдя к Арлингтонскому кладбищу, предъявили агентам секретной службы свои удостоверения.

Всякая деловая активность в столице прекратилась. Это был день похорон. Можно смело сказать, что все без исключения американцы стремились так или иначе принять в них участие.

Ровно в 9 часов утра широкие двери Ротонды захлопнулись. К этому времени 250 тысяч человек успели пройти мимо гроба. Казалось, все они остались стоять у здания Капитолия. Еще 12 тысяч человек оказались за дверьми Ротонды. В их числе была семья, приехавшая из Кливленда. Ей оставалось пройти до входа всего двадцать футов. Собравшиеся отошли в сторону от прохода и встали за барьером из натянутых канатов. Здесь же на обочинах задолго до рассвета молча стояли тысячи людей в ожидании траурной процессии.

В действительности в церемонии похорон предстояло участвовать не одной, а целым трем процессиям. Сначала семья Кеннеди и воинские части должны были эскортировать гроб на лафете из Капитолия до Белого дома. Затем вдова выходила из автомобиля и пешком шла во

главе процессии до собора Св. Матфея, и, наконец, после траурной мессы все участники похоронной процессии снова садились в автомашины и ехали за лафетом к Констнтьюшн-авеню, затем огибали памятник Линкольну, шли по Мемориальному мосту и затем следовали по Проспекту павших героев на Арлингтонское кладбище. Весь этот маршрут был более шести миль. По всему пути следования траурного кортежа по обеим сторонам дороги стояли «бесчисленные толпы людей, — писал Рассел Бэйкер в „Нью-Йорк таймс“, — и это были жители города, обычно предпочитающие разного рода уличным празднествам домашний уют и телевизор».

«Казалось, — писал позднее Банди, — словно дорога к собору Св. Матфея и путь на Арлингтонское кладбище были лишь рядами гигантского амфитеатра, где разыгрывалась потрясающая драма великой и торжественной скорби».

В 10 утра члены кабинета, лидеры конгресса, аппарат Белого дома, личные друзья покойного президента и почетные представители из-за рубежа собрались в Восточном, Зеленом, Голубом, Красном и Парадном залах Белого дома. У каждого из них был небольшой пригласительный билет следующего содержания:

Белый дом

Г-н., , , ...

Приглашается принять участие в похоронном шествии, покидающем Белый дом в 11. 30 в понедельник 25 ноября 1963 г. и следующем в кафедральный собор Св. Матфея, где состоится траурная месса.

В здании собора Св. Матфея уже возвышался церковный катафалк, задрапированный в пурпурный бархат. На алтаре из белого мрамора возвышались шесть золотых подсвечников с массивными восковыми свечами. Их колеблющееся пламя бросало багровые блики на вазы с цветами. Под богато украшенными сводами собора, созданными гением Гранта Ла Фаржа, стояли родственники покойного президента, жены сановников, члены дипломатического корпуса, «подкабинет», элита «новых рубежей». А в Арлингтоне могила была уже готова. Ирландские кадеты стояли по Команде вольно. Только что двум генералам продемонстрировали, как будет зажжен вечный огонь. Их опасения, что пламя может перекинуться на разложенные вокруг сосновые ветви, оказались напрасными. На площади Макклеллана у батареи 76-миллиметровых пушек ожидал команды артиллерийский капитан по фамилии Гзй (Веселый). Заняли свои места волынщики из оркестра военно-воздушных сил.

Могильный склеп был открыт: специальный подъемник стоял наготове, чтобы опустить в него гроб президента.

В Белом доме государственные деятели, прибывшие из-за рубежа для участия в церемонии похорон, внимательно разглядывали приглашения к мессе, розданные Сарджентом Шривером.

С самого утра количество анонимных угроз угрожающе росло. В качестве возможных жертв чаще всего называли де Голля, Анастаса Микояна, президента Джонсона, Роберта Кеннеди и Эрла Уоррена. Однако этих людей трудно было запугать. Один из близких Линдону Джонсону техасцев впоследствии привел слова Джонсона по поводу всех этих угроз: президент сказал своему адъютанту полковнику Уильяму Джексону следующее: «Вы, чертовы ублюдки, все время пытаетесь командовать. Послушай я вас, мне пришлось бы выглядеть идиотом. Я пойду пешком, и все тут». Столь же решителен был и Боб Кеннеди, хотя его выражения не были резкими. Когда Ник Катценбах и Эд Гутман попытались уговорить его держаться меньше на виду, он просто переменял тему разговора. «Поговорите на эту тему с кем-нибудь другим, — ответил он директору ЦРУ Маккоуну, когда тот позвонил ему — Этот день слишком много для меня значит». Реакция председателя Верховного суда Эрла Уоррена на предупреждения Вашингтонской полиции была наиболее простой. Он им ни слова не ответил, сделав вид, что ничего не слышал.

Когда обо всем этом пишешь сейчас, подобные действия не производят большого впечатления. Церемония похорон быстро окончилась, и ничего страшного не произошло. Однако в тот понедельник в 10 утра никто не мог поручиться за столь благополучный исход.

Совершенному в пятницу покушению на президента тоже предшествовали предостережения. Были предупреждения и накануне убийства Освальда. И вот снова поступили сигналы опасности. На этот раз наемному убийце не обязательно было обладать меткостью снайпера или Пользоваться подложными документами. Если бы он и промахнулся, целясь в одну знаменитую персону, то уж наверняка попал бы в другую. Восемь кварталов между Белым домом и собором были сейчас самой густонаселенной частью города. И вот по этому буквально кишашему людьми каньону должны были медленным шагом пройти облеченные высшей властью деятели большинства государств мира.

Служба безопасности делала все, что было в ее силах. Пентагон и вашингтонская полиция держали под ружьем четыре тысячи человек, включая отряд полицейских из Нью-Йорка, присланных городскими властями за счет своих средств. В процессии должны были идти агенты охраны Белого дома, 64 сотрудника ЦРУ, 40 агентов ФБР, 250 сотрудников службы безопасности госдепартамента и отборные сотрудники полиции иностранных государств. Одного де Голля охраняли 12 телохранителей Франции и 10 агентов охраны от госдепартамента. Однако беспокойство не исчезало. Дин Раск признался в Голубом зале членам кабинета, что он «очень встревожен». Конкретизируя свои опасения, он тут же привел в качестве примера де Голля, «уже четырежды явившегося мишенью для убийц». Анастас Микоян, по его словам, тоже был целью «первостепенной важности». Дуглас Диллон тут же согласился с ним. Его страшила одна мысль, что «в Микояна могут стрелять». Орвил Фримэн в свою очередь признался, что «невероятно обеспокоен». Джордж Болл был настолько встревожен, что принял решение отказаться от участия во всех предстоящих церемониях. Он и Алексис Джонсон дежурили в это время в здании государственного департамента на углу Двадцать первой улицы и Виргиния-стрит на случай, если на расстоянии шести кварталов раздадутся выстрелы и возникнут какие-либо критические ситуации.

До последней минуты делались попытки уговорить отдельных участников пешей процессии следовать в машинах. Ллуэлин Томпсон напомнил русским, что Микоян имеет прекрасный предлог для того, чтобы ехать в автомобиле. Ему было немало лет, и к тому же он только что оправился от перенесенной им операции и связанного с ней заболевания гепатитом. Однако первый заместитель председателя Совета Министров был столь же непреклонен, как и другие. Невозможно было повлиять на ирландского президента де Валера, решившего идти в составе процессии. Его состояние было настолько тяжелым, что его сын, врач по профессии, вынужден был шагать рядом со шприцем в кармане. Как и следовало ожидать, и здесь главным источником их решимости была Жаклин Кеннеди. Поскольку она собиралась возглавить траурное шествие, все должны были следовать ее примеру. Ни один из лидеров мужского пола не мог уклониться от опасности, если она смотрела ей в лицо. А Жаклин была непреклонна.

Последние три уведомления о готовящихся покушениях поступили от Королевской конной полиции Канады, ФБР и ЦРУ. Канадская полиция «получила сведения» о том, что неопознанный канадец французского происхождения, затаив какую-то никому не известную обиду, выехал на юг, чтобы застрелить генерала де Голля. ФБР изъяснялось даже более туманным языком: Директор был «обеспокоен» и «рекомендовал не принимать участия» в шествии. Это переполнило чашу терпения Сарджента Шривера. Вновь этот подтянутый бизнесмен угодил в трясины бюрократической волокиты и весь пылал от гнева.

— Это же чушь, — резко бросил он, — мы все обеспокоены. Не надо быть директором ФБР, чтобы предсказать, что грозит какая-то опасность. Даже швейцару Белого дома это ясно. Все эти штучки нужны только для того, чтобы в случае, если кого-нибудь застрелят, Директор мог заявить: «Я же вас предупреждал». Он просто хочет перестраховаться.

Данные ЦРУ носили более конкретный характер. В 10. 30 посыльный передал Маккоуну срочное донесение, поступившее по прямому проводу из штаб-квартиры ЦРУ по ту сторону реки Потомак. Маккоун был явно взволнован содержанием документа. На нем стоял гриф «А-1-А», означавший на жаргоне ЦРУ, что сведения «абсолютно достоверны». Они поступили от агентов ЦРУ в Женеве через центр связи в Нью-Йорке. Резидентура ЦРУ считала, что ей удалось получить неоспоримые доказательства весьма продуманного заговора с целью убить генерала де Голля при входе в собор Святого Матфея. Маккоун был убежден, что дело приобретает «угрожающий» характер и надо немедленно информировать генерала. Маккоун

разыскал начальника протокольного отдела государственного департамента Дьюка, который лучше владел французским языком, нежели он сам, но тот в свою очередь призвал себе на помощь Макджорджа Банди, безупречно говорившего по-французски.

— В результате всего этого, — рассказывает Банди, — на Дьюка и меня пал жребий вступить в переговоры с де Голлем.

Сообщив генералу суть тревожных слухов, оба посланца принялись настоятельно уговаривать его воспользоваться закрытым лимузином. Они утверждали, что, не подвергая свою жизнь опасности, он тем самым окажет любезность госпоже Кеннеди. Ответ генерала можно было предсказать заранее. Правда, впоследствии его собеседники несколько разошлись в своих воспоминаниях о том, в каких точно выражениях был дан этот ответ. Как припоминал Дьюк, де Голль сказал, что «он может оказать любезность по отношению к госпоже Кеннеди», лишь «проявив пренебрежение к собственной жизни». Банди же слышал лишь односложный ответ «нон», произнесенный генералом в его «самой холодной и гнусавой манере». Однако ЦРУ могло похвалиться более теплым приемом, чем ФБР. Реакция генерала на донесение ФБР не может быть предметом расхождений. Когда для придания вящей убедительности данным Маккоуна де Голлю показали рапорт ФБР, то Шривер собственными глазами увидел, как губы де Голля собрались в презрительную складку. Ответ де Голля Гуверу ограничился лишь звуком «пфт».

Но вот настало время трогаться в путь. Родственники покойного президента с опозданием на несколько мину г вышли из Белого дома и сели в один из бесконечного каравана лимузинов, стоявших в ожидании у входа. Кавалькада машин направилась к Капитолию, где длинными шеренгами стояли воинские части. Ими командовал генерал-майор Уил, командующий Вашингтонским военным округом. За его спиной раскинулась радуга парадных мундиров, столь же знакомая американцам, как звезды и полосы на их национальном флаге. Алые мундиры музыкантов оркестра военно-морского флота, серое обмундирование кадетов военной академии Уэст-Пойнт, темно-синяя форма гардемарин и светло-голубые кители летчиков сливались в один многокрасочный узор. А позади сводного оркестра и сверкающей золотом галунов шеренги начальников Объединенной группы штабов одиноко без всадника — им должен был быть главнокомандующий вооруженными силами США — стоял скакун Черный Джек с гордо поднятой точеной головой. На начищенных до блеска сапогах и на серебряных ножнах меча, притороченных к сбруе, отражались холодные лучи зимнего солнца.

Процессия приблизилась к Белому дому. Раздался колокольный звон, и хор из Аннаполиса запел «Лондонская высь» и «О, бессмертный наш пастор». Военный эскорт взял «на караул» и по команде остановился на Семнадцатой улице рядом с Белым домом.

Лафет продолжал свое движение. Его колеса покатались к Белому дому по аллее, осененной государственными флагами, где лежала страдальческая тень обнаженных ветвей обрамлявших ее деревьев.

В это время новый президент и первая леди вышли из здания канцелярии президента и в сопровождении Джерри Бена поспешили навстречу семье Кеннеди.

Овдовевшая первая леди неловко ступила из автомашины. Она пошатнулась, но тотчас же выпрямилась. До нее донеслись замирающие звуки гимна, исполненного хором моряков. Певцы готовились исполнить третий гимн, но Жаклин опередила их. Вид у нее при этом был весьма решительный. В действительности Жаклин была в полном замешательстве. Эту часть церемонии готовили другие люди, и она до этой минуты мало задумывалась над тем, кто из иностранных деятелей прибудет на похороны. При всех обстоятельствах она не предполагала, что они примут участие в шествии. И вот теперь они все собрались здесь.

Затем Жаклин круто повернулась и пошла вперед. Хор, приготовившийся было запеть канон, вынужден был безмолвствовать. Колокола продолжали свой неумолчный звон.

Роберт Кеннеди догнал Жаклин и пошел с правой стороны, Тед встал слева. В этот момент к зловещему похоронному звону колоколов присоединился пронзительный звук волюнок. По команде подполковника Миллера девять волынщиков присоединились к шествию. Весь их вид: мохнатые черные шапки из медвежьего меха, красные тартаны и белоснежные гетры были столь же неожиданным, как и их музыка. Однако заунывное рыданье волюнок, совершенно непохожее на траурную музыку Шопена, звучало вполне естественно для

печальной церемонии. Более того, под звуки волынок всем было легко идти. Ряды процессии смешались. Это непредвиденное обстоятельство, несомненно, облегчало задачу охраны. Но при всех обстоятельствах было невозможно обеспечить даже видимость порядка. Передаваемые шепотом инструкции были совершенно бесполезны ввиду многоязычного состава колонны. Преклонный возраст тяжелым бременем лежал на плечах некоторых участников шествия, таких, как де Валера, Любке из Западной Германии и турецкий премьер Иненю. Вначале их места были в первой шеренге, но к тому времени, когда колонна стала сворачивать влево на Коннектикут-авеню, они оказались около задних рядов. Однако, вся эта путаница ни у кого не вызвала нареканий.

Стоя на ступенях собора Святого Матфея, кардинал Кашинг ожидал приближения траурной процессии. Он был облачен в черную с красным мантию и высокую белую митру.

Когда Жаклин Кеннеди впервые увидела его, он показался ей «огромным». Кардинал сам только что увидел, как со стороны Роуд-авеню приближается гроб его президента. Смирненно склонив голову, он заплакал, но вскоре дрожащей рукою вытер слезы.

Как только военный оркестр закончил «Слава вождю» и заиграл гимн «Молитесь за усопших», кардинал распротер свои руки навстречу Жаклин Кеннеди и ее детям. Обняв и поцеловав вдову, он разрешил ей преклонить колена и поцеловать его перстень — жест, который он, твердо веря в отделение церкви от государства, при иных обстоятельствах никогда не допустил бы. Затем он, по словам вдовы, «словно пастырь, повел меня за собой».

Кардинал вскоре вернулся с церковным прислужником, державшим распятие, для традиционного ритуала и отпевания покойника перед церковью. Для лейтенанта Бэрда это явилось полной неожиданностью. Вместе со своей командой он отстегнул ремни на лафете, и, подняв гроб на плечи, они понесли его вверх по ступеням лестницы, как вдруг им преградил путь кардинал со святой водой. Положение восьми мужчин, несших гроб, было отчаянным. Тяжесть гроба была распределена неравномерно, и Бэрд, собрав остатки сил, поддерживал гроб сзади, в то время как скрипучий голос священника продолжал произносить слова, казалось, бесконечной молитвы. Лейтенанту никогда не приходилось слышать таких длинных молитв. Поскольку он ничего не смыслил в католической литургии, у него на минуту появилась страшная мысль. уж не месса ли это. Однако в тот момент, когда совершенно отчаявшийся лейтенант уже собирался шепнуть кардиналу: «Кардинал, пора двигаться дальше», — его высокопреосвященство, произнеся заключительные слова: «И да воссияет над ним вечный свет», поцеловав флаг, отступил в сторону. Вконец измученные лейтенант Бэрд и его помощники внесли гроб и осторожно опустили его на церковный катафалк.

На галерее хор запел григорианский «Субвените», а Бен Брэдли и еще восемь распорядителей старались как можно скорее рассадить участников процессии. С семьей Кеннеди не было никаких хлопот. Непредвиденные трудности возникли со знатными иностранными представителями. Это было заботой начальника протокола Энджи Дьюка и какой заботой! Хрупкий, болезненно восприимчивый, он работал без отдыха три дня и три ночи. Поело похорон ему предстояло провести два ответственных приема: от имени Жаклин Кеннеди в Белом доме и от президента Джонсона в здании государственного департамент та. И все же наиболее трудным испытанием был для него этот час в церкви. Все началось с того, что он обнаружил, что резервированные и распределенные им накануне вечером места были конфискованы помощником президента по административным вопросам Джеком Макналли для сотрудников аппарата президента Кеннеди. Дьюк был вынужден увести своих глав иностранных государств вправо, к часовне Святого Иосифа. Однако он, к своему великому ужасу, обнаружил, что с этого места алтарь не был виден.

Тогда Энджи принялся импровизировать. Поймав какого-то служителя церкви, он потребовал, чтобы перед гостями установили телевизор. Ему ответили, что хотя в соборе и имеется телевизор, однако не может быть и речи о том, чтобы включить его во время мессы. Дьюк решительно возразил, что именно об этом как раз и идет речь, поскольку на карту поставлены дипломатические отношения с девяносто одной страной. Наконец телевизор появился и его включили в сеть. Дьюк сообщил своим подопечным, что это — единственный телевизор во всем соборе, и они просияли. Однако настроение их значительно ухудшилось, после того как Дьюк начал их рассаживать. Только сейчас он понял, что просчитался, не приняв

во внимание верхнюю одежду гостей. От его внимания ускользнуло еще одно важное обстоятельство. Император Эфиопии, король Бельгии и супруг английской королевы были опоясаны громоздкими мечами, что также требовало дополнительного пространства. Посадить на пятиместную церковную скамью лишь четырех гостей означало оставить без места двадцать человек — двадцать глав иностранных государств, которым пришлось бы стоять во время всей службы. Этого он не мог позволить. Оставалось только одно: потеснить всех сидящих. И вот, подобно кондуктору в переполненном автобусе, Дьюк стал упрашивать всех немного подвинуться. С брызжанием они уступили. Некоторые ситуации были просто комичными. Так, единственное свободное место, куда можно было посадить голландскую принцессу Беатрису, оказалось между Микояном и его телохранителем. Дьюк все же усадил ее туда, и, как она потом многозначительно сказала ему, «молитвы возносились в молчании». Без места оставался лишь премьер-министр Ямайки сэр Александер Бустаманте. Часовня была заполнена до отказа, и Энджи повел его к местам, где сидели губернаторы. Нельсон Рокфеллер вскочил, уступил ему свое место, и сэр Александер уселся. Тогда Рокфеллер принялся теснить своих коллег на скамье. «Они были словно сардины в банке, — вспоминал позднее Дьюк об иностранных представителях. — Всю мессу я простоял на ногах и волновался. Каким-то чудом нам все же удалось усадить их всех, но мне становится жутко при мысли о том, как это было сделано».

В течение следующих пяти минут вся континентальная часть Соединенных Штатов Америки практически была изолирована: телефонная и телеграфная связь с внешним миром была прервана до 12.19. Но мир за пределами Америки знал, что в ней происходит в это время.

Месса закончилась. Гроб снова подняли на плечи и вынесли из собора. Жаклин Кеннеди наблюдала за тем, как уже в третий раз гроб поставили на лафет. Кардинал Кашинг быстро сменил одеяние за алтарем. Он видел, как маленькая девочка утешала свою мать, и, выйдя из-за алтаря в алой митре и алой мантии, он наклонился к ребенку и обнял его.

Вдова Кеннеди сказала кардиналу!

— Я никогда не забуду, как вы называли его «дорогой Джек».

Глаза ее все еще были увлажнены. Она делала огромные усилия, чтобы сдержать рыдания, и с облегчением увидела, что к ней подошел Фостер с Джоном на руках. Мальчуган пытался вырвать из рук агента церковную брошюрку. Сын требовал к себе внимания, и это несколько отвлекло Жаклин от ее безутешного горя в тот момент, когда она особенно в этом нуждалась.

Все это продолжалось всего лишь какое-то мгновение. Торжественная церемония снова увела их за собой, и не успела Жаклин твердой рукой поставить слева от себя Джона, как оркестр снова заиграл «Слава вождю». В последний раз этот гимн звучал в честь президента Кеннеди. Солдаты вытянулись по стойке «смирно». Офицеры, полицейские и фореитор, правивший серой упряжкой лафета, взяли под козырек. Священнослужители молитвенно сложили руки. Штатские выпрямились. Вспомнив, как малыш любил играть в солдаты с отцом, Жаклин наклонилась к Джону, взяла из его рук брошюрку и сказала:

— Джон, сейчас ты можешь отдать честь папе и сказать ему последнее прости.

Маленькая ручка решительно поднялась в салюте. Лицо стоявшего позади Роберта Кеннеди сморщилось, как от сильной боли. Епископ Хэннон, взглянув через дорогу, увидел, как стоявшие там зрители отшатнулись, словно от удара. Ничто в это памятное утро не могло сравниться по силе эмоционального воздействия с салютом маленького Джона. Жаклин стояла в этот момент прямая, как струна, и не видела всего этого. Впоследствии, увидев фотографии, она была поражена. Она не ожидала, что этот жест окажется столь впечатляющим.

Прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем кортеж тронулся в путь, и даже после этого толпы людей шли в беспорядке.

Взяв Жаклин под руку, Роберт уверенно повел ее к машине. Они уселись — и началось ожидание. Жаклин оно казалось нескончаемым, и она спрашивала себя, что же могло послужить причиной столь длительной задержки. Тысяча людей, покинувших собор Святого Матфея вслед за ней, также ломали себе голову над этим вопросом. Истекло четверть часа, а их все еще не рассаживали по машинам. Царила полная неразбериха. Полицейский, сопровождавший председателя Верховного суда Уоррена, попросил его подождать на тротуаре и обещал тотчас же вернуться за ним с автомашиной. Однако полицейский пропал, и Уоррен бродил в ожидании его до тех пор, пока не нашел себе место в самом конце очереди. У

начальников штабов вообще не оказалось никаких средств транспорта, так как агент секретной службы Уэллс в полном отчаянии высадил из их машины шофера министерства обороны и временно конфисковал ее для Джона и Кэролайн Кеннеди. Распределение мест в автомашинах для остальных участников Шествия носило не менее хаотический характер. Лимузины загружались, как спасательные лодки во время кораблекрушения после переполоха, вызванного командой покинуть тонущее судно. В одну из автомашин уселось двенадцать пассажиров, и Билл Уолтон вспоминает, что в ней было «битком набито людьми». В другом автомобиле в полном одиночестве восседал сержант Джо Айрес. Ранги утратили всякое значение. Перед автомашиной президента Джонсона оказалось девять автомобилей. В течение длительного времени машине премьер-министра Великобритании Дугласа-Хьюма даже не разрешали пристроиться к колонне. Эйзенхауэр и Трумэн ехали где-то далеко позади, в то время как машина, в которой сидели секретарь президента Кеннеди Эвелин Линкольн, камердинер Джордж Томас и Прови Парадес, горничная Жаклин, вырвалась вперед и ехала четвертой с начала процессии.

Дьюк снова терзался муками протокольного ада. При выходе из церкви Кен О'Доннел спросил его:

— Кто должен ехать первым? Он ответил:

— Здесь даже обсуждать нечего. Никаких споров и быть не может. За семьей покойного президента и президента Джонсона в кортеже должны «совершенно очевидно» следовать главы иностранных государств.

Об этом договорились в кабинете у Ральфа Дангэна. На деле все обстояло иначе. У Энджи были свои подозрения насчет первопричины всего этого беспорядка. Один тот факт, что О'Доннел стоял на ступенях храма, говорило том, что публика покидала церковь не в установленном порядке. Сотрудники аппарата Белого дома опередили всех, и Энджи сильно подозревал, что в этом повинен неукротимый Джек Макналли, помощник президента по административным вопросам.

И Дьюк попал в точку: Джек Макналли считал весь установленный порядок явно несправедливым. На его взгляд, сотрудники Белого дома имели право находиться в голове процессии. Поэтому Джек Макналли потихоньку выскользнул из церкви во время причастия и принялся изучать все три ряда Роуд Айленд-авеню. Первый ряд был занят автомашинами семейства Кеннеди. Второй — головными машинами членов дипломатического корпуса. Третий ряд был свободен. Начальник охраны Белого дома Стоувер сказал ему, что этот ряд зарезервирован на случай каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Джек решил, что это и есть чрезвычайные обстоятельства. Разыскав где-то за углом 19 лимузинов Белого дома, он приказал водителям занять третий запасный ряд. Затем он поставил сержанта Белого дома перед головной машиной второго ряда и приказал ему не разрешать машинам с главами иностранных государств и членами королевских семей двигаться с места до тех пор, пока автомобили с сотрудниками аппарата Белого дома не протиснутся в состав кортежа. Уже одно это обстоятельство могло спутать все карты. Но дело этим не ограничилось; стоило нарушить установленный порядок в одном только месте, как каждый начал действовать по-своему: сенатор Майкл Мэнсфилд заметил, как Джек Макналли с женой усаживались в первую машину Белого дома. Несмотря на отчаянные мольбы Дьюка, Майкл, не дожидаясь своей очереди, укатил в сопровождении остального руководства конгресса. Рухнула даже видимость всякого порядка. Повсюду в поисках автомобилей бегали члены Верховного суда и губернаторы, напоминая посетителей театра, пытающихся после спектакля поймать такси во время проливного дождя. Большинство были подобраны более предприимчивыми коллегами, завладевшими пустовавшими автомобилями.

Шарль де Голль отказался поднять большой палец для того, чтобы его кто-нибудь подобрал. Он свысока оглядел всю свалку, вопросительно подняв брови, взглянул на главу американского протокола. Дьюк блестяще сымпровизировал. Следя за тем, как секретари и обслуживающий персонал Белого дома захватывают передовые позиции, он объяснил де Голлю и Хайле Селассие, что членам семьи президента Кеннеди, разумеется, принадлежит право ехать первыми в процессии. Его собеседники, естественно, согласились с этим. Конечно, им хорошо известно, продолжал шеф протокола, сколь обширна семья Кеннеди. Они утвердительно

кигнули. Так вот, — заключил Дьюк, широким жестом указывая на толпу людей, теперь они сами могли убедиться в многочисленности семейства Кеннеди. Судя по всему, это объяснение их вполне удовлетворило. Возможно, они и подивились тому, каким образом камердинер Джордж Томас с цветом кожи, не уступавшим по темноте императору Эфиопии, мог оказаться в числе близких родственников Кеннеди, но из чувства такта промолчали. К этому моменту, однако, в бой ринулись помощники Дьюка. Но они заботились лишь о судьбе наиболее выдающихся иностранных деятелей, оттесненных от подобающих им мест. До остальных им не было никакого дела.

Так, последний кортеж Джона Кеннеди двинулся в путь в полнейшем беспорядке, подобно тому как начинались многие главы его жизни. Он оставил после себя путь свершений, но не безупречного порядка. Собственно, ничто в жизни Кеннеди никогда не делалось строго по правилам. Однако прикованные к экранам телевизора американцы, для которых этот торжественный церемониал значил так много, не замечали беспорядка. Во время всего движения похоронной процессии к Арлингтонскому кладбищу телевизионные камеры сосредоточили внимание на продвижении лафета с телом покойного президента и на ожидавшей его могиле, находившейся в трех милях от церкви.

Наблюдавшая за продвижением похоронной процессии страна едва ли обращала внимание на медленно следовавшие за лафетом автомобили. На экранах их телевизоров кавалькада сливалась в расплывчатые черные пятна. Персональный состав обитателей лимузинов не имел никакого значения в глазах национальной аудитории.

Когда машины тронулись с места, братья Кеннеди и Жаклин стали обсуждать, стоит ли настаивать на оглашении отрывков из выступлений покойного президента над его могилой. Приводились аргументы за и против, наконец они изменили свою первоначальную точку зрения и решили, что это следует сделать. Затем тема разговора внезапно переменялась.

Эйзенхауэр и Трумэн кратко обменялись мнениями по поводу того, было ли убийство Кеннеди результатом политического заговора, и пришли к отрицательному выводу. Затем они предались воспоминаниям о прошлом, деликатно избегая упоминаний о своих публичных схватках.

На Арлингтонском кладбище солдаты взяли «на караул», а офицеры стали по стойке «смирно», отдавая честь. Гроб медленно опустили на металлическую платформу подъемника, стоявшего перед открытой могилой.

Раздалась команда:

— Вольно!

Солдаты, переносившие гроб, уже держали в руках натянутое полотнище звездного флага, а командовавший ими лейтенант и один из работников кладбища следили за опусканием гроба в склеп. Не успели они выпрямиться, как в небе над ними с ревом промчались 50 реактивных истребителей. Они появились слишком рано, но зато полковник Суиндал рассчитал время полета своего самолета с абсолютной точностью. В тот момент, когда, услышав гул самолетов, толпа обратила взоры к небу, в интервале, образовавшемся после того, как смолкло эхо истребителей «F-105», над могилой беззвучно появился самолет президента. Его скорость опережала шум моторов. В течение какого-то удивительного мгновения прекрасная стальная птица, казалось, парила так низко над могилой, что хотелось поднять руку и коснуться голубого пламени, вырывающегося из ее двигателей. Затем полковник Суиндал в знак прощания наклонил стреловидные крылья на 20 градусов влево, выровнял их над натянутым флагом и опять качнул крылом вправо, продержав самолет в таком положении около трех секунд. Затем, подобно серебряной молнии, президентский самолет скрылся в направлении Ки-Бридж.

Раздалась команда:

— На караул!

И на площади Макклеллана, батарея капитана Гэя произвела салют из двадцати одного орудия. Войскам была дана команда стоять по стойке «смирно», чтобы священник мог перейти к ритуалу благословения. Солдаты, стоявшие у могилы, приподняли звездное полотнище, и кардинал окропил опущенный гроб. Затем место кардинала занял майор Конверс — офицер инженерных войск.

— Это самый печальный Момент во всей моей жизни, — сказал он, обращаясь к Жаклин

Кеннеди.

Она взглянула на его взволнованное лицо и поверила в искренность этих слов. Вручив Жаклин небольшой горящий факел, Конверс повел ее к месту, где среди венков из вечнозеленых растений должен был запалать вечный огонь Жаклин нагнулась и поднесла факел к газовому светильнику — пламя ярко вспыхнуло. Затем она передала факел Бобу. Повторив ее жест, он в свою очередь протянул факел своей матери. Но Роз Кеннеди не видела его жеста. Она ничего не знала о вечном огне. Склонив голову, она молилась, и губы ее беззвучно шевелились. Тогда Роберт повернулся в другую сторону и передал факел брату Теду. Хотя Тед не предполагал, что ему тоже надо будет участвовать в этой церемонии, он также слегка дотронулся факелом до мерцающего голубовато-желтого язычка пламени. Военные инженеры ждали, что новый президент тоже подойдет и присоединится к процедуре зажжения вечного огня. Но он был не в состоянии совершить этот символический акт. Джонсон стоял, зажатый между двумя телохранителями, у противоположной стороны гроба. Поэтому майор Конверс взял факел у Теда и затушил его. Краткая церемония подошла к концу.

Закончилось вообще все: отпевание покойника, государственные похороны, вся эта удивительная церемония, столь гармоничная, сочетавшая в себе мистику Старого Света и американские традиции, весь этот причудливый парад мундиров и облачений, судей и агентов секретной службы, принцев и прелатов и безымянных граждан, влившихся по велению своих сердец в ряды похоронной процессии и вместе с нею устремившихся через мост на кладбище.

По возвращении с Арлингтонского кладбища Жаклин Кеннеди определила себе двухнедельный срок для переезда из Белого дома. В находившейся возле бассейна президента комнате для подарков слуги Джо Джордано и Бутси Миллер принялись упаковывать в большие картонные коробки картины, грампластинки и вынутые из четырех больших шкафов различные бумаги и памятные вещи. Наверху слуга Вест упаковывал книги, а камердинер Джордж Томас — одежду. Около сорока советников президента собралось в столовой для сотрудников аппарата Белого дома и размышляли о своей дальнейшей судьбе. «Мафия» совещалась в кабинете Лэрри О'Брайена.

Врач Беркли вторично вручил Уолтеру Дженкинсу свое заявление об отставке, Пьер Сэлинджер выполнял обязанности помощника президента по связи с прессой при двух правительствах, а Тед Клифтон поверял самые сокровенные военные тайны Соединенных Штатов не имевшим соответствующих допусков к секретной документации техасцам и к тому же совершенно ему не известным. Находившийся с ним рядом полковник Джексон поручился за этих людей как за самых доверенных лиц Джонсона. В западном крыле Белого дома Тед Соренсен, усевшись в свое кожаное кресло с высокой спинкой, приступил к чтению написанного Гэлбрайтом проекта речи нового президента на совместном заседании обеих палат конгресса. Прочитав ее, Тед отложил текст в сторону и принялся за другой проект выступления. После чтения обоих проектов он решил писать все заново.

Соренсен писал:

«Господин спикер, господин председатель, члены палаты представителей и сената, мои сограждане!

Я охотно отдал бы все самое мне дорогое, чтобы не быть здесь сегодня.

... Нет слов достаточно печальных, чтобы выразить владеющее нами горестное чувство утраты. Нет слов достаточно сильных, чтобы выразить решимость продолжать начатое им дело. Джон Фитцджеральд Кеннеди продолжает жить среди нас в своих словах и деяниях».

Соренсен написал семь страниц, набросав вчерне речь нового президента, с которой тот выступил два дня спустя в конгрессе. В этой речи содержался призыв Джонсона к конгрессу без промедления принять предложенные Кеннеди законопроекты о гражданских правах и сокращении налогов.

Пока Соренсен работал над текстом речи, семья Кеннеди была занята в приемных покоях Белого дома, где Энджи Дьюк провел заморских гостей к накрытым столам в парадном зале и президентской столовой.

Вряд ли какой-либо другой женщине удалось бы так быстро подготовиться для правительственного приема, как это сделала Жаклин. Не успел зять покойного президента Питер Лоуфорд войти в Западную гостиную, чтобы переговорить с Эвелин и тещей, как Жаклин, сняв траурную вуаль и черный берет, слегка поправила свою простую прическу и была готова к встрече гостей.

Начальник протокола был обеспокоен. Он считал, что Жаклин, когда она спустится к гостям, следует уделять равное внимание всем высокопоставленным лицам. Но Дьюк не мог понять, чего хочет Жаклин Кеннеди — приветствовать ли гостей, стоя в шеренге встречающих, или просто находиться среди них? Жаклин посмотрела вопросительным взглядом на супруга английской королевы герцога Эдинбургского.

Тот не замедлил откликнуться!

— Я бы посоветовал вам принять гостей, стоя у входа в зал. Это быстрее и лучше.

Большинство людей, собравшихся около столов с закусками, были удивлены, узнав, что вдова сошла вниз. Это превзошло все их ожидания, и выражение их лиц и стремление по возможности щадить ее чувства красноречиво свидетельствовали об их признательности.

Принц Филипп оказался прав: предложенная им процедура все очень ускорила. Задержки возникали лишь, когда сама Жаклин, желая сказать какие-то особые слова тому или иному посетителю, останавливала движение вереницы гостей. Стоя под ослепительным светом бронзовой люстры в Красной гостиной в окружении Тедди Кеннеди, Энджи Дьюка и Годфри Макхью, Жаклин еле слышным голосом приветствовала гостей, пожимала их руки и обменивалась с ними несколькими фразами.

Едва ли Людвиг Эрхард мог забыть о том, что в этот вечер ему предстояло быть гостем Джона Кеннеди, однако он был потрясен, когда Жаклин прошептала ему!

— Знаете, ведь именно сегодня мы с вами должны были встретиться за обедом. Я просила, чтобы к обеду подали немецкое вино и велела оркестру играть немецкую музыку. В эти минуты мы уже переодевались бы к обеду.

Затем Жаклин словно в тумане видела, как к ней подошла греческая королева, с протянутыми руками и выражением сочувствия на лице. А где-то дальше Жаклин Кеннеди совершенно отчетливо увидела приближающуюся фигуру первого заместителя председателя Совета Министров СССР Анастаса Микояна. Он выглядел искренне огорченным. Жаклин протянула ему руку и, отвечая на ее рукопожатие, Микоян, казалось, еще более расстроился. После приема в Белом доме де Голль обедал во французском посольстве на Колорама-Роуд с послом Альфаном и его супругой. А в это время президент Джонсон в зале приемов государственного департамента при свете свечей пожимал руки гостям. Он находился там с пяти часов вечера, его ожидало еще 220 человек, и поскольку ему впервые предоставлялась возможность в качестве главы государства проявить свою внушительную манеру и умение лично убеждать каждого — снискавшие ему такое влияние в сенате, — все это, разумеется, должно было занять немало времени. Де Голль был знаком с Джонсоном. Они познакомились в Париже 30 месяцев назад. Тогда генерал холодно оборвал тираду Джонсона вопросом:

— Чему вы приехали учиться?

Сейчас он передал Джонсону, что президенту Франции не подобает стоять в очереди. Он решил пообедать, принять ванну, переодеться и лишь после этого в сопровождении своих телохранителей пожаловать на прием.

Первого заместителя председателя Совета Министров СССР А. Микояна Джонсон принял без улыбки, кратко пожал ему руку и затем стал позировать для фотографов. Их встреча, длившаяся ровно тридцать пять секунд, оказалась самой короткой из всех 220 бесед. Как ни странно, но и советский гость, видимо, не испытывал никакого желания продлить эту встречу, и на его лице также не было улыбки. При всех обстоятельствах ему предстояло встретиться с президентом с глазу на глаз на следующий день. Кроме того, его осторожность была оправдана. Как признался один член советской делегации в личной беседе с американским знакомым, русские располагали весьма скудными сведениями о Джонсоне. Кстати, этих сведений не было и у других иностранных государств. В зарубежных столицах мало что знали о темпераменте Джонсона, особенностях его характера, умении разбираться в международных делах и о его влиянии на американское правительство. Поэтому одна из задач приема в государственном

департаменте заключалась в том, чтобы удовлетворить любопытство к личности нового президента. Главы многих иностранных государств находились теперь в Вашингтоне и, по несколько бестактному заявлению одного из организаторов приема, государственному департаменту «представилась возможность убить одним выстрелом двух зайцев».

Тогда еще никто не подозревал, что де Голль использует эту возможность в своих интересах и откажется от обещания, данного им Кеннеди.

При всех обстоятельствах характер приема все же не давал возможности удовлетворить интересы наиболее видных зарубежных гостей. За исключением французского президента, все они запросили частных аудиенций, и в течение ближайших двух дней должны были состояться встречи с Микояном, Селассие, Иненно, Дугласом-Хьюмом, де Валера, Эрхардом и главами латиноамериканских делегаций.

Линдон Джонсон начал уже ощущать на себе тяжесть многочисленных обязанностей президента. Когда он покинул зал приемов государственного департамента — тридцать пять губернаторов уже ожидали его в здании канцелярии президента. На 20. 45 было назначено второе расширенное совещание по вопросам государственного бюджета.

Рядом с его телефонным аппаратом, снабженным 20 кнопками каналов прямой связи, лежали записки секретаря с просьбой позвонить почти всем ведущим профсоюзным деятелям и бизнесменам страны.

Еще неделю назад самая сложная проблема Мари Фемер заключалась в подборе мохнатых полотенец для Жаклин Кеннеди в связи с ее посещением ранчо Джонсона в Техасе. Ныне ей предстояло справиться с текстами шестидесяти телеграмм Джонсона главам иностранных государств, не успевшим прибыть в Вашингтон на похороны. Разумеется, Мари не составляла этих телеграмм. Не занимался этим и сам Джонсон. Команда Кеннеди в полном составе предоставила себя в распоряжение нового президента. Мак Банди был срочно вызван из Красной гостиной и усажен за подготовку повестки дня для предстоящей на следующий день встречи с представителями стран Южной Америки. Дик Гудвин писал для президента текст выступления на этой встрече. Ллуэлин Томпсон соответственно готовил проект заявления для встречи Джонсона с Микояном. Алексис Джонсон написал краткие характеристики на всех приглашенных на прием лиц. Прежде чем представить какого-либо деятеля президенту, Раск задерживал гостя ровно на столько, сколько было необходимо для заместителя государственного секретаря или сотрудника протокольного отдела госдепартамента, чтобы прошептать на ухо президенту самые главные сведения из соответствующей биографической справки.

Энджи Дьюка поразило, насколько общее настроение здесь отличалось от атмосферы на втором этаже Белого дома, откуда он только что явился. «Сам воздух здесь, казалось, был заражен энергией. Все было устремлено в будущее».

Сердце самого Энджи по-прежнему принадлежало прошлому, и он предоставил своему аппарату заниматься массой возникающих мелких вопросов. Сам президент чувствовал себя великолепно. Его отнюдь не угнетала растущая гора дел в здании канцелярии президента. Подобно Кеннеди, он любил напряженную работу. Более того, он обожал личные контакты с людьми. Представителей банановых республик и развивающихся стран он встречал сильным рукопожатием и пытливым взглядом. Близких знакомых или лиц, представляющих для него особый интерес, ожидал прием, известный его техасским соратникам как «наложение рук» или «обработка». Во время этой процедуры Джонсон правой рукой энергично тряс руку собеседника, а левой крепко обхватывал локоть гостя и дружески его похлопывал. Вилли Брандт, У Тан, Жан Моннэ и Поль Анри Спаак — все прошли через обряд «обработки», и президент поочередно удостоил их «наложением рук».

К шести часам этот бодрый верзила вынужден был украдкой массировать свою правую руку. Последние гости, поздоровавшись с ним, лавиной устремлялись к накрытым столам в зале Джона Куинси Адамса. В ответ на телефонный звонок французского посла Альфана, интересовавшегося, как обстоят дела, Энджи Дьюк сообщил, что путь открыт и президенту де Голлю не придется ожидать. Президент Джонсон тем временем открыл первое из шестнадцати совещаний на диване с избранными гостями в зале Томаса Джефферсона. Алексис Джонсон предупредил его о необходимости ограничить каждую из бесед не более чем 3—4 минутами.

Иначе, предостерег он, может образоваться затор. Так оно и произошло. По словам одного присутствовавшего, «очередь росла с каждой минутой». Мак Банди попытался было ускорить ход событий, но результаты были ничтожными. Поэтому руководитель государственного департамента придумал блестящее, на его взгляд, решение этой проблемы: президенту предлагалось побеседовать со всеми скандинавами одновременно. В зале появились датский кронпринц Георг и премьер-министр Дании Йене Краг, норвежский кронпринц Гаральд и премьер-министр Норвегии Эйнар Герхардсен, шведский принц Бертиль и премьер-министр Швеции Таге Эрландер. Джонсон оказался в роли председательствующего — на заседании Совета Северных стран. Все шло как по маслу, но внезапно на пороге показалась фигура человека, не имевшего ни малейшего желания прохладиться за дверьми. В аэропорту Даллеса личный самолет де Голля был готов к полету. Время взлета было назначено на 21 час. Де Голль намеревался быть в своем парижском кабинете через восемь часов — в пять часов утра по واشنطنскому времени.

Войдя в зал своим широким шагом, де Голль прервал совещание со скандинавами. Шведы, датчане и норвежцы повскакали с мест и с возгласами недоумения рассыпались по сторонам. Протиснувшийся вперед Раск поспешил пригласить обоих президентов в свой кабинет. Как гласит запись этой беседы, сделанная самим Раском, государственный секретарь открыл ее словами благодарности в адрес де Голля за его приезд на похороны президента. Де Голль ответил, что он «всегда восхищался президентом Кеннеди и неизменно испытывал к нему глубокое уважение, что смерть Кеннеди является невосполнимой утратой для всего мира и что народ Франции воспринимает смерть Кеннеди как свою личную утрату, словно он был членом их семьи».

Де Голль говорил далее о тесных узах, связывающих Францию и Соединенные Штаты. «Это реальный факт, — сказал он. — И только это имеет значение». Раск не упустил случая вмешаться. Имеет значение и крепость этих связей, заметил он и подчеркнул, что новое правительство «намерено преследовать те же цели, что и президент Кеннеди», и что «главные направления внешнеполитического курса» и политические и военные обязательства США по отношению к Европе не претерпят никаких изменений. Можно твердо рассчитывать на то, что президент Джонсон, который был «ближайшим соратником президента Кеннеди», приложит все усилия к тому, чтобы не допустить каких-либо нарушений «темпа и целеустремленности внешней политики Соединенных Штатов». Короче говоря, Франция, Англия и Америка будут, как и прежде, действовать сообща.

Джонсон не промолвил ни слова. Он не знал французского языка и доверял Раску даже больше, чем это делал Кеннеди. Поэтому президент предоставил своему министру иностранных дел вести беседу от его имени в той, пожалуй, единственной встрече, где его личность могла оставить хотя бы какой-то след в памяти собеседника.

В остальном прием прошел для Джонсона вполне успешно. Это не было столь легким делом, как это выглядело на экране телевизора. Джонсон был хорошо известен своим соотечественникам. Он стал деятелем национального масштаба с момента его выдвижения на пост лидера Демократического большинства в палате представителей в пятидесятых годах, когда Эйзенхауэр был монархом, а Джонсон великолепно играл роль его премьер-министра. Успех их сотрудничества был предрешен заранее. Хотя они были представителями различных партий, резко расходились в вопросах политической философии и обладали различными способностями, оба они были скроены из одного куска домотканого холста. Американцы хорошо знали эту ткань. Иностранцам, особенно европейцам, этот элемент простонародья в личности Джонсона был непонятен и чужд, а следовательно, подозрителен. Тот факт, что большинство иностранных представителей покинуло Вашингтон 25 ноября успокоенными, сам по себе означал победу. Этот успех выглядит еще более значительным, если вспомнить, что новый глава исполнительной власти был вынужден делать свои первые шаги в мрачной атмосфере недавних зловещих событий. Возможно, обозреватель еженедельника «Ньюс уик» Бен Брэдли и преувеличивал, когда высказывал предположение, что во время пребывания в Белом доме Джонсон будет находиться в тени, отбрасываемой личностью Кеннеди. Но в этот вечер, по мере того как загадочные события в Далласе приобретали все более и более угрожающий характер, тень эта, несомненно, была весьма велика.

Детей Кеннеди уложили спать. Супруги Очинклосс уехали. Чета Смит удалилась на докой, а Этель Кеннеди повезла свой выводок на виллу Хиккори Хилл. Тед с женой Джоан поехали домой.

Разошлись все, кроме Роберта и Жаклин.

И вот, наконец, на втором этаже Белого дома остались наедине два человека, сильнее всех переживавших понесенную потерю. Лишь пять дней минуло с того вечера» когда министр юстиции по пути домой, где отмечали день его рождения, остановился здесь и в течение сорока пяти минут беседовал с первой леди, расспрашивая, достаточно ли она оправилась после смерти сына, для того чтобы совершить утомительную поездку по Техасу и выдержать тяготы предстоящей избирательной кампании. Сейчас, готовясь снова пересечь Мемориальный мост, отделявший его резиденцию от Белого дома, Роберту Кеннеди не надо было спрашивать, справится ли она с грядущими невзгодами. Он знал, что она, подобно ему, вынесет все, кроме мысли, что узы, еще вчера тесно связывавшие их, могут быть преданы забвению. И потому он, нарочито спокойным голосом, неожиданно воскресившим в памяти манеру и голос покойного президента, тихо спросил:

— Не хочешь ли навестить нашего друга?

Жаклин всегда держала букет белых лилий в золоченой вазе на столе в вестибюле, и, покидая комнату, она остановилась и захватила с собой цветы. Клинт Хилл предупредил по телефону дежурного Арлингтонского кладбища, что они направляются туда. Дом главного смотрителя Джека Метцлера находился на территории кладбища. Он быстро оделся и встретил их черный «меркьюри» у ворот Хэтфилд. Оставив машину на Шеридан-драйв, они пошли по аллее, усаженной кедрами и дубами, к новой ограде. Здесь все выглядело по-иному. Исчезли бесчисленные толпы людей. У белой изгороди стояли лишь Роберт и Жаклин, два солдата военной полиции и Метцлер. Искусственный дерн уже удалили. За загородкой виднелись пышные венки с яркими лентами. Ночь милосердно скрывала диссонансы. Клинту запомнилось, что было «очень сыро, темно и тихо».

Один из военных полицейских открыл дверцу ограды. Жаклин и Роберт Кеннеди прошли внутрь. Затем они оба опустили на колени. В темноте язык пламени казался ярко-голубым. От дуновения ветерка пламя отбрасывала слабый свет, подобно болотным огням, и неровными бликами освещало их склоненные головы, вырывало из темноты фигуры Хилла, охраны и ждавшего поодаль шофера.

Жаклин положила поверх зеленых ветвей букет цветов — последний знак ее любви. Затем они пошли назад в непроницаемую ночную тьму.

Эпилог ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Многие ненавистники Кеннеди, так же как, впрочем, и многие его почитатели, были поражены той волной эмоций, которая возникла после похорон и продолжала затем нарастать с каждым годом. Циники саркастически называли это явление «культом Кеннеди», как будто кончина всякого выдающегося человека не ведет к усилению чувств у искренне преданных ему людей. Суть этого явления заключалась в том, что личность Кеннеди отвечала эмоциональным потребностям американского народа. По наблюдению Джеймса Рестона, «легенда о Кеннеди растет — и вглубь и вширь. Даже те, кто всячески проклинал его при жизни, теперь чуть ли не боготворят его имя, а многие его политические противники, столь безжалостно судившие его в прошлом, теперь подыскивают кандидата, который походил бы на него своей внешностью и манерой говорить».

Официально период траура был установлен в тридцать дней. Это означало всего лишь приспущенные флаги и отмену разного рода балов и правительственных приемов. За пределами государственного аппарата деловая активность возобновилась на утро после похорон. На экранах телевизоров вновь замелькала реклама, курс акций на бирже снова подскочил, и театральные огни засияли по-старому. Люди, наиболее тяжело перенесшие трагедию, стали

постепенно возвращаться в русло нормальной жизни.

Но вот прошло и тридцать дней. Полотнища флагов затрепетали на самой вершине флагштоков, рояль вкатили обратно в Восточный зал Белого дома, хозяйки вашингтонских гостиных возобновили свои приемы, и неожиданно для себя все обнаружили, что траур отнюдь не окончился. Безусловно, лихорадка, бившая страну с 23 по 25 ноября, прошла. Но это было состояние явно противоестественное. Поэтому никого не удивило, когда опросы населения показали, что уже на следующей после убийства неделе — со среды до субботы — три четверти взрослого населения вернулись к обычному для них образу жизни. Раны на теле нации начали заживать, и этот процесс шел так быстро, что каждый, кто пытался их беречь, наталкивался на уклончивость или неприкрытую враждебность.

И все же скорбь не исчезала. В Нью-Йорке процессия медленным шагом проследовала по Пятой авеню; у каждого из тысячи ее участников в руке горела свеча в память президента Кеннеди. Покупатели, приобретающие рождественские подарки, были подавлены унынием, царившим в обычно оживленных магазинах. Журналы стали выпускать специальные номера, посвященные памяти Джона Ф. Кеннеди, и на полках каждого книжного магазина столицы был отведен особый угол для альбомов с его фотографиями.

Аукционисты, специализирующиеся на продаже реликвий американской истории, установили, что письма Кеннеди, написанные им от руки, ценятся не менее писем Линкольна. Книга Кеннеди «Галерея мужественных» с автографами автора оценивалась в 375 долларов. Детали трибуны, откуда он произнес свою речь в Сан-Антонио за день до убийства, стали предметом зависти коллекционеров, а табличка с надписью «номер 850», висевшая на дверях его спальни в отеле «Техас», где он провел последнюю ночь, бесследно исчезла.

Во время поездок Линдона Джонсона по США сотрудники Белого дома стали раздавать желающим фотографии обоих президентов, стремясь подчеркнуть таким образом преемственность власти. Однако от этого пришлось быстро отказаться. На одну карточку нового главы государства брали десять портретов Кеннеди. Все агенты секретной службы буквально кипели от возмущения, когда Джонсон сделал выговор одному из агентов, носившему в качестве булавки для галстука миниатюрное изображение «ПТ-109» — военного катера, на котором служил во время войны Кеннеди, и в резкой форме напомнил ему, что он служит при новом президенте. И все же раздражение Джонсона легко было понять. Его повсюду преследовал призрак покойного президента. Даже на съезде демократической партии в 1964 году, на котором обсуждалась кандидатура на пост президента, Джонсона, буквально в последнюю минуту, оставили на бобах, хотя все это мероприятие тщательно готовилось как его триумфальный выход. За месяц до съезда Джонсон вычеркнул имя Роберта Кеннеди из списка возможных кандидатов на пост вице-президента. Тем не менее самые волнующие минуты в зале съездов принадлежали не Джонсону. Они наступили, когда на трибуну поднялся министр юстиции и предложил вниманию делегатов кинофильм о тысяче дней, проведенных его братом в Белом доме. Делегаты вскочили на ноги и, стоя, устроили Роберту Кеннеди оглушительную овацию, продолжавшуюся целых пятнадцать минут.

Чем больше люди задумывались над сущностью легенды о Джоне Кеннеди, тем меньше они ее понимали. Младший брат убитого президента не сделал ничего, что могло бы поощрить такую демонстрацию. Напротив, он несколько раз пытался прервать ее, затем слегка улыбнулся и, прикусив губу, склонил голову, как перед неукротимым ураганом. Комментатор Дэвид Бринкли решил, что убийство и его последствия следует отнести к числу загадочных явлений, не поддающихся логическому анализу.

Но, не взирая ни на что, люди по-прежнему стремились вместить эти события в рамки своей жизни. Наиболее очевидный путь заключался в присвоении имени покойного президента разным населенным пунктам, улицам и т. д. Жаклин Кеннеди попросила Джонсона переименовать мыс Канаверал в мыс Кеннеди. Он сразу же удовлетворил ее просьбу. Тогда на ум пришла мысль о том, что в будущем ей, чего доброго, придется ехать на автомашине «по шоссе имени Кеннеди на аэродром имени Кеннеди для того, чтобы посетить школу имени Кеннеди». Мэр Нью-Йорка Вагнер переименовал аэропорт Айдлуайлд в аэропорт Кеннеди, конгресс изменил прежнее наименование Общенационального культурного центра на Центр исполнительского искусства имени Джона Ф. Кеннеди. Министерство финансов приступило к

чеканке пятидесяти миллионов пятидесятицентовых монет с изображением Кеннеди и установило, что они исчезают из обращения, так как их берут на сувениры.

Во всех частях страны различные комиссии и муниципальные советы единодушно голосовали за то, чтобы увековечить имя президента, изменив названия на карте соответствующих городов и штатов.

В беседе с супругой французского посла Николь Альфан Жаклин Кеннеди сказала, что чувствует себя как «раненый зверь. Единственное, чего я хочу, — это забраться куда-нибудь в потайное место и затихнуть». Вместо этого ей пришлось без устали решать одну задачу за другой. Ее родственники помогали ей как могли. Однако она сама справлялась с большинством дел. Она не пожелала переложить на кого-нибудь ответственность за подготовку похорон. Впоследствии она так же стремилась сделать все сама. Зачастую у нее просто не было выбора. Если она хотела оказать поддержку новому президенту, то ее присутствие во время соответствующих церемоний было абсолютно необходимым, так как никто не мог ее заменить.

Жаклин стремилась как можно быстрее освободить Белый дом для его нового хозяина. Ее последний полный драматизма жест перед тем, как переехать в новый дом, был целиком задуман ею самой. После нескольких неудачных попыток она написала на листе бумаги своим тонким почерком:

«В этой комнате жил Джон Фитцджеральд Кеннеди со своей женой Жаклин в течение двух лет десяти месяцев и двух дней пребывания на посту президента Соединенных Штатов».

Эти слова были вырезаны на дверях непосредственно под старой подписью:

«В этой комнате спал Авраам Линкольн в период пребывания в Белом доме с 4 марта 1861 года по 13 апреля 1865 года».

Жаклин уложила в нее самой установленные сроки. Ровно через 11 дней после похорон она переехала в дом Гарриманов.

Президент Джонсон приколотил высшую награду министерства финансов на грудь Руфуса Янгблада, превознося его как «одного из самых отважных и талантливых служащих, каких я только знал». По настоянию Жаклин Кеннеди министр финансов Диллон наградил также Клинта Хилла. Хотя оба агента великолепно вели себя в момент покушения — особой похвалы заслуживает драматический прыжок Клинта, который благодаря фотографиям стал широко известен всей стране, — эти награждения вызвали скрытое недовольство среди большей части официального Вашингтона. Секретная служба не выполнила свой долг перед президентом Кеннеди, в этом было главное. И, по всеобщему мнению, первой реакцией ее сотрудников должно было быть чувство коллективной вины и стыда, а не гордость за выдающиеся успехи. Вначале нужно было расследовать причины провала, а лишь затем заниматься раздачей медалей. Конечно, следствие об убийстве Кеннеди было начато, но и здесь с самого начала оно велось так, что не могло не вызвать тревоги и озабоченности. ФБР выделило пятьдесят агентов, стремясь, как говорится, одним махом завершить все дело. В результате на свет появился скудный отчет, безапелляционно отвергавший все щекотливые вопросы при помощи одной и той же фразы: «Никаких улик не обнаружено». Затем этот отчет был потихоньку передан одному из журналов, и его содержание, естественно, стало всеобщим достоянием. Один этот эпизод может послужить удручающим примером того, как бюрократический аппарат, почуяв опасность, немедленно предаст забвению интересы страны и бросает все силы на самооборону.

Наконец новому президенту все-таки втолковали, что поручить самим тexasским властям расследование дела об убийстве президента Кеннеди означало бы заранее навлечь на них подозрение в попытке обелить себя. Через четыре дня после похорон заместители министра юстиции Катценбах и Кокс посетили председателя Верховного суда США Уоррена и обратились к нему с настоятельной просьбой возглавить Федеральную комиссию. Уоррен наотрез отказался. Он напомнил, что неоднократно осуждал исполнение членами суда каких-либо иных функций, отвлекавших их от выполнения своих прямых обязанностей, и в

качестве выхода предложил обратиться к одному из двух ушедших на пенсию судей. Посетители поспешно откланялись и уведомили Белый дом о постигшей их неудаче. Однако именно в таких ситуациях Джонсон чувствовал себя, словно рыба в воде. Едва верховный судья успел отказаться, как на его столе зазвонил телефон. Президент просил его незамедлительно приехать. Далее, по описанию Уоррена, события развивались следующим образом:

«Вначале меня встретил Банди. Он проводил меня в кабинет, и президент сказал мне, что дело приобрело очень серьезный оборот. Он сказал, что распространяются самые дикие слухи и что следует все время помнить о международном положении. Он сказал, что только что беседовал с Раском и тот высказал крайнюю озабоченность. Он упомянул также об информации председателя Комиссии по атомной энергии о том, сколько миллионов людей могут погибнуть, если возникнет атомная война. Единственное, что позволит пресечь эти слухи, сказал он, это создание независимой и ответственной комиссии расследования. Эту комиссию может возглавить лишь человек, занимающий самый высокий пост в судебной иерархии государства. Я высказал ему свое мнение на этот счет. Он сказал, что если общественное мнение будет враждебно настроено против Кубы и Советского Союза, то это может привести к войне.

— Вам пришлось уже однажды носить военную форму, — сказал он, — и если бы я попросил вас об этом, то вы вновь надели бы форму во имя интересов вашей страны.

— Конечно, — ответил я.

— Сейчас я прошу вас оказать гораздо более важную услугу, — сказал он.

— Если вы ставите вопрос таким образом, — сказал я, — мне остается только согласиться».

В тот же вечер Джонсон подписал распоряжение о назначении еще шести членов комиссии. Им поручалось изучить все материалы ФБР, вести самостоятельное расследование и дать заключение «по всем фактам и обстоятельствам», связанным с убийством Кеннеди, «в том числе касательно последующей насильственной смерти человека, подозреваемого в убийстве президента».

Назначение президентом в состав комиссии известных людей было сделано с целью произвести впечатление на общественное мнение страны, что полностью соответствовало традиции создания таких органов. Настоящую работу выполняли главный юрисконсульт комиссии и его четырнадцать помощников. Среди них самую активную деятельность развили наиболее молодые юристы. За шесть месяцев 94 свидетеля были вызваны на заседания комиссии с участием одного или более ее членов. Отдельные сотрудники аппарата комиссии успели опросить за это же время 395 человек. Письменные показания, данные под присягой, были получены от 61 человека и двое — президент и его супруга — свои свидетельства прислали в письменной форме. 24 сентября 1964 года полный текст доклада комиссии Уоррена был представлен президенту и опубликован.

В самих Соединенных Штатах доклад комиссии Уоррена получил всеобщее одобрение. Менее восторженно он был принят за рубежом, где его неоднократно критиковали как «официальную версию» — тонкий намек на то, что еще одна, правдивая, версия держится в строгом секрете. Хотя действия секретной службы, ФБР и полиции города Далласа были далеки от того, чтобы ими стоило восхищаться, с ними обошлись весьма учтиво, и предложения комиссии об устранении недостатков в их деятельности страдали отсутствием ясности и решительности. Но даже и в таком виде их постигла печальная участь. Эдгар Гувер, разъяренный тем, что кто-то осмелился подвергнуть критике его бюро, ринулся в контратаку с такой яростью, что американцы даже не заметили, что в докладе говорилось гораздо резче о недостатках секретной службы, которая благоразумно предпочла помалкивать. К тому моменту, когда директор ФБР завершил дисциплинарную расправу над своими агентами в Далласе, в том числе и над незадачливым Хости, большинство американских читателей успели уже забыть, какое из ведомств отвечало за безопасность Джона Кеннеди. Что касается конкретных рекомендаций комиссии Уоррена, то наиболее важные из них были подшиты к делу и преданы забвению. Комиссия предлагала подчинить секретную службу непосредственно кабинету министров. Это предложение так и не было осуществлено. По мнению комиссии, на посту начальника группы агентов секретной службы Белого дома следовало иметь чиновника, ничем не связанного в личном плане с президентом. Джонсон тут же заменил Джерри Бена

Руфусом Янгбладом. Однако мало кто из агентов секретной службы ему завидовал. Нового главу государства оказалось куда сложнее охранять, чем его предшественника. Он очертя голову бросался в самую гущу толпы, гостеприимно приглашал в Белый дом оравы приезжих туристов и строго выговаривал своим телохранителям, если они слишком близко к нему подходили. Секретная служба заново пере —

оборудовала президентский «линкольн», в котором был смертельно ранен Кеннеди. На нем был установлен форсированный двигатель, две с половиной тонны новой стальной брони, стекла толщиной в три дюйма и не пробиваемые пулями покрышки. В докладе ничего не говорилось о контроле над продажей огнестрельного оружия. Члены комиссии обсуждали этот вопрос между собой и решили, что он находится вне их компетенции. Требования о принятии соответствующих законов настолько усилились после убийства Кеннеди, что, казалось, ничто не могло помешать их осуществлению. Опросы общественного мнения, проводимые Гэллапом, показали, что восемь американцев из десяти были настроены в пользу принятия законов, санкционирующих продажу оружия лишь гражданам, имеющим соответствующее разрешение от полиции. Роберт Кеннеди потребовал, чтобы сенат запретил приобретение оружия по почте. Письма в поддержку его предложения буквально затопили Капитолий.

Несколько недель спустя после похорон сенатор Томас Додд от штата Коннектикут внес довольно разумный законопроект, накладывающий запрет на продажу оружия по почте, на импорт оружия (кроме спортивного), продажу его лицам моложе 21 года и обязывающий всех покупателей удостоверить свою личность, чтобы полиция в случае необходимости могла их разыскать. Американская ассоциация адвокатов горячо поддержала этот законопроект, но никто на него не обратил внимания.

Начальник Управления лагерей и тюрем США указал, что «в конце концов даже автомашины подлежат регистрации, а водители обязаны иметь права», но его выявление осталось гласом вопиющего в пустыне. В общей сложности в конгресс было внесено 18 проектов законодательных мер по контролю над продажей оружия. Однако ни один из «антиружейных» законопроектов так и не попал в цель. Соединенные Штаты продолжали оставаться единственной цивилизованной страной в мире без твердых правил, регулирующих продажу огнестрельного оружия и владение им. Только в 1964 году в страну было ввезено около 600 тысяч единиц дешевого оружия.

Многие американцы усматривали во всех попытках установить контроль над оружием посягательство на их мужественность. Национальная ассоциация стрелков-любителей, пользующаяся большим влиянием, призвала своих членов, насчитывающих свыше полумиллиона человек, писать письма в Вашингтон и возражать против предложений о контроле над продажей оружия, а ее лоббисты принялись обрабатывать членов конгресса, используя фарисейский афоризм о том, что «убивает не ружье, а человек». Они настаивали на принятии еще одного закона Хиккенлупера, направленного всего лишь на прекращение ввоза ружей и пистолетов, изготовленных иностранными фирмами. Все попытки Катценбаха доказать, что ассоциация защищает не интересы спортсменов, а прибыли фабрикантов оружия, оказались тщетными.

Выходящий массовым тиражом журнал «Филд энд стрим» предупреждал своих читателей: «Экстремисты вновь требуют запретить продажу огнестрельного оружия». Журнал призывал владельцев оружия «перейти в наступление». Кстати, в февральском номере этого журнала в 1966 году одна из фирм, высылающая ружья и пистолеты по почте по получении соответствующего денежного перевода от любого лица, поместила объявление, рекламирующее дешевое ружье иностранного производства с оптическим прицелом, известное среди владельцев оружия под названием «винтовка марки Кеннеди». Рядом было напечатано рекламное объявление о выпуске специальных почтовых марок, посвященных памяти Кеннеди. Один предприимчивый репортер города Патерсон (штат Нью-Джерси) решил проверить, на что способны фирмы, продающие оружие по почте. Он послал одной из фирм заказ и приложил денежный чек с подписью «Л. Х. Освальд». Он благополучно получил свое ружье.

Владельцы оружия последовали призыву журнала «Аутдор лайф» и бросились в атаку. Особенно воинственно вели они себя в штате Техас. В других районах страны судебные органы благожелательно отнеслись к двадцати с лишним тысячам законов и постановлений о контроле

над продажей оружия, принятых местными органами власти в городах и штатах. В Далласе один судья отменил в 1962 году постановление муниципалитета, ограничивающее право на ношение оружия, на том основании, что оно якобы представляло собой «произвольное ущемление неотъемлемых прав граждан этого штата, не намеренных отказываться от этих прав в пользу правителей». По-видимому, под «правителями» имелось в виду федеральное правительство Соединенных Штатов, и надо признать, что это отношение не переменилось даже после убийства Кеннеди. Не успела зажить раненая рука губернатора Коннэли, как он уже обратился к конгрессменам, представляющим Техас, с призывом выступить против законопроекта Додда, а члены республиканской партии штата, собравшись на конференцию в Далласе, приняли резолюцию, бичующую какие-либо ограничения прав частных лиц приобретать оружие и пользоваться им.

«Большой Д.» по-прежнему отличался целым рядом странностей. В течение последней недели ноября 1963 года в сердцах либерального подполья пробудилась была надежда, что мучительная переоценка ценностей жителями города может пробудить к жизни их общественное сознание. Но надежде этой не суждено было сбыться. Чем больше было перемен в Далласе, тем яснее было, что он остается все тем же. Увяли венки «Прощай, дружище» на площади Дили, где был убит Кеннеди, и робкие ростки самосознания огрубели и превратились в защитный покров. Беспокойная тревога: «Помилуй бог, что скажут о нас в Нью-Йорке», перешла в состояние, описанное одним из местных психиатров следующим образом:

«Далласцы очень-очень гордятся Далласом. У отдельных граждан города это чувство перерастает в какую-то манию самолюбования. Вместо заботы о горе других их обуревают тревога за репутацию города».

В глазах этих граждан Даллас в значительной мере себя реабилитировал уже в первый месяц деятельности нового правительства. Речь идет о том, что в 1963 году в конце спортивного сезона студенческих команд спортивные комментаторы страны остановили свой выбор на команде регбистов техасского университета и высшего военно-морского училища США, назвав их соответственно командами № 1 и № 2.

Они встретились в Техасе на большой спортивной арене Коттон-Боул. Кадеты получили хорошую трепку. Весь Даллас ликовал.

Дух публичного раскаяния улетучился довольно быстро. Полицейские Джесса Карри были возмущены не действиями своего местного начальства, а решениями Верховного суда США об охране прав подсудимых, которые, по мнению полиции Далласа, помешали им допросить должным образом Освальда в день убийства Кеннеди. Находясь под первым впечатлением катастрофы, происшедшей 22 ноября, инспектор школьного образования Далласа Уайт поклялся, что уволит преподавательницу, сказавшую своим ученикам, что ей хочется плюнуть в лицо президенту Кеннеди. Прошло несколько дней, и он изменил свое мнение. Это, однако, не помешало ему спустя две недели отстранить от обязанностей другую учительницу, написавшую письмо в редакцию журнала «Тайм» о том, что она была свидетельницей, как «наши газеты и многие руководители Далласа сеяли семена ненависти». Она была убеждена, что эти действия толкнули убийцу на преступный акт.

Вице-президент одной из нефтяных компаний Далласа и член дирекции крупного универмага выступили на страницах печати с резкой критикой ультраправых организаций города — оба были вынуждены подать в отставку. Конечно, большинство жителей Далласа глубоко сожалело о случившемся, и, в то время как местные власти отказались финансировать сооружение какого-либо памятника Кеннеди или мемориальной доски в его память (они объясняли, что расходование общественных средств на указанные цели было бы с их стороны нарушением законов), комитет, созданный самими гражданами, решил превратить один из запущенных кварталов близ здания суда в площадь памяти Кеннеди. Однако эти планы где-то застряли. В конце концов был открыт памятник в Торговом центре, где 22 ноября должен был выступить Кеннеди. Однако на том месте, где было совершено преступление, не было ничего, что говорило бы о том, что именно здесь пролилась кровь президента. Это отсутствие каких-либо знаков памяти о случившемся особенно разительно бросалось в глаза за неделю до опубликования доклада комиссии Уоррена, когда Американский легион проводил в Далласе свою ежегодную конференцию. Шесть часов подряд девицы с булавами в ярких одеждах

тамбурмажоров вышагивали впереди одетых в разноцветные мундиры колонн мимо Техасского склада школьных учебников. Никто не остановился около здания. Ничто даже не напоминало о событии, которое недавно здесь произошло.

Весной 1966 года, то есть через год после того, как в Раннимиде был открыт музей Кеннеди, отцы Далласа сооблаговостили пересмотреть свою позицию и совершили поворот на 180 градусов, выделив из ассигнований, предназначенных для озеленения города, сумму в размере 20 тысяч долларов на сооружение мемориальной доски в честь Кеннеди. Первоначальный вариант текста доски состоял из десяти абзацев. Его авторы сообщали о том, что площадь названа в честь Дж. Г. Б. Дили (о телевизионной компании УПА, владельцем которой он был, они не упоминали), далее описывали первую хижину, сооруженную на месте нынешнего города примерно в 1841 году, напоминали о декрете Техасского законодательного собрания, создавшем в 1846 году округ Даллас рассказывали о строительстве платного моста через реку Тринити в 1855 году, включении Далласа в состав штата в 1856 году, об открытии регулярного судоходства по Тринити в 1868 году, завершении строительства железнодорожной ветки от Далласа до залива в 1872 году и затем торжественно сообщали о сооружении здания железнодорожного вокзала в 1873 году. «На этом фоне созидательной деятельности, — говорилось далее в проекте надписи, — это место, к несчастью, стало сценой трагедии, потрясшей весь мир».

Журналисты «Таймс геральд» были потрясены, прочитав этот текст. Они язвительно указали, что такая попытка навести глянец на страшную правду об убийстве только укрепит и без того широко распространенное мнение о Далласе как о городе, рьяно оберегающем свой престиж и не способном видеть дальше своего носа, Тогда местные власти остановились на более кратком и простом тексте без упоминания о, «созидательной деятельности». В то же время отцы города без особого шума стали подумывать над тем, чтобы вообще снести здание книжного склада под тем предлогом, что оно-де мешает уличному движению. Здание склада служило мрачным напоминанием о прошлом. Обитатели Далласа старались как можно реже смотреть на него.

Джек Руби был бельмом на глазу. Его судебный процесс вызывал беспокойство у всех, за исключением самого подсудимого, не выходявшего из состояния какого-то забытья, и его довольно шумного адвоката, одержимого неутолимой жаждой славы. Временами процедура суда напоминала цирковое представление. К великому замешательству судьи Джо Б. Брауна, обнаружилось, что он сам в 1959 году рекомендовал Джека Руби в члены Торговой палаты Далласа. Браун тем не менее не пожелал отказаться от судейства, заявив, что хотя он и дал рекомендацию, но якобы не был по-настоящему знаком с преступником. Он далее установил, что лица, видевшие по телевидению момент убийства Освальда, не могут давать показания в качестве свидетелей. Верховный суд Техаса поддержал это решение, и в результате был созван суд присяжных — весь как на подбор из граждан белой расы и протестантов по религиозным убеждениям. Один раз заседание суда пришлось прервать из-за побега группы заключенных из местной тюрьмы. Дважды охрана обезоруживала зрителей в самом зале суда (среди тех, у кого были отобраны пистолеты, была красотка из ночного заведения Руби). Судья разрешил установить телевизионные камеры в зале суда в момент оглашения приговора, и 14 марта 1964 года Руби был признан виновным в совершении преднамеренного убийства. Поскольку присяжные заседатели не вынесли рекомендации о помиловании, он был приговорен к смертной казни Руби трижды пытался покончить с собой Затем он томился в камере местной тюрьмы до октября 1966 года, когда апелляция коллегия техасского суда отменила приговор ввиду ряда процессуальных нарушений и назначила новое слушание дела. Но победа Руби оказалась пирровой. В самом начале 1967 года Руби умер от неизлечимого ракового заболевания в Парклендском госпитале.

К великому отчаянию городских властей, мечтавших о том, чтобы внешний мир наконец переключил свое внимание на привлекательные черты «Большого Д.», то и дело на поверхность всплывали все новые гротескные происшествия. Магазин спортивного инвентаря фирмы «Клейн» разгласил данные о том, что обожающие сувениры далласцы заказали 150 винтовок марки «Манлихер-Каркано». Ловкий делец создал фирму «Исторические сувениры» и выпустил в продажу оригинальный письменный прибор стоимостью в три доллара семьдесят пять центов.

Прибор состоял из покрашенной бронзовой краской миниатюрной модели площади, где было совершено убийство, и подставки для шариковой ручки. Не страдавшие чрезмерной чувствительностью даласские служащие раскупали эти письменные приборы.

Марина Освальд жила бурной жизнью. Она получила в общей сложности 70 тысяч долларов в качестве добровольных пожертвований и энергично занялась бизнесом. Дневник ее мужа принес ей 20 тысяч долларов, а снимок, запечатлевший его с винтовкой «Манлихер — Каркано» в руках, — пять тысяч. Затем она попыталась заполучить саму винтовку, выдвинув в качестве основания для своего требования тот факт, что, поскольку Освальда больше нет в живых, винтовка более не может являться вещественным доказательством. Нефтепромышленник из Денвера, пожелавший приобрести это ружье в качестве сувенира, перевел на ее имя задаток в размере 10 тысяч долларов — прибыль, в 499 раз превышающая первоначальные затраты Ли на приобретение винтовки, а затем предъявил судебный иск Катценбаху, требуя передачи ему оружия, поразившего президента. В начале 1966 года федеральный суд без лишних слов отклонил этот иск, и осенью того же года министерство юстиции получило в вечное владение винтовку № С 2766.

Ни Рут Пейн, ни Маргарита Освальд не видели Марину после ноября 1963 года. Маргарита все больше осуждала бывшую невестку. Она узнала из газет, что молодая вдова начала красить волосы, злоупотребляет губной помадой и даже курит. В глазах матери Освальда все это могло оказать дурное влияние на детей ее покойного сына. Однако у Маргариты были и другие, более веские основания для недовольства. Она была возмущена тем, что говорилось об Освальде в докладе комиссии Уоррена.

Мать Освальда заявила: «Они побоялись сказать людям правду»; «Они меня обжулили». По ее словам, комиссия Уоррена, отказавшись выплатить ей гонорар за показания, «вынула у меня изо рта кусок хлеба и лишила меня глотка воды». В действительности она продала за хорошую цену редакции журнала «Эсквайр» письмо Ли и наотрез отказалась даже разговаривать с представителями этого журнала до уплаты ей всей суммы сполна. На вырученные деньги она тут же приобрела двухцветный бьюик, огромную репродукцию картины Вистлера «Мать» в позолоченной раме, которую она повесила в гостиной, золотой амулет в виде миниатюрной статуэтки девы Марии, который она повесила себе на шею. Ее имя по-прежнему фигурировало в телефонном справочнике города Форт-Уорт, и она всегда охотно беседовала с журналистами, хотя телефонных звонков становилось все меньше и меньше.

Во время президентской избирательной кампании 1964 года мать убийцы прочла массу предвыборной литературы, изданной крайне правыми организациями. Однако вряд ли стоило бы придавать этому какое-то особое значение. Книжные киоски по всему штату были безраздельной собственностью годдуотеровских когорт, и их пропагандистские вопли раздавались отовсюду — с полок газетных киосков, дешевых магазинов, из вестибюлей гостиниц. Результаты выборов показали тем не менее крайне невысокую эффективность всей этой шумихи. В Техасе, как и в остальных штатах, кандидат от республиканской партии Голдуотер потерпел сокрушительное поражение. В более сложных условиях протекали выборы в сенат. В феврале вражда между Коннэли и Ярборо вспыхнула с новой силой. Джонсон, обладая авторитетом лидера демократической партии, не смог добиться сколько-нибудь длительного перемирия между враждующими сторонами. Губернатор Коннэли стал тайно поддерживать кандидатуру своего противника — Ярборо, выдвинутую республиканцами. По странной иронии судьбы, убийство Кеннеди серьезно подорвало на выборах шансы единственного последовательного его приверженца в руководстве демократической партией штата.

Уязвимым местом Ярборо было то, что он остался невредим после выстрелов на площади Дили. До той памятной пятницы сенатор, судя по результатам всех опросов населения штата Техас, по популярности оставлял Коннэли далеко позади. Однако во время выборов губернатор уверенно одержал верх над всеми своими соперниками.

Средства, вырученные от продажи билетов на банкет в Остине, назначенный на 22 ноября, не были возвращены (хотя нашелся один человек, потребовавший вернуть ему 100 долларов на том основании, что он остался без обеда), и 350 тысяч долларов были поровну поделены между устраивавшими этот банкет организационными комитетами демократической партии и

местным отделением этой партии. Сенатор Ярборо испытывал большие трудности с финансированием своей предвыборной кампании. 14 сентября возникла нелепая ситуация. В семь часов в Далласе должны были состояться два платных банкета: один — в отеле «Шератон-Даллас» в честь Ярборо и второй — в Торговом центре в честь Коннэли.

Членам демократической партии предоставлялось право выбора. Байрон Скелтон в отчаянии воздел руки к небу и остался дома. Позднее он за это поплатился! вместо него членом национального комитета партии от Техаса был выдвинут ставленник Коннэли. Вопреки советам раздраженный Ярборо отказался войти в сенат, держась за фалды джонсоновского сюртука. Напротив, в предвыборных выступлениях и публикациях он подчеркивал свою верность президенту Кеннеди и 3 ноября с трудом удержался на поверхности.

Но в самом Далласе ему не удалось добиться даже этого. Он потерпел фиаско в далласском округе, потеряв почти 27 тысяч голосов, — наихудший результат за всю его политическую карьеру. Даже потерпевший поражение Голдуотер собрал больше голосов далласских избирателей, чем сенатор Ярборо. Мэр Далласа Эрл Кэйбелл одержал победу над Брюсом Элджером. Однако впереди всех шел Коннэли, получивший вдвое больше голосов, чем все его противники. Здесь явно сказалось влияние далласской «Морнинг ньюс». Губернатор был единственным, кого энергично поддерживал сам Дили. Издателю этой газеты, казалось, можно было ожидать, что пыл твердолобых техасцев поумерится после заката звезды Голдуотера. Но не тут-то было. Их энергия не знала пределов. В масштабах штата их престиж выдержал все невзгоды, вызванные убийством Кеннеди, но у них появился новый «злодей № 1» в лице Эрла Уоррена (в своей литературе они даже писали «верховный суд США» с маленькой буквы или «уорреновский суд»), и как бы ни разглагольствовали политические иллюзионисты из Совета граждан, они не помышляли о том, чтобы изменить свое прежнее мнение о Джоне Кеннеди. Не проходило и дня, чтобы не появлялись новые доказательства вражды, по-прежнему испытываемой ими в отношении президента, убитого на Элм-стрит. На той же неделе, в конце сентября 1964 года, когда комиссия Уоррена опубликовала свой доклад, в витрине книжного магазина на Торговой улице была выставлена книга «Наследие убийства» — труд на 479 страницах, изображавший Кеннеди как предателя и развратника. Когда исполнилась первая годовщина со дня его убийства, на всех улицах деловой части города бойко торговали газетой «Сандерболт», выпускаемой Партией борцов за права штатов. На первой полосе газета выливалась ушат грязи на покойного президента.

29 мая 1965 года, когда исполнилось 48 лет со дня рождения Кеннеди, правое крыло в законодательном собрании Техаса провалило законопроект о присвоении имени Кеннеди техасской школе для умственно неполноценных детей. Депутат этого собрания, брат губернатора Коннэли голосовал против законопроекта, и газета «Техас обсервер» поместила некоторые цитаты из выступлений членов этого законодательного собрания, которые представляли его большинство: «Это политическая игра вокруг имени человека, и к тому же мертвого», «О нем неважного мнения», «Я не хочу понести политический ущерб», «Моим избирателям это пришлось бы не по вкусу» и «Он никогда не был мне по душе». Осенью, через два года после смерти президента, опрос, проведенный Лу Харрисом, показал, что число людей, чтящих память президента Кеннеди, в Далласе было катастрофически малым по сравнению со всей страной. Осенью 1966 года Уильям М. Генри рассказал в газете «Таймс», выходящей в Лос-Анджелесе, о том, как выпущенный Американским информационным агентством волнующий кинофильм о Кеннеди «Стремительные годы, эпические дни», собравший толпы людей в кинотеатрах других городов, «с треском провалился в Далласе».

Зимой 1963/64 года несколько человек, игравших второстепенные роли в событиях, связанных с убийством Кеннеди, скоропостижно скончались или пали жертвами загадочных нападений. Уоррен Рейнольдс, служащий магазина по продаже подержанных автомашин, случайно оказавшийся свидетелем бегства Ли Освальда после того, как он застрелил Типпита, был убит выстрелом из ружья на стоянке у своего магазина вечером 23 января. Убийцу видели, но он так и не был задержан. Полиция арестовала было подозрительного субъекта, но тут же выпустила его на свободу после показаний в его пользу женщины, которая, после того как она сама спустя некоторое время была задержана по обвинению в нарушении общественного порядка, повесилась и тюремной камере в Далласе. Генерал, приветствовавший Кеннеди от

имени военно-воздушных сил на аэродроме в Сан-Антонио, официант, приносивший ему последний завтрак в городе Форт-Уорт, и заведующий отделом рекламы «Морнинг ньюс» — все неожиданно отдали богу душу. Заведующий рекламой, цветущий мужчина сорока пяти лет, отличался завидным здоровьем. Не страдал от болезней и двадцатисемилетний капитан, который был непосредственным начальником лейтенанта Сэма Бэрда во время всей церемонии торжественного прощания с президентом в день похорон у ноябре, всего за два месяца до этого, он прошел очередную военную медицинскую комиссию и его электрокардиограмма была вполне нормальной. Через десять дней после похорон Кеннеди на Арлингтонском кладбище он взял отпуск на один день и, сидя за обедом, вдруг упал замертво. Его сердце не выдержало. Два года спустя смерть пополнила список загадочных жертв еще двумя именами: Эрлина Робертс, домохозяйка Освальда, скончалась от удара, и Билл Уолли, водитель такси, который вез Освальда после покушения, погиб в результате уличной катастрофы.

На следующий день после того, как тело Кеннеди было опущено в могилу на Арлингтонском кладбище, Джонсон пригласил Артура Шлезингера к себе в Овальный кабинет и заявил ему:

— Я хочу прежде всего сказать, что нуждаюсь в вас несравненно больше, чем Джон Кеннеди. Кеннеди и сам обладал знаниями, умением и проницательностью. Я смогу проявлять все эти качества только лишь с вашей помощью. Вы знаете программу действий, меры, необходимые для ее осуществления, вам ясны задачи, вы имеете представление об историческом прошлом нашей страны и о прогрессивном курсе, среди ваших знакомых есть писатели и люди различных профессий. Я получил ваше письмо об — отставке и ценю его как благородный жест, однако я не могу согласиться с тем, чтобы ваша отставка стала реальным фактом.

Шлезингер прервал Джонсона и заметил, что, с его точки зрения, каждый президент должен иметь в качестве ближайших сотрудников своих людей. Джонсон ответил, что считает Шлезингера таким человеком.

— Люди, работавшие со мной до сих пор, — хорошие люди, — сказал он, — однако они классом ниже, чем вы и другие сотрудники Белого дома, Я включу троих или четверых из моих помощников в аппарат Белого дома, но я рассчитываю на то, что все нынешние сотрудники останутся на своих местах.

Он сказал, что просит их поработать с ним хотя бы еще один год. Он был уверен, что к тому времени сумеет завоевать их лояльность.

Вернувшись к себе в восточное крыло, Шлезингер записал эту беседу и добавил:

«Он говорил просто, с достоинством и явной убежденностью. Я несколько растерян и не знаю, что делать. Я уверен, что мне не следует здесь оставаться, но теперь мне ясно, что уход не будет таким простым делом, как это казалось».

Интуиция Шлезингера оказалась верной: союз между Джонсоном и людьми Кеннеди не мог долго длиться. Джонсон должен был стать самостоятельным. В то же время нельзя было не отдать должного и инстинктивному чутью нового президента. Какие бы восторженные похвалы ни расточали дружественные газеты в его адрес, факт оставался фактом: он мог стать подлинным руководителем государства лишь после избрания его на пост президента. Тем временем он должен был максимально использовать то обстоятельство, что три года назад сам Кеннеди избрал его в качестве кандидата в вице-президенты, и подкрепить его, создав впечатление у американцев, будто все ближайшие сподвижники покойного президента всегда считали его самым способным деятелем в стране после Кеннеди.

Пошла уже вторая неделя пребывания Джонсона на посту президента, когда он пригласил министра юстиции Роберта Кеннеди для беседы. Джонсон начал с недоразумений, возникших в связи с его присутствием в кабинете Кеннеди 23 ноября в субботу утром и обстоятельствами вылета президентского самолета из Далласа 22 ноября в пятницу вечером. Он повторил еще раз, что перешел в Белый дом по настоянию Раска и Макнамары, что, кстати, соответствовало действительности. Касательно аэродрома он продолжал утверждать, что «самолет вылетел, как

только приехала Джекки», что не соответствовало фактам.

— Люди, которые вас окружают, — продолжал он, — наговаривают на меня. Я со своей стороны никогда не разрешу людям, которые окружают меня, разводить сплетни про ваших людей, и прошу вас не допускать, чтобы ваши люди распускали слухи про меня.

Роберт Кеннеди не хотел ни спорить, ни перерекается с президентом. Их отношения зашли в тупик. Беседа длилась около пяти минут, и, если не считать нескольких официальных встреч и обмена поздравительными телеграммами на рождество, это был в конечном счете единственный между ними разговор в ту зиму.

В начале декабря помощник президента по связи с прессой Пьер Сэлинджер объявил, что он, Тед Соренсен, Кен О'Доннел и Лэрри О'Брайен будут оставаться на своих постах до тех пор, пока они будут нужны. Заявление было пустым жестом. Никто из сотрудников в западном крыле Белого дома не рассчитывал, что медовый месяц окажется затяжным, и они оказались правы. Первым ушел Соренсен, покинувший свой пост 16 января 1964 года. Двумя днями позже Джерри Визнер, специальный помощник Кеннеди по вопросам науки и техники, вернулся к преподавательской деятельности. Шлезингер настоял на своем и покинул Белый дом в установленный им срок — 29 января. Тед Рирдон, помощник президента по кабинету министров, распрощался с Джонсоном 5 февраля. Не прошло и месяца, как сам Сэлинджер пожал руку Джонсону и вступил в борьбу за место в сенате. Вместе с ним в Калифорнию уехал второй помощник по печати Энди Хэтчер. Годфри Макхью, бригадный генерал, адъютант президента по ВВС, прервал свою службу в авиации и подал в отставку. Адъютант президента по ВМС Тэз Шепард перешел на службу в военный флот, а Ральф Данген, помощник Кеннеди, был назначен послом в Чили.

Линдон Джонсон удержал при себе на время избирательной кампании наиболее известных соратников Кеннеди: Шривера, Банди и руководителей «мафии». Помощь Шривера и ирландцев была совершенно неоценимой, так как она позволяла сохранять видимость единства. Конечно, шурин Кеннеди правил в своем королевстве: он не был сотрудником Белого дома. В отличие от него Кен О'Доннел и Лэрри О'Браен были помощниками президента, хотя поведение Кена во время полета из Техаса в Вашингтон едва ли оставляло у кого-нибудь сомнение в том, что он задержится в Белом доме всего лишь несколько дней. Его решение продолжать свою работу при Джонсоне изумило почти всех, в том числе и самого президента, хотя тот и не показывал вида.

19 июня Тед Кеннеди был тяжело ранен во время авиационной катастрофы.

Всю избирательную кампанию от его имени провела его жена Джоан. Ей надо было только хорошо выглядеть, и этого было вполне достаточно. В том году даже святой Патрик не мог бы победить члена семьи Кеннеди на выборах в штате Массачусетс. Республиканцы сопротивлялись только для видимости, и Тед был переизбран потрясающим большинством. Сэлинджер провалился, но зато два брата покойного президента образовали в Капитолии ядро своеобразного «правительства в эмиграции».

Джонсон, выступавший на президентских выборах в ноябре 1964 года против самого неудачного кандидата от республиканской партии, какого только можно было себе представить, — Барри Голдуотера, — одержал наиболее внушительную победу, выиграв самое большое число голосов рядовых избирателей (61,3 процента) за всю историю Соединенных Штатов.

В ночь на третье ноября 1964 года мечтам ультра о власти был нанесен сокрушительный удар. Джонсон истолковал результаты выборов как выражение доверия к нему лично. Его президентство вступило в совершенно новую фазу, или, говоря словами одного из его помощников, начался «совершенно новый матч». Первым таймом в этом матче была торжественная церемония вступления Джонсона в должность президента. Председателем комиссии по проведению этой церемонии был вашингтонский представитель Торговой палаты города Далласа. Торжества 20 января 1964 года были заранее разрекламированы как представление «в лучшем техасском стиле». Оркестры из Техаса маршировали впереди праздничных колонн по Пенсильвания-авеню. Девизом парада были слова: «Приходите и полюбуйте на нас!» Этому призыву последовало такое множество людей, что на торжественном балу из-за толкучки не оставалось места для танцев. Исключение было сделано

для сияющего президента, выглядевшего так, словно он собирался плясать всю ночь напролет, что, впрочем, он, в сущности, и сделал.

Перемена настроения в Вашингтоне была просто поразительной. Армия ученых мужей из «Айви лиг», оккупировавшая столицу четыре года назад, быстро распалась. Один за другим ее фельдмаршалы и солдаты дезертировали или переходили на службу под другие знамена. Когда-то они были постоянными посетителями в вестибюле западного крыла президентской резиденции. Теперь они принадлежали только истории. Лэрри О'Брайен получил назначение на должность министра почт и связи. Кен О'Доннел попытал счастья на выборах в Массачусетсе и потерпел поражение. Макджорж Банди стал президентом Фонда Форда. Из всех специальных помощников Кеннеди он ушел последним. В кабинете министров продолжал оставаться лишь один человек, близкий покойному, — это Роберт Макнамара. По мере того как тень Вьетнама становилась все больше и приобретала все более кровавый оттенок, вес министра обороны возрастал, пока он не достиг положения человека № 2 в Вашингтоне или, говоря на тexasском жаргоне, лицом «нумеро дое». Как «нумеро уно», так и «нумеро дос» были полны энергии. Однако они правили городом, где у жителей появилась привычка оглядываться через плечо, как бы вглядываясь в тени прошлого. В течение двух веков американская столица цинически воспринимала перемены в правительстве. Но на этот раз все обстояло по-иному.

Выстрел, раздавшийся из окна на шестом этаже склада школьных учебников Роя Трули, повернул назад стрелку часов. Новые люди пришли в Вашингтон в самый разгар «нового курса». Теперь во время прощального обеда на вилле Хиккори Хилл в честь отъезда двух рыцарей «новых рубежей» один из гостей задумчиво сказал:

— А знаете ли, мы, пожалуй, еще слишком молоды для того, чтобы участвовать во встречах старых соратников.

Жаклин Кеннеди не присутствовала на встречах старых соратников в Вашингтоне. Вскоре после убийства мужа она временно поселилась в Нью-Йорке в отеле «Карлайл», а затем на Пятой авеню, близ дома своей сестры и родственников мужа она приобрела за 200 тысяч долларов апартаменты. Ее жизнь вращалась вокруг одних и тех же мест: Манхэттена, Хайяунис-Порта, Палм-Бича и летней резиденции ее матери в Нью-Порте. Жаклин окружал изысканный мир искусства, тяготеющий, на взгляд большинства ее соотечественников, больше к европейской, нежели к американской культуре. Возможно, ее переезд был неизбежен. Она выросла на Восточном побережье и была связана с ним духовно. Если бы на ее пути не встретился молодой сенатор из Массачусетса с глазами, устремленными к далеким звездам, она, вероятно, так и дожила бы до преклонных лет в этом кастовом окружении. Она хорошо знала этот веселый, остроумный мир, мир знаменитостей и патриархата демократической партии. В этом кругу ее воспринимали как обыкновенного человека, а не как музейный экспонат.

Однако не об этом она думала, когда она похоронила своего мужа в Арлингтоне.

Первые годы после замужества она провела в Джорджтауне, и там же она хотела вырастить Кэролайн и Джона. Она не питала никаких иллюзий и понимала, что детство без отца никогда не может быть таким, каким оно было бы при его жизни. Братья и друзья мужа могли оказать на жизнь детей свое мужское влияние и вселить в них оптимизм, а столица Америки с ее историческим прошлым была самым подходящим местом для воспитания дочери и сына президента.

Но Вашингтон не стал для них таким местом и в конце концов вынудил их мать искать успокоения в другом месте. И в этом была повинна легенда о Кеннеди. Во время церемонии похорон никто из людей, близких покойному президенту, не задумывался о том, какое воздействие все это окажет на население страны. Они были слишком заняты и измучены, чтобы размышлять над этим. Сам факт, что миллион людей дежурил на улицах Вашингтона, чтобы отдать последний долг президенту, был для них достаточно ошеломляющим открытием. Однако прошло несколько недель, пока до их сознания дошло, что на каждого прибывшего в Вашингтон приходились сотни других, неотступно следивших в тот понедельник 25 ноября за телевизионными передачами во всех пятидесяти штатах. Потребовалось несколько месяцев для того, чтобы они до конца осознали все значение этого феноменального явления. Паломничество на Арлингтонском кладбище было, конечно, понятным — к туристам было совершенно другое

отношение. Случилось так, что в этот год был исключительно большой наплыв туристов в Вашингтон. В Нью-Йорке открылась всемирная выставка. Целые семьи из различных штатов по пути заезжали в столицу, где в списке обязательных для осмотра достопримечательностей значился особняк на N-стрит.

Целыми полчищами наводняли они улицу и, стоя на другой стороне, глазели на дом, где жили теперь вдова и дети покойного президента. Они бестактно хватили по дороге друзей, навещавших вдову, фотографировали друг друга на ступеньках ее дома или проезжали мимо него в огромных туристских автобусах. Нормальная жизнь стала невозможной. Жаклин Кеннеди принесла свои извинения соседям и бежала вместе с детьми на противоположный берег реки Потомак, где они укрылись от любопытных взоров на заднем дворе усадьбы Этель Кеннеди.

Жаклин попросила командующего гарнизона Форт-Мейер передать ей на память сапоги, притороченные в день похорон к сбруе скакуна главнокомандующего Черного Джека, и его седло. Разумеется, она радовалась всякому признаку того, что мученическая кончина президента никогда не будет забыта. Именно поэтому она проявила такое самообладание в течение целых трех суток после трагедии в Далласе. Но она никогда не думала о том, что благодаря ее мужественному поведению, которое видела вся страна, сама она сохранилась в памяти миллионов. В возрасте тридцати четырех лет она стала национальным институтом. Арчибалд Маклиш сумел в кратких словах описать ее новое положение. Его попросили написать посвящение по случаю открытия нового культурного центра. Вместо этого он прислал пеан, воспевающий «Жаклин Кеннеди, супругу тридцать пятого президента Соединенных Штатов, делившую с ним радости его жизни, полной огня и страсти, скорбный момент его кончины и превратившую самую ужасную трагедию в жизни американского народа за последние сто лет в ярчайшую демонстрацию духовной силы».

Все стремились выразить ей свою признательность. Ее кандидатура была предложена на пост посла США во Франции, она была избрана пожизненным членом Национального географического общества, ее буквально засыпали флагами и знаменами. Один только Джон Маккормак презентовал ей шесть знамен, реявших над столицей в памятные дни ноября. В Раннимиде простые англичане называли свою гостью «ее американское величество». Сенат принял специальную резолюцию, выражавшую восхищение ее действиями. Она стала первой вдовой президента, пользующейся охраной секретной службы. Правительство выделило в ее распоряжение двух секретарей. В этом она крайне нуждалась, так как ежедневно на ее имя в Вашингтон поступали сотни писем, Нэнси Таккermэн и Пэм Турнюр трудились непокладая рук, чтобы ни одно из этих писем не осталось без ответа. Папка с письмами, помеченными как «наиболее трогательные», набухла до размеров энциклопедии. Лишь немногие из писем не были достойны места в этой папке. Одно из таких посланий поступило из Далласа. Комитет бизнесменов, озабоченный хиреющим состоянием торговли Техаса с другими штатами, просил ее подписать заявление, превозносящее далласское гостеприимство. Она передала это письмо Роберту Кеннеди, которому удалось без труда забыть, как он с ним поступил.

Все, что бы она ни делала, сразу же становилось традицией. В день Святого Патрика она возложила кустик трилистников на могилу супруга. Администрация кладбища посадила этот кустик на могильном холме Кеннеди и сразу же получила поток писем с просьбой о ростках для пересадки. В день сорокасемилетия покойного супруга она с детьми пришла на службу в собор Святого Матфея. Это было сплошным повторением событий понедельника 25 ноября. Хор пел военно-морской гимн, а на улице орды туристов запрудили Роу Айленд-авеню. Она даже не могла взять с собой дочь в аптеку, так как на обложках выставленных там иллюстрированных журналов были помещены фотографии Жаклин. Пошлость заголовков была попросту непростительной. «Мужчина в жизни Джеки» {только раскрыв журнал, читатель мог установить, что речь шла о Джоне Ф. Кеннеди), «Мужчина, которого Джеки предпочла другим» (как выяснилось, речь шла об авторе данной книги), «Не слишком ли часто Джеки встречается с Бобби?», «Как Леди Бэрд, сама того не желая, оскорбила Джеки», «Тайна в жизни Джеки», — и так продолжалось из месяца в месяц. Сэлинджер тщетно умолял издателей этой макулатуры умерить свой пыл. Они продолжали наводнять полки книжных магазинов и газетных киосков своей продукцией. Они превосходно понимали, что она не

подаст на них в суд, так как процесс означал бы новый поток рекламы, и без того вызывавшей у нее чувство отвращения. Более ловкие издатели зачастую вели себя просто неподобающим образом. Любое сообщение о ней превращалось в сенсационное известие.

Живя в особняке на N-стрит, Жаклин Кеннеди испытала всю глубину своего горя. Обуревавшие ее мысли не давали ей покоя. Ее терзали многочисленные «если бы». *Если бы* она настояла в тот роковой день *in* закрытой машине, *если бы* она успела быстрее повернуться вправо, *если бы* секретная служба поставила на задней ступеньке не одного, а двух агентов... *если бы... если бы... если бы...* Ломать сейчас себе голову над всеми этими вопросами было бесполезно, но она никак не могла отогнать от себя мучительные мысли. Она дремала по вечерам, а ночью лежала с открытыми глазами, вновь и вновь возвращаясь к одним и тем же мыслям. Она думала о Ли Освальде и надеялась, что все же он был только одним из участников заговора. В этом случае трагедия была бы неотвратимой и она могла бы убедить себя, что в случае промаха на Элм-стрит заговорщики преуспели бы в другом месте. Самой страшной была мысль о том, что это была игра случая, какая-то дикая нелепица, что разница в один-два дюйма здесь и лишняя минута-две там изменили бы весь ход этой истории.

«Я должна была знать, что я слишком много желаю, когда мечтала состариться вместе с ним и вместе с ним видеть, как растут наши дети...»

Жаклин принимала у себя политических соратников мужа и желала его братьям всяческих успехов на выборах, но она не проявляла никакого интереса к президентской избирательной кампании, которая по праву должна была быть кампанией Джона Кеннеди. Хотя она недавно поселилась в Манхэттене и не могла поэтому принять участия в голосовании в Нью-Йорке, она по-прежнему находилась в списках избирателей в Бостоне и при желании могла слетать туда 3 ноября или послать бюллетень по почте. Она не сделала ни того, ни другого и даже не послала поздравительной телеграммы президенту Джонсону. Она навсегда рассталась с миром политики. Ее первые шаги на политическом поприще были рука об руку с молодым сенатором Джоном Кеннеди. Теперь все это безвозвратно прошло. Эстафету приняли его братья. С этого момента читатели газет могли прочесть о ее пребывании на юге США, на Адриатическом побережье, в Риме. Только в тиши безвестности могла залечить она свои раны.

Жаклин Кеннеди и не подозревала, что одежда, в которую она была одета в яркий солнечный день в Далласе, лежит на чердаке здания неподалеку от дома № 3017 по N-стрит. В тот трагический вечер в Бетесде ее близкие поклялись, что с того момента, когда она снимет с себя эту одежду, они сделают все для того, чтобы она никогда ее больше не увидела. Она и в самом деле больше не увидела ее. И все же ее далласский туалет лежит сейчас здесь в одной из длинных коробок из коричневого картона, втиснутых между стропилами.

На первой напасало «12 сентября 1953 года» — день ее свадьбы. В коробке хранится ее свадебный наряд. На другой крупными печатными буквами написано: «Одежда Джекки 22 ноября 1963 года». Внутри аккуратно уложены розовый шерстяной костюм, черная сорочка, туфли на низких каблуках и чулки, завернутые в белое полотенце. Если бы сюда забрел случайный пришелец из мест столь отдаленных, где имя, дата и внешний вид туалета не описывались бесчисленное количество раз и не остались навсегда в его памяти, то он мог бы предположить, что — здесь хранится некогда роскошный туалет, ныне вышедший из моды, и что хозяйка хранит его в память о каких-то приятных событиях.

Однако если бы непрошенный гость присмотрелся поближе, то у него возникло бы недоумение. Ведь даже одежду, хранящуюся как напоминание о минутах счастья, следовало бы отправить в химическую чистку, прежде чем спрятать. Этот костюм никто не чистил. Вся передняя часть жакета и подол юбки покрыты уродливыми пятнами. Кожаная поверхность сумочки и внутренняя подкладка туфель покрыты какой-то бурой пленкой. Подтеки слились в причудливый узор. Но время делало свое дело: ржавые пятна превратились в крупинки.

Эту одежду хранят не из-за сентиментальных воспоминаний. И человек, увидевший все это, поймет, что одежда принадлежала молодой хрупкой женщине, попавшей в какую-то ужасающую катастрофу. И возможно, он задумается над тем, выжила ли она? А быть может, он спросит себя: кто же повинен в случившемся?

